

ОКСАНА СЕРГЕЕВА

РОМАН.

СТАЯН

РОМАН.

СТАЯ

*Хочешь сердце, я сердце отдам, хочешь душу, и душу продам,
Если крови захочешь, то пей, для тебя ничего мне не жаль,
Может быть, я стою на краю, может быть, значит это судьба,
Твой портрет на груди наколю, все, что хочешь ты, все для тебя.
...Я куплю тебе новую жизнь... (с)*

ПРОЛОГ

— Шаур-Шаур... — осуждающе вздохнул Монахов и со звонким щелчком загнал шар в лузу. Взгляд его не отрывался от бильярдного стола. Медленно он обошел кругом и остановился, оценивающе глядя на белые шары, разбросанные по зеленому сукну. Привычно так глянул — с прищуром. Примечая следующие ходы, задумчиво потер гладко выбритый подбородок.

Сегодня Монахов не попросил составить ему компанию как раньше. Лениость движений не могла обмануть Шаурина, он знал, по какой причине его сюда привели. Единственное, в чем был точно уверен: его не убьют именно сегодня. Точно не сегодня. Это было бы слишком просто, иначе уже отправили бы на тот свет.

Смысла открывать сейчас рот и оправдываться не видел. Не для того Монахов его позвал.

Карп, сука... Сильно уж ухмылялся, когда увидел его сейчас во дворе. Монахов всегда держал их с Карповым на расстоянии друг от друга, словно псов на цепи. Но когда-нибудь эти цепи порвутся, и только сам черт знает, кто из них двоих в живых останется.

Еще пара звонких ударов кием. И такая же звонкая тишина в бильярдной, что уже ухо резало, и ее впору было чем-нибудь разорвать. В комнате только несколько широких, низко висящих над столом абажуров, рассеивали яркий свет. Ужасно раздражало, что за чертой желтого круга трудно разглядеть лицо собеседника и приходилось только догадываться о выражении лица. Хотя в эмоциональном состоянии Монахова сейчас трудно обмануться — он в тихой ярости.

Сергей Владимирович точными размеренными движениями то и дело натирал кончик кия мелком, тщательно выбирая очередную позицию. Он всегда играл по правилам, действуя продуманно и с холодной расчетливостью. Начиная с расстановки шаров в пирамиде. И кий всегда собирал сам. Никому не доверял. Деревянная резьба такая хрупкая. Одно неверное движение и все насмарку. Сломается.

Да, Монах любил правила, особенно, установленные им самим. И жестоко наказывал тех, кто их нарушал. Шаурин нарушил. Теперь придется расплатиться.

Недалеко у двери к стене прилипли четыре амбала. Шестерки. Новенькие. Вероятно, из дачных охранников. Хорошо. Если сегодня кто-то и будет считать ему кости, то пусть это будет не Карпов. Шаурин внутренне напрягся, неосознанно готовясь к самообороне, хотя знал, что сопротивляться не будет. Да и не сможет. Эти четыре машины для убийства заламают любого, даже его.

По привычке внутренним взглядом он прошелся по карманам: только пачка сигарет, зажигалка и ключи от машины (ни оружия, ни даже ножа с собой не было). Машинальное действие — выработанная годами привычка в любой ситуации оценить свои силы.

Паранойя, которая останется с ним на всю жизнь.

Может странно, но и страха не чувствовал. Возможно, зря. Но что-то подсказывало, что все не так уж и плохо. Главное, не горячиться.

— А я ведь тебе доверял, — выдавил из себя Монахов. — Чем думал, когда дочь мою...

Такое приятное откровение в столь печальную минуту вызвало у Шаурина немую усмешку. Ни одного слова, только легкая тень на щеке, но иногда молчание красочнее любых слов, а Монахов знал его прекрасно, чтобы догадаться о чувствах. Можно сказать — воспитал. Только вот отцом его назвать Денис никогда бы решился: звучит слишком порядочно. Его родной отец ничего общего с этим человеком не имеет.

Монахов бросал на Шаурина меткие взгляды. Удивительно: стоит, не дернулся даже. Молодец, выдержка, что надо. Так и должно быть. Но ответить должен. А там видно будет... Чтоб неповадно было. Нельзя по-другому. Никак нельзя.

— Ладно. Пора кончать с этим.

Как по команде, эти четверо бросились на Шаурина, сыпля ударами со всех сторон. Все же, организм, настроенный на бой, ответил. Невозможно было сдержать эту машинальную реакцию на агрессию в свою сторону. Но скоро перед глазами все поплыло. Тело запульсировало болью. Болью задышало. Перед глазами замелькали яркие слепящие звездочки, быстро расплывающиеся в радужные пятна.

— Не убейте только, — бросил Монахов и вышел.

Это было последнее, что Шаурин смог осознать трезвым умом. Сознание уплыло. Осталась лишь глухая засасывающая темнота. И боль.

Его выволокли из бильярдной и бросили в подвал.

Сколько был без сознания, определить не мог. И в эту минуту сказать с уверенностью, что пришел в себя, а не находился где-то на небесах, тоже.

Хотя, нет. Если на небесах, то было бы жарко. Ведь его место — в аду.

А здесь и сейчас ужасно холодно. Реальность сузилась до ледяного бетонного пола, что был под ним. Шевелиться даже не пробовал: тело — сплошное месиво.

Раздался лязг замка, а потом пронзительный скрип отрываемой железной двери. Скрежет металла ударил по нервам, вызвав невыносимую головную боль.

— Денис...

От ее голоса он чуть не подскочил.

— Денис... родной...

Она присела рядом с ним на колени. Едва притронулась, и с его окровавленных губ сорвался протяжный стон. Ребра сломаны.

— Юля... спятила... — Силясь и закусывая губы, он кое-как сел, оперевшись на стену. Вымученно выдохнул. Растревожил застывшую боль, — задохнулся от нее, — и теперь все тело запылало огнем. Во рту пересохло.

— Это не я сказала... Попей, — с ходу начала оправдываться. Голос дрожал, говорила негромко, почти шепотом, но слова в тесном мраке эхом отскакивали от стен и били по самым больным местам.

Горлышко бутылки коснулось губ, и Денис сделал пару глотков. Дышать стало гораздо легче. Как она видела в такой темноте — непонятно. Сам он едва мог что-то различить, только почувствовал, как Юля приложила к лицу мокрый бинт, пытаясь стереть кровь. Но он взял ее за руку, останавливая.

— Не надо... иди... хуже будет.

— Куда еще хуже? — возмущенно зашипела она, не обращая внимания на то, насколько сильно он сделал это. Откуда только силы?.. Вырвала ладонь и продолжила промакивать кровь. — Мне он ничего не сделает. И от тебя я все равно не отстану. Я пообещала ему, что не буду с тобой встречаться, но я не говорила, что брошу тебя в таком состоянии. Как я могу? Я у себя, а ты здесь... — Слезы текли по щекам, но она не обращала на них внимания. В темноте он все равно не увидит, а с голосом удавалось совладать более-менее.

— Юля, Юленька... — на выдохе сипло прошептал он. Легко мог представить, с каким сосредоточенным спокойствием она касалась его, вытирая кровь, будто делала что-то обычное.

— Тихо...

— Мне бы покурить...

Руки у нее опустились, и показалось, что она всхлипнула. Или икнула. Точно не разобрал, но она издала какой-то звук.

Нет, заплакала. Тихо так, беззвучно, опустив голову, утыкаясь лицом ему в грудь. И только хрупкие плечи подрагивали, говоря о ее слезах.

— Дурак... какой же ты дурак. Как же я люблю тебя...

— Юленька... — Не обращая внимания на запачканные руки и звенящую боль в теле, он прижал ее голову к себе, зарываясь пальцами в волосы на затылке, собирая их в пригоршни. Желание коснуться ее превозмогало все на свете.

— Я не дам тебе сигареты. Вот поправишься и кури сколько хочешь. А сейчас не дам... — заикаясь говорила она.

Денис, верно, думает, что ей пришлось тайно спуститься в подвал, украсть ключи или что-то подобное. Но это было не так. Ему необязательно знать, что отец сам сказал, где Шаурин. Выбрал самый лучший способ ее наказать, когда положил ей на стол ключи от подвала, вселив уверенность, что она сама во всем виновата. Только она одна во всем виновата. Знал, что придет сюда. Обязательно придет.

Юлька и свет могла зажечь, но боялась. Обостренных чувств хватало, чтобы видеть в темноте, как кошка. Но при свете боялась, что не выдержит увиденного. И так сердце разрывалось.

И Денис тут со своими... сигаретами...

ГЛАВА 1

Действие происходит в одном из городов России.

Школьный звонок. Простой звук, вводящий детский и без того взбудораженный мозг в состояние полнейшей эйфории. Особенно, если этот звонок сообщал об окончании последнего урока.

Трудно представить скорость, с которой собирались дети, если уже через минуту орущая толпа толкающихся младшеклассников высыпала на улицу.

С той же скоростью, румяные и разгоряченные, они неслись к решетчатым воротам, и только вывалившись из них с победными криками, свободно вздыхали, приостанавливались и, разделившись на группки, не так поспешно рассасывались по дворам, скрываясь в подъездах домов, чтобы вскоре снова вырваться на свободу и заняться действительно

важными делами, какие только могли интересовать шести-семилетних мальчишек.

— Денис, ты выйдешь?

— Да! — крикнул мальчик, вбегая в подъезд. — Без меня не ходи! Дождешься?

— Да! — выкрикнул его дружок, вбегая в соседний.

Бабульки, оккупировавшие лавочки, укоризненно качали головой, что ясно должно было означать: «...и куда только родители смотрят...»

Лифт загнали на последний этаж. И дожидаться его не было никаких сил, потому мальчик перестал жать кнопку вызова и взлетел по лестнице на четвертый этаж. С таким же нетерпением он забарабанил в дверь.

— Чего ты так стучишь? — Сестра открыла дверь и Денис, потеснив ее, принялся стягивать рюкзак с плеч.

— Некогда, сейчас переоденусь и на улицу. Меня Ванька со Славиком ждут.

— Подождут. Сначала поешь. Иначе отцу расскажу, получишь.

— Ладно, — согласился он, зная по опыту, что с Таней спорить бесполезно. Для одиннадцатилетней девочки она проявляла поразительную твердость в его воспитании и сдавала отцу, как только подворачивался случай.

Шмыгнув в комнату, Денис забросил рюкзак с учебниками в самый дальний угол и зажмурился, услышав звон стекла. Забыл, что там стояли банки с компотом. Косясь в тот угол, он переоделся. Затем, смиренно пройдя на кухню, уселся за стол. Таня поставила перед ним тарелку теплого борща.

Испытывая удвоенное желание слинять из дома, мальчик, пару раз отхватив кусок белого батона, быстро работая ложкой, съел половину тарелки.

— Ешь нормально, — строго сказала Таня.

— Я наелся, спасибо. — Отодвинув от себя тарелку и хлебнув компота, Денис сорвался с места.

— И шапку надень, а то завтра снова будешь носом шмыгать! — крикнула сестра, убирая тарелку. Но дверь уже звонко захлопнулась, Денис ее не слышал.

В окно Таня видела, как младший брат выбежал из подъезда. Во дворе у карусели крутились его дружки, такие же «с перышком в заднице», как говорил их отец, — ветер дунул и полетели.

Конечно, рассчитывать, что Денис наденет шапку, смешно. Хорошо, что ветровку натянул, а не вылетел во двор в футболке. Хотя день сегодня ясный; небо чистое, а не покрытое осенней серо-молочной пеленой. Желто—багряные краски, вымытые утренним дождиком, еще ярче.

— Пошли, — радостно дал команду Дениска, подбегая к друзьям.

Сегодня у них важное дело. Нужно обшарить недостроенный дом. Ни сторож, ни огромный навесной замок на железных воротах не отпугивали их от заветной цели, а даже раззадоривали, ведь как узнал Славик, сторож постоянно спит в вагончике, а в ограждении есть лазейка. Так как задание предстояло не из легких, мальчишки немного посовещались, обговорили мелкие детали и условные знаки. Вдруг придется убежать. Как бы то ни было, Вовка из параллельного класса хвастался, что он там все обшарил и знает все ходы, и выходы. Уж если Вовка там побывал...

Довольные они побрели по двору, взрывая ботинками ковер из желтых листьев. Завернув за угол дома, они пошли в сторону гаражей — там пролегал кратчайший путь.

Щебень шуршал под ногами, ветер бил в лицо, забираясь за воротник и под курточки.

Все трое смело шли вперед. Они добрались до «замороженной» стройки, покружили около высокого бетонного ограждения. Славик уверенно изучал плиты, ища оставленные товарищами знаки.

— Вот, — сказал он и остановился. — Помогите, — велел он и начал разгребать сваленные у забора доски. Занозы больно впивались в ладонки, но никто не жаловался.

Когда они разгребли все деревяшки, в самом низу показался лаз, попросту подкоп. — Давай за мной, — снова скомандовал Славик и полез. Денис с Ванькой переглянулись и уверенно юркнули следом.

— Т— с-с... — Славка приложил палец к губам.

Они огляделись. Территория местами заросла полынью. То тут, то там валялись ржавые бочки. Так, передвигаясь между бочками почти вприсядку, перебегая от кучи кирпича к сваленным бетонным плитам, мальчишки добрались до дома и шмыгнули в первый открытый подъезд.

Ванька присвистнул, и эхо, прокатившись по лестнице, растворилось на последних недостроенных этажах. Они побежали вверх, сбивая ногами камешки из застывшего цемента. Строительная пыль скрипела под ногами, покрывая ботинки и штаны густым слоем.

Восторг переполнял детские души, когда, ворвавшись в запретное место, они оставляли там свои имена, нетвердо выскребая их на стенах.

Облазив все девять этажей недостроенной десятиэтажки, довольные мальчишки тем же путем отправились домой.

Гаражи эти у Дениса вызывали трепет, почти страх. Но сегодня он был не один, потому бояться нечего. А тогда Колька Шеин зажал его здесь...

Не успел он подумать о своем обидчике, как этот самый Колька нарисовался прямо перед ними, с наглым видом преграждая путь.

— Куда собрались, щеглы? — Колька был старше их и противостоять ему было трудно. — Чего молчим, салаги?

— Никуда, домой, — в один голос отчитались Славик и Ванька и бочком обошли Кольку. Денис же и рта открыть не смог, замороженно глядя в противно ухмыляющееся веснушчатое лицо Шеина.

Сразу вспомнилась последняя встреча с Колькой и унижение, которое он испытал, страх, сковывающий с головы до ног и непонятный, неподвластный ему ужас. Видно Колька чувствовал, что Денис его боится до дрожи в коленях, потому и вел себя так нагло. Тем более у него не было старшего брата, чтобы заступиться, а отцу пожаловаться было стыдно.

Почему Колька его так невзлюбил, почему именно его избрал своей жертвой, мальчик понять не мог.

Нет, Шеин не бил его в прямом смысле. Но толкал, ставил подножки, наблюдал, как мальчуган падает, марает одежду, разбивает колени и сдирает ладони в кровь. С затаенным удовольствием слушал он, как трещат рукава куртки, когда он хватал мальчишку.

Вот и сейчас, Денис, как загнанный кролик безмолвно стоял, ожидая в оцепенении, что же на этот раз учинит Колька.

С неба на щеку упала прозрачная капля. Дождь. Словно проснувшись, отходя от какой-то спячки, Денис, недолго думая, сорвался с места. Развернулся и понесся прочь. Решил, что не позволит над собой издеваться.

Страх придал ему сил, утроив их. Он бежал мимо гаражей, резко втягивая воздух и

задыхаясь. Уже через минуту правый бок закололо. Споткнулся, больно ушиб колено, но, невзирая на боль, вскочил и стремглав помчался дальше, усиленно работая локтями, помогая себе развивать невиданную скорость.

Колька не отставал, но и не догонял пока. Гнал его, заставляя петлять. И все бы ничего, и вроде удалось вырваться, но, повернув очередной раз, Денис в панике остановился. Громкий стук сердца отдавался в ушах, легкие горели огнем, в горле пересохло, сиплое дыхание вырывалось сквозь стиснутые зубы. Носом дышать было невозможно, воздуха не хватало.

Перед ним была глухая стена. Тупик.

Страх уже подкрался сзади, щипая за пятки. А Колька, дыша так же тяжело, как и сам Денис, прерывисто проговорил:

— Ну, что... добежался...

В голове что-то щелкнуло. От страха и обреченности, от бессилия, внутри поднялась невиданная волна злости и гнева. Такая, что стало жарко. Мальчик обернулся, бросил быстрый взгляд на Кольку и схватил обломок кирпича, лежащий у ворот гаража.

— Я убью тебя, сука! – заорал Денис, вкладывая в слова недетскую ярость. Замахнувшись, он бросился на Шеина. На секунду тот опешил, но, быстро сообразив, что мальчик серьезно настроен проломить ему голову, дернул с этого места, забыв о своих намерениях.

— Придунок ненормальный! – выкрикнул он, отбежав подальше.

— Убью... — шипел Денис сквозь зубы, некоторое время гнавшись за Колькой.

Размахнувшись, запустил в него кирпич, и если бы Шеин не увернулся, то тот угодил бы ему в голову.

Когда Кольки и след простыл, Денис остановился. Нагнулся, хватая ртом воздух. К горлу подкатила тошнота, и он сглотнул, пытаясь сбить накатившее ощущение. Постепенно удалось восстановить дыхание, но бок разламывало от боли. Сделав шаг, мальчик с трудом согнул колено. Руки саднили. Кое-как справляясь, задрал штанину, обзрев красовавшийся синяк и кровоточащие ссадины.

Со вздохом он поправил на себе одежду и медленно побрел домой.

Сегодня никакие синяки не могли омрачить его душевного ликования.

ГЛАВА 2

— Пап, ну ты посмотри на него! – возмущенно воскликнула Таня, как только открыла дверь, впуская брата.

Она сразу оценила потрепанный вид мальчишки, быстро и цепко пробежав по его одежде глазами. Весь в пыли, в грязной куртке, с разодранной на колене штаниной, Денис принялся скидывать ботинки, цепляя носком пятку.

Ну до чего же она занудная! Мальчик скривился, чувствуя сильное желание заткнуть уши. Таня говорила тем тоном, который он терпеть не мог: так поучительно, что аж тошно становилось. У других сестры как сестры, нормальные, в мужские дела не лезут, а ей вечно свой нос нужно сунуть, да обязательно отцу пожаловаться. Проныра та еще! Постоянно шарила у него по карманам и в портфеле, проверяла книжки, тетрадки, и дневник. И отцу жаловалась!

— Что там, доня? – Отец выглянул из кухни.

— Явился. Весь грязный, штаны порвал. Все свалки и помойки обшарил? — Она встала рядом, уперев руки в боки.

— Чего пристала, блин?

— Значит — сейчас ремня получит! — сказал Алексей. — Что опять загорелась в попе соломинка? Чего хромаешь?

— Упал. — Упоминание о ремне Дениса совсем не напугало.

Отец мог сколько угодно грозиться и шутить, но никогда детей и пальцем не трогал. У него даже накричать не получалось, голос у него был мягкий, а глаза с искорками веселья. Редкой порядочности и доброты он был человек, может, потому и личного счастья не имел, обо всех думал, кроме себя. И себя во всем винил: что брак от развода не уберег, что детей не сразу забрал от пьющей жены, что пришлось им маленьким уже хлебнуть немного горечи. Но зато сейчас они были вместе. Главное, чтобы дети были счастливы.

— Танюш, посмотри, что у него там? — велел он дочери и снова встал у плиты. В сковородке, шкворча и журча, жарились фирменные отцовские котлеты. Денис еще с порога учуял запах жареного мяса. Таких котлет Славкина мама не умела готовить, да и Ванькина тоже. Даже борщ, который Денис не любил, у отца был в сто раз вкуснее.

Честно говоря, Алексей готовил не хуже женщин, а может и гораздо лучше некоторых. Не было того, чего бы он ни умел, даже булочки и пироги сам пек. Три года службы коком на Морфлоте даром не прошли.

Таня старалась, как можно аккуратнее задрать брючину, но не вышло: брат заохал и скривился, потому что кровь запеклась и присохла к ткани. Отдирать было больно.

— Ничего себе! — прошептала расстроенно сестренка. — Быстро дуй в ванную!

Денис, прихрамывая, поковылял, куда следовало. Жаловаться и хныкать не собирался, боль лишь напоминала о его недавней победе, а ее он забывать не хотел. Хотел всегда помнить. Даже осколок рассыпавшегося кирпича, которым чуть не зарядил Кольке в голову, приберег. Раздевшись, мальчик засунул грязную одежду в корзину для белья и перекинул пораненную ногу в ванну.

— Давай.

Эх, дверь забыл закрыть! Снова эта приставучка ввалилась и давай командовать!

Таня отрегулировала воду и включила душ, собираясь омыть рану на ноге.

— Я сам.

— Давай.

— Сам говорю. Иди, — упрямо проговорил Денис.

На этот раз Таня не стала спорить и ушла, оставив его одного. Хоть кривясь и шипя сквозь стиснутые зубы, но рана была промыта. Из вороха лежащей на стиральной машинке чистой сухой одежды, Денис выбрал свои вещи (не беда, что не глаженные!). А, натянув футболку и джинсы, обшарил запачканную ветровку и, выудив драгоценный осколок, с удовлетворенным вздохом сунул свой трофей в карман.

— Денис, сынок, ужинать пойдём, — заглянул в ванную отец, и мальчонка босыми ногами послушно прошлепал за ним. — Доня, намажь его зеленкой.

— Пап, зеленки нет, — сообщила она перерыв все тюбики и баночки в аптечке.

— Значит — йодом.

Как заправская медсестра, девочка расстелила на столе чистую салфетку, приготовив вату и йод.

— Садись, давай замажем твои боевые ранения.

— Танька, блин, больно. — Не смог сдержаться Денис и заболтал ногой, когда почувствовал острое, почти нестерпимое жжение на свежей ране.

— Что за «Танька»? Таня. Танька за углом на базаре. А это сестра твоя. Чтобы не слышал я от тебя «Танька», — строго сказал отец.

— Ладно, — буркнул мальчик и принялся дуть на ногу. Таня постаралась на славу — пол ноги йодом замазала.

— Танюш, не порежься, — предупредил отец, когда девочка, вернув аптечку на место, взявшись за нож, собралась резать хлеб.

— Нет, папуль, я аккуратно. Ну, рассказывай, где был, — сказала она брату.

Тот взял вилку, голодными глазами глядя на блюдо с макаронами и котлетой. Легкий чесночный запах взбудоражил аппетит. Растопленное сливочное масло и немного чеснока: отец всегда заправлял этим соусом спагетти. Вкуснее не бывает.

— Я сегодня подрался, — несмело сообщил мальчик, после недолгих раздумий.

— Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты не ввязывался в драки! Сегодня коленку разбил, а завтра синяк под глазом будет! Или вообще без зубов останешься!

— А что ждать пока меня отлупят?

— Правильно, сынок, — похвалил отец и сел за стол на свое место, — не надо ждать, пока отлупят. Сам не лезь, но сдачи давай.

— Я и дал, — сказал он, решив смолчать про кирпич.

— Молодец. А с кем дрался-то? — посмеивался Алексей.

— С Колькой, — ответил Денис с полным ртом.

— С Шеиным? — спросила Таня.

— Угу.

— Ну, ты орел!

— С Шеиным? Врешь, поди! — Таня была очень удивлена.

— Ничего я не вру! Вот посмотришь, фиг он ко мне больше подойдет.

— Доня, не задирай его, — мягко одернул Алексей дочку.

— Смотри, пап, снова не доел. Тебе лишь бы носиться как угорелому, а поесть нормально не можешь. Откуда силы только.

Вот снова свою песню запела!

— Танюш, не заставляй, — махнул рукой отец и поднялся, чтобы выключить закипевший на плите чайник. Денис, воодушевленный этими словами, собрался отодвинуть от себя тарелку, но тут отец добавил: — Не хочет, пусть не ест. Вырастит дрищом. И будет его лупить каждый, кому захочется.

Таня захихикала, а Денис насупился и, поджав губы, снова принялся накручивать спагетти на вилку.

— Не будет. Это моя планета, мой город, я тут король, просто этого еще никто не знает.

— Ого! — удивленно воскликнул отец, а Таня застыла с открытым ртом.

— Чего? Пап, вот мне интересно, где он такого понаслушался?

— Никого я не понаслушался, я сам все знаю.

— Уроки не забудь сделать, «король», а то получит твоя «королевская» задница ремня.

— А ты дневник проверь, папуль. У него там одни «тройки».

Услышав про дневник, Денис быстро скрылся в комнате, забыв про больное колено.

Первым делом вытащил из угла портфель, обрадовавшись, что ни одна банка с вишневым компотом не пострадала. Нехотя вывалил на стол учебники и тетради, и даже

открыл дневник, но усидеть на месте, выписывая каракули в прописях, заставить себя не мог.

Денис кружил вокруг яблони, выбирая, с какой стороны лучше подобраться, чтобы залезть на дерево. Раскидистые ветки цеплялись за куртку, но он все равно исхитрился, и, хватаясь за сучья да корявый ствол, полез вверх. Солнечные лучи легко проскальзывали сквозь негустую листву, слепя глаза, когда Денис задирает подбородок вверх, ища, за что бы зацепиться. Ветки захрустели, предательски выдавая, и со стороны дачного домика тут же послышался женский окрик:

— Дениска! Вот чертенок! Ты что делаешь! Слезь сейчас же, не ломай ветки!

Тетя Рая, хоть и любила Дениса до безумия, но и поддаться могла, если надо. Спуску не давала. Как-то получалось у нее так — и баловать, и в строгости держать, — так что слова против не скажешь.

Несмотря на это, не отступая от задуманного, мальчик нашел наиболее устойчивое положение и принялся трясти большую ветку. Крупные желтые яблоки посыпались на землю, усеивая покров из местами пожелтевшей, обесцвеченной осенью, травы.

Не собиравшись он таким образом выразить открытый протест, но отец пообещал, что позволит ему самому собрать яблоки, а это была единственная возможность добраться до урожая, потому что на уровне его роста все сорвано.

Когда, кажется, все, что можно, упало, Денис смело спрыгнул на землю и, не вспомнив даже, что два дня тому назад изнывал от боли в колене. На щеке осталась небольшая царапина, хотя он старательно изворачивался, чтобы уберечь лицо. Раны на нем заживали как на собаке. Так отец говорил. Впрочем, одним только окриком дело и ограничилось. Если бы тетя Рая не была занята блинами, наверняка ему несдобровать. Но, к счастью, никто его за шкуру с дерева не стянул, а отец принес ведро, чтобы собрать яблоки. И чего только Таня их так любила... Кислые они. Жуть. Так, что челюсть сводило от оскомины. Потому не ел он их, а вот Таня уплетала. «Шарлотка» всю осень, пока яблоки дачные не кончались, со стола не пропадала. Смотреть на нее уже не мог, не то что есть.

— Мужики, к столу! — крикнула сестра отца, выставляя на стол тарелку со стопкой румяных блинов. Какие-то особенные они у нее получались. Совсем несладкие, но вкусные. И сама она такая добрая, чуть полноватая с русыми, немного выющимися волосами. Так и хотелось прижаться к ней, обнять крепко. Тепло рядом с ней, уютно.

Денис бросил последнее яблоко в ведро и понесся к столу.

— Руки! — пригрозила тетка и Денис, расставив ладони, имитируя самолет, окружив вековую сосну, для верности сопроводив «полет» многозначительным «з-з-з», остановился у бочки с водой. Сунул туда руки, хотя вода была холодная, пополоскал и упал на деревянную лавку.

Отец занес ведро на веранду и уселся рядом с сыном за длинный узкий стол.

— Спасибо, — сказал Денис, когда Рая поставила перед ним большую чашку чая, но тут же скривился, когда отхлебнув, почувствовал явный привкус чабреца. И зачем нужно в чай толкать разную траву! Он и так вкусный, главное, чтобы с сахаром!

— Чего кривишься? — усмехнулся отец. — Пей, полезно. Зима скоро, нужно укреплять организм.

— Укреплять... — пробубнил мальчик. — Таня тоже укрепляла, а теперь вон дома лежит с больным горлом. Зато на меня все время орала.

— Ох, Деня, и, слава богу, что тебя никакая хворь не берет! Красавец ты мой! — Рая потрепала его по шелковистым волосам и на мгновение прижала горячий детский лоб к своей щеке. — А что с Танюшей, Лёш?

— Горло першило с утра. Потому и велел дома сидеть.

— Правильно. Горло у нее совсем слабое. Чуть что, сразу ангина. И вы сегодня не задерживайтесь. Поезжайте. Я тут сама справлюсь.

— Да, поедem, — задумчиво сказал Алексей, посмотрев на сына.

Денис уплетал блины, сворачивая их трубочкой и макая в липовый мед. Опускал, потом поднимал, некоторое время любясь на янтарную ниточку, стекающую в тарелку и выписывающую замысловатые узоры на глянцевой поверхности. В очередной раз, приготовившись обмакнуть блин в мед, он застыл. На тарелку села оса, по-хозяйски подбираясь к сладости.

Отец и Рая, тихо о чем-то беседовавшие, замолчали, увидев округлившиеся глаза мальчишки.

— Сиди тихо. Не шевелись, сейчас она улетит, — спокойно сказал отец, и Денис послушался, застыв на некоторое время. В оцепенении, наблюдая за неожиданной гостьей. Странно видеть ос в такое время. Обычно в сентябре их уже нет. Видимо, эта какая-то по-особенному везучая...

Сентябрьское солнце уже не жгло. Грело. Смешивало лучи с сонным ветерком, что ерошил волосы мальчугана, изредка сбрасывая отросшую челку на глаза. Дачный участок с каждым днем приобретал все более унылый вид, уже не пестрея цветами и не радуя пышной зеленью. Осень постепенно растворяла краски и обманывала, окрашивая природу то тут, то там охрой, покрывая багряным налетом, и разбрасывая бусины красной рябины. Кто придумал радоваться осени? Воспевать ее в стихах... Что хорошего в том, что природа умирала, небо извергало ледяную воду, а злой ветер пронизывал до костей? А потом зима — белая, бесцветная, хладнокровная...

Наевшись до отвала, Денис соскочил с лавки и убежал за дом, где отец соорудил качели.

— Как он, Леш? Ничего я смотрю, в настроении. Активный такой, что и не поймать. В школе освоился? — спросила Рая, когда мальчик скрылся с глаз.

— Бешеной собаке семь верст не круг, — засмеялся Алексей.

— Ох, что ты! — поддержала Рая, махнув рукой.

— Шучу, конечно, — глянул кругом, ища глазами мальчика. — Не привык еще. За уроки не усадишь. Все еле как, через силу. — На лбу его вырисовались морщинки.

— Ничего, привыкнет, — оптимистичным тоном отозвалась сестра. — Мал еще. Им всем поначалу трудно, привыкли на воле. А тут, понимаешь, за парту усадили, заставляют заниматься непонятно чем, — усмехнулась. Налила брату вторую чашку чая.

— Конечно, выхода-то другого все равно нет, — вздохнул, размешивая сахар, глядя на круговорот из чаинок. — Да и Танюша с него глаз не спускает.

— Танюша золотая. Нашла себе отдушину вот и возится с ним. У меня самой сердце кровью обливается, когда вспоминаю, как ты привез его. Синенького, худого, кожа да кости. Одни глаза на лице, огромные и испуганные.

— Рая не напоминай. — Алексей еще больше нахмурился. — На душе до сих пор камень. Всю жизнь не прощу себе, что вместе с Таней его не забрал.

— Не кори себя, куда бы ты его забрал? Сам на работе все время. Таня хоть побольше, а этого кроху куда? Ему мать нужна, но кто ж знал...

— Кто знал... Все время пытаюсь понять, где ошибся, что не так сделал...

— Сучка она, Алеш! — тут же вскипела Рая. Одно упоминание о бывшей жене Алексея выводило ее из себя. — Просто сучка и все! Ей ни ты, ни дети не нужны! Скучно ей стало, слишком хорошо жила с тобой, уверенно и спокойно.

— Я-то ладно... Дети почему должны страдать? Детям зачем расплачиваться? Танюшу я понимаю, она открыта — что на душе, то и на лице. Если что-то беспокоит, она всегда скажет, так у нас заведено. А Дениску я иногда совсем понять не могу. Я своего ребенка понять не могу! Иногда такое выдает, что диву даешься, а иногда и слова не вытянешь. Что у него в душе творится...

С содроганием Алексей вспоминал события тех дней. И вспоминать не хотел. Только как тут не вспомнить, глядя на детей. От сбивчивых и несмелых слов сына волосы вставали дыбом. Долго не хотел он рассказывать, и отца воспринимая, как очередного материнного хахалы, — злого дядьку, который обязательно накажет. А потом как прорвало, когда понял, что свой он и, перескакивая с одного на другое, все подробности выдал: о загулах материнных, о совокуплениях в пьяном угаре, о том, что накормить забывала, а в холодильнике кроме заплесневелого хлеба ничего не было. Своими, детскими словами, как мог — объяснял. И от таких подробностей тошнило, наизнанку выворачивало. Плохо становилось. Сорвался тогда Алексей, помчался к бывшей жене, хотел высказать все, что он ей думал и даже больше. Никогда на женщин руки не поднимал и не собирался, но из этой хотел всю душу вытрясти. И согрешил бы, если б соседка не остановила. Не задержала. Та самая, что его нашла и про сына рассказала, про те условия, в которых мальчик выживал. Хорошо, что остановила. Пришлось взять себя в руки. Ради детей. Не мараться. Глупостей не наделать. После этого вычеркнули они ее из памяти, даже имени не произносили и слово «мама» в их лексиконе отсутствовало.

— Ой, не могу я Алёша про это говорить спокойно! Не могу! И ты не накручивай себя! Детки у нас хорошие, вырастим, воспитаем. Они для меня, как родные. Меня-то со счетов не нужно сбрасывать.

Своих детей у Раи не было. Муж страдал бесплодием, а она так и не решилась ему изменить. Хотя теперь кляла себя. «Гульнула б раз, зато с ребеночком», — говаривала подруге. И усыновить — не усыновили. А как у Алексея появились, на них она и переключилась. Всю любовь свою нерастраченную выплескивала, всю нежность и ласку.

— Это точно, Рая, воспитаем. Может, я что не так делаю, но Дениса и наказать боюсь. Не могу, понимаешь! Может и нужно построже, пацан растет все-таки, но не могу я. Жалко мне его. Он и так обижен. Замкнется в себе. Сломается. А я своим детям, прежде всего, хочу другом быть. Чтобы не боялись с проблемой прийти, чтобы рассказывали все, делились со мной. Дети родителей не должны бояться. Любить, уважать, — да. Но бояться они не должны.

— Тебе и беспокоиться об этом не нужно. Дети в тебе души не чают. И с младшеньким все наладится. И учиться он хорошо будет, вот посмотришь.

— Твои слова, сестра, да... — возвел глаза к небу.

...Домой они вернулись, когда Таня еще спала. Во всяком случае, как видел Денис, одеяло под которым она спряталась, укрывшись с головой, мерно вздымалось. Отец поставил у кровати картонную коробку и мальчик, по одному, аккуратно и тихо, чтобы не шуметь,

переложил в нее яблоки. Через какое-то время, когда комната уже была пуста, Таня заворочалась. Под одеялом стало душно и жарко, и она высунулась, вдыхая прохладный воздух. Вдохнула раз, потом еще. И села на кровати, оглядываясь.

Яблоки! В комнате стоял любимый аромат. Свежий, не приторный. Перегнувшись, она схватила парочку из коробки и снова юркнула в свой теплый кокон. Не утруждая себя мытьем фрукта, вытерла его о футболку и хрустнула, расплываясь в улыбке.

ГЛАВА 3

Со школой у Дениса и правда наладилось. К пятому классу. Четвертый удалось закончить без единой «тройки», чему больше всех радовалась Таня, нежели сам Денис. К учебе он относился с детским скептицизмом, не желая тратить на это лишних усилий, отказывая себе в удовольствиях, просиживая часами за учебниками и тетрадями.

— Кукла-кукла! – крикнул Вадим.

Вадим Бардин вошел в жизнь Шаурина, когда тот учился в третьем классе. Вошел прочно, сев с ним за одну парту и поселившись в соседнем подъезде, на лице демонстрируя такую же готовность к сумасбродным поступкам, как и сам Денис. Им не пришлось искать общего языка – они говорили на одном. За одним исключением – Вадим был круглым отличником. Потому считал своим долгом помочь другу, а тот и не отказывался. Шустрые, они платили жизни детской смелостью, радуясь каждой маленькой победе, будь то лихо запущенный в небо воздушный змей или очередной гол в ворота соперников на футбольном поле.

На зов из кухни вылетела болонка и тут же принялась залиvisto лаять, пытаясь ухватить мальчишек, висящих на турнике в прихожей, за пятки.

— У меня скоро руки станут как у обезьяны, — задыхаясь, проговорил Денис, раскачиваясь и задирая ноги выше. На этот раз собачонка, высоко подпрыгнув, добралась до цели: ухватила все-таки его за штанину и повисла. Вадик залился смехом, Денис развеселился тоже, при этом, дергая ногой, старался избавиться от рычащей собаки, висевшей на джинсах. Как видно, всем, включая собаку, эта игра доставляла огромное удовольствие.

Внезапно Кукла, так звали домашнего питомца Бардиных, отпустила свою жертву и подбежала к двери. Уселась, виляя хвостиком и гипнотизируя взглядом дверной проем.

— Мама пришла, — сказал Вадим, разжал руки и, спрыгнув, завалился на пол. Денис поступил так же, и когда Елена Дмитриевна зашла в квартиру, глазам ее предстали два распростертых, задыхающихся от смеха, тела.

— Привет, сорванцы, — сказала она с улыбкой. — Снова Куклу злили? – Собачка, услышав свое имя, принялась усиленно тявкать, привлекая внимание хозяйки, вставая на задние лапки.

Не в первый раз заставляла она Дениса у них дома. И даже не десятый. Очень нравился ей этот мальчик, всегда вежливый и спокойный. Жаль, рос без матери, зато отец чудный человек и сестра милая девочка. Со всеми праздниками их поздравляла и с днем рождения. Добрые дети, открытые, славно, что на пути у Вадима встретились, а то боялись они с отцом, что трудно придется мальчику в незнакомом городе, в новой школе, среди чужих детей. Но с помощью Дениса процесс адаптации и привыкания к новым условиям прошел почти безболезненно. Среди дворовых детей Вадим быстро стал «своим».

— Здравсьте, тетя Лен.

— Привет, мам. А ей нравится. Она сама нас на турник загоняет.

— Как же... — донеслось из кухни. — Ну, что, моя лапонька, обижали они тебя?

Расскажи мамочке. Били, обижали, не кормили? — В ответ Кукла начала подвывать.

Отдышавшись, мальчишки решили убраться с прохода, скрывшись в комнате Вадика.

Денис подтянул джинсы, поправил футболку и завалился на кровать друга

— Блин, надо домой идти, — уныло протянул, глядя в потолок.

— Танюха уже два раза звонила. Видно, намерена поскандалить сегодня, — поддержал

Вадик, закидывая руки за голову.

— Еще не придумали средство, чтобы закрыть ей рот. Когда она начинает причитать, у меня уши в трубочку сворачиваются.

— Мальчишки, есть будете? — в комнату заглянула тетя Лена.

— Нет, тетя Лен, спасибо, я домой. — Денис поднялся с кровати, Вадим следом.

— Денюш, может, поешь сначала?

— Нет, я не голоден. Танюха уже звонила, надо идти. — Нехотя нацепил кеды. Уже представлял, что его ждет, и даже предполагал, по какому поводу.

Очень привязался Денис к Бардину, хорошо узнал его семью, став в их доме частым гостем. У Шауриных Вадима тоже приняли с распростертыми объятиями. Их дружба за короткое время стала верной для того возраста, в котором они прибывали. Она постоянно подкреплялась новыми подвигами, оживлялась общими воспоминаниями, доказывалась поступками, подпитывалась планами и идеями.

Услышав скрежет ключей в замке, Таня с воинственным видом вышла из комнаты.

— Ну привет, — недовольно сказала. — Я сколько могу звонить? Ты специально игнорируешь меня?

— Как я могу тебя игнорировать, если пришел домой? — Денис встретил ее тем же тоном, не выражая особой радости.

— Я сказала, что сегодня у нас генеральная уборка, а ты смылся.

— С какой стати я должен убираться? Это твоя работа — вот и убирайся.

— С чего ради это моя работа?

— Как с чего? Ты же у нас главная. А я так... несмышленьш, так, кажется, ты меня назвала, — припомнил ей недавнюю ссору и одно из нелестных высказываний в свой адрес. Достал из холодильника банку с компотом, налил стакан и выпил половину залпом, едва вздохнув. Утер рот, тыльной стороной руки и пошел в комнату, пропуская мимо ушей вопли сестры.

— Если ты даже за собой тарелку и кружку помыть не можешь, то да! Несмышленьш ты и есть!

— Зато у тебя ума хоть отбавляй, — не остался в долгу.

Таня проявила настойчивость и перегородила ему дорогу, встав в дверях.

— Ты совсем оборзел! Я за тобой больше убирать не буду. Приучайся к самостоятельности! А то мы такие умные, а чуть что — Таня! Таня погладь футболку, Таня постирай штаны, Таня налей суп!

— Тебе трудно что ли? Ладно, сам справлюсь. Тебя никто не просит за мной по пятам ходить, сама привязываешься. — Стараясь отодвинуть сестру, он сделал усилие, чтобы протиснуться в комнату, но Таня уперлась в косяк руками и ногами.

— Не пуцу, пока не уберешь за собой.

Отец слушал некоторое время их перепалку, потом показался в проеме гостиной:

— Денис, зайди-ка.

— Чего?

— Зайди-зайди, говорю.

Сын прошаркал в комнату и уселся на диван, уставившись на отца. Тот прикрыл дверь и сел рядом.

— Это что за разговоры?

— Ничего.

— Ты мне прекрати это.

— Пусть она сама научится со мной разговаривать. А то орет вечно. Могла бы попросить нормально. А так как она... фиг помощи дождется. Как только я сказал, что к Вадику пойду, начала верещать, что убираться надо. Вот пусть и убирается сама. Я сказал – пойду, значит, – пойду. Ты ее сначала научи общаться, — недовольно говорил мальчик, скрестив руки на груди.

— Чем больше я молчу, тем больше ты наглеешь, — строго сказал отец, нахмурившись.
— Что совсем взрослый стал?

Денис поджал губы и молча уставился на ковер. Потом перевел безразличный взгляд на экран телевизора, мелькающий кадрами незнакомого фильма.

— Отвечай.

— Да, — ответил сквозь стиснутые зубы.

Отец сразу узнал эту манеру — твердый уставленный в одну точку взгляд, сжатые губы, застывшая поза, — протест против приказов, не угодного ему тона, не такого, по его мнению, к себе отношения... Протестовал против всех и их правил. Свои устанавливал с самого своего рождения. Появился на свет в неположенный срок. Акушерка била его по попке, а он все никак не хотел приветствовать этот мир, оглашая родзал детским криком. И когда уже никто не ждал и не требовал, разорался так, что кафельная плитка на стенах зазвенела. Тогда все охнули и рассмеялись от облегчения...

— Так вот, дорогой, когда человек взрослеет, он становится ответственным и самостоятельным, чего в тебе как раз не наблюдается. Привык на всем готовом. Привык, что Таня для тебя «принеси, да подай». Только ты очень ошибаешься. Ей тоже помощь нужна. Ты почти с нее ростом, а умишка с грецкий орех. Ты должен защищать ее и заботиться о ней. Ты мужчина. Считаешь себя умным и взрослым, никто не против. Вот и докажи это не на словах, а на деле. Доброе слово и кошке приятно, а вы как две собаки друг с другом, не можете разобраться, кому посуду мыть. Я весь день на работе, прихожу, а у нас дома все тарелки грязные, поесть не из чего. Ну, ничего, я вам устрою... — с угрозой в голосе отец поднялся и вышел из комнаты.

Давно Денис не слышал такого тона от отца — строгого и разочарованного. Именно разочарование и заставило его почувствовать острый стыд за свое поведение. Злость и ругань мало действовали, а вот если кто-то сомневался в нем, это как ножом по сердцу.

Через мгновение Денис вздрогнул от звона разбитого стекла. Вскочил с дивана и снова услышал звон.

— Пап, ну не надо, — умоляюще просила Таня, заскочив на кухню. — Да помою я эту чертову посуду.

— Не хотите мыть, — отец вытащил из раковины еще одну тарелку и грохнул об пол, — не мойте.

— Пап, перестань! – крикнул Денис в унисон разбитому стеклу. Голос его почти так же задрезжал от волнения. – Не надо!

Отец остановился и посмотрел на детей. Поочередно смотрел в глаза обоим. Сын и дочь застыли в ожидании, словно решалось что-то гораздо более важное, чем судьба разбитых тарелок.

— Хорошо. Чтобы такой концерт я дома в последний раз видел. Иначе запрю обоих по комнатам, будете на горохе стоять как Золушка.

Когда папа вышел из кухни, дети с облегчением вздохнули и устались на разлетевшиеся по всей кухне осколки. Денис первым потянулся к мусорному ведру.

— Иди отсюда, я сама, — тут же отправила его Таня.

— Ну уж, нет. – Начал тщательно сметать стекло в кучу. Таня понаблюдала некоторое время, потом собрала длинные волосы в тугий хвост и, встав у раковины, открыла кран. Так, в тишине, нарушаемой только шумом воды и шорохом осколков по полу, они делали каждый свое дело. После Денис набрал ведро воды и поставил его посреди кухни. Пополоскал в нем тряпку и начал возюкать по подоконнику.

— Чистота напала на засранца?

Проигнорировав злобный выпад сестры, он сосредоточенно продолжил вытирать пыль, заскользив тряпкой по гладкой поверхности холодильной дверцы.

— Сегодня будем убираться, раз собрались, — заявил он. — Завтра мне некогда, я с Вадяном на дачу к его деду поеду, меня дядь Валера позвал.

— У отца отпросись для начала.

— Отпрошусь, не переживай.

ГЛАВА 4

О весне сложено стихов больше, чем о каком бы то ни было другом времени года. Ни о лете, ни об осени или зиме — о весне...

Она обманщица, такая же, как осень, даже еще хуже. Обещает лето, выдает тепло маленькими порциями, заставляет раздеваться, стягивать раньше времени шапки и скидывать шарфы, а потом одаривает сезонной простудой. Обманщица. Лгунья. Но пахнет-то как приятно! Хорошо пахнет весна... Мокрой землей, дождем, солнцем...

Весна всегда молодая. Как девушка она – противоречивая и переменчивая... легкомысленная...

Прохладный сырой ветер приятно будоражил дух, смело влетая в приоткрытую дверь балкона, взлохмачивая листву, стоявших на подоконнике, пригревшихся под апрельским солнцем, цветов.

Прежде чем выходить на улицу Денис привычно выглянул на балкон. С утра было достаточно тепло, но в эти дни погода стремительно менялась и одного метеопрогноза, чтобы решить, как одеться, было мало.

Под окнами бегали бродяжки. Собака, ютившаяся за гаражами, принесла пятерых щенят. Естественный отбор работал. Всегда и безошибочно. Выживал сильнейший. В этой стае слабый уже определен. И сколько бы Денис ни наблюдал за этой сворой собак, гоняли только одного щенка. И еду у него отбирали, и к себе не подпускали. Не один год собака эта у гаражей жила. Раз в год, а бывало и два, таскала щенков. Они росли, а потом куда-то девались, пропадали, разбегались. Только эта сука, старая и потрепанная, жила там,

оставаясь на своем месте и обновляя потомство. Стая менялась, а законы, по которым жили ее особи – оставались неизменными. Сильнейшие только и выживали...

Денис закрыл балкон и задернул шторы. На кухне разрывался чайник.

— Тань, чайник закипел, — заглянул он к сестре.

Таня отодвинула тетрадь, вложив внутрь закладку. Убрала пару учебников в сторону, освобождая место на письменном столе. Ксюша, подруга, с которой она учила экзамены, потянулась, села на кровати и вздрогнула от хруста костей в плечах.

— Так, я пойду чай налью. Ксюш, с сахаром? Денис будешь?

— Да, с сахаром.

— Нет, я минут через пятнадцать уже уйду. — Он сел за стол и листнул оставленную Таней тетрадь. — Ксюш, мозги не вспухли еще?

— Вспухли, Денис. Да так, что уже плакать хочется. Только госы за нас никто не сдаст. А ты все растешь – не по дням, а по часам.

— Да, как в той сказке: чем дальше, тем страшнее.

— Ой, тебе ли жаловаться... девки, наверное, толпами уже бегают.

— Может и бегают. Я, Ксюха, назад не оглядываюсь, только вперед смотрю. — Глянул на нее с едва заметной улыбкой. Потом встал. — Сядь сюда.

Ксюша с довольным лицом вскочила с кровати и села на стул. Денис осторожно убрал ее светлые волосы на одно плечо и стиснул плечи, массируя затекшие мышцы.

— Денис, снова к Ксюшке пристаешь! — Таня принесла две чашки чая, умудрившись захватить еще и вазочку с печеньем.

— Пусть пристаёт, а то их малолетних девок даже пощупать не за что! — засмеялась Ксюша. Ее-то как раз было за что пощупать, если можно так выразиться. К восемнадцати годам девочка отличалась выдающимися формами.

— Так ты ж не даешься.

— Ладно, приступай. Пока я добрая.

— Ксюша, не развращай мне брата.

— Танюш, твой брат сам кого хочешь развратит! — Ксюша снова засмеялась звонким приятным смехом.

Денис, конечно, не стал распускать руки, но обнял подругу сестры за плечи и прижался щекой к ее лицу. Ксюша зарумянилась.

— А вообще мы с Ксюшкой договорились, если она до двадцати пяти лет замуж не выйдет, я на ней женюсь.

Таня непристойно громко засмеялась. Ксюша кивнула, довольно хмыкнув.

— Ладно, девки, мне пора. Счастливо поучить вам.

— Хлеба купи на обратном пути, — дала наказ Татьяна.

— Куплю. — Посмеиваясь, он вышел из комнаты.

— Ничего себе вымахал. Точно не по дням, а по часам растет, — восторженно проговорила подруга, помешивая чай.

— Ну что ты хочешь, пятнадцать лет уже парню.

Денис выскочил из дома, на ходу застегивая молнию на куртке. Опоздать на факультатив по истории не боялся, школа находилась в пяти минутах от дома. Серое, с виду неприметное строение пряталось среди голубых елей. Как и все здания подобного типа и назначения, оно было окружено решетчатым забором. Только, как водится, с каждой стороны был лаз, чтобы не обходить кругом. К нему-то Денис и направился, не желая

тратить лишней минуты, топя к парадным воротам. Только вот сунуться в самовольно сделанный проем ему на этот раз не удалось, — уже приварили недостающий железный прут. А мальчик не был таким хрупким, чтобы пролезть в столь узкое отверстие. Надо же! Еще с утра он благополучно оказался по ту сторону школьного забора, а после обеда нате вам, сударь, шагайте дальше!

Он и пошагал, как все приличные люди, по тротуару вдоль зеленого ограждения, обходя группы несущихся, никого и ничего не видящих перед собой младшекласников. Вторая смена закончилась. Подошел он к школьным воротам и вошел бы в школьный двор, да разыгравшаяся чуть дальше потасовка привлекла его внимание. В другой раз он мимо бы прошел. Мало ли, дети дерутся. В таком возрасте — обычное дело. И мальчишки тумаками обменивались. И девчонок за косы драли. Другая девочка иногда так по голове портфелем огреет, что мало не покажется. Только вот эта девчушка никак не могла отбиться от настойчивого пристава. И обидчиком ее оказался не кто иной, как Шеин-младший.

Ненавидел эту семейку с самого детства. Трое детей в семье, а все на одно лицо — хитрые злобные... ублюдки, одним словом. Если Колька к пацанам цеплялся, то братец и того хуже — девок задира. Да не просто играючи, а со злостью, ненавистью какой-то, с такой же злорадной ядовитой усмешкой, какую сам Денис на лице его близкого родственничка помнил. И на эту малявку бросался Шеин с видимым удовольствием, за волосы длинные дергал, а она бедняжка крутилась на месте, не зная, что делать — портфель или пакет с вещами держать, или волосы от лица убирать. Ветер на глаза их скидывал, словно подыгрывая этому маленькому извергу. Рванул он ее нешуточно, так, что вскрикнула она отчаянно, портфель выронила, запнулась и упала, всхлипывая.

В считанные секунды Денис пересек расстояние между ними. Чувства, которые тогда в ровно такой же ситуации испытывал, снова всколыхнулись. Ярко все вспомнилось, как перед глазами встало. словно сейчас не эту девчонку незнакому обижали, а его самого. До сих пор в душе тот осадок был и не думал он, что взбаламутиться снова сможет. А тут словно оглушило на несколько секунд.

— Ты что делаешь, маленькая тварь? — рыкнул он на мальчишку. Схватил его за шиворот, да так встряхнул, что кости у того затрещали, и зубы клацнули. И в себя тот не сразу пришел, уставился на Дениса непонимающим взглядом. Потом взгляд на девочку перевел и сглотнул.

А девчонка замерла. И плакать сразу перестала от неожиданности и удивления, от громкого грубого окрика. И сам парень этот высокий, широкоплечий, наверное, в тысячу раз сильнее этого пацана, что ее доставал. Вот и правильно, пусть задаст ему!

И он задал. Отшвырнул задиру в сторону, что тот на пузе проехался по дорожке.

— Пошел отсюда, придурок маленький! Еще раз увижу, задницу надеру, что не сядешь!

— Я брату все расскажу!..

— Давай, расскажи! Передай своему ублюдочному братцу от Шаура привет! — рассмеялся Денис и обратил взгляд на девочку. Она так и стояла на месте не в силах поверить в свое спасение, глядя широко открытыми серыми глазами. — Не бойся, больше он тебя точно не тронет, — Денис хоть и говорил спокойно, но получалось все равно грубо и басовито, голос у него ломался, оттого приобретая характерную резкость. Даже чуть улыбнулся ободряюще.

— Спасибо, — несмело выдавила из себя малявка, затолкала обратно выпавшие из пакета кроссовки и подняла портфель. — Подержи, пожалуйста, — сказала она, всучила ему

свои вещи и поправила на себе одежду. Потом вытащила из кармашка портфеля резинку и завязала русые волосы в хвост.

— Боишься? – спросил Денис, увидев, как опасно она поглядывала в сторону, где скрылся обидчик, не решаясь сделать шаг.

Не хотела уходить она с этого места, чувствуя себя в безопасности, пока рядом так неожиданно появившийся спаситель.

— Да.

— Далеко живешь?

— Не очень. Там, — она указала рукой в противоположную от дома Дениса сторону. — В одиннадцатом доме.

— Пошли, провожу.

Она лишь кивнула. Шли они молча. Только изредка Денис ловил на себе ее взгляд. Удовлетворенный, любопытный, с намеком на улыбку. На вид ей лет семь, может быть, восемь.

Они прошли вдоль дороги по тротуару, окружили один дом и встали у подъезда.

— Меня Юля зовут, — сказала девочка. — А тебя?

— Тебе зачем?

— Просто, — она пожала плечами и замаялась.

— Денис, — он усмехнулся.

— Пока, Денис.

— Пока, Юля.

ГЛАВА 5

— Уходи, — беззвучно шевельнул губами Денис и махнул рукой, взглянув в окно. — Иди.

Отец ушел, не мог долго прощаться. А Татьяна все стояла на платформе, глотая слезы. Всегда поражался чувствительности сестры. Для нее поплакать, как голод утолить или жажду. Легко так слезы у нее катились из глаз, беззвучно. Так и стояла она, улыбалась, изредка вытирая мокрые щеки. Никак не мог привыкнуть к ее новой прическе. Длинную косу обрезала до плеч, челку выстригла и короткие пряди у лица. Волосы у них обоих густые, темные, непослушные. Надоело, говорит, с хвостом ходить. Что толку, длинные волосы носить, если распустить нельзя. А с распущенными не могла ходить, мешали они ей. И глаза ее голубые, теперь, в обрамлении темных волос, еще больше казались, ярче, глубже. А лицо бледнее.

И Денис стоял и смотрел в окно, не двигаясь, не лишая сестру последних мгновений. Два года – не день. В идеале, может через год увидятся, и то пока говорить рано. А так, только два года и ждать им его возвращения. Прикоснулась пальцами к губам, послала ему воздушный поцелуй, и, прошептав: «Люблю тебя», сунула руки в карман легкого плаща и пошла прочь.

И у самого в груди защемило и в глазах, кажется, от слез защипало. Все-таки проникся общим чувством горечи расставания, вдохнул соль пролитых родителями и друзьями слез. Жалко, что Вадим не смог прийти, рвался, но не смог. Хоть накануне и виделись, так хотелось, чтобы в эту минуту он тоже был здесь.

Денис сел на свое место у окна и отвернулся, не видел, как мимо пронесся высокий светловолосый парень. Он почти бежал по перрону и заглядывал в каждое окно.

— Деня! – крикнул Вадим.

— Шаурин, не тебя ищут? – спросил Женя Боголюбов, лежащий на верхней полке.

Денис глянул в окно и увидел промелькнувшую голову друга. Бросился к выходу, но проводница преградила путь:

— Куда? Через минуту отправляемся!

— Я быстро, – пообещал он и выскочил из вагона. Вадим тут же заметил его и, подбежав, стиснул в объятиях.

— Деня, — хлопнул его по щекам, уткнувшись своим лбом в его, — служи, звони, пиши. Главное не теряйся.

— И ты, Вадя, без меня смотри дел не натвори. Приду – разберемся, а чтоб без меня, ни-ни!

— Куда ж я без тебя, один не вывезу, — усмехаясь, согласился друг.

— То-то же. Меня слушай. Слушай меня и все хорошо будет, — приговаривал Денис, хлопая друга по спине.

— Так, солдатик, а ну давай обратно! Быстро в вагон! – окрикнула нетерпеливо проводница.

— За Танюхой присмотри. – Денис отлип от друга и взбежал по ступенькам. – Присмотри за Танюхой, Вадя. Она такая наивная, глупая, блин...

— Присмотрю, — пообещал Вадим.

Когда состав дернулся, вагон огласили крики. Разнесся громогласный ор. Денис некоторое время стоял в тамбуре, слушая, как стучит и скрипит железо, нехотя двигаясь по рельсам. Смотрел в мутное дверное стекло, за которым медленно проплывали высокие дома и мелкие строения родного города.

Проводница улыбнулась:

— Чего пригорюнился? И не заметишь, как два года пролетят.

— Главное, чтоб не в голову.

Женщина посмотрела на него недоуменно, но он только хлопнул дверью, шагнув в вагон.

Обычно призывников отправляли отдельным эшелоном, но не в этот раз. Их толпу определили в «гражданский» вагон. Рядовые пассажиры готовились не сойти с ума. И правильно. Учítывая, что это был обычный плацкартный вагон. И в нем уже царил хаос. Бойцы поделились по интересам, хотя об особом разнообразии трудно говорить, так как единственно привлекательным для них, как ни удивительно, сейчас была водка. Ни проводница, ни сопровождающие их сержант Томилин и капитан Еремеев, не могли удержать их пыл. Да и не пытались. Последние двое даже с удовольствием присоединились к гуляющей компании, бродя от одного столика к другому.

В их «купе» парни также перетасовались как карты в колоде. Боголюбов лежал на своей полке и громогласно декларировал «солдатские записки». С собой у него был блокнотик, унаследованный то ли от старшего брата, то ли от старшего друга. Неизвестно и неважно. Главное, что все в этот момент внимали его зычному голосу, постепенно впадая в уныние. Ничего оптимистичного эти мемуары не навевали, скорее, предупреждали: легко не будет. Денис тоже слушал. Но только вполуха, от этих советов уже голова ломилась. «Явки... пароли...» На месте нужно определяться, а не растопыривать крылья раньше времени. Обломают.

За окном проносились картинки – быстро, яркими фрагментами, так же, как и

воспоминания. Разные они, — и хорошие, и плохие, унылые, веселые... разные... От плохих не избавишься, им просто можно выделить отдельную камеру, закрыв на пожизненное. Но даже у таких есть право на «прогулку».

Точно знал, что призовут; предполагал, когда случится, но, словно как в море котенка закинули. Еще недавно уплетал Танькин пирог с яблоками и корицей, а сейчас сидел в вагоне с настроенными на крайности головорезами. И сам такой. Наверное.

Даже если противиться ностальгии по прошлому, отталкивать от себя ненужную сентиментальность, в такой момент – бесполезно. Прошлое еще дышит в затылок, наступают на пятки, а что-то новое надвигается с фатальной неизбежностью. А ты как волчок, юла, крутишься на месте, то ли отбиваясь, то ли закрываясь... думаешь, к кому лицом повернуться. А выход всего один – к настоящему.

Все вспомнилось. И учеба в техникуме, и школьные друзья, и папины нагоняи, и ссоры с сестрой, и даже девочка, которую когда-то защитил. Юлька, кажется... Милая малявка. Несколько раз сталкивались с ней у гардероба. Всегда спрашивал: «Обижают?» — «Нет», — говорила. А последний раз на парадной линейке видел ее. Она была одной из тех, кто для выпускников вальс танцевал. Придумали им такое поздравление. Подросла она. Нелепо на лице косметика смотрелась, но не умаляла ее красоты и детской неискушенности на лице. Всех девочек накрасили, чтобы они яркими бабочками порхали в танце. Старательно отводил взгляд, но все равно к ней возвращался. Трудно было не реагировать на ее улыбку. Казалось, что только ему она и улыбалась.

А потом пустые несбывшиеся надежды. Потому что Бардин поступил в школу милиции, а он нет. Хотя все экзамены на отлично сдал и спортивную подготовку. Не зря последние годы наматывали они круги на школьном стадионе, прыгали и подтягивались. На секции разные ходили. Куда только ни ходили. И на бокс, и в тир пострелять, и на хоккей тоже. В чем только себя не попробовали за эти годы. Но Вадим поступил, а он нет. Медкомиссию якобы не прошел. Смешно. Он – и комиссию не прошел. От острого разочарования долго не мог оправиться. И планов других не было. Потом взял себя в руки и подал документы в первый попавшийся техникум – автодорожный. Как поступил туда, — без особого желания и полыхавших эмоций, — так и учился. Бегло, спохватываясь только во время сессий, а в другое время разрывался между всякого рода подработками. И вот, едва успев свой диплом в руках подержать, в армию загремел. Зато в элитные войска, как сказали. Потому что физическая подготовка соответствующая и средне-специальное образование есть.

Растолкав парней, хлопнув по плечу Стаса Шаповалова, на сиденье присел не совсем трезвый капитан Еремеев.

— Наливай, боец, выпьем за твоих родителей.

— С удовольствием, товарищ капитан, — отковырял парень.

— К пустой голове, — щелкнул тот Стаса по лбу, — руку не прикладывают.

— Меня поить, только водку тратить, — Денис взял пластиковый стаканчик.

Женя зачитал очередную зарисовку из солдатской жизни, сообщая, что гражданская одежда новобранцев обычно уходит в фонд «дедов».

— Хрена лысого, — кивнул Денис и взял со стола небольшой складной нож, которым парни пилили колбасу. Обрезал джинсы по колено, а потом располосовал вдоль по бедру. Громко освистав его, юноши поддержали такой креатив и сделали то же самое.

Чуть больше, чем через двое суток они добрались до Балашихи и выстроились на плацу. — Это что за папуасы? — усмехнулся замполит, оглядев неровный строй новобранцев.

Постепенно инициативу располосовать джинсы подхватили все призывники. Так что Шаурин и его товарищи, коими они друг другу стали за двое суток, совсем не выделялись на общем фоне.

— Товарищи бойцы! Поздравляю вас с прибытием в нашу элитную доблестную часть! — продолжил приветствие замполит. — Службу вы будете проходить здесь, во внутренних войсках специального назначения! Ура, бойцы!

В ответ послышалось нестройное лишенное оптимизма «Ура». Все взгляды при этом были направлены не на офицера, расхаживающего взад-вперед, а на здание казармы, из многочисленных окон которой выглядывали солдаты, размахивающие ремнями, сцепленными в петлю.

— Это что за хрень? — вполголоса спросил Женька, мысленно листая свой блокнотик. Не помнил, чтобы там хоть слово было сказано про подобный ритуал приветствия.

— Вешайтесь, — ответил Денис. — Это значит: «Вешайтесь, духи».

Рядом стоящий Шаповалов прокашлялся.

Хоть замполит и назвал эту часть элитной, а так, в сущности, и было, правила тут были не совсем соответствующие. После месяца карантина новобранцев как стадо загнали в комнату информирования и отдыха, и пустили по рядам листочек, на котором нужно было поставить свою подпись.

Денис провел рукой по голове, ощущая непривычную прохладу. Никогда в жизни не стригся под машинку и вот... Солдаты, быстро расписываясь, чиркали листок. И до него очередь дошла.

Вот и вся присяга. Никаких вам торжественных клятв и фото на фоне флага родины. Никаких напутственных и приветственных слов. Расписались и добро пожаловать в ряды российской армии. Уже российской. Как видно, раскол в стране шарахнул и по вооруженным силам, так скажем, слегка их «обезоружив».

Так же, быстро и без церемоний, их отправили в учебку. Уже позже выяснилось, что дело это — добровольное. Только им ничего подобного не сообщили, а просто сформировали учебный полк и привезли в расположение части.

Шок. Короткое и самое правильно слово, каким можно было охарактеризовать общее состояние вновь прибывших. Шок испытывали все без исключения. Одно на всех состояние полного разлома. Все, что они знали об армии до этого момента, вся информация, что каждый собрал внутри себя по крупицам, в надежде иметь представление обо всем, — а значит, подготовиться к возможным ситуациям, — рушились. И произошло это в самый первый день, когда в курилке началась драка между «дедами» и «духами». Чтобы затеять мордобой, первым даже не нужно было придумывать существенного повода. Достаточно увидеть перед собой новобранца. Конфликт разгорался мгновенно, из ничего и без разумных объяснений. В курилке было полно народу, но никто не бросился на защиту «молодняка», в том числе и офицеры, зашедшие в самый разгар драки. Со словами: «Воспитывают», они отошли в сторонку, отвернулись и закурили. Денис нервно передернул плечами и попросил у Шипа сигарету, тот подал пачку, и рука его дрогнула.

— Мама, роди меня обратно... — прошептал Боголюбов.

— Дерьмо случается, — проговорил Денис.

Их очередь подвергнуться таким «воспитательным» мерам подошла примерно через неделю. Вся неразлучная троица находилась в бытовке, помещении, где солдаты приводили свою одежду в порядок: гладили, подшивались. Но не только этим славилась эта комната. Бытовка – самое лучшее место для драк, дверь можно было запереть изнутри и устроить хороший мордобой без боязни, что кто-то из офицеров застукает. Не все из них так наплевательски относились к своим служебным обязанностям, как те двое.

Дверь резко распахнулась, и в комнату вошли трое. В их намерениях сомнений не было, потому Денис, стоявший за гладильной доской отставил утюг в сторону и скинул с табурета одежду; Шаповалов, пытавшийся пришить пуговицу, отбросил форму и поднялся со стула; а Женька возившийся с ремнем, выдернул его из шлевок и крепко зажал в руке.

— Че расслабились совсем?! Сюда иди! – с ходу взбеленился один из солдат и уставился на Шаурина.

И тот пошел. Схватил табурет и, размахнувшись, со всей силы ударил его по голове. Парень свалился, конвульсивно дернул ногами и замер. Это произошло так внезапно и неожиданно, что все оцепенели, ошарашено глядя на неподвижную фигуру молодого человека.

— Вы че, суки, думали я за вами дерьмо буду жрать?! – рык Шаурина вывел всех из ступора. Но двое смельчаков растеряли свою решимость. Боголюбов намотал ремень на кулак, шагнув вперед. Стас придвинулся тоже. – Мы вас не трогаем, и вы нас – тоже! Это понятно?!

— Че застыл?! – крикнул парень повыше ростом своему дружку. Тот бросился к лежащему на полу солдату и начал хлестать его по щекам, приговаривая его имя, приводя в чувства. Несостоявшийся противник очухался, поднялся с пола, постоял некоторое время покачиваясь и приходя в себя. Смотрел на всех озлобленным, непонимающим взглядом. Поддерживая под руки, парни вывели его из бытовки.

— Бл*ть, я думал ты убил его, — на выдохе проговорил Шип.

— Такие с одного удара недохнут — не мухи, — мрачно отшутился Шаур.

Расхожее мнение, что армия из парней мужиков делает, имеет вполне жизнеутверждающее право на существование.

Делает – не делает, но то, что ломает, заставляя собираться по кусочкам – это точно. Ломает, выворачивая все внутренности и мозг. Мозг особенно.

Казалось, будто тебе сделали трепанацию черепа, выудили все серое вещество, а потом засунули обратно перепутав правое полушарие с левым.

Каждый солдат признается, что легче наматывать по пятнадцать километров ежедневно в полном обмундировании, чем выдерживать постоянные психологические атаки. Со всех сторон. Страдали все, и выбирались из того дерьма, куда их окунали, тоже все. Только с разным процентом эмоциональных и физических потерь, и изломанной психики. Особенно досталось тем, кого отправили в Чечню, и кому удалось оттуда вернуться. Когда попал в госпиталь после очередной разборки, вдоволь Денис насмотрелся на искалеченных ребят, совсем юных, но с уже изуродованной судьбой. Домой сообщил, что лежал с воспалением легких, которое, кстати говоря, он в госпитале и заработал. Потому «отпуск» у него получился длиннее, чем рассчитывал. И что не полежать, не отдохнуть?.. Вот только

холодно, а тонкие истрепанные одеяла совсем не грели. А кормили отменно, и медсестрички симпатичные уколы делали. Правда уже после второй процедуры желание видеть хоть одну из них отпало и появляться не хотело. Собственный зад, все же, дороже. А три раза в день по два укола антибиотиков – удовольствие не из приятных.

— Эх, Шаурин, прям жаль мне с твоей задницей расставаться, — вздохнула медсестра и безжалостно всадила в вышеупомянутое место иглу с последней дозой лекарства.

— Машка, не доводи до греха, — успел сказать Денис и взвыл, уткнувшись в подушку.

— Что ж народ-то такой нерешительный пошел...

— Какая уж решительность, когда лежишь тут перед тобой с голой жопой.

— И все вам нужно на пальцах объяснять. — Прилепила проспиртованный ватный тампон и прижала его ладонью Дениса. — Растирай.

— Машенька, вот дай только в себя прийти. Я же ни сидеть, ни лежать не могу.

Маша, ухмыльнувшись, вышла, и палата взорвалась от смеха прохлаждающихся на соседних койках парней.

— Шаур, тебе уже прямым текстом говорят, а ты все никак! — хриплым голосом сказал Вуич и закашлялся. Попал он в госпиталь по тем же причинам, что и Шаурин, — молчать не умел, терпеть не собирался. И также схватил простуду. Морозы уже ударили, а приказа переходить на зимнюю форму одежды еще не было. И мало кого это волновало.

— Успеется, Лёня, — Денис стянул книгу с подоконника.

— Как ты можешь читать эту муть? — пропыхтел Лёня, переворачиваясь со спины на бок, скрипя сеткой кровати. Не первый день наблюдал он в руках соседа по палате нетленный труд Адольфа Гитлера с известным названием.

— Сам ты муть. Очень полезная для расширения кругозора вещь. А если не хватает мозгов вникнуть в написанное, то и не начинай. Ее не нужно воспринимать, основываясь на генетической ненависти к фашистам. Это же учебник по психиатрии. Нужно уметь отделять зерна от плевел, — ухмыльнулся Шаурин. Некоторое страницы он перелистывал почти не глядя, а на некоторых останавливался.

— Если ты только не помешан на этой теме...

— Я не помешан на этой теме, — выделил Денис предпоследнее слово, — я помешан на нашей истории. Особенно на временах Отечественной войны. И все, что с этим связано мне интересно.

Неблагодарное это дело — обсуждать данное с Леней или с кем-то другим, пытаюсь разьяснить несформировавшейся личности, как объяснялась сущность некоторых общественных явлений, балансируя на грани абсурда и гениальности. Много было противоречиво, но одно неоспоримо: эмоции – это те единственно верные ниточки, дергая за которые можно управлять людьми.

Это только на первый взгляд все предельно ясно. Представляешь себе армию, как, своего рода, закрытое общество с твердыми правилами поведения и границами дозволенного, с четкой иерархией управления, определенными уставом. И никаких послаблений и увиливаний. Все одинаково постриженные, в однотипной форме. Не тут-то было. Попадаешь в самый котел, а потом не перестаешь удивляться многообразию извращенной человеческой мысли. А мотив только один – выражение своего глубокого внутреннего «я», поиск эмоций, методов воздействия, наряду с основной поставленной задачей, — служить Родине. Физические нагрузки до обмороков, растянутые мышцы и связки как дополнительные методы шлифовки из обычных крепких парней боевых машин с

интригующим названием «солдаты специального назначения». А назначение у них по, сути своей, одно... И так лихо это переплетено. Во внутренней борьбе попавших в одинаковые условия индивидуумов. Кипящая масса с одинаковыми сливающимися лицами. Вот только позже понимаешь, что даже в таком озере есть множество подводных течений. Есть скрытые враги и открыто противостоящие; есть тени, или привидения, на первый взгляд незаметные, передвигающиеся по стенке, но при первом удобном случае готовые подставить, прогнувшись под желающего. И желающих, оказывается, не мало.

Если за полгода в учебке не сдох, то дальше все как по маслу. Остальные полтора года — почти детский сад. Потом командуешь такими же «зелеными», каким пришел когда-то сам и уже точно знаешь, кого лучше обходить стороной, а с кем здороваться за руку. За это время противостояние становится единственной «пищей», с мирской дело обстоит куда хуже. Редкие звонки домой и письма, как шоколад, — сладкие и приятные. Не для всех, правда. Иные и с катушек готовы слететь после очередных новостей.

— Жэка, ты чего на своих кидаешься? — Денис попытался оттащить Боголюбова, но тот, оттолкнув его, снова бросился на сослуживца, затевая драку. Шаур, не ожидавший такого отпора, отлетел к стене. Но замешкался только на пару секунд. Потом сгреб Женьку и выпнул из казармы. Волоком протащил по коридору и закинул в сушилку.

— Остынь! — закрыл дверь на замок и вытащил ключ. Благо кто-то из нерадивых солдат забыл комнату закрыть, да еще и ключ оставил. — Придурок, блин...

Вернулся и подозвал Стаса Шаповалова:

— Стас, что за дела?

— Письмо получил. Девка его то ли загуляла, то ли замуж собралась. Бесится теперь.

— Одинаково приятно, — нахмурился Денис. — Лёня, пошли с нами. Я этого Терминатора в сушилке пока закрыл.

Вуич хлопнул себя по коленям и встал с кровати.

— Пошли, а то этот адский мистификатор под воздействием высоких чувств все батареи повыдерал, наверное.

— Шаур, смотри, дверь откроем, а он как шарахнет, — подал голос Шип.

— Я потом сам ему шарахну, — с нешуточной угрозой сквозь зубы процедил Денис и повернул ключ в замке. Замер, прислушиваясь. За дверью ни звука.

Когда они вошли, Боголюбов стоял, подперев ладонью стенку, зло глядя на дверь. Как только та распахнулась шире, он рванул в коридор, но юноши закинули его обратно в комнату.

— Да что вам всем надо? — выкрикнул, сжимая кулаки.

— Успокойся, Жэка, — примирительно начал Шаурин, но тот и не думал. — Успокойся! — хлестнул его по щеке. Женька немного сдулся, начав метаться по комнате.

— Маринка... Вот сука... Убью! — снова всполошился, как только с губ сорвалось имя невесты.

— Кого убьешь? — встрял Вуич.

— Его — козла!

— Тебе оно надо? Сядешь потом из-за какого-то гомодрила. Счастья ей и скатертью дорожка. — Денис схватил беснующегося сослуживца за плечи и впечатал в стену. — Посмотри на меня! — снова хлопнул его по щеке ладонью, но уже не так сильно, как в первый. — Девки были, есть и будут! На дембель скоро. Вернешься... красавец... все бабы твои, отбоя не будет. Нашел из-за чего беситься. Еще застрелишься, не дай бог, как

некоторые идиоты.

Широкоплечий, что называется, косая сажень в плечах, Женька был абсолютным блондином с пшеничными волосами и карими глазами.

— А зачем ждать дембеля? – решил выдвинуть рациональное и, как всегда, нестандартное решение Лёня. – Давай его сейчас нахлобучим, попадет в госпиталь, а там Машка его расслабит. Шаур вон назажигался теперь свеженький как огурчик и домой даже не хочет.

Парни дружно заржали, включая Женьку. Только вот веселость его была не совсем искренняя.

— Ладно вам, в порядке я. – Виновник переполоха сполз по стенке и сел на корточки.

Втроем они привели Женьку в чувства. Действительно боялись, что натворит парень дел. Бывали такие случаи: и в самоволку убегали, и стрелялись. Не в их годы службы, но «деды» рассказывали. Сам Денис перед армией все связи оборвал. Ни к чему эти крокодилы слезы и пустые обещания. Два года пройдет, а там видно будет. У каждого своя голова на плечах, и в кулаке — своя воля.

ГЛАВА 6

Дома. Наконец-то.

Денис протискивался сквозь толпу еле двигающихся пассажиров, волокущих за собой неподъемные чемоданы. Не любил подобные места. Терпеть не мог столпотворений, когда вынужден ступать за кем-то след в след, ощущая на затылке чужое дыхание и не имея возможности ускорить шаг. Глядя поверх голов, сонно тянущихся к подземному переходу людей, уже видел темноволосую шевелюру сестры. Татьяна хлопнула в ладоши и даже подпрыгнула на месте, не в силах сдержать нахлынувшую радость. Лицо ее светилось счастливой улыбкой, что не могло не найти в душе отклик. Внутри стало тепло, и по телу прошла волнующая дрожь. Дома...

На вопрос: «Миленький, что приготовить?», не задумываясь, ответил: «Борщ. И пирог с яблоками. Остальное – на ваше усмотрение». Соскучился по домашней еде. Никогда не думал, что настолько, что снится будет. А снилась. Что даже вкус во сне чувствовал и запахи ощущал. Никто так не умел готовить, как отец и Таня. Отец лучше, но Тане об этом знать не обязательно. Просто нет еще в ней столько опыта, не пережила столько, чтобы уметь свою душу вкладывать. Да и не надо ей, наверное, испытать столько, сколько их отцу довелось.

Едва успел скинуть с плеча ремень большой адидасовской сумки, как Таня бросилась на него, вцепившись в плечи. Поцеловала в небритые щеки, звонко чмокнула в губы и снова прижалась к груди.

— Танюша...

— Поверить не могу. Ты как сообщил, когда приезжаешь, так я весь сон потеряла. Ни есть, ни спать не могу. Вадик должен подойти, обещал на вокзал подбежать. Папа с Ниной дома. Ужин готовят, — отчиталась она, предугадывая вопросы.

— Муж где? – вскинул темную бровь.

— А, Боря? – взмахнула рукой. — В командировке. А у меня выходной.

Командировка Таниного мужа порадовала больше, чем то, что сегодня у нее свободный день. Как ни пытался, не мог принять место, куда она устроилась работать.

— У отца что?

Они остановились у центрального входа на вокзал, чтобы не упустить Вадима.

— Ты сильно не удивляйся, — предупреждающе пояснила Таня, — отец с Ниной сошлись и живут вместе.

— У нас, я так понимаю.

— Да.

— Ну, — Денис пожал плечами, — дело житейское. Посмотрим.

— Нина очень хорошая женщина и отец ее очень любит... — бросилась Таня в дальнейшие разъяснения, но брат прервал:

— Ладно—ладно, понял я. Не надо мне всех подробностей.

— Как ты? Расскажи, я так переживала, так волновалась. Столько всего гадкого говорят. Когда сказал, что в больницу попал, мы места себе не находили.

— Нормально все, Танюш. — То и дело оборачивался, среди прохожих ища взглядом друга. — В полном порядке. Просидел два года на КПП, куда уж лучше. А простуду и воспаление легких в армии заработать проще простого. Носились как лошади, разгоряченные все, вспотевшие. Ветерок подул и готово.

— Вот ты мне только не рассказывай, что такое воспаление легких. Знаешь, какой процент смертности?

— Не знаю и знать не хочу.

— Кстати, подругу твою видела.

— Какую из?..

— Веру. Она обещала зайти.

— А, Веру... Верка без царя в голове.

— Почему? Мне показалось, что она нормальная девчонка.

— Девчонка-то она нормальная. Только вот своеобразная немного. Матрешка, — мягко усмехнулся Денис.

Но от Тани не так-то просто отделаться двумя словами. Потому она напористо продолжила:

— В каком смысле.

— В прямом.

— Ну, Денис, скажи, что ты имеешь в виду! Мне же интересно!

— А ты как долго с ней общалась? — Стал подумывать, не достать ли сигарету.

— Минут пятнадцать.

— Пообщалась бы подольше — поняла. — Сбросил сумку на ступеньку и полез в карман. На плечо легла крепкая ладонь.

— По походке видно фрайер, но не фрайер — это точно, — проговорил над ухом густой хорошо знакомый голос.

— Вадя!

С радостным ревом друзья кинулись друг на друга и обнялись. Вадим перехватил руки и приподнял Дениса за талию.

— Ах, ты... бычара!

— Сам-то тоже я смотрю не на диете!

Таня стояла рядом, тихонько вздыхая, с чувством полнейшего спокойствия в сердце, умиротворения и счастья. Два года переживаний и тяжелых дум кончились. И хотя будущее брата пока представлялось смутно, радости от его возвращения это ни капли не умаляло.

Они шли пешком. Надобности в такси или автобусе не было. От вокзала до дома всего пара остановок. Шли тем же путем, что и раньше – не по центральному проспекту, а пересекая трамвайные пути, по небольшим улочкам между домов, дворами.

Два года прошло, а ничего не изменилось. Те же выбоины на асфальте; кое-где на фасадах «сталинских» домов облупившаяся краска; «панельки» — блестящие, лоснящиеся, с признаниями в любви особо романтических поклонников, сдобренными «жирными» сердечками... Верещавшие во дворе детсада дети. Два года... а будто целая жизнь пронеслась. Так хорошо помнил, с каким чувством уходил. И вот вернулся. Другой. Но чувство все то же – волнуемое, немного тревожное... И в родном дворе ничего не изменилось. Клумбы с астрами; низенькие лавочки у песочницы; выкрашенные в зеленый цвет железные качели; вытопанные между деревьев тропинки. Люди любят короткие пути...

Поздоровались со старушками, оккупировавшими лавочки у подъезда. Те ответили и тут же зашумелись, поглядывая в спину. Лифт тащился сверху. Дождались. Таня покусывала губы. Уже видел, что глаза ее повлажнели. Эта гнетуще-волнующая атмосфера и самому стискивала горло.

— Не смей ныть, — коротко сказал ей, нажал кнопку звонка и снял с плеча сумку.

Просить Таню сдерживать слезы – все равно, что просить камень расплакаться. Как только отец прижал сына к груди, Таня скрылась в ванной. Не могла смотреть на это спокойно. Отец что-то говорил, спрашивал, представил Нину, которую Денис не сразу заметил. Его самого чужие объятия как туманом окутали. Потянулись родители Вадима, тетя Рая с мужем, Славка с Ванькой. Вздохнуть не успевал, дергали его, вертели как игрушку, рассматривали как сувенир. Наконец, когда все разбрелись по квартире, оставляя его в покое, чтобы он привел себя в порядок после дороги, Денис зашел в комнату. Бросил на пол сумку. В комнату заглянула тетя Лена.

— Денис, а где Вадик? Я даже и спросить забыла.

— Переоденется и придет. – Вытащил из сумки футболку и джинсы, что привез с собой. Очевидно, что в старое не влезет.

— Сынок, я тут тебе подарочек купила. – Достала из пакета темно-синюю рубашку.

— Спасибо, мама Лена.

— Ты примерь только. Я не знаю, подойдет ли. Я прикинула по Вадиду.

— Раз по Вадиду, то подойдет, — улыбнулся он. Развернул рубашку и чмокнул женщину в щеку.

— Как хорошо, что ты дома.

— Сам не нарадуюсь.

В ванной Денис застал сестру. Она смотрела в зеркало и осторожно, чтобы не размазать тушь, вытирала слезы.

— Чего ты реवेशь?

— Я не такая толстокожая как ты. Сегодня моя сентиментальность зашкаливает. – Вздохнула. – Ладно, приводи себя в порядок и выходи к гостям. – Таня поправила юбку и вышла.

Сбросив форму, Денис встал под душ. За два года забыл, что такое чувствовать на теле горячие струи. В умывальной комнате вода всегда была ледяная. Душ успокоил поднявшееся было волнение, но, потянувшись за полотенцем, своего Денис не обнаружил. Стряхнув капли воды, он ступил на мягкий коврик и крикнул сестру. Через минуту в приоткрытую дверь,

Таня сунула ему большое полотенце.

Когда появился виновник торжества все сели за стол. Пока он был в душе подошли и другие гости. В том числе Вадим и Вера, которая, изловив Дениса в прихожей, беззастенчиво повисла на его крепкой шее. С трудом отцепив ее от себя, Денис провел девушку к столу, который накрыли в большой комнате, потому что кухня не вмещала такое количество народа.

Это только первые полчаса он был в центре внимания, а потом стали обсуждать другие темы, других людей, общие и разные интересы. Дышать стало легче. Не очень ему нравился такой пристальный к себе интерес. Даже по такому поводу.

Денис кивнул Вадиму на балконную дверь и тот поднялся, поняв намек. Застекленная лоджия сейчас напоминала теплицу. Юноша примостил между цветочных горшков пепельницу и достал сигарету из пачки.

— Бросать надо.

— Я вообще-то уже бросил, — сказал Вадим, прикуривая тоже.

— Да? — усмехнулся Денис.

— Да, — кивнул Вадим, выпуская струйку дыма.

— Я так и подумал.

— Да. Потому что полвосьмого, — друг улыбнулся, вспомнив детские шутки.

Посторонний не сможет понять этих непонятных вырванных фраз, но друзья делали это без лишних слов, потому дружно засмеялись.

— Помнишь, как дядя Лёша застукал нас с сигаретами и заставил курить на кухне?

— Еще бы не помнить. Конечно. До сих пор при нем курить не могу, — обернулся и поискал глазами отца. Потом привычно посмотрел в сторону гаражей. «Подруга» детства была на месте. Совсем дряхлая. Знать, скоро помрет. Чуть поодаль под деревом резвились щенки. Крепкие, сытые. Летом прокормиться было проще, чем зимой.

— Водку пить можешь, а курить нет, — ухмыльнулся Бардин.

— Да, водку пить могу, а курить нет. Странное дело, да? — Денис посмотрел на тлеющий кончик сигареты. Дома, почему-то, курить не хотелось.

— Какие планы на жизнь?

— Нормальные. Документы мне сделали. Должны, как говорится, с руками и ногами взять. Степаныч из отпуска выйдет, пойду к нему. — Бросил взгляд через плечо на теткингого мужа. Тот затеял спор с отцом Вадима. Не сошлись два вояки во мнениях. — Говорит, через недельку, примерно.

— Отдыхай, пока есть возможность, приходи в себя, потом как закрутишься, не продохнуть.

— Смалите?

Как только Денис услышал за спиной голос отца, затушил сигарету. Не мог при нем курить. И сам не понимал, но что-то внутри протестовало. Неудобно было. Стыдно, как в детстве. Крепко их с Вадиком отец тогда прищучил. По одиннадцать лет им было.

— Что наговориться не можете? — Алексей обнял парней за плечи.

— Дядь Леш, тебе бы не пить. Нельзя же, — укорил Вадим.

— Можно, пятьдесят грамм коньячку всегда можно. Для сосудов, для семьи... Хватит шептаться пошли за стол.

— Руки помою, — сказал Денис и пошел в ванную. Терпеть не мог, когда от рук сигаретами пахло. В армии не всегда была возможность их помыть, почти никогда. Но

сейчас он дома...

Вера шмыгнула за ним и закрыла дверь на защелку. Обняла за талию и прижалась к спине. Дождалась, пока он развернулся к ней лицом, и проворно задрала на нем футболку, жадными ладонями коснулась горячей кожи.

— Вера, Вера, прекрати, — крепко сжал ее запястья.

Вера тряхнула темноволосой кудрявой головой.

— Соскучилась.

— Это понятно. Не здесь же.

— Почему? — промурлыкала она и поцеловала его в губы, прижалась крепко.

— Потому что, — развернул ее к двери и хлопнул по заду, — гости в доме. Имей совесть, Вера.

— Ты же знаешь, я свою совесть давно уже потеряла.

— Зато я — еще нет.

— Это шутка такая, Василий Степаныч? Если ты пошутил, то неудачно. Неудачно, — рассмеялся невесело. — Скажи, что пошутил. — Ушам своим не верил. Отказывался верить в услышанное. Но взгляд Василия Степановича говорил об обратном, — лишних слов было не нужно. И сам понимал, что такими вещами не шутят. Во всяком случае, не в стиле Степаныча. Но, тем не менее, искал в его глазах поддержки. Надежду искал, что не все так плохо.

— Нет, Денис, — повторил подполковник. — Я хотел бы, но, увы. Обычно о причине отказа не говорят, но тебе говорю. В органы тебе дорога закрыта. Однозначно.

— И что, никак? — глухо спросил Денис. — Срок же условный. Каких-то полтора года... — Для нее — ничтожные полтора года условно, а для него — разрушенные в очередной раз надежды и планы. Разбитые мечты. Рассыпалось все в прах в один миг. В несколько секунд.

— Неважно. Есть статья, близкое родство. Я разговаривал с людьми, пытался найти выходы, но никак. У нас приказ Министерства. Мораторий. Никто не пойдет на такое нарушение. Судимость близкого родственника — это сразу отказ. Условная или нет — никого не волнует. Если бы мать была лишена родительских прав, то что-то можно было попытаться сделать. Допустим, доказать, что тебя воспитывал только отец, а со своей матерью ты не общался. Но она их не лишена. Алексей просто забрал вас и все. Есть документ, в котором говорится, что у твоей матери есть судимость. Все. Факт есть факт.

С каждым словом камень на душе становился все тяжелее, что ни вздохнуть глубоко, ни повернуться. Лицо Дениса потемнело, стало как застывшая маска. Говорить тяжело, только слова сквозь зубы выдавливать.

— Статья?

— Сто сорок четвертая.

— Кража?

— Да.

Степаныч закурил. Предложил Денису, но тот отказался: боялся, что рука будет дрожать. А так, держался еще, вцепившись в подлокотники кресла.

— Я не знал...

— Я сам в шоке. — Дядя Вася пыхнул дымом, загнал сигаретку в уголок рта и потер лоб.

— Да откуда тебе знать? Не представляешь, как я расстроился. Поверить не мог. Думал, может, перепутали что. Ошиблись. Но, нет. Я сам так надеялся... Да что там надеялся, был уверен, что тебя с руками и ногами возьмут. Даже под сомнение не ставил. У тебя такие характеристики отличные и образование есть. Пошел бы потом на вышку, наши по направлениям поступают, их в первую очередь берут. Офицером стал, дослужился бы... — Никто и не сомневался, что он расстроится. Степаныч сам предложил этот вариант, уверенный, что проблем не будет. Будучи в должности замполита он имел кое-какие связи. Но и без них у Дениса были все шансы попасть в ОМОН. После спецназа брали без разговоров. А там, действительно, дослужился бы, поступил в военную академию или школу милиции. Теперь уж точно взяли бы.

— А как давно осудили? — Стало безумно интересно, сколько лет назад его судьба переломилась, а он и понятия об этом не имел. Все мечтал да планировал.

— Зачем тебе?

— Скажи.

— Два с половиной года назад. Почти три.

— У меня слов нет... — проговорил Денис. За его тихими словами скрывался крик. Горло рвало от желания заорать, и кулаки чесались садануть куда-нибудь.

— Ты не раскисай, сынок. Держи себя в руках. — Видел Степаныч, каково племяннику, хоть и неродному, но таковым его никогда не считал. Родной он ему, словно сын. На глазах рос. Видел, как изменилось лицо Дениса, как взгляд колюч и жесток стал. Нелегко парню. Еще жить толком не начал, а уже режут по живому. Понимал его, потому что сам такой же. Вояка. Боец по жизни. И когда связывают по рукам и ногам, и кляп в рот — равносильно смерти. Когда попадаешь в такую зависимость от обстоятельств не по своей воле и вине, а по чьей-то безалаберности... Очень трудно смириться. Да, жизнь на этом не кончается, но она меняется, а у таких людей, как Денис есть определенное призвание. И придется ему забыть про него. И смириться. Только вот смирение — не в его характере.

— Спасибо, Степаныч. Жаль, что время на меня зря потратил.

— За что спасибо? Если бы на пользу. А так... — обреченно махнул рукой.

— Дерьмо случается. Тете Рае привет, не буду тебя отвлекать. — Денис забрал со стола свои документы. Теперь уже просто бумажки. Никому ненужные бумажки. И сам оказался вмиг никому ненужным. Потому смял листки и выбросил в урну на входе в здание.

Добрался до парка, где договорились с Вадимом встретиться. Сел на парапет у круглого фонтана. Солнце грело макушку, а прохладная водная пыль била в спину. А надо бы наоборот — голову остудить. Все еще не мог осознать, что перелом уже наступил. Сознанием овладели беспомощность и опустошение. Надо думать, что делать дальше, но ни одной мысли не было. Как-то все внезапно получилось. Не ожидал, не предвидел такого оборота. Все распланировал, думал, что его жизнь только ему принадлежит. А оказалось вон оно как...

Денис прикурил и уставился на кончик сигареты. Обернулся, лавка, на которой сидели две молодые мамочки с колясками, опустела. Он переместился на нее и откинулся на спинку. На соседней скамейке шумела пацанва. Мальчишки хихикали и посмеялись, обмениваясь вкладышами от жвачек с эротическим содержанием.

Страна, обдуваемая постперестроечными веяниями, стала похожа на дрожащий лист. Шатало и гнуло в разные стороны. Она, как младенец, только появившийся на свет и еще не приспособившийся к жизни. Внезапная свобода опьянила всех. Сначала это эротические

картинки, потом алкоголь, сигареты, героин. Пока родители пытались заработать копейки, чтобы прокормить семью, младшее поколение, предоставленное самому себе, восторгалось яркостью жизни. Старшее – уже погрязло в дремучем бандитизме, а такие как Денис только пытались определиться с жизненной позицией. И вариантов, как оказалось на поверку, не так уж и много. Только те, у кого задница в тепле, делали вид, что все хорошо, отстраненно наблюдая за постепенным расслоением общества и общим упадническим настроением.

Обстоятельства, под которые приходится прогибаться, можно воспринимать относительно свободно, пока они не ставят на колени, заставляя клониться к земле. А когда умирает надежда – особенно больно. Если бы сразу, то легче. Но людям свойственно продлевать эту агонию.

Так и Денис раз за разом прокручивал в голове разговор с дядей. Просчитывал свое «а что, если бы...» Только нервы себе натягивал. И обида в нем росла как раковая опухоль. Он сделал всего пару затяжек и снова уставился на тлеющий комочек пепла на кончике сигареты. Как белка в колесе. Точно. Все бежал и бежал. Время проходило, а он все на месте. Какой-то порочный круг. В который раз одно и то же. В который раз кто-то решил все за него. Хотелось как-то разорвать эту сковывающую цепочку. Разбить хоть одно звено. Сделать что-то, чтобы нарушить тот ритм, в котором жил. Может курить бросить. Засела мысль, что нужно разрушить заведенный порядок, чтобы все пустилось в другое русло.

Вадим подсел к нему, первым делом спросив, как дела.

— Никак, — сдержанно и мрачно ответил Денис.

— А точнее?

— Потому что полвосьмого, — угрюмо пошутил, но добавил: — У матери условный срок есть. Так что кислород мне перекрыли.

— Твою мать... — сокрушенно бросил друг.

— Ее самую, — усмехнулся Денис. – Спасибо ей.

— Ты как? – спросил Вадим, помрачнев.

— Не знаю, — ответил, пожимая плечами.

Сложно было объяснить всю тяжесть, что легла на душу, расплести тот комок эмоций, что на душе змеей свернулся. Жалит и жалит...

— Пойдем, может, водочки попьем? – предложил Вадим, хлопнув лучшего друга по плечу, не придумав ничего лучше как предложить забыться в пьяном угаре.

— Водочки? Пойдем попьем. – Тоже неплохая идея. Как-то же нужно сбросить напряжение.

— Вот красавцы... — сонно проговорила Татьяна, после того как впустила парней в квартиру. Разбудил ее дверной звонок, и она бросилась открывать, в надежде, что муж вернулся из командировки раньше. Была у него такая привычка. Но нет, за дверью топтались брат с другом. Надо сказать, в весьма нетрезвом состоянии. А при ближайшем рассмотрении их физиономий, Таня еще больше удивилась, как им еще удавалось держаться на ногах.

— Тихо, не шуми, — Денис закрыл Тане рот ладонью, как только ввалился в узкую прихожую.

— Ладно, этот. – Она убрала руку брата и толкнула его к стене. — А ты! – грозно посмотрела на второго молодца. – Вадик, у тебя на днях вручение диплома, а ты с

поцарапанной рожей. Рубашку испортил, — подцепила пальцем оторванный нагрудный карман.

— До свадьбы заживет, — с тяжким вздохом ответил тот.

— Сколько лишних слов. Таня-Танечка-Танюша... тащи аптечку, ты же у нас врач, — вмешался Денис.

— Быстро в ванную! Оба! — Она открыла дверь и впихнула туда «гостей».

Вышли они мокрые и взъерошенные, протиснулись на кухню, и упали за стол напротив друг друга. Таня смочила вату перекисью и обработала запекшуюся на лице Вадима ссадину.

— Где шлялись?

— Тебе лучше не знать, — покачал Вадим головой и криво усмехнулся. — Когда твой мультик придет?

— Через неделю примерно. Почему мультик-то? — возмутилась такому определению.

— Видел я его. Мультик он.

— Не говори ерунды! — насупилась Таня.

Денис засмеялся, и, скривившись, тронул разбитую губу. Сосредоточенно уставился на холодильник.

— Есть хочу, — открыл дверцу, изучая содержимое.

— Закрой холодильник и сядь. Лицо обработаю.

— Я сам. Ты лучше поешь чего-нибудь сообрази, — получив в руку стерильный кусок ваты, он приложил его к нижней губе.

— Могу омлет с колбасой пожарить.

— А что-нибудь посущественнее?

— Денис, совесть имей, три часа ночи!

— Таня, давай омлет, — рассудительно сказал Вадим. Взял стоящий на столе графин с водой и приник к нему, не удосужившись налить воды в стакан.

— Ты к дяде Васе ходил?

— Ходил.

— И что? — разбила яйцо в миску.

— Хрена лысого. Гуляй, сказали. У нашей родительницы условный срок имеется за кражу. Так что таким, как я в органах не место.

Второе яйцо размазалось по полу. То ли Таня слишком сильно ножом ударила, то ли скорлупа у него оказалась слишком хрупкая.

— Как?.. — застыла с ножом в руке.

— А вот так, — отчеканил Денис.

Расстроенная Татьяна притихла, обжарила колбасу, взбила яйца. Достала из холодильника зелень, чтобы добавить в омлет. Денис сгреб пучок укропа и выбросил в мусорное ведро.

— Только без этого. Укроп ненавижу.

— Ну что ты делаешь? Вадик любит, я бы вам отдельно пожарила. Ты пьяный невыносимый просто. Сядь уже, не суетись.

— Вадик не любит, — упрямо проговорил брат и ненадолго вышел из кухни.

— Тань, не трогай его. Видишь, невменяемый совсем.

— Вижу. А в драку какого, спрашивается, полезли?

— Не лезли мы. Нарвались на каких-то гопников, раскидали их по сторонам и домой пошли.

— Совсем, вы, Вадя без головы. Себя не бережете. Ни себя, ни нервы родителей.

— Кстати о родителях, — тут же вставил свое слово, появившийся в дверях Денис, — отцу скажешь, что я у тебя, про мордобой ни слова.

— Да уж сообразила бы, — иронично отозвалась сестра и поставила на стол тарелки с пышным румяным омлетом.

— Ты еще будешь нам о безопасности говорить, когда сама в какой-то забегаловке официанткой работаешь.

— А кто деньги зарабатывать будет?

— Муж пусть зарабатывает.

— Он и зарабатывает.

— Да? Что-то не вижу я ни денег, ни мужа.

ГЛАВА 7

— Садись, Денис, а то пока всех дождешься с голоду можно умереть.

Денис, удовлетворенно вздохнув, оторвался от созерцания пасущихся на грядке с клубникой Тани и Бори. Полуденное солнце беспощадно опрокидывало на голый торс огромную дозу ультрафиолета. Грозило спалить заживо. Вняв разуму, уже имея по этой части печальный опыт, Денис скрылся в тени дома, присев на низенькую скамейку. На такой жаре мозг вскипал, мысли плавилась как шоколад. Семья тоже «растеклась» по участку никак не желая собираться за столом. От клубники семью Осиповых никакие блины не могли оторвать; отец с Ниной ушли на речку; а дядя Вася заглянул к соседу. Таня разгуливала по даче в купальнике, тетя Рая сегодня тоже отличилась оригинальностью, надев майку-тельняшку. Получила в безвозмездное пользование от Степаныча. Раздавшись за эти годы в формах, по весовой категории она легко могла составить мужу конкуренцию.

Некоторые вещи с годами не менялись, радуя и вдохновляя своим постоянством. Тетя Раиса относилась к такой категории, — не вещей, но людей. С какой стороны не дул бы ветер, новые заботы и проблемы она встречала с оптимизмом на лице и доброй улыбкой. Глядя в радушное лицо тетки, Денис начинал ей завидовать. Не мог он относиться к жизни с такой легкостью. И переломаться не мог.

— А где моя кружка? — недовольно спросил он. Его непомерного аппетита даже жара сбить не могла. И уговаривать его сесть за стол, долго было не нужно.

— Наверное, Борис взял, когда воду пил, — предположила Раиса.

— Какого... — возмутился.

— Ладно тебе, какая разница, из какой кружки пить?

— Для меня есть разница.

Раиса взяла кружку, стоящую на столбике у теплицы, выплеснула воду и, сполоснув, налила в нее чай.

— Так лучше? — со стуком поставила перед ним кружку.

— Так — просто прелестно. Прелестно, — с легким сарказмом сказал Денис.

— Ну что, Дэн, как дела? — За стол подсел зять. Такое обращение Дениса покорило, но Борис из тех, кто с одного раза не понимал. Печально.

— Как сажа бела, — размыто ответил и сконцентрировался на поедании блинов.

— Кстати, братик, я тут кое-что про тебя узнала... Была в шоке. — Таня принесла салфетки и придавила их тарелкой, чтобы не унес ветер. Щедро сдобрила овощной салат

зеленую и, перемешав, разложила по тарелкам.

— Нормально. Главное, что не в коме, — вздохнул брат.

— Ничего нормального. Говорят, ты с Ольгой Гуревич встречаешься?

— Кто говорит?

— Люди говорят.

— Не думал, что я такая популярная личность, чтобы обо мне шептался весь белый свет.

— Неважно. Так ты действительно с ней встречаешься?

— Тебе же «люди» уже сказали. Или тебе нужно какое-нибудь документальное подтверждение? Поделиться подробностями? — Денис постепенно начал выходить из себя, отвечая резко.

— Но она же мало того, что старше тебя на пять лет, но еще и замужем! — Таня продолжала нарываться на грубость, вторгаясь в личную жизнь брата.

— Ну и что? Мне все равно. Это дело ее совести, а не моей. Или мне теперь прикажешь, в церкви грешки замаливать?

— Денис, ну неужели нельзя найти нормальную девушку?

— То, что происходит, меня устраивает. Не надо лезть в мою постель, без вас разберусь! — терял терпение.

— Правильно, надо брать от жизни все, потом поздно будет, — хохотнул Борис, одобрительно хлопнув Дениса по плечу.

— Она же замужем! — Таня бросила на мужа испепеляющий взгляд.

— Может вам своих детей завести? — Денис отставил кружку и встал из-за стола. — Чтобы было кого воспитывать. Меня-то позновато уже. Оставь свои менторские замашки.

— Таня!.. — одернула Раиса, как только племянница открыла рот, чтобы выдать очередную отповедь. — Денис, пойдем со мной. У меня для твоей дурной силушки как раз работенка имеется. Только перчатки возьми.

Денис без лишних слов захватил перчатки и пошел за теткой.

— Так и хромаешь? — спросил, шагая по тропинке между посадками в сторону калитки.

— Немного. Долго что-то заживает.

— Да, такие раны долго беспокоят.

Рая как-то умудрилась проколоть пятку гвоздем и прихрамывала уже которую неделю.

По пути Денис сорвал пару зрелых ягод клубники. Рая подвела его к смежному с соседским участком забору.

— Давай-ка, повыдергай осот. Все позабывал гад. Ползет от соседа и хоть бы хны, — сама принялась вырывать из земли более безобидные сорняки.

— Спасибо, тетя, удружила.

— Ну, чего ты завелся? — мягко спросила Рая теперь, когда они оказались вне зоны слышимости.

— Достала потому что. С кем я сплю — не ваше дело.

— Давай-давай, пар выпустишь, может легче будет. А вообще — ну ее!.. — махнула рукой, снисходительно скривившись. — Видишь же, она сейчас вся в мечтах, в счастье, хочет, чтоб у всех все было хорошо, потому к тебе и цепляется.

— Пусть воздержится. У нее теперь для этих целей есть объект более привлекательный, а я могу и в ответ дать, причем очень болезненно. — Денис с остервенением избавлял участок от колючего осота.

— Понятно, что тебе сейчас вообще никто не нужен, но уясни одно. — Дождалась, когда

племянник поднимет на нее взгляд. – Таня не отстанет от тебя, потому что ты ее брат. Отец не сможет быть равнодушным, потому что ты его сын. Я, само собой, тоже. Терпи, дружок.

— Рая, я не говорю, что вы мне не нужны, но не надо лезть, куда вас не просят. Я давно перерос тот возраст, чтобы меня за ручку водить.

— Так никто ж не спорит! – воскликнула тетка и ушла наводить порядок в клумбе с лилиями.

Рая как в воду глядела. Вырывая такой противный сорняк как осот, о чем-то другом думать просто невозможно. А если еще сквозь хлопчатобумажные перчатки нет-нет да и ужалит иголка... Терапия – в лучшем виде, как она есть.

Может и не на «отлично», но он справился с заданием. Сел, прислонившись к забору спиной. Ветки соседского вишневого дерева перевешивались через штакетник, образуя тенистый полог. Денис зажевал вишневый листик и вдохнул жаркий свежий воздух. Все-таки тут дышалось легче. Не сравнить со спертым уличным воздухом города. И время текло как-то по-другому – незаметно, тихо, нашептывая на ухо своеобразный мотив.

Прикрыл глаза, услышав, как через время на тропинке прошелестели шаги: отец с Ниной вернулись. Они счастливы. Он знал это. Как и знал, что Таня с Борей тоже безумно счастливы. Только он, Денис, никак не мог почувствовать это счастье. Будто его оно не касалось. Сестра часто называла его толстокожим. Не зря. Не мог он проникнуться атмосферой любви, царившей в семье. Лично ему чего-то не хватало, недоставало. Много больше – его раздражали эти сюсюканья и обнимашечки, хотя, наверное, между влюбленными, это обычное дело. Вот тут, в тени дерева, в тишине, уютно и по-домашнему, спокойно, — ни визгов, ни криков, ни повышенного внимания.

Не мог он улыбаться жизни такой беззаботной улыбкой как Таня. В ответ ему виделся звериный оскал. А разве могло быть по-другому, если отличницы школы, не найдя себя в профессии, занимались проституцией. Сменили имидж строгих девочек на перегидроленных блондинок с вульгарным макияжем, готовых на все тяжкие, главное, чтобы деньги платили. Разве можно без сомнения верить в лучшее, если элита общества – учителя и врачи, — торговали на рынках, гоня челноками. А его семья с каким-то тупизмом жила в своем тесном мирке, не видя дальше своего носа. Но, отрицая реальность — изменить ее нельзя!

И эти дачные посиделки не приносили особой радости. Не пищал он от восторга, собирая клубнику или пропалывая морковь. Старался приспособиться, но заканчивалось все одним и тем же – такой же потасовкой, какая произошла сегодня. Чувствовал себя чужим среди своих. Не потому что они другие, но просто не понимал их. Наверное, два года на грани физических и эмоциональных сил сделали свое дело. После этого все казалось пресным и до кретинизма простым.

Разве можно после всего пережитого... после того как из тебя выбили дух, когда отстраненно, почти бессознательно, чувствуешь, как собственный затылок бьется об асфальт, и твое почти бездыханное тело тащат по плацу, восторгаться большим урожаем клубники в этот год. Или сетовать, что смородину сожрала тля. Невозможно. Мир виделся другими глазами, и изменить это не так легко.

Больше месяца прошло с его увольнения со службы, но он так и не отошел от пережитых эмоций. Внутри все перевернулось. После того как смерть, ухмыляясь, заглядывала в лицо, жизнь поневоле виделась под другим углом. И во всепоглощающее счастье как-то не верилось. Этот короткий период жизни вывернул его наизнанку, вызволив те внутренние

качества, что до этого времени находились в тени, делая его однобоким скучным человеком – таким как все. Но теперь агрессия и беспринципность помогли ему выжить, стали похвальной и неотъемлемой частью души, которую он научился сознательно использовать. И заставить все это убраться снова в тень – не по силам. Невозможно. Потому и манило его, наверное, туда, — где на неведомых дорожках следы невиданных зверей...

Завтра на работу. А там все те же лица. Те же пресные разговоры. Ничего не значащие фразы, глупые идеи. И желания глупые и стремления недалекие. Всякая личность по определению уникальна, так почему же вокруг столько одинаково безликих людей? Он пошел работать в этот автосервис от безысходности, потому что тянуть время не представлялось возможным, а они – потому что хотели. Это две большие разницы. Не было у него богатенького папочки, который прикрывал бы его задницу. Не имелось бездонного кошелька, откуда можно черпать денежки, не считая. Потому – не всегда есть, у таких, как он, право выбора. Почти никогда. А еще чаще – нет его и вовсе. А ему уже опостылело разыгрывать хорошенького и все чаще хотелось послать всех нахер. И тот грозный хаос, — полная неопределенность и неизвестность, — что царили в его душе и жизни, пугали его самого. И выхода не видел, но и безропотным телком по жизни не был. Вот вам и кризис. Странно, что в таком возрасте, — подростковый переходный он уже давно пережил. Но и тот период прошел для него относительно спокойно без ярких бунтарских всплесков и страданий комплексами неполноценности. Зато сейчас начал выдавать, сам себе порой удивляясь.

Поразительно: при таком полном осознании себя и всего вокруг, странно, что не находилось ни капли смирения, чтобы спокойно реагировать на окружающих и их внимание. Возможно, будь их методы посядействовать да посочувствовать спокойнее, и он бы не взрыкивал в ответ, не хамил, и не искал укромного уголка, чтобы скрыться с глаз.

Но родные уверены в своем незыблемом праве на такое бесцеремонное вмешательство в его жизнь, а он считал нормальным ответить соответствующе, не шадя и не заботясь об их обиженных чувствах.

Сколько раз слышал тихие разговоры отца и Нины. И в словах беспокойство, и озабоченность его состоянием, но на душе становилось как-то скользко и неприятно. Сочувствие – это не то, чего бы он хотел, а жалость самое меньшее, на что рассчитывал. Невольное признание его слабаком снова поднимало в душе бунт. Тем плотнее он закрывался, тем глубже прятал свои чувства, тем сильнее хотелось все перевернуть...

Нина женщина хорошая. Невысокого роста, с короткой стрижкой. Внешне приятная, они с отцом даже чем-то схожи. У нее такие же темные волосы и голубые глаза. Она ладно вписалась в их семью, нашла общий язык со всеми. Кроме него. Денис не мог к ней привыкнуть. Его нельзя было приручить вкусной едой или порядком. И без нее в его семье готовить умели, а с такой сестрой как Татьяна, когда все детство с тряпкой в руке, — сам мог чистоту навести получше любой хозяйки.

— Пап, привет!

— Привет, Денис! Ты где? Мы тебя к ужину ждем.

— Не ждите. Я задержусь.

— Опять по девкам? – по-доброму усмехнулся отец.

— Нет. К моему огромному сожалению, — уныло отозвался сын. — Работенка есть. Если поздно закончу, то останусь на работе ночевать, так что не теряй. А ты все беспокоишься, что я по девкам? — листнул автожурнал, без интереса разглядывая иллюстрации.

— Нет, как раз—таки в этом случае я спокоен, а когда у тебя очередная работенка, сам понимаешь...

— Не переживай, все нормально. Чем занимаетесь?

— Я телевизор смотрю, Нина на кухне.

— Молодцы, весело у вас, — беззлобно сыронизировал.

— Стараемся, — ответил отец в том же тоне.

— Таня звонила?

— Звонила, дома уже. Брякни ей.

— Обязательно.

Сестре Денис тоже позвонил, поговорил обо всем и ни о чем, обсудил все волнующие Таню вопросы. А волновало ее много: от мелодрамы, которую посмотрела совсем недавно, до развода подруги. Такой уж неравнодушный она человек. И думала о многом и обязательно поделиться хотела своими мыслями. Денису не приходилось привыкать к этому. Таня всегда была такой, с самого детства. Потому он смиренно выдержал получасовой разговор — не самый длинный из возможных.

Глубоко вздохнув, издав тяжкий стон, вложив в него всю усталость, что испытывал, Денис положил трубку и откинулся на стуле, уставившись в одну точку. Побарабанил пальцами по столу. Через приоткрытую дверь доносился урчащий звук мотора. В бокс загнали машину — очередной «спецзаказ». Иваныч раздавал указания. Хотя работа диагноста не такая уж пыльная, но все равно к концу дня валился с ног. Заказов было валом. В страну хлынул поток иномарок, — незнакомых нашему русскому мужику железных лошадок. Это вам не в «Жигуле» ковыряться и не «Ладу» по болтикам перебрать. А потому, особенно проворные, закупив нужное оборудование и сменив привычную всем табличку «СТО» на красивую «Автосервис», зарабатывали на человеческом незнании деньги, причем, немалые. Честных автослесарей нет, есть те, кто обманывал в открытую, и те, кто делал это аккуратно и безболезненно. Вот и вся разница. Коллеги по цеху не раз подтверждали эту истину. Со своей работой он свыкся, стал находить в ней определенную прелесть. Размеры его любви к делу были прямо пропорциональны заработной плате. Конечно, на одном окладе далеко не уедешь, потому пришлось искать методы сближения с начальником. Плана «Барбаросса» не понадобилось. Всего лишь пара бутылок водки и разговор по душам. У каждого свои пороки, был бы Петр Иванович до баб жадный, пришлось бы Верку подсылать. А так, вспомнили службу в армии и, что характерно, впечатления сорокалетнего Иваныча до сих пор были свежи и мало чем отличались от Денисовых. Подкинул пару идей, обосновал свою позицию, мол, что когда голова на плечах есть, деньги можно делать из воздуха. Если уж в армии, как у Христа за пазухой, то грех на гражданке с хлеба на водку перебиваться. Именно так. Потому что чем хуже жил народ, тем больше пил. А значит — для здоровья полезно свое благосостояние улучшать. Моральный аспект как-то утратил свою актуальность и силу воздействия на гражданскую сознательность. Два дня ушло у «бригадира» на раздумье, а потом он подозвал Дениса к себе. Димка тоже сообразительным оказался, потому и стал его напарником. И как следовало, меньше знаешь — крепче спишь. Вопросов «Зачем?» и «Почему?» не возникало. Главное, что делать. «Кто виноват?» тоже предусмотрительно

отмели.

Вот и сегодня Иваныч довольно потирал руки, предвкушая большой калым. Кто ж против левых денег? Хрустящие бумажки под пальцами – одно из приятнейших тактильных ощущений. И вряд ли кто-то осмелится с этим поспорить.

Пока двигался, силы были. Но как только опустил свой зад на стул, притянуло как магнитом и подняться стало нереально. И сейчас никак не мог заставить себя встать. А надо. Деньги лишними не бывают. Тем более, когда за десять минут можно заработать как за три часа, хоть и устал, и засыпал на ходу. Дело это добровольное, без принуждения, но отказался раз, второй — не позовут.

— Денис! – в проеме засветилась голова Иваныча.

— Иду, Петр Иванович! — подхватился со стула и выскочил в бокс.

— Смотри, — кивнул «бригадир» с улыбкой глядя на машину. – Красавица! Хороша, хороша «немочка»! – Коротконогий толстенький Иваныч забегал вокруг серебристой «Ауди», потирая усы, заглядывая то под капот, то в багажник. А уж под саму машину, будто под юбку симпатичной дамочке.

— Иваныч машины любит больше, чем баб, — засмеялся Дима.

— Бабы... — проворчал «бригадир», выбираясь из смотровой ямы. — Что там бабы? Бабы – это чудо природы, а машина – чудо техники. Есть разница?

— Очевидная, — подтвердил Денис, пребывая под впечатлением после разговора с сестрой. Чудо природы – лучше не скажешь. Иногда простых вещей не замечали, но до какой-то мелочи докапывались, что легко до белого каления доводили.

— Ладно, ребята, работайте, да расходитесь. Деньги завтра.

Система «утром стулья – вечером деньги» в их случае не надувательство и не обман. Петр Иванович свои обязательства выполнял честно, деньгами не обижал, да и сам в накладе точно не оставался.

Дима тоже был сонный и усталый, и справились они не так быстро как рассчитывали.

— Эх, я тоже такую хочу, — вздыхал напарник.

— Проси осторожно, Дима. Мечты сбываются, — заметил Денис, хотя сам не особо в это верил. А эфемерное понятие «мечта» постепенно вытеснилось из его сознания. Впрочем, сегодня и о ней он вспомнил, и мечта эта была не так далека, и несбыточна. Всего лишь – вытянуться на диване и поспать.

Разделив с ним напоследок кружку кофе, Дима ушел домой. Денис, как и предупредил отца, остался ночевать на работе, определившись на одном из двух диванов, стоящих в большой комнате, которая служила и рабочим местом Иваныча, и местом отдыха для работников. Здесь имелось все: телевизор, плед в шкафу, чайник. И всегда колбасы кусок в холодильнике на пару бутербродов. До бутербродов, однако, руки уже не дошли. Переодевшись в чистую одежду, сбросив робу, он улегся и включил телевизор. Вместо сказки на ночь. Убаюкивало намертво. А кофе никогда не мешал заснуть крепко. Денис давно уже понял, что для себя ждать от него тонизирующего действия бесполезно.

Проснулся, сам не понимая от чего, и первое время не мог сориентироваться в пространстве. Понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. А когда осознал, почему лежал в одежде, то и причину пробуждения понял. Из бокса доносились странные звуки.

Тряхнув головой, юноша поднялся и вышел из комнаты. Дверь открывалась прямо в бокс, и остаться незамеченным было невозможно. Как и не увидеть всего происходящего

тоже. Теперь понял, почему звуки, доносившиеся из-за стены, показались странно знакомыми. Ему, за два года привыкшему к такому, сложно было спутать звуки ударов по человеческому телу и натуженные стоны жертвы с чем-то другим. В свое время он насмотрелся на окровавленные рожи, потому избитый мужик, безвольно висящий на тали, скованными цепью руками, не вызвал смущения. Взволновало другое. То, что он стал невольным свидетелем того, чего для собственной безопасности лучше было не видеть.

Яркий свет фар выхватывал из полутемного помещения несколько мужских фигур. Когда один из мужчин бросился на Дениса, он среагировал мгновенно. «Синдром застывшего кролика» выбили из него еще в армии, потому к насилию был готов как физически, так и психологически, и на любую агрессию в свою сторону отвечал сразу. И сейчас не отступил, а перешел в нападение, молниеносно достав из кармана брюк «бабочку». Надо быть полным идиотом, чтобы в такое время держать при себе только сигареты и зажигалку. Перехват. Второй. Полоснул по запястью. Потом по щеке, порезав скулу. Действовал ловко точно, не задумываясь, автоматически, — как дышал. Слава богу, с тактикой ножевого боя знаком не понаслышке. Оттеснил нападавшего к стене, блокируя удары и ограничивая подвижность.

Противник не сразу понял, что в руке Дениса нож. Только когда в нос ударил резкий железистый запах крови, он с удивлением замешкался, попав в собственную ловушку. Сделав захват, Денис приставил к горлу холодное стальное лезвие, прикрывая его предплечьем. Посмотрел на остальных, медленно и тяжело втягивая носом воздух, стараясь контролировать дыхание.

Все произошло буквально в течение нескольких секунд, но и сам удивлялся, почему еще жив. Долго задаваться этим вопросом не пришлось. От небольшой группы наблюдателей отделился один и шагнул к нему. То, что мужчина в серых брюках и черной рубашке главарь этой шайки, не вызывало сомнений. Свободная и властная манера держаться выдавала в нем явного лидера, а трое остальных, подтверждая догадку, по его приказу оставались на месте, не делая лишних движений.

При его приближении Денис еще больше напрягся, железной хваткой лишая парня возможности дышать, сдавливая гортань до хрипа. Горячая волна адреналина прокатилась по венам, возбуждив каждую спящую клеточку тела.

— Ты кто?

— Шаурин, — после недолгой паузы, наконец поняв суть вопроса, не нашел ничего лучше, как выдавить из себя фамилию.

— А, слышал-слышал... сообразительный мальш... Отпусти-ка его. — Денис не двинулся. — Убери нож, убери, — спокойно продолжил. — А то парни ненароком тебе голову прострелят. Отпусти. Не тронут тебя.

Денис разжал руки не сразу, долго изучал лицо мужчины, вглядываясь в глаза. Тот всматривался в него с не меньшим интересом. Почти физически ощущалось, как время замедлило ход. Все внимание сейчас сконцентрировалось только на нем. По телу прошла обволакивающая тошнотворная волна. Казалось, за эти пару секунд решалась не только вся его дальнейшая жизнь, но и вообще, жить ли ему дальше на этом свете.

Шаурин с трудом разомкнул руки. Нехотя. Чувствовал в мышцах зудящее напряжение.

— А ты не рыпайся, раз облажался. После драки, Карп, кулаками не машут, — совсем другим тоном обрубил попытку жертвы Шаурина встрепенуться. А тот и в состоянии особом не был. По руке у него, из порезанного запястья, струей лилась кровь, образуя на

пыльном бетоне лужицу. – Игорь, увези его. – Кивком подозвал одного из парней. – И ты собирайся.

— Куда?

Мужчина усмехнулся, поражаясь наглости. Еще смеет вопросы задавать. Но сказал всего лишь:

— Собирайся. Поговорим. Узнаем, чем дышишь. В порядок тебя приведем.

Теперь только Денис заметил, что его светлая футболка испачкана кровью, к счастью, не его. Но приятно все равно мало. Да и предплечья были липкими и влажными оттого же. Снова скрывшись в комнате отдыха, Денис задумался. Собирать ему нечего. Разве что, робу. Только ни к чему она сейчас. Интересно, куда его собрались отвезти? Сопrotивляясь, точно есть опасность получить пулю в лоб, а жить ой как хотелось. Вернув свое самообладание, сунув в задний карман вельветовых в мелкий рубчик брюк кошелек, он снова вышел в бокс.

— Андрей, отвези.

Здоровый детина, комплекцией чуть меньше, чем сам Денис, сел за руль шестисотого «мерса» и толкнул пассажирскую дверь.

— Садись.

Без возражений Шаурин сел рядом с водителем в хорошо знакомое ему авто, сам несколько раз в нем ковырялся. По словам Иваныча, машину хозяина, некоего Монахова Сергея Владимировича, которого Денис ни разу не видел, но сегодня, по-видимому, имел честь познакомиться с ним лично. Не представлял, куда его везли, но и спрашивать смысла точно не было. Как еще глаза не завязали. Но шансы выжить у него скорее есть, чем нет. Хотели бы убить – убили сразу, не медля. Наверяд ли стали бы запугивать для красоты сюжета.

Откинувшись, Шаурин расслабился, следя за дорогой из-под полуопущенных ресниц. Заметил промелькнувшую на губах Андрея усмешку. Тот молчал, Денис и не думал заводить разговор. Если вспомнить слова Монахова и приурочить их к направлению, по которому они ехали, следовало, что направлялись они напрямик домой к боссу. А если так... а это было именно так, потому что Андрей свернул на дорогу, ведущую в коттеджный поселок, разумных объяснений этому пока не находилось. Не думал Шаурин, что каждого Монахов тащил в свое логово. Если остальная братва там и тусовалась, то ему, не принадлежащему к их стае, там делать нечего.

Не ошибся. Они притормозили у дома окруженного двухметровой стеной из красного кирпича. Забором это назвать сложно. Андрей позвонил в домофон, глухие железные ворота открылись и они въехали в гараж. Без тонких намеков и просьб, Денис вышел из машины вслед за Андреем. Где-то во дворе послышался лай собаки и звяканье цепи. Двухэтажный дом из красного кирпича, выстроенный буквой «Г» снаружи освещался слабо, в окнах тоже свет не проглядывал.

Андрей провел его по дому и открыл белую дверь одной из комнат на первом этаже. Коротко бросил:

— Располагайся.

Денис нащупал выключатель и щелкнул свет. На потолке зажглась яркая люстра. Это был точно жилой дом, а не какое-то там место для сборищ. В помещении, где он находился, веяло домашним уютom, хотя оформлена комната в сдержанных тонах. Голубые обои, темно-синий ковролин на полу, снежно-белый тюль на окнах, светлая мебель.

Андрей, исчезнувший на некоторое время из поля зрения Дениса, вернулся с чистой

футболкой в руке. Бросил ее на кровать.

— Переоденься.

Денис, до этого времени не проронивший ни слова, оценивающе посмотрел на мужчину. Молодой, но постарше его самого лет на пять, с явными проблесками ума в глазах.

— Меня зовут Денис. Денис Шаурин.

После небольшого промедления тот протянул ему руку:

— Маркелов.

Взяв ответную паузу, Денис пожал протянутую ладонь. Никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Сегодня твой враг, а завтра... Хотя сам Маркелов ничего плохого ему не сделал. Но и хорошего – тоже.

Взявшись за ручку двери, Андрей подытожил:

— Добро пожаловать в семью, — со щелчком захлопнул за собой дверь.

Денис не двинулся с места. Тяжелые шаги за дверью постепенно затихли. Еще через время лязгнули железные ворота, тихо зашуршали по асфальту шины «мерса». Некоторое время стоял, прислушиваясь. Но никакой посторонний звук не нарушил тишину. Поначалу подумал, что громкий щелчок замка означал, что его заперли в комнате, но надавив на ручку, обнаружил, что дверь легко поддавалась. Распахнул ее настежь. Ради эксперимента вернулся в комнату и проверил окно. Оно свободно открывалось. Занимательно, однако.

Вышел в темный коридор, огляделся. Никаких признаков присутствия в доме людей. По крайней мере, таких, как Маркелов. Семья?.. В такое время определенно все ее члены должны находиться в своих кроватях. Раз уж на то пошло... За одной из дверей нашел ванную комнату. Глянув в зеркало, сам себя испугался. Видок тот еще. Футболка вся в крови, руки по локоть и на лице кровь тоже. Хорошо он раскроил этого Карпа, как его назвал Монахов. Как пить дать Карпов он, все Карповы с детства Карпы.

Скинул сначала грязную футболку. А потом, недолго думая, всю остальную одежду, встал под душ лицом к двери, предварительно ее закрыв. Не хватало еще по затылку получить. Хотя плескаться дольше пяти минут не собирался. Неизвестно, с кого Маркелов снял принесенную одежду, но ему она оказалась тесновата. Не смертельно. Натянул, вздохнул и вышел из ванной. Не спеша, стараясь ступать бесшумно, занялся исследованием дома, насколько это было возможно только лишь при лунном свете, падающем из широких окон. Обнаружил бильярдную. Сунул руку в карман брюк, нащупал полупустую пачку сигарет. Экспериментируем дальше... Вышел на улицу. Все спокойно, как черт из табакерки не выпрыгнул охранник, никто его не задержал и не остановил.

ГЛАВА 8

Сегодня не спалось. Летом с ней такое случалось очень часто, каникулы сбивали обычный режим. На подоконнике большая чашка с теплым чаем и сама она, облокотившись на него, теребила пальцами волосы – то сплетая их в косу, то расплетая.

Зашуршала фантиком, развернула и сунула в рот шоколадную конфету.

Лорд скрылся за углом дома и не появлялся. Можно было крикнуть в окно, позвать его, но Юля не решалась. Слышала, как к дому подъезжала машина. Вероятно, отец вернулся и если узнает, что собака на воле, будет ей взбучка.

Спускать Лорда с цепи он не разрешал. Но душа дочери не выдерживала заунывного воя собаки, потому иногда, ночью, украдкой, она отпускала ее ненадолго побегать, а потом

пристегивала снова. Благо, пес ее слушался.

Поднесла чашку к губам, но не отпила. Почему лимон всегда плавал на поверхности? Утонул бы и лежал себе тихонько на дне. Нет, он тянется в рот, мешая сделать желанный глоток. Убрав дольку, она отпила и поставила чашку.

Двор освещался скудно. Только фонари над входными дверями отбрасывали свет и окно комнаты в другом крыле дома. Юля задержала на нем взгляд. Что там забыл отец? Или не отец, а кто-то из охраны.

Подобралась ближе к окну и почти уткнулась носом в стекло, когда увидела, как от темного угла отделилась фигура. Внутри все странно дрогнуло. Завороженно девочка наблюдала, как мужчина прикурил. На короткий миг вспышка осветила его лицо, заставив Юлю замереть на месте.

Он еще раз щелкнул зажигалкой, некоторое время смотрел на огонек, не подозревая, что за ним наблюдают из темного окна кухни. Немного постояв на месте, он шагнул в полосу света, и Юля разглядела темноволосого молодого человека с развитой мускулатурой. Крепкий торс обтягивала серая футболка, мелькнувшая ярким пятном. Свет, льющийся из окна, выхватил знакомые черты. Она не могла поверить своим глазам. Денис, конечно, изменился, но не узнать его было нельзя. Сердце остановилось на эти несколько секунд, пока она следила за каждым движением своего старого знакомого. Двинулась еще ближе, задев локтем чашку с чаем, и расплескав его. Он же шагнул дальше, явно желая присесть на скамью. Тут Юлю тряхнуло и она, сорвавшись с места, сбивая плечи о косяки, понеслась на улицу.

Шаурин только и успел, как повернуться на шкрябанье когтей по асфальту и звериный рык, что раздалась за спиной. Потом женский крик и в следующий момент что-то рычащее, и мохнатое набросилось на него, повалив на землю. Упав на спину плашмя, Денис стукнулся затылком. Сигарета рассыпала по асфальту искры. Перед глазами они замелькали тоже. Когда он приоткрыл веки, перед лицом маячила мохнатая морда московской сторожевой. Надо сказать, собака была настроена совсем не доброжелательно. Придавливая его лапами к земле, она оскалилась и зарычала. Слева Шаурин заметил ту, которой, вероятно, принадлежал тот пронзительный голос. Слов он не разобрал. Возможно, она прокричала кличку собаки. Однако оттаскивать пса теперь не спешила. А вес у зверя совсем немаленький, еще минута, и псина сломает ему ребра.

— Псину убери, — мягко сказал Денис.

Невольная улыбка сползла с ее лица, сменяясь легкой озадаченностью. Голос. Она его не узнавала. И внешне Денис тоже изменился, но голос был совсем чужой. Не сосчитать, сколько раз она мысленно переживала ту давнюю встречу; столько лет прошло, но помнила его грубый низкий голос с хрипотцой.

— Псину убери, — повторил, стараясь резкими звуками не спровоцировать собаку. Известно, что иногда они агрессивно реагируют на тембр голоса, а эта и так явно намеревалась перегрызть ему горло, заметно поубавив пыл только при появлении хозяйки.

— Лорд, фу! — наконец-то скомандовала девушка и взялась за широкий кожаный ошейник. Надо сказать, уверенно скомандовала, твердо, хорошо поставленным голосом. Пес послушался, хотя, для того чтобы оттащить псину, пришлось приложить усилия. — Иди гуляй! Гулять, Лорд! — Погладила по морде и хлопнула по спине. Пес завилял хвостом и, озираясь, будто нехотя, побрел по двору.

— Мохнатое чудовище, — произнес, брезгливо отряхиваясь. И делал Денис это с особой

тщательностью. Пыль с асфальта оказалась менее прилипчивой, чем шерсть собаки. Последнее раздражало больше всего. Парень вышел на свет, Юля снова всмотрелась в его лицо, — оно утратило подростковую миловидность и мягкость. Но глаза те же. Взгляд этот невозможно перепутать. И на пару минут не хотела уходить, чтобы привязать пса, словно Денис за это время мог раствориться, как ее очередная иллюзия. Столько лет хранимая, непреодолимая, и ею самой необъяснимая тяга к нему удерживала ее на месте. Ни за что на свете она не сдвинется с места.

— Денис?.. — позвала, развеивая последние сомнения. Он не откликнулся, но среагировал на имя, оставил в покое брюки и распрямился с видом затаенного удивления на лице. И ожидания. — Я Юля, — подсказала, не дожидаясь пока он сам ее вспомнит. Вероятность того была слишком мала. Понимала, что изменилась за четыре года, и совсем не расстроило то, что он не узнал ее сразу. Главное, чтобы помнил.

Шаурин на некоторое время впился в девичье лицо взглядом. Она не такая взрослая, как ему показалось в первый момент. Просто рослая. Что-то смутно знакомое промелькнуло улыбке, а когда она назвала свое имя, вспомнил. Конечно, вспомнил. Улыбнулся во все лицо, и с этой улыбкой незаметно для себя самого и настороженность схлынула, и напряжение сошло.

— Юля... Юлька!.. — хватанув ее за плечи, притиснул к себе рукой. Она негромко рассмеялась. — Красота, я тебя не узнал.

— Это хорошо или плохо?

Он шагнул в сторону лавки, и они уселись рядом. Хорошо, что здесь в полутьме не видно румянца, разлившегося по ее щекам. Все как в приятном сне. Такой Юля их встречу не представляла. Предполагала, что они могут столкнуться где-то случайно, в том районе, где он жил; около школы, в которую она ходила и из какой не хотела переводиться. Отстаивала не первый год, отбивала у родителей свое право, надеясь, что они с Денисом когда-нибудь увидятся.

Лорд, подбежав, попытался положить лапу на Юлины колени, ткнулся носом в ноги Дениса. Тот подставил руку, отводя морду тыльной стороной руки.

— Убери его.

— Подожди минутку.

Юля увела упирающегося пса. В первую минуту, удивившись, встретив знакомое лицо, Денис не задумался, откуда здесь взялась эта девчонка. Она как яркая вспышка из детства, время от времени искоркой зажигалась.словно проводник, связывающий его с прошлой жизнью. И снова неожиданно вспыхнула, соорудив невидимый мостик.

— Отец не разрешает выпускать Лорда даже во двор, — пояснила Юля, снова присев на скамью. — Или в вольере, или на цепь вдоль забора.

— Но ты все равно это делаешь.

— Делаю, — кивнула, — представь, каково ему в неволе. Все хотят свободы. Он большой, мощный, в нем столько энергии, ему нужно бегать. Когда чужие в доме, я не выпускаю. Он только меня слушается и родителей, его приручить и подкормить невозможно. Потому, когда я рядом он спокоен, но стоит отойти он может кинуться, даже если до этого давал лапу.

— Лицемер.

— Нет! — воскликнула, защищая собаку, чем вызвала у Дениса улыбку. — Его так воспитали, выдрессировали. Когда получишь по морде за то, что кусок из чужих рук взял,

второй раз не возьмешь. Правда Лорду пришлось не один раз это объяснять.

— Жестоко.

— Очень. — Юля вздохнула. Почти затаив дыхание, вслушивалась в его голос. Поначалу думала, что говорил он так мягко, чтобы не разозлить собаку, но и сейчас, когда пса не было рядом, тональность не поменялась. Удивительно неподходящий ему – слишком мягкий, очень ровный и спокойный. Обычно парни его внешности и голосом обладали грубым, низким, и говорили с прыгающей, прерывистой интонацией, и смеялись резким смехом. Он такими яркими проявлениями не отличался.

— Юленька, скажи-ка мне, как твоя фамилия? – спросил Денис, чтобы подтвердить свои предположения.

— Монахова, — ответила она и посмотрела ему в глаза. Вопрос немного озадачил, потому что его появление хоть и было неожиданным, но вполне оправданным с единственно возможным объяснением, что он каким-то чудом попал на работу к отцу.

— Ясно.

Интересно все обернулось. Кто бы мог подумать.

— Пойдем на кухню, — предложила она.

— Пойдем.

Юля первая поднялась с лавки, но шагнула в сторону противоположную от тех дверей, через которые Денис вышел во двор. Не зря та половина дома показалась ему безлюдной. Таковой она и была. Жилым было первое крыло дома. Здесь находилась и кухня, и комнаты членов семьи, и остальные удобства.

Юля не спрашивала, голоден ли Денис, поставила чайник, сделала бутерброды. Странно, что не задала ни одного вопроса. Не поинтересовалась, как он попал в их дом. Он смотрел на нее. Интересно было наблюдать за ней, за ее движениями. В этой обстановке знакомый человек вызывал ощущение ложного комфорта и ненужного спокойствия. И чувство непонятого родства между ними не покидало. А Юля подлила масла в огонь, искренне обрадовавшись, восприняв его как старого доброго друга, которого не видела много лет. Он четко ощущал ее сдерживаемые эмоции. Радость, прячущуюся за приподнятыми в улыбке уголками губ; интерес, мелькавший в зрачках озорными огоньками. На ее лице уже не было той детской непосредственности, которую он помнил, и серые глаза, глядя на него, не распахивались восторженно. Да и не серые они, как оказалось. Зеленоватые. Скорее серо-зеленые. Девочка выросла, вытянулась, фигура уже приобрела мягкие женские очертания, заметные под клетчатой рубашкой с коротким рукавом и джинсовыми шортиками. Одно только осталось неизменным – длинные русые волосы, распущенные как тогда. И так же она достала из заднего кармашка шортиков тонкую резиночку и собрала хвост.

— Ты теперь будешь работать у отца? – поставила перед ним чашку с чаем. – С лимоном?

— Можно, — ответил он на второй вопрос. Насчет первого затруднялся. Он и так на него работал. Но если раньше его место было четко определено, то теперь в собственном положении ясность не просвечивалась. И все же произошедшее шока не вызвало. Встряхнуло, напрягло. Но не до дрожи в коленях. Ожидание – это тоже работа, не бездействие. А в такой ситуации лучше просто подождать, отбросив лишнюю суетливость. Не суетись под тесаком, как говорится.

Юля посмотрела в серые глаза Дениса, в поисках ответа. От его тяжелого взгляда

мутнело в желудке.

— Посмотрим, — неопределенно ответил он, отпивая ароматный чай. К бутербродам он не притронулся. Юля, впрочем, тоже, с удовольствием уплетая конфеты. — Ты все еще танцуешь? — поинтересовался, переводя тему.

Не успев ответить, Юля вскинула глаза на дверь, и Денис обернулся, увидев в проеме рыжеволосую женщину. Глянув на него, она приостановилась, заметно вздрогнув. Приложила руку к груди, чуть не вскрикнув, будто увидела привидение. Невольно возникло желание оглядеть себя и проверить, всю ли смыл кровь. Слишком странная у женщины была реакция. Или так показалось.

— Мам, ты чего?

— Ничего, сердце что-то прихватило. Юля, ты почему здесь в такой час? А ты Денис, наверное. Удивляться не надо, Сергей уже позвонил. Меня можешь звать Наталья или Наташа, без выканья и отчеств. Я не пенсионерка и не люблю этот скрипящий официоз, — проговорила мать Юли на одном дыхании, отсчитывая падающие в чашку капли. По запаху похоже на Корвалол.

— Без проблем. — Язык у него не сломается назвать ее просто по имени. Тем более сама предупредила.

— Не спалось, я Лорда выпускала, а он на Дениса бросился, когда тот покурить вышел, — отчиталась Юля. Третий человек нарушил их единение, и Денис внутренне напрягся.

— У вас так принято — бодрствовать в три часа ночи? — посмотрел на настенные часы. Развернулся, откинувшись на спинку стула, и вытянул ноги. Отставил чашку.

Не показалось, Наталья так и поглядывала на него со странным выражением. Хотелось отряхнуться, сбросить с себя этот липкий взгляд, причину которому он найти не мог. Это не было просто оценивающе. В общем и целом, мама Юли проявила равнодушие. Но как только невольно останавливалась на нем, на лице ее мелькало то же самое выражение, какое он заметил в первую секунду.

— У нас всякое бывает, — ответила после того как глотнула капель из стакана, сильнее стягивая синий махровый халат, который не скрывал ее выдающихся форм. — Юляш, выпей валерьяночки и спать. Посуду за собой помойте, — распорядилась и вышла из кухни.

— Забавно тут у вас, — усмехнулся Денис.

— Что забавного?

— Реакция твоей мамы, например.

— Ничего странного. У нас охрана каждую неделю меняется. Чего ей удивляться новому человеку в доме, даже если он появился среди ночи. Отец ведь предупредил.

— А почему охрана меняется так часто?

— Отстреливают. — И оценив произведенное впечатление, рассмеялась. — Шутка.

Лежа в кровати Денис еще долго думал над шуткой Юлии. Определенно, девочка уже не смотрела на жизнь сквозь розовые очки. И оговорочка о том, что охрану регулярно отстреливают, вполне могла быть правдой. Неужто и ему Монахов прочит столь блестящую перспективу? Не велика честь — служить цепным псом. И так понятно, что у «папы» полно специально подобранных для этого головорезов со всей внешней атрибутикой: бритыми затылками и пистолетами в наплечной кобуре. Странной показалась и семейка Монахова, по

крайней мере, те двое, с которыми уже довелось пообщаться. И пусть знакомство с дочерью волею судьбы состоялось раньше, общения между ними как такового не было.

Еще в то время, когда армейские сапоги топтал, доводилось Денису бывать на генеральских дачах. Солдат часто засылали туда на строительные работы.словно рабов. И жены генералов, снулые жеманные дамочки с томным выражением на лицах, относились к ним, как к мусору, всем видом демонстрируя свое особое положение и причастность к элите. А уж их «золотые» детки и того хуже. Потому и от этих людей Денис подспудно ждал подобных проявлений.

Юлина реакция была совершенно искренней и кое-где – понятной. Возможно, руководило ею непроизвольное чувство благодарности, внутреннего ему долга. Он и сам обрадовался, увидев ее. А вот мамочка... Превосходства она никак не высказала. Да, поглядывала оценивающе, странно, но в большей степени отстраненно. И не более того. И если поставить ее рядом с Ниной, то мало чем она от той отличалась. Если не брать во внимание яркий маникюр. Хотя три часа ночи не такое уж благоприятное время для демонстрации своих преимуществ, но все же. И самое интересное, в такое время не побеспокоилась, что дочь беседует с незнакомцем. А ведь на его месте мог оказаться кто угодно: маньяк-убийца, грабитель, насильник, мент засланный, в конце концов.

Очень хотелось поскорее прояснить ситуацию, чтобы знать, как и на что реагировать, потому что сейчас ощущал себя в ловушке, в карцере, с минимальной возможностью развернуться. И атмосфера вокруг соответствующая. Удушающая до головокружения духота. Открытое окно не помогало. Ни сквозняка, ни порыва ветра не чувствовалось. Постель горячая. Будто не на кровати животом лежал, а на батарее. Скомкал подушку и уткнулся в нее лицом. По спине стекла капелька пота. Был бы дома, в своей комнате, даже трусов бы на себе не оставил.

Часам к пяти утра стало прохладно, и в комнату ворвалась долгожданная свежесть. Всегда поражался, как внезапно это происходило. Как по часам, один порыв ветра, и температура сразу на несколько градусов опускалась. И дышать легче. К тому времени только и смог заснуть.

Проснулся, когда солнце уже залило светом всю комнату. Беспокойно зашевелился на кровати, из окна раздавался громopodobный лай мохнатого чудовища. Жертву себе ищет новую. Как только Юлька его снова выпустит кости размять, бросится, глотку перегрызет и лапы сверху сложит.

Час далеко не ранний. Как только умудрился продряхнуть почти до обеда! Денис соскочил с постели, натянул одежду. В коридоре по пути в ванную столкнулся с Натальей.

— Доброе утро, — проговорила она. Звучало приветливо. — Зубная щетка, — ткнула пальцем за спину, указывая на дверь. — Спускайся вниз, на кухню.

— Царь трапезничать желает? — хмуро вместо приветствия ответил Денис.

— Естественно!

— Слушаюсь и повинуюсь, — усмехнулся, глядя на себя в зеркало. Как после большой попойки: глаза красные, рожа помятая со следами от подушки. Хорош! Как раз, чтобы произвести достойное впечатление на «царя».

Не стал нежить себя теплой водой, а умылся ледяной, чтобы прийти в чувства. Голова немного гудела. Как и пустой желудок. Однако аппетита не было. И то, что приходит сие приятное состояние во время еды – сегодня значения не имело. Только желание побыстрее разобраться с ситуацией и улизнуть из этого дома заставляло его уставшее тело двигаться, а

мозг работать. Ободряющая улыбка Натальи не растворила стойкого ощущения, будто находился в холодных застенках. И, навряд ли, вкусная еда смягчит ощущение тюрьмы.

Так и есть. На кухне, пропитанной заманчивыми ароматами, за большим столом собралось все семейство. Все ли присутствующие имели с Монаховыми родственную связь пока не известно, но лица были знакомые. Кроме одного – лысого мужчины в очках суховатого телосложения, сидевшего по правую руку от Монахова. Сергей Владимирович, кстати говоря, тоже пышной шевелюрой не обладал, был подстрижен под машинку. Но и так были заметны глубокие залысины. По всей вероятности, Юлька, обладающая густыми блестящими волосами, явно не в него уродилась. Но глаза отцовские у нее. Пронзительные, серо-зеленые, приукрашенные природой-матушкой пушистыми ресницами. А вот некрупные, аккуратные черты лица и мягкий чувственный рот — подарок мамы. Мама и сегодня вычурностью не отличилась, а сияла простотой. Пышные до плеч волосы немного завиты, на гладком без единой морщинки лице минимум косметики, — только ресницы накрашены.

Монахов кивнул на пустующий стул возле очкарика. Даже испытывая такие противоречивые чувства, Денис решил не гневить судьбу и прежде чем сесть за стол поздоровался со всеми.

Сегодня Юлю как подменили. Она едва отрывалась от тарелки и, лишь иногда, сталкиваясь с ним взглядом, тщательно скрывала улыбку. Денис ее не провоцировал тоже, смотрел поверхностно, будто видел первый раз в жизни. Наталья старательно исполняла роль хозяйки, в основном порхая вокруг мужа. Рядом сидел Маркелов, умудряясь то и дело задевать его локтем, а напротив — тот второй, Игорь, который Карпова увозил. Самого Карпова за столом не было. Неужели сдох гнида? Или он не относился к числу приближенных. Третьего не дано.

Монахов распечатал бутылку водки и привстал, чтобы наполнить стопки. Денис накрыл свою ладонью:

— Какой моветон, Сергей Владимирович, пить водку с утра.

Монахов криво усмехнулся, оценив юмор. Но потом посерьезнел:

— Давай, Гришу помянуть нужно.

Помянуть – так помянуть. Денис убрал руку и вместе со всеми опрокинул стопку. Правда, кто есть, а вернее, был Гриша, не уточнили. Сначала вкуса не почувствовал. Потом алкоголь обжег горло и желудок. Конечно, соляночка под водку самое то, но Денис вяло орудовал ложкой. Челюсти работали и того медленнее. Под пристальными взглядами кусок в горло не лез. Скользкое ощущение будто подкармливали его, приручали... как того Лорда. Аж зубы сводило от этого противного чувства. Интересно, какие методы дрессуры к людям применяются? То, что по морде дадут и так понятно.

Между лопаток скопилось напряжение, сердце стучало хоть и ровно, но быстро. Чуйка его никогда не подводила, он уже научился верить своей интуиции. Работала она у него на полную мощность. Они говорили про него. У всех мужчин в глазах было одно и то же выражение. И решение принято, только ему пока о нем не сообщили. В основном обед прошел под эгидой молчания. Вероятно, соблюдали некую траурную атмосферу.

— У тебя, Денис, семья есть? – как бы между прочим спросил Монахов. Все взгляды устремились на Дениса. Вроде нормальная реакция, так всегда бывает в разговоре, когда ждут ответа. Но как будто раздевали догола.

Шаурин помедлил, пережевывая мясо. Не хотелось, чтобы кто-то касался семьи. Даже

упоминать вскользь в разговоре не хотелось. Незачем им знать об этом.

Но ответить пришлось:

— Я живу с отцом. И с мачехой, — добавил позже.

— Один в семье? — спросил Юра.

Юрий и Сергей были немного похожи, потому Денис решил, что они братья. Хотя и братья не всегда внешне выдают родство, но между этими двумя связь чувствовалась.

— Нет, — односложно ответил Денис, но потом в голову пришла мысль: лучше уж самому рассказать, иначе Монахов разузнает все за его спиной. Очевидно, что его любопытство не уляжется и нежелание говорить, его не успокоит. Вполне возможно, что-то он уже знал.

Сделав такие для себя выводы, продолжил:

— У меня есть старшая сестра. Замуж вышла недавно. Живет отдельно. Ну и прочие — дяди, тети.

— И друзья есть?

— Конечно. Парочка имеется.

— Вот и хорошо. Это правильно. Как же без друзей и семьи? Куда мы без семьи, правда, Юлия? — воодушевленно сказал Сергей Владимирович. На каком-то всплеске эмоций.

— Конечно, папа, — Юля улыбнулась отцу.

— Поедем сегодня бабушку проведать. И ты, Денис, с нами.

Вот это поворот. Он совсем не был готов покидать город. Мало того что родные не знали, куда он пропал... и с собой никаких вещей не было, и побриться бы надо.

— Я не могу.

— Почему?

— Мне нужно сменить одежду, привести себя в порядок.

— Не вопрос. Андрей свозит тебя, соберешься. И не напрягайся ты так. Поедем отдохнем. Лес, банька, шашлычки. Наташ, ты все приготовила?

— Конечно, — ответила она, но все же метнула на мужа встревоженный взгляд. — Игорь уже все коробки в машину загрузил. Порядок вот только наведем на кухне и можно ехать.

— Мам, я Лорда покормлю, — влезла Юля.

— Вот и замечательно, — одобрительно кивнул Монахов, сверкнув глазами. — Часа на сборы хватит? Андрей, по дороге объясни кое-что Денису.

— Конечно.

Выходя вслед за Маркеловым, переступая порог кухни, Денис услышал сказанное Натальей: «Сергей, может не надо его туда везти. Зачем матери душу беречь?»

Отдаляясь, он не слышал, что ответил жене Монахов, но надеялся, что Андрей прояснит ситуацию, иначе скоро от этих головоломок крыша съедет.

ГЛАВА 9

— Андрей, я весь внимание. Давай по порядку и без мхатовских пауз, — начал разговор Денис, когда они сели в машину. — А то я начну делать предположения. Могу ошибиться в выводах. А тебе зачем лишние проблемы? — говорил без угроз и срывов в голосе, прямо и спокойно. Понравилось, что Андрей отреагировал так же.

— Гриша — младший брат Монаха. Погиб полгода назад. Молодой был совсем, мой одноклассник. Прирезали у киоска с сигаретами. Это просто, чтобы ты был в курсе. А

остальное, думаю, Сергей Владимирович тебе сам скажет. Ты расслабься, он своих не обижает. Пристроит тебя, будешь деньги нормальные зарабатывать. Понравился ты ему. Видно – пацан с мозгами. Чего тебе в этом автосервисе париться. Воспринимай это как перевод на другую должность. Может и трудновато придется, ну ничего, привыкнешь, — метнул усмехающийся взгляд.

Денис заметил у него на правой руке обручальное кольцо. Женат, значит, молодец.

— Я уж грешным делом подумал, что Карпова поминаем. И чем же вы занимаетесь? — изобразил в голосе легкомыслие, стараясь не выдавать свою заинтересованность.

— Нет, тот почти как новый уже. Чем занимаемся?.. По-разному... Кто бизнес защищает, кто – семью. Кстати, о Карпове... сильно ты его. Он не ожидал.

— Я тоже не ожидал, когда вылез из комнаты, что меня убить захотят.

— Ты с ним поосторожнее теперь. Он тебе этого не простит.

— Это он пусть поосторожнее со мной, а то я ему печень без наркоза вырежу.

Маркелов загоготал. Явно Карпова он к своим друзьям не причислял. Но вот с Игорем на первый взгляд, у них было вполне дружеское общение. На одной волне, так сказать.

Беседа протекала осторожно. Денис прощупывал почву, задавая наводящие, казалось, ничего не значащие вопросы, а Маркелов отвечал скупой, но открыто. Однако и своего личного отношения ко всему произошедшему никак не выражал. Это тоже неплохо.

Денис не просил остановить машину за квартал от дома. Уже бессмысленно соблюдать какую-то конспирацию. Как и положено, в самый разгар рабочего дня дома никого не оказалось, зато бабки у подъезда были, потому «сарафанное радио» сделает свое дело.

Заскочив в квартиру, бросил в сумку кое-какие вещи, побрился. И даже успел закинуть в себя пару ложек винегрета. Оставил на кухонном столе записку: «Дома был. Ел. Скоро буду».

Пока не представлял, на какой срок растянется это «скоро», но очень надеялся, что Монахов, предлагая новую работу, не собирался поселить его в своем доме. Не прельщала перспектива жить в его логове, исключая свободу передвижений и какой бы то ни было частной жизни. На такие жертвы он пока не готов, тем более, еще не известно, какова цена вопроса.

Не стал ждать лифт, спустился пешком, вышел к машине. Сумку на заднее сиденье. Сам на переднее. Тронулись. Глоток свежего воздуха расшевелил умственную деятельность, упорядочил мысли. Сейчас он выспавшийся, отдохнувший, сытый, — самое время вспомнить об адекватном восприятии. О Маркелове он уже составил собственное мнение. Если коротко, то – честолобив, с «рабочими» локтями. Дорогу себе везде пробьет, куда его ни забрось. Но на рожон точно не полезет. Не кинулся ведь на него первым тогда в боксе. Нормальная характеристика для парня, но, учитывая специфику их отношений, такого, как Маркелов против себя лучше не настраивать.

Так и поехал он в машине с Андреем. Монахова с семейством на другой повезли, и Игорь к себе парочку парней посадил. Как только черту города пересекли, воздух поменялся. С каждым километром дышать становилось все легче. Легкие разворачивались, кажется, места внутри не хватало, чтобы всю свежесть вдохнуть. И тело было приятно взбудоражено. И сосны вокруг, высокие, мохнатые. Так бы и выскочил из машины, да в лес сиганул. Неплохая, в сущности, идея выехать за город. Когда бы так вырвался. Да и мог только на дачу.

Около ста сорока километров они проехали и остановились на окраине деревни у

большого одноэтажного кирпичного дома, окруженного высоким деревянным забором. Машины поставили на асфальтированной площадке перед домом и потянулись во двор. Там все, как и положено: палисадник, множество клумб с цветами, огород и, конечно, та самая баня. Вот как раз к бане Денис был равнодушен. Зашли в дом, встретила их седовласая женщина. Парни Игоря уже втаскивали коробки.

Денис осмотрелся, но оценить обстановку не успел. Не мог. Взгляд то и дело наткнулся на фотографии с одним и тем же персонажем. Прошел в другую комнату, но и там, везде, где только можно, стояли рамочки с перетянутым черной лентой уголком. И со всех на него смотрело одно и то же лицо. Мороз прошел по коже. Так, что захотелось плечами передернуть. Развернувшись, Денис рванул к выходу и столкнулся со старушкой. У нее было кипельно-белое лицо, что странно в конце июля. Будто она на улицу не выходила и на солнце совсем не была. Нетвердая рука тут же вцепилась в его ладонь, влажные мутноватые глаза забегали по лицу.

— Сережа, кто это? — обернулась с вопросом. Денис попытался вырвать руку, но она с поразительной силой впилась в него пальцами. — Так на Гриню нашего похож! Так похож! — притронулась к его щеке. Лицо Дениса тут же залил румянец. Нет, не смущения. Злости. Дикой и необузданной.

Привезли! Как куклу! Марионетку! Чтобы ходил тут как живой труп!

Наталья потеряла лицо ладонями, чтобы скрыть искажившую лицо гримасу разочарования. Знала, что именно так все и будет. Что мать вот так и среагирует. А как она еще могла среагировать, если Денис как две капли воды похож на ее младшего сына. И парень весь оцетинился как еж, иглы выпустил, того и смотри, сорвется. Разве можно его винить? Ничего в этом приятного нет, у самой мурашки по коже пошли, когда мать причитать начала. Только вот сходство парней на том и заканчивалось, когда Денис рот открывал.

— Это Денис, мама. Работает у меня. — Видел Монахов сверкавшее в глазах парня бешенство и взглядом его останавливал, чтобы тот не дергался.

Ничего привыкнет. Только в первые минуты удивление, а потом перестанет суетиться из-за внимания матери. Знал, что делал, когда вез его сюда. И не ошибся. Забыл, когда на лице матери улыбку видел, а сейчас вон на глазах оживилась. Траур не сняла до сих пор, никуда не выходила, высохла и не ела почти. Может сейчас хоть немного настроения появится у старушки.

— Лида, ну чего ты возишься, накрывай на стол! Все устали с дороги, нужно перекусить, — тут же начала раздавать распоряжения хозяйка.

— Я уже, — отозвалась девушка, помогающая по дому. Наталья присоединилась к ней, Юлька тоже таскала тарелки, потому с сервировкой справились быстро.

Компания, почти в том же составе, что и утром, уселась за стол. Перед Юрием снова поставили тарелку с овсянкой. Язва у дядечки обострилась. Если в монаховском доме у Дениса кусок в горле застревал, то здесь и сейчас его откровенно тошнило. Так, что он не смог сдержаться и встал из-за стола. Вышел во двор, сел на лавку уперев локти в колени. Потом прикурил. Уходя, видел смятение на лице Анны Анатольевны, но это его не тронуло. Сергей Владимирович почти сразу вышел за ним. Денис не поднял головы, все еще пытаюсь избавиться от скверного ощущения. Но чувство, что лезут ему под кожу, не оставляло.

— Зайди в дом и сядь за стол, — велел Монахов.

— Не зайду и не сяду, — твердо заявил Шаурин, не поднимая головы, рассматривая

блестящие песчинки на асфальте. Солнце пекло затылок, но прожигающий взгляд Монахова чувствовался сильнее.

— Сядь за стол, не ерепенься. Съешь тарелку супа, пусть старуха порадуется. Ей жить-то осталось всего ничего.

Денис выпустил струйку дыма и посмотрел мужчине в лицо. Это было похоже на просьбу, хотя челюсти у того были крепко сжаты, и слова он с силой из себя выдавил. Но было похоже. Повременив немного, Шаурин выбросил сигарету и вернулся. Не был он против грибного супа. Но и тут судьба что-то не проявила благосклонности, укропа туда столько забросили, что еле впихнул в себя несколько ложек. Не просьбы Монахова возымели действие, не слова его убедили. Не заботили его старушечьи слезы и переживания. О другом он подумал. Совсем о другом.

В очередной раз съел собственное самолюбие, посидел за столом, послушал разговоры. Ни о чем особенном не говорили. Обсудили язву Юры, слишком жаркие дни, планы на вечер. Вызвался нарубить дров, чтобы истопить баню. Напряжение немного ушло, чувствовал, что и остальные расслабились. Юлька, так вообще, ушла в дальнюю комнату и спать завалилась.

— Анна Анатольевна, покажите...

— Пойдем, — тут же сорвалась она с места и повела Дениса в дровник.

Хозяйственные постройки были выстроены не так давно. Дерево еще не потемнело. Под навесом было прохладно, но Шаурин снял футболку. Плечи подернули мурашки. Выбрал из поленицы небольшую березовую дровину и, разрубив ее, откинул в сторону. Так, не торопясь, он вытаскивал из ровно выложенных рядков примеченные чурки. Мыслей в голове в этот момент не было. Во всяком случае, не тех, от которых разламывало череп. Обливаясь потом, он поднимал и опускал топор, слушая хруст дерева, наблюдая за разлетающимися в разные стороны щепками. А когда сил поднять колун не осталось, он отбросил и его, посмотрев на свои труды. Большая половина поленицы была пуста. Вот теперь стало по-настоящему все равно, пусть хоть Гриней назовут.

— Принимайте работу, — выдохнул, когда Анна Анатольевна появилась рядом.

Она улыбнулась и охнула, взглянув на огромную кучу дров.

— Я тебе водички принесла, — протянула ему бутылку с минералкой. — Иди. Иди отдыхай, я сейчас Игорька попрошу, чтобы тут порядок навели и к баньке дров отнесли.

— Как раз кстати, — Денис взял бутылку, вытер грудь футболкой и, повесив ее на шею, вышел во двор. За забором теснились сосны. Вот туда его и манило. Задняя калитка вывела прямо в сосновый бор.

Мягкий покров из иголок поглощал звуки шагов. Их почти не было слышно. Ни хруста ломающихся веток, ни шуршания травы. Только собственное дыхание и ветер, гуляющий в мохнатых макушках. Посмотрел вверх, и голова сразу закружилась. Пульс еще грохотал, вены на руках напряглись, мышцы закаменели. Минеральная вода сейчас то, что надо. Открыл бутылку. Впереди между деревьев мелькнуло белое пятно. Отпил воды и пошел следом.

Юля шла по тропинке, иногда прихлопывая особо надоедливых комаров. Девчонка, не оглядываясь, медленно брела, настроенная на какую-то свою волну. Ускорив шаг, Денис быстро догнал ее и, обхватив за плечи, ухнул в ухо. Думал, что вздрогнет, напугается от неожиданности. Но никак, что крепко вопьется зубами в предплечье. А она укусила его, наверное, со всей силы. Так, что руку заломило.

— Юля! — встряхнул ее. Игривое настроение мгновенно испарилось.

Юлька тут же разомкнула челюсти и замерла.

Кожу на руке обдавало горячее сбившееся дыхание. На секунду он и сам застыл, почти слыша и чувствуя, как бешено колотится ее сердце. Очнувшись от мгновенного ступора, Денис разомкнул руки и отступил, а Юля обернулась, прикрыла рот ладошкой с виноватым выражением на лице и сожалением в серо-зеленых глазах.

— Прости, я не хотела.

— Зубастая, — проворчал, потирая место укуса. — Чуть полруки мне не отхватила.

Гримаса раскаяния сползла с девичьего лица, и Юля звонко хлопнула его по груди:

— А чего ты меня пугаешь!

— Уймись, воительница, — пресек он дальнейшие препирания.

К чему разбираться, кто виноват? Все произошло случайно, он просто не думал, что Юля настолько глубоко погрузилась в свои мысли, чтобы не слышать шаги позади себя. Он подошел тихо, но не крался, стремясь довести ее до обморока, и уж совсем не хотел наблюдать, как она из пай-девочки превращается в дикую озлобленную кошку.

— Тебя отец за мной послал? — подозрительно поинтересовалась она, заткнув большие пальчики в задние карманы джинсовых шортиков.

— Нет. А что должен был? — Денис шагнул дальше, и Юля двинулась с ним бок о бок.

— Мог.

— Не боишься потеряться здесь?

— Нет, эта дорожка ведет к речке. Там тоже есть тропинка, — указала рукой левее. — И там, — повернулась в другую сторону. И все они к речке ведут.

— Пошли тогда к речке, будешь моим проводником.

— Смотри, заведу тебя в какие-нибудь дебри.

Это была шутка, но в глубине души ей и вправду хотелось увести его и спрятать ото всех. И самое главное — от отца. Чтобы не трогал его. Очень волновал вопрос, в качестве кого отец нанял его. Как бы то ни было, но жизнь Дениса теперь под угрозой, всегда в опасности. И от этой мысли сердце тревожно сжималось, и внутри образовывалась неприятная тяжесть.

— Как заведешь, так и выведешь, — ухмыльнулся Денис.

— Постараюсь, — вздохнула она, улыбнувшись. У нее была милая и далеко не глупая улыбка.

Они шли по дорожке усыпанной шишками. Кое-где меж вековых сосен затесались молодые березки. Идти пришлось недолго и через пару десятков метров они вышли к берегу. Он резко обрывался, делая спуск к воде довольно крутым. В речке плескалась толпа подростков. Увидев мутноватую воду, Денис отменил желание искупаться, а зато деревенские дети не гнушались местного водоема, своими играми еще больше взрывая донную глину, смешанную с песком. И Юлька хоть и шла к речушке, но купаться, как видно, не собиралась. И намерения такого не высказала. Тем не менее, здесь было приятно, от воды шла прохлада, но глаза слепило от яркого солнца, мелькавшего яркими бликами на поверхности.

— Пойдем лучше в тень, — передумал Денис и, прикрыв спину футболкой, уселся под деревом, прислонившись к стволу.

— Много куришь, — назидательно сказала Юлия, когда он достал сигареты.

— На самом деле, нет. — Зажал сигарету губами, но не закурил сразу. Пощелкал зажигалкой.

— А если твоя девушка будет против того, что ты куришь, — Юлька уселась рядом, поправила белую футболку и подтянула колени к груди.

— И что? – смотрел на вспыхивавший огонек.

— Ты бросишь?

Денис искоса глянул на нее, приподняв бровь.

— Нет.

— Почему?

— Бессмысленная манипуляция. – Подумал и убрал сигарету. В этом случае малявка права: здесь, наедине с природой, на таком воздухе, лучше просто подышать, насладиться, напиться чистотой, а не травить легкие никотином. Он не врал, курил и правда не много. Но в последние дни события складывались таким образом, что все чаще тянулся за сигаретой. Хотя знал, что это чистой воды самовнушение. Проверенное годами и работающее на миллионах людей. А в целом, мало его беспокоил вопрос об этой вредной привычке. И в такое уж пагубное влияние курения на здоровье не верил. Если бы никотин убивал, половина населения страны уже вымерла бы. А то и больше.

Не стал курить и не заметил промелькнувшую на лице девочки улыбку.

Густые ресницы не смягчали жесткости его взгляда. Придавали еще большую выразительность и глубину. Юлия опустила подбородок на колени, рассматривая исподлобья своего давнего знакомого. И нового одновременно. Все это время у нее в голове хранился его целостный образ, который с каждым новым днем все больше стирался из памяти, все больше отдалялся. И она всерьез начала беспокоиться, что совсем забудет, как Денис выглядел. Но он появился. Так неожиданно и приятно. И она сразу узнала его. Теперь же хотела запомнить каждую черточку лица: цвет глаз, ресницы, форму губ, носа и даже рост, чтобы знать, насколько он ее выше. Сейчас он был совсем рядом, но невероятно далеко. И мысли его были для нее недостижимы. С трепетом она воспринимала каждый взгляд в свою сторону и каждое слово. Смущаясь, прятала чувства, чтобы не заметил. Не хотелось, чтобы посмеялся над ней. На самом деле, затронув эту тему, ожидала услышать больше, чем просто бросил бы он в таком случае курить или нет. Ждала, что он как-то выдаст себя, признается, есть ли у него девушка. Спросить напрямую не могла. Они еще слишком чужие и совсем друг друга не знали. И хотя у нее была тысяча вопросов, Юлия смолчала, лишь тронула кончиками пальцев расплывающийся на его крепкой руке синяк, адресуя виноватую улыбку.

Денис посмотрел на нее, почувствовав легкое прикосновение к руке, и Юлия одернула ладонь, снова погрузившись в мысли. Лицо ее заметно менялось, девочка еще не научилась надевать на себя одну из нескольких личин, которые в будущем, наверняка, появятся.

— Я любил каникулы. Мне лета не хватало, чтобы нагуляться. Ненавидел первое сентября. И до сих пор его не люблю. По привычке, наверное.

— А я обожаю. И в школу хочу. Скоро буду выть как Лорд. Жду не дождусь, когда август пролетит.

— И на танцы еще ходишь?

— Хожу, — кивнула. — И на все кружки и факультативы, сколько времени хватает.

— И получается?

— Что?

— Танцевать.

— Вроде да, — равнодушно пожала плечами.

— Ты, наверняка, еще и отличница?

— Да, — зажевала травинку.

Не заметил Денис воодушевления, когда Юлия делилась своими достижениями. Не было

в ее глазах гордости за себя, а в голосе не слышал он хвастливых ноток. Только о том, что мечтала поскорее в школьные будни окунуться, пылко говорила.

Просидели они под сосной некоторое время, вслушиваясь в щебет птиц над головой и крики купающейся детворы. Потом по обоюдному согласию решили возвращаться, иначе беспокойный папа сподобится поисковый отряд организовать, и тогда им двоим точно не поздоровится. Юля нехотя шла, еле ноги переставляла. Денис и поторопил бы ее, быть может, но только понимал это нежелание возвращаться. И сам бы с удовольствием не один час на травке повалялся, только вот не самое лучшее время сейчас для такого всепоглощающего расслабления. Однако никто их долгого отсутствия, как будто, не заметил, только мать бросила на Юлю пытливый взгляд.

К вечеру скептический настрой Дениса насчет бани безвозвратно исчез. Он уже страстно мечтал смыть с себя пот, пыль, грязь и сменить одежду. Но с еще большим рвением он ждал того самого решающего разговора с Монаховым. Но тот выдерживал паузу. Наверяд ли кому-то удастся его в этом переплюнуть.

Дом у Анны Анатольевны не такой, конечно, большой, как у старшего сына, но просторный, с достаточным количеством комнат, чтобы принять такое число гостей. И как-то все умудрялись не сбиваться в кучу, а равномерно рассасывались по комнатам и двору, не создавая хаоса и толчеи. А с самой бабулей в разы проще стало после короткого разговора:

«— А ты, сынок, на меня не обращай внимания. — Ну, что, вы, Анна Анатольевна... — Ладно тебе, знаю я, что ум за разум заходит. Все мы со временем потихоньку из него выживем. И зла на меня не держи, если надоедливой покажусь».

Уютно все так. По-домашнему. Но если глубоко задуматься о случившемся, то холодок пробегал по коже. И с наступившей вечерней прохладой это ничего общего не имело. Денис даже накинул кофту, чтобы сбить ощущения. А если бы не чувствовал себя так, то все равно оделся бы, не сидел в беседке полуголый после бани. Перенесенное воспаление легких давало о себе знать, любой сквозняк с ног валил.

Теперь, когда Монахов высказал свое предложение, если это можно так назвать, Денис пребывал в легком недоумении. Слишком все просто оказалось. Просто до абсурда. Вне его понимания. Не верил он в такую удачу, лично ему фортуна всегда только заднее место показывала, а тут такой шанс неплохо устроиться. А главное, без морально-этических жертв и мук совести.

— Вы очень преувеличиваете мои способности, Сергей Владимирович, — сказал, опираясь на широкую спинку деревянной лавки. — Мы, как говорится, физкультурных академий не заканчивали.

— А я не олимпийскую сборную тренирую, как ты понимаешь, — усмехнулся Монахов, растирая крепкую грудь полотенцем.

— Понимаю, — согласился Денис, поймав на себе пристальный взгляд Игоря Порошина.

За этот день они мало сталкивались и только сейчас уселись за один стол в беседке. Слабый ветерок шевелил белую скатерть и разносил по двору запах жареных шашлыков. Денис был уже сыт по горло. И не только едой. Вот и блюда с мясом, овощами, и зеленью его не привлекали. Водка, собственно, тоже. На пару бутылок пива он согласился.

— Что тебя беспокоит? — Сергей Владимирович говорил очень сдержанно и бесстрастно. Глаза его ровным счетом ничего не выражали. — Будешь работать инструктором, тренировать парней. Все легально и деньги вполне приличные. Очень даже

приличные. Тебе в автосервисе полгода загибаться придется, чтобы заработать то, что я тебе за месяц предлагаю.

Именно это и настораживало. Поманили очень вкусной конфеткой, практически ничего взамен не требуя. Синекура, одним словом. Кто ж от такого откажется? Только Денис не относился к своей жизни так безалаберно, чтобы не задуматься, и совсем глупцом не был, чтобы не дорожить ею. Потому и с ответом не спешил. Только вот вопрос: на самом ли деле нужно Монахову его согласие или это так, для блезиру? Денис и отнесся бы к этой ситуации проще, не стань он невольным свидетелем той сцены недавней ночью. Перспектива когда-нибудь быть вот так же подвешенным на цепном подъемнике не прельщала.

— С этим никто не спорит, — ответил он неопределенно.

— Может, я тебе помочь хочу, — подтолкнул Монахов. — Просто по-человечески.

— Может, — снова согласился. — Только я не совсем понимаю, откуда такой альтруизм?

Честно говоря... свежо предание, но верится с трудом.

— Не альтруизм это вовсе. У каждого свои в жизни грехи, Денис. А у меня их больше, чем у других. Предположим, хочу часть их искупить. Доброе дело сделать.

— Ну, это вы загнули, Сергей Владимирович. Грехи в другом месте искупают. Да и «доброта» сейчас — такое субъективное понятие...

— У всех, Денис, свое понимание. И своя позиция. А твоя — очень мне по душе.

— Откуда вам знать, какая у меня позиция?

— А я не мальчик и на жизнь смотрю другими глазами. Такие экземпляры как ты редко встречаются. Ну и, слава богу! — выдохнул с притворным облегчением, развеселив сидевших за столом парней.

Денис засмеялся:

— Хотите Гришу мной заменить? — сказал на легкой ноте.

— Гриши нет, его никто не заменит. — При упоминании имени брата Монахов нахмурился. — Вы внешне очень похожи, да ты и сам это видел. Но совсем разные. Гришка горяч был, сорвиголова. А я понадеялся на его сознательность. Но в чем-то ты прав. Гриша этим спортклубом управлял.

— А теперь кто? — не показывая явного интереса, спросил.

— Теперь никто. Сам пока.

— Еще есть инструкторы?

— Есть один. Я тебя не тороплю. Вернемся в город, отдохнешь, подумаешь. Как будешь готов, позвонишь. На месте уже сам осмотришься, там и решим все. Да не переживай, не отправлю я тебя с битой киоски бомбить.

— И на том спасибо.

Денис задумался. Монахов с него глаз не сводил, так и видел, казалось, как шестеренки у парня в мозгу крутятся. Нравилось, что не бросился Денис ему в ноги, не согласился сразу, не стал пресмыкаться и есть с руки. Жесткий характер просвечивался в нем, решительность, сознательность не по годам. А тот еще удивлялся, откуда он, мол, его позицию знал. А чего тут предполагать, когда у него в глазах все написано. А в глазах его серых — ярость, — холодная, как сталь ножа, что он к горлу Карпова тогда приставил. К любому бы приложил и глотку перерезал. И не оттого, что он гопник какой-то без совести и головы на плечах. Нет, себя бы защищал до последнего. Не было в Шаурине беспринципности, но на что он способен и сам тот, наверное, не знал еще.

Ярость в нем жила холодная, расчетливая, думающая, зрелая. Так и видел в его глазах

свое собственное отражение.

ГЛАВА 10

Из-за жары Денис очень утомился. А по возвращении домой долго не мог вылезти из прохладного душа. Как ни старался уберечься, плечи припекло. Кожу пощипывало, и на ощупь она была горячей. Традиционно мазаться сметаной не стал, не очень приятно ощущать на себе жирную ползучую субстанцию. Пропитаешься, а потом чувствуешь себя курицей в сметане. И пахнешь так же. Уж лучше крем для тела или рук. С разрешения Нины позаимствовал таковой. Помогло. Не облез как ядовитый аспид.

Как только переступил порог квартиры, обостренные чувства отпустили, вдохнул родной уютный запах, а вместе с ним и спокойствие. Но осталось ощущение, будто побывал в котле с чертями. Стоило теперь задуматься, есть ли смысл соваться туда снова. Однако внутри уже давно принял для себя решение. Сейчас же хотел определить цель, и, как обычно, выработать линию поведения, которой лучше всего придерживаться. Только вот и на этот раз хитроумный Монахов не оставил места для маневра. Не сказал, чем конкретно придется заниматься и с кем работать. «Инструктор» звучало весьма расплывчато, и заключать в себе могло больше, чем казалось на первый взгляд. Почему-то Маркелову эту роль не предложили. И тут два варианта: либо Маркелов для нее слишком хорош, либо... Не хотелось быть разменной монетой. И то, что осваиваться нужно будет на месте, — настораживало. А еще вспоминалась ухмылка самого Андрея и слова: «...Может и трудновато придется, ну ничего, привыкнешь».

Уж если суждено играть по чужим правилам, желательно знать их все. И подробно.

В целом, Денис не жалел, что застрял на пару дней в той деревне. Время пролетело незаметно, а природа и погода сгладили все шероховатости, и перепады собственного настроения. А перепад-то был всего один — с похоронного на нормальное.

Чувствовал, что надо привыкать к таким вот волнам. Завтра может подкинуть еще сильнее.

Вспоминал утро. Ранее. Сырое от выпавшей росы.

Дом еще спал. Открыл глаза, точно зная, что на часах шесть утра. Именно в это время просыпался ежедневно, независимо от обстоятельств и желания. В комнате было темно, но лишь потому, что снаружи на окна нависали раскидистые ветки акации.

Выбрался на кухню, где благоухающий аромат кофе подсказал, что не только он среди всех обитателей оказался ранней пташкой. Приподнял белый с голубыми цветами кофейник, — порция как раз на одну чашку. Налил себе и, захватив, вышел на широкое, украшенное деревянной резьбой крыльцо, которое смело можно назвать террасой. На нем хватило достаточно места, чтобы уместить круглый столик и несколько стульев. Но Наталья, — а той самой ранней пташкой оказалась она, — сидела на ступеньке, а не за столом. Сидела, зажав между пальцев тонкую дамскую сигарету. Рядышком дымилась чашка с кофе.

— Доброе утро, Денис, — не оборачиваясь, проговорила и затянулась. Уверенно поправила рыжие волосы.

— Доброе утро, — поприветствовал в ответ и уселся рядом. Вдохнул утреннюю прохладу. Влажный пряный от аромата ночных цветов воздух приятно щекотал ноздри. — Я, кажется, голоса еще не подавал. Спиной видишь? — Разумеется, удивило, что женщина узнала его, не оборачиваясь.

Наталья приподняла уголки губ, намекая на улыбку, и бросила на него слегка снисходительный взгляд:

— Маркелов в такую рань не просыпается. Порошин вываливается из дома, дверью хлопая так, что стекла дребезжат. Остальные все больше толпой, их издали слышно. Так что один ты и остаешься. И шаг у тебя тяжелый. И дверь ты прикрываешь тихо, аккуратно.

— Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, — усмехнулся, отпивая глоток крепкого кофе. — Мата-Хари прям. Такая наблюдательность, — беззлобно съязвил.

Не стал шарить по буфету в поисках сахарницы, поэтому кофе в чашке был крепкий и горький, и немного вязущий. Но с утра его это устраивало. Нехитрое наслаждение. В самый раз, чтобы прогнать остатки сна. К удивлению: заснул сразу, и кошмары не мучили, спал как младенец. И еще бы спал, но режим, черт его...

— Угу. Я люблю за людьми наблюдать. Приходится работать с тем, что есть, потому что развернуться мне особо негде. Успокоился? — равнодушно посмотрела на свои покрытые красным лаком ногти.

Наталья была не так проста, как показалось на первый взгляд. Вот как легко было ошибиться, приняв ее безыскусную манеру одеваться за простоту души и недалекость. Отнюдь. Вместе с тем, он заметил, что волосы у нее всегда тщательно уложены, а кожа чистая и ровная, и ногти всегда ярко покрашены. Это говорило о многом. Да и к тому же... муж и жена — одна сатана. В это он верил. В отношении женщины к Сергею Владимировичу прослеживалось некое раболепие. Своего рода, преклонение. Но это не вызывало отторжения, потому что чувствовалась искренность. Если это имело отношение к любви, то тогда можно смело утверждать: мужа она любит.

— Может быть, — ответил он, понимая, что имелось в виду. Наталью тоже взволновала его схожесть с погибшим младшим братом мужа. — Нервы я, конечно, себе пощекотал, но главное, чтобы бабулю вашу инфаркт не хватил. Если так уж надо, помаячу перед ней. Мне не трудно. Но впредь, хотелось бы заранее знать о подобных сюрпризах. Я, знаешь ли, сюрпризы не люблю.

— Инфаркт, — фыркнула. — Меня саму чуть инфаркт не хватил, когда с Юлькой вас на кухне застала. Они с Гришкой, бывало, так же чай распивали, а ты как раз на том месте сидел, где и он. Мать никак его отпустить не может...

— Невеселенько все как-то у вас.

— Да что ты! Как раз—таки скучать нам не приходится, — стряхнула пепел.

— Не знал, что ты куришь.

— Иногда. Очень редко могу себе позволить утром с чашкой кофе, когда все спят. Ради удовольствия.

— Правильно, слабости — они обязательно должны быть.

— А у тебя какая слабость, Шаурин?

— У меня, — улыбнулся. — Не скажу...

При всей благожелательности собравшейся честной компании, Денис мечтал избавиться от ее общества и попасть домой. Там все знакомое и родное; не нужно ни под кого подстраиваться; ждать подвоха; никто не нарушит твоего личного пространства.

Что еще раз нашло подтверждение, стоило только зайти к себе в комнату. На кровати так и лежали оставленные им вещи. Нина не убрала их в шкаф, не сложила, не повесила аккуратно на стул. Даже не тронула, хотя в комнату заходила.

Войдя в квартиру, почувствовал запах бытовой химии, каких-то моющих средств.

Мачеха провела грандиозную уборку: выстирала шторы, надраила зеркала и окна до блеска. И в его комнате ни соринки не было, но вещи лежали нетронутые. И не потому, что проигнорировала, а знала, что не любил он этого.

Недавние события встряхнули, мир его пошатнулся, но и когда все улеглось, кое-что изменилось. Еще пару дней назад он не обратил бы на все это внимания. Но сегодня резануло. Тогда бы посчитал, что все, как и должно быть: и уборка, и вещи, и стук ножа по разделочной доске, — Нина хлопотала на кухне, — и стакан минеральной воды на столе в комнате сразу после того, как он обмолвился, что хотел пить. Все, как должное. Только вот ему лично Нина ничего не должна. Но, несмотря на это, заботилась о нем, готовила завтраки, беспокоилась, когда он задерживался. Не задавалась вопросом, как он сам к этому относился, и к ней тоже, будучи едва ли не единственной из сердобольных родственников, кто не пытался залезть ему в душу.

Наверное, стоило быть ей за это благодарным.

— Как твой загар? — с улыбкой спросила Нина, когда Денис зашел в кухню.

— Выживу, — вторил ей, отшутившись.

— Совсем ты, хлопец, загулял, — сказал отец, усаживаясь на стол.

— Отдыхать тоже надо. — Нина расставила на столе тарелки с окрошкой, разложила столовые приборы, подала хлеб.

— Только чтобы не в ущерб работе. Странные у тебя выходные посреди недели, — со здоровым скептицизмом отнесся отец к такому объяснению долгого отсутствия сына.

А лгать-то и не пришлось. От него мало что зависело.

— За город ездили, на речку. С начальством. А потому, не спрашивали, как лично я к этому отношусь. Так положено. Но отдохнули хорошо. По мне, надеюсь, заметно.

— Да, хорошо тебя поджарило, — отец прошелся глазами по плечам и голому торсу сына.

— Еще бы! — согласился, но сказано это было с двойным смыслом.

— Тебе Ольга звонила, — сообщила Нина.

— Да? Я перезвоню ей после ужина. Меня, кстати, на другую работу переводят.

— Куда это?

— В спортивный клуб.

— С автосервиса и в спортивный клуб? — засомневался отец.

— У нашего шефа куча разных шарашек под крылом. А ему как раз инструктор в клуб понадобился. Там, как говорится, сила нужна, а не ум. Но это только со следующей недели. Я и сам не знал, как-то случайно все вышло.

— Сейчас эти спортивные клубы на каждом углу и в каждом подвале. Главное, чтобы ничего криминального. — Бдительность Нины не усыпили отрывистые легковесные фразы и спокойный тон.

— Что среди железок может быть криминального?

— Ладно, тебе лучше знать. Сам смотри, — подытожил отец. — Ключи от дома не забудь, если уйдешь сегодня.

— Хорошо.

Денис поел, вымыл за собой тарелку. Бросил короткое: «Спасибо, все вкусно» и чмокнул Нину в щеку. Она смутилась, аккуратно тронула его за плечо и сказала: «На здоровье. Беги».

После телефонного звонка, Денис, как и предположил отец, собрался к Ольге. Уже и

сам подумывал нанести визит, но она позвонила первая.

— Не можешь ты, Шаурин, как все нормальные мужики расстаться. Тебе вот так надо. В глаза. Как по живому резать. Потерялся бы, на звонки не отвечал, наврал что-нибудь, в конце концов, — с грустной иронией говорила Ольга, глядя в темное окно. Покачала головой: — Нет, не про тебя это. Тебе так не надо.

— Я не могу сказать тебе всего того, что ты хочешь от меня услышать, Оля.

Его ровный мягкий голос ласкал слух, но сегодня каждое сказанное слово отдавалось внутри горечью.

— Не сомневаюсь.

Ментоловая сигарета почти не испускала дым. Ольга и затянулась-то всего пару раз, и уже долгое время просто держала ее в руке. Откровенно говоря, Денис не любил курящих женщин. Какой-то с детства вбитый стереотип, что девочки не должны так делать, работал на всю катушку. Но требовать от Ольги бросить эту дурную привычку не приходило в голову.

Она стояла к нему спиной, накинув на обнаженное тело легкий шелковый халатик, едва прикрывающий ягодицы.

Ни в одной из комнат ее огромной квартиры не горел свет. Глаза уже давно привыкли к темноте, и ночь не была глухой, и непроглядной; лунный свет, беспрепятственно проникающий сквозь не зашторенные окна, серебрил комнату, смягчая углы мебели, высвечивая светлыми неопределенными пятнами белые предметы. Даже кофе был сварен почти в темноте, при свете тусклого бра. Ольга замечательно варила кофе по-турецки. С имбирем. И никогда не пила растворимый. Как только две чашки были наполнены, свет погас, и кухня снова растворилась в темноте. Остался только пикантный восточный аромат, смешанный с запахом женских духов. Ярких, резковатых. Привычных.

Они молчали.

Он — потому что все сказал, а она — потому что обещала.

Не собиралась устраивать ему истерик и провоцировать на какие-то откровения. Никому из них это не нужно. Ему в большей степени. Она бы не прочь. Но они договорились. И вполне ожидаемо, что конец все-таки наступит. И наступил. Все же, не смогла сдержаться, не обладала такими стальными нервами, и нотки разочарования прорвались сквозь якобы непринужденный и уравновешенный тон. Непроизвольно вздрогнула, словно, вспомнив, что в руке сигарета, медленно затянулась.

Она красиво курила. Красиво пила. И сама была красивая и изящная. Какая-то аристократичная, с тонкими ясными чертами лица, яркими голубыми глазами и редким цветом волос. Натуральным пепельным. И волосы у нее длинные, достигающие почти до талии. Сейчас распущенные, прикрывающие всю спину.

Не заботило ее, что курила она на кухне, а окна закрыты. Вьющийся дымок стремился вверх, растворяясь где-то под трехметровым потолком. Денис поднялся со стула, подошел к ней, положил ладони на широкий подоконник, заключив девушку в кольцо. Она сразу затушила сигарету и подалась чуть назад, чтобы касаться спиной его груди. Фигура у нее соблазнительная, не испорченная родами и беременностью, хотя последняя имела место быть.

Ольга выросла в интеллигентной семье. Про таких говорят, если не «голубая кровь», то

— «белая кость». В восемнадцать лет влюбилась в какого-то стихоплета, от него же и забеременела. Родители заставили сделать аборт, выдали замуж, не побеспокоившись, что жених на двадцать пять лет старше ее, главное, что от позора уберегли. Не без последствий, однако: детей она после аборта иметь не могла. Зато жила сыто и довольно, как сыр в масле каталась. Только вот мужу своему была не нужна. Он свое получил: жену молодую, видную и высокую должность. Теперь мотался по заграницам, иногда и ее с собой брал. Спасибо, что глаза закрывал на ее грешки, да и Ольга в его личную жизнь не лезла. «Осчастливили», что называется, девочку. А не лезли, и вышла бы за своего стихоплета-песенника, он бы песни горлопанил в подземном переходе, а она перед прохожими со шляпкой в руке бегала, монеты собирала, да счастлива бы была. По-настоящему...

В такое время редкие окна горели ярким светом. Надежда в крошечной темноте. Смотришь и видишь — жизнь продолжается. Но за каждым, ярким или темным — своя жизнь и своя судьба. А в его — новый поворот. И что ждет дальше, пока не известно. Потому самое время все прекратить. Незачем тащить с собой Ольгу.

Их связь получилась длиннее, чем они планировали. Как-то все само собой затянулось. На целых два с половиной месяца. Для кого-то ничтожный срок, но для них, рассчитывавших только на пару приятных ночей, получилось долго. Но Ольга уже начала заметно меняться. Стала нуждаться в нем больше, звонила чаще; чаще хотела видеть, больше интересовалась им. Вне постели. В том и была между ними разница: ему было достаточно, того, что происходило, а ей — нет.

Ольга привлекала внешне, еще больше — физически. Ему нравилось смотреть на нее, разговаривать, нравилась ее отстраненность. Он понимал ее и где-то жалел. Но женщине не нужна жалость. Ей нужно другое, нечто большее.

Ольга поежилась от приятных ощущений, когда сначала его подбородок уперся в плечо, а потом теплые губы легко коснулись шеи.

За это время Денис успел изучить девушку, узнал, что ей нравилось. Ольга не любила дерзость и грубость, боялась этого. Такие жесты ее отталкивали. Наверное, до сих пор в ней сидела та неуверенная девочка, за которую все решили. И невнимание мужа только усугубляло ее самоощущение. И пусть он ей не нужен, но само осознание, что рядом человек, для которого ты — пустое место, разрушало. Вращивало внутри уверенность в собственной никому ненужности и никчемности.

...И в постели она уже не была так холодна, как в начале. Острее его чувствовала, быстрее проникалась ласками.

Знал, что не будет плакать.

Хотя грудь ее вздымалась чаще, плакать она не будет.

Ольга закусил губу, чтобы не проронить ни одной слезинки. Руки Дениса сошлись на талии и, чем крепче он прижимал ее, тем сильнее приходилось закусывать губу. Лицом так и не могла повернуться.

Тогда он развернул ее сам. Не развязывая пояса, спустил с плеч халат.

Хуже всего, что не могла даже обнять его как следует, как привыкла. Потому что плечи его обгорели на солнце, и он не позволял к себе притрагиваться. Это было хуже всего.

Когда губы его приблизились, она приоткрыла свои. Как будто расстегнула внутренние замки. Слезы покатались из глаз. А Денис, поцеловав, тут же почувствовал соль на губах.

— Оля... — оторвался и взял ее за лицо.

А так стало еще больше.

Наплевав на его желание и позволение, Оля вцепилась ему в плечи. Разрыдалась. Что обескуражило Дениса еще больше. Заставило скривиться от неприятных ощущений.

— Не уходи...

Не хотела произносить эти слова, но они сами собой вырвались. И плакать при нем не хотела, но уже себя не контролировала. Он не поймет, ненавидит женские слезы, уйдет и последняя встреча получится совсем ужасной и скомканной.

Это понимание остановило начавшуюся истерику. Отрезвило.

Она успокоилась так же быстро, как и начала лить слезы. Отпрянула, коснулась оголенными плечами прохладного стекла. Попыталась натянуть халат и развернуться спиной. Только он не позволил.

Есть один очень хороший способ успокоить ее. И слова тут не нужны.

Двинулся вперед, раздвигая ей ноги коленом и вынуждая сесть на подоконник.

Завел ладонь под волосы, обхватывая шею пальцами.

Она уже и сама потянулась навстречу. И не цеплялась за него. Распахнула халат, прижимаясь обнаженной грудью.

Похожи они с Веркой. Обе в поиске. Только вот Верка в своем блюде счастлива, а Ольга — нет.

ГЛАВА 11

Кто сказал, что понедельник день тяжелый? Правильно сказал. Именно поэтому Денис в этот день позвонил Монахову, сообщив, что готов работать, а во вторник решил свалиться расслабленным парням как снег на голову.

Шаурин сказал «да», только когда последние сомнения исчезли, и он нашел согласие с самим собой. Как только это случилось, волнение от всего происходящего улеглось. Теперь ему не место. Сейчас единственно важно — понять, в чем суть дела.

В адидасовскую сумку, ставшую в последнее время уже привычной спутницей, он покидал кое-какие вещи. Облачился в темно-синюю рубашку с коротким рукавом и брюки, сделал пару глотков сладкого кофе.

У подъезда ждал Маркелов, приодетый, как на парад. Уже неудивительно, что прислали машину. К таким благам недолго и привыкнуть...

Андрей зевнул, встряхнулся и сел за руль.

— Тебя бы обрить наголо, да в армию. Забыл бы сразу, что такое зевота в восемь часов утра. — Денис закинул сумку на заднее сиденье и сел на переднее пассажирское.

Маркелов взъерошил и без того пышную шевелюру и хохотнул:

— Спасибо, не надо. Там страшно, я там никого не знаю.

У Маркелова было такое лицо, будто едут они на премьеру какого-то кассового фильма. Довольный, того и гляди, присвистывать начнет, он смотрел на дорогу, аккуратно минуя узкие дворовые улочки, чтобы выехать на центральный проспект. А если так, то, видимо, представления не избежать.

Что ж, только быстрее бы с жанром определиться. А уж сценарий будет разработан соответствующий.

Нина права, народ активно ударился в боевые искусства и сейчас на каждом углу, и в каждом сколько-нибудь пригодном подвале устраивали спортзалы с замороженными сенсеями и самиздатовскими пособиями по самообороне.

Белая иномарка остановилась у широкого крыльца знакомого двухэтажного здания, выкрашенного в грязно-розовый цвет.

Надо же! Теперь это оказывается спортивный комплекс с громогласным названием «Гладиатор», а когда-то здесь располагался детский спортивный центр «Пингвин», куда в быту своего детства они с Вадимом ходили в бассейн.

Времена меняются.

Вот так пингвины становятся гладиаторами, а бандиты интеллигентными бизнесменами, стоит только слегка фасад подправить.

— Здравствуйте, Андрей Валерьевич! – бодро поприветствовал охранник на посту у дверей.

Маркелов кивнул.

— Миша, все спокойно?

— Да.

— Сергей Владимирович?

— У себя.

После этих слов они двинулись по просторному фойе к кабинету, спрятанному за широкими двустворчатыми дверями.

Зачем спрашивать на месте ли Монахов, если на стоянке рядом с клубом стоял его «Мерседес»?

Не укрылось, что Маркелов повел себя весьма самоуверенно, если не сказать больше, — как хозяин. Казалось, что и сам он весь как-то подобрался, почти грудь колесом. Оно и понятно. Миша, да и другие парни, что встретились им на пути, бросили на Дениса любопытные заинтересованные взгляды. И Маркелов на его фоне заметно проигрывал. Настал один из немногих случаев, когда Денис поблагодарил доставшиеся неизвестно от кого гены, наградившие его таким высоким ростом, широкой костью и приличной мышечной массой, которая его собственными усилиями приобрела очень выразительную мускулистую форму. В таком обществе физическая сила – не последнее обязательное условие выживания, а иногда и самое первое.

Когда дверь захлопнулась, Денис огляделся и бросил сумку на один из массивных коричневых диванов.

— Здравствуй, Денис. Как настроение?

Посреди большой комнаты стоял бильярдный стол. Монахов собирал шары в пирамиду.

— Доброе утро. Ровное, Сергей Владимирович.

— Вот и прекрасно. Располагайся. Теперь это твое рабочее место, — добавил он, не глядя на вошедших, сосредоточившись только на треугольнике и шарах.

Маркелов изменился в лице. Позеленел от злости, как сукно на бильярдном столе.

— Я думал, что мое рабочее место в спортзале, — еще не совсем понимая, в чем дело сказал Денис, стараясь поймать взгляд Монахова.

Не только для него самого такой оборот дела оказался сюрпризом. Андрей выглядел так, будто получил удар под дых, в солнечное сплетение. Его буквально перекосило, и совладать он с собой не мог.

— И там тоже. Но мне некогда заниматься клубом, а у тебя хватит и сил, и энергии. Думаю, справишься, — в конце концов, он посмотрел на парней, оценивая впечатление от своих слов.

— Спасибо, конечно, за оказанное доверие. Я не ожидал.

— Вот видишь, как в жизни бывает. Надеюсь, неожиданность приятная.

— Можно и так сказать, — согласился Денис, хотя в собственных ощущениях пока не разобрался. — Для меня это большой сюрприз, я даже, как бы это сказать, в растерянности.

— Ничего привыкнешь. Мы тебе поможем. Правда, Андрей?

У Сергея Владимировича была потрясающая способность спокойным тоном пресекать любые разногласия и пререкания. Даже мысли не возникало противиться. Для того, чтобы выразить свою волю ему не нужно даже на полтона голоса повышать. В каждом его слове чувствовалась сила — приказ, не повиноваться которому нельзя. Говорил он как будто по-дружески, создавая ложное впечатление, что ты с ним на равных, но на самом деле это далеко не так.

Денис и сам поддался на эту удочку, только сейчас осознав, что такая манера всего лишь обман. Уловка, чтобы проверить, как далеко может зайти «испытываемый». Здесь и сейчас Шаурин почти кожей почувствовал, что отношения их неуловимо изменились.

Маркелов от шока не мог вымолвить ни слова. Или не хотел.

Монахов сделал очень умный ход. Если между парнями и существовала, так называемая конкуренция, а попросту — грызня, кому занять теплое место, то он одним махом прекратил это, посадив в свободное кресло совершенно нового человека.

И ясно как белый день, что Сергей Владимирович будет подстраивать Дениса под себя.

— Не слышу! — громко сказал шеф.

— Само собой, — с трудом выдавил Маркелов.

— Вот и славно, — одобрительно проговорил Монахов. — Твоя задача натаскивать людей, чтобы они были готовы и к нападению, и к защите, — вновь обратился к Денису. — Обстоятельства, знаешь ли, разные бывают. Для этого у нас есть все доступные средства. А твоих знаний, уверен, вполне достаточно, так как к спорту мы имеем мало отношения. Но об этом я тебе уже говорил.

— Ясно.

— Стрелять умеешь?

— В детстве в тир ходил.

Маркелов издал короткий нервный смешок, тем самым, обратив на себя внимание Монахова.

— Уже хорошо. А у нас здесь свой тир есть. Ну, тебе потом Андрей все покажет. Пойдем знакомиться с парнями. Не со всеми, конечно. Занимаются они в свободное время. Кто-то больше, кто-то меньше. Группы меняются, состав, бывает, тоже. Постепенно всех узнаешь.

— А кто следит за обновлением состава?

— Ты и будешь следить. Искать никого не надо, тебя сами найдут. Просто нужно посмотреть, подумать, что собой представляет человек, и нужен ли он нам.

— Для того чтобы понять, нужен ли нам тот или иной человек, мне, в принципе, нужно знать, кто конкретно нам нужен.

— Правильно мыслишь. Значит и остальное секретом не будет.

— Тогда, прежде чем мы пойдем, можно вопрос? — Монахов кивнул и Денис продолжил: — Для натаскивания можно легко найти профессионального тренера. Почему я? Мы оба понимаем, что это, мягко говоря, глупо.

— Ты молодец, что столько вопросов задаешь. Человек должен знать, где находится. Потому что тренер — это просто тренер, а мне нужно больше. Меня не интересует, за сколько

Ваня или Витя пробежит стометровку, мне важно — как быстро он соображает.

— Все понятно.

Денису, действительно, все стало понятно.

Монахов направился к двери, Денис вышел тоже. Андрей наконец оттаял и двинулся следом. Тонкие ниточки, зародившегося между ними взаимопонимания, оборвались.

Шаурин помнил расположение залов в здании и их количество. Сомнительно, что весь комплекс использовался только для тренировки наемников. Это попросту нерентабельно. Недвижимость, тем более, коммерческая, должна приносить доход. А если не доход, то окупать затраты на содержание должна точно. Они зашли в большой спортзал, визуально разделенный на две части. В одной были установлены тренажеры, а вторую устлали темно —зеленые маты.

Как только Монахов переступил порог, находящиеся в зале мужчины бросили тягать железо и устремили свои взоры на шефа. Постепенно взгляды, зажигаясь любопытством, переползли на Шаурина. Среди мужчин Денис сразу заметил Карпова. Во-первых, белая повязка на запястье привлекла внимание, во-вторых, его рожу он во век не забудет.

— Познакомьтесь, Денис Алексеевич Шаурин. Прошу любить и жаловать. Он будет вашим тренером, наставником, инструктором. Называйте, как хотите. Теперь он здесь Бог и царь.

Такое вступительное слово Дениса не порадовало. Это было сказано не для того, чтобы установить доброжелательный дружеский контакт. Никто не примет чужака, не станет называть его по имени и отчеству. Никто не подчинится пацану, который появился неизвестно откуда. Одно дело знать, что перед тобой брат Монахова, другое — видеть неизвестного, ничем не отличившегося малолетку. Не важно, что Монахов привел его сюда сам и наградил такими «титулами». Для всех он обычный малолетка, хотя большинство не многим старше его самого.

В своих рассуждениях Денис не ошибся. На лицах замелькали кривые многообещающие улыбки. У Карпова она была всех ярче.

Монахов вышел из зала, Маркелов бросился вслед за ним. Вероятно, решил все же на парочку интересующих его вопросов. Сегодня он действовал как прилипала — небольшая рыбешка, сопровождающая акулу, в надежде нахаляву отхватить смачный кусок.

Денис не побежал за Сергеем Владимировичем, а остался на месте и вгляделся в собравшихся. Довольно разношерстная компания, но на каждом лице один и тот же отпечаток. Было что-то объединяющее их, как родственников в одной семье.

— Денис Алексеевич... — злобно и язвительно сказал Карпов, выражая открытую насмешку и неприязнь. Проговорил негромко, но достаточно, чтобы Денис услышал, да и все остальные тоже.

Не раздумывая, Шаурин подошел к нему и тот сразу же поднялся со скамьи, чтобы столкнуться с ним нос к носу. Хотя нос к носу в прямом смысле не получилось — Карпов был ниже.

— Хороший у вас «айболит», профессионально тебя заштопали. Красавец, — саркастически усмехнулся Шаурин, сверкнув глазами, безбоязненно нарушая пространство между ними, смело вторгаясь в так называемую интимную зону, почти касаясь его грудью и наступая на мыски.

Озверевший Карпов, у которого ноздри раздувались и, образно говоря, пар из ушей валил, ожидал от Дениса открытой агрессии, но никак, что тот протянет руку и похлопает

его по щеке. Да еще так пренебрежительно. От такой наглости Карпов потерял дар речи и забыл, для чего поднялся с места.

Денис внешне не выразил своего состояния, не дернулся, не отступил, но внутри весь напрягся, ожидая реакции, не отрываясь от наглеца, попутно краем глаза отслеживая шевеления по другую сторону.

— Я бы на твоём месте даже не пытался, — предупреждающе сказал, когда Карпов открыл рот. — Следующий раз Папы рядом не будет и рука у меня соскользнет. — Впился взглядом в расплосованную щеку и через секунду отошел. — Приятно познакомиться. Надеюсь, мы подружимся, — зычно сказал, обращаясь ко всем.

— А если нет, Денис Алексеевич? — спросил кто-то с издевкой.

— А если нет... — посмотрел на Карпова и вернулся к говорящему: — А оно вам надо? Ну? Соображайте. Думать здесь буду я.

Ответа, собственно, он не ждал, потому круто развернувшись, вышел из спортзала. Еще некоторое время парни слышали звук его удаляющихся шагов по мраморному полу. Дольше, чем обычно слышатся любые другие. Все благодаря тому, что снашиваемые углы каблуков были подбиты железными пластинами, — единственная возможность проносить туфли дольше, чем месяц. Неудивительно, при такой комплекции.

По коридору Шаурин шел уверенно. Во-первых, потому что этот центр знал, как свои пять пальцев, а во-вторых, потому что первый шаг на новом пути был сделан безболезненно. То, что дорога окажется сложной, он предполагал, но что обернется все именно так — совсем нет.

Как он и чувствовал «инструктор» совсем не отражало всего того смысла, что приобрело это понятие после сегодняшнего разговора с Монаховым. Прибавить сюда и новые обязанности... Получается, что на нем не просто тренировка и натаскивание, а силовой контроль. А это куда сложнее и опаснее. А главное, помогать ему в этом никто не будет. Но отступать он не намерен. Монахов уже двинул его вперед, пусть и удружил, представив по имени отчеству. Но разуверять публику и считать себя со всеми на равных Шаур не собирался. А сейчас он уже, может быть, не намного, всего на полшага, но впереди.

К Монахову и Маркелову присоединился Игорь. И он, в отличие от Маркелова, таким подавленным не выглядел. Посматривал на Дениса с довольной ухмылкой, натирая кий мелком.

— Ну, как тебе наши ребята? — сразу спросил он, как только Денис вернулся в кабинет.

— Нормально. Ребята как ребята.

— Я тоже так думаю. Рышнутся раз-другой, а потом перестанут.

Своими размышлениями Денис делиться не стал. А думал он над тем, что установку, принятую парнями, нужно ломать жестко и радикально. Здесь время не в его пользу и долго ждать, пока они все ни с того ни с сего его зауважают бессмысленно. А Карпов сейчас со своей ненавистью как нельзя кстати. Пусть накаляет ситуацию, сам того не зная, выступая лакмусовой бумажкой отражая внутренние движения и обстановку.

Монахов достал из шкафа початую бутылку коньяка и четыре бокала. Разлил спиртное и поднял свой:

— Отметим твое удачное назначение, Денис. Ты среди нас новый человек, но я очень надеюсь, что не подведешь.

— Постараюсь, Сергей Владимирович.

— Чем сможем, поможем, — прибавил Порошин.

— Удачи, — буркнул Маркелов.

Распитием алкоголя не увлеклись. Употребив по отмеренной порции, занялись делами. Монахов уехал, Порошин и Маркелов изображали участие, вводя в курс дела. Хозяйственные вопросы Дениса мало интересовали, а вот вопросы взаимоотношений внутри коллектива — особенно. Он задавал вопросы, получал ответы. Что-то его устраивало, что-то нет. Кое-что было понятно, но над многим нужно было подумать.

Следующие два дня прошли в режиме наблюдения. Он не дергал парней, лишь присматривался, слушал, что говорят и как между собой общаются. Пытался выявить среди них явных лидеров. И скрытых тоже. Запоминал по именам и прозвищам. Это обязательно.

Карпов, кстати говоря, оказался не «серым кардиналом», а вполне открытым агрессором со своими приспешниками. И, как водится, действовал предсказуемо: начал баламутить воду, будоража коллектив, что сразу позволило условно разделить народ на несколько категорий.

Первые отличались полным равнодушием к происходящему. Они не проявляли интереса, и подобные движения их волновали мало.

Вторые явно примкнули к бунтарям. К счастью их было не много.

Третью группу составляли повисшие в воздухе: инициативы ноль, но при правильной агитации легко встряхнутся.

И, все же, не было у Карпова столько влияния, чтобы направить людей, куда ему нужно. И стычка их явно показала его недавний проигрыш, потому и поддерживали его, по всей видимости, те, кто должны, а не те, кто хотели.

Однако, даже самый матерый волк-одиночка бессилен против стаи диких псов. Все это наводило на определенные мысли. Тем более таким уж матерым волком среди них сам Денис не был...

Мирное существование на одной территории с трудом продлилось четыре дня. Пока один из спаррингов не перерос в откровенную драку. Тогда Шаурин вмешался.

— А может, вы, Денис Алексеевич? — злорадно ухмыляясь, вскинул кулаки Паша, который и затеял потасовку.

Денис никогда не угрожал, размахивая кулаками, и не проговаривал речевок, прежде чем ударить. Бил сразу по прямой с максимальной скоростью, мгновенно перенося вес всего корпуса на контактную поверхность. Вот и сейчас не стал. Действовал по известному принципу «Один удар — один труп». Потому Паша через секунду рухнул на мат. Никто не удивился, не округлил глаза, не бросился приводить в чувства нокаутированного Пашу. Все понимали, зачем тот затеял драку. Свое получил.

— Хотел же по-человечески, — Шаур стряхнул кулаки и пошел в сторону двери. — Свободны все, — сказал твердо, но, не повышая голоса. Решил, что не время еще рявкать.

— Денис Алексеевич, — неожиданно его окликнули. — А этого куда?

— В лес и закопать. Шутка, — неслышно выдохнул. — Ведро воды ему на голову и пусть домой валит. Куда его еще... Ко мне по имени можно. Разошлись все, партсобрание не устраиваем.

На лице его ни один мускул не дрогнул и только когда зашел к себе, сжал челюсти, и кровь в лицо бросилась. Ладони огнем горели. Теперь все постепенно должно устаканиться.

Успокоятся, как пить дать. Хоть и специфичное общество, но эти с полуслова такие вещи понимают.

К его кабинету примыкала отдельная раздевалка и своя душевая. Повернув ключ в дверях, Денис стянул влажную от пота майку, включил воду и сбросил остальную одежду.

Только вышел из душа и натянул брюки, услышал стук в дверь. На пороге стоял охранник.

— Проходи, Миша. Что случилось?

— Денис Алексеевич, мы с Сергеем Владимировичем давно договаривались, а теперь я даже не знаю...

— О чем договаривались? – Денис открыл шкаф и снял с плечиков черную рубашку. Накинул, застегнул пуговицы.

— Меня завтра до обеда не будет.

— Почему? – Кивнул вошедшему Маркелову и достал минералку из холодильника.

— Тещу в больницу надо отвезти.

— Не вопрос. Кто за тебя?

— Свиридов должен быть.

— Вот договорись окончательно со Свиридовым и гуляй. Если нет, то завтра чтобы был на месте. Давай бегом, пока я здесь.

— Привет труженикам тыла, — осклабился Маркелов.

— И тебе не хворать. – Денис глотнул из бутылки. Солоноватая вода приятно освежила, пузырьки газа ударили в нос.

Андрей вытащил из кармана брюк небольшую связку ключей и бросил Денису. Тот поймал ее и посмотрел на брелок с логотипом «BMW».

— Монахов передал. Машина в гараже.

— Папе спасибо. – Сунул ключи в карман.

Дверь приоткрылась, и в кабинет снова заглянул Миша:

— Я договорился.

— Молодец, свободен.

Миша испарился. Денис посмотрел на Андрея, тот катнул бильярдный шар на столе и застыл, наблюдая, как он со звонким щелчком ударится о деревянный бортик.

— Андрей, иди сюда, — подцепил его за локоть и потянул за собой. Маркелов сделал попытку сопротивляться. – Иди садись. – Толкнул его в кресло за рабочий стол. Причем сам еще не сидел в нем ни минуты.

Кабинетом эту комнату назвать было сложно, потому что, имея в виду рабочий кабинет, мысленно представляешь себе помещение с большим письменным столом и кучей шкафов. Здесь же небольшой стол сиротливо примостился в углу, хотя кресло к нему было приставлено большое и удобное. Зато самый центр занимали бильярдный стол и кожаные диваны с немного потертыми подлокотниками. Стекланный журнальный столик перемещался из угла в угол в зависимости от своего назначения.

— Как? Хорошо сидится? – спросил Денис, нависая над мужчиной. Маркелов уперся ладонями в подлокотники, чтобы встать с места. – Нет-нет, — снова толкнул его в грудь, припечатывая к спинке, — ты посиди, расслабься. Ты же этого хотел? Сюда метил?

— Шаур, какого хера?

— Какого хера ты мне нервы мотаешь своими обидами. Нам с тобой делить нечего, у тебя своя стезя, у меня — своя. Мне лично этот головняк нахрен не нужен, я бы в спортзале

этому сброду морды бил и никаких проблем. Да я рад буду, если тебя сюда посадят. Только от меня тут ничего не зависит.

Шаурин лукавил. Ой, как лукавил... Этот «головняк» его абсолютно устраивал. И место свое он никому отдавать не собирался. В голове его уже созрело несколько идей. Но надо сказать Маркелову то, что он так жаждал услышать. Война с Маркеловым ему не нужна.

— Не мути. Никто меня сюда не посадит, — возразил Андрей.

— Тогда давай придем к какому-нибудь консенсусу, — настойчиво убеждал Денис. — Не надо друг друга злить. — Продолжал нависать, упираясь одной рукой в крышку стола, другой в спинку кресла над головой Маркелова, загоняя того в угол, почти в прямом смысле. — Кто знает, что будет завтра.

— Ладно, — Маркелов встал с места, некоторое время с прищуром смотрел на Дениса, потом подтолкнул в грудь: — Пойдем посидим где-нибудь, поговорим спокойно.

— Уважаю твою сообразительность, — польстил ему Шаурин, впрочем, не сомневаясь, что Маркелов прислушается к его словам и внимет внушению. И не потому, что он легкоуправляемый. Как раз наоборот. Но достаточно смекалистый, чтобы понимать очевидные вещи.

Маркелов человек амбициозный, только старательно скрывающий свои порывы. Но в определенные моменты натура всегда вырывается, и затолкать ее обратно очень трудно. Да что там трудно, Денис и по себе знал, что почти невозможно.

Андрей, со своей стороны, осознавал, что есть у этого парня какое-то тайное невидимое всем преимущество, раз Монахов так быстро продвинул его. И лучше установить контакт, пока Шаурин не начал этим преимуществом активно пользоваться.

ГЛАВА 12

— Ну надо же! Какие люди! — Вера открыла дверь и скрестила руки на груди, застыв на пороге.

— Верунчик, и в гости что ли непустишь?

Странно, что в такое время вид у нее был бодрый, будто и не спала вовсе.

— Думаю, — нахмурилась она, окидывая позднего гостя с головы до ног придирчивым взглядом.

— Три секунды у тебя. Раз...

— Сволочь. — Вера вцепилась в рубашку и затащила Дениса в квартиру. — Натрахался где-то, нашлялся, а теперь про Веру вспомнил!

— Вера, иди нахрен со своими претензиями, секса хочу.

— Да что ты! Хоть бы цветы принес! — вплеснула руками, округляя карие глаза.

— Завтра, Верочка. Все завтра. Будут тебе и цветочки, и эскимо на палочке. А сейчас раздевайся.

Верочка, впрочем, уже позабыла про свои обиды и, закинув руки ему на плечи, приподнялась на носочках.

— У-м-м... — нетерпеливо захныкала, желая, чтобы ее ухватили за зад.

Что Денис и сделал. Не без удовольствия.

— Верочка, что-то ты похудела.

— По тебе иссохлась вся, — поведала Верочка, крепче обхватывая его бедрами. — О-о-о, Шаурин, да ты пьян.

— Я не пьян, я зол.

— Еще лучше. Обожаю, когда ты такой.

— Извращенка.

— А ты не знал!

— Знал, Верочка, потому ты для меня единственная и неповторимая.

— Я тебя тоже люблю. Больше всех.

Денис хохотнул. Верочка довольно замурлыкала, кусая его за мочку уха, пока он осторожно передвигался по квартире, стараясь не сбить какую-нибудь напольную вазу и вписаться в дверной проем. Все было бы легче, если бы Верочка оставила свои притязания на попозже, когда они доберутся до постели. Но негодница обхватила его крабовым захватом, не собираясь оттягивать момент прелюдии.

Когда Денис остановился у огромной двуспальной кровати, Вера решила сменить тактику. Ловко освободившись от объятий, она толкнула его на спину и проворно забралась сверху. Довольно поерзала, дразня, и, потянув руки к голове, вынула из волос несколько шпилек. Темные локоны мягко легли на ее плечи.

— Вера, или раздевайся, или слезь с меня. — Приподнялся и включил ночник. Приятный неяркий свет залил комнату.

В предвкушении удовольствия Верочка закусил губу. Пальчики ее принялись за пуговицы. Проворно освободили его от рубашки. Выгибаясь как кошка, она потерлась о мускулистое мужское тело. И хотя внутри все подрагивало от нетерпения, Верочка не торопилась обнажаться, а лишь улыбалась, ласкаясь, поглаживая грудь Дениса и пробегая по его широким плечам.

— Вера. Плохая девочка, — сказал, с улыбкой наблюдая за ней из-под полуопущенных ресниц.

Девушка снова прильнула к нему, прижимаясь, покрываясь мурашками от ощущения горячих мужских ладоней у себя на ягодицах.

— А как же предварительные ласки? Как же романтика?

— Я тебя пять лет знаю, тебе достаточно вылететь из трусиков, чтобы быть готовой. Утром, Верочка. Утром я тебя обласкаю, как только ты захочешь.

— У тебя на утро уже дел вагон и маленькая тележка запланировано. А утро уже через несколько часов наступит.

— Вот и поторопись, а то не успеем.

Верочка впиалась ему в шею губами, лизнула, а потом прикусила.

— Вера, я тебе голову отверну, если ты что-нибудь оставишь. Знаешь, я этого не люблю, — приглушенно говорил, зарываясь пальцами в ее кудрявые волосы.

— Я аккуратно, миленький, — муркнула она, прикусывая еще раз. Потом ручки ее взяли за ремень на брюках. Остальная одежда соскользнула на пол, и Верочка снова уселась, постанывая и сжимая бедра.

— И все-таки я по тебе соскучился, — глубоко вздыхая и запрокидывая голову, пробормотал Шаурин.

— Да, это очевидно. Одна твоя часть по мне точно соскучилась, — ухмыльнулась Вера, остро чувствуя, в какой именно части его красивого сильного тела сконцентрировались вся тоска и скука.

Ее губы жадно приоткрылись к его приоткрытому рту, бесстыдно лаская язык.

— Выпорю... — прошептал Денис.

— Можно, — с полустоном выдала она. — Этого мы еще не пробовали, — вздрагивала в сексуальном томлении, с наслаждением наблюдая, как по скулам его расползается румянец, и он стискивает челюсти, стараясь сдерживать бешеную волну возбуждения. И сама уже двигалась, чувствуя болезненные ноющие ощущения внутри себя.

Все же, Верочка приняла его слова как руководство к действию. Проворно стянула с себя футболку, оставшись в черных трусиках. Но только на несколько секунд. Трусики слетели тоже, и она с довольным стоном села сверху, выгибаясь от невероятного удовольствия, какое испытывала почти всегда в этой позе.

— Господи, благодарю тебя за то, что в моей жизни есть Шаурин, — задыхаясь от восторга, проговорила она.

Денис расхохотался, хотя сейчас было ну совсем не до смеха.

— Вера, бесстыдница. Вечно из секса комедию устраиваешь.

— Это не комедия, а правда жизни, — вздохнула она, ритмично и плавно двигаясь вверх — вниз, упираясь руками в спинку кровати. — Не знаешь ты, как тяжела женская доля без крепкого мужского... — охнула, — ...плеча.

— Вера, закрой рот. Или останешься без оргазма.

— Поздно...

Как только тяжелые портьеры намекнули, что рассвет постучался в окно, Шаурин открыл глаза и уставился в потолок. Вера мирно сопела рядом, крепко прижавшись, так что между их телами он чувствовал влажную испарину. Попытка снова уснуть, как обычно, провалилась. Осторожно отлипнув от подружки, Денис выбрался из кровати, чтобы освежиться под душем. Освежиться удалось сполна, потому что горячая вода оказалась совсем не горячей. Обмахнувшись полотенцем, вернулся в спальню и начал собирать раскиданную по комнате одежду, чтобы прикрыть свой голый зад. Вера не шелохнулась. Денис прилег рядом и, пригнувшись, негромко проговорил ей на ухо:

— Вера, будешь кофе?

— М-мм... — скривилась, утыкаясь лицом в подушку, что означало: «Отвали».

— А омлет? — настойчиво предлагал он, но она так же упорно отказывалась открывать глаза.

— Не хочу я никакого омлета.

— Я хочу, Вера.

— В холодильнике найдешь все, что тебе надо. Где кухня знаешь, — подняла руку и ткнула пальцем в сторону двери.

Наглость, конечно, с ее стороны. Никакой благодарности за утренние ласки и доставленное удовольствие, но трогать Веру утром — равносильно, что подносить спичку к бочке с порохом. Взорвется и обматерит ни за что.

Прошел на кухню, поставил чайник и фыркнул, узрев на столе рядом с громоздившейся кучей книг и тетрадей тарелку с засохшими бутербродами, и недопитую чашку чая. Выбросил сухари в мусорное ведро, убрал посуду в мойку. С тяжелым вздохом стер с поверхности стола коричневые круги, оставленные доньшком чашки.

Пока чайник грелся на плите, взял одну из книг и прочитал название. В руках у него оказался труд Бакунина «Государственность и анархия». Полистал страницы, просмотрел

пару абзацев по диагонали. Мысли, однако, возвращались к разговору с Маркеловым. Кроме того, что они договорились о взаимном нейтралитете и поддержке во благо покоя Монаха, ничего дельного он не узнал. Наверное, боятся пока при нем называть вещи своими именами. Тем не менее, некоторые выводы о том, почему Монахов так прочно и устойчиво сидит, сделал. Хотя это итак немало. А время покажет.

Выступая, словно пава, на кухню вплыла Верочка.

— Не спится? — усмехнулся Денис и вернул книгу на место.

— А разве ты дашь поспать? Грмишь как слон в посудной лавке, — насупившись, проворчала подруга, потирая лицо.

— Не преувеличивай. Я уже полчаса сижу тихо и дышу через раз. Тебя просто совесть замучила.

— Не дождешься, — буркнула и вытащила из холодильника яйца для омлета. — Есть ростбифы. Разогреть?

— Нет, холодные давай.

— Да ради бога, — пожалала плечами.

— Я и не предполагал, что все так плохо. — Иронично вздернул бровь и кивнул на гору книг на столе.

— Хуже некуда, — призналась Вера. — Кажется, родители вознамерились выдать меня замуж. Пристроить, так сказать. И уже есть подходящая, по мнению маман, кандидатура.

— Окстись! Куда тебе замуж?

— Я им так же сказала. Уж лучше спать с учебником по гражданскому праву. Но мама все равно продолжает таскать домой одного нудного аспиранта. Поэтому я поступаю в аспирантуру.

— А-а, ну да. Клин клином вышибают. Я уж подумал, что ты решила революцию устроить, Вера—Анархия.

— К экзаменам готовлюсь. Буду воплощать в жизнь мечту родителей, пойду работать к отцу на кафедру, напишу диссертацию, стану кандидатом, потом попру в доктора.

А мечты у папы, — доктора юридических наук, заведующего кафедрой криминалистики в одной из высших школ города, — в отношении дочери были вполне реальными и обоснованными. Не зря Верочка так высоко метила.

— Как у тебя все распланировано, прям завидую твоей целеустремленности, — съехидничал Денис.

— Все равно собиралась, только думала погуляю годик-другой. А тут — на тебе! Нет, у меня другие планы, извиняйте. Возьму маму в научные руководители, мозги так ей сверну, что она и думать забудет о моем замужестве.

— Это да. Мозги свернуть ты можешь.

Вера щеголяла по кухне в одной футболке. Поговорить для нее — как дышать. Косноязычием не страдала, а потому сон у нее прошел быстро, и наступила бодрость духа, позволившая ей в считанные секунды накрыть на стол. Она поставила тарелки, разложила столовые приборы и села рядом.

— Кофе нет, — сообщила, поймав подозрительный взгляд Дениса, направленный на дно чашки с чаем.

— Как обычно, — вздохнул он.

— Не забудь, с тебя еще цветочки и эскимо. — Верочка лукаво улыбнулась.

— Я вместо эскимо, а цветочков у тебя целая клумба будет.

— Ох, как утром ты заговорил! А вчера так столько всего наобещал! – покачала головой.

— Верочка, ты же знаешь, в такие моменты во мне просыпается ненужная тяга к романтизму. Правда, по мере расщепления алкоголя в крови, она проходит.

— Все вы такие, спяну готовы горы свернуть.

— Ну что ты! На горы я не покушаюсь, я тебе только цветочки обещал. Есть планы на сегодня?

— Вот мои планы. – Кивнула на книги по философии. Ковыряться в тарелке, все же особого аппетита в такой час не испытывая.

— С собой бери, поедем на дачу, расслабим нервы, — Денис глотнул чая, но показалось, что сахара маловато. – Вообще не сладкий.

— Я тебе сахар не клала, — помотала головой Верочка. – Мне мама всю жизнь говорила: «Вера, никогда не сахара мужикам чай!» А маму слушать надо. А нервы, кстати, у меня не особо натянуты.

— Бред какой-то... Не надо быть эгоисткой, Верочка, ты не одна в этом мире. Танюху надо из дома вытащить, а то ее мультик в командировке.

— Танюшку? С удовольствием с ней пообщаюсь. А может тогда на нашу поедем? Мои родственнички свои жирки на море греют, так что точно не нагрянут. Никто нам мешать не будет. Дом большой, места всем хватит.

— Да, и Вадю возьмем, договорились встретиться. Живем в соседних подъездах, а все увидеться не можем.

— О, Вадю обязательно! Он мне нравится, — Вера расплылась в мечтательной улыбке.

— Вот только Вадю не тронь! Хвостом вильнешь, а потом будешь парню мозги пудрить.

Верочка слыла очень темпераментной особой. А потому богатство ее в виде огромного числа воздыхателей было неиссякаемо. Но при всем разнообразии, Вера действовала только по зову души. Потому что всеми остальными благами она была обеспечена.

— Ой, ну чего ты всполошился! Ревнуешь? – самодовольно проговорила она, впрочем, не питая таких надежд. Шаурина знала не первый день, и ей было прекрасно известно, что на такое чувство, как ревность, он был просто не способен.

— Ве-е-е-рочка! – протянул он. – Ты же умная девка! Какая здесь может быть ревность? Что за гнусные мыслишки у тебя бродят?

— Уговорил, — будто согласилась она. – Заключаем пакт о ненападении на Вадима.

Вытащить Таню из дома, как планировал Денис, не удалось. И объяснение отказа погреть косточки на солнышке, да отдохнуть душой и телом его не устроило. И вся сложившаяся ситуация в целом ему не понравилась. Сестру он застал не заплаканной, но со следами на лице слез и бессонной ночи — красные опухшие глаза и отсутствие улыбки, какая неизменно сверкала на губах при виде брата.

Танюшка вообще улыбчивая, редко можно застать ее в упадочном настроении. А если и бывало такое, то боролась она с этим своими средствами. Закрывалась с книжкой, читала, настраивалась, думала. И сама оживала постепенно, и другим нервы своими перепадами не портила. Она не из тех, кто кусают в ответ, когда им больно.

— Таня, что случилось?

— Ничего, — хлюпнула она носом.

— Ничего? Ты мне голову не морочь! – сходу взвился брат. Причина у такой внезапной депрессии могла быть только одна. И «причина» эта скоро по зубам получит. Не в первый раз замечал он Таню до такой степени расстроенной.

— Танюш, ну ты чего? – Вера стиснула ее плечи. – Хорош хандрить! Поехали с нами, отдохнем, что-нибудь вкусенького мальчишкам приготовим, посидим, поговорим. У тебя выходной?

Таня посмотрела на Веру и покачала головой, пытаясь выдать что-то похожее на улыбку. Но уголки губ упрямо опускались.

— Я в отпуске. Спасибо, Верочка, но я не могу.

— Тань, может, и правда наплевала бы уже? — вмешалась Ксюша. — Ты знаешь, я всегда молчу, со своими советами не лезу, но тут даже у меня терпения не хватает. Это уже не в какие ворота не лезет.

— Кто-нибудь объяснит мне, в чем дело? Или так и буду, как пень тут стоять? – начал терять терпение Денис.

— Просто наш обожаемый муж устроил сцену ревности, когда не смог дозвониться до Тани с первого раза. Видите ли, она должна сидеть целый день у телефона и ждать его звонка, — продолжила подруга.

— Ксюш! – одернула Таня.

— Это я еще не рассказываю, какими словами он тебя обозвал! – Ксюшу уничтожающий взгляд подруги вообще не смутил. — А что? Я, например, такого отношения к себе не позволяю. И пусть бы только кто-нибудь попробовал меня назвать шлюшкой! – Ксюша совсем разошлась.

Словно ища поддержки, она встала рядом с Денисом и уперла руки в бока. Глаза ее сверкали, а губы сжались в тонкую полоску. Присутствовал бы здесь Боря, вне всякого сомнения, она бы его в ключья разодрала.

Если раньше девушка скрывала свою неприязнь к Таниному мужу, то сейчас отношение к этому типу было как на ладони. Теперь пожалела, что не вмешалась, не попыталась открыть Тане глаза, когда та по уши увязла в любви и ослепла, принимая агрессивные вспышки за темпераментность, а ревность за доказательство любви. Только Борина ревность ничего не имела общего со здоровым собственническим чувством нормального мужчины. В пылу он бросался грязными словами, устраивал скандал, с успехом доводил жену до слез. Он был маниакально ревнив. Взрывался без повода и причины. Даже в командировке, на расстоянии умудрялся устраивать сцены. Портил Тане настроение, обвинял во всех смертных грехах. А уж мирился потом как... В соответствующей атмосфере: со свечами, цветами, конфетами. Устраивал романтический ужин, слезно и, приложив руку к сердцу, просил прощения, уверял в своей неземной любви. Татьяна прощала. Конечно. А как иначе? Любовь. Что тут поделать? Только вот Ксюшу такие отношения сразу насторожили, хотя поначалу Борис проявлял себя гораздо скромнее.

После Ксюшиной тирады, выражение лица Дениса приобрело еще более зловещее выражение, а намерение увезти сестру из дома только укрепилось. Он встал перед ней, возвышаясь и сверля взглядом, в котором светилась откровенная и неприкрытая ярость, отчего Таня еще больше сжалась в комок. Давно уже она перестала чувствовать себя старшей сестрой. А тот мальчик, которого сама воспитывала, остался лишь в памяти. И хотя понимала, что гнев его не направлен на нее лично, внутри приготовилась защищаться.

— Дай мне его номер. Я поговорю с ним.

— Нет, — Таня вскинула влажные от слез глаза.

— Таня, дай мне его номер телефона! — сказал громче.

— Ничего я тебе не дам! Успокойся! — встала с дивана, но неловко застыла на месте, толком не зная за что хвататься. Прошла по комнате.

— Ты и сегодня собираешься у телефона целый день сидеть звонка ждать? — В ответ Таня прерывисто вздохнула, не подтверждая слова, но и не опровергая их. — Что за идиотизм?.. — дальше последовал поток самой изощренной нецензурной брани. Обычно Денис не использовал мат для связки. Ума хватало выражаться ясно и без этого. Но сегодня других слов просто не нашлось. Словарный запас, иссушенный гневом, стремительно опустел.

И в чужом белье он не любил копаться. Когда спрашивал сестру, как у нее дела, не ждал, что она начнет рассказывать о своих жизненных казусах. Но в этот раз промолчать не смог. Даже не думал молчать. Раз уж Ксюша забеспокоилась, значит — есть повод. Ксюше он верил, она за Татьяну всегда переживала. У Тани много подруг, приятелей, она со всеми старалась поддерживать дружеские отношения, но только Ксюша знала все ее секреты.

— Это не идиотизм, — тяжело выдавила из себя сестра. — Я не хочу ссориться. Мы и так уже разругались в пух и прах.

— А не послать бы его... — предложил Денис, звякнув ключами от машины.

Верочка поднялась с дивана, понимая, что разговор окончен. Положила ладонь на поясницу Дениса. Поглаживающим движением скользнула по мягкой слегка вылинявшей ткани сиреневого цвета футболки, обтягивающей широкую спину. И сама боялась, когда видела его в таком состоянии, потому попыталась успокоить, хоть немного сбить напряжение. Все-таки он с сестрой говорил, а не с отморожками какими-нибудь.

— Пойдем, Вера. Вадим ждет. А с тобой я позже еще поговорю, — снова посмотрел на сестру тяжелым взглядом и вышел из комнаты.

— Танюша, я тебе позвоню, — кивнула Верочка и выскочила следом.

После того, как хлопнула входная дверь, девушки в унисон вздохнули и выдохнули. Только Ксюша с облегчением оттого, что Денис в курсе и возможно как-то повлияет на жизнь сестры, а Таня от нелегкого осознания, что новый конфликт неизбежен.

Она потому и не рассказывала о своих проблемах, не делилась переживаниями, Денис из таких людей, которые прощать не умеют.

Что называется, замарался перед ним раз — век не отмоешься.

Таня на дачу не поехала, Вадим тоже собирался как-то вяло.

— Дома что ли не ночевал? — спросил Денис, глядя на заспанного и слегка помятого друга.

— До шести утра вернулся — дома ночевал, — пробубнил Вадим, плюхнувшись на переднее сиденье.

— Точно, я и забыл. Ничего, сейчас приедем на место, поправим твоё здоровье.

— Премного благодарен за такую заботу, — вздохнул Вадим и прикрыл глаза, откинув голову. Отрешился от посторонних звуков, намереваясь немного поспать по дороге. Под еле слышное шуршание шин по асфальту получилось как под колыбельную. Легко и приятно.

Веркина дача — идеальное место для отдыха. Большой двухэтажный дом охраняли

яблоневые деревья и кустарники боярышника; клумбы пестрели многолетними цветами, среди которых особенно выделялись алые флоксы. Идиллия, царившая здесь, так и просила примолкнуть. В такой интеллигентной красоте совесть не позволяла устраивать шумные пьянки. Да и температура воздуха не вызывала такого желания. Единственное, чего хотелось точно – это окунуться в прохладную воду. Верочка провела масштабную агитацию: переоделась в купальник, нацепила соломенную шляпку и утащила парней на берег.

Вдоволь наплескавшись, они вернулись в дом. Верочка стойко продержалась до шестнадцати часов, потом отбросила книжки, завалилась на диван в большой комнате и теперь спала без задних ног. Ее желание пошуршать на кухне растворилось, едва кудрявая голова коснулась подушки. Потому парни остались, так сказать, на подножном корме. Спасли положение овощной салат и Веркины ростбифы, которых она, подавшись непонятно какому порыву, загодя нажарила на целую неделю, а теперь кормила их всеми, кто попадался у нее на пути.

— Умаял подругу? – усмехнулся Вадим. Вытащил из ящика пару бутылок пива.

— Сама умаялась. Аристотель самый лучший любовник. Это похлеще Кама—Сутры будет.

Денис и Вадим сели на открытой веранде с северной стороны дома. Крыша защищала от беспощадных солнечных лучей, а набегавший то и дело ветерок приятно охлаждал кожу.

— Рассказывай. – Вадим отсадил металлическую крышку о край деревянного стола. Теперь, когда Вера оставила их тесную компанию, не терпелось начать разговор. Хотя терпению Вадима любой бы позавидовал.

— А что рассказывать? Деньги на карман падают – самомнение растет. Как в той песне: «перемен требуют наши сердца». – Денис приложил руку к груди. Но не для того, чтобы добавить эффекта. Замучила изжога. Веркины котлеты, черт бы их побрал. Потому не спешил откупоривать свою бутылку с пивом.

Вадим рассмеялся.

— Самоирония – это, конечно, хорошо. А если по существу?

— По существу все до неприличия прилично. Машину даже для мобильности подогнали. Правда, без сигнализации. – Это первое, на что обратил внимание Денис, когда утром забирал авто из гаража у клуба. Новенькая «пятерочка» не была оснащена какими-либо противоугонными средствами.

— Смеешься? Зачем на такую машину сигнализацию устанавливать? Кто ж ее сопрет? Ее каждая воровская собака знает, не то что «мастера». Монаховские машины в списке «неприкасаемых». – Вадим упер локти в стол.

— Здорово, значит, скоро я стану популярной личностью. Ждем перемен, – мрачно усмехнулся Денис, развалившись на лавке. – Дальше спрашивай.

— А что мне спрашивать? И так все ясно. Сомневаюсь, что тебе нужен мой совет, поздновато уже. Ты сам все давно решил. Как только сказал про «Гладиатор», уже стало ясно, что «туда тебе и дорога». Я сам могу тебе много чего интересного рассказать.

— Поделись. – В глазах Шаурина мелькнул интерес.

— Монахов твой у нас в разработке. Как выяснилось, — сказал Вадим, опустив взгляд, бездумно передвигая крышку от бутылки по столу.

— У вас? – искренне удивился Денис. – Вот уж не думал, что он с наркотой связан.

Бардин работал оперуполномоченным в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Потому и озадачился Денис такой новостью. В том, что он узнал от Маркелова,

про наркотики не было ни слова. Что Дениса, собственно, несказанно обрадовало. С этой грязью он связываться не хотел. Ранее и Бардин говорил, что по тому вопросу Монахов «чист». Но только условно. Такие субъекты как Монахов априори чистыми быть не могут.

— А он и не связан. Его кто-то активно сливает. Сигнал есть, мы работаем.

— Вовремя я сунулся, — мрачно сказал Денис.

— А когда б ты не сунулся, оно одинаково приятно, — на той же ноте поддержал друг.

— Кстати да.

Осторожно, почти вполголоса Вадим продолжил:

— А раз сливают, значит – передел территории намечается. Не нравится кому-то, видимо, такое положение дел.

— Это сделать нереально. Все не так просто. – Денис тоже неосознанно понизил тон, говоря тихо. — У Монахова такие силовики с рук кормятся. Он в свое время в Москву деньги чемоданами возил.

— Еще бы он не возил. Так взлететь всего за несколько лет. Вовремя с нужными людьми поделился.

— Ну-ка поподробнее мне «историю Золушки», — попросил Шаурин, чувствуя, что Вадим знает больше.

Тему их разговора не то что тихо обсуждать нужно было, ее бы и вовсе не касаться. Хотя Шаурин понимал, то, что ему стоит знать, он от друга услышит. А большего ему и не надо.

— Когда в девяносто первом году начался вывод войск из Германии, Венгрии и других стран, подполковник Монахов, будучи в должности заместителя командира полка по вооружению, подсуетился. И началось это ровно с того момента, как по телевизору «Танец маленьких лебедей» по всем каналам транслировали. В стране развал, ряды армии заметно покосились. Помню, отцу каждый день новая директива приходила. Тому подчиняйся, тому нет. Этих не слушай, тех слушай. Хаос полнейший.

— Представляю. Видишь, некоторые быстро воспользовались царящим бардаком. Я призвался в девяносто четвертом, у нас на полторы тысячи человек на складе знаешь сколько калашей было? Сто пятьдесят тысяч! Голодать никто не хотел, все хорошо жить желали.

— Ха! Я тебя умоляю! – усмехнулся. – Военные на таких должностях при любой власти не голодали. Ну, а так, представь, когда целые склады эвакуируют.

— Можно вагонами вывозить.

— Они и вывозили. За несколько лет Монахов так озолотился, что обычному человеку и не представить.

— Интересно девки пляшут.

— Еще как. Так что ты поосторожнее будь.

— Сейчас Монах почти легализовался. Магазины, рестораны, ночные клубы и еще куча всего. – После разговора с Маркеловым Денис мог перечислить все вышеупомянутое поименно.

— А зачем ему напрягаться и рисковать лишней раз? Он свое отхватил и ушел, как говорится, на заслуженную пенсию. Если и приторговывает, то мелкими партиями. За руку никто не поймал, да и никому это не нужно, — равнодушно отзывался Вадим.

— В этом-то и вопрос, что не нужно. Но сливают.

— Сливают. Потому что вес имеет, власть большую. Мешает.

— Ясно. Я так примерно все это и представлял.

— Не всем так повезло. «Партнеров» Монаха ликвидировали давно. У таких, как он

всего два пути: или в тюрьму, или на кладбище, — Вадим пристально посмотрел на друга и сопроводил слова тяжелым вздохом. Конечно, сетовал он не о судьбе авторитета.

— С Монаховым пока ни первое, ни второе не срабатывает.

Вадим усмехнулся:

— Чересчур фартовый. И все-таки... — вмиг сменил тон. — Сам что дальше думаешь?

— Я думаю, что мне нужно из дома сваливать. Самое время, — подумал вслух Денис.

— Понятно, но я не про это. Чего тебе спокойно не жилось? — наконец задал Вадим вопрос, который волновал его больше всего.

— Спокойно это как? Ты вот спокойно живешь? — легко парировал друг.

— У меня работа такая, — возразил Бардин.

— И у меня работа, — не остался в долгу. — У каждого своя работа и свое предназначение. Я в своей жизни хочу как рыба в воде плавать, а не захлебываться. И не плыть по течению, а сам все решать. Думал, по-другому будет, ты и сам это знаешь. Но вот как-то не срослось. Если бы знал, что так все получится, то на Северный Кавказ бы лучше поехал боевиков отстреливать. Предлагали, отказался. Тут отец и Танька, да и все остальное казалось решенным вопросом. А многие парни согласились на контракт. «Спокойно» — это значит, кроме хлеба с маслом ничего не видеть.

— А тебе хочется и красной икры сверху намазать? — съязвил Вадим.

— Почему нет? Тебе не хочется? Или — «голодный, но честный»? — Вполне предугадываемые расспросы не напрягли Дениса.

— Провокационный вопрос, конечно.

— Не провокационный, риторический. Не отвечай. Ни за что не поверю, что тебя устраивает всю жизнь на побегушках быть, как сейчас.

— Не устраивает, конечно, — пожал плечами. — Кто же спорит? Ты думаешь там тебе кто-то даст возможность что-то решать самому?

— На моем уровне — легко, — самоуверенно высказался Денис, чем Бардина ни капли не удивил. — А там посмотрим.

— Дай бог тебе удачи и фарта, надеюсь, мы с тобой по работе не пересечемся, — оставалось только искренне пожелать, что Вадим и сделал. Правда, не с легким сердцем.

— Если только ты к нам инструктором придеешь, — попытался пошутить Шаурин.

— Ну уж, нет. Давайте без меня как-нибудь, — поддержал Вадим и повернулся на звук шаркающих шагов. Обхватив себя руками, к ним направлялась Вера. — Верочка, как спалось? Менделееву, например, таблица химических элементов приснилась, а ты, как минимум, должна вернуть в философию пару новых понятий. Что там «вещь в себе» или «материя»...

— Вадим, я знаю, что ты обладаешь всеми навыками успешной коммуникации, но со мной этот номер не пройдет, — не одобрила Вера шутку. — По крайней мере, первые пятнадцать минут. Злая я.

— Так иди освежись, успокойся. А то пылаешь вся, — без особых церемоний отреагировал Денис.

— Тебя это раздражает? — Верочка встала у него за спиной.

— Нисколько.

— Жаль. — Попыталась взъерошить короткие жесткие волосы.

— Вера! — одернул он и отклонился.

Вот это раздражало! Когда кто-то притрагивался к голове.

— Верочка, а может тебе ромашки заварить? – ласково спросил Вадим, окидывая ее взглядом голубых глаз.

— Намекаешь на то, что я неуравновешенная? – шутливо нахмурилась Верочка.

— Что ты? Как я могу? – почти искренне возмущился он ее недоверию. — Радею только лишь за твое здоровье. Даже самым выдающимся умам требуется отдых. Не то твоя работоспособность и восприимчивость значительно снизятся.

Лесть его не прошла даром и Верочка подобрела. По лицу расплылась довольная улыбка.

— А вы собираетесь шашлыки жарить или так и будете шушукаться по углам?

— Верочка, все будет сделано, — раскланялся Бардин. — Зачем же в жару костер палить? Вот вечером самое время.

Шаурин их шуточки не поддерживал. Погрузился в мысли. После разговора было о чем подумать. Хотя сколько ни ломай голову, суть дела от этого не менялась.

ГЛАВА 13

Не зря говорят, что чересчур жаркая или влажная погода делает мозг «ленивым».

Сначала июльская жара плавала серое вещество, а теперь и августовское ненастье нагоняло сон.

Восемь часов утра. Притормозил машину на светофоре. Вдохнул. Побарабанил кончиками пальцев по рулю в такт дождевым каплям, глядя в лобовое стекло, по которому «змеились» струйки воды. Из-за плохой видимости колонна автомашин тянулась медленно. Нависшие над городом тучи, обещали промозглый и пасмурный день.

Разговор с Вадимом не выходил из головы. Вспоминалась кривоватая улыбка друга, — узнаваемая, — такая, когда он старался взять себя в руки и не высказать то, что и так читалось в пытливых голубых глазах. С его губ не сорвалось ни одного осуждающего слова. Но, тем не менее, от установившейся между ними напряженности в душе поднялась какая-то муть, усилившая тогда мучавшую организм изжогу. Умел Вадим дернуть за какие-то невидимые ниточки, чтобы понимание ситуации слегка исказилось. Похоже на то, как мальчишки, плескавшиеся в речушке, воду взбаломутили, всколыхнув со дна песок, смешанный с глиной. Вот так же и в собственной душе, поднялся какой-то забытый осадок. И сам понимал: что-то не так, но Вадим усилил это чувство. Что уж от себя скрывать: теперь они по разные стороны баррикад. От этого осознания на душе неприятно заскребли кошки. Непривычное тягостное ощущение. Но ничего, привыкнет Бардин к такому положению дел. И самому выхода другого не оставалось, а только надеяться, что они, действительно, на одном поле не встретятся. Бардина ни о чем не просил и не собирался, но сам решил постараться, чтобы так оно и получилось.

Вадим для него семья, такая же родная душа, как отец и Татьяна. Потерять его, значит — часть себя потерять. И представить страшно.

Поставил машину на стоянку, на привычное место. Вышел, хлопнул дверцей, перескочил лужицу, чуть не забрызгав брюки. Быстрым шагом пересек расстояние до крыльца, стараясь не замечать неприятных холодных капель, хлеставших по щекам и затекавших за воротник рубашки. Не привык носить с собой зонт, тем более, сейчас, когда уже не приходилось простаивать на остановках, ожидая автобус или маршрутку.

За дверями спорткомплекса дохнуло теплом. Передернул плечами. От резкой смены

окружающей температуры мурашки хлынули по спине, заставляя встряхнуться.

— Здравствуйте, Денис Алексеевич, — вскочил Миша.

Хотя Денис позволял обращаться к себе по имени, Миша все равно «выкал», не забывая прибавлять отчество. И не только Миша. Многие так и не определились, как же лучше к нему обращаться, потому то на «ты», но по имени отчеству, то на «вы» и без последнего.

Для Дениса это было не принципиально важно, важнее, какие человек при этом испытывал ощущения. Вот над этим стоило работать.

— Миша, — Шаурин остановился, резкими движениями ладоней стряхнул капли воды с плеч. — Ты давай поспокойнее. А то, кажется, так и выкрикнешь «Хайль Гитлер!» с рукой навывтяжку.

Миша засмеялся:

— Хорошо. Вас Вероника искала.

— Она уже здесь?

— Здесь. Рвет и мечет, — усмехнулся охранник.

— Ничего страшного. Разберемся к чему такая паника с утра.

Шаурин уже знал, по какому поводу рвала и метала главный бухгалтер, и это его не встревожило.

Едва успел вынуть ключ из замочной скважины и захлопнуть за собой дверь, та снова распахнулась, впуская Веронику. Создавалось впечатление, будто бухгалтерша караулила за углом и, едва заслышав гулкие шаги по коридору, не в силах дожидаться, пока он зайдет к ней сам, принеслась первая.

— Денис, привет, — пропела она, заискивающе улыбаясь. — У нас вчера какая-то путаница произошла. Снова эти дети полтора часа второй бассейн занимали, — пренебрежительно махнула рукой и бросила взгляд на окно, из которого виднелся угол здания детского дома № 29. — Я вчера сказала Степаненко, что договор с ними прекращен. Хватит плавать нахаляву. Но он с утра мне названивает, говорит, что все в силе. Я что-то не понимаю. — Она оглянулась, выискивая, куда бы присесть, но Денис, настроенный на короткий разговор, не предложил ей разместиться.

Не нравилась Шаурину эта дамочка. Глаза у нее раскосые, как у лисички. Хитрые. И улыбка на лице искусственная, дежурная. Каждый раз при встрече пыталась продемонстрировать свою сексуальность. Откуда бы ей только взяться, этой сексуальности...

— Нет никакой путаницы. Я со Степаненко разговаривал. Договор у нас с автоматической пролонгацией?

Вероника явно не ждала такого ответа и слегка растерялась. У нее даже глаза округлились, и на лице возникло непонимающее выражение.

— Да, но...

Денис не дал ей договорить, прервав на полуслове:

— Тогда в чем вопрос? Ни у нас, ни у них разрывать его нет причин. Так что дети продолжают посещать бассейн.

Доброжелательная улыбка сползла с лица Вероники, и уголки алых губ пренебрежительно опустились, выражая недовольство. Она сжала в руке какую-то бумажку, на которую Денис даже не обратил внимания. Нарумяненные щеки заалели еще больше, глаза зло сузились.

— Нам не выгодно это, — процедила сквозь зубы.

— Нам без разницы. — Денис встал перед ней, засунув руки в карманы брюк.

Мимические проявления ее гнева, мало волновали. Точнее, не волновали совсем. – Два часа в неделю погоды не сделают, — заявил безапелляционно. Вся его поза говорила о том, что решение обсуждению не подлежит.

— Монахов знает? – спросила сотрудница, разыгрывая последний козырь.

— Тебе об этом не стоит беспокоиться. – Шагнул вперед. – Не смею больше, — толкнул дверь в коридор, — задерживать.

Вероника нервно сглотнула и вышла вон. Уязвленная и злая.

С Монаховым Денис еще не разговаривал, но собирался сделать это в ближайшее время. Почему-то не возникло сомнений, что он согласится позволить детдомовцам посещать бассейн и дальше. Целый год дети плескались в свое удовольствие. Зачем же сейчас отбирать у них эту радость?

То, что для ребят это настоящий восторг и наслаждение, Денис убедился воочию, войдя однажды в зал во время занятия младшей группы. С трудом концентрируя внимание на тренере, дети плескались, визжа и крича, захлебываясь от эмоций и попадавшей в рот воды. А, увидев Шаурина, разом примолкли, уставившись, словно ожидая подвоха. Былое веселье тут же спряталось за недетскими взглядами, полными настороженного ожидания. Не стал тогда Денис задерживаться и смущать ребят, но то, что хотел – увидел. Еще одним веским аргументом стало то, что центр мог позволить себе принимать таких гостей. Это он знал точно.

Степаненко, директор детского дома, соседствующего с их зданием, был на седьмом небе от счастья и не уставал благодарить, когда узнал, что его воспитанники снова смогут заниматься плаванием. Приятно, конечно, но не так важно. Денис хотел, потому и помог. А не смог, так и не помог бы. Потому благодарности не требовал. Но Степаненко так легко не успокоился, потому теперь каждый ребенок, посещавший бассейн, громко с ним здоровался, если встречал в коридоре или на улице. А как ни крути, при виде полных признательности детских глаз и широких улыбок внутри становилось теплее.

С Сергеем Владимировичем он поговорит, как только найдет удобное для этого время, а вот мнение Вероники на этот счет интересовало меньше всего.

Его собственные «воспитанники» стали почти послушными. Месяц психологического прессинга, спарринги с постоянной сменой партнера, переходящие в полноценные контактные бои и народ почти как шелковый. Отработка приемов очень хорошее и нужное дело, но без реальной опасности для жизни – просто закалка организма. С таким же успехом во благо здоровья можно с утра обливаться холодной водой. Но жизнь спасет вряд ли. Жаль, что приходилось ограничиваться стенами спортзала, не имея возможности устроить реальные экстремальные условия. Хотя... С таким образом жизни, должно быть, экстрима им хватает.

Монахов оговорился, что у него в клубе не олимпийская сборная тренируется. Но Шаурин воспринимал подопечных как спортсменов. Так удобнее мыслить. И работать с таким отношением удобно. То, чем он занимался начало приносить удовольствие. Ему нравилось работать с людьми в таком ритме. Он ставил их в разные позиции, двигал как фигуры на шахматной доске, подменял роли. Меняя пешек на королей и обратно, каждый день разыгрывал новую партию. Вел себя вольно, порой переступая опасную грань. Понимание, что против воли Монахова никто из мужчин не пойдет, прибавляло ему сил и энергии. Как бы они не ершились, опасность поплатиться своей шкурой отрезвляла. Кроме того, у Шаурина было существенное преимущество, какого у остальных не было –

психологическая подготовка. Без нее физическая сила лишь незаряженное оружие, — с виду страшно, а внутри пустота. Если его агрессия – механизм с четким управлением, то их — лишь импульсивный выпад без возможности принимать самостоятельные решения, а только соображать, чтобы как можно лучше исполнить тот или иной приказ. Шаурин не собирался выдавать всего, что знал сам. Хватит с них и этого.

После месяца тренировок удалось разбить сформированные группки и выявить других лидеров. Трудно сказать, можно ли именовать то, что испытывали к нему парни, уважением. Но что-то подобное в их поведении и взглядах стало просвечиваться. Да и он сам привык к ним. Знал, что за глаза называли его Шауром. Но так его везде звали, в какой бы компании ни оказывался. А с недавних пор появилось еще одно прозвище, которое произносили тихо с милой улыбкой на лице. И при нем как-то проскользнуло, вызвав ответную усмешку. «Наш убийца». Забавно. Ведь ни разу он никому расправой не угрожал, смерти не желал, а такое «ласковое» прозвище получил. Карпов – исключение.

Когда дверь за Вероникой захлопнулась, скривился. Не любил резких звуков. Но дамочка решила напоследок продемонстрировать все свое негодование. Можно еще каблучками по полу постучать, но только не у него в кабинете. У себя от злости пусть хоть сквозь землю провалится.

Развернувшись, Денис прошел по кабинету и остановился у окна. Дождь уныло барабанил по стеклу. Даже слышно было, как вода с шипением скатывалась по водосточной трубе, разливаясь по асфальту под окном. Как-то скверно начался сегодняшний день. В голову пришла мысль, что нужно ждать продолжение.

Постояв в задумчивости у окна некоторое время, Денис вышел и направился в другое крыло здания, туда, где за железными дверями располагался тир. Они с Пospelовым решили, что сегодня мужики на стрельбах заниматься будут. Да и ради бога! Пусть мишени убивают.

Виталий коротко кивнул, обернувшись на звук открываемой двери, и снова вернул взгляд к мишеням. Слух у него феноменальный. Сквозь оглушительные хлопки распознать едва различимый скрип железа не каждый сможет.

Желающих пострелять с утра нашлось не много.

Чувство, что в воздухе пахло паленым, не оставляло. Монахов начал шерстить своих людей, заодно усилив охрану дома и других объектов. Посему можно сделать вывод, что звонок о «сливе» уже поступил. Самому Денису даже в голову не пришло обмолвиться об этом хоть словом. Слишком провокационная для него самого была ситуация, а, кроме того, «светить» Вадима совсем не хотелось.

Когда Монахов упомянул, что в клубе два инструктора, он не сказал, что второй – по стрельбе. Не все обладали огневой подготовкой, вот и набирались опыта в тире. Но стрелять по мишеням и по людям – не одно и то же. Это любой подтвердит. Сам Денис оружие с собой не носил – не привык, хотя теперь у него и пистолет имелся, и разрешение. Монахов его всем обеспечил. Да и зачем, собственно, ему вооружаться. Как правильно выразился Маркелов, его работа – в тылу. Не относился он к «романтикам с большой дороги», которых на передовую выбрасывали, то бишь, в разборках он не участвовал, драгоценное «тело» шефа не охранял. Жил относительно спокойно. Теперь отдельно, в нескольких минутах езды от спорткомплекса. У самого совсем не было времени искать квартиру, зато у Татьяны его хоть отбавляй. Она с радостью засела за телефон, обложившись газетами и ориентируясь на выдвинутые братом требования. Искала чистую просторную однокомнатную квартиру. И нашла.

С инструктором по стрельбе познакомился чуть больше недели назад, как только тот появился после трехнедельного отсутствия. И не заметно, чтобы это время он в какой-нибудь экзотической стране на пляже провалялся. Бледноват. Но персонаж занятный. «Монаховские» отменным чувством юмора обладали, потому и его звучным прозвищем не обделили. «Сладкий» звали его. А он такой и есть. Смазливый до оскомины на зубах. Чернявый, — «на щечке родинка, полумесяцем бровь», — поджарый, как гончая собака. Всегда в камуфлированных штанах и черной футболке, поверх которой накинута жилетка с множеством карманов.

— Их бы всех ночью на полигоне штабелями выложить, да над головой трассерами дать. А то, ей богу, детский сад какой-то, — сказал Денис, понаблюдав некоторое время за новенькими, встав у стойки, за которой разместился Пospelов.

— Знаешь, сколько вони будет! Полные штаны дерьма, — засмеялся в ответ Виталий.

— Да уж... — ухмыльнулся Денис.

— А ты, Шаур, не хочешь пострелять?

— Можно и пострелять, — улыбнулся Денис, уложил в ладонь ПМ, собираясь передернуть затворную раму, но тут в кабинет влетел Миша.

— Денис Алексеевич! Монахов к телефону, срочно!

Шаурин выскочил в коридор и, вернувшись через пару минут, быстро дал указания:

— Паша, Глеб, за мной, — махнул парням. — Ты тут остаешься, все на контроль! — бросил Пospelову.

— Что за суета? — спросил Павел, когда они вышли на крыльцо.

— «Онанистам» кто-то накапал.

— А-а-а, — понимающе протянул Пашка и побежал к своей машине. Глеб за ним.

«Онанистами», исходя из аббревиатуры, в шутку, а иногда и издевательски, называли сотрудников отдела, в котором работал Бардин.

Дорога заняла минимум времени. Как только они подъехали к особняку, ворота гаража открылись. На первый взгляд все было спокойно, но внутри, за кирпичными стенами огромного дома чувствовались напряжение и тихая, едва заметная суета. Наталья с сосредоточенным выражением на лице порхала из комнаты в комнату, собирая кое-какие вещи. Сергея Владимировича Шаурин нашел в бильярдной, тот разговаривал по телефону, вышагивая вокруг стола. Увидев Дениса, он повесил трубку и, глубоко вздохнув, оттянул узел галстука вниз.

— Так, Денис, семью на Поселковую отвезешь, — оперся ладонями о край стола, качнувшись вперед, глядя твердым взглядом. — Там побудете какое-то время. Наталья должна была уже собраться. Мы с Юрой здесь останемся. Органы, мать их, опять шмон затеяли. Не нравится мне все это.

— Понял, — только и сказал Денис, не задавая лишних вопросов. Знал, что когда Монахов на нервах, под горячую руку лучше не попадаться.

На улице Поселковой располагался загородный дом, куда нужно было отвезти Наталью с дочерью. В том доме Шаурин еще не был, но знал, что находился он довольно далеко от города в санаторно-курортной зоне. Семья Юрия который месяц в Сочи жила, а иначе пришлось бы и ее вывозить.

— У Кости мобилу возьми, чтобы я в любой момент смог с тобой связаться. Если все нормально будет, приеду ближе к ночи.

— Хорошо. Все будет в лучшем виде, Сергей Владимирович, не беспокойтесь.

— Еще бы. Иначе я с тебя голову сниму.

— Надеюсь, не придется.

— Ты уж постарайся.

— Вопрос.

— Говори.

— Касающийся клуба. — Раз уж выдалась возможность поговорить, хоть и при таких обстоятельствах, Денис решил сообщить коротко и ясно о своем недавнем решении. Лучше он сам, чем Вероника что-нибудь не то вякнет.

— Слушаю.

— Я со Степаненко продлил договор. Может, Вероника вам уже сообщила? Она из-за этого жутко расстроилась, — не удержался и съязвил.

Монахов некоторое время непонимающе смотрел на Шаурина, соображая, о чем это он и кто такой Степаненко.

— А-а-а, ты про детдом что ли?

— О нем, собственно.

— Я и забыл. Пусть плескаются. Если какие-то мелкие вопросы есть, ты к Юре обращайся. А Веронику менять надо. Мы уже ищем замену.

— Пойду посмотрю, если Ваши собрались, то будем выезжать.

— Давно пора.

У дверей Денис остановился и Костя, телохранитель Монахова, достал из пиджака мобильный телефон:

— Чистый.

— Не сомневаюсь, — хмыкнул Денис, спрятав его в карман. И оформлен, поди, на какую-нибудь мертвую бабушку.

Наталья уже вышла во двор, Паша забрал из ее рук большую дорожную сумку и сунул в багажник. Юля нехотя плелась следом, прижимая к себе компактный лаковый саквояж.

— Юленька, ну что ты возишься! Собралась? — спросила Монахова у дочери.

— Да, я только теплые вещи взяла, остальное у меня там есть, — задумчиво проговорила она. Вид у нее был совершенно потерянный. Она застыла на месте, не зная, в какой автомобиль сесть.

— Так беги в машину, чего стоишь! — прикрикнула Наташа и быстрым шагом снова направилась в дом, вероятно, сказать что-то напоследок мужу.

Лужицы на асфальте покрылись мелкой рябью. На время прекратившийся дождь снова заморосил. Солнце так и не смогло пробиться сквозь плотную завесу серых облаков.

— Давай уже, падай, — Денис подхватил ее за локоть и впихнул на заднее сиденье своего авто. — Как в поселок въедем, покажешь, где свернуть. — Выехал первым, не дожидаясь пока Павел тронется с места.

— Ладно, — обронила девочка и притихла, уставившись в окно.

В салоне пахло им. Все было пропитано запахом Шаурина. Не сигаретным дымом, как это часто бывает, а запахом парфюма — резкого, смелого, напористого, без ноток сладости, обжигающего своей энергией.

Юля глубоко вдохнула. Теперь, даже закрыв глаза, можно чувствовать, что Денис рядом. Дышать стало невыразимо легче. И тяжесть, что давила к земле стала понемногу отпускатъ. Только осознание, что Денис снова на расстоянии вытянутой руки, немного будоражило. Ни один из отцовских качков не производил такого впечатления. Никого из них она не боялась,

ни на кого никогда не обращала внимания, но только в его присутствии всегда волновалась. Сколько бы раз они ни виделись за этот месяц, ее преследовали одни и те же чувства: легкая скованность внутри и участившееся сердцебиение. Но при всей неловкости, что испытывала рядом с ним, убежать не хотелось.

Глаза закрывать не стала, а посмотрела в мутное окно. Водная пыль заволокла город и размыла еще живые краски уходящего лета. Весной дожди приятны: они ласкают свежую невинную листву, делая ее ярче. А в августе дождь унылый и серый, вымывающий последние цвета, предвещающий скорую осень. Август, хоть и считается летним месяцем, но уже предупреждает о надвигающихся холодах, закаляя прохладными звездными ночами и пронизывающими ветрами при ослепительном солнце.

— Не грусти, — сказал Денис, поймав Юлин взгляд в зеркале заднего вида.

В ответ она только пожала плечами и, стянув плотнее джинсовую курточку, скрестила руки на груди.

В доме Монаховых приходилось бывать довольно часто: отчитываться о работе, решать кое-какие вопросы. Раза два в неделю точно. Иногда Сергей Владимирович сам заезжал в клуб, но чаще всех, кого хотел видеть, у себя собирал. И почти каждый раз удавалось поговорить с ней. Нет, конечно, специально с малышкой встречи не искал, но так выходило. То на кухне за чашкой чая, то вечером на лавке. На лице у нее всегда играла милая, немного лукавая, улыбка. Потому теперь было непривычно и почему-то неприятно видеть потухший взгляд и растерянность, которые не свойственны ее жизнерадостной натуре. По крайней мере, такую она демонстрировала до этих пор.

Мысленно вернулся к разговору с Монаховым. Очень хорошо, что Веронику решили заменить. Остается надеяться, что не шило на мыло... Замечательно, если Сергей Владимирович сможет приехать на Поселковую, есть для него одна идея, а если Юрок с ним будет, еще лучше.

Брат Монахова в «бригаде» слыл «экономистом». И не только потому что высшее экономическое образование имел. Юра обладал острым умом и расчетливостью, помогающим сходу оценивать выгоду того или иного дела. Без его слов одобрения Монахов ни на какое, кажущееся выгодным, предприятие добро не давал. Так что лучше «на берегу» договариваться.

— Юля, хочешь конфетку? — решил подбодрить девочку.

Впрочем, про себя называя Юлю девочкой, маленькой Денис ее не считал. Дети не интересуются такими темами, которые могла обсуждать она, и не выражаются такими речевыми оборотами. То, что она не говорила глупостей, очень импонировало. Пусть, может быть, таковые и имелись у нее на уме, но информацию она тщательно фильтровала, стараясь приблизиться к уровню собеседника.

Наконец на очаровательном лице мелькнула легкая улыбка:

— Хочу.

Порывшись в бардачке, он отвел руку назад и протянул шоколадную конфету:

— На.

Ее теплые пальцы легко коснулись руки, и она забрала из его ладони сладость в ярком фантике. Тут же сдавленно засмеялась:

— Шаурин, ты особенный. Все в бардачках пистолеты возят, а ты конфеты шоколадные.

— Она зашуршала оберткой, откусила конфету, и на лице отразилось удовольствие.

— Юлька... — Денис засмеялся, но тут же подумал: плохо все же, что оружие у него в

сейфе в кабинете, а не в бардачке. Юлька с ним. Не дай бог, что...

— Ты сладкоежка, да?

— Нет.

— Да-а, — снова адресовала ему довольную улыбку.

— Зато тебе не скучно.

— Разве с тобой может быть скучно?

Он снова посмотрел ей в глаза и сдержал улыбку.

Дальше ехали молча, Юля опустила веки и на некоторое время заснула. Когда въехали в поселок, Денис хотел окликнуть ее, но она, словно почувствовав, проснулась. Потерла глаза, всмотрелась в окно. Тонированное, оно еще больше скрадывало свет и без того мрачного пасмурного дня.

— На следующем перекрестке налево и до конца улицы. Наш дом последний, — объяснила.

Через несколько минут они подъехали к месту.

— Вот наш теремок, — кивнула Юля и ткнула пальцем по правую сторону. — А вон и Лев Михалыч нас ждет.

Около дома возился седоватый пожилой мужчина. Юля выскочила из машины и громко поздоровалась:

— Лев Михалыч, привет! — Так громко, что у Дениса в ушах зазвенело. — Он немногo глуховат, потому я так ору, — объяснила, заметив, как Денис чуть скривил губы от ее вопля.

— Ясно. Ворота откройте! — звучно сказал и показал на железные ворота.

Мужичок кивнул, отбросил метлу, вытер руки о замусоленную пыльную жилетку, какие носят железнодорожники, и скрылся за приоткрытой дверью.

Высокий кирпичный забор окружал значительную по площади территорию. Между сосен виднелся высокий двухэтажный дом из бревенчатого сруба и правда похожий на теремок из сказки, как назвала его девочка. Широкая асфальтированная аллея вела к дому, рядом с которым располагался гараж, куда Шаурин поставил машину. Было заметно, как Юля немного оживилась, хотя тень то и дело набегала на нежное девичье лицо.

Возле этого дома не было разбито ни одной клумбы, как и не было искусственно посаженных деревьев. Только естественный травяной покров, чуть пожухлый, и окруженная забором территория соснового леса.

— Здравствуйте, Валентина Петровна, — поздоровалась Юлия, когда они вошли в дом.

Их встретила женщина в годах, — как позже ему сообщили, жена Льва Михайловича, — которая приветливо улыбнулась, увидев девочку:

— Привет, Юленька. Как доехали? Устала? Чайку тебе сделать?

Семейная пара присматривала за домом, живя в нем круглый год.

— Да, мы голодны, — подтвердила Юля.

Женщина перевела взгляд на Дениса и сцепила руки:

— Денис, да? Сергей Владимирович предупредил. А Наталья где?

— Сейчас остальные подъедут. А чайку неплохо бы. Будьте добры, сделайте. Юля, покажи дом. Лев Михалыч пусть машину встречает.

Валентина Петровна кивнула. В светлых глазах мелькнуло одобрение, она заметила, как вежливо Денис разговаривал. Среди «монаховских» всякие экземпляры попадались. Не все были так воспитаны, чтобы ясно и четко без мата выражаться.

Денис только успел утолить жажду, как Юля сбегала в комнату отнесла сумку, вымыла

руки и спустилась вниз готовая провести экскурсию.

— Валентина Петровна, а клубничное варенье у нас есть? — спросила Наталья, застыв у открытой дверцы холодильника.

— Есть, Наташенька. В кладовой, сейчас принесу.

Наталья поставила на стол тарелку с оладьями и достала вазочку. Глеб и Паша без всякого стеснения приложились к блюду, не дожидаясь сладкого соуса.

— Вот, — Валентина принесла литровую банку.

— Денис, — Наташа кивнула, приглашая его за стол.

Он покачал головой:

— Я позже.

— Пусть не ест, нам больше достанется, — прокомментировал Паша.

— Только о вас и беспокоюсь. Наедайтесь сейчас, чтобы ночью холодильником не гремели. — Заметил, что хозяйка достала консервный нож, и отставил чашку с чаем, которую держал в руке, стоя, прислонившись к подоконнику. — Давай помогу. Если рядом есть мужчина, не престало женщине открывать самой шампанское, консервы и банки с вареньем тоже.

Наталья по-доброму рассмеялась:

— И то правда!

Пока она накладывала варенье, парни смели половину тарелки и испарились из кухни. Денис снова занял место у подоконника.

— Юль, садись за стол, — позвала дочь Наташа.

— Не хочу, — та скривилась, с сомнением посмотрела на ароматное варенье, но так и не надумала присесть перекусить.

— Что ж вы сегодня все такие несговорчивые, — беззлобно возмутилась Наталья и села за стол.

— Пойду на улицу, подышу воздухом. — Юля развернулась к двери.

— Кофту надень, — сказала мама, но та так и осталась висеть на спинке стула, а Юля, не обернувшись, вышла из дома.

— Переживает, — со вздохом пояснила мать. — Она тяжело переносит такие моменты. Пару раз после обыска мы ее успокоить не могли, теперь Сергей отправляет нас сюда. Наша доблестная милиция не особо миндальничает, когда в детских вещах роется. Ребенку не объяснишь, почему. Сам понимаешь, конфисковывают одно, пишут другое. Потом то золото вдруг исчезает, то деньги. У Юльки сережки пропали с аметистами, что бабушка дарила. Первый ее взрослый подарок. У нее и уши еще не проколоты были. Она и поносить их не успела. Так и не дождались они своего часа.

Денис молча выслушал женщину. Сейчас везде беспредельничали. Милиция не исключение. Допил чай и сполоснул за собой чашку. Валентина суежилась у плиты, готовила к ужину что-то посытнее, чем оладьи.

Наталья встала у раковины, заметив краем глаза, как Денис стянул Юлину кофту со стула и вышел на улицу. Подошла к окну и проследила за ним взглядом. Он шел в сторону беседки, вероятно, где сидела дочь. Юля любила проводить там время с книжкой в руке, но сегодня она пошла туда пустая.

— Накинь, на улице прохладно.

Юля повернулась к нему и взяла из его рук теплый связанный вручную синий кардиган. Набросив на плечи, она не стала застегивать пуговицы, а просто запахнула, затянувшись пояском. Вытащила и перекинула на плечо волосы, заплетенные в слабую косу.

— Спасибо.

Шаурин сел рядом и достал пачку сигарет. Вытащил первую за сегодняшний день. Закурил. Короткая вспышка осветила его лицо, и Юля в очередной раз поразились, какие длинные у него ресницы. Рядом с ним даже сигаретным дымом дышать приятно.

Чувствовал, что она подавлена, но сказать ничего не мог. Не был всезнающим мудрецом, чтобы наставлять людей на путь истинный. Самое большое, это вздохнуть в унисон и помолчать. Потому и молчал, изредка поднося сигарету к губам, затягиваясь и выпуская дым. Сел с той стороны, чтобы ветер от Юльки его уносил.

— Знаешь, как меня развлекает папина охрана, когда я остаюсь дома одна? – вдруг сказала она.

— Как? – просто спросил, скорее, чтобы поддержать разговор, нежели интересуясь.

— Мы собираем и разбираем «узи».

Денис поперхнулся дымом. Прокашлялся.

— Круто, что я могу сказать.

— Так что не надо вести себя, будто тебе нужно пожалеть бедного мокнущего под дождем щенка, — выдала она. — Давно хотела сказать тебе. Я уже не та маленькая семилетняя девочка, которую ты защитил от нападок одного злого и закомплексованного мальчика.

— К твоему сведению, маленькой девочкой я тебя не считаю, — спокойно прореагировал Денис, хотя удивился такому резкому выпадку. Точно девочка сегодня сама не своя. — Какое разное у нас детство. Я вот в пятнадцать лет совершенно по-другому развлекался.

— Как? – тут же ухватила она. Хотя беседовали они часто, выудить что-то личного ей удалось не много.

— Хотя, нет, — Денис таинственно улыбнулся. — Не нужно тебе знать, чем я занимался в эти годы.

Да, детство у них разное... Детство имело свой вкус. Для него – это вкус яблок, свежее испеченной шарлотки и чая с чабрецом.

— Ну скажи, мне же интересно?

— Какая ты любопытная.

— Скажи, не будь занудой! Что в этом плохого?

Ничего плохого. Но именно в этот момент – когда она засмеялась, а сам он непринужденно заулыбался, почувствовал, что странные у них складывались отношения. В голове словно вихрем пронеслись мысли, и он посмотрел на нее и себя со стороны. Для того положения, в каком они находились, все показалось странным и неправильным. Он не должен проводить с ней столько времени и, тем более, разговаривать на личные темы. Но это вышло само собой. Бесконтрольно.

— Ничего плохого, — так и ответил ей. Юля все еще ждала реакции. Глаза блестели, щеки зарумянились. Наверное, от прохладного воздуха. — Только это не имеет значения. Нам вообще желательно поменьше общаться, мы с тобой не в тех отношениях.

— Не в тех? – эхом повторила она. День и так не теплый, а Денис словно ушат ледяной

воды на голову вылил. – В каких не «тех отношениях»? – Юля поднялась с места, встала перед ним, воинственно уставившись: — Вот уж не думала, Шаурин, что ты склонен так драматизировать! – Развернувшись так круто, что коса перелетела на спину, девочка пошла в сторону дома.

Через пару шагов он поймал ее за руку.

— Что это было?

И хотя Юля была гораздо ниже его ростом, ей удалось посмотреть на него «сверху—вниз». Глядя ему в лицо, напомнила с мягким сарказмом:

— Соблюдаем субординацию. — Аккуратно освободившись от его хватки, задрав нос, она направилась домой.

ГЛАВА 14

Из беседки Юля ушла с высоко поднятой головой. Ни разу не обернулась, чтобы посмотреть на Дениса, хотя чувствовала за спиной его шаги. И взгляд его чувствовала.

Сколько раз от матери слышала про «достоинство» и про то, как важно и нужно уметь сохранять его в любой ситуации. Наверное, это как раз одна из таких, когда надо взять себя в руки и сдержать свои чувства.

Юлия привыкла, что вокруг нее всегда много мужчин, молодых и старше, а потому волей-неволей приходилось контактировать с ними, держа себя в определенных рамках. Ей никто их не устанавливал, границы дозволенного она вычерчивала сама, интуитивно. Денис стал чуть ли ни единственным, с кем она сблизилась. Но сделала это сознательно, потому что ждала, когда он появится, вернется. Долго ждала. Знала, что не может он так просто исчезнуть из ее жизни. Не зря он возник на ее пути, встретился весной на той узкой тропинке. Был еще водитель, который возил ее в школу. С ним она тоже общалась вольнее. По-другому нельзя – нет-нет и перекинешься словом, расскажешь что-нибудь, разговоришься. Но в последнее время не видела его, а у отца спросить забывала. Да и не интересовал он ее, в общем.

От Дениса отстраняться и не думала. Он ей нравился. Сильно. По-настоящему. Как парень нравится девушке, как женщине нравится мужчина. Симпатия ее росла, превращаясь в крепкое чувство, которое сдерживать становилось все труднее. И скрывать от него и ото всех вокруг – тоже. Всякий раз реагировала на его слова острее. Вот и сейчас, они больно задели. Обидели. Всколыхнули целую бурю чувств и неконтролируемых эмоций.

Кому-то покажется смешным надеяться на симпатию с его стороны, но она верила. Верила, считая, что есть между ними что-то необыкновенное. Понятно, что Денис взрослый и у него свои интересы, но он уделял ей внимание, интересовался ею сам, а не потому, что она навязывалась. Каждую встречу берегла в сердце и каждую новую ждала с нетерпением, а сейчас и вовсе земли под собой от счастья не чувствовала: несколько дней он будет совсем рядом, близко как никогда.

Она считала его особенным, но сам он хотел быть как все.

Так пусть и будет как все! Унижаться и бегать за ним она не станет!

Свои чувства не вложишь в его сердце, не заставишь ощущать то же самое. Но не предполагала, что он равнодушен к ней настолько, чтобы отказаться от общения ради того, чтобы выслужиться перед папой. Ведь ничего сверхъестественного от него не требовалось и ничего запретного между ними не происходило. А теперь вдруг ни с того ни с сего решил

разыграть театр, глубокомысленно заявив, что им надо пересмотреть отношения. Целый месяц лялал с ней на лавке, а теперь вдруг ему понадобилось установить между ними дистанцию. Неужели считает ее малолетней душой? Бесспорно, она гораздо младше его подружек, но это не значит, что у нее не хватит ума вести себя адекватно!

От обиды и горечи заломило в груди. Она бы рада не чувствовать ничего подобного, но не могла.

Состроив непринужденную мину, Юля прошла в свою комнату и заперлась изнутри. Нужно немного прийти в себя. Говорить ни с кем не хотелось. И самой было не по себе, что на первый взгляд необидные слова так больно задели. Но справиться с собой и пропустить все мимо ушей, не обратив на это внимания, было не по силам.

Ну ничего... Надо учиться владеть собой. Судя по всему, ей это очень пригодится.

Еще сама не знала как, но твердо решила доказать Денису то, что он очень ошибается.

— Лев Михалыч говорит, что за забором какая-то левая машина со вчерашнего вечера стоит. — Денис зашел на кухню и взял с буфета свою чашку. Чай давно остыл. Никак не мог сесть позавтракать нормально. То одно, то другое. — Паша, иди узнай что к чему. Скажи не хрен им тут делать, это частная территория.

— А если менты? — Паша полулежал на диване, читая какой-то автожурнал.

— Делай, как я сказал. Если менты, ты и так это поймешь.

— Ладно, — поднялся и вышел.

Через некоторое время в окно Денис увидел, как тот подошел к Михалычу, потом, бегом понесся по аллее к воротам.

— Всем привет, — поздоровалась Юля, появившись в широком проеме.

Упрямая малышка подошла к шкафу для посуды, достала тарелку и положила себе оставшуюся порцию омлета с грибами. Уже холодного. Посыпала сверху крупно нарубленной петрушки и собралась сесть за стол.

С их последнего разговора она придерживалась политики нейтралитета, а лучше сказать, полного игнорирования. Старалась не находиться в одном с ним помещении, а если приходилось, как сейчас, то смотрела сквозь него или как на пустое место. И почему-то это постепенно стало раздражать. Хотя именно этого добивался, когда сказал, что им надо держаться друг от друга подальше. Но она должна была всего лишь понять и принять, что общаться им нужно более сдержанно, а не устраивать показательные выступления. Именно ее показное равнодушие раздражало.

— Юля, если не трудно, кинь минералки, — попросил Карпов.

Этот появился вместе с Монаховым, почти под утро. Сам Сергей Владимирович с женой уехал в неизвестном направлении. Наверное, решил сделать вылазку на природу и побыть наедине с Натальей. Охрану с собой не взял и машину повел сам.

— О, Саша, привет! — обернулась Юля. — Давно тебя не видела. Совсем потерялся. — Не сразу его заметила, потому что Карпов сидел за столом к ней спиной, а сама она так сосредоточилась, чтобы не взглянуть на Дениса, что никого вокруг больше не видела. Но яркая футболка Шаурина цвета кобальтовой сини так и притягивала взгляд. Чтобы сдержаться потребовалось физическое усилие.

— Да, как видишь, пока у меня другие задачи.

— Боже, это что? Кто тебя так? — Она внимательно посмотрела на его лицо, рана на котором уже затянулась, но остался уродливый, еще не гладкий шрам, поставила минералку на стол, а потом разместилась на соседнем стуле.

Денис, как обычно, занял наблюдательную позицию у окна и теперь мог следить абсолютно за всеми. Неприятно резанул тон, в котором этот ублюдок обратился к девочке и то, как она отозвалась. Не выражая своих эмоций, он ждал, что на это ответит Карпов.

— Ерунда, — махнул тот рукой.

Стоило отметить: ярый бунтарь в нем затих. Только это не вызвало у Дениса доверия. Карпов не из тех, рядом с которыми можно терять бдительность. Такой как он будет годами ждать удобного случая, чтобы отомстить или подставить. Потому Шаурин по возможности старался не выпускать его из виду.

— Шрамы украшают мужчин, да? Как же ты меня в школу будешь возить? Теперь тобой точно деток можно пугать. Как зайдешь в фойе, все детишки разбегутся по углам.

Внутри у Шаурина тревожно ухнуло, но внешне он сохранил тот же невозмутимый вид, молча, внимая каждому слову, изредка поднося чашку к губам. Непонятно было шутила девочка или нет. Старался поймать ее взгляд, но Юлия уткнулась в тарелку.

— Вот и будем пугать, — усмехнулся Саша, — чтобы не пугались под ногами.

«Ага... Черта с два ты ее в школу будешь возить. Размечтался».

— Это малолетки развлекаются, — сообщил вошедший Пашка. Следом за ним Костя, телохранитель Монахова.

— Насколько малолетки? — уточнил Денис.

— Лет по шестнадцать-семнадцать. У папика машину взяли, покатались, пиво попили, девок...

— Хром! — осадил Денис, пока Пашка Хромов не успел поделиться всеми подробностями.

— По сигаретке? — спросил заспанный Костя, остановившись в дверях.

Он тоже приехал с боссом. А так как Монахов на несколько часов отказался от его услуг, Костя решил свободное время пустить на сон. Шаурин был не против. Пусть мужик выспится, пока у него есть такая возможность, в доме и без него народа хватало.

— Пойдем, — среагировал на призыв Карпов и встал с места.

— Я с вами, — подорвался Хром, уловив едва заметный кивок Дениса.

К этому времени Юлия уже выскользнула из кухни и, вероятнее всего, скрылась в своей комнате. Он тоже решил подняться к себе, чтобы накинуть кожаную куртку и выйти на улицу. Погода в эти дни стояла переменчивая. Хоть солнце и порадовало с утра, нет гарантий, что после обеда гром не грянет.

На лестнице столкнулся с Юлей. Увидев его, поднимающегося по ступенькам, она сначала замерла, но потом решительно шагнула вниз, собираясь бесстрастно пройти мимо.

— Оп, — преградил ей путь. — Ага, — шагнул в другую сторону, когда она попыталась обойти его.

Юля вздохнула и, сместившись, положила ладонь на кованые перила.

— Дай пройти, — высокомерно сказала, не глядя ему в лицо.

Денис стоял на несколько ступенек ниже. Они находились почти на одном уровне и надо признать, что так Юлия чувствовала себя увереннее. Не надо было задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза, хотя как раз именно это она и боялась сделать.

Как глянешь в этот серый омут, так коленки дрожат и дыхание сбивается.

— Юлька, хватит уже в игрушки играть, — проговорил он, поднявшись на одну ступеньку выше.

— Не понимаю, о чем ты, — сдержанно ответила она, пожимая плечами.

— Все ты понимаешь, — кивнул, надвигаясь ближе.

— Конечно, — немного заволновалась от его близости. Он, как специально, все наступал и наступал. — Вот только никак не возьму в толк, чего ты так разволновался? — вздернула нос, наконец посмотрев ему в глаза, скрывая за бравадой внутренний трепет. — Ты хотел, чтобы мы перестали общаться. Мы перестали. Я веду себя с тобой так же, как со всеми. Но тебе и это не нравится. А мне не нравится то, что ты ведешь себя как предатель, — высказавшись, немного успокоилась.

— Ну, что-то ты, детка, совсем загнула. А с Карповым так мило беседовала, как будто он тоже не «все».

— Он меня в школу возил, я к нему привыкла. А будешь меня преследовать, папе расскажу, он тебя накажет, — растянувшись в сладкой улыбке, сказала она. Раз уж считает ее маленьким ребенком, так и пусть получает.

— Можешь забыть о нем, больше он тебя никуда возить не будет.

Вот уж не думал, что в таком хрупком теле скрывалось столько ослиного упрямства! Ее слабые попытки манипулировать им вызвали улыбку, но он сдержался. Пусть девочка немного потешит свое самолюбие. Но насчет «пожаловаться папе» она явно перегнула палку. Однако несмотря ни на что, Юля вызывала больше положительных, нежели отрицательных эмоций.

Денис пропустил ее и поднялся по лестнице. Глядя ему вслед, Юля ухмыльнулась, а когда он скрылся из виду, шагнула вниз.

— Если я захочу, в школу будешь меня возить ты. Или я не Монахова.

Настроение у нее резко подскочило. Кто бы сомневался, что он не захочет быть как все. Нет, ее Денис не как все, он особенный, исключительный, необыкновенный. Правда, жутко твердолобый. И своенравный. И еще пока не знает, что он ее.

Она улыбнулась, ощутив необычный прилив бодрости, легкости и... счастья. Да, она почувствовала себя счастливой.

На улице вдохнула свежего, наполненного влагой и пряным сосновым ароматом, воздуха. Здесь ей особенно нравилось. Воздух и природа вокруг, как у бабушки в деревне. И дом из дерева казался живым и теплым. Раньше в одиночестве она никогда не скучала, всегда могла найти себе какое-нибудь дело, знала, чем занять свои мысли, а если надо и руки. Но сегодня маята в одиночестве опостылела. Книжка, с которой вчера провалялась весь вечер и утро сегодняшнего дня, надоела. Мама с папой уехали на пару часов отдохнуть ото всех. Валентина Петровна тоже, — Глеб повез ее в магазин за продуктами. И с Денисом она не разговаривала.

Так, скучая и думая, она дошла до беседки. Асфальт уже высох, но трава была мокрая, даже местами хлюпала под ногами. Немного посидев на лавочке, Юля вздохнула и пошла обратно. Со своего места видела, что Шаурин пошел в гараж, побыл там некоторое время и снова скрылся в особняке. К ней не подошел. Тяжело все-таки держать нейтралитет. Кажется, переоценила она свои силы. Но вот не дождется Денис, что она в открытую пойдет на попятную!

Вернувшись в дом, услышала брань и смех Льва Михайловича. По интонации поняла что он играл с кем-то в карты. Полубопытствовав, пошла на кухню, откуда доносились эти

звуки. Тем более, и сама часто играла с ним в «дурака». И выигрывала часто. Хотя, может, Михалыч просто поддавался. Из вежливости, так сказать.

Так и есть, в карты он играл с Денисом. Они расположились на диване. Денис развалившись, тасовал колоду, а рядом лежала куча всякого барахла: коробки спичек, зажигалки, вероятно, их призовой фонд. Не на деньги же играть. Михалыч игры на деньги не признавал. Но, судя по тому азарту, с которым он участвовал в подобных мероприятиях, водился в молодости за ним такой грешок. И мухлевал он знатно. Как пить дать, раньше в пух и прах проигрывался. А сейчас Валентина Петровна держала его в ежовых рукавицах.

— Юля, садись с нами, — пробубнил он. Из-за глухоты говорил невнятно. Но вполне понятно. При этом старался смотреть в лицо собеседнику, читая ответ по губам.

Юля даже не успела рта открыть.

— Ты что, Лев Михалыч! — громко сказал Шаурин. Но на двоих пока сдавать не стал. — Проиграет, расстроится, пожалуется папе, проблем не оберемся. Тебе оно надо?

Михалыч, усмехаясь, потер усы.

Юля подачу оценила. Вот провокатор!

Но, мило улыбнувшись, вложив все свое очарование, она грациозно присела на диван и проговорила:

— Почему же? Я с превеликим удовольствием утру кое-кому нос. — Постучала кончиками пальцев по гобеленовой обивке дивана: — Шаурин, не трепи языком, сдавай карты.

Если бы кто-то из парней, которым Шаур грозился свернуть шею, находился поблизости, он бы очень удивился, заслышав принадлежащий Денису искренний и веселый смех, огласивший в этот момент просторную и уютную кухню. В доме было несколько комнат для отдыха с большими удобными диванами, мягкими коврами под ногами и вместительными убаюкивающими креслами. Но всех как магнитом тянуло именно сюда. На кухню.

— Хочешь, будем играть на конфеты? — спросил Денис, поддевая девочку.

Но Юля не обратила внимания на ироничный тон и мягкую издевку. Чуть прищурившись и поджав губы, она некоторое время молча смотрела на Шаурину, явно о чем-то размышляя. Денис тасовал карты, поглядывая на нее, и с лица его не сходила самодовольная ухмылка. Из другого угла комнаты Михалыч приволок себе кресло. Уселся и предвкушающе потер ладони.

— Нет, будем играть на желание, — сделала серьезное заявление Юлия.

— Это не интересно, — сразу отмел Денис ее вариант.

— А на спички интереснее? — фыркнула она. — Никакого толку.

— Хорошо, мне все равно, — сдался Шаурин. — Хочешь, давай на желание. Михалыч, ты как? Видишь, что Юлия Сергеевна придумала? Никак хочет нас в свои пажи заиметь, — щелкнул картами как заправский крупье.

— А мне все одно, — махнул рукой старик и молвил с видом опытного каталы: — Главное пара лишних тузов в кармане и все в ажуре.

— Только не отлынивать. Проиграешь — исполнишь желание. Слово дай. — Юлька не отставала. Прицепилась с этим желанием как пиявка.

— Только не грядку укропа сожрать.

— Зачем такие крайности, все будет вполне прилично, — пыталась убедить его с невинным видом.

— На тебе «слово», надеюсь, кровью не придется расписываться.

— Как знать... как знать, — с лукавым выражением проговорила она вполголоса, хитро улыбнувшись.

— Тогда поехали. Все равно, Юлька, тебе придется сегодня побегать. А мы с Михалычем курить будем, — заявил весьма самоуверенно Шаурин, на что Юля только громко рассмеялась.

— Размечтался, — с деланным пренебрежением проговорила она и удобно уселась на софе, поджав под себя ноги.

По результатам нескольких конов выяснилось, что девчонка в картах не промах. Сама игра в «дурака» не была сильно увлекательной, но при наличии таких партнеров, как Лев Михайлович и Юлия, на первый взгляд скучное развлечение превращалось в спектакль.

— Так, Михалыч, что за дела? Ты совсем разбушлатился! — возмутился Денис. В который раз Юлька с Михалычем завалили его, заставив принять.

— Не мы такие, жизнь такая, — подмигнул Юле старик.

— Нет, так не пойдет, — выговаривал Денис, раскладывая в руке веер из карт.

— Видишь, девчушка какая сообразительная. Ты думал... А оно вон оно как... — развел руками.

— Он думал, что я полная круглая дура, — сказала Юля и выразительно посмотрела на Дениса.

— Ложь. И провокация, — протягивая слова, не глядя на девочку, просчитывая в уме комбинации, сказал Денис.

Каждый из них придерживался своей тактики. Юля действовала интуитивно, заодно подмечая и запоминая, сбрасывая свои с учетом принятых другими игроками мастей. Михалыч профессионально мухлевал. И за время игры не раз был пойман. Денис попросту считал карты.

— Вот Валька моя... Ох, и стерва в молодости была. Все нервы мне вымотала. Затс сейчас покладистая.

— Лёва, иди-ка сюда! — «покладистая Валька» появилась как раз вовремя. И кроме самого Михалыча покладистости в ней никто не заметил.

— Да подожди ты! — отмахнулся старик. Глаза его блестели азартом. Он то и дело потирал усы, раздумывая над следующим ходом.

— Я кому сказала! Иди говорю, мне твоя помощь нужна. Ты посмотри на него, расселся! — Валентина рассердилась не на шутку и встала в дверях, уперев руки в боки.

— Эх... — не скрывая досады, со щелчком бросил карты на стол кверху рубашкой. — Чертова баба! Все ребятки, знать, не отпустит меня больше. Навялилась, не отстанет теперь. Играйте без меня.

— Так, господа присяжные заседатели, подведем итоги, — довольно изрекла Юля и взяла листок бумаги, на котором они записывали результаты.

— Э-э-э... Нет. — Денис забрал листок. — Какие итоги? Мы еще не закончили.

— Как это не закончили? Михалыч ушел, игра на троих окончена, теперь можно подсчитывать результаты. Если на двоих, то отдельно надо по новой начинать.

— Как у тебя все гладко. Выкрутилась.

— Конечно, а ты как думал? У меня все строго. Все запротоколировано. Увильнуть у тебя не получится. Слово дал. Так что, верю я в твою честность и порядочность. Пока верю... — погрозила пальцем.

— Ладно, давай считать, — отступил Шаурин. К чему этот мелочный спор? Это же только игра.

— Нет! — выхватила из его рук листок. — Я сама. — Закусив губу, она быстро посчитала количество палочек напротив каждого имени: — Лев Михайлович — три, Денис — пять. Я — шесть... Все, Шаурин, ты мне должен, — довольно сообщила она.

— Хорошо, так и быть. Загадывай желание. Но только в рамках приличия.

— У всех рамки приличия разные. В твою непорочность мне почему-то не верится, — ехидно сказала. — Ну да ладно... — отложила листок. — Думаешь отделаться парой щелбанов? Не выйдет. Как придумаю, скажу. Предупреждаю, срока давности твой проигрыш не имеет.

— Даже отыграться не дашь?

— Ни за что!

— Кошмар какой. Ужас просто.

— Угу, гестапо, — самодовольно ухмыляясь, вторила она.

— Какая ты оказывается, Юля-Юлечка-Юляшка... Опасный ты человек... — вкладывая иронию в слова, шутливо говорил он.

— Вот так-то. Будешь знать, как со мной иметь дело.

— А с виду такая «ромашка», — покачал головой.

— После такой игры мне определенно требуется подкрепиться. Пойду чайку поставлю, думаю, скоро родители подъедут, — Юля соскочила с места и щелкнула кнопку включения на электрическом чайнике.

— А куда поехали, не знаешь? Сергей Владимирович даже Костю не взял с собой.

— Наверное, на озеро. Здесь летом хорошо, красиво. Зимой тоже, но дороги заметает, чистят через раз, да и народ разъезжается, становится глухо и безлюдно. Но мне нравится. Как-то все таинственно. И на лыжах кататься одно удовольствие. Кажется, никого в мире кроме тебя нет, — болтала она, заглядывая в буфет в поисках сладостей.

— Все зависит от настроения. Бывает и при солнечной погоде жизнь ни мила, а иногда и в дождь веселуха. Твое восприятие только от тебя зависит.

— В этой ситуации или вообще? — Принялась осматривать содержимое холодильника.

Денис остался сидеть на диване, невольно задержав взгляд на Юле.

— В общем.

— Привет, картежники, — появилась Наталья.

— Мамуля, привет. Я как раз чай поставила. Вы проголодались наверное?

— Скоро ужинать будем, — улыбнулась женщина. В глазах ее светились искры счастья. Юлька заулыбалась в ответ, заметив выражение лица матери. Кажется, они понимали друг друга без слов.

Вошел Костя и подал знак Денису, чтобы тот вышел на улицу.

Не задерживаясь, только захватив тонкую кожаную куртку, Шаурин последовал за мужчиной. У дома его ждал Сергей Владимирович.

— Нравится тебе здесь? — спросил Монахов и двинулся по дорожке, ведущей к беседке.

— Да. — Денис поравнялся с ним, на ходу застегивая молнию под горло, и они медленно зашагали вперед, отдаляясь от дома. — Красивое место, природа, воздух. И дом мне понравился. Уютный, что ли.

Монахов сцепил руки за спиной. На короткий момент остановился, оглядываясь, потом пошел дальше. Одет он был в серый шерстяной пиджак и черную водолазку.

— Я в деревне вырос. Вот и тянет меня к земле. Не люблю я квартиры городские, душно в них, без воздуха, как удавка на шее. Мне земля роднее. Люблю под ногами ее чувствовать. Так, чтобы выйти во двор, сигарету выкурить и чтобы не висеть на балконе, а подумать посидеть. Мы, Денис, не с небес спустились, а на земле выросли. Туда все и уйдем в свое время.

— Рановато Вам, Сергей Владимирович, еще о свете в конце туннеля говорить. — Не пожалел, что набросил куртку. Ветер хоть и небольшой был, но ледяной. Набегал редкими порывами. Но это только на открытом месте. Между деревьев тихо было.

— У каждой твари на земле свой срок отмерен, — философски заметил Монахов.

— Не думал, что вы такой фаталист.

— Со временем пришло. В меня, Денис, четыре раза стреляли. А я вот видишь, сток перед тобой жив—здоров. — Остановился и посмотрел на Шаурина с усмешкой. А взгляд все равно тяжелый был, пронизывающий.

Они подошли ближе к забору. За ним слышался громкий лай собаки. Монахов остановился, прислушался. Задумался, будто вспомнил что-то.

— Дочь обижается на меня, что я Лорда не разрешаю выпускать, — вдруг резко сменил он тему. — Считает, что я издеваюсь над собакой, обвиняет в бездушие. Ты тоже так считаешь?

— Я не знаю причин, по которым вы придерживаетесь таких правил.

— Когда я еще пацаном был, у меня тоже собака имелась. Обычная дворняга. Здоровый был пес, гладкий, палевого цвета с белым галстуком. На ротвейлера похожий и мордой, и комплекцией. Злой, яростный. На цепи его всегда держали. Никого во двор не пускал, на всех бросался. А ночью выл зараза, просился побегать. Да так жалостливо и пронзительно, что я спать ночами не мог. Как Юльке Лорда, так и мне моего Байкала было жалко. — Они уже свернули с асфальтированной дорожки и ступили на мягкий травяной покров. Монахов оторвал взгляд от земли и посмотрел туда, где наверху в мохнатых ветках носились белки. Потом продолжил: — Стал выпускать его ночью. А ему забор шпакетный перемахнуть ничего не стоило. Сиганет и носится по деревне, народ пугает. Набегается вволю и возвращается под утро. Правда, за двором никогда никого не трогал. Однажды не вернулся. Пропал. Долго искали, так и не нашли. А потом уже гораздо позже я случайно узнал, как все вышло. Мужики пьяные рассказали, как изловили его, далеко за деревню вывезли... Из ружей палили картечью... И убить не могли. Не могли, понимаешь. Он два километра простреленный, прошитый насквозь как бешеный бежал кровью истекая. Домой бежал. А потом полз. Я до сих пор его глаза помню. — Голос у мужчины не дрогнул, но в словах чувствовалось равнодушие. Можно сказать, скорбь. — Вот так. С тех пор у меня такие правила.

Денис помолчал некоторое время. Сунул руки в карманы куртки, нащупал сигареты, но закуривать не стал.

— Так может этого просто по-другому воспитывать. Отпускать ненадолго, чтобы привыкал. Чтобы с ума на цепи не сходил. Он и послушнее будет. А так и этот сорвется.

— Может быть. Лорд теперь Юлин пес, она его приручила, она его и балует. Он скоро меня вообще перестанет воспринимать.

— Нет, собаки силу чувствуют.

— Силу да. Но предан он только ей. Она два дня здесь, а он там два дня не жрет. Что мне с этим делать?

Несколько минут назад сказал девочке, что восприятие любой ситуации зависит только от самого человека и его желания. Но сам до сих пор не мог определиться со своими эмоциями и чувствами в отношении Монахова. И Юлию как его дочь не воспринимал. Юля была просто Юлей – той маленькой семилетней девочкой с расширившимися от страха глазами. Хотя невозможно не заметить, как она изменилась и повзрослела. Но для Шаурина она «девочка из прошлого», которая напоминала ему о реальности. И внутри себя странно было соотносить ее с отцом.

— Мне кажется, что стоит отдать ей этого пса. Пусть Юля сама им занимается. Раз он ее слушает, так пусть она его воспитывает. У собаки должен быть один хозяин. Она одному только может быть предана. Если уж Лорд так ее слушается, то разрешите ей самой решать, что с ним делать. И Лорд у вас не такой уж безнадежный, дрессированный как надо. Если бы не так, я бы давно уже на небесах был.

Монахов усмехнулся. Подобие улыбки на лице быстро сменилось сосредоточенностью.

— Ладно, посмотрим. Как-то мы с тобой не туда свернули. Я о другом хотел спросить. Как парни себя ведут? Что нового? Видишь, какая заваруха пошла. Мне сейчас люди нужны. Коммерсы начинающие под крышу просятся. Ну, это мелочи. Ты присмотришься хорошо. А то как-то все мутно. Мне крепкий костяк нужен. Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю. Вы хотите иметь четко управляемую группу людей. Все верно. У них есть один мощный стимул к организации. Или два.

— Продолжай.

— Жажда быстрой наживы и страх смерти. Даже я затрудняюсь сказать, что из этого сильнее.

— И?.. Ты развивай мысль, — подтолкнул Монахов.

— Откровенно.

— Вполне.

Шаурин сделал паузу, подбирая правильные слова.

— А зачем Вам одна группа? Одна большая группа зависимых друг от друга людей. Которые варятся в одном котле и под одним соусом. Все одинаковой степени готовности.

— Обоснуй.

— Бить одну большую, или двадцать маленьких. Количество, конечно, для эффекта утрирую. Одна группа – карточный домик. Вытащи карту и все рухнет. Снизу ты ее дернешь, или сверху, в сущности, результат один. Так что, если все же получится, что кого-то из наших подтянет нам обоим хорошо известная организация, так или иначе волны пойдут. И немаленькие. Они уже пошли. Небольшие группы – как соты. Ячейки. Развалилась одна – не страшно. Система все равно останется целой. Нужно только восстановить недостающий элемент. Иными словами, утверждение, что веник легче сломать по одной тростинке в данном случае не работает. В общем и целом, картина такая. Масштабно, но примерно вот так.

— Хм-м... Интересный ход мыслей. Карточный домик тебя, говоришь, не устраивает? Тогда – тебе и карты в руки. В конце концов, иногда пешкам лучше не знать, кто ходит ферзем.

— Вот и я о том же. Охрана не должна собирать дань, а стрелки не должны «светиться» в территориальных разборках. Жесткая дисциплина и минимум беспредела. Никаких пьяных драк и аварий. Ничего, что может скомпрометировать.

— Человеческий фактор. Ты можешь сколько угодно планировать. Но в принципе, я

тебя понял. Действуй. Еще вопросы?

— Есть. Я довольно долго наблюдаю частые стычки.

— Кажется, мы это решили. Или я сам должен им пальцем погрозить?

— Я не про это.

— А про что?

— Эти вспышки импульсивной агрессии вполне объяснимы. Но это тоже можно пустить в нужное русло.

— Например?

— А что они бесплатно морды друг другу бьют? Пусть бьют за деньги.

— Если я тебя правильно понял, ты предлагаешь организовать тотализатор?

— Почему нет? У нас есть очень хорошие кандидатуры с огромным потенциалом и такими же возможностями. Я не могу взять организацию подобного мероприятия на себя, но могу подготовить бойцов. Отлично подготовить. У Вас есть для этого все ресурсы и нужный круг. Посредством этого, вы, Сергей Владимирович, на своем уровне сможете решать немало вопросов.

Денис говорил спокойно, не пытаясь убедить Монахова и расписать красочно все плюсы и выгоды своей задумки. Идея не новая, потому Монахов и так прекрасно представлял, о чем шла речь. По лицу было видно, что он задумался. И шаг замедлил. Потом и вовсе остановился, развернувшись к Денису, оглядев его с ног до головы, будто видел впервые. Трудно понять, что за этим крылось. Одобрение или удивление. А, быть может, и вовсе что-то другое. Шаурин отвечал ему твердым взглядом. Но не давящим, без самодовольства и излишней самоуверенности.

— Кто есть на примете? – наконец спросил.

— Паша Хромов.

— Ты с ним разговаривал?

— Прощупывал почву.

— Еще?

— Карпов.

— Карпов Юлию возит в школу.

— Карпов хороший боец. А Юлию может возить Витя Самарин. Отличный малый с нестандартным мышлением. Уравновешенный и аккуратный. Это главное.

— Ладно, с этим разберемся. Пойдем в дом, и найди мне Хромова.

ГЛАВА 15

Как бы Денис ни хотел относиться к парням как к одной серой безликой массе, у него не получилось. По прошествии некоторого времени это впечатление стерлось. Они стали его людьми, каждый со своим характером и со своей судьбой. Все они по разным жизненным обстоятельствам попали к Монахову. И не все из них были отъявленными негодьями. Обычные парни то были, но одним миром мазаные, потому и ощущение, что с одинаковой печатью на лице. Один этого привел, второй – другого... Кто в детстве в одной спортивной секции занимался, а кто в соседних подъездах жил... Так и пошло. Шаурин своим путем пришел.

Не торопясь, приблизились к дому. Монахов скрылся внутри, а Денис пошел к гаражу, откуда доносились громкие голоса. Михалыч крутился около своей белой «шестерки», сетуя

на то, что она сломалась.

— ...консервная банка одним словом, — охарактеризовал ситуацию Глеб, чем вызвал у старика волну возмущения. Не любил тот, когда его «малышку» обижали. Она хоть и старенькая, но родная понятная, а не эти иностранные монстры, что рядом красовались, напичканные всякой электроникой. Замкнет что-нибудь и встанет машина посреди дороги. Что потом с ней делать?

Пробубнив что-то невразумительное, похожее на ругательство, Михалыч уткнулся под капот. На нем снова была яркая жилетка цвета апельсина. Железнодорожником он, что ли, раньше работал...

— Паша.

Денис еще не подошел, но Пашка уже направил взгляд на ворота, ожидая его появления, заслышав стук каблуков по асфальту. Потому без разговоров поднялся со скамейки, на которой сидел с сигаретой в руке.

— Поговорили? — сразу спросил Хромов.

— Поговорили.

— И что?

— Не усердствуй пока, не зли Папу.

«Соображалка» у Хромова работала хорошо, как надо. Вот только самого Пашки было слишком «много», чтобы существовать в коллективе спокойно. Он даже молча умудрялся достать кого-нибудь. Это он первый вскинулся на Дениса, но, получив увесистый, лишивший его сознания, удар, сменил гнев на милость. И не потому что испугался. Трезво оценил ситуацию и шаткость своего положения, попробуй он дальше сопротивляться такому повороту событий.

— Понял. — Сделав последнюю затяжку, он выбросил окурок в урну возле дома.

Они прошли в малую гостиную. Сергей Владимирович сидел в одном из кресел. На журнальном столике стояла большая тарелка с арахисом в кожуре. Кивком он предложил Павлу занять другое кресло.

Денис стянул куртку, бросил ее на подлокотник дивана и встал у окна, направив взгляд сквозь прозрачный тюль. Он сказал все, что хотел, теперь будет Монахов говорить. Шаурин слышал слова, различал порой раздававшийся хруст ореховой скорлупы, но глаза его не отрывались от беседки по ту сторону окна, в которой сидела Юлька. И Карпов. Их с Монаховым прогулка лежала в другой части участка, и Денис не видел устроившуюся отдохнуть парочку. С такого расстояния невозможно было различить выражения лица, но, кажется, Юля смеялась.

— ...слышишь меня, Денис? — спросил Сергей Владимирович.

— Да, слышу, — подтвердил Шаурин. — Я Вас понял, — сказал он, растягивая слова, слегка заторможено, словно глубоко задумавшись. Усилием воли, Денис заставил себя оторваться от созерцания происходящего за окном и повернуться лицом к мужчинам. — Согласен со всем, — сказал уже своим обычным уверенным и уравновешенным тоном. — Но мне нужны помощники.

— Никаких проблем. Будут тебе помощники, — отреагировал Монахов именно так, как ожидал и хотел Шаурин.

— Я могу сам выбрать?

— Если есть из кого.

— Я подумаю, — увильнул Денис, уже прекрасно зная, кого хотел видеть рядом с собой.

Если удастся заручиться согласием парней, будет все прекрасно.

— Нет, — тут же усмехнулся Монахов, — Все-таки хочешь ты из моих людей спортсменов сделать.

— Ничего не поделаешь, Сергей Владимирович. Такое мероприятие требует спецподготовки. Это вам не просто кулаками помахать.

— Согласен. Мыслишь правильно. Ты за людей отвечаешь. Я тебе прямо завтра не обещаю этим заняться. Нам с Юрой еще кое-какие вопросы нужно порешать, а потом уже и насчет боев поговорим.

— Как скажете, — согласился. — Я пока буду работать на своей площадке.

Разговор с младшим Монаховым произошел неделей позже, когда все уже вернулись в город и зажили в привычном ритме. И состоялся он дома у Сергея Владимировича, который решил совместить приятное с полезным: устроить семейный ужин, поздравив племянницу с поступлением в университет, а заодно и об интересующем его деле поговорить. Слышал Денис, что жена Юрия с жарких песчаных берегов вернулась, но лично знаком еще не был. Вот случай и представился. А раз уж ужин обещал быть торжественным, то одежду выбрал соответствующую, отложив подальше джинсы и футболку. Черные брюки и черную сорочку посчитал удобным и приличным вариантом. Не привык еще костюмы носить, не научился.

Все-таки трудно переоценить выгоду своего положения. Когда имеешь в кармане внушительную сумму денег — имеешь право выбора. И в одежде в том числе. А Шаурин ой как любил хорошие качественные вещи. И раньше разборчив был, а теперь и подавно.

Может, не в деньгах счастье... но в их количестве — точно. И почему-то утверждали это, взяв за слоган по жизни, именно те, у кого средств к существованию более чем предостаточно.

Денис тоже не за идею работал, а потому материальная сторона его очень волновала. Настолько, чтобы не останавливаться на достигнутом, а идти вперед, расширяя силу своего влияния и власти. А именно деньги очень хорошо подкрепляли те самые влияние и власть, к которым он так стремился.

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

Вот и Шаурин на своем поприще в «солдатах» не желал бегать. И цели у него были вполне четкие, а потому предоставленные возможности он хотел использовать по полной. С минимальными для себя последствиями.

Был уверен, что встретит Маркелова и Порошина, но ни того, ни другого не удостоили чести, пригласив провести вечер в кругу семьи Монахова.

Сам ужин, как таковой, Дениса волновал мало, больше заботил разговор, который должен был состояться позже. Вот это обещало быть интересным.

Последние августовские деньки радовали теплой сухой погодой. Денис и в дом не успел зайти поздороваться, Сергей Владимирович вышел во двор покурить, Юра присоединился. Сам не курил, но беседу поддерживал. Первое, что Денис заметил — бегающего со счастливым оскалом на морде Лорда.

— Выпустили?

— Черт с ним, пусть бегает, — отмахнулся Монахов.

Лорд словно почувствовал, что говорили о нем, подбежал к мужчинам. Как и повелось,

своей жертвой он снова выбрал Дениса, начал тыкаться в ноги, вертеться рядом, как будто специально стараясь запачкать ему брюки.

— Эй, псина, мы с тобой так не договаривались, — проворчал Денис, отводя морду собаки, привычно оглядываясь в поисках хозяйки. Но Юли во дворе не было.

— Фу! — дал команду Сергей Владимирович и пес нехотя отстал. — Понравился ты ему что ли, — засмеялся.

— Да уж... Наверное, потому он каждый раз пытается мне в горло вцепиться. — Начал отряхиваться от шерсти.

То, что Лорда спустили с цепи, Юлю несказанно обрадовало. Теперь только оставалось следить, чтобы он не выскочил через открытые ворота гаража. Конечно, когда она пойдет в школу, присматривать за ним будет сложнее. Обременять мать не хотелось. Лорд ее совсем не слушался. Так что придется ему наслаждаться свободой только когда она сама или отец будут дома.

— Лиля, может быть мне челку отрастить? Как ты считаешь? — Юля убрала челку со лба и, оторвавшись от зеркала, повернулась к сестре.

— Не знаю. Тебе и с челкой хорошо, и без. Но вот так ты кажешься взрослее.

— Убрать. Однозначно, — вполголоса проговорила и провела щеткой по волосам. Потом убрала челку сколов невидимками. Она уже достаточно отросла, потому встал вопрос: или идти в парикмахерскую, или менять имидж. Юля выбрала второе.

— Ой, Юлька, а это кто? Новенький? Я его раньше не видела, — засыпала Лилия вопросами, прилипнув к окну.

Юля не видела, куда она смотрит, но почувствовала, про кого спрашивала сестра.

— Кто? — сделала непонимающий вид и отложила щетку.

— Вон тот красавчик. Стоит около наших папиков, — уточнила Лилия, не скрывая своего интереса.

У Юлки челюсти свело, и сердце кольнул острый укол ревности, заставив его биться тяжело и неровно. «Красавчик» около их «папиков», как выразилась Лилия, мог быть только один — Денис, и неудивительно, что Лилия тут же положила на него глаз.

— Новенький, у отца работает.

Лилия отошла от окна и критически уставилась на свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Разгладила на бедрах белоснежную теннисную юбку, едва прикрывающую заднюю часть тела. Поддержнула трикотажную блузку в бело-голубую полоску с низким треугольным вырезом. Эти вещи она привезла весной из Праги.

Все эти недвусмысленные движения даже не говорили, а кричали о том, что Лилия собиралась покрасоваться перед ее Денисом. Юлька стиснула зубы. Внутри зародилось неприятное тошнотворное предчувствие.

— Лилия, пойдём, может, нужно помочь на стол накрыть. — Хотя у них в доме имелась женщина, помогающая по хозяйству, Юлька не гнушалась домашней работы. Могла сама и посуду вымыть, и поесть приготовить. Не ждала, когда ей все подадут на блюдечке с голубой каемочкой. А уж уборку своей комнаты никому не доверяла.

— Юля, а ты почему юбочку не надела? — спросила тетя Надя, когда девочки спустились и впорхнули в кухню.

У Юли в шкафу лежала такая же юбка, как у Лилии, только синего цвета.

— А мне в джинсах удобнее, — отозвалась девочка и махнула рукой.

Возможно, стоило вырядиться как Лилия, — во что-нибудь вызывающее, — в короткую

юбку и кофточку со сногшибательным декольте. Только вряд ли бы ей даже тогда удалось сбить кого-нибудь с ног. Не одарил бог ее такими формами, как Лилию. Нечем хвастать. Хорошо, хоть ростом выше уродилась, и то успокаивало. Хотя и с этим проблемы были, трудно было при ее ста семидесяти сантиметрах подходящего партнера по танцам найти. Это в пятнадцать-то лет.

Девочки помогли Зое, домработнице, накрыть на стол. Расставили на белой льняной скатерти тарелки, разложили столовые приборы, достали такие же льняные салфетки.

За окном потемнело и включили свет, но не верхний, а бра на стенах. Их свет, заволакивая огромную комнату мягким сиянием, создавал совершенно иную атмосферу. Придавал больше уюта, больше располагал к общению.

И когда все уселись за стол, видно именно так себя и почувствовали – раскованно и свободно. Все, кроме Юли.

Разговоры, впечатления, обсуждения лились рекой. Шутки мужчин, мягкий смех женщин... И Лиля... Она все-таки добилась своего – стала звездой вечера, и не только потому что принимала поздравления и напутствия на будущее. Денис смотрел на нее. Да еще как смотрел! Такие пристальные взгляды, какие он бросал на сестру, Юля на себе никогда не ловила. Стало до слез обидно. Расхотелось и есть, и пить. Уйти бы в свою комнату. Но хотелось досмотреть этот спектакль до конца. Можно с антрактом.

Еще бы он на нее не глазел! Там было на что посмотреть!

По сравнению с Лилей, Юлия чувствовала себя серой мышью. Непонятного цвета глаза. Такие же волосы, да еще и выгоревшие за лето. А Лилька темноглазая шатенка, с крупными выразительными чертами лица и еще более выразительными женскими формами. Ей очень шел смуглый загар. А самое главное: она была старше почти на два года, у нее уже были мальчики, и совершенно не было сомнений в своей неотразимости, потому и вела она себя так – безо всякого стеснения. Рассматривала Дениса открыто, как Юлька не могла. Улыбалась чарующе, тогда как сама Юля не позволяла себе выказывать такое к нему внимание. И даже чтобы произвести какое-то впечатление, не имела Юлька сил, переступив через себя, надеть короткую неудобную юбку. Чтобы потом каждую секунду только и думать, что одернуть ее нужно; что задралась она, все прелести оголив. Потому сидеть ей в джинсах и белой рубашке с воротничком стоечкой, как монашке, без внимания в свою сторону.

Так она и делала. В разговор почти не вступала, лишь бросала молчаливые взгляды на присутствующих да поддакивала.

— Юленька, что-то ты у нас сегодня больно задумчивая, — сказала жена Юрия, обратив на девочку внимание.

— А мне, тетя Надя, похвастаться нечем. Вот и молчу, — попыталась улыбнуться в ответ Юля.

Как-никак нужно держать лицо. Не хватало, чтобы еще кто-то догадался о ее чувствах и переживаниях.

— Как это нечем? – вставила свое слово мама. – Расскажи, как ты снова всех в карты обставила.

Юлька невольно засмеялась.

— О, да. Было дело.

— Денис вон тоже под раздачу попал, — усмехнулась Наталья.

— Да? – тут же вклинилась в разговор сестра.

— Да. До сих пор в себя прийти не могу.

— А на что играли? На раздевание? – хихикнула Лилия и получила испепеляющий взгляд Юльки. – Шутка, — ретировалась со смехом.

В такие моменты Юля еле сдерживалась, чтобы не сказать грубость. Ей было стыдно за сестру. Лилия ведь далеко не дура, но почему-то вела себя именно так!

— На конфеты, — быстро сказала, пока Денис не успел выдать ее.

— Много выиграла? – спросил отец, улыбаясь.

— Очень. Боюсь, как бы теперь у меня аллергия на сладкое не началась.

— Антигистамины нужно принимать, Юля, — пошутил Денис.

— Лучше сразу цианистый калий. Нет человека – нет проблем.

За столом раздалась веселые смешки. Все знали, что Юля остра на язычок. Лилия хлопнула покрашенными ресницами, никак не могла уловить суть, чтобы вставить свое слово. Но поразмыслить, как следует, девушке не удалось, отец попросил ее принести соль, которой на столе не оказалось, и она нехотя покинула свое место.

Денис подался немного вперед и негромко сказал:

— После нас хоть потоп, да?

— Ничто не вечно под луной, — продолжила Юля в той же манере, выдерживая его внимательный взгляд. Это было трудно, но приятно.

За общим весельем их приглушенного разговора слышно практически не было. Басовитый голос отца сосредоточил на себе внимание остальных.

— Платон мне друг, но истина дороже. Признавайся, Юля, какая муха тебя сегодня укусила?

— Не муха. Кажется, меня ворона обгадила.

— Зря волнуешься. Ворона в павлиньих перьях даже взлететь не в состоянии.

— Да?

— Да.

Услышав ответ Дениса, Юля улыбнулась. Иногда она его не понимала. И в такие минуты чувствовала себя совсем маленькой и глупой. Но сегодня не хотелось докапываться до истины, раскрывая смысл его слов. Удобнее было переложить свои догадки на выводы. Что она и сделала... Тогда по телу хлынула волна облегчения. Напряжение, что весь вечер держало ее в железных тисках, начало отпускать. Так и подмывало рассмеяться. Денис видел, как она пыталась сдержаться, строго смыкала губы, но от этого искры в серо-зеленых глазах разгорались еще ярче... Все же, совладать с собой не удалось и когда Лилия вернулась на место, Юля звонко рассмеялась, тут же прикрыв рот ладошкой. Взрослые обратили на нее свои взоры, и дочь виновато покосилась на родителей.

— Простите. Анекдот.

— Что за анекдот? Расскажите мне, — вмешалась Лилия.

— Не стоит. Он грубый, — ушел Шаурин от ответа.

— Но Юле ты его рассказал, — слегка надавила девушка.

— Юля. – Денис улыбнулся, скрывая за улыбкой все, что только можно скрыть. – С Юлей мы давно знакомы. Она привыкла.

В груди стало тепло. Юля чувствовала, что лицо ее, верно, стало пунцовым, потому что щеки горели. И ладони. Все тело. Лишь оттого, что его взгляд коснулся ее лица. Хотелось шумно отдышаться, как после обморока, но она лишь глубоко и неслышно вздохнула. Непослушные мысли нашли новое русло. Перестал мучить вопрос, понравилась ли сестра

Денису. Очевидно, что нет. Зато Денис Лилии, определенно, понравился. И ревность, съедавшая изнутри, лишь слегка улеглась.

Шаурин снова бросил на Лилию внимательный взгляд. Та капризно поджала губы, выражая свое недовольство. Знала бы она, как исказились черты ее симпатичного лица... В этой мимолетной гримаске прослеживалась вся ее натура. Капризный, плаксивый ребенок, привыкший получать все по первому требованию. И дальше ничего не изменится. Только у ребенка, жившего внутри взрослой девицы, потребности будут больше. Казалось бы, в одной семье воспитывались девочки. А такие разные. Хотя братья Монаховы сами как земля и небо. Сергей – крупный, крепкий мужчина, от одного взгляда которого толпа расступалась. И Юрий – сухощавый, subtilный, прячущий мысли за стеклами очков. А вот руки у него сильные, с набухшими венами. Глядя на них, сразу перестаешь воспринимать его как плюгавенького «экономиста» неброской внешности.

— Я думаю самое время заварить чай. У нас есть вкусный торт. Юля, справишься? – предложила Наталья.

— Конечно, сейчас сделаю, — отозвалась дочь и вышла из-за стола.

— О, нет. Торт я не буду.

Жена Юрия отказалась от десерта. Наталья не смогла уговорить отведать ту хоть маленький кусочек. Надежда упорствовала, ссылаясь на диету. Еще бы она ни упорствовала. Весь ужин просидела над тарелкой овощного салата, попивая шампанское. А тут кусок торта и вся диета насмарку. Мать Лилии была очень стройной яркой брюнеткой. С броскими чертами лица, крупными, но соразмерными. И все же, не мог Денис сказать, что она красива. Чего-то недоставало ей для такой лестной характеристики. И Лиля – копия матери. Копия в прямом смысле этого слова безо всякой двойственности. Видно, для девушки мать была идеалом, что она даже жесты ее копировала и интонацию. Смотрелось это комично. А уж жеманность и излишнее кокетство раздражало до невозможности. По сравнению с такой эмоциональностью, Юлька смотрелась как глыба льда – холодная, невозмутимая и неприступная. Одним взглядом остужала. Не хотел бы Денис когда-нибудь увидеть Юльку в амплуа, которое выбрала старшая сестра. Образ проститутки еще никого не красил. Дорогая она или дешевая значения не имеет. Кто-то стоит на панели, а кто-то за дорогие подарки в постель ложится. Суть от этого не меняется. Лилия, по всей видимости, в пылу чувств готова себя отдать задаром.

— Денис? – спросила Наталья и взяла чистое блюдце.

Денис посмотрел на бокал с коньяком и покачал головой:

— Нет. Сладкое после крепкого алкоголя как-то не хочется. Просто чай, если нетрудно.

— Конечно, — женщина кивнула и подала ему чашку крепкого чая.

Этот чай имел очень густой выразительный аромат. Похоже, что привезен откуда-то из-за границы. В местных магазинах на полках такого не встретишь.

К концу ужина аппетит у Юли разыгрался не на шутку. Есть в ее конституции своя прелесть. Можно торты лопать, не боясь потолстеть. Посмеявшись над Лилей, она приступила ко второму куску «Наполеона».

— Зря ты отказываешься, — посмотрела на Дениса.

— Нет. Но на завтрак я бы съел с удовольствием. Если что-нибудь останется.

— Я прослежу, — заулыбалась.

Ужин закончился тихо-мирно, удовлетворив абсолютно всех. Вкусная еда, дорогие напитки, спокойная семейная атмосфера. Не зря говорят, что сытый человек – добрый

человек. Но расслабляться еще не время, решил для себя Денис. Это за столом со всей семьей можно о погоде-природе поговорить, а наедине с мужчинами уже совсем другой колорит. Сейчас он уже не ощущал былого напряжения в присутствии Сергея Владимировича. Собственное положение ясно, сюрпризов не ожидается. Теперь только работа и ничего больше. Рядом с Монаховым Денис чувствовал себя как рыба в воде, и ему это нравилось. И то, как сам Монахов к нему относился, — тоже нравилось. Не довлел, не нагнетал обстановку. Если «нет», то безапелляционное; если «да», то твердое. Но внутри Шаурина не оставляло ощущение что это только затишье, очередной этап. Как уровень в компьютерной игре, который обязательно нужно пройти, иначе вверх не поднимешься. Даже если придется пройти его тысячу раз.

Только одно пока непонятно, на каком именно уровне уже находится Шаурин и как выглядит последний этап.

Юля сложила чашки и заляпанные кремом блюда в раковину. Включила воду. Зою уже отпустили, всю остальную посуду она вымыла, но о чайном сервизе из белого тонкого фарфора девочка решила позаботиться сама. Не потому, что не доверяла Зое. Нет, уж очень хотелось чем-нибудь заняться на кухне, помаячить, помельтешить. Вдруг получится с Денисом обмолвиться парой словечек. Сегодня наедине они совсем не были, только за столом под всеобщими взглядами. А так хотелось поговорить... Только не как за ужином, ограничиваясь дежурными нейтральными фразами.

— Пойду схожу в бильярдную, — сказала Лиля, поправляя юбку.

От такого неожиданного заявления руки у Юли дрогнули, и намыленная чашка выскользнула, звонко стукнувшись о дно раковины. И как только не разбилась...

— Не ходи, — сказала девочка, развернувшись к сестре.

Это была в высшей степени наглость. Даже сама Юля себе такого не позволяла. Никогда она не ходила в бильярдную, если отец там был не один. Чаще всего именно там папа решал какие-то важные рабочие вопросы. Так было заведено. И никто не нарушал этого порядка. И неважно Денис ли разговаривал с отцом в этот момент, или дядя Юра...

— Почему? Дядя Сережа меня раньше звал. Мы даже пару раз в бильярд играли.

— Вот именно. Звал. Сейчас тебя никто не зовет, — Юля и сама не поняла, откуда в ее голосе взялись стальные нотки. Но сейчас на кону стоял не только покой отца, но и ее собственный. Понятно, что Лилия не просто в бильярд собралась там поиграть, а перед Денисом задом повертеть, чего Юлька допустить никак не могла. Не хотела, чтобы Лилия к нему и близко приближалась, пытаясь соблазнить своими формами. Пусть другими мальчиками играет, а Дениса не трогает. Он не для нее, не для ее развлечений. У Лили таких игрушек полно.

Старшая сестра заметила, как остро кухня среагировала, и лицо ее изменилось. Лилия подозрительно сощурилась и окинула девочку взглядом.

— А тебе-то что? — посмеиваясь, спросила. — Или сама неровно дышишь к нему? — развеселилась еще больше, что очень уязвило Юлю. На нее накатило бессилие. Именно в этот момент девочка поняла, что есть вещи, с которыми она справиться не в состоянии. Тут деньги и власть папы ей ничем не помогут, а в случае с Денисом, — только усугубят ситуацию.

Несколько секунд она смотрела на Лилию, застыв на месте, не замечая, что пенная вода капала с рук на пол. Старалась сохранить спокойствие, держалась, что есть силы, чтобы не показать чувств, что забурлили внутри. Мысли, как назло, лихорадочно носились в голове,

словно добавляя жару. В конце концов... Ее отец — старший брат, он главный...

Юлька стиснула кулаки, окатила Лилию холодным взглядом и широко улыбнулась, сверкнув белыми зубами. Чтобы в этой жизни отхватить или удержать лакомый кусок, нужны здоровые крепкие зубы... А в Юлькиной улыбке не было доброжелательности, скорее, желание заморозить Лилию на месте.

— У тебя слишком богатая фантазия. Умерь свой пыл, — улыбка младшей сестры угасла, кристаллики льда подернули взгляд серо-зеленых глаз. — Имей совесть. Ты находишься у меня в доме, веди себя прилично! Или у тебя совсем крышу снесло? Сядь, прижми свой зад к стулу, съешь еще один кусок торта и успокойся.

Лилия опешила. Впала в короткий ступор. Она, конечно, знала, что у Юльки характерец еще тот... Они часто ссорились, препирались, но ни разу до того времени Юля не говорила с ней таким высокомерным и уничижающим тоном. Лилия не сразу нашлась, что ответить.

— Ненормальная, — фыркнула она и вышла из кухни. Это все, что она придумала сказать.

Юля прислушалась к шагам. Правда, шум льющейся из крана воды мешал это сделать. Но все же, удалось уловить шаги Лилии по лестнице. Она поднималась в спальню. Юлька вздохнула свободнее. Одну битву она выиграла. А сколько их еще — неизвестно... И самая главная не с сестрой и кучей таких же ополоумевших от любви девиц, а с самим Шауриным. Это даже не битва, а целая война. Они с Денисом подружились, общались свободнее, но хотелось других взглядов и других слов. Чтобы перестал он видеть в ней малолетнюю подружку. Кажется, что это сделать почти невозможно. Если бы могла, Юля спросила бы совета у матери. Но она не могла. Оставалось надеяться только на себя.

Лилию можно понять. Юлька и сама такой стала. Ополоумевшей от любви. Хотелось быть с ним рядом, смотреть на него бесконечно, говорить обо всем на свете, у них всегда так мало времени на разговоры, а она столько еще про него не знала... Как он живет, где живет, что любит или не любит. Что ест, в какой позе спит... Ее волновало абсолютно все. Он сегодня был какой-то особенный, таинственный. Но, может, это черный цвет создавал такое впечатление. Впрочем, Денис всегда был закрытый, вот и хотелось Юле знать о нем как можно больше. И смотреть хотелось, не в спину, скрываясь, а в глаза.

ГЛАВА 16

Когда Денис уходил, Юлия чувствовала себя ужасно одиноко. Горечь цепкими пальцами бралась за сердце и до следующей встречи отпускать не хотела. Даже под ослепительным жарким солнцем в душе ощущались холод и мрак. Хотя рядом с Денисом жарко не было. Вернее, было по-разному. Эмоции стремительно сменяли друг друга, выворачивая нутро наизнанку. Юля заметила, что очень остро переживала его внутреннее состояние. Так, что иногда становилось плохо. Он мог и ледяной волной окатить, и согреть одним взглядом. Странно, что сам всегда держал себя в руках и не выпускал эмоций наружу, но они эхом отражались в ее подсознании, заставляя то сжиматься в комок, то расцветать. В такие минуты управлять собой невозможно. Он, вероятно, сам того не подозревая, водил ее, словно марионетку. Очень трудно с ним — с Денисом. И с собой — труднее в тысячу раз. Это что-то запредельное и неуправляемое. Как ехать на бешеной скорости — и страшно... в душе восторг и адреналин бьет по венам, а сердце несется вскачь... Невыносимо. То плакать хочется, то смеяться...

Иногда после встречи с ним Юля чувствовала себя опустошенной. Не хватало ни сил, ни слов. Не хотелось ничего делать, даже шевелиться. Тогда она могла лежать на постели часами, просто глядя в потолок. Без мыслей. Оказывается, и так бывает. А все потому, что каждый раз она ждала, что в их отношениях что-то изменится. Но ничего не менялось...

Интересно все девушки так на него реагировали или только она сама была такой чувствительной натурой? Знает ли он, какое производит впечатление?

Наталья все чаще стала бросать на Дениса испытующие взгляды. Наверное, внимание дочери к нему не осталось тайной за семью печатями. Потому Юля всерьез опасалась, что скоро ее секрет всплывет наружу. Не представляла, какотреагирует мать, узнай она о ее чувствах. Но раньше времени испытывать судьбу не хотелось.

Первые дни октября. Дождливые. На редкость холодные. Бабье лето в этом году пронеслось лихо и незаметно. Но осень непревзойденная оптимистка. Заставляет людей ценить яркость и красоту жизни, будоража пышным цветом перед долгой зимой. Сложно, однако, не поддаться апатии в дождь. Не впасть в меланхолическое настроение, когда капли за окном ритмично отбивают унылую песню в унисон сердцу.

— Витя, как дела? – равнодушно спросила Юля.

— Нормально, — пробубнил Самарин, не выдав ничего нового и даже не глянув в зеркало заднего вида.

А Юля просто так спросила, из вредности, так сказать, ради развлечения. Хотела проверить, появилось ли в его лексиконе хоть одно новое слово. Нет, не появилось.

И откуда только отец откопал этого Самарина? Раздражал он ее жутко. Из себя выводил своим непробиваемым тупизмом. Здоровался и прощался сквозь зубы, словно рот у него только для того, чтобы есть и пить. Слова не вытянешь. Сейчас домой ее вез, до танцев не много времени осталось, — только на то, чтобы сумку в комнату закинуть и поесть. А потом несколько часов хорошего настроения. Танцевать Юлька любила. Не сказать, что были у нее к этому делу какие-то выдающиеся способности, но получалось. Преподаватели хвалили, хотя некоторые элементы давались с трудом. Но оно и к лучшему. Когда что-то у Юли не выходило, она старалась прилагать к решению проблемы все усилия, отодвигая переживания на задний план. Забывалась, когда шла вперед, и душевные терзания перед трудностями отступали.

— Что там, Вить? – поинтересовалась Юля, вдруг заметив, что машина долго не трогается с места, хотя притормозили они всего на пару минут, на светофоре.

— Авария, — сообщил он. – Сейчас пообедем.

Ну вот, а думала, что в лексиконе у Самарина три слова только. Ошиблась, целых шесть...

Чтобы лучше видеть, Юля придвинулась на край сиденья и глянула в лобовое стекло. Перед глазами, сметая капли воды, мельтешили «дворники». Машина объехала две разбитые иномарки, одна из них перевернулась, вылетев на обочину.

Коротко вздохнув, Юля снова приняла прежнюю позу, взглянула в боковое стекло. Приметила одну маленькую каплю и остановила на ней взгляд, следя, как та, наливаясь, увеличилась в размерах, а потом, соединившись с другими, стекла вниз. На душе было тоскливо, наверное, и на лице у нее такое же кислое и невеселое выражение; погодка жизнерадостности не прибавляла, несмотря на то, что вспоминались слова Дениса о том, что все зависит от восприятия человека. Сейчас ее разум внимал унылому серому дню, грязным улицам, людям, прячущим голову поглубже в воротник, спешащим с одинаковым

выражением на хмурых недовольных лицах.

В этом учебном году втянуться в школьные будни было как никогда трудно. Мысли витали совсем далеко от учебников и уроков. И не только у нее одной. Гормоны всем ударили в голову. Короткий отрезок в три месяца перевернул мир в ее классе с ног на голову. Все разговоры только к одному и сводились. Мальчики «бегали» за девочками. Девочки начали сходить с ума по старшеклассникам. Юлю ни одноклассники, ни парни постарше не интересовали, ее мысли уже давно и прочно занял другой человек. Учителя с трудом справлялись с озабоченными подростками. Почему-то вдруг оказалось, что просто любить не интересно, а быть невинной и неискушенной – не модно. Юлька, чтобы казаться взрослой убрала челку, другие искали более смелые способы, и одного поцелуя для этого было недостаточно, девочки стремились быстрее избавиться от скучного и пресного определения — «девственница». Мало кто грезил о любви в романтическом смысле, ближе и роднее стало слово «разврат», — новое, а оттого таинственное и такое привлекательное.

Привыкшая к четкому графику и полной загруженности, Юля действовала на автомате: читала, писала, учила... Отрывной календарь на столе стремительно сбрасывал свои одежды. Ночь сменяла утро, дни летели незаметно. С Денисом за этот месяц они виделись всего несколько раз. А Юля скучала. Так, что иногда даже плакать хотелось. Столько времени прошло с их долгожданной встречи, а она до сих пор так и не стала частью его жизни, оставаясь для него просто дочерью босса. И виделся он с ней при случае, и ему даже в голову не приходило просто позвонить и узнать, как у нее дела.

На какой-то короткий момент Юле показалось, что их отношения вылились во что-то новое. Тогда в ту ночь, после конфликта с Лилией...

...Юля, как обычно, долго не могла заснуть. Да и как тут спать, когда заветная мечта в мужском образе находилась в такой близости, буквально, за соседней стенкой. И в то же время, в недосягаемости. Поворочавшись с боку на бок, она раздраженно фыркнула, вздохнула и выбралась из постели. Натянула джинсы, набросила теплую кофту и вышла из комнаты. Крадучись спустилась по лестнице. Не хотела никого разбудить, да и не любила, когда кто-то из родителей заставлял ее среди ночи на кухне, нарушая уединение. Обязательно следовали вопросы, а объяснять ничего не хотелось. Разве это что-то меняло?

На кухне горел мягкий приглушенный свет. Юля отрыла дверцу холодильника, заглянула в освещенное нутро и поискала глазами минеральную воду. Тут же вспомнила про Дениса. Он жить не мог без минералки. На ночь в комнату всегда брал с собой бутылку с водой. Юля отпила, зажмурившись от пузырьков газа. Из приоткрытого окна подуло приятным ветерком. Послышался лай Лорда. Он словно почувствовав, что хозяйка рядом, начал привлекать внимание. Юлька улыбнулась. Как же она любила эту собаку... Налила воды и Лорду, конечно, не минеральной.

— Пей, мой хороший, — прошептала Юля и поставила миску около лавки, на которую присела.

Лорд набросился на воду. Оно и понятно: набегался, вот и пить захотел. Юля решила, что не зря выбралась из кровати, мучился бы пес до утра. Налакавшись вдоволь, Лорд снова скрылся за домом, только хвостом вильнув. А Юля и так осталась сидеть на лавке, глядя на яркий квадрат света на асфальте, падающий из окна кухни.

— Не спится?

Если он хотел напугать ее, то получилось. Юля чуть не подскочила на лавке от тихого вкрадчивого голоса, прозвучавшего почти над ухом.

— Денис... — прошипела она, сдержавшись, чтобы не воскликнуть.

— Да ладно тебе. Что не слышала, как я подошел?

— Нет, не слышала.

Денис издал короткий смешок и сел рядом. Потом немного отодвинулся, достал сигареты, закурил и посмотрел на Юльку, ожидая привычного порицания.

— И не жалко тебе своего здоровья.

Ну вот, долго ждать не пришлось, Юля в своем репертуаре.

— Ты всерьез думаешь, что сигареты укоротят мне жизнь? — усмехнулся.

— Конечно, — серьезно сказала.

Тогда Денис рассмеялся и покачал головой:

— Только не сигареты. Что угодно, но только не сигареты.

— Какая самонадеянность...

— А как же без этого?

— Действительно, — несколько иронично поддакнула девочка.

И сам не знал, почему обрадовался, увидев ее в такой час на улице. Но именно это чувство ощутил, когда, выйдя покурить, заметил ее фигуру на скамье под окнами кухни. И хотя свет слабо освещал это место, трудно было ошибиться. Сомнительно, что мохнатое чудовище кому-нибудь кроме нее лизало бы руку.

— Псину свою выгуливаешь?

— Можно и так сказать. И себя заодно.

— Скоро в школу. В какой класс?

— В десятый.

— Настроилась?

— А что тут настраиваться? Взяла учебники и пошла. Хотя, не скрою, я бы лучше еще месяц с книжкой повалялась.

С появлением Дениса Юлька перестала грезить о школе. Он наполнил ее жизнь другим смыслом, внес яркую ноту, которой не хватало, пусть нередко она бывала минорной, но теперь к школьным друзьям и подругам она потеряла интерес, а уж с мальчиками своего возраста общаться не могла и вовсе, слишком неразвитыми они были, несмышлеными, однобокими. Пустоголовыми. А Денис даже в коротких разговорах заставлял ее думать. И если в беседе обсуждал какие-то книги, она их читала. Как-то, рассказывая о том, что в детстве ходил на факультатив по истории, он упомянул Ключевского. За месяц она проглотила четыре тома. Прочитала все, о чем когда-то говорил Денис, чтобы понять, как он мыслит, что могло тронуть его в этих книгах.

— Что сейчас мучаешь?

— «Дети капитана Гранта».

— Шутишь?

— Нет, просто обнаружила, что не читала в детстве этой книги. Это, знаешь, как обязательный... минимум что ли. У меня еще «Идиот» был по плану, но признаюсь, не вытяну. Начала, но дальше пятнадцатой страницы не продвинулась. Хватит с меня «Преступления и наказания».

— Понятно. Не трать время потому что «надо» почитай, что тебе интересно. Это будет полезнее. Я вообще думал, что самое время «Анжелики»...

Юлька повременила с ответом, взгляделась в лицо Дениса. Он сидел, откинувшись на спинку скамьи, скрестив руки на груди, глядя вперед. Сигарета тлела в руке, затягивался он

изредка, в его позе и манере неспешно вести разговор прослеживалась некая расслабленность и умиротворенность.

— Я читала эту книгу.

Недавно в ее личной библиотеке появилось несколько любовных романов и, конечно, их она изучила намного быстрее, чем Ключевского. В период собственных острых переживаний и душевного томления стало необычайно интересно, что же пишут о той самой любви в книгах и можно ли назвать то, что испытывала она, — любовью. Выяснила, что можно, совпадало по всем «симптомам», — дрожь в коленях, учащенное сердцебиение, навязчивые мысли... Во многом оказались поучительными эти книжки, вот только ответа на вопрос: как заставить Дениса полюбить себя? — не дали.

— Понравилась? — спросил он, когда Юля уже и забыла, о чем они говорили.

— Как сказать... — помялась она с ответом, а потом заметила в его глазах озорные искры. Все же света достаточно, чтобы прочитать выражение глаз. — Еще скажи, что ты тоже это читал!..

— Не это. Что-то другое... Не помню названия, но какая-то подобная дрянь, — сбросил пепел и поднес сигарету к губам.

— Ради бога, зачем *ты* это читал?! — воскликнула Юля несколько шокировано. Ни за что не могла поверить, что Шаурин мог читать любовные романы.

— Не по своей воле, конечно, ты что... На спор. Сестре проспорил, это еще до армии было. Она тоже любительница сентиментального чтива, у нее целый шкаф этих розовых соплей.

— Понравилось? — насмехаясь, спросила Юля.

Какая разница, что именно он читал. Любопытство съедало живьем, страсть как хотелось услышать его мнение.

— Кхм, — Денис сделал сосредоточенный вид и как будто даже на миг задумался, глядя в темноту перед собой. — Это то, что нравится женщинам? — искоса глянул на Юлю.

— В общем, да... — призналась она.

— Интересно там все так написано... — затянулся, но не выпустил дым сразу, задержался, посмотрел на алеющий кончик сигареты.

— Говори уже, — не вытерпела Юлия.

Выпустил из себя воздух.

— «Богатые» до того богатые, что не знают, сколько у них денег, со счета прямо сбиваются. «Бедные» — такие бедные, что на кусок хлеба у них нет. И любовь там до умопомрачения... А в реальной жизни нет таких крайностей.

— Может быть... — неопределенно произнесла Юлия, не особо горя желанием продолжать этот разговор. Иногда от слов Дениса веяло таким прожженным цинизмом, что в эту минуту она побоялась начинать рассуждения о любви. Прекрасно понимала, что желаемого не услышит, а разочароваться не хотела.

Их покой нарушил Лорд, чему девушка очень обрадовалась. Проскочив в полосе света, пес подбежал к хозяйке и положил морду ей на колени. Юлька пригнулась, с удовольствием используя возможность отвлечься, не боясь запачкаться, прижала к себе собаку, потрепала пушистую шерсть. Внезапно Денис ощутил порыв зарыться рукой в ее волосы и потрепать Юльку так же, как она трепала своего пса. Нежнее. Волосы у нее красивые, густые, приятного оттенка, не испорченные краской и завивкой. Она перекинула их на одну сторону, и теперь они струились вниз по плечу, падая на грудь. Он не сделал этого, не стал

притрагиваться к ней, но пальцы незаметно дрогнули, а сердце в груди хоть и билось так же размеренно, но странно гулко. Странно...

Некоторое время Лорд послушно стоял, выдерживая ласки Юли, но потом ему, как видно, надоели эти тисканья, он затоптался на месте, начал вертеть головой.

— Тебе сколько лет?

Юля отпустила Лорда и, выпрямившись, села, повернувшись к Денису. В скудном свете ее лицо казалось бледным, хотя яркое солнце оставило на нем след в виде редких веснушек на носу и мягкого загара.

— Пятнадцать, почти шестнадцать.

— «Почти» это как?

— В ноябре будет шестнадцать. — Она прямо взглянула Шаурину в глаза, он встретил ее взгляд спокойно. Она же подобного рядом с ним не ощущала. Через мгновение Денис поднялся с лавки и встал перед ней, уйдя в тень. Сигарета мелькнула в темноте ярким огоньком, точно он поднес ее ко рту. По спине девушки пробежала волна мелких мурашек, верно, от прохладного ветерка, что набегал так и стараясь забраться под кофту или растрепать волосы.

— Ты давай без глупостей, — негромко проговорил его голос с каким-то непонятным ей предостережением.

— Без каких?

— Слышишь?..

— Слышу, — повторила она, хотя совсем не поняла, о каких «глупостях» он вел речь.

...И сейчас не понимала. Прокручивала в голове их разговор и до сих пор не понимала, к чему он это сказал. И как уже повелось, решила все обернуть в свою сторону. Так спокойнее, чем разгадывать его загадки. Вздохнула и накрутила на палец прядь темно-русых волос.

Они не виделись уже тринадцать дней...

— Самарин, я же тебя предупреждал... хорошо, дуй в сервис, я заберу ее. Мне все равно в ту сторону, — говорил Денис, зажав телефон между плечом и ухом, застегивая молнию на куртке. Захлопнул дверцу шкафа, сунул телефон в карман, нащупал ключи от машины.

Самара, что б тебя... Вовремя позвонил, еще пять минут и Денис бы мчался в направлении особняка Монахова. Чтобы забрать Юльку со школы танцев пришлось либо самому возвращаться, либо посылать кого-то другого. Последнее делать не хотелось, да и незачем. Ему все равно к Монаховым ехать, а школа находилась не так далеко от спортклуба.

Доехал быстро, не стал ждать в прохладном салоне авто, а зашел внутрь. Плитка звенела под каблуками; помещение шумело голосами — детскими и постарше; воспитанники спешно покидали здание, теснясь у выхода. Денис поздоровался с охранником и посмотрел на часы, висящие на одной из бежевых стен. Юля вот-вот должна была выйти, но не появлялась. Можно было присесть на диван, но Денис не стал, а остановился у стенда с многочисленными фотографиями. Со всех на него смотрели улыбающиеся довольные лица. Поискал среди них Юлю.

Не то чтобы он был совсем уж нетерпеливый, но стрелка часов неустанно бежала вперед, тем самым, натягивая ему нервы. Десять минут прошло, а ее все не было...

Бросил взгляд на лестницу, по которой спускались девочки из Юлиной группы. Узнал их, видел, как она с ними разговаривала и прощалась, когда он пару раз встречал ее после занятий. Как-то странно они на него посмотрели и переглянулись...

Дольше ждать не смог. Сердце тревожно стукнулось о ребра, и шестое чувство погнало его вверх по лестнице на второй этаж. Точно не знал, где искать девочку, но ранее что-то говорилось про вторую раздевалку по левой стороне. Туда он и заглянул в первую очередь.

Юля сидела на длинной низкой лавке, опустив голову и глядя в пол. Вокруг нее суетились какие-то люди. Дверь открылась, и она вскинула стеклянные от слез глаза. И смотрела она не в пол, как ему показалось в первую секунду, а на свою ногу. Правая штанина узких джинсов была задрана вверх, обнажая распухшую покрасневшую щиколотку.

— Я упала, — подала она голос. Прозвучал он как-то неуверенно, дрожаще. Прошелестел, как падающий с дерева лист.

— Юля, ну как так... — оторопело проговорил и опустился перед ней на корточки.

Опухоль увеличивалась на глазах, нога уже начала синеть.

— Так неловко все вышло, — затараторила женщина у него над ухом. — Мы минут двадцать назад вызвали «скорую»...

На несколько секунд Денис остолбенел и растерялся. Юлька побелевшими пальцами вцепилась в лавку, словно боялась с нее свалиться.

— Пока эта «скорая» доедет, можно уже и ласты склеить. Собирайся, — быстро проговорил он и огляделся. — Где твои вещи?

— Вот, — Юля кивнула на сумку, лежащую рядом. Один сапог уже был на ноге, второй валялся под лавкой. Она натянула на ногу белый носочек и взялась за обувь. Ослабила шнуровку и легко надела высокий сапог, заправив в него штанину. И сама удивилась, что, боли, как таковой, уже не ощущала. Ослепительная вспышка была в первые минуты после падения, а сейчас все утихло.

— Мне не больно, — сказала, заметив взгляд Дениса.

— Сильно не затягивай, — напомнил он, чтобы она не усердствовала со шнурками.

Юлька держалась, но зрачки у нее были расширены, как у любого человека, который испытывает боль. Вследствие шока, возможно, именно сейчас, она ее не чувствует, но чуть позже обязательно завоет. И лицо у нее было белое как простыня, а веки подрагивали.

— Ой, ей сейчас нельзя ходить! — опомнилась дамочка-преподаватель и закудаhtала, когда Юля поднялась с лавки. — Это все на вашу ответственность!

Денис даже не слушал ее. Как только Юлька застегнула косую молнию на черной кожаной курточке и взяла в руки сумку, он подхватил девушку на руки и понес к выходу. Завидев их в фойе, охранник всплеснул руками и поспешил открыть двери.

— И куда?.. — спросила, крепче обнимая Дениса за шею.

— В больницу, куда еще... Не плачешь?

Юлька поджала губы и помотала головой. Денис шел быстро, будто совсем не ощущая ее веса. А она не была легкой как перышко.

— Не реви.

— А вдруг перелом?

— Сейчас узнаем, — «обнадежил» он, по пути вспоминая адрес ближайшего травмпункта.

Появление Дениса оказалось неожиданным и очень приятным. Может, потому и боли она не чувствовала, все ее инстинкты на нем сконцентрировались. И ничего не могла с

собой поделатъ. Сердце так и перевернулось в груди, когда он возник в дверном проеме.

— Ты почему не позвонила? — с укором спросил он.

— Кому?

— Самарину. Мне. А если бы тебя «скорая» увезла, где бы мы тебя потом искали?

Травма все-таки выбила ее из колеи, лишив способности думать логично и рационально. Первое, что нужно было сделать, так это сообщить о произошедшем, но Юля пристыла к лавке, а мысли вылетели из головы, выпорхнули как бабочки. Только сейчас поняла, что в этом Денис прав. Нужно было позвонить хоть кому-нибудь и рассказать, что случилось.

— Нашли бы... — попыталась улыбнуться она.

— Конечно, нашли бы... — проворчал он. — Осторожно. — Опустил ее на землю около машины и открыл дверь.

...У кабинета травматолога очереди не было, что редкость. Правда, и самого травматолога не было тоже. Потому пришлось набраться терпения и подождать еще несколько минут. Юля присела на скамью, распустила шнуровку по всей длине сапога, чтобы не возиться у врача. Они у нее очень удобные из мягкой кожи на плоской подошве. Только сейчас, когда шок начал отпускать, возникли боль и головокружение. Ожидание выматывало. Денис озлобленно выругался и пошел искать врача, открывая все двери, которые попадались ему на пути. Юля прикрыла глаза, чувствовала, как начинает терять самообладание. Никогда у нее не было никаких травм. Она и не болела ничем кроме банальной простуды, потому в больнице ей было не по себе. Через какое-то время услышала картаво произнесенное «проходите» и открыла глаза. Денис помог Юле сесть на кушетку и вышел из кабинета, не стал мозолить глаза врачу.

— Здесь болит? — доктор пальпировал опухоль. Настоящий травматолог, что ни говори, — мужчина средних лет с квадратной фигурой и широкими ладонями.

— Да, — подтвердила Юля. — Это же не перелом? — спросила с надеждой в голосе. — Я ведь могу на ногу наступать.

— И с переломами бегают, деточка. Снимок сделайте, там посмотрим. — Написал на бумажке номер кабинета и что-то еще. — И снова ко мне.

— Хорошо, — кивнула она.

Рентген—кабинет находился в другом конце коридора. Занимательно. Будь Юля в больнице одна, интересно, сколько бы ей понадобилось времени, чтобы доковылять до места.

— Имя, фамилия, отчество, год рождения, — пробубнила дородная дама в очках, не глядя на пациентку, открывая журнал.

— Монахова Юлия Сергеевна... — назвала свои данные.

— Садись, — или «залазь», или тому подобное было сказано невнятно. Но, глядя на выражение лица докторицы, переспрашивать не хотелось. Растерянно Юлька осмотрелась, застыв перед рентген-монстром. Как залезть на стол, который по пояс, когда при этом сама стоишь как цапля на одной ноге? Кое-как она забралась на него и задрала штанину...

Атмосфера в больнице угнетала. Конечно, это не то место, где тебя будут развлекать песнями и плясками, но разговоры сквозь зубы, словно ты ничтожество и всеобщее наплевательство действовали на нервы. Без Дениса она бы точно не выдержала и разревелась.

Через пару минут они получили на руки еще влажный снимок.

Вернулись в травматологию, Юля зашла к врачу. Доктор бросил только один внимательный взгляд на рентгеновский снимок.

— Перелома нет, — коротко констатировал и принялся писать что-то на бумажке. Все молча, без каких-либо объяснений. От облегчения, что перелома нет, Юлю немного замутило. Да и боль уже усилилась, затмевая все. Дрожащими руками она зашнуровала сапог. А, получив в руку бумажку с рекомендациями, даже не взглянула на нее, а поспешила убраться из кабинета. Как только дверь открылась, Денис подхватил ее и усадил на лавку в коридоре. Только теперь Юля посмотрела на маленький листок, зажатый в дрожащих пальцах, попыталась разобрать каракули врача. Крупные буквы накатывали друг на друга, сплывались в глазах, превращаясь в спиральку. Денис забрал у нее листок.

— Растяжение, частичный разрыв связок, — прочитал и посмотрел на девушку. — Вот видишь, а ты боялась. Растяжение — это ерунда, через пару недель будешь и бегать, и танцевать.

Юля глубоко вздохнула и выдохнула. На бледном лице было написано волнение, вид взъерошенный, длинные волосы беспорядочно разметались по плечам. Недолго думая, Денис запустил в них пальцы и прижал ее голову к своей груди. И сам испытал колоссальное облегчение. Растяжение — это, конечно, неприятно, но не смертельно. Все лучше, чем ходить в гипсе. Переживания и боль девушки как в зеркале отражались в его душе, ложились на грудь тяжестью, что для него самого оказалось не очень приятно. И непривычно. Но это было. Хотелось скорее покончить со всей этой тягомотиной и увезти ее из этого серого мрачного здания. От поселившегося внутри волнения и суеты стало жарко, и он расстегнул узкую кожаную куртку с воротником-стойкой.

— Выздоровливайте, милочка, — сказал врач, посмотрев на парочку, поворачивая ключ в замочной скважине. Заперев дверь, он снова скрылся в том направлении, откуда притащил его Денис.

— Спасибо. — Юля отклонилась на миг от своего спасителя, но снова приникла, теперь уже просовывая руки под куртку, обнимая. Все хорошо. Ничего страшного не случилось, но ее начало потряхивать и возникло естественное желание укрыться в его руках. Прижаться к нему крепко, как только можно.

Чувствовал, плечи ее мелко подрагивают, и обнял еще сильнее. Никогда до этого момента не прикасался к ней, за исключением того случая в лесу, когда напугал, за что и получил яростный укус. Но сегодня его внутренний тормоз не сработал, и руки сами потянулись к ней. И полегчало... Как только подбородок уперся в шелковистые волосы, а руки тесно прижали ее к себе, стало хорошо. Спокойно и тепло. Ощущал ее горячее дыхание у себя на шее и легкое щекотание от трепета пушистых ресниц. По спине прошла волна мурашек...

ГЛАВА 17

Остановить бы время и застрять в вечности...

Господи, никогда не думала, что будет так высокопарно и пафосно мыслить, но рядом с Денисом ее мечты «розовели» до такой степени, что самой становилось дурно. С детства не была мечтательницей, отличаясь этим ото всех остальных девчонок, не хотела погрязнуть в «розовых соплях», как назвал бы это Шаурин, но что с собой поделать, если его жесткие объятия, мягкие прикосновения к волосам вызывали бешеный душевный восторг. Да, он

умел обнимать. А делал он это так, что себя переставала чувствовать и растворялась в его руках.

Несколько минут терпкого счастья... Так от него пахло. Этот резкий терпкий запах впитался в кожаную куртку, что была на Денисе, и Юлька утыкалась в нее носом, чтобы забыться как в дурмане. Оно и, правда, действовало, еще несколько минут и у нее начнутся «любовные» галлюцинации. И без того казалось, что этот день — самый солнечный и радостный в жизни; а Денис обнимал ее не просто, чтобы утешить...

— Ну что, Красота, успокоилась? – спросил он, не размыкая рук.

Очень нравилось, когда Денис называл ее так, что-то было в этом для нее личное и интимное. И, конечно, Юля расценивала это как комплимент. Правда, говорил он ей это не часто. Пару раз только и сказал за все время их близкого знакомства.

— Немного, — нехотя сказала она, мечтая оттянуть время, продлить его в таких теплых мужских руках, крепких, но нежных одновременно. И успокоения она, как такового, не приобрела. Волнение другого рода уже давно завладело не только сердцем, но даже телом. Периодически пробирала дрожь, а язык присыхал к небу. И очень хотелось пить. Впрочем, возможно, именно жажда с душевными переживаниями никак связана не была.

— Тогда собирайся потихоньку. А то меня подадут в розыск и обвинят в похищении.

— Что-то мне дурно, голова кружится. Не по себе как-то.

— Это понятно. Сейчас отойдешь от шока и можешь в обморок грохнуться, так что осторожно.

— В обморок-то, наверное, нет, не настолько я слабовата нервами. – Юля со вздохом оттолкнулась от мужского тела и медленно начала натягивать на плечи куртку, стараясь проглотить тошнотворный комок, давно стоявший в горле. Опека и забота, так вовремя проявленные Денисом, были чрезвычайно приятны, но не хотелось предстать перед ним в образе безвольной куклы, которая при первом малейшем потрясении готова разойтись по швам и развалиться на части.

— А дело не в нервах. Это защитная реакция. Силой воли и разумом ты с собой справишься, но организму нужна передышка, потому мозг твой может отключиться на несколько секунд.

— Перезагрузка?

— Что-то типа этого.

— Что же мне теперь наштасть с собой носить?

— Духи носи. Эффект тот же, резкий запах активизирует мозг.

— Возьму на заметку, — пообещала Юля и улыбнулась.

А улыбнулась она, потому что решила: рядом с Шауриным обморок ей точно не грозил. Такой любитель насыщенных стойких ароматов кого угодно в чувства приведет, стоит только прильнуть к нему поближе. Она бы с удовольствием сделала это еще раз, но момент близости прошел. А так хотелось снова запустить руки под куртку и почувствовать его сильное тело под тонким свитером. Таким тонким, что каждая напряженная мышца отчетливо ощущалась под ладонями.

Сейчас, когда растерянность оставила, а глаза стали выхватывать окружающую обстановку, Юля утвердилась в мысли, что нужно побыстрее слинять отсюда. Стены, местами с облупившейся краской, затертый пол и специфический запах больницы не очень вдохновляли на оптимистическое настроение. Поправив на себе одежду, девушка взяла сумку в руки и Денис понес Юлю к машине, но только уже не так торопливо, а спокойно,

размеренно переступая с ноги на ногу.

— Мой рыцарь на белом коне... — со вздохом мечтательно произнесла Юлька и уставилась на плотно сжатые мужские губы.

— Может, принцесса соизволит больше не вляпываться в неприятности?

— Волнуешься за меня? — спросила она, скрывая за легкой усмешкой неожиданно появившуюся в голосе дрожь.

Его челюсть напряглась, и взгляд потемнел, из него исчезла теплота, которая, как ей показалось, согревала минутой назад.

— Ну что, тебе трудно сказать?

— Волноваться будут твои родители, если мы через полчаса не будем дома. А уж, если твой папа разволнуется, то, поверь, у меня самого появится серьезный повод беспокоиться за свое здоровье. И быть мне тогда всадником без головы.

Юля сдержалась, чтобы разочарованно не фыркнуть. Как будто она спросила его о чем-то из ряда вон выходящем! Он же волновался, так почему бы не признаться. Не верила, что безразлична она ему. Теперь уже не верила. Может, он отлично умел скрывать свои эмоции, но мелькнувшие в его глазах равнодушие и беспокойство Юля заметить успела. Не ведут себя так — просто из чувства долга, не смотрят тревожно, и, уж тем более, не утешают так нежно. Возможно, весьма самонадеянно с ее стороны думать именно так, но Юля думала. И верила. А иначе можно сойти с ума. Трудно любить безответно, а если отвлекаться на собственную надежду, обращаться к ней временами, то становилось все не так безрадостно. А, кроме того, было у них с Денисом кое-что общее: они оба скрывали ото всех свое знакомство и оба при посторонних принимали отстраненно-равнодушный вид. Если было бы все просто, то не наблюдала бы она в Денисе этих неуловимых изменений. Про себя и говорить нечего.

Нога совсем распухла, и любое на нее давление приносило боль. Юля забралась в машину на переднее сиденье, еще раз порадовавшись, что «заработала» всего лишь растяжение связок, а не перелом. Только, как выдержать такую скованность в движениях, не представляла.

Чем ближе черный «БМВ» подъезжал к дому, тем дальше становился от нее Денис. По его лицу расплзлось равнодушное отчужденное выражение, а между ними словно возникла стеклянная стена. Даже если удастся ее пробить, сама уцелеешь вряд ли...

— И, кстати, про танцы мне можно забыть теперь.

— Почему? Продолжишь, как только нога заживет.

— Нет, вот посмотришь, — тоскливо отозвалась и покачала головой. — Ты останешься на ужин?

— Не знаю. Все от твоего отца будет зависеть.

Больше Юля не задавала вопросов, молча уставилась в окно, стараясь на Дениса не смотреть. Зато его взгляд чувствовала. И полжизни бы отдала, чтобы знать, о чем он в этот момент думал.

Невдомек девочке, что мысли его все о ней, о том взгляде, что поймал — доверчиво-восторженном. Открытом. С каких пор Юля стала так смотреть на него, возводить на какой-то пьедестал? Сердце странно дрогнуло, когда застал он это выражение в серо-зеленых глазах. Неприятно. Не был он героем, не чувствовал себя таковым и это возвышение в ее глазах ему не нужно. Он по-другому привык. Жил по-другому и дальше собирался, ничего менять не планировал, потому что все его устраивало. А тут этот взгляд...

Никто на него так не смотрел. Никогда. Руки чесались встряхнуть девчонку, да так, чтобы и думать забыла про это; чтобы выкинула подобные мысли из головы и прекратила идеализировать его. Не герой он. Никогда им не был. Он из тех, что придерживался правила «Лес рубят – щепки летят». Для него все остальное, — кроме его собственных целей, — щепки, мусор.

С Верочкой в этом отношении очень удобно. Она глотала его махровый цинизм и не пыталась что-то изменить, принимала таким, какой он есть, не переделывала, не видела в нем больше и не ждала большего, чем он способен дать.

Почти весь путь длился в молчании. Юля отвела волосы от бледного лица и обессилено прикрыла глаза.

Когда у дома Денис предложил ей руку, чтобы помочь выбраться из машины, она не отказалась, но едва он попытался подхватить ее, отскочила от него как ошпаренная.

— Не надо я сама.

— Не дури. Сейчас тебе нельзя ногу напрягать. Потом будешь сама скакать.

— Не надо, тебе говорю, — снова отмахнулась она и попыталась его обойти.

Не обращая внимания на Юлькино упрямство, Денис снова оторвал ее от земли.

Раздраженно Юля стукнула его по плечу.

— Отпусти меня.

— Угомонись.

Девушка смиренно прекратила свои попытки сопротивления, но внутри у нее царил целый бунт. Как объяснить, что именно сейчас Денису не стоило к ней приближаться? Про себя Юлька молила бога, чтобы никто из родителей не увидел, как он нес ее на руках. Переживание естественным образом расписало лицо лихорадочным болезненным румянцем, стерев с него выражение радости и умиротворения, что неизменно возникало от близости с Денисом. Снова возникла та же растерянность и слегка подавленное состояние, в котором Шаурин застал ее в раздевалке. Так что Наталья, встретившая их у порога, приняла в свои объятия расстроенную и готовую вот—вот расплакаться дочь.

— Что случилось? – тут же встревожено спросила мать. Удивление ее росло с каждой минутой. Мало того, что Юлю привез не Самарин, а Шаурин, да не только привез, а еще и принес на руках до самой входной двери.

От дрожащей дочери, которая вцепилась в мать как клещ, ждать ответа было бесполезно, потому Наталья обратила свой взгляд на мужчину.

— У Самарина что-то с машиной, — начал Денис, предугадывая вопросы. – Потому за Юлей поехал я.

— Я растянула связки и теперь не могу на ногу наступать, — вставила свое слово дочь.

— Господи, Юля... А вдруг...

— Нет, — опередил Денис беспокойство матери, — мы уже были в больнице. И рентген сделали. Перелома нет, так что не нужно беспокоиться. Теперь главное – соблюдать рекомендации врача. На несколько дней про школу Юле нужно точно забыть.

— И речи быть не может про школу! Ну что же мы стоим! – Наташа направила дочь в открытую дверь и та, оперевшись на руку матери, запрыгала, едва припадая на больную ногу.

— Скажи мне, как?... – восклицала Наталья.

— Я упала. Подскользнулась на лестнице, — скривилась Юлька.

В ответ Наталья только горестно вздохнула.

В просторной передней Юля отцепилась от матери.

— Мама, я к себе. А ты что-нибудь поесть разогрей. Я только себя в порядок приведу и спущусь. И не надо лезть ко мне с помощью! Я не маленькая! – оттолкнула протянутую руку Натальи. Та покачала головой.

— Подождем отца и сядем ужинать. Не торопись. И смотри аккуратно! – проследила взглядом, как Юля поднималась по лестнице.

— Справлюсь, — уверила дочь. Желание попасть в душ утроило силы. Да и боль вполне терпимая. Пара таблеток и можно ненадолго забыть о таком неудобстве, как травма связок.

— Денис, ты, наверное, тоже голоден?

— Я с работы, — коротко ответил гость, проходя вслед за хозяйкой на кухню.

Впрочем, он так часто бывал в этом доме, что в особом приглашении не нуждался. По пути стянул куртку, бросил ее на спинку стула, привычно встал у окна. Несколько раз хлопнула дверца шкафа для посуды, Наталья загремела чашками. Сначала некоторое время Денис смотрел на улицу, потом повернулся к женщине.

— Сергей Владимирович когда будет?

— Сказал «скоро».

— Ясно.

«Скоро» звучало весьма расплывчато, но сути дела не меняло. Денис сел за стол, потому что Наталья разлила по чашкам чай. Само собой, одна из них предназначалась ему.

— Спасибо, что о Юле позаботился.

— Не благодари. Мне не в тягость, на моем месте это сделал бы каждый.

— Денис, у тебя девушка есть? – в лоб спросила Наталья, что самого Дениса слегка выбило из колеи. Давно уже никто так нагло не лез к нему с расспросами.

— А с какой целью интересуетесь? – с ухмылкой спросил он, подвигая к себе чашку. Сладкого не хотелось. Хотелось просто пить, потому Денис, не добавляя сахара, несколько секунд погонял ложку по чашке.

— Я же должна знать хоть что-то о человеке, который крутится около моей дочери.

— А я кручусь около вашей дочери? – незаметно для себя он продолжил взятый ироничный тон, обращаясь при этом на «вы». Ложечка бесшумно опустилась на блюдце.

— Я неправильно выразилась, но все же?.. – поправилась Наталья, но оставила вопрос Дениса в воздухе, как и не прокомментировала свой.

— Ну, если исходя из этих соображений, то, как говорится, — не был, не ездил, не привлекался. Девушка?.. Хм... — и сам усмехнулся, попытавшись ответить честно.

— Трудный вопрос, да? – поддержала его иронию Наталья.

Что ему, бесспорно, нравилось в этой женщине, так это умение поддержать тон разговора. неизбежно возникало ощущение понимания и легкости, какую бы тему при этом не обсуждали. Далеко не все люди способны уловить волну собеседника, но Наталье это всегда удавалось. И сейчас, несмотря на явное вмешательство в личную жизнь, Денис не ощущал напряжения. Не такое, чтобы насторожиться.

— Как оказалось, да.

Жена Монахова понимающе усмехнулась:

— Тогда и не отвечай.

— Негодяй я, что скрывать. Но ваша дочь в безопасности.

Наталья рассмеялась:

— Спасибо, успокоил.

На самом деле, успокоения от его слов Наталья не ощущала. Денис опустил взгляд, что

позволило взглянуть в его лицо. Смотреть ему в глаза открыто было тяжело. Понятно, почему дочь увлеклась им. Шаурина трудно не заметить. Высокий, с отличным спортивным телосложением и глубоким умным взглядом. Его непоколебимая уверенность в себе поражала, а невозмутимость, которую он так часто демонстрировал, совсем не означала внутреннее спокойствие, хотя он всегда тщательно контролировал свои реакции. Если прибавить ко всему независимость мышления и поступков, можно смело назвать его жестким и целеустремленным. Только все эти положительные качества в том кругу, где он вращался, приобретали другой оттенок, и просто из свободного сильного духом он превращался в жестокого и даже опасного человека.

А в том, что Юлька увлеклась всерьез, сомнений не было. С каждым днем девчонка увязала в нем, не хотелось говорить «как в болоте», но очень похоже на то. Сначала Наталья отстраненно наблюдала за интересом дочери. Влюбленность в ее годы вполне нормальное явление, главное, чтобы она не превратилась в одержимость. Но после сегодняшней ситуации решено было глубже вникнуть в отношения Юли и Дениса. Не хотелось, чтобы в один прекрасный момент Денис использовал слабость дочери в своих интересах. Даже думать в таком ключе не хотелось, но как тут не думать...

...Позже, за ужином, Денис понял, почему Юля так смело утверждала, что с танцами покончено. Семья, включая Дениса, уселась за стол. Монахов мрачно поглядывал на дочь, а она не испытывая желания есть, водила ложкой по тарелке, изредка поднося ее ко рту. Перед ужином Юля попила чай со сладким пирогом и перебила аппетит, к тому же натиск Сергея Владимировича, выпытавшего у нее все подробности происшествия, немного вывел ее из себя. Удрученно она поглядывала то на мать, то отца и еще реже — на Дениса.

— Юленька, перестань хмуриться. Через несколько дней нога заживет, и ты про все забудешь, — попыталась Наталья приободрить дочь.

— Я не могу чувствовать себя так скованно и ограниченно. Мне мешает не боль, мне мешает то, что я не могу свободно двигаться.

— Придется потерпеть. Когда опухоль спадет, все встанет на свои места. Снова будешь бегать, прыгать и танцевать.

— Забудь теперь про танцы, — тут же сказал отец. — Никаких больше танцев.

— Сергей, ничего страшного не произошло. Такое случается... — начала Наталья.

— Я сказал, — отрезал Монахов.

Юля и рот не раскрыла, чтобы оспорить решение отца. Делала бесстрастный вид, отрешенно смотрела в окно. Денису, который общался с ней часто и успел узнать некоторые проявления ее характера, показалось такое поведение странным и неестественным. Слишком уж она была спокойна. Упрямство, которое так часто проявлялось, сейчас почему-то спряталось за оболочкой хладнокровия, хотя Юля всегда остро реагировала на любые попытки навязать ей готовое решение проблемы. Она предпочитала иметь некоторую свободу для действий, чтобы самой выкручивать ситуацию под нужным углом. И в такую покорность Денис откровенно не верил. Неужели она отступит от того, чему посвятила столько лет?

— Папа, это жестоко по отношению ко мне, — чуть позже сказала Юля. — Ты хочешь лишить меня того, что мне дорого, чем я увлекалась много лет. Я не готова вот так взять все и бросить. Это, конечно, не смысл моей жизни, но каждый нормальный человек должен иметь увлечение для души, — сказала после несколькими минут молчания благоразумно спокойным тоном, посмотрев отцу в глаза.

Зря Денис посчитал, что девчонка не будет сопротивляться. Будет, только решила выбрать для этого нужный момент и подходящую интонацию.

— Найди себе другое увлечение, — жестко ответил он.

— Какое?

— Не знаю. Подумай, чем бы ты хотела заниматься.

Наталья пока не вмешивалась в разговор, но следила за его течением с явным интересом. То, что Юля неспроста начала беседу в таком тоне она заподозрила сразу.

— Мне нужно активное увлечение, а не просто запереться в четырех стенах. Я же не говорю о чем-то экстремальном. Не прошу тебя позволить мне прыгать с парашютом, — продолжила девочка свое обращение. Она не спешила и слова подбирала очень тщательно. И проговаривала их четко, будто боялась, что отец не поймет их смысл.

— Хорошо, твои варианты, — уступил Монахов.

На лице Юли ничего не отразилось, но глаза блеснули.

— Какие у меня могут быть варианты? — словно отмахнувшись, спросила она. — Для меня занятия танцами — это спорт. Я не могу без этого. Я всю жизнь жила в нагрузку. Не сильную, но все же. В какой спорт мне удариться в пятнадцать лет, скажи на милость? Что бы я ни предложила, ты обязательно скажешь, что это травмоопасно, — добавила чуть-чуть капризности тону. Ровно настолько, чтобы разбудить в отце жалость. И ей это удалось. Отец смягчил взгляд и задумался. Некоторое время оценивающе смотрел на дочь.

— Займись плаванием. Плещайся сколько хочешь и когда хочешь. Для тебя хоть отдельный бассейн...

— Отец прав, Юля. Плавание очень полезно тут и спорить нечего. И никаких травм, — поддержала мужа Наталья.

— Ни за что!

Никто не ожидал, что Юлька вскинет глаза и начнет яростно протестовать, но именно это она сделала. Отец даже вилку отложил, а Наталья непонимающе уставилась на дочь.

— В отцовский клуб я ходить не буду, — твердо заявила Юля. — Если и займусь плаванием, то буду ходить в другой бассейн. Поговорю с подружками, посоветуюсь. Не нужен мне одной целый бассейн, я хочу общаться с девочками и мальчиками, — резко заявила она.

На что получила столь же резкий ответ отца:

— В другой клуб ты ходить не будешь. Можешь приводить с собой подружек, но о другом клубе и не мечтай.

— Я подумаю, — недовольно поджав губы, сообщила она.

В голосе девушки чувствовалась едва заметная напряженность, но лицо ничего не выражало. Денис молча прослушал состоявшийся разговор. Внутри царил стойкое ощущение, что его нагрели, но в чем именно понять никак не мог...

ГЛАВА 18

Не только для дочери утро началось с обезболивающих таблеток.

Наталья проснулась с жуткой головной болью, которая обычно одолевала ее после приема пары бокалов шампанского.

Однако, сегодняшнее недомогание не имело со спиртным ничего общего. Сказывалась бессонница. Почти всю ночь женщина не сомкнула глаз, заснув под утро. Какие только

мысли ни мучили, какие предположения ни посещали, был даже порыв рассказать обо всем мужу. Но только, как рассказать...

Для Юли это первая влюбленность. По крайней мере, до этого момента не было заметно, чтобы дочь кем-то увлекалась. Но беда в том, что это не просто «кто-то» и далеко не мальчик...

От этих мыслей голова разрывалась, а самой стало невыносимо дышать, похоже, давление поднялось. Наталья спустилась на кухню, наверху в спальне стало тесно и душно. О событиях и вещах, которые сегодня лишили ее сна, лучше думать наедине с собой и, хотя муж крепко спал, его дыхание мешало и почему-то не позволяло сосредоточиться.

Поставила чайник. Не очень хотела горячего чаю, но руки созвучно кипучим мыслям сами сделали дело. Выдохнув, Наталья приказала себе успокоиться, сжала кухонное полотенце, замерла у стола, смахнула крошки...

Денис Шаурин – мужчина и взгляды на жизнь у него недетские и потребности взрослые, а Юля еще девчонка, ребенок. С дочерью нужно обязательно поговорить, но необходимо найти правильные слова, и пока с большим трудом она представляла, что скажет. Но сказать – должна. Обязана. Самая большая ошибка – пустить все на самотек.

Собачий лай за окном заставил вздрогнуть. Электрический чайник, вскипев, уже отключился. Наталья отвлеклась от тяжелых мыслей, опустила в большую кружку одноразовый пакетик с заваркой. Когда пили чай всей семьей, на стол выставлялась красивая посуда, но в одиночестве женщина всегда пила из этой красной в белый горох кружки, — единственной сохранившейся из сервиза, принадлежащего ее матери. Был еще небольшой заварной чайник, но использовать его нельзя, потому что носик у него откололся, а выбросить рука не поднималась. Так и стоял он в буфете, в самом дальнем углу.

Толстая чашка, которую уже несколько минут Наталья не выпускала из рук, обожгла, потому она поставила ее на белую скатерть, опустилась на стул и бросила взгляд на книжку, оставленную Юлей. Книга – со старой потертой обложкой из библиотеки ее покойной матери, Наталья и сама ее когда-то читала. Пальцы коснулись шершавого переплета, листнули несколько страниц. Глаза уткнулись в первые попавшиеся строчки; неяркого света хватало, чтобы прочесть:

«...То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения – признаком утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными.

Таков был Петербург в 1914 году...»

Классики не врут.

На дворе 1996 год, а ничего не изменилось. Наталья перечитала отрывок еще раз. Слова ладно сливались в предложения, а предложения сплетались в один клубок, ударяющий прямо в грудь. На миг стало страшно. Не за себя, ее собственная судьба уже сложилась и вряд ли что-то изменится, но за Юльку. Боязно, туманно. А вдруг и она в поисках ярких ощущений начнет «припадать к острому».

Мысли хаотично двигались в голове, насканивали друг на друга, путались; решительность сплеталась с сомнениями; понимание ситуации тут же цеплялось за

возможную ошибочность выводов. В висках пульсировала тяжесть. Невозможно заснуть и думать невозможно...

Поднесла кружку к губам и тут же обожглась кипятком. Разочарованно поставила ее на стол, получилось досадно с громким стуком.

Вот так живешь в полной уверенности, что знаешь своего ребенка и все, что с ним творится, оттого не пытаешься прорваться сквозь обманчивую оболочку послушания и верности; а потом в период острый и ломкий появляется вот такой «Шаурин»... Одно неверное слово, не то действие, — не дослушала, не поняла, не посоветовала, пропустила, забыла, — и ребенок отдалился, закрылся на все замки, заперся изнутри, «ушел», а через некоторое время его душой правит чужой человек.

От этих мыслей холод колючими иголочками пробежал по позвоночнику. Решение обрело четкие формы, но легкости это не принесло.

Самое главное, чтобы Юлька не стала прятать голову в песок. Всеми силами нужно постараться сохранить, укрепить нежные отношения и доверие, что царили между ними. Близких друзей, как таковых, у дочери не было, потому Наталья всегда стремилась стать для Юли не только хорошей матерью, но и подругой. Нельзя допустить появления сомнительного идеала, пичкающего девочку отравленными советами. Не нужно позволять дочери замкнуться, переваривая все внутри себя. И пусть Наталья не одобряла того, что происходило, но оставить дочь наедине с собой не могла. Если сможет знать, что происходит, то и помочь в нужный момент сможет. Человеку дана всего одна жизнь, а Юля у Натальи единственная дочь, ради спокойствия которой мать готова провести немало бессонных ночей.

...Юлька устроилась в гостиной с книжкой на диване, подложив под травмированную ногу подушку. Рядом на стеклянном столике стояла чашка с чаем и любимые конфеты. Едва мать зашла в комнату девушка почувствовала, что настроение у той не из лучших. У самой тут же засосало под ложечкой и возникло нехорошее предчувствие. Стены огромной комнаты, казалось, сузились, запирая ее в ловушку.

Наталья поставила на столик чашку с кофе, села на другой конец дивана и коротко сказала:

— Юля нам нужно поговорить. — Мягкие черты материнского лица заострились, немного его ожесточив, выдавая решительность, что и так сквозила в каждом движении и жесте.

Внутри у Юльки все опустилось. Похоже, стремясь быть ближе к Денису, она переиграла. Слова матери прозвучали холодно, а Юля не любила, когда родители разговаривали с ней в подобном тоне. И сейчас почувствовала себя неуютно, глупо, словно попыталась надуть мать, а обман вскрылся, обнажив что-то весьма нелицеприятное. А так на самом деле и было.

Юля собралась с духом, сделала непринужденный вид. Закрыла книгу и скрестила руки на груди, словно это могло помочь ей выдержать допрос матери.

— Да, мама, конечно. О чем? — спросила, прекрасно понимая, о чем пойдет речь.

У мамы был усталый вид. Еще влажные после душа волосы чуть завились на кончиках, на чистом лице без косметики залегли тени. Юльке тут же захотелось прильнуть к ее плечу и поддержать, как обычно. Но сегодня настрой мамы не располагал к объятиям.

— Что за спектакль ты вчера разыграла?

— Какой спектакль? Ничего я не разыгрывала.

— Не придуривайся. Можешь кому угодно морочить голову, но только не мне. Если отца ты провела, то меня – не выйдет.

Юля замолчала, решая про себя, сопротивляться ли дальше натиску матери или признаться во всем. И то, и другое давалось нелегко, но что-то нужно выбрать.

— Не хочешь разговаривать со мной, значит, я поговорю с отцом. Будешь с ним объясняться. – Наталья потянулась к своей чашке, сделала пару глотков.

Юля вцепилась в книжку побелевшими пальцами. Только разговора с отцом ей не хватало. Самое худшее, что могло быть, — это вмешательство отца.

— Не надо. Только обещай, что отцу ничего не скажешь.

— Будет зависеть от тебя. У тебя вчера аж аппетит пропал, так ты хотела, чтобы отец разрешил посещать тебе бассейн. И не любой, а именно в «Гладиаторе».

— Хорошо, — ретировалась Юлька, набрала в легкие побольше воздуха, быстро соображая, с чего начать рассказ. — Помнишь, давно я тебе рассказывала про мальчика, который за меня вступился?

Наталья нахмурилась, припоминая детские конфликты дочери.

— Да, что-то такое было, — подтвердила.

— Тот мальчик – Денис. Теперь уже не мальчик. Мы учились в одной школе и давно друг друга знаем. Какое-то время мы не виделись, и он даже сначала меня не узнал, — изображая небрежность, рассказывала Юля.

— Да? – редко можно увидеть на лице Натальи такое удивленное выражение. Сейчас она была поражена услышанным.

— Да, — кивнула Юля.

— И что у вас с ним за отношения?

— Мама, ну какие у нас могут быть отношения? – вспыхнула дочь. – Он меня воспринимает только как дочку босса.

— А ты его?

— А что я? Какая разница? – попыталась отмахнуться, но увильнуть не удалось.

— Юля, я спрашиваю не для того, чтобы поругать тебя. Я мама и должна знать, что с тобой происходит. Не буду я читать тебе нравоучения, ты уже взрослая, но вот дельный совет дать могу. Кто тебе даст его от сердца, если не мама? И не рассчитывай, что я буду равнодушно смотреть на все происходящее.

Юля остро почувствовала, что мать прорвалась сквозь ее защитную оболочку. Мягкий кожаный диван показался жестким и неудобным, будто сидела она на дубовой доске. Девушка даже заерзала, в попытке найти комфортное положение, разрываясь на части: соврать матери или броситься на шею и все рассказать. Больше всего хотелось поделиться и спросить совета, но предугадать реакцию Натальи наверняка невозможно. Хорошо, если она встанет на ее сторону, а вдруг нет? Это будет крах, жизнь Юли сразу превратится в кошмар.

Дочь молчала. Волновалась. Пальцы предательски подрагивали. Губы тоже. Мало что могло вызвать у нее слезы, однако в этот момент она едва держалась, чтобы не расплакаться. И сама не понимала, что вызвало такую реакцию, но глаза вмиг повлажнели.

Пара глубоких вздохов, чтобы укрепить решимость...

— Я его люблю, — негромко и твердо проговорила она, опустив глаза. Руки взяли за мягкий шерстяной плед, прикрывающий ноги, пальцы бездумно очертили пару зеленых на белом фоне квадратов. Потом на указательный Юля накрутила несколько цветных ниток из бахромы. Слова сказаны и ожидая «приговора» Юля то расправляла нити, то снова

накручивала их на пальцы. Замерла. Все существо ее сконцентрировалось на бело—зеленом завитке, внутри все точно так же скрутилось в тугую пружину, напряглось.

— Он знает об этом? — через некоторое время спросила мать.

Несколько минут понадобилось Наталье, чтобы осознать сказанное Юлей. Не смысл, — то, что Юля влюблена в Дениса Наталья и так знала, — а глубину, скрывающуюся за простыми и известными словами, что сорвались с девичьих губ. Хотя и тихо они прозвучали, но так уверенно и убежденно, что материнское сердце защемило.

— Нет. И говорить об этом ему я не собираюсь. — В эту секунду выдержка изменила Юле, и она бросилась к Наталье, забыв про травмированную ногу. Когда боль пронзила щиколотку, она скривилась, но не застонала. Впилась в материнские плечи, ища поддержки. — Мамочка, не запрещай мне! Пусть все будет так! Даже если ничего не получится, я хочу, чтобы у меня это было. Пусть он будет у меня. Не лезь, я прошу тебя!.. — много чего хотела сказать. Долго молчала, все предыдущие дни и месяцы, тщательно скрывая свои переживания, но в этот момент почувствовала острую необходимость выговориться, выложить то, что лежало на душе, и только голос, грозивший вот-вот сорваться на пронзительный визг, помешал. Юля замолчала, чтобы немного успокоиться и овладеть собой.

— Юляшя, доченька... — озадаченная Наталья не смогла сразу подобрать слов. Слегка шокированная такими бурными проявлениями она только и нашла, чтобы обнять дочь и погладить по спине. — Ну-ка сядь хорошо, попей чайку. Давай поговорим спокойно.

Послушавшись, Юлия привстала на колени, потянулась к своей чашке и сделала пару больших глотков. Чай давно остыл, но это не смутило, Юля любила и холодный, но только, как сейчас, — с лимоном. Выдернув из-под себя скомканный плед, она уселась, вытянув больную ногу, прижавшись к боку матери. Наталья обняла ее рукой за плечи.

Несколько раз глубоко вздохнув, девочка снова взялась теревить цветные нитки.

— Ты ничего не изменишь, вы можете мне все запретить, запереть в комнате, но вы не заставите меня забыть его. Я не могу просто так выбросить его из сердца, потому что ни на минуту не забывала. Ничего не могу с собой поделать... И не хочу ничего делать, я рада, счастлива, что Денис сейчас рядом. И в бассейн теперь хоть каждый день буду ходить, чтобы только его увидеть, — голос снова обрел твердость, но с уверенностью пришла какая-то удрученность. Не так уж приятно говорить матери такие личные вещи, да и себе признаваться не очень-то легко. — Мамочка, так получилось в моей жизни. Ты же видишь, все не просто так...

Юля ждала реакции матери. Прежде чем начать говорить, Наталья задумалась. Теперь каждое сказанное ею слово могло послужить для дочери толчком. Хотя зная Юлю, могла предположить, что та не остановится. Препятствия только разожгут интерес. К желанию примкнут и другие амбиции, и тогда, защищая свои интересы, дочь запросто устроит войну.

— Только для него... я ему не нравлюсь... — продолжила Юля, не дождавшись ответа, а так хотелось сейчас поддержки и понимания.

Что правильнее: сказать, что она ошибается, думая, что не нравится Денису, разуверить или подтвердить сомнения? Если Юлька почувствует, что заблуждается, то вспыхнет чувствами, сорвется. Этот пожар в сердце сожжет не только ее саму. Достанется всем — Денису первому. Но разочаровать, разбить девичьи надежды — еще больнее.

— Юля, мне кажется ты ошибаешься, — осторожно начала Наталья.

Хотя сам Денис утверждал, что Юля в безопасности, Наталья ему не поверила. Уж

кому, как не ей, знать, что не всегда слова мужчины нужно воспринимать за чистую монету. А Шаурин знатный мастер скрывать свои чувства.

Вопреки ожиданиям Юлька не кинулась с расспросами, не встрепенулась, а слегка напряглась, прислушиваясь к словам матери.

Наталья продолжила:

— Как ты можешь не нравиться? Ты же у меня такая красивая, — погладила волосы дочери и та, с довольным вздохом улыбнулась, прижимаясь теснее. — Обрати внимание, как реагируют на тебя другие мальчики.

— Меня не интересуют другие мальчики. Они меня раздражают, бесят своей пошлостью и озабоченностью.

Еще теплилась в Наталье надежда, что Юля переключится на кого-нибудь из своих ровесников, но категоричный ответ дочери почти погасил ее. А ведь тогда все стало бы намного проще. Но, как ни крути, было понимание, что слишком силен в Юльке внутренний стержень, слишком богат внутренний мир, чтобы она остановилась на ком-то «попроще».

— Не обязательно ими интересоваться. Просто обрати внимание на их реакцию. А общаться все равно надо. И не думай, что все сразу выразят тебе свою симпатию. Ты же не говоришь Денису, что он тебе нравится. Молчишь. Мальчики тоже разные бывают: скрытные, импульсивные, откровенные и стеснительные.

— Денис больше скрытный, чем откровенный.

— Я это заметила.

— И что мне делать? — едва слышно спросила Юля.

Наталья вздохнула. Она не одобряла отношений с Денисом, но запретить дочери любить — не могла. Юлька имела право на свои чувства. Будь это одноклассник, никто не подумал бы возмущаться, но симпатия к Шаурину вызовет протест со стороны отца.

— Во-первых, немного остыть. Во-вторых, ты не истребитель с вертикальным взлетом, чтобы за несколько часов преодолеть расстояние в полмира. Авиатранспорт он, конечно, быстрый, но самый опасный. А нам катастрофы не нужны.

— Типа двигаемся поездом?

— Думаю, да. Тебе всего шестнадцать, а ему... Сколько ему? Около двадцати пяти?

— Около того, — уныло подтвердила дочь. — Мама, я ведь даже не знаю, когда у него день рождения! А вдруг он уже прошел, а я даже не поздравила!

— Ну, это не самая большая проблема.

— Вообще-то да.

На самом деле, разницу в возрасте, которая так тревожила Юлю, Наталья не считала большой проблемой. Через пару лет она совсем сотрется, да и сейчас она, разница, невелика. Примеров, когда девушки встречались с парнями старше себя, достаточно. А Юля, будучи рослой, высокой, не выглядела, как малолетняя девица и внешне Денису очень подходила. Сама Наталья на десять лет младше мужа, Юлькины сомнения и переживания ей знакомы. Именно поэтому не хотелось давить дочери на больное, доставляя материнской опекой лишние страдания. С таким, как Денис, у нее их и так будет предостаточно. И не потому, что он плохой, а потому что — *такой*. Проблема в том, что отец не одобрит этих отношений. И дело не только в самом Шаурине, Сергей, в принципе, пока не в силах видеть кого-то рядом с дочерью.

— Мама, давай сегодня приготовим что-нибудь интересное. Мы так давно не делали что-то вместе. Я хочу пирог с яблоками и абрикосовым вареньем. Ты уже давно его не пекла.

И жареную курицу. Найдем какой-нибудь необычный рецепт.

Юля свободно вздохнула. Разговор принес облегчение. И хотя остались вопросы, она не спешила забрасывать ими мать. Это можно выяснить постепенно, сегодня Юля и так разоткровенничалась.

— Почему бы и нет? Конечно, давай, — с удовольствием согласилась Наталья.

Как правильно заметила Юля, они давно уже не возились вместе на кухне, дочь старалась избегать таких моментов, вероятно, боясь, что Наталья затеет разговор по душам. Переживать Юля предпочитала наедине с собой и не любила, когда кто-то лез к ней в душу. По всему видно: утренняя беседа пошла на пользу, и девочка оттаяла, раз решила устроить такое «мероприятие». Не могло не радовать, что душевное состояние дочери изменилось, что она воспряла духом.

Как ни странно, но именно первая влюбленность оставляет в душе самый яркий след.

Даже если для Юли она окажется неудачной, хотелось, чтобы шрам после этого был как можно меньше, а лучше, чтобы его не осталось вообще.

Но пока Наталья не нашла ответа на свой главный вопрос: стоит ли сам Шаурин таких метаний?

ГЛАВА 19

Скрипнув дверью, Денис вошел в круглосуточный магазинчик на остановке. Внутри толпились гоготающие подростки. Продавщица выставила на прилавок портвейн и пластиковые стаканчики, даже не спросив возраст покупателей. Запрет на продажу алкоголя несовершеннолетним уже давно никто не соблюдал. А этим было лет по семнадцать.

Вот она – драгоценная свобода! И портвейн, и презервативы в одном ларьке. В соседнем – второсортная порнуха. Эти «молодые, да смелые» уже опьяненные, пара стопок алкоголя, и они готовы на такие поступки, от которых потом вся округа на ушах будет стоять.

Денис попросил булку ржаного и пачку сигарет, вино и фрукты, конфеты, какие-то деликатесы. Усмехнулся. Почти джентльменский набор. Из всего, что наполняло пакет, только хлеб и сигареты он купил для себя. В родительском доме кроме него больше никто серый хлеб не ел.

Толкнув дверь, Денис чуть не столкнулся с какой-то растрепанной дамой неприглядной наружности. Зыркнув на него нетрезвым взглядом, она ввалилась в магазин. Передернувшись от отвращения, Денис отступил и поспешил покинуть это место.

Каждый раз, когда на пути ему попадалась пьянчуга или бомжиха, на какие-то доли секунды знакомые болевые спазмы одолевали его тело, не оставляя, казалось, ни одного живого места. У всех забулдыг женского рода было одно лицо и глаза, которые он не мог забыть при всем желании. Они все еще снились ему в ночных кошмарах, глаза его матери.

Время близилось к восьми вечера. Сумерки пробирались между домов. Лужицы стянуло льдом. Трескаясь, он звенел под каблуками, как стекло. Сначала подумал просто заехать к Тане, но Таня подсуетилась: позвонила отцу и Нине, разработала «сценарий» мероприятия. Так организовался семейный ужин. Только Вадима не хватало, но ему можно позвонить из дома.

Отвоевал эту субботу у самого себя. Но если бы не парни, то и сегодня допоздна задержался бы в клубе. После того как начали подготовку к боям, выходных у Дениса не было. Сегодня Лёня и Стас почти взащей вытолкали его из спорткомплекса, за что Шаурин

был им очень благодарен. Не машина он, чтобы работать без продыху, чувствовал, что скоро на людей начнет бросаться. Чем меньше оставалось времени до боев, тем жарче становилось в спортзале, нервы накалялись до предела, адреналин зашкаливал. Шипу и Вуичу Денис дал команду немного сбавить обороты, иначе сорвут пацанов раньше времени, а выложиться они должны в определенный день и час.

Как только в голове у Шаурина замаячила мысль о тотализаторе, он тут же вспомнил о своих новоприобретенных друзьях Стасе и Ленке. Боголюбов осел где-то в районе под теплым боком родного дяденьки, главы администрации, потому его возможности, физические и умственные, на данном этапе оказались малопригодными и труднодоступными. А вот КМС по самбо Шаповалов и в совершенстве владеющий техникой армейского боя Вуич виделись очень полезными. И парни с лихвой оправдывали доверие. Тихо, почти незаметно влились в коллектив, работали без нареканий. Если сам Денис звался тренером весьма условно, то Шип с ЛенеЙ носили это звание гордо и кроме подготовки парней к боям ничем не занимались.

Будь в их жизни все гладко, не стал бы Денис дергать друзей, но, как оказалось, и тех потрянуть успело. Стас почти сразу после возвращения домой отца похоронил. Не только самому на ноги нужно было встать, но и мать удержать на плаву, и сестре помочь несовершеннолетней. Лёня тоже в поисках хорошего заработка мотался с одной работы на другую. Впрочем, в Лене Денис как раз меньше всего сомневался. Этот за хорошие барыши в любую авантюру готов сунуться. Еще в армии прославился тем, что новые бушлаты продал. Бушлаты те, конечно, ему не под запись выдали. Двадцать штук в одну ночь спер и в эту же ночь толкнул, а утром на построении стоял и глазом не моргнув. Попробуйте, мол, найдите, докажите... Только Денис, Шип и Женька об этом знали, куда же без них в таком важном деле. Пришлось всем поучаствовать, не бросать же друга. Поковырялись офицеры, покопались, рыскали-рыскали, а так и не смогли узнать, куда зимнее обмундирование новобранцев делось.

Стас тоже над предложением Дениса долго не размышлял, сразу согласился. Не та у него была ситуация. Рад был Денис, очень рад, что появились в его окружении люди, которые в нужный момент могли прикрыть ему спину. В Лене и Стасе он не сомневался, а насчет других такой уверенности не было. Возникло ощущение, что в лице друзей он приобрел дополнительную броню. Верно, так и было.

Заглушив машину, Денис вытащил пакет с продуктами и поднялся в квартиру.

Отец, дружески хлопнув по плечу, забрал из рук пакет; Нина поприветствовала поцелуем в щеку; Таня повисла на шее. Свободно вздохнув, Денис обнял ее крепче.

— Привет, сестричка, как дела? – спросил, когда Таня оторвалась от него.

— Хорошо, — довольно улыбнулась сестра. – Ты чего так долго? Мы уже за стол сели.

— Задержался. Еще в магазин зашел. Конфеты тебе купил. Твои любимые.

— Да? Это которые с ликером? Вот язва!

— Да ну, скажешь тоже. Сама невинность. Это вы с Ксюшей, чтобы почувствовать вкус жизни конфеты с ликером лопали и крепче этого ничего не пробовали. В наше время подростки портвейн на улицах глушат.

— Да? Снова переспросила Таня.

— Танюх, ну ты удивляешься, как будто только вчера родилась. – Денис замер у вешалки, все крючки были заняты, и он раздумывал, куда пристроить куртку.

Таня забрала у него из рук одежду:

— В шкаф повешаю, иди руки мой и садись за стол.

Усмехнулся: Таня все еще не упускала случая покомандовать им.

В ванной он тщательно вымыл руки с мылом, воспользовался чистым полотенцем. Не пошел сразу за стол, а сел на пуфик в прихожей, набрал номер Вадима и коротко переговорил, попросив прийти. Голос у друга был сонный, потому грубый. Денис поднял его с кровати, но тот не отказался встретиться, редко они виделись, чтобы терять такую возможность.

Положив трубку, уперся затылком в стену и на миг прикрыл глаза. Особенная царила в этом доме атмосфера, — навевающая сон. Едва переступал порог квартиры, глаза закрывались. И сейчас мечтал завалиться на кровать в своей комнате и проспать часов двадцать. Прислушался. Парадоксально, но даже суета была здесь тихая и спокойная. Женщины возились с тарелками, на кухне негромко хлопали шкафчики, то и дело из-под полуопущенных ресниц Денис замечал мелькающую туда-сюда голубую кофточку Татьяны. Зашумела вода, сестра принялась мыть фрукты, встав у мойки. И он уже ее не видел. Только Борин бас, доносившийся из большой комнаты, раздражающе сотрясал воздух. Он и отец о чем-то горячо спорили.

Потер лицо, уловил цветочный запах, что остался на ладонях после мытья. Минутная слабость, короткая передышка, а конечности уже налились тяжестью, двигаться не хотелось. Все же поднялся с места и прошел на кухню за сестрой. Обойдя стол, встал за стулом, на котором сидела Татьяна, положил руки ей на плечи.

— Как поживает семейство Осиповых? Без эксцессов?

— Да как сказать... Бывает... — чуть заметно напряглась Таня.

— И часто бывает?

— Нет, не часто.

— И то хорошо. Муженек на месте осесть не думает?

Таня на миг замерла, прекратив резать яблоки на дольки.

— Пока нет.

— Слушай, у них огромная организация и здесь на месте около сотни СМУ. Зачем ему мотаться в Тобольск? Или куда там он катается?..

— Последний раз в Тюмени был.

— В Тюмени?

— Да, газопровод прокладывают.

— Газопровод?.. Интересно... — вкрадчиво произнес брат. — А может тебе к нему устроится? Будешь с ним вместе в командировки ездить.

— Кем?

— Кем-нибудь. Зато муж под присмотром. — Денис пожал плечами и сел на соседний стул. Хрустнул долькой яблока.

— Думаешь пора за ним начать присматривать? — легко спросила Таня. На лице мелькнула тень, оставив в глазах грусть. Не понравилось, куда клонил брат. И с чего он вообще это взял? Ей ни разу не приходило в голову, что у мужа могла быть любовница, даже думать об этом было неприятно и больно. Зачем Борису любовница? Никогда Таня не подозревала его в измене, верила на слово, не выискивала ничего, не выпрашивала. Доверяла. Они по любви встречались, по любви женились...

Нахмурившись, Таня откинула упавший на глаза локон. Волосы у нее за лето очень отросли, сегодня она завила их в кудри и прихватила на затылке шпильками. Но пара

завитков выбились из небрежно скелотого пучка и никак не хотели держаться в копне густых темных волос. И такая она забавная была с этими кудрями, сестра. Красивая, хотя кукольной красотой не могла похвастаться. Обычные черты лица: небольшой нос, средние губы, упрямый подбородок. Но глаза... Глаза у нее как два озера – голубые и бездонные. Потому и считал Денис Таню красивой, — вся душа в них отражалась. Не было в Татьяне открытой сексуальности и шарма, и хватки, чтобы мужики при виде нее штабелями укладывались. Но порядочность и доброта бесконечно очаровывали. Таких людей, как сестра, Денис больше в жизни не встречал. Не представлял, что может сломить ее веру в хорошее. Вот и старался интуитивно, а иногда и намеренно, немного приземлить ее, напомнить, что жизнь – не сказка, и бывают в ней разочарования. Чтобы потом, когда оно, разочарование, коснется ее, не сильно ранило.

Перед глазами снова всплыло лицо той пьяной бабы, которая чуть не сбила его с ног в дверях популярного среди местных выпивох магазина. Кажется, в носу все еще стоял омерзительный запах, которым от нее разило. Свою мать он давно не видел и видеть не хотел, но знал, что Таня с ней встречалась, несколько раз. Непонятно только – зачем?.. Где она была, мать, когда они так нуждались в ней? Известно, где...

Денис помнил трудное для отца время, когда у Тани был переходный возраст, и нужно было разговаривать о многих интимных вещах. Не зная, как подступиться к юной дочери он подкладывал ей журналы, в которых рассказывалось, откуда берутся дети. Не было этой «матери», когда Таня страдала от первой любви, не радовалась та успешному окончанию школы дочерью, поступлению в ВУЗ и всему тому, чем умиляются все нормальные родители. Это делал отец. За двоих. Можно бесконечно перечислять чего она не делала, но в столбце «что сделала» стоял только один пункт – «дала жизнь». Но и за это Денис ее благодарить не собирался.

На ум сразу пришли Юлька и Наталья. Какие трогательные и правильные отношения можно было наблюдать между ними. Юля льнула к матери, Наталья отвечала ей нежными прикосновениями и поцелуями, разговаривала и держалась с ней на равных, что было поразительно. Именно поэтому Денис сдержал свое возмущение и раздражение, когда Наталья начала задавать неудобные вопросы. Только истинное понимание глубины и искренности ее мотивов удержало его от резкости. Она – мать и именно так, по-настоящему, по-матерински, беспокоилась за дочь, переживала.

Но вот чего понять не мог, так это мотивов сестры. словно одна фальшивая нежная встреча сможет заслонить одиночество всех предыдущих лет. Полнейший бред. Собственная мать для него – предатель, не имеющий права на реабилитацию. И ни Таня, ни кто-либо другой никогда не смогут убедить его в обратном. С некоторых пор Таня оставила свои попытки поговорить на эту тему, в противном случае обязательно возникал нешуточный скандал, воздвигающий между братом и сестрой стену гробового молчания как минимум недели на две, а то и больше. Слава Богу, после возвращения из армии Таня думать о подобном забыла.

— Всегда пора, — размыто ответил Денис на вопрос сестры.

— Нет, подожди — Таня снова отвлеклась от своего дела и подняла на брата блестящие глаза: — Ты намекаешь, что у Бори может быть любовница? — понизив голос, почти шепотом спросила она. Напрасно. Споры в соседней комнате не утихали, при всем желании слов Татьяны было не разобрать.

— Ни на что я не намекаю. Это ты сказала, а не я.

— Ну что за разговоры? — Таня отбросила нож и встала со стула. Смела очистки со стола в мусорное ведро.

— Я ничего такого не говорил, заметь.

— Я допускаю, что лет через пятнадцать брака у него может появиться любовница...

— То есть, ты все-таки допускаешь эту мысль...

— Нет же! Не выворачивай мои слова наизнанку!

— Вы чего тут засели? — появилась Нина и прервала разговор. — Танюш хватит. Тебе дай волю, и ты не остановишься. Пойдемте к столу. — Нина взяла блюдо с фруктами.

— Прекращай эти намеки! — шикнула Таня на брата, прежде чем отправиться вслед за Ниной.

— Да я и не начинал, — отнекивался Денис, приобняв сестру.

— Не спорь со старшими, — шутливо приказала она и попыталась ущипнуть Дениса за бок.

— Таня! — ускользнул брат, недовольно одернув сестру.

— Как ты с женщинами спишь День Алексеич? К тебе же притронуться нельзя. — Таня шлепнула мужчину по руке.

— Открою тебе секрет. Это не я с ним сплю, они со мной.

— Да? Это что-то меняет?

— Это меняет все.

— Надо же. Какой интересный у тебя подход к постельным отношениям.

— Само собой.

Дверной звонок не позволил Денису сесть за стол.

— Вадиму открою, — бросил Тане и встретил друга крепкими медвежьими объятиями.

— Хорошо, что нарисовался. А то совсем обнаглел, забыл всех на свете, — сразу начал отповедь Вадим.

— Работы по горло.

— И что теперь? Ее всегда по горло. И не у тебя одного.

— Признаю свою вину, меру, степень, глубину... Вы и в субботу работаете? — спросил Вадима.

— Мы работаем всегда, — последовал резонный ответ друга.

На столе друзей уже ждали чистые тарелки и столовые приборы. Друзья уселись на свободные места.

— Добрый вечер всем, — поздоровался Вадим.

— О, привет, мужики! — Борис переключился на вошедших Дениса и Вадима. — Опаздываете—опаздываете. Теперь штрафную положено. Надо срочно накатить за встречу.

— А мы куда и не торопимся, чтобы опаздывать, — отреагировал Денис.

— Слушай, родственничек, а хорошо я смотрю в вашем спортклубе платят. Вон на какой машинке катаешься.

— У нас контингент богатый, потому зарплата регулярная и премии бывают.

— Может и мне к вам кем-нибудь устроиться?

— Застрелись. Не каждому дано так щедро жить — друзьям на память города дарить. Так что, лучше не отвлекайся. Строить у тебя, по-видимому, лучше получится.

— Шучу я, шучу, — сказал Боря.

Хотя Денис разговаривал с зятем полушутя-полусерьезно, его тон слегка резал слух всем присутствующим, а особенно жене самого Бориса. Отношения с Осиповым у Дениса

изменились не в лучшую сторону. Как и предполагала Татьяна, это произошло после того случая, когда Денис застал ее в слезах. Теперь каждый раз, когда семья собиралась за общим столом, Таня чувствовала себя неловко, боясь, что брат вот-вот сцепится с ее мужем. Сам же Борис, судя по его реакции, никакого дискомфорта в присутствии Дениса не ощущал. Или прикидывался, что ему все равно. Пытался с ним шутить, засыпал вопросами, вытягивал на разговор, что Дениса раздражало еще больше. В какой-то момент Таня перестала понимать супруга. Зачем он делал это? Неужели не замечал такой явной неприязни брата?

— Вадим, как у тебя дела? как работа? как родители поживают? — спросила Нина, рассеивая легкую напряженность, что установилась в комнате.

— Работа не заканчивается, родители хорошо, — улыбнулся Вадик, поддерживая разговор. — Еще зима не началась, а они уже о весне мечтают, чтобы снова заняться дачей. У отца новый бзик, он прошлой весной виноград посадил. По какой-то особой технологии посадил, по какой-то особой технологии поливал. Урожая ждем, — ухмыльнулся.

— Давай я тебе салатика положу. — Взяла его тарелку. Вадим не возражал, кивнул в ответ на предложение. Таня, не спрашивая разрешения, решила поухаживать за братом.

— Сорта, наверное, морозоустойчивые? — поинтересовался отец. — Здорово, года через два будете щипать виноград с лозы.

— Наверное, — подтвердил Вадим. — Я глубоко не вникал. Бери выше дядь Леш! У отца планы почище. Вино будем делать.

— О, так это еще лучше. Нас на дегустацию не забудьте пригласить.

Глаза отца довольно поблескивали. Он очень любил, когда семья собиралась вместе. Легкие перепалки особенно не сильно смущали, такое часто бывает, когда люди не сходятся характерами. Нельзя ждать от всех понимания. Разница в том, что есть люди, умеющие выражать свои мысли корректно и деликатно, а есть этой способностью не обладающие. Борис относился к последней категории. Поначалу многое ему прощали, так сказать, за «простоту души», но со временем его недальновидность начала действовать на нервы.

— Я устал как собака, боюсь, растекусь после первой стопки, — сказал Денис, с сомнением глядя, как Борис разливал водку.

— Не бойсь, в кровать я тебя закину, — усмехнулся Вадик.

— Вот, что значит — настоящий друг! — хмыкнул Денис.

— Ты еще сомневаешься.

— Никогда в жизни.

— Денис, я надеюсь, ты ночевать у нас останешься? — невзначай поинтересовалась Нина, глядя, как Денис все же взялся за стопку. Знала, что выпивший он за руль никогда не садился, но не смогла удержаться, чтобы не спросить.

— Конечно, — уверил он ее.

— Прекрасно, я завтра с утра блинчиков напеку.

— Что может быть лучше блинчиков? Нина, спать не лягу, буду блинчики караулить, — улыбнулся. Не лукавил. Что поделатъ, блины он очень любил. А в последнее время домашней еды поестъ удавалось редко.

— Беленькая вскипела уже. Давайте-ка за встречу. Рад, что все сегодня собрались, прямо сердце радуется, почаще надо. Ну, за все хорошее, — сказал отец.

Мужчины поддержали Алексея, выпив водки, Таня и Нина подняли бокалы с красным вином. Разговор постепенно перетек в нейтральное русло. Когда все насытились, а алкоголь расслабил напряженные тела, Вадим предложил выйти покурить. Денис поддержал друга,

Борис увязался следом. Тяжело выбираясь из-за стола, он задел рукой стопку, стоящую близко к краю. Она со звоном упала на пол и разбилась. Таня засмузилась неловкости мужа, заворчала на него, тут же кинувшись убирать осколки, Боря буркнул что-то невразумительное.

— Пойдем на площадку, — сказал Денис, когда зять взялся за балконную ручку. Не имея ничего против, Борис, пошатываясь, вышел на лестничную клетку.

Желтая лампочка не очень ярко освещала площадку. Польшнул огонек и Вадим поднес зажигалку к сигарете Дениса. Тот прикурил. Нетвердыми движениями Борис достал полупустую пачку сигарет, выбил одну и зажал ее губами.

Обычно во время перекура мужчины успевали делиться мыслями, идеями, целями, что-то обсудить; но у этих троих разговор не клеился. Никто не пытался его начать. Курили молча. Шаурин спрятал свое раздражение за привычной маской равнодушия, решив оставить при себе свои размышления. Борис уже был не в состоянии его услышать, прилично наакался. Еще когда только Денис сел за стол, показалось, что взгляд зятя уже утратил осмысленность, потому и нес он всякий бред, и шуточки плоские отпускал. Наверное, подобная эксцентричность считалась для него нормой, но в отличие от Бориса, Денис не позволял себе ругаться при отце матом и даже в случаях крайне эмоциональных пытался подбирать слова. И пошлых анекдотов при Нине никогда не рассказывал. Не хвастался он благородным воспитанием, однако, были у него свои грани, которых в общении с родственниками он старался не переступать. Считал это правильным.

Друзья обменялись взглядами и Вадим, не докурив, затушил сигарету в пепельнице, стоящей на окне, и вернулся в квартиру. Денис глубоко затынулся, посмотрел на Бориса; тот будто почувствовав, поднял на него светлые глаза.

— Дэн, ты, может, из-за Тани на меня обижаешься?

— Обижаюсь? – переспросил Денис, усмехнувшись. «Обижаться» звучало как-то совсем уж по-детски. Вряд ли кто-то способен его обидеть, а если попытается, то вызовет совсем иные чувства.

— Мы, бывает, ссоримся. Она, наверное, рассказывала.

— Рассказывала. – Денис сбросил пепел и уставился в темноту за окном, слегка рассеянную светом уличного фонаря. Шагнув ближе, нашел глазами свою машину. Терпеть не мог эти пьяные разговоры, все равно от них никакого толку. Хотя у самого на языке вертелась пара ласковых. Все же смолчать не смог:

— Ссорьтесь сколько угодно. Но в случае чего, я просто на*бну тебя в темном переулке и все.

Борису понадобилось несколько секунд, чтобы вникнуть в смысл сказанного. Потом он хрипло рассмеялся:

— Ну, ты скажешь тоже, шутник!

— Я не шучу, — сказал Денис, вкладывая в слова обещание, — еще раз Таню обидишь, я тебя живьем закопаю, и мне за это ничего не будет.

Какие могут быть шутки, если Денис и на самом деле в состоянии сделать так, чтобы Боря исчез с лица земли.

Замутненное алкоголем сознание, к чести Бориса будет сказано, сразу восприняло открытую угрозу. Она, угроза, слишком явно звучала в голосе молодого мужчины. Настолько, что Борис, не донес сигарету до рта и уставился в лицо Шаурина. Тот не стал ждать ответной реакции, придавил окурок ко дну пепельницы и оставил зятя наедине с

мыслями. Вернулся Борис не сразу, видимо выкурив в одиночестве не одну сигарету. Как видно, не совсем он утратил способность думать, здраво или нет, – время покажет.

Пока все беседовали о важных и не очень вещах, Денис изучал сидящего перед ним мужчину, который чуть больше года назад стал мужем Татьяны, понимая, почему сестра его выбрала. Борис был высокий, крепкий и от него веяло твердой мужественностью. Любая женщина, прежде всего, увидит в нем защитника, опору. Это одно из тех качеств, что подкупают слабый пол любого возраста. Боря и вел себя именно так. Всегда держался рядом с Таней. Часто выражал свое беспокойство, волновался, если жена задерживалась где-то, переживал, когда она плохо себя чувствовала. Сестра привыкла к такому отношению со стороны отца, привыкла к постоянной опеке, заботе и вниманию, к нежности. Неудивительно: такое поведение Бориса находило отклик в ее душе, заставляя буквально трепетать от каждого прикосновения мужа и взгляда полного любви, и обожания. Кроме того, Татьяна любого человека воспринимала не только зрительно и аудиально, но и через прикосновения; тактильный контакт имел для нее огромное значение. При общении она всегда старалась находиться очень близко к собеседнику, а по возможности касаться его. Денис с детства заметил эту особенность, Таня постоянно пыталась его потискать, ей нравилось обниматься, и даже когда они просто сидели на диване и смотрели телевизор, она обязательно к нему прижималась, вцепляясь в руку. Наверное, и профессию врача потому и выбрала, чтобы быть к людям как можно ближе, жаль только, что работала не в том месте. По мнению Дениса, лучше бы за копейки помогала пациентам, чем среди пьяной клиентуры ошивалась. А Таню хлебом не корми, дай только помочь кому-нибудь да посодействовать. Борис очень подпитывал ее потребность в физической близости: обнимал, не стеснялся целовать на людях, постоянно касался. Они даже по улице, как влюбленные подростки ходили, взявшись за руки, составляя очень трогательную картину. Одно в его поведении пугало – то, как легко он переходил грань от нежности к пренебрежению, взрываясь от раздражения, чему Денис, как мужчина, находил лишь одно объяснение... Вернее, их было два, но для Татьяны это сути вещей не меняло.

От всей души Шаурин надеялся, что Борис не вздумает рассказать Татьяне об их коротком обмене мнениями. Не хотелось расстраивать сестру, доставляя ей лишние душевные страдания. Радовало, что в семье Осиповых сейчас воцарился мир и покой; Денис не желал стать той самой чревоотчинкой в их мало-мальски счастливом браке. И гадать не нужно: Тане не понравится то, что он сказал. Ему и самому это не нравилось, лучше бы подобной проблемы в их семье не было. Но так сложилось. Тем более, его визиты к родственникам в последнее время стали довольно редким явлением, потому оставлять после себя ссадины на родных душах Денис не считал приемлемым. Сейчас семья стала для него отдушиной, куда он возвращался, чтобы надышаться чистым воздухом.

Вот такие люди странные существа, живущие на эмоциональных контрастах, — все белое и чистое начинают ценить только после того, как окунуться с головой в дерьмо. Денис не исключение.

— Денис, кстати, скоро у тебя день рождения. Как праздновать будешь? – спросила Таня. – Надо подарки готовить.

— Если бы ты не напомнила, я бы вообще про него не вспомнил. Туго сейчас с праздниками.

Шаурин и, правда, так замотался, что 8 ноября выпало из его памяти, утратив значение столь знаменательной даты, как собственное появление на свет. А с празднованием все

просто. Был бы хороший повод, а приличный кабак всегда найдется, а там и все остальные развлечения.

Далеко за полночь к дому подъехало такси. Денис и Вадим вышли на улицу проводить Таню с мужем. Муж не стал затягивать с прощанием, а, ограничившись несколькими словами и рукопожатием, втиснулся в урчащую машину. Поворковав немного, Татьяна со вздохом поцеловала брата в щеку, обняла Вадима и уселась на заднее сиденье автомобиля.

Ночь была морозная, но безветренная. Застывшие листья хрустели под подошвой как бумага. Друзья медленно пошли по двору на детскую площадку. Денис крутанул карусель и тут же, скривившись, остановил ее, ибо пронзительный скрип металла противно резанул ухо. Старая карусель. Сколько кругов они намотали на ней в детстве, не счесть. Тогда на скрип железной карусели никто не обращал внимания. Его и слышно не было из-за девчоночьих визгов. До тошноты девок раскручивали, до слез.

Сели на низенькую скамейку у песочницы. Некоторое время сидели молча.

Ночью тишина зыбкая, как решето. Звуки легко разлетаются на сотни метров.

Денис поднял глаза на дом, почти все окна были темными, только в некоторых горел яркий свет. Внезапно тишину нарушил звонкий стук каблуков. Он продолжался некоторое время, нарастая. Можно было отследить, по какой дорожке шла девушка, или женщина. Вадим тоже прислушался и повернул голову на звук. Скрипнула дверь первого подъезда, и снова воцарилось прежнее безмолвие. Со вздохом Бардин достал сигареты.

— Хорошо посидели.

Выражение лица Дениса легко угадывалось по многозначительной паузе, которую он выдерживал.

— Хорошо? С каких пор ты стал домашним котенком?

— Ладно тебе, не придирайся. Я домой только спать прихожу. И то, если повезет.

— Хочешь спасти мир?

Вадим молча затянулся и выпустил дым.

— Хорош иронизировать. Ты и сам знаешь, что в нашем мире изменить что-то может либо революция, либо гражданская война. А я в системе.

Денис прекрасно знал эту «систему». Только на первых порах показалось, что они с Вадимом оказались в разных мирах. На самом же деле это было далеко не так. В последнее время слишком часто ему приходилось слышать об их взаимодействии. Один у них мир, только роли разные. И актеры все взаимозаменяемые. В любом театре спектакль не вычеркнут из сезонной программы даже если актер умер, только приостановят показ, пока не найдут нового.

Сколько Вадиму понадобится времени, чтобы сломаться? Это может случиться быстро, но очень болезненно. Либо медленно и, соответственно, без особых терзаний.

Денис полагал, что случай друга – последний.

— И как ты себя ощущаешь? Оправдались твои ожидания? – спросил Денис.

Ответом была мрачная усмешка друга, он снова задумался, прежде чем заговорить.

— Черт, и почему у меня такое чувство, что я на приеме у психоаналитика? Иди ты нахрен!

Шаурин хохотнул. Смешок звонко прокатился по округе. В непроглядной темноте друзей окружали только звуки, и каждый из них звенел в морозном застывшем воздухе как струна. Иногда слышалось шуршание шин по асфальту и лай бродячих собак.

— Я Вадяно-о-ой, я Вадяно-о-ой, никто не водится со мной, — пропел Денис и

похлопал друга по плечу, — может, тебе психологическая помощь нужна.

— Лучше деньгами.

— Куда же без них...

— Сам как? Не думаешь уйти? — Вадиму тоже не терпелось копнуть поглубже.

— У меня еще ничего нет, чтобы попытаться.

Бардин понимающе хмыкнул и начал с натяжкой:

— Знаешь, иногда мне кажется, что у вас все намного честнее. Вы не прикрываетесь законом, живете по своим, а я иногда не знаю, откуда ждать удара. У каждого свои интересы, попробуй пересекись.

— Вадим, а ты думаешь тебе будет легче жить, если в нужных местах расставить таблички «Не влезай, убьет!»?

— Думаю, да.

— Ошибаешься. Всегда найдется тот, кто поменяет таблички местами.

— Не спорю.

— Еще бы.

ГЛАВА 20

Когда рассвет ворвался в окно, заставив Дениса открыть глаза, первым его порывом было вскочить. Проспал! Такого с ним давно не случалось. Но вот предметы обрели четкие очертания, и Денис узнал свою комнату, тут же вспомнив, что решил устроить себе долгожданный выходной. В голове чувствовалась неприятная тяжесть, Шаурин вновь откинулся на подушку и смежил веки, дабы еще часок провести в постели.

Проснулся Денис в лучшем расположении духа. Ленивое осеннее солнце залило комнату крахмальной белизной. В ванной шумел душ, кто-то из домашних уже бодрствовал.

— Я думал, ты пошутила. Доброе утро, — поздоровался с Ниной, ступив на кухню.

На столе стояла широкая тарелка с высокой стопкой румяных блинов. Подогревая аппетит, в воздухе витал их заманчивый аромат. Нина возилась у плиты, на сковороде, шипя и потрескивая, жарились кусочки колбасы.

— Чай наливай, — улыбнулась она. — Как спалось? — залила колбасу взбитыми яйцами, убавила огонь и накрыла сковороду крышкой.

— Хорошо. — Денис чувствовал себя ужасно голодным. Сел за стол, поставив перед собой большую кружку чая.

— Приятного аппетита. — В дверях появился отец. Кухню заполнил запах пены для бритья, смешанного с мылом и еще чем-то.

— Спасибо и тебе того же, — пожелал в ответ сын.

Сколько помнил Денис, с годами отец не менялся, внутри оставаясь стойким. Как и прежде, все тяготы жизни он переносил с мужественной улыбкой на губах, только теперь при взгляде на Нину она, улыбка, смягчалась. Нашел-таки он свою тихую гавань, Нину, обычную женщину, порядочную, приветливую. Не отличалась она красотой особой, но отец на нее смотрел горящим взглядом, и в мягком голосе, к ней обращенном, теплота была.

Сколько сил пряталось в сухощавом подтянутом теле отца... Седина уже слегка тронула темную шевелюру, из уголков голубых глаз лучиками разбежались морщинки. Строгие черты — орлиный нос, густые брови, часто сведенные на переносице, глубоко посаженные глаза — не ожесточали лицо. Странно, но как-то уживались в родителе и твердость, и мягкость.

Сравнительно недавно Денис начал понимать его, принимая раньше тактичность и вежливость за бесхарактерность, душевную доброту – за наивность. Совсем Алексей не наивен, потому всеми силами пытался привить детям с детства порядочные и добрые чувства, чтобы заботились друг о друге, берегли и любили. Будучи очень мягким и добросердечным с достойным упорством он следовал своим принципам. Громкими словами не бросался, но старался по совести жить и в любой ситуации оставаться Человеком.

Как-то в одной ссоре Таня бросила Денису в лицо: «Откуда в тебе *это?*» Он даже задумался, действительно, почему он не такой как сестра или отец; откуда в нем столько цинизма, который, казалось, пропитал каждую его клеточку и ошеломляющая прямота, граничащая с жестокостью. Откуда?.. Ответа не находилось. Денис всегда такой был, с самого раннего детства. Не прикрывался он выбранной личиной, не учился этому, не перенимал ни у кого подобную манеру поведения. Вырос таким. И сейчас, бывало, в кругу семьи чувствовал себя не в своей тарелке, потому что мыслил другими категориями. Материальными. А Таня всегда стремилась к духовному. Она из тех, для кого «с милым и рай в шалаше». А Дениса «шалаш» не устраивал, больше ему нужно, гораздо больше. Никак не мог он рассуждать о возвышенном, заглядывая в пустой холодильник. Их семья никогда не жила богато, но самым необходимым отец детей всегда обеспечивал, и вещи свои беречь научил.

— Пап, что там у вас на заводе творится? – спросил Денис.

Вчера отец кратко оговорился, но заострять внимание не стал, переключившись на другую тему, а возвратиться к этому разговору не довелось.

— Теперь у нас не завод подъемных машин, а арматурно-фланцевый. То есть, хожу я все туда же, а работаю на АФЗ, задвижки и фланцы считаю, занимаюсь отгрузкой. Многие вообще без работы остались, а мне, так сказать, по-свойски шепнули.

При словах «по-свойски шепнули» Нина улыбнулась. Ясное дело, кто шепнул. Нина на АФЗ бухгалтером работала.

...После завтрака Денис присел в прихожей у телефона и набрал номер. Трубку долго не брали, потом сонный женский голос промычал что-то непонятное. Наверное, это было «алло». Должно было быть.

— Вера, привет.

— Привет, — проворчала она.

— Что делаешь?

— В домино играю, — ничуть не смягчившись, ответила Верочка.

— Значит, свободна. Ты мне нужна сегодня.

— Лестно слышать, — сказала немного бодрее. – Всю жизни мечтала, чтобы ты сказал мне эти слова, но только сейчас не самое подходящее время. Я пока еще не готова оценить твой порыв, так что тебе придется отложить свои душевные излияния.

— А я вот думаю, так вполне готова. Судя по скорости слов в минуту. Я через сорок минут за тобой заеду.

— Шаурин! Сейчас девять часов утра! Имей совесть!

— Зачем мне иметь совесть, когда у меня есть ты. Хорошо, приеду через час. Просыпайся. – Положил трубку. Так и представлял возмущенное Веркино лицо. Не любила она, когда ее куда-то дергали в воскресенье с утра.

Не ошибся Денис в своих предположениях, Вера посмотрела на телефон, как будто он один виноват во всех ее несчастьях.

— Шаурин, ну куда тебя черт понес в такую рань? — сказала вслух. — Поспала деточка, повалялась в теплой постельке...

По Шаурину она соскучилась, и увидеться была совсем не прочь, но такие ранние встречи совсем не вдохновляли. В такой час в ней даже любопытство не шевельнулось, не говоря уже о других чувствах.

С полузакрытыми глазами Верка поплелась в ванную. Не любила утро, и свой вид по утрам она тоже не любила. Как раз чтобы детей пугать или сверхчувствительных любовников. И на сей раз зеркало не обмануло ее ожидания. Девушка тронула всклокоченные распущенные кудри. Как за такое короткое время можно привести себя в порядок? А еще нужно позавтракать. Вера любила делать все быстро, но ненавидела спешить. У нее на этот день были совсем другие планы. Но это же Шаурин! Разве когда-нибудь его волновали чужие желания? Ему Верочка сегодня нужна и хоть ты тресни...

Утренние стенания постепенно стихли, мятный вкус зубной пасты окончательно прогнал сон. К тому же, разгорелось любопытство, зачем же ее незаурядная личность могла так срочно понадобиться. Ну точно же не для романтического свидания!

После душа девушка слегка подсушила волосы феном, оставив крепкие кудри высыхать естественным образом. Захватив с полочки косметичку, прошла на кухню и поставила чайник.

Варить кофе Вера поленилась. Насыпала в кружку ложку растворимого, подумала и добавила еще одну, — чтобы окончательно проснуться.

— Что день грядущий нам готовит... — пробурчала она и достала зеркальце. — Что бы он ни готовил, нужно встретить это достойно... — размышляла она вслух, глядя в свое отражение.

А день подготовил ей поход по магазинам, да не просто поход, а поход с Шауриным. У Верочки аж ладошки зачесались, и целоваться она к Денису не кинулась только потому, что на губах у нее была красная помада.

Когда ровно в десять часов утра девушка вышла из подъезда, Денис уже поджидал ее у машины. Никто в этом и не сомневался. Шаурин никогда не опаздывал, разве что землетрясение могло помешать ему приехать вовремя.

— Очаровательно, — коротко сказал он, оценив ее старания. На Верочке был красный беретик, красный шарф поверх серого пальто и на руках красовались такого же цвета перчатки.

В ответ Верочка иронично приподняла уголки губ. На улыбку это было непохоже, на злобный оскал тоже. Что-то среднее.

— Прыгай, — открыл дверцу.

Со вздохом, будто делала ему великое одолжение, Верочка села в машину, предупредив:

— Тебе нужно найти какую-то очень вескую причину, иначе я тебя загрызу.

— Подавишься, — ответил Денис. — Или зубы сломаешь.

Денис изложил свою просьбу, и Вера оживилась, хмурое настроение как рукой сняло. Помочь с выбором приличного мужского костюма, или нескольких, для нее вообще не проблема. Как и любой девушке, шататься по магазинам Верочке доставляло огромное удовольствие, вот и сейчас она в предвкушении не могла скрыть довольной улыбки.

Однако, улыбка ее угасла, после того как они подъехали к торговому центру и поднялись на третий этаж, где находился огромный отдел мужской одежды. Ни одна попытка предложить Денису что-то примерить не увенчалась успехом. Безрезультатно

Верочка дергала вешалки с пиджаками получая короткое «нет». Правда, на одном взгляд Шаурина задержался секунд на десять, а потом снова каменное «нет». В конце концов Вера не выдержала:

— Зачем ты вообще меня с собой потащила, если все и сам знаешь? — шипела она язвительно. — Чтобы подобрать костюм, его нужно мерить! Ты не футболку покупаешь!

— А я и не говорил, что не знаю, что мне нужно. Я-то как раз прекрасно знаю. Тебе ясно было сказано, мне нужны *хорошие* костюмы. Куда ты меня притащила?

— А здесь тебя что не устраивает? Восемь рядов костюмов, какие только хочешь, на любой вкус и цвет.

— Вера, говоря твоим языком, мне нужно чтобы все упали. Понятно?

— А-а... — глаза Верочки понимающе блеснули. — Что ж непонятного. Тогда пойдем отсюда, нам надо в другое место. Так бы сразу и сказал. А то носишься как угорелый...

«Другое место» отличалось меньшей площадью и очень вежливыми продавцами. И конечно, ценами.

В небольшом магазине, притаившемся на углу одного из зданий, расположенных в центре города, негромко играла музыка. Верочка осмотрелась на месте, оцениваяюще уставилась на манекены, одетые в деловую мужскую одежду. Денис двинулся вдоль ряда с вешалками. Едва он замедлил шаг, и рука его потянулась к черному пиджаку, к нему подлетела девушка—консультант. Аккуратно так подлетела, как птичка. Вспорхнула и приземлилась около Шаурина.

— Могу я вам помочь? Хотите что-нибудь примерить? — прошептала она ангельским голосом.

— Хотим.

Посоветовавшись насчет подходящего размера, Денис, недолго мучаясь выбором, навешал на девушку с десятков костюмов и отправил ее в примерочную. Верочка вздохнула, посчитав, что на этом, вероятнее всего, ее мучения окончились. Слава Богу, Шаурина хоть что-то заинтересовало. Вряд ли девочки-красавицы отпустят его без покупки, тут было из чего выбрать. Честно говоря, Вера не помнила, когда в последний раз видела Дениса в костюме. И видела ли вообще... Кажется, нет. Для него одежда, не стесняющая движений, более привычна. Он не терпел того, что могло заставить его чувствовать себя скованно и неудобно.

Когда Денис вышел из примерочной, Вера замерла на месте, почувствовав внутри странное волнение. Такое с ней происходило всего несколько раз за всю жизнь: когда она увидела Дениса в первый раз; потом, когда он вернулся из армии. И вот сейчас.

Угольно-черный костюм и белая рубашка — все просто, ничего лишнего. Денис быстрыми легкими движениями поправил пиджак и повернулся к Вере. Она все еще стояла молча, зачарованно глядя на своего любовника.

При своей спортивной манере держаться, Денис довольно легко влез в строгий костюм, который подобно стальному каркасу сковал внутреннюю силу и мощь молодого мужчины, заключив их в дорожную оболочку. Движения приобрели пугающую мягкость, мышцы утратили четкий рельеф, кипучая энергия спряталась под плотной черной тканью, окутавшей его какой-то темной таинственной аурой. Шаурин всегда был для Веры непознанным материком, а теперь и вовсе стал далеким, совсем недоступным. Только в живых серых глазах стояло то же хорошо знакомое выражение, — знание, затягивающее, навязывающее непреодолимое желание заглянуть внутрь, узнать какую-то неведомую

истину. Денис всегда оставлял ощущение недосказанности. Как это у него получалось – загадка. Но после общения с ним Вера испытывала ощущение легкого голода, который утолить никто не в силах.

Наверное, Шаурина можно назвать привлекательным, даже красивым. Хотя красота понятие субъективное. Но Верочка таковым его не считала, не могла она назвать человека красивым, если на других он смотрел, как на ничтожество. А Денис часто так делал, во взгляде его нередко светилось такое пренебрежение, что у собеседника язык к небу присыхал. Почему он считал, что у него на это есть божественное право, Вера понять никак не могла. Да и сам он едва ли мог на этот вопрос ответить. Шаурин – это просто секс и ничего больше. Чистый секс.

— Ну и?.. – спросил Денис, так и не дождавшись реакции Верочки на свой обновленный вид.

Верочка кивнула, собралась открыть рот, чтобы оценить увиденное, но темно-синяя шторка в примерочной уже задернулась, скрывая мужскую фигуру.

Денис терпеливо перемерил бесчисленное количество одежды. Во время этого «дефиле» Вера почему-то почувствовала ревность. Необъяснимую слепую ревность к незнакомке, которая когда-нибудь сможет взорвать невозмутимый мир Шаурина. Это обязательно случится, уж Вера-то знала, сколько неукротимой пульсирующей энергии скрывалось под внешней бесстрастностью, а она обязательно должна найти выход.

Вера часто задавалась вопросом, откуда он черпал эмоции, удивлялась и недоумевала. Что давало ему их; что оживляло?.. Все люди чем-то одержимы. Так должно быть. Кто-то увлекался охотой, кто-то рыбалкой, тратил деньги на наркотики, алкоголь... Женщины, в конце концов, любовницы... Во всем этом Денис замечен не был, а уж одержимостью женским полом не страдал вообще. Хотя девок у него было валом. Всегда. Как он с ними знакомился и где цеплял, Верочка не знала. Не сказать, что Денис владел какими-то приемами обольщения, был искусителем, и, уж, тем более, не липли к нему дамочки исключительно из-за денег. До определенного момента жизнь и самого Дениса не баловала, чтобы мог он для своих пассий небо в алмазах устраивать. Так что любовь за деньги исключалась. Но девушки по нему с ума сходили. Сама Вера через это тоже прошла, только силой воли и характера излечилась, пришлось даже расстаться на время. Долго он ломал ее «правильное» представление об отношениях между мужчиной и женщиной. Но сломал. И весьма успешно. Теперь Вера знала, что любовь — это далеко не единственное и не самое важное, что может соединить двух людей. Правда, Шаурин никогда не признается, что приложил к этому руку, для него все получилось естественно, потому что такое у него состояние души.

Когда Денис расплачивался за покупки, Вера старалась не смотреть на ценники, ибо намеревалась прожить долго и счастливо, а не погибнуть от инфаркта в столь молодом и цветущем возрасте. Одно она решила точно: за все мучения Шаурин просто обязан оставить в ее «израненной» душе след в виде подарка.

Недолго думая, она потянула его в ювелирный магазин, который находился неподалеку на этой же стороне улицы.

— Хорошо, Верочка, купим тебе подарок. Только не кольцо, иначе следующий магазин, куда ты меня приволокешь, будет «ЗАГС».

— Шаурин, я тебя, конечно, очень люблю, но я не самоубийца. На такие жертвы я не готова.

Войдя внутрь, Верочка не растерялась, сразу начала изучать содержимое сверкающих витрин.

— Нет, ты же не собираешься подарить мне сережки, — слегка разочарованно протянула она, заметив, что Денис задержался у одной из витрин.

— Не собираюсь.

— Вот и хорошо. Я уже выбрала, — радостно сообщила она и, взяв его под руку, направила в другую сторону.

ГЛАВА 21

— Почти все готово, осталось сделать кое-что по мелочи.

— Молодец. Молодец, Денис! – воодушевленно повторил Монахов и похлопал Шаурина по плечу.

— Так на том и стоим, Сергей Владимирович.

Сергей Владимирович был в приподнятом настроении. Все предыдущие дни, решая вопросы по организации бойцовского клуба, он сохранял спокойствие и сосредоточенность. Сегодня же на его лице то и дело мелькала скупая улыбка. До начала боев оставалось два дня, и Монах уже не скрывал радостного возбуждения. Еще бы! Столько заморочек пришлось преодолеть. Сначала он отнесся к этой затее весьма скептически, но потом идея захватила его. Все же на своем уровне Монахов мог придать этому мероприятию должную масштабность.

— Кого первым выпускаешь?

— Карпова, — не задумываясь, ответил Денис.

— Почему?

— Потому что нам не нужно, чтобы кто-то из наших упал в первом бою, а Карпов точно не ляжет. Я хочу, чтобы Паша и Глеб присутствовали. Они должны видеть и знать, как все будет происходить на самом деле.

— Правильно мыслишь, — сказал Монахов и оглядел помещение, которое они подготовили для проведения боев. Располагалось оно на цокольном этаже ночного клуба «Эгоист» принадлежащего Монахову. Обсудив несколько вариантов, решили, что это самое удобное место – хорошо охраняемое и очень пригодное для всякого рода сборищ. Здесь и выпивка, и все другие возможные развлечения. Осталось только распорядиться, чтобы рабочие вынесли кое-какой строительный мусор, оставшийся после ремонта.

Мужчины покинули зал и поднялись на первый уровень, Сергей Владимирович попросил принести из бара две чашки кофе, который доставили в кабинет раньше, чем Монахов переступил его порог. Денис для бодрости в кофе не нуждался. В последние дни он пребывал в состоянии легкого нервного напряжения, так что мандража ему хватало по самую макушку. Как тут не нервничать? Если что не так пойдет, Монахов его собственноручно на ринг зашвырнет.

— Как парни твои? освоились? – Сергей Владимирович занял свое место за большим письменным столом. Денис сел в кресло напротив, поправил манжету рубашки и взял свою чашку. Радовало, что чашка была нормального размера – как раз, чтобы напиться, — а не мизерная чашечка на два глотка.

— Освоились. Куда им деваться. Работают. Спортсмены же, свое дело знают. Доверять им можно, так что вы не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь. Отвечать-то ты будешь, если что. — Монахов смерил его тяжелым взглядом.

— Отвечу, если понадобится, — сказал Денис, хотя уже знал: случись что и возможности оправдаться ему никто не даст. Не принято у них так. Голову снесут и все. Тут без единого шанса.

— Но лучше, чтобы без происшествий. — Сергей Владимирович расслабленно откинулся в кресле. — Толковый ты человек. Ни к чему нам крайности.

— Это верно. — Денис отставил чашку и поднялся. — Понял я вас. Я сейчас к себе, узнаю как там дела, а то в последнее время мимоходом туда только и забегаю. Поговорить нужно с парнями, настроить на нужный лад.

Хлопнула дверь. В кабинет вошел Юрий. Выдохнув, упал в кресло, в котором минуту назад сидел Денис.

— О, приветствую, хорошо, что ты здесь, — взглянул на Шаурина.

— Я уже уйду. — Денис стянул с вешалки свое черное кашемировое пальто.

— Сообщаю, значит: судью нашел, врач будет, — коротко и ясно отчитался Юрий.

— Вот и прекрасно, поехал я.

— Давай, а то пока ты здесь, твои бездельники там на матах дрыхнут, — пошутил Монахов.

— Я им устрою тогда. И врач не поможет, — пообещал Шаурин.

— Денис, забыл сказать, — окликнул на пороге Сергей Владимирович. — Юля сегодня в клуб собиралась. Прицепилась с этим бассейном. Наталья приболела, потому Юлия без нее.

— Понял. С Натальей, надеюсь, ничего серьезного?

— Нет, простудилась. Они с дочерью все выходные по магазинам мотались, а погода видишь какая.

— Да, погодка — дрянь. Я ушел, — махнул рукой и вышел, прикрыв за собой дверь.

Для посетителей ночной клуб еще был закрыт, но внутри уже кипела работа. Глухо, не в полную громкость играла музыка, у шеста крутились стриптизерши, официанты надраивали столики, уборщицы — зеркальные стены. Денис осторожно шагал, чтобы не подскользнуться в холле на мокрой только что вымытой плитке. Один из охранников открыл ему дверь и попрощался. Денис кивнул ему и сунул руку в карман пальто, чтоб вытащить ключи от машины.

— Ты какого тут делаешь? — резко бросил парню, который стоял чуть поодаль от крыльца. — Я тебе где сказал быть?

— Я покурить, — молодой охранник поднял руку, показывая сигарету.

— Иди я сказал, потом накуришься.

Сотрудник службы охраны выбросил сигарету и зашел внутрь здания. Денис проследил, как он исчез за темной стеклянной дверью и направился к своей машине, припаркованной прямо напротив входа.

Погода и впрямь не радовала, хотя чего ждать в начале ноября. Шел снег. Мелкий и противный. Колючий. Так и хотелось ускорить шаг, быстрее сесть в салон автомобиля, спрятавшись от пронизывающего сырого ветра.

Юлька... Каким-то шестым чувством Денис знал, что ее появление в спорткомплексе грозит ему новой головной болью, потому и ждал этого как второго пришествия. А головная боль, связанная с этой девочкой, именно сейчас ему нахрен не нужна. Да ему вообще эта боль не нужна, других забот полно, но одно упоминание имени дочери Монахова внутри

отзывалось огоньком. Не понимал почему, но о Юльке думал. Думал больше, чем хотел сам, и чем было ему положено. Наверное, потому что вела она себя последнее время до крайности непредсказуемо. Почти не разговаривала с ним, старалась не оставаться наедине. Они практически не виделись за этот месяц; этих нечастых встреч, когда Денис приезжал в дом Монахова, девочка старалась избегать. Нет, сначала Шаурин думал, что из-за больной ноги Юля мало передвигалась по дому. Все-таки, с травмой спускаться и подниматься по лестнице тяжело. Был уверен, что именно в этом крылась причина того, что они так редко встречались, пока не застал ее скачущей по лестнице вверх через одну ступеньку. Ошалеть! Как резко девица порхала над ступеньками в коротеньких шортиках. Ни бинта, ни повязки на ноге не наблюдалось. Невольно Денис задержал взгляд. Ножки-то у нее были красивые — длинные, крепкие, с оформленными мышцами. Немудрено, столько лет танцами заниматься. Неужели он обидел ее чем-то? Вроде, нет. Окликнул, попробовал выяснить, но она мастерски съехала с темы и оставила его ломать голову над своим поведением. И к черту бы! Но нет же! Привык уже к их спокойным, в какой-то степени доверительным отношениям. К ее улыбке привык и мягкому взгляду, а тут какого-то черта она снова включила полный игнор. Эта интригующая таинственность, которую Юлька старательно изображала, стала порядком напрягать.

А еще Денис испытал неприятное чувство при мысли, что на выходных мог столкнуться где-то с Натальей и Юлькой. Вероятность того была чрезвычайно мала, но все же. Они с Верой весь день по городу мотались, все на свете объездили. Он четко распознавал двойственность собственных ощущений. Отношения с Верой сложились давно и были до безобразия понятны, он никогда не испытывал потребности провести с ней больше, чем сутки, а Юля вызывала в нем опасные и неправильные чувства.

Денис, зайдя в спорткомплекс, первым делом заглянул в спортзал, где работали Лёня и Стас. Вопреки мнению Монахова, парни не бездействовали, не дрыхли на матах, как он сказал. Сиплое дыхание, мокрые от пота майки, под лавкой пустые бутылки из-под воды — все свидетельствовало о том, что предел человеческих сил почти исчерпан.

— Закругляйтесь, — коротко сказал Денис. — Как дела? Как настроение?

— Непонятно как-то, — сказал Паша Хромов и без сил опустился на лавку. Лёня сел рядом, чтобы отдышаться. Спарринг удался.

— Ничего скоро поймешь, — усмехнулся Денис. — Отдыхайте пока, я сейчас.

В своем кабинете Денис вздохнул свободно. Эту неделю он был здесь только пару раз, забегал узнать, как шли тренировки, все ли в порядке у ребят. Даже верхней одежды не снимал, перекидывался с парнями несколькими словами и снова убегал в «Эгоист», проводя там все основное время. И сейчас нужно бы убрать пальто в шкаф, но Денис только расстегнул пуговицы, распахнул полы и замер у окна, наблюдая, как у спорткомплекса остановилась черная машина. И хотя из-за тонированных стекол невозможно было разглядеть ни водителя, ни пассажира, для него не было секретом, кто сидел внутри. На этой машине, такой же марки, как у него, Самарин возил дочь Монахова. А вот и она сама.

Юля вышла из автомобиля. Она не спешила, не торопилась, ветер, словно проверяя ее на прочность, резким порывом взметнул темные волосы и бросил в лицо вихрь колючих снежинок. Девочка вытащила из машины сумку и пакет. Самарин сделал движение, чтобы помочь ей, но она отмахнулась.

Денис почувствовал, что стало жарко. Душно. Наконец выйдя из минутной задумчивости, стянул верхнюю одежду.

Через некоторое время в дверь мягко и коротко постучали.

— Привет, — сказала Юля и прошла в кабинет.

— Привет, — ответил Денис, убирая пальто в шкаф.

— Я как раз вовремя, да? — как ни в чем ни бывало улыбнулась Юля. Ее щеки покраснелись от холода, придавая лицу невинное выражение. Глаза тоже поменяли цвет, в них стало больше серого. Что-то в ней изменилось, но он не мог понять — что, тем тяжелее было оторвать от нее взгляд, и куда бы он ни обращал его, глаза неизменно возвращались к ней.

— Угу.

— Что-то ты не в настроении сегодня. Мне так кажется. — Положила на диван свою ношу, сбросила курточку и огляделась. Уже и не помнила, когда последний раз была здесь.

— Ты знаешь, что нужно делать, когда кажется. Извини, оркестра, красной ковровой дорожки и воздушных шариков нет. Твой бассейн — первый. Как пройти туда, знаешь. Теперь он работает только для тебя, — с прохладцей сказал Денис, удивив Юлю своим равнодушием.

— Неужели ты думаешь, что я буду пользоваться общей раздевалкой? Она даже не закрывается. Или что-то изменилось за то время, пока меня здесь не было?

— По распоряжению Сергея Владимировича этот бассейн в твоём полном распоряжении в любое время. Кроме ограниченного числа лиц туда никто не зайдет. А раздевалки нигде не закрываются.

— У тебя закрывается.

Денис помолчал. Смерил Юлю долгим пронзительным взглядом, потом шагнул к столу и вытащил из ящика второй ключ.

— Кабинет закроешь. — Положил ключ на стол. — Мне нужно идти. Если вдруг у тебя возникнут какие-то сложности или произойдет что-то экстраординарное, найдешь меня в спортзале.

— Хорошо, — она кивнула, но Денис не дожидался ее ответа. Юля посмотрела на дверь, которая захлопнулась за ним секунду назад. Давно ее не обдавало холодом от его взгляда, а сегодня в серых глазах Дениса блеснул лед, и, казалось, на улице гораздо теплее, чем здесь рядом с ним. В душе поселилось легкое разочарование. Конечно, общаясь с этим человеком сложно рассчитывать на жаркие объятия, но это уж совсем шоковая заморозка. Юля перестала что-либо понимать и, признаться, ей порядком надоело гадать на кофейной гуще. Около полугода прошло с той летней ночи, когда она увидела его во дворе, и все это время их отношения напоминали хождение по кругу. Нет, если бы просто по кругу, то тогда они были бы равными, а общение с Денисом — это маятник. Вверх-вниз. Вперед-назад. Словно время от времени ее возвращало к отправной точке. В такие моменты хотелось разрыдаться от обиды и отчаяния, от очередного разочарования. А с недавнего времени Юля сама стала избегать Дениса, но на то были свои причины, рассказать о которых она ему не могла.

После разговора с мамой все изменилось. Теперь Юля не была наедине со своими чувствами и постоянно ощущала себя как под увеличительным стеклом. Такое пристальное внимание заставляло контролировать каждый свой вздох, каждый взгляд в его сторону, что доставляло огромный внутренний дискомфорт и неудобство; что-то сжималось внутри, не позволяя спокойно общаться с ним, как раньше. Вот Юля и решила немного отдалиться, дать матери время свыкнуться со всем услышанным. И себе заодно. Ей тоже нужен перерыв,

чтобы немного остыть, а лучше способа охладить отношения, чем прекратить общаться еще никто не придумал. Пусть и давалось это с большим трудом, но Юля на время отстранилась от Дениса.

Испутив пару горестных вздохов, девочка захватила пакет с дивана и закрылась в раздевалке. Придется все-таки лезть в этот чертов бассейн, надо же как-то оправдать свое появление, хотя после слов Дениса желание отпало напрочь. Настроение тоже снизилось до нулевой отметки. После душа Юля надела купальник и завернулась в белый махровый халат, который привезла с собой. Вот чего она терпеть не могла, так это резиновых шапочек, потому с чистой совестью решено было забыть об их существовании. Волосы Юля убрала в пучок на затылке и сколола деревянными шпильками.

Поведение Шаурина ее разозлило и когда, подойдя к столу за ключом, в приоткрытом ящике она заметила несколько пачек сигарет, долго не раздумывала.

— Какой ты у меня запасливый, — едко проговорила она вслух, вытащила сигареты и выбросила в мусорную корзину. Для верности стребла со стола несколько листков бумаги, смяла их и бросила сверху. Не то чтобы она осталась собой очень довольна, но самолюбие свое немного потешила. Совсем немного.

Кабинет, как просил Денис, Юля закрыла. И даже дверь подергала, тщательно проверив, хорошо ли справилась. В коридоре оглядела знакомые белые стены. Ничего не изменилось. Те же большие цветы в кадках, названия которых Юля не помнила, низкие диванчики для отдыха.

Она медленно побрела по коридору, прислушиваясь к звукам. Знала в спортклубе отца каждый уголок, но не была тут очень давно. Точно не помнила сколько, кажется, около года.

Потянуло холодом, по ногам пробежал сквозняк. Наверное, в каком-то из залов открыли окно. Внезапно шаткую тишину разорвал мужской гогот. Настоящий ржач. Юля не собиралась останавливаться, но знакомый голос привлек ее внимание, заманив в приоткрытую дверь.

— ...точно, как в том анекдоте. — Самарин толкнул в плечо одного из парней. — Завязывал бы ты курсисток с филологического трахать. Не ровен час, какую-нибудь этимологию подцепишь — хлопот не оберешься.

В зале находились Виктор и еще двое парней, смеялись они так, что стены тряслись. На всех были черные майки и черные спортивные. Форма у них, что ли, такая.

— Какая экспрессия! Прямо актер погорелого театра. Солируешь, Витя?

Водитель обернулся на голос, не успев скрыть своей озадаченности. Его дружки, увидев дочь Монахова, подавились смехом и незаметно оттеснились к тренажерам. Юля сунула руки в карманы халата и обдала Самарина ироничным взглядом. Немного сконфузившись, он зачем-то попытался пригладить взъерошенную челку. Уголки его рта разочарованно опустились. Карие глаза тревожно заблестели.

— Надо же какая образность, а я все это время была уверена, что твой словарный запас безбожно скуден.

— Я чувствую, что мы на грани грандиозного шухера, — проговорил Виктор. — Юль Сергевна, не вели казнить, — взмолился, театрально приложив руку к груди. — Дан приказ на запад — мы на запад. Я человек маленький, нарзаном не замученный.

— Очень интересно и кто ж тебе такой приказ дал?

— Кто умеет, тот дал. Таки не будем устраивать здесь ломбард, я все равно не продамся! — прогнусавил он.

— Уж лучше бы ты и дальше молчал, Самарин. Ладно, живи пока. — Юлька, ухмыльнувшись, развернулась к двери, но, передумав, задержалась, заметила, что двое других парней не сводили с нее глаз. Снова бросила острый взгляд на своего водителя, поведение которого навело ее на одну определенную мысль. И хотя довольно абсурдно предполагать, что сам Денис приказал Самарину молчать как рыба, именно это вертелось в голове.

— Не хочешь в бассейне искупаться? — предложила она.

— Нет—нет—нет, — отпирался Витя так, словно Юля предложила ему не в воду окунуться, а прогуляться в преисподнюю.

— А чего так? Я что должна как псих—одиночка сама себя развлекать? И тебя совсем не заботит моя безопасность?

— О твоей безопасности уже позаботились, тут на каждом углу охрана, — кивнул на дверь.

— Что-то я не заметила. Давай-давай, Витек, пустим твою словоохотливость по правильному пути, будешь меня анекдотами развлекать. И не вынуждай меня устраивать тебе грандиозный шухер.

Наблюдая за реакцией Витька, Юля забавлялась. Его одолела такая нерешительность, что так и хотелось дать ему пинка. Понятно, что приложиться к его заду она не сможет — недостойно это девушки ее положения, — потому и попыталась выразиться так цветисто, чтобы до него дошло, что просьба ее — совсем не просьба, а приказ.

— Господи, спаси мою душу грешную, — Витек взялся за золотой крестик, висевший у него на груди, и двинулся за Юлькой.

— Витя, не кощунствуй, не произноси имя Господа всуе. — Юлия посмотрела на него снисходительно и похлопала по руке.

— Юль Сергевна, вы меня до инфаркта доведете.

— Кончай отморозком прикидываться, таких, как ты даже пистолет у виска до инфаркта не доведет. Куда уж нам. Болтливый ты мне больше нравишься, а я уж подумала сказать папе, чтобы тебя уволили, — сказала она лукаво и посмеялась над выражением лица Самарина.

— Кто из вас кулаками махал? — спросил Денис и посмотрел на Вуича. Тот с закрытыми глазами разлегся на широкой лавке. — Лёня, я смотрю, совсем мертвый.

— Он тренер, ему положено, — сказал Паша.

— Да-а, — Лёня растянулся в довольной улыбке. Но через секунду подскочил и, фыркая, помотал головой, прогоняя дремоту. Едва задержался на месте, усталость дня дала о себе знать, пригвоздив к лавке, насильно закрывая глаза. — Что там ты говорил, Денис?

Денис сунул руки в карманы брюк и замер перед скамьей, на которой сидели парни.

— Завтра отдыхаете, послезавтра первый бой. Помещение готово, все остальное тоже. Юрик нашел врача и судью. Вы сами как? Как себя чувствуете?

— Я усталый, голодный и злой, — сказал Карпов, утирая лицо полотенцем. — Кто первым пойдет?

— Ты пойдешь, — сказал Денис и посмотрел на него.

— Почему это? — встрял Паша. Глеб, сидя рядом с ним, молчал. Он приступил к

тренировкам позже, потому о его участии пока речи не было.

— Для устрашения противников, наверное, — хмыкнул Стас. — Саня у нас закаленный боец, почти весь в шрамах.

Как-то само собой произошло, что Стас с Леной разделились. Вуич взялся за Пашу, а Шип работал с Карповым.

— Кто на что учился, — поддержал своего тренера Сашка. — Я согласен, — тронул рассеченную кровоточащую губу. «Первый» для него всегда звучало заманчиво. Чем бы он ни занимался, Карпов всегда хотел быть самым—самым.

— Ладно, шутки в сторону. На первом бою будете присутствовать все, а потом по желанию. Я, конечно, не мать—настоятельница, проповеди читать не умею, но кое-что скажу. То, что будет происходить, отличается от вашего представления, я полагаю. Нелегальные бои — это не спортивное состязание, тут нет ограничений, нет запрещенных приемов. Есть, конечно, пара исключений, но нет никакой другой защиты. Это и не уличная драка, в которой вы можете использовать случайные подручные средства. Никто не спугнет противника, не вступится за вас. На ринге будете только вы и ваши враги. Глаза в глаза. Это будет чистое насилие, не игра, не тренировка. Единственное ваше оружие — это кулаки и сознание. Никакого страха быть не должно. Выключите его, как лампочку. Нажмите на кнопку. Только инстинкт самосохранения. Это самая мощная двигательная сила, заложенная в нас с самого рождения. Используйте ее по полной. Даже деньги, проценты, которые вы будете получать с выигрыша не должны волновать вас больше. Если вы думаете, что деньги самый лучший мотиватор, то вы глубоко заблуждаетесь. Не в этом случае.

— А драться до первой крови или как? Если запрещенных приемов практически нет, зачем судья? — поинтересовался Карпов.

— Судья для того, чтобы вас не убили. Бой остановят, когда один из противников будет нокаутирован или просто не в состоянии продолжать бой. А до первой крови... Вон губу тебе разбей и ты вышел из строя.

— Ясно все, посмотрим на это послезавтра, — устало выдохнул Паша.

— Лёня, вы свободны. Идите, приводите себя в порядок. Отдыхайте. Стас задержитесь на пару слов.

Лёнька резво вскочил и скрылся за дверью. Он давно уже мечтал скинуть с себя потную майку, от которой по телу уже пошел зуд, встать под теплый душ, а потом занырнуть в бассейн. В такое позднее время чужих в клубе не было. А кроме того, Лёня заметил, что один из бассейнов уже некоторое время закрыт для посетителей. По словам Дениса, теперь он отдан в распоряжении семьи Монахова. Ну и прекрасно! Шаурин не сказал, что больше туда никто не должен соваться, потому Вуич в предвкушении уже расплылся от удовольствия.

— Шаур, а ты знаешь, кто второй? — спросил Шаповалов.

— Знаю, вернее, слышал. Узнавал. Советую тебе, Саша, отбросить мораль, — сказал Денис, хотя глубоко сомневался, что у Карпова такая имела, — иначе ты труп. В следующий раз участники будут определены по жребью. Это сейчас по договоренности.

— Понял, — кивнул Саня.

— Видел я ваши тренировки, — продолжил Денис, обращаясь к нему, — твоя главная задача — вывести противника из равновесия. Потом можешь делать с ним все, что хочешь. Хоть фарш.

Еще какое-то время они обсуждали детали предстоящего боя. Трудно сказать, что на

самом деле чувствовал в этот момент с виду более чем решительный Карпов, но Денис ощущал себя так, словно ему самому предстояло выходить на ринг.

Шаурин много сказал парням, попытался настроить их на нужный лад. Но не сказал одного. Не обмолвился, что для тех, кто будет находиться по другую сторону ринга, бойцы всего лишь игрушки – марионетки — разыгрывающие для Монахова и его гостей представление. Люди, которые заплатят деньги, сделают ставки, будут ждать зрелища, им не нужна просто смерть. Им нужны запах крови и пота, отчаяние и ярость в глазах, бессилие и поражение. Красивая постановка и желателно с выигрышем.

Те, кто на ринге, для них просто товар. А любой товар, как известно, имеет свою стоимость. Ценный будут беречь, брак – полетит в мусорную корзину.

Отпустив Шаповалова и его подопечного, Денис направился в бассейн, чтобы узнать, как долго Юлька собиралась плескаться. Еще не прикоснувшись к ручке двери, он поразился царившему внутри веселью. Музыкальный девичий смех доносился сквозь приоткрытую дверь и распространялся далеко за пределы гладких покрытых белым кафелем стен.

Никто не заметил его появления, хотя Денис не крался, не пытался заглушить звук шагов. Юлька ударила по воде, обдавая Леню волной брызг, и со смехом ринулась к хромированным поручням. Зацепилась за них и даже успела взобраться на несколько ступенек вверх, чтобы вылезти из воды, но Вуич обхватил ее ноги и стащил с лестницы.

— Лёня! – резкий окрик Дениса прогремел подобно взрыву.

Особенная акустика, характерная для помещений подобного рода, только усилила эффект. В зале, насколько это возможно, установилась тишина, Лёня несколько удивленно замер, Юля высвободилась из его хватки и немного отплыла. Отдышалась.

— Юля! – Денис подошел к бортику и протянул руку. — Сюда иди!

Юля помедлила, посмотрела на Леню, снова пустила веер брызг ему в лицо и ухватилась за ладонь Дениса. Он выдернул ее из воды, и девочка, стараясь не упасть на мокром полу, схватила халат с лавочки. Накидывая его на плечи, влезла в сланцы и поспешила покинуть вмиг ставшее душным помещение.

Шаурин обернулся, посмотрев ей вслед. Отметил, что Самарина как ветром сдуло. Он исчез, будто минуту назад его тут и не было. Лёнька вылез из воды, обмахнулся полотенцем, чувствуя на себе прожигающий насквозь взгляд. Он мог бы проигнорировать его, но слишком хорошо знал это зверское выражение на лице друга, чтобы оставить все как есть.

— Шаур, ты чего? Подумаешь, позабавились немного, поплескались с девчонкой в бассейне.

— Лёня, — Денис подошел вплотную, — проститутка ты политическая, если еще раз тронешь ее хоть пальцем, я тебе ноги сломаю. Это понятно?

Лёня озадаченно хмыкнул и отбросил полотенце.

— Тебя что бешеная собака укусила?

— Ты знаешь, сколько ей лет, придурок! Или тебе совсем мозг вышибло в спортзале?

— Хрен ровесников не ищет. Сам знаешь. — Лёня развел руки в стороны и криво усмехнулся. — Если ты перед собой видишь красивую задницу, ты же не спрашиваешь, сколько этой заднице лет.

Шаурин до автоматизма отработанным приемом жестко бросил Леню через бедро и навис сверху, поддерживая, чтобы тот случаев не расквасил себе затылок.

— Я тебя покалечу, слышишь? – тихо, своим обычным голосом сказал он, но угроза, какую содержали его слова, это спокойствие спрятать не могло. — Живого места на тебе не

оставлю, если только посмотришь в ее сторону.

— Понял-понял. Никогда в жизни. – Лёня поднял ладони, откидываясь на лопатки. — Девочка моего друга – мой враг.

— Идиот. – Денис, отцепившись от него, распрямился во весь рост. — Монах с тебя шкуру спустит. И с меня тоже.

Как только Вуич вскочил на ноги, Шаурин толкнул его в бассейн.

— Остынь, Казанова.

Лёнька, отплеываясь, вынырнул из воды и огляделся.

— Зевс-громовержец, блин...

Оценить его остроту было некому.

Юлька выскочила из душа, подскользнулась, но не упала, чудом удержавшись на ногах.

Так быстро душ она еще никогда не принимала. Какое-то неведомое ранее чувство – может быть, тот самый адреналин? – подгоняло ее, вынуждая делать все быстро. Только быстро не получалось, выходило неловко и коряво, просто из рук все валилось.

Страдая сухостью кожи, Юля предпочитала не вытираться, чтобы лишний раз не вызывать раздражение. Как обычно, она обернула большое белое полотенце вокруг тела, и потянулась за... А фен-то остался в сумке, а сумка в кабинете. Прямо как в той страшной сказке: иголка в яйце, яйцо в утке, а утка...

Безо всякой задней мысли она юркнула в кабинет и ахнула, почти вписавшись в широкую грудь своего любимого, подпиравшего стенку у входа в раздевалку. Да, любимого, но еще не настолько, чтобы щеголять перед ним в столь жалком одеянии, которое хоть и прикрывало ее прелести, но слететь могло в два счета. Ретироваться, снова скрывшись за дверью, не удалось, потому что Денис шагнул вперед, вынуждая ее податься назад. Кроме как отступить под его натиском, деваться было некуда. Юля и отшагнула, забившись в угол, моля Господа, а заодно и Дьявола, чтобы полотенце не свалилось прямо к ногам «захватчика».

Пока что девочка была в том нежном состоянии, когда скорее обнажила бы душу, но никак не тело.

— Ах ты, Красота моя... это что ж ты за гульбища морских котиков устроила? – его голос прозвучал зло и мягко.

— Я?.. – Юлька попыталась обойти Дениса, но он приставил свою ладонь к стенке. Нырнуть под рукой тоже не удалось, потому что он сместил ее, перегородив путь. А потом Денис и вовсе протянулся к ней, крепко сжал тело чуть выше талии и приставил к стене. Пригвоздил. Юля сразу заволновалась, одновременно чувствуя от их близости и трепет, и неловкость, и странное возбуждение.

— Ну не я же.

Голос у него был пугающий, хотя Юля не боялась, испытывая к Денису слепое доверие, уверенная, что он не сделает ей ничего плохого. Не сделает того, о чем она могла бы впоследствии глубоко пожалеть. Но он был зол. Юля точно знала, что сейчас Денис в тихом бешенстве. Наверное, только один он так умел смотреть, чтобы нервы, как струна натягивались, и легкие внутри сворачивались, что дышать было невозможно. В глазах его не было льда, «сталь» расплавилась, тело полыхало жаром, который она остро чувствовала сквозь толстое махровое полотенце в том месте, где прикасались его руки. Но особенно приятных ощущений это не доставляло, учитывая, какую неловкость она испытала, представ

перед Шауриным в таком нескромном виде. Одно дело, когда Денис обнимал ее, как тогда в больнице – крепко, нежно, растворяя в себе; и совсем другое – теряться под его яростным взглядом, будучи зажатой, как в тисках.

Отпираться было бесполезно, но и положение загнанного в угол беспомощного зверька Юльке не нравилось.

— Устроила. И что с того? – с вызовом сказала она, прижимая собственные локти крепче к телу, чтобы ее полотенце ненароком не слетело. — Или я у тебя должна разрешения спрашивать, с кем мне разговаривать и общаться? Не много ли ты на себя берешь?

Как уж эти слова подействовали на Шаурина можно догадываться, но у самой кровь в венах забурилась, дышать стало невыносимо трудно, а у горла встал ком. А они подействовали. Она почувствовала это всем своим нутром, его гнев так и лез ей под кожу. Таким она Дениса еще не видела. Каждая его эмоция, малейшая реакция на ее слова разжигали внутри пожар и, надо признать, приносили удовольствие, которое она не могла сравнить с чем-то еще. Это было что-то новое, раньше она такого не испытывала.

— Не много ли ты говоришь? – придвинулся совсем близко.

Его дыхание обожгло висок. Тем сильнее это чувствовалось, потому что в кабинете царил прохлада, а с мокрых волос, собранных в пучок, то и дело по шее струйками стекала вода, щекоча и раздражая кожу. Юля и сама не заметила, как под мужским давлением, стараясь вжаться в стенку, вытянулась в струнку и встала на мысочки.

Мама ошибалась. По ее словам, Юля должна действовать, следуя японской мудрости — спокойно сидеть на берегу и ждать пока мимо проплывет труп врага. Так можно никогда не дожидаться. И пусть Денис ей не враг, но суть проблемы от этого не менялась. Глядя в его глаза, такие живые и глубокие, в которых сейчас плескалось целое море эмоций, Юля уже думала немного иначе. Хотя думать в таком положении было очень тяжело, почти невозможно, но парочка крамольных мыслишек посетили ее взбудораженный мозг. Шаурина надо бить в грудь. Изо всех сил. Прямо в сердце. Со всего размаху. Только так можно пробить его панцирь, а ходить вокруг, примеряясь к его шагам, бесполезно. Он и не заметит никакого шевеления. А превратиться в его тень Юлька не хотела. Не в ее характере быть серой мышью.

— Попробуй, запрети. А-то, посмотрите, шариков и оркестра у тебя не нашлось, а ограничений сколько душе угодно. С чего это вдруг ты так взбесился?

Его самообладание трещало по швам. Денис смотрел в ее серо-зеленые глаза, распахнутые, чистые, но не наивные, обрамленные темными пушистыми ресницами, гадая, откуда в них появилась игривая чувственность. С какого момента движения ее стали зовущими, и он перестал видеть в Юльке большеглазого ребенка, маленькую девочку, невинную очаровашку. Как смогла она завести его по щелчку пальцев?

— Скройся с глаз моих, чтобы я тебя больше не видел. Вообще. Чтобы духу твоего больше не было в моем кабинете, — процедил он, при этом крепко удерживая ее на месте.

Что-то мелькнуло в его серых глазах. Что-то опасное. Незнакомое, но очень завораживающее. Это парализовало ее, не позволяя двигаться. И только инстинкт самосохранения подсказывал – надо бежать! Иначе...

С большим трудом взяв себя в руки, Юля сказала:

— Я бы, может, и скрылась, если бы ты меня отпустил.

Денис тут же затолкал ее в раздевалку и захлопнул за ней дверь. Юлька пошатнулась,

оперлась на нее и выдохнула. Чувствовала себя, будто ее в бараний рог скрутили. Руки придерживали на груди злосчастное полотенце. Она резко отбросила его, словно получила жалящий укус, и укуталась в халат, туго затянув пояс. Снова высунула нос из раздевалки.

— Я фен забыла, — сразу сообщила, чтобы исключить очередной припадок бешенства.

Денис отвернулся, подошел к столу, открыл верхний ящик, но он оказался пуст.

— Не понял... Сигареты где? — посмотрел он на нее, и мелкие волоски на ее теле встали дыбом.

— Откуда я знаю. — Юля захватила с дивана сумку и убралась восвояси.

— Юля!.. — рявкнул он так, что, даже находясь за стеной, она заткнула уши.

Дверь распахнулась, Юля встала на пороге и проговорила отнюдь не безмятежным тоном:

— В урне твои сигареты!

— А какого хрена они делают в урне? Не лезь не в свое дело, поняла? Не прикасайся к моим вещам!

— А ты не трогай моего водителя! Я сама с ним разберусь, без твоей помощи!.. — остановившись на полуслове, Юля глубоко вздохнула, чтобы немного усмирить свой пыл, потому что они перешли на крик. — Ты же знаешь, о чем я говорю? Ведь так? — спокойно сказала она. По крайней мере, очень попыталась.

— Договорились, — поразительно равнодушно ответил Денис и легонько пнул урну. Она перевернулась, и он вытащил из вороха бумаг пачку сигарет. — Что помешало тебе надеть халат в прошлый раз? — спросил, срывая защитную пленку.

— Знаешь, я как-то не предполагала, что ты бросишься за мной следом и устроишь разборки.

— А я уж никак не думал, что ты будешь разгуливать по кабинету в одном полотенце.

— Ты из-за него так разволновался?

— Или ты исчезнешь, или... — процедил он и снова шагнул к ней.

— Уже исчезла.

Денис встал напротив окна, открыл форточку и прикурил. Глубоко затянулся. Потом некоторое время смотрел на кончик сигареты, ожидая пока тот перестанет подрагивать.

Он бы мог объяснить все произошедшее стрессом, срывом, наконец, выбросом адреналина, которым природа одарила его весьма щедро.

Столько дней в напряженном состоянии не могли не отразиться на нервах. Усталость ослабляла выдержку. Чувства выходили из-под контроля, заставляя взрываться по каждой мелочи. Это все могло быть так, если бы острое возбуждение, в котором он сейчас находился, не граничило с сексуальным. Хотя, как граничило. Он старательно пытался начертить эту границу, но отмечалась она едва-едва, а потом и вовсе растворялась.

Едкий дым заполнял легкие, забивался в горло и нос. Хотелось вдохнуть как можно глубже, чтобы он вытеснил собой все остальное. Но сознание не желало избавляться от впечатлений, перед глазами стояли Юлькины плечи, покрытые бисеринками воды.

Он чуть не сломал ей ребра, сжимая железной хваткой стройное тело, и удерживая себя от желания смахнуть капли рукой, а потом двинуться дальше и скользнуть по розовым полоскам на белой коже, по отметинам, что оставили лямки купальника. Никакой дым не мог затмить, стоящий в носу, тонкий, свежий запах, который можно почувствовать, только придвинувшись к девочке очень близко. И это полотенце, мать его... В меру извращенное воображение смело дорисовало то, что под ним пряталось.

Он готов был убить Лёню за то, что он прикасался к ней. Если тот почувствовал хоть каплю того, что сам Денис испытывал в этот момент...

Он готов был его убить!..

Все это время Юля была для него словно под стеклянным колпаком. В недостижимости. И Денис видел только то, что хотел, отгораживаясь всеми способами. Но почему-то сегодня неожиданно для себя самого получил осязаемый удар по чувствам. Как будто стальным шаром зарядили в лобовое стекло. Оно не разбилось, нет. Не разлетелось на мелкие кусочки, но потрескалось. Покрылось уродливой паутиной и пришло в негодность.

Денис не слышал ни шума фена, ни как открылась дверь. Только Юлин голос смог проникнуть в его сознание, но когда дошел смысл сказанного он крепко стиснул челюсти и остался в том же положении.

— Ты ревнуешь что ли? — Вот, что она выдала, глядя в его спину. Но уже через несколько секунд он лишил ее этого удовольствия, выбросив сигарету и повернувшись к ней. Выражение лица говорило само за себя, он смотрел на нее, как на идиотку.

— Чего? Ты с дуба рухнула?

— К Лёне приревновал? Ну, Лёня, да... — Юля села на диван, невозмутимо порылась в сумке и достала пилочку для ногтей. — Он такой обаятельный. Очень общительный, с чувством юмора. Я бы сказала, занятный... — изобразила на лице нечто мечтательное. На самом деле у нее и в мыслях не было как-то использовать Лёню в своих интересах. Он сам подвернулся. Пришел поплавать, запрыгнул в бассейн, начал с ней заигрывать. Неужели она должна была шарахаться от него как от прокаженного?

— Юля, закрой рот.

Юля закрыла. Но ненадолго.

— Давай рассмеши меня, скажи, что стараешься ради моего папы, — сказала она, не глядя в сторону Дениса, а рассматривая свои ногти. Честно говоря, разговаривать без зрительного контакта было несравненно легче.

— Это закономерно.

— Да, и теплые вещи мне выносишь на улицу ради папы, и... — вынужденно замолчала, потому что в кабинет заглянул Самарин. Но тут же снова закрыл дверь.

— Зайди сюда! — гаркнул Денис, и Юльке стало не по себе.

Витек вошел с видом смертника, готового сложить голову на плаху.

— Витя, отвези Юлию домой, — на удивление бесстрастно проговорил Денис. Убийственно ласково.

То, что последовало далее, снова подкосило Юлину уверенность и напрочь смело ощущение временного триумфа. Жаркие чувства, которые, как ей показалось, испытывал Денис, остались только в ее воображении. Шаурин вытащил из шкафа кожаную курточку, подождал, пока Юля поднялась с дивана, и накинул ее на женские плечи. Только что молнию не помог застегнуть и шарфик на горло не намотал с видом заботливой бабушки. Хотя, вот как раз эту деталь одежды Юля бы не решилась ему доверить, придушил бы он ее этим шарфиком, не иначе.

— Юленька, передавай, пожалуйста, маме большой привет. Сергей Владимирович сказал, что она приболела. Пусть выздоравливает.

— Передам, — сквозь зубы пообещала Юля.

На прощанье Шаурин одарил ее такой улыбкой, что у девочки коленки подкосились. Только присутствие рядом Самарина помогло ей задрать нос, как можно выше.

— Не трусь. — Уже в коридоре Юля пихнула его локтем в бок. — Злой волшебник не превратит тебя в уродливого гнома.

— Угу, — промычал Витя, не комментируя. Знал прекрасно, что настроение Шаурина никак не отражалось на его решениях. Предугадать этого человека невозможно, а только надеяться, что смерть от его руки будет быстрой и безболезненной.

ГЛАВА 22

Весь следующий день Юля пребывала в депрессивно-угнетенном состоянии.

И сама не знала, почему так получилось. Настроение у нее сейчас менялось подобно погоде. То земля под ногами горела, заставляя, как ополоумевшей, нестись вперед, то в душе тучи хмурились, грозясь вылиться дождями слез, то зима наступала, холодив сердце и тело, превращая ее в бесчувственного робота.

Эйфория прошла быстро, оставив после себя знакомую растерянность.

А вчера... Вчера так жарко стало, что до самого дома не сходил с щек пунцовый румянец, и ладони горели, что перчатки не нужны были. Колени странно подрагивали, нервно как-то. Непривычно. И внутри разливалось тепло — непонятное и незнакомое. Особенное.

До сих пор от воспоминаний мурашки бежали по коже. Так, что встряхнуться хотелось, передернуться. А еще хотелось, чтобы это волшебное состояние не проходило.

Когда они, выйдя из спортклуба, сели в машину Витя расслабился. Так и слышно было, как шумно он выдохнул. Юля наблюдала за ним с твердым ощущением, что именно сейчас от его реакции будет зависеть, как сложится их дальнейшее общение.

Витек повернулся к ней, ухмыльнувшись, подмигнул и сказал:

— Ну что, домой? — Почему-то слова его прозвучали ободряюще и по-свойски тепло.

Юля улыбнулась ему. Уже не высокомерно и снисходительно, демонстрируя свое выгодное положение, а по-доброму, не зазнаваясь и не строя из себя дочь босса. Только домой ей в таком состоянии никак нельзя. Нужно потянуть время, иначе Витя в считанные минуты домчит ее до особняка, а там ее ждали любопытные взгляды матери и куча вопросов.

— Я мороженого хочу. Давай остановимся у ближайшего кафе.

Самарин сомневался. Посиделки эти до добра не доведут. Кроме того, на улице уже потемнело, родители начнут беспокоиться, а это, опять же, грозит ему неприятностями.

Машина тронулась медленно, словно водитель раздумывал, в правильную ли сторону он подался.

— Уже поздно... — прозвучало не слишком убедительно.

— Мы недолго.

— Ладно, — уступил Витя.

В кафе Юля заказала мороженое с клубничным сиропом и чай. Ничего не могла с собой поделаться, обожала есть мороженое и запивать его горячим чаем. Мама ругала, говорила, что это вредно для зубов. Самарин тоже посмеялся над ее выбором, ограничившись чашечкой кофе.

Они особо не разговаривали, перекинулись парой слов и все. В мыслях Юлька до сих пор стояла в том углу, зажатая крепкими руками Дениса. Она все еще ощущала их на себе, чувствовала тепло, трепетала от мужского голоса, вмиг утерявшего свою мягкость, ставшего грубым и резким. Стоило признаться, что с таким Денисом, когда он выплескивал свои

эмоции, а не держал их внутри, запертыми под крепкими замками, общаться намного легче.

Юля понимала, что неправильно, когда человек занимает все мысли. Без остатка, целиком и полностью. Так не должно быть, это ненормально, когда в каждом своем действии руководишься одним единственным, словно он, Денис, истина последней инстанции. Но, опять же, для нее это как есть мороженое, запивая горячим чаем, — ничего не можешь с собой поделать.

А на следующий день мама подтвердила ее ощущения. Между ними состоялся короткий, но содержательный разговор. Его нельзя было сравнить с наставлением или, попросту говоря, промывкой мозгов, но смысл нескольких как бы вскользь сказанных Натальей предложений глубоко задел.

— Мужчина должен ухаживать за женщиной. Можно привлечь его, но ухаживать, добиваться должен мужчина.

— Мама, я... — Юля не смогла внятно объясниться.

— Есть вещи, которые человек должен пережить сам. Я скажу тебе только раз и больше не буду. — Наталья взяла паузу, дожидаясь, пока дочь сосредоточит на ее словах все свое внимание. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

В глазах матери Юля видела порицание. Осознание, что мама не одобряет ее поступков и поведения, давалось тяжело, горько. Хотелось кричать и спорить, защищать себя и Дениса, доказать, что мама ошибается, но слова замирали на языке. Девочка чувствовала себя ужасной лицемеркой, в глубине души соглашаясь с матерью в том, что ведет себя противоестественно, даже, в какой-то степени, неприлично и тут же забывая про свою рассудительность, оказываясь наедине с Шауриным. Рядом с Денисом все по-другому. Все не так. Это какой-то другой мир, другая реальность, в которой Юля ощущала себя на верном пути. Ее не мучили сомнения и угрызения совести, она не просчитывала каждый свой шаг, действовала с оглядкой только на свои ощущения, а не на мнение других.

Так и до раздвоения личности недалеко.

Чувствовал себя как в жидком кипящем варе. Это при минусовой температуре за окном.

Весь день носился по городу на предельно допустимой скорости. Хотел вымотать себя, чтобы ни о чем не думать, выполняя бесчисленные поручения Монахова, но это не помогало. Жаль, что невозможно преодолеть скорость мыслей; как жаль, что их нельзя заставить бежать другой дорогой.

Подолгу стоял с сигаретой на улице, мерз у ночного клуба, совершая короткую передышку в своем марафоне, но ледяной ветер и прилипающая к груди стынущая влага не могли выстудить горевший внутри огонек, влив туда привычный холод безразличия.

Сейчас Денис себя не понимал. Чувства, которые вызвала в нем последняя встреча с Юлей, а особенно обстоятельства, при которых все произошло, никак не отпускали.

Знавал разные состояния, но это было похоже на сахарную вату. А он ненавидел сахарную вату. Да, она воздушная, легкая, приятная, с карамельным привкусом. Но вся эта сладость обязательно сопровождалась отвратительным липким ощущением. И если после сладкой ваты, достаточно вымыть руки и лицо, то для того чтобы смыть себя нежелательные чувства сего незамысловатого действия явно недостаточно. Чувства не смоешь мылом в раковину, не вытравишь самым лучшим стиральным порошком.

Говорят, что высшая добродетель заключается в том, чтобы задушить свои страсти. Будь это возможно сделать легко и безболезненно, не было бы войн, междоусобиц; человечество навсегда застряло в каменном веке, никогда не узнав, что такое прогресс. Известно, что только страстные натуры способны к открытиям.

Шаурин не собирался изобретать второй велосипед, но только четко следовать своим ориентирам. И пока их не заволокло туманом, свои собственные страсти требовалось задушить; убрать с дороги все, что могло испортить видимость.

Неожиданно, но именно Юлька стала этой помехой. А Денис не хотел ни на что отвлекаться. Тем более на представительницу слабого пола. И уж тем более на дочь самого Монахова. Слишком часто Юлькин образ стал мелькать у него в голове, а если она и перед глазами будет мелькать...

Шаурин появился в клубе задолго до начала боя. Не спрашивал, как парни провели выходной, с пользой ли, но в решающий день застал Леню в баре. Он сидел, чуть ссутулившись, оперевшись локтями на стойку, и заправляясь водкой.

— От чего лечимся? Похмелье? Стресс? Депрессия? — Денис хлопнул друга по плечу и присел на соседний стул.

— А можно без этих клинических признаков? Что я расслабиться не могу? Это ты на работе, а у меня выходной.

— Можешь, конечно. Расслабляйся. Кто ж против?

С тех пор, как Денис связался с Монаховым, дни перестали делиться на выходные и рабочие. Работа в таком ритме стала чем-то большим — образом жизни, что ли, мышления, новой привычкой, новой формой существования, которая подпитывалась очень хорошими деньгами. Даже слишком хорошими.

Для водки рановато, хотя, чем черт не шутит, может, опрокинуть пару стопок, чтобы отпустило напряжение.

Все же, нет. Не решившись нарушать свои правила, Денис попросил кофе. Праздновать он предпочитал по завершению задуманного предприятия, а не до его начала. Незачем судьбу гневить.

— Слушай, я хотел... — внезапно начал Лёня.

— Не бери в голову. Забей, — сухо перебил Денис, не дав ему договорить.

Словно прочитав мысли друга по его взгляду, решил, что речь пойдет о Юльке, а поднимать эту тему не хотелось. Одно упоминание девчонки подхлестывало эмоции, которые он тщательно гасил в себе, и разжигать их разговорами не стоило. Не нужно, чтобы кто-то копался в его душе, он и сам редко туда заглядывал, стараясь не ворошить все то, что таилось внутри.

— Как скажешь, — косо глянув, отступил Вуич.

Наверняка Денис не ошибся, и Лёня собирался обсудить с ним подробности того небольшого происшествия. Потому и пошел на попятную, что возможности высказаться ему не дали. Не будет у него такой возможности. Ни у него, ни у кого-либо другого.

— Денис, можно тебя? — К ним подошел один из охранников. — Там у нас проблема.

— Что стряслось? — Денис слез с высокого стула и быстрыми движениями одернул черный пиджак и застегнул пуговицы. — Сами не разгребете?

— Без тебя никак. Там одна компания на втором уровне дебош устроила. Еще минута и они друг друга перережут. А нам нахрена эти проблемы?

— Нет никакой проблемы. У тебя оружие есть — стреляй в голову. Вызывай катафалк.

Охранник хохотнул.

Они поднялись на второй этаж. Музыка гроыхала, только вот большинство гостей, вместо того чтобы веселиться и отдыхать, как говорится, лежало мордами вниз среди перевернутых стульев и разбитого стекла.

Парни сработали быстро, всех скрутили, раскидали по углам – это Денис оценил. Но в тот момент, когда он ступил в зал, снова послышалась возня и шум начинающейся драки. Практически обездвиженные мужики сыпали матом и грозились всех перестрелять, как только им представится такая возможность.

— Монаха позови, — приказал охраннику, который шел рядом. — Быстро! — резко подхлестнул его, когда узнал в одном из беспокойных гостей сынка главы администрации города.

Конечно, нахрена им эти проблемы... Разве можно теперь с этим не согласиться?..

Этому засранцу точно на все и на всех плевать с высокой башни, он весь клуб «положит» и скажет, что так оно и было. И ничего ему за это не будет.

Теперь бы как-то аккуратно все разрулить, без крови и беспредела.

— Вова, ну что ты так грубо с таким дорогим гостем? — Денис подошел ближе. — Олег Николаевич, давайте без нервов. Сейчас все решим.

Олег рыкнул что-то нечленораздельное и дернулся. Владимир взглянул на Шаурина, но не решился ослабить хватку, а так и продолжал держать практически скрученного в узел тридцатилетнего мужчину прижатым к стенке.

При ближайшем рассмотрении Шаур понял, что Олег был пьян. Очень пьян. Действительно, чем еще можно заниматься в их заведении? Только алкоголь хлестать да девок тискать. Кстати о девках. Бедные стриптизерши с перекошенными от испуга лицами, сдерживая визг, тщетно пытались спрятаться за шестами.

Денис кивком указал на дверь служебного помещения и они, едва уловив этот знак, со всех ног ринулись из зала, сверкая голыми задницами. Одна даже туфли скинула, чтобы бежать резвее. Скинула и прижала их к груди, словно в ней вдруг проснулась давно забытая стыдливость. Смех да и только...

Понятное дело испугались девицы. Их белеющие обнаженные тела в слабо освещенном помещении представляли собой отличную мишень. И при перестрелке эти «работницы» танцевального жанра, бросившись с криками и визгами по сторонам, собрали бы на себя по пол—обоймы.

— Монаха нет на месте, — тихо сообщил ранее посланный гонец. — Юры тоже.

Вот жеж... Твою мать!..

Значит, надо самому раскручивать ситуацию. Быстро шевелить мозгами, пока эти живодеры не оклемались и не начали разборку.

— Так, — распорядился Шаур, — давайте всех кроме друзей Крапивина вон отсюда. Живо! — А ты, Володя, Олега Николаевича отпусти.

Как только охранник ослабил хватку, Крапивин вывернулся и приложил его лицом к стене. Только сверлящий и замораживающий взгляд Шаурина остановил Володю от того, чтобы он не вскинулся и не ответил.

Сука!.. Денис сам бы с удовольствием рожу этого наглого ублюдка по стене размазал, понимал Вову, у которого аж мышцы от злости и бешенства под черной рубашкой забугрились. Но нельзя. Клиент всегда прав, а этот клиент прав вдвойне.

— Володя, сгинь.

Вова, прижимая ладонь к разбитому носу, исчез. Охрана тем временем уже вытолкала всех посторонних. В зале остались только люди Олега и некоторые из обслуживающего персонала клуба.

— Че за дела, я не понял! Че за быдло тут работает! – зарывал Олег. — Весь день рождения корешу испортили! Хозяина позови!

— Нет хозяина, я за него, — Денис немного повысил голос, пробиваясь сквозь затуманенный алкоголем мозг недовольного клиента. — Олег Николаевич, вот и не будем портить праздник имениннику. Весь этаж теперь в вашем распоряжении, не будем создавать друг другу проблем, любую из них можно решить тихо и спокойно. Вы отдыхаете, мы – работаем. У нас вся охрана с оружием, не дай бог палить начнут мальцы.

— Да ладно, братан, — к Олегу подошел крупный мужчина – молодой, но уже с оформившимся животом. Движения его были ленивые, полные пресыщенности. Почему-то подумалось, что это и есть именинник. — Обошлось же все. Не будем пацанов трогать, они свою работу выполняют, а тех козлов мы потом выцепим.

— Вот и я того же мнения. Все ради Вашей безопасности. — Денис повернулся. Где-то между столиков затерялась официантка. — Чего встала? Быстро наводи порядок! Остальных сюда! – рыкнул, и люди сразу засуетились, спеша выполнить указания.

Ради безопасности... На этого мерзавца ему наплевать, Шаурин беспокоился, как бы Олег со своими братками его людей не перестрелял. В этом зале, наверное, вся охрана клуба собралась. Затевать войну из-за пьяной драки – бессмысленное дело. Тем более, что в результате они получают не просто нелады с законом, а нечто большее. Гораздо большее.

Олег нервно повел плечом, но не стал дальше распаляться. Фыркнул что-то, встряхнулся и оглянулся, присматриваясь, решая, как же им теперь разместиться среди перевернутой мебели. Правда, уборщицы с официантками на пару уже всю работу швабрами и щетками, наводя былую чистоту и блеск.

Мужчина посмотрел в зеркальную стену, провел рукой по волнистым светлым волосам, поправил воротник рубашки — верхняя пуговица у горла была сорвана, — и вдруг повернулся с самодовольной улыбкой на лице.

— Расслабься, — хлопнул Дениса по плечу, глядя какими-то бесцветными мутноватыми глазами, — праздник у нас. А для праздника что надо? Правильно, — ответил сам себе, — бутылка водки, хвост селедки и чтобы позабавиться – девушку—красавицу.

— Нет проблем. Как говорится, «у нас этого гуталина ну просто завались». Организуем все в лучшем виде. И даже компенсацию предоставим за Ваше небольшое нервное потрясение.

— Не бойсь, нервы у меня крепкие.

— Вот и хорошо. Вы располагайтесь, а я решу все вопросы и с водкой, и с «красавицами», — усмехаясь, пообещал Денис.

Матерясь про себя, Шаур отправился дать кое-какие указания администраторше. Ему претило подобное лизоблюдство, но по-другому тут никак. Крапивин не просто сын влиятельного чиновника, у него с Монаховым какие-то серьезные дела, тут либо прогнуться, либо... крови хлебнуть не хотелось...

Интересно, куда сам Сергей Владимирович пропал?

Не было сомнений: что-то случилось, иначе он не уехал бы из клуба незадолго до начала боя. В груди шевельнулась тревога. Только бы не с Юлькой чего...

Как бы то ни было, мысль о том, что с ней могло произойти что-то нехорошее, вызывала

внутри дискомфорта и неудобства.

Денис вытащил телефон, чтобы позвонить Монахову, но передумал. Сергей Владимирович сам связался бы с ним, если бы посчитал нужным. Так что лучше подождать от него вестей.

Лёнька откозырял, снова увидев друга рядом с собой. Испутив вздох облегчения, что все улеглось, Денис достал из кармана пиджака сигареты. Не сказать, что улаживание конфликта далось ему легко, у него самого нервы есть, причем, сейчас выдержка Дениса была далеко не в лучшем состоянии. Так и грозила как та блудливая баба – изменить в самый неожиданный момент.

Только успел прикурить и глубоко затянуться, как к нему подбежала запыхавшаяся официанточка – молоденькая, шустрая, невысокого роста. Денис точно помнил, что несколько минут назад отправил ее наверх обслуживать Крапивина.

— Денис Алексеевич, Олег Николаевич Вас подойти просит.

Девочка его всегда на «вы» называла. Ей, наверное, лет двадцать всего, не больше. Шаурин не сопротивлялся, если ей так удобно, то ради Бога.

— Зачем? – выдохнув дым, спросил он.

— Не знаю я. Попросил, — пожала девчонка плечами.

— Ладно, иди, я сейчас, — затянулся еще раз и затушил сигарету в пепельнице.

— Жарко сегодня? – спросил Лёня, как будто сочувствуя.

— Не говори. Надеюсь, что у шеста танцевать не придется.

Какие только мысли ни посещали его голову, пока он поднимался по лестнице на второй этаж. Ума не мог приложить, зачем он Крапивину так срочно понадобился.

А все оказалось так банально. Олегу вздумалось выпить с ним за здоровье именинника. С какого только перепугу Денис так и не понял. Не горя желанием присоединиться к этой компании, Шаурин попытался отказаться, сославшись на работу. Но Крапивин не принял его отказ.

От судьбы не уйдешь, пришлось сесть за стол, влить в себя коньяка за здоровье и благополучие человека, ради которого и затевалась вся эта вечеринка. Между Шауриным и Крапивиним завязался короткий ни к чему не обязывающий разговор. Однако Денис уже поглядывал на часы, до начала боя нужно еще с Карповым поговорить и со Стасом. Они уже должны были подъехать. На данный момент это важнее, чем распивать коньяк с Крапивиним, хотя более близкое с ним знакомство тоже не повредит.

Наконец через некоторое время он смог от него отвязаться. Выпитая пара стопок алкоголя Денису, как слону дробина, потому особого расслабления он не почувствовал. Наоборот, ожидание начала тотализатора затягивало нутро в тугий узел. Так, словно он сам должен в скором времени встать в одном из углов ринга.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда Монахов вернулся в клуб, на лице у него было озабоченное и встревоженное выражение. Денис сразу это заметил и тут же осторожно поинтересовался:

— Что-то случилось, Сергей Владимирович?

— Наталье плохо стало, дочь позвонила. Давление поднялось, пришлось врача вызывать, — пояснил он хмуро и тут же добавил раздраженно: — Сколько раз предлагал ей поехать сейчас куда-нибудь подлечиться, но она не хочет Юлю оставлять. Ничего скоро у Юльки каникулы, отправлю их отдохнуть.

Незаметно для себя Денис перевел дух. Слава Богу, что с Юлькой все в порядке. Нет

бесспорно, жаль, что Наталью свалила с ног болезнь, да еще и давление поджимает, но как-то, к собственному неудовлетворению, беды младшей Монаховой его волновали больше.

Однако, переживать их Денис готов был только внутри себя, безо всякого внешнего смятения и написанной на лице тревоги. Незачем кому-то знать, что Юля взволновала его так, как может волноваться глубокое море во время шторма. Того и гляди, выбросит на поверхность что-то доселе неизведанное и непознанное. Не факт, что безопасное...

Беспокойство за Юлю никак не уменьшило желания избавиться от непрошенных мыслей о ней же. А стократ увеличило. Вот бы только на деле справиться так же лихо, как хотелось.

А на деле, после беседы с Монаховым, Денис уже не мог сосредоточиться на предстоящем мероприятии. И когда все собрались в подготовленном зале — кстати говоря, Крапивин и его компания тоже оказались в числе приглашенных, что, в сущности, неудивительно, — Денис все еще пребывал в небольшой прострации, передвигаясь между людьми как тень, оставаясь сторонним наблюдателем и не участвуя в обсуждениях.

Очень хорошо, если Юльку отправят на каникулах куда-нибудь подальше. Не будет перед глазами соблазна, а девочка медленно, но верно именно в него и превращалась.

Шаурин так и не мог понять, в чем тут секрет. В какой именно момент это произошло, и он стал испытывать к девочке тягу. Чувствовал себя долбаным извращенцем, ведь ей только «почти шестнадцать». При этом четко осознавая, что чувство это испарится в считанные секунды, если Юлька будет действовать в том же духе. Самое паршивое, что она вела себя с ним открыто и доверчиво, откликаясь на его эмоции. Каким-то образом ей удалось установить между ними понимание и ощущение близости, затронуть что-то в его душе, чему сам Денис не мог подыскать названия. Между ними была особенная внутренняя связь, не имеющая с сексуальным влечением ничего общего.

Когда судья дал знак о начале боя, Шаурин перестал отвлекаться, а устремил взгляд на ринг. Сколько выдержит Карпов? Десять? Пятнадцать минут?

При полном контакте трудно выдержать пять. У Карпова задача куда сложнее и условия другие, зато мотивация хлеще, чем просто очередная победа в спортивном состязании.

Наблюдать со стороны легко. Денис видел, где Саша промахивался, совершал ошибки, когда упустил шанс сбить противника с ног. Но, кроме того, он точно знал, что ощущал сейчас его боец, в полную силу наносивший прямые и скользящие удары по противнику.

Оба парня находились примерно в одинаковых весовых категориях. Карпов чуть меньше по комплекции, а тот грузнее, но при этом менее изворотливый. Они метались по рингу, и в один момент Карпов пропустил удар и потерял равновесие.

Все. Денис был почти уверен, что встать ему не удастся. Стас орал: «Закрывайся!». Карпов, сгруппировавшись, согнул руки в локтях и свел их вместе, стараясь прикрыть не только голову, но и корпус. При такой силе удара, сломанное ребро проткнет легкое и тогда пиши—пропало.

Едва ли Карпов слышал, что кричал ему Шаповалов. Несомненно, он действовал на автомате. В такие моменты не слышишь абсолютно ничего. В ушах шум или звон и среди белого тумана, что завлакивает глаза можно различить лишь только своего противника. Глаза. Почему-то всегда запоминаются глаза. Выражение, с которым смотрит на тебя твой враг. Нужно научиться смотреть в глаза врагу и не ощущать страха. Человеческое сознание — мощное оружие. Сильное натренированное тело — это небольшой залог успеха, но психологическая готовность — важнейшая составляющая.

Карпов бы готов. Он не реагировал на толпу, на подстегивающие крики и свист. Он ни на что не реагировал кроме как на того, кого ему следовало вывести из игры, обезвредить, обездвижить. А для этого ему нужно выдержать совсем чуть-чуть, ведь при такой атаке выматывалась не только жертва, но и нападающий.

Неотрывно следя за бойцами, Денис двинулся вперед и остановился совсем близко от ринга, прошептав короткое «вставай!», едва шевеля губами.

Конечно, Карпов не мог его слышать, но будто почувствовал, уловил то короткое мгновение, когда его враг на секунду задержал удар, чтобы вдохнуть глубже. Используя собственное плечо как рычаг, он вывернулся, выскользнул как уж, и набросился на свою жертву.

Сашка успел немного восстановить дыхание и теперь налетел на почти победителя с утроенной силой. Сам того не желая, он устроил очень красивое зрелище, поднявшись тогда, когда некоторые из гостей уже подсчитывали выигрыш и собирались праздновать победу.

Все. Вот теперь точно все. Карпов не остановится, пока не замолотит парня, не выбьет из него весь дух. Он не проиграет и больше не пропустит ни одного удара. А судья прекратит бой, если один из бойцов будет не в состоянии его вести. Вот только Денис, разъярясь это правило, не уточнил критерии подобного состояния. И условие это смотрелось несколько расплывчато. Кроме судьи есть еще толпа, зрители, от которых немало что зависело.

От такой концентрации людей настроенных на одну волну, казалось, воздух потрескивал и адреналин не только бурлил в крови, но и парил над головами.

Денис на секунду прикрыл глаза и выдохнул с облегчением. Он и сам, как Карпов, ничего не видел вокруг и не слышал. Взгляд его ограничился только рингом, словно он смотрел фильм, именно фильм, без особых переживаний, созерцая грамотную постановку с умело наложенным гримом на лицах актеров.

Но кровь не была искусственной, а гематомы и синяки, покрывающие мужские тела – не бутафория.

Когда все закончилось, Шаурин направился в комнату, куда увели Карпова. Врач уже суетился у стола, разбирая большую аптечку. Сам Александр сидел на кушетке и смотрел вперед невидящими глазами. Все его тело еще дрожало от напряжения, а зубы клацали друг о друга, будто его бил озноб. Он попытался приложить ладонь к залитому кровью лицу.

— Саша! – Денис громко окликнул его.

— У него шок, — пояснил доктор.

— Семеныч, давай коли его! – поторопил Шаурин. – Саша! Посмотри на меня! – Взял полотенце и приложил к его лицу, стер кровь, что струилась из рассеченной брови, заливая глаз. – Слышишь меня, Карпов?

— Его осмотреть сначала надо, — попытался возразить врач.

— Потом осмотришь, его же не сразу отпустит, так что успеешь ощупать его с ног до головы.

Сашка, кажется, пришел в себя, сипло сообщил:

— Нормально все. Нормально, — кивнул и тут же скривился, опустив голову.

— Молодец! Вот и молодец! – сказал Денис, несильно сжав плечо парня.

— Ложись, — сказал Стас и, придерживая под спину, помог Сашке откинуться на кушетку.

Лёня, стоящий тут же в дверях, наблюдал за действиями Дениса немного озадаченно.

— Водки хочу, — прохрипел Карпов.

— Лёня! – оглянулся Денис.

— Нельзя, — препятствовал Семеныч, вводя иглу в вену Карпову. – Ничего, расслабься, сейчас обезболивающее подействует.

— Лёня, давай бегом, — настоял Денис. — Семеныч не кипятись, подумаешь, проблюется. Нервишки-то надо успокоить человеку. Не будь садистом.

Вуич исчез и через пару минут вернулся с бутылкой водки.

— Извини, Шурик, закуси нет. – Свернул крышку и налил полстакана.

Какая закуска... Карпов одним глотком влил в себя содержимое стакана, не поморщившись и не чувствуя вкуса. Даже желудок не обожгло, словно он воды хлебнул, а не крепкого алкоголя.

— Ладно, Семеныч, ты обработай его, а потом отвези к себе. Пусть отлежится.

— Не волнуйся, приведем мы его в чувства, дня через два будет как новенький.

— Как новенький – это хорошо.

Шаурин оставил Семеныча справляться со своим пациентом, а сам отправился в уборную, чтобы вымыть руки.

— Чего это ты с ним так нежно, я думал у вас какие-то непонятки, — поинтересовался Вуич, вышедший следом.

— Лёня, у меня таких «непоняток» знаешь сколько? – Глянул, не запачкал ли в крови, выглядывающие из-под рукавов пиджака манжеты белой рубашки. – Хоть батарею выстраивай. Если я из-за каждого буду нервничать, поседею раньше времени. Шурик сейчас как золотая вошь на теле пролетариата. Его беречь нужно.

— Ну, да, — вяло согласился Лёня. – Золотая вошь...

ГЛАВА 23

— Наташ, — проговорил Монахов, остановился у шкафа и, перекидывая галстук через шею, посмотрел в зеркальную дверцу на свое отражение, – тебе надо куда-нибудь съездить отдохнуть. И не просто на пляже позагорать. А какие-нибудь оздоровительные процедуры пройти. Спину подлечить, иммунитет поднять. Если успею, заеду сегодня в турагентство, попрошу, чтобы девчонки нашли подходящий вариант.

— Сереж, сейчас не самое лучшее время для поездок.

Наталья лежала на кровати поверх покрывала, подложив под голову маленькую подушечку. Глаза следили за тем, как ловко муж справлялся с пресловутым «виндзором».

Хворь немного отступила, но горло еще сипело, а боль сдавливала затылок, отнимая всякое желание шевелиться. Как-то резко свалил ее очередной сезонный вирус. Очень беспокоилась Наталья, чтобы домашние не заразились.

— Почему? – Сергей поймал в зеркале взгляд жены, грустный и немного затуманенный мигренью. — Я это уже не в первый раз слышу, но так и не понял, в чем причина. Дай мне конкретный ответ на конкретный вопрос, не надо ходить вокруг да около, я этого не люблю и голову ломать над твоими причудами не собираюсь.

В голосе Наташа сразу узнала знакомые безапелляционные нотки. Как обычно, надеяться на полное взаимопонимание не приходилось. Иногда Сергей занимал позицию, которую переломить не удавалось. И хотя с годами у него поменялся взгляд на многие вещи, по большей части, свое собственное мнение он считал единственно верным.

— Как я Юлю оставлю посреди учебного года? У нее сейчас настроение непонятное,

возраст сложный, — вздохнула женщина.

Несмотря на то, что стрелка часов давно перевалила за полдень, Наталья так и не сняла пижамы, провалявшись первую половину дня в постели. Такое времяпрепровождение порядком надоело и от бездействия, казалось, тело ломило еще хуже, чем от болезни. Быстрее бы встать на ноги и войти в прежнюю колею. Чего она по-настоящему боялась, так это заработать какое-нибудь осложнение и загреметь в больницу. Потому и не спешила забрасывать лекарства подальше при первых же признаках улучшения состояния.

— А я и не говорю Юльку бросать. — Мужчина поправил узел у горла и повернулся лицом к жене. — Четверть закончилась, езжайте на пару недель вместе. И дочь расслабится, а то ходит как нахохленный цыпленок.

— Ну, еще бы! — Наталья приподнялась, распрямила спину и спустила ноги с кровати. — Пока к новой школе привыкнешь. Не хочет она ехать, я что — связать ее должна, что ли? — приложила руку к горлу, почувствовав, как у его основания скопился ком, вызывая желание прокашляться.

— А чего там привыкать? Школа, как школа. Точнее гимназия. И мало ли чего она не хочет. Принцесса, — сурово ответил Монахов и встряхнул пиджак перед тем, как надеть его.

Серо-стальной цвет костюма, оттеняя глаза, делал их такими же непроницаемо-серыми без намека на зеленый. Странно как-то. В молодости, да и сейчас тоже, Наталья часто смотрела в глаза мужа, пытаясь дать четкое определение цвету, который они имели. Разве бывает в жизни серо-зеленый цвет? То ли серые они, то ли зеленые, а на холоде голубыми становились, словно их морозным инеем подергивало. Наверное, это единственная метаморфоза во всем облике Сергея Владимировича Монахова. В остальном он был постоянен — тверд и неуступчив.

— Это тебе кажется, что все просто, а для ребенка целая трагедия. Забыл себя в детстве? Новые люди, все по-другому, я уже не говорю, что нагрузка в этой гимназии просто аховая.

— Я не вижу, чтобы Юлька сильно напрягалась. По городу болтаться у нее есть время, значит и на учебу его хватает. Пусть учится, от знаний голова еще ни у кого не лопалась, череп не арбуз, не переспеет.

— Не может же она сутками за книжками сидеть, — настаивала жена. — Я, например, не хочу, чтобы Юля убивалась за учебниками только ради того, чтобы показать мне табель с пятерками в конце года. Давай будем откровенны, в университет она и без этого поступит.

— Меня отец за каждую двойку порол.

— Сереж, — Наталья скривилась, с выражением скептика поджимая бледные губы, — ты глупости не говори сейчас, пожалуйста.

В спальню заглянула Юля и улыбнулась:

— Мамуль, ты как?

Монахов прекратил разговор, когда дочь ступила в спальню.

— Ничего, милая, получше, — ответила Наталья и Юля, не боясь подхватить грипп, приникла к ней, целуя в щеку.

— Я бутерброды сделала с красной рыбкой, пойдемте перекусим. — Переключила свое внимание на отца. Окинула его придирчивым взглядом, легкими движениями смахнула пылинки с лацканов пиджака. Губы отца тронула мужественная улыбка. Взгляд при виде дочери смягчился, и в ответ она улыбнулась еще шире. Любила этот момент, когда отец собирался уезжать из дому; следила с удовольствием за его действиями — как он застегивал пуговицы на манжетах рубашки или вдевал запонки, завязывал галстук, натягивал пиджак на

широкие плечи. И стойкий жесткий аромат его парфюма она любила, когда он еще не разошелся по воздуху, а стоял плотной завесой, оседая постепенно. Тогда Юля обнимала отца крепко-крепко, позже чувствуя на руках и своей одежде запах отца. Это ощущение ее сопровождало с самого детства. Отец всегда щепетильно относился к своему внешнему виду. Не ходил в свитерах с вытянутыми рукавами или лоснящихся брюках. И костюм носил по-особенному, как парадную форму, что ли, и туфли обязательно до блеска начищал.

— Странные у вас желания, — усмехнулся Монахов предложению дочери.

— Смотреть уже не могу на мед, малину и все эти травяные отвары. Хочется чего-то...

— Наталья поднялась с кровати.

— ...чтобы поразить воображение, — закончила за нее Юля.

— Что-то типа этого, — согласилась мать.

На кухне их ждал накрытый стол. Юля обо всех позаботилась. Налила себе и отцу по чашке чая, для матери сварила кофе. Всем насыпала по две ложки сахара.

— Юля, мы тут на днях поговорили с мамой... — Сначала Сергей Владимирович не собирался налегать на бутерброды с соленой рыбой, хотя она скорее малосольная. Но жена и дочь так аппетитно и с удовольствием ели, что и он поддался искушению.

Ох, как Юлька не любила, когда кто-то из родителей начинал свою речь с этих слов! Это всегда пугало, потому что обычно в таких случаях планы у родителей были далеко идущие и касались не просто каких-то заурядных бытовых вопросов. Другим языком, отцовские слова означали «мы все решили и возражения не принимаются». Именно это вызывало в Юльке неизменный душевный протест.

— ...что после окончания школы ты поедешь учиться в Лондон.

— Куда?! — Юля округлила глаза и забыла глотнуть чая. Чашка застыла у рта.

— В Англию. В Лондон. Ты же когда-то сама об этом мечтала.

— Папа! Я в пятом классе мечтала стать космонавтом... космонавткой. И что с того? Вы меня в космос отправите, даже не спросив и не посоветовавшись со мной?

— Юля, прекрати, — остановила ее мать.

— У меня с английским не очень хорошо. — Юля посмотрела на маму с неммым укором. Та и словом не обмолвилась, что упомянутый отцом разговор состоялся. Юлю поставили перед фактом, лишив возможности выбирать самой. Внутри она вздрогнула от перспективы в будущем покинуть родной город. С недавнего времени планы ее кардинально поменялись. В них появилось очень важное звено.

— У тебя же пятерка, — некстати вспомнила мама.

— Пф-ф, пятерка... — фыркнула Юлька. — Я просто зубрю и регулярно делаю домашнее задание, но у меня нет, как говорит наша учительница, чутья языка.

— У тебя впереди еще два года. Наймем репетитора, за это время можно язык в совершенстве выучить и чутье у тебя появится, — тоном, который Юля терпеть не могла, сказал отец.

— То есть — права выбора у меня нет? И вам не интересно знать, куда бы я хотела поступать и где учиться.

— Время у тебя есть, выбирай. В пределах названного города, — отец опустил чашку на блюдце, и она звякнула, словно поставила точку в разговоре.

— Ладно. И, правда, чего спорить, времени у меня полно. Целых два года. Просто мне думается, что рановато вы об этом заговорили, за два года может все измениться, — Юля отступила. Злить отца точно не нужно, иначе он упрется, и тогда здравствуй туманный

Альбион.

— Оставь свою философию. Не стоит будущее пускать на самотек. Чтобы чего-то достичь, нужно это запланировать, а не жить как аморфное существо, мечтая выиграть в лотерею.

Юля вздохнула, заставив себя промолчать, допила чай и спросила у матери:

— Мам, ты сегодня снова за бортом?

— Скорее наоборот.

— Ладно, пойду Витьку позвоню. Не хочу ехать в клуб поздно, а то его начинает кондрашка от страха бить. – Вышла из кухни.

— Витьку? – переспросил Монахов, посмотрев на жену.

— М—мм... — кивнула она. – Витек – это Виктор Самарин. Самара, как вы его называете, мальчик, который Юльку возит.

— А что за выражение неопишуемой радости на лице?

— У Юльки?

— Не у меня же.

— Ну, а кто виноват, что дочь вынуждена искать себе «подружек» среди твоего служебного персонала? Она мало общается со сверстниками, почти никуда не выходит из дома, — приостановилась Наталья и с невинным выражением на лице выдала провокационное: — Глядишь, она и жениха себе среди твоих парней присмотрит...

— Ты что такое говоришь?

— Да ничего такого, — с усмешкой отмахнулась от слов мужа и пожала плечами. — Пора прекратить шестнадцатилетнюю девочку в пеленки заматывать. А ты с каким-то маниакальным рвением пытаешься запереть ее в четырех стенах и оградить от всего мира. О какой за границе может идти речь, если она без твоего разрешения за пределы ворот особняка ступить не может? Но, впрочем, я сейчас не собираюсь устраивать из этого дискуссию. Просто к слову пришлось.

Муж глубоко вздохнул, но то, что он собирался сказать, так и осталось в его голове, потому что в дверях снова появилась Юля.

— Ой, пап, ты еще здесь?

— Уже уйду. — Монахов встал со стула, обнял дочь, слегка стиснув ее плечи.

— Мам, мне надо с тобой поговорить.

— Сейчас, подожди. Папу провожу.

Наталья ушла захлопнуть за мужем дверь, а Юля тем временем сполоснула чашки. Она знала, как начнет разговор, но с волнением ждала, как он закончится, и очень надеялась, что мама поймет и не станет препятствовать ее стремлению.

— О чем разговор? – спросила Наталья, когда вернулась. Юля старательно вытирала крошки со стола. Даже слишком старательно. — Что-то ярко блестят у тебя глазки, моя родная.

— У Дениса скоро день рождения и я хочу подарить ему подарок. – Юлька наконец прекратила протирать дырку в столе и обратилась к матери. – Как ты на это смотришь?

— Ну что ж, — на счастье Юли одобрила Наталья, — сама идея хороша. Подарки всегда приятны. Вопрос в том, что именно ты собираешься ему подарить.

— Хм-м... — глубоко вздохнув, Юлька набралась смелости, — только не говори сразу «нет».

— Почему ты уверена, что именно это я и скажу?

Когда Юля призналась, что именно решила подарить Денису, то получила в ответ ожидаемый категоричный отказ.

— Юля, это слишком. Нет-нет и еще раз нет.

— Мама, я понимаю твое возмущение, — деловито начала девочка переубеждать мать. — Но для меня это важно. Я хочу подарить его именно сейчас, потому что на следующий год у меня уже может не быть такой возможности. Согласись? Я не знаю, как все будет дальше. Это больше для меня самой, чем для него. Ну не пену для бритвы же ему дарить!

— ...это просто триндец! А еще дочь мента называется! Все знает! Где достать и как косячок забить. Мы сначала, конечно, сопротивлялись, а потом любопытство взяло верх, что же это за травка такая веселая. Короче говоря, решили попробовать, Любка принесла травки, покурили мы в туалете на большой перемене. Не, не вставило нас, никакого веселья мы не почувствовали, разочаровались и пошли на пару. Вместо бодрости и кайфа получили другое. Нас развезло так, что некоторые из девок заснули прямо на паре. Хорошо, целый поток сидел, вроде как и не заметно. А Элька была в шикарном белом костюме. Таким белоснежном-белоснежном. И перед парой, чтобы перебить запах изо рта зажевала жвачку. Не помню, что за жвачка, но была она такого ядовитого зеленого цвета!.. Выпала она изо рта и хана прекрасному Элькиному костюму. Получила Элька себе на грудь сверкающую зеленую медаль. Я, естественно, предложила хорошо известный способ, положить пиджак в морозилку и потом отколупать застывшую жвачку. И вот тут нас, вернее их, понесло. Не знаю я, что именно их так развеселило, но девки стали ржать так, что препод лекцию остановил. Видать, все-таки травка подействовала...

— Вера, ты заткнешься когда-нибудь или нет?

Хвала небесам, в комнате воцарилось гробовое молчание. Верочка замолчала, очевидно, насупившись. Было слышно, как изменился ритм ее дыхания, став тяжелее, вероятно, от поглотившего ее недовольства.

Уже минут пятнадцать Денис лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и мечтал, чтобы Вера прекратила рассказывать свои байки. Глупая история про то, как девочки решили курнуть травки, ни капли не впечатлила. Хоть убейте! Был точно уверен, что как только наступит тишина уйдет и его раздражение. Только вот когда женский голос прекратил звенеть в ушах, ничего не изменилось. Ни-че-го. Верочка даже молча тихо и незримо подбешивала его.

Где же то долгожданное спокойствие, которое он надеялся обрести после этой ночи? Сегодня его не было. Не чувствовалось в теле приятной истомы после секса, а мозг не был сонным и ленивым. Раздражало всё: Веркино шевеление рядом, звук соседской дрели за стенкой — как обычно, кто-то решил, что именно утром и именно в это воскресенье самое время для ремонта, — слишком узкое одеяло, в которое он не мог завернуться как в кокон. Причем, дрель действовала на нервы меньше всего.

— Если я тебя так раздражаю, зачем ты приходишь? — словно прочитав его мысли, спросила Вера обиженно, глядя на свои круглые коленки. Сидела она, притянув их к груди, опершись на спинку кровати.

— Станный вопрос. — Денис встал и набросил на себя одежду так торопливо, словно боялся куда-то опоздать. Вера не поднялась, не проводила его на кухню, чтобы предложить

завтрак. А он и есть не хотел, хотя в желудке урчало.

Двигаясь, будто не по квартире, а по полю с лежалыми костями, Шаурин налил стакан воды и остановился посреди кухни. В знакомой обстановке кое-то изменилось. Новые шторы. Он еще вчера заметил рассыпавшиеся по белой ткани аляпистые цветы. Наверное, так Верочка решила компенсировать свою неспособность к выращиванию комнатных растений. Единственный представитель флоры, кажется, декабрист, совсем не радовал пышной зеленью. Его кожистые, некогда сочные ветки потускнели и покрылись морщинками.

Этот цветок достался Вере от бабушки, перешел по наследству вместе с квартирой. Везет же некоторым... Шаурину ничего не доставалось в жизни просто так. И вряд ли фортуна когда-нибудь побалуует. Его бабушки умерли давно. Одна из них ютилась в коммуналке, а вторая в небольшой двухкомнатной квартире, которую мать продала сразу после того, как оформила приватизацию. Продала и съехала в пригород, в небольшой домик. Денис ничего не узнавал специально, но кое-какие новости просачивались.

Взгляд задержался на цветке дольше, чем было необходимо. Не то чтобы Верочка совсем безалаберная хозяйка, нет, она регулярно поливала его, рыхлила, подкармливала удобрениями, но растение все равно постепенно увядало. Чего-то ему не хватало.

Денис выплеснул в горшок оставшиеся полстакана воды и услышал шаги за спиной. Почувствовал решимость подружки затеять серьезный разговор или нечто похожее. Она это умела. Когда повернул голову в ее сторону, увидел в глазах математическую формулу.

— Ты с ним разговариваешь? — Лучше поговорить о космосе, о дрожащих в небе звездах или о том, что с цветами нужно говорить, чем про то, что хотела сказать ему любовница.

— С кем? — Ее лицо тронуло недоумение.

— С цветком.

— Чего?

— Таня говорит, что для того, чтобы цветы росли лучше с ними нужно разговаривать.

— Шаурин, что за бред?

— Может и бред.

Вера вздохнула, решая в уме свою головоломку.

— У тебя проблемы?

— С чего ты взяла? — Руки стянули рубашку, которая до этого свободно висела на плечах, распахивая грудь.

— Ты какой-то... напряженный.

С нелюбимой женщиной нельзя расслабиться, ясно высветилась мысль в шауринской голове. Только с каких пор Вера стала «нелюбимой»? Она и любимой-то не была...

— Бывают в жизни огорчения... — мелодично сказал Денис.

— Нельзя так относиться к людям.

— Как? — ответил вопросом и вернулся в спальню.

— Как ты это делаешь! — с надрывом высказалась Верочка и, конечно, пошла следом.

— Зачем так сильно обобщать — говорить такими широкими понятиями? Ты себя имеешь в виду? Хочешь сказать, что я плохо к тебе отношусь? — Взял со стула слегка помятый пиджак.

— А что хорошо? — Она смотрела, как он надел его, пиджак, — быстро, слегка небрежно. Так, как это делают довольные собой и положением вещей люди. Люди, чувствующие себя свободно.

— Верочка я к тебе со всей душой. И телом тоже.

— Хоть бы не издевался. — Девушка сцепила засуетившиеся пальцы, так и норвящие скользнуть в каштановые волосы. — Нужно хоть немного любить тех, кто рядом.

— Делать — что? — спросил Денис и изобразил на лице, будто силится что-то вспомнить — давно забытое, а может и вовсе неизвестное. — Ты начиталась романтической литературы? Не все в мире строится на любви. Перечитай «Преступление и наказание» и твое временное помешательство пройдет.

— Почему ты так яростно отрицаешь это чувство?

— Я не отрицаю. Я ничего не отрицаю. Просто не нужно искать там, где его быть не может. Даже... — вот тут ему пришлось сделать усилие, чтобы продолжить, — не у всех родителей есть способность любить своих детей. А ты говоришь о каких-то аморфных чувствах к каким-то людям, которые рядом. Не слишком ли неопределенно? Эти разговоры, Вера, между нами уже неуместны.

Вера пожевала губами, не решаясь продолжать. Но Денис не убежал на полуслове.

— Ответь мне, что такое любовь? Только не связывай с ней свои сексуальные потребности, — его губы дрогнули — не то насмешливо, не то брезгливо.

К огромному сожалению, Вера не смогла с ходу подобрать убедительное определение. Она жалела, что завела этот разговор. Завтра ее теперешнее состояние пройдет, но иногда она уставала томиться только телом и начинала томиться душой...

Денис с ехидцей усмехнулся ее молчанию:

— Витаешь ты, Верочка, в эмпиреях.

— Почему тебе нужно обязательно вывернуть все наизнанку?

— Я не выворачиваю, это ты подходишь с другой стороны. Пытаешься привить мне что-то, словно вывести другой сорт, — невольно перешел на ботанику, наверное, слишком долго смотрел на цветок, стоящий в кухне на подоконнике, — усовершенствовать, как тебе кажется, превратить из ущербного в нормального! А тебе не приходило в голову, что меня устраивает такое положение дел и мне вот так живется прекрасно? — раскинул руки в стороны. — Ты меня столько лет знаешь, неужели думаешь, что найдешь что-то новое?

— Ничего я не думаю, — отреклась девушка от своих мыслей. — Что в тебе можно найти нового?

— Только не надо говорить таким жалостливым тоном. Это не в твоём духе, — сухо и цинично сказал Денис.

— Неужели я не заслужила хотя бы уважения?

— Верочка, а ты не солдат, ты — доброволец. — Он уже стоял в прихожей, одетый в пальто, и оглядывался в поисках ложки для обуви.

— В тумбочке, — подсказала Вера, — в верхнем ящике.

Денис не двинулся с места. Никогда не шарил у Веры по шкафам и сейчас не собирался. Девушка фыркнула. Резко дёрнула на себя ящик и вытащила ложку с таким видом, что Шаурин боялся получить ею по лбу.

— Спасибо.

Выступление Верочки, в общем-то, не удивило. Она, вероятно, почувствовала его раздражение и разнервничалась. Сам Денис тоже, вместо того чтобы нежиться в приятных эмоциях пережитой ночи, бродил необъяснимой злостью. Желание покинуть эту квартиру горело в нем так сильно, что если бы на улице лежал снег, то Шаурин оставил бы на нем свои протаявшие следы.

Но снега на улице не было. Только земля залубенела и яркое, но уже беспомощное ноябрьское солнце не в силах было ее отогреть. Выйдя на улицу Денис глубоко втянул воздух. Дышался он легко, словно пился как вода. Не хотелось сразу садиться в машину — как будто в холодном салоне его настигнет духота, — но стоять здесь, у этого дома, хотелось еще меньше.

Шаурин не любил зиму.

Но осень он не любил больше – за слякоть, за лужи, за сырой промозглый ветер. Оттого хотелось, чтобы она, зима, пришла быстрее и прикрыла всю грязь белым саваном. Может быть, поэтому и настроение у него такое; поэтому в груди тоскливо сжималось, потому что за окном тоже – тоскливо.

Деревья без листвы стояли сиротливо и обездоленно. Их ветки, хрупкие, заоченелые от холода, стали похожи на проволоку. Только ели невозмутимо зеленели. Им было все равно, какой месяц на календаре.

Хотел бы Шаурин быть таким же невозмутимым – всегда. Чтобы ничего не тревожило и не касалось сердца.

Не всегда он сразу и легко реагировал на обстоятельства, как сейчас. Раньше, каждая новая перемена – как новая жизнь. Сколько у него их было, таких маленьких новых жизней...

Считать не пробовал.

Чертыхнулся про себя. Сейчас ему было чем заняться и о чем подумать; сейчас имелись конкретные проблемы, требующие четких решений, а он вместо этого громоздил в голове мысли о тоске и невозмутимых елях. Смотрел в окно и под грубоватый голос Маркелова предавался непонятному, несвойственному ему унынию.

А вот вам, бабушка, и Юрьев день!

У клуба остановилась черная машина. Минутой позже из нее вышла Юля. Денис тут же отметил про себя, что надо сказать Самарину, чтобы тот не возил ее на переднем сиденье. Опасно это.

Затушил в пепельнице сигарету, не выкуренную и до половины. И курить-то не хотелось. Затянулся всего пару раз. Нужно было чем-то заняться, пока Маркелов висел на телефоне.

Наконец щелкнул рычаг, Андрей положил трубку.

— Наговорился? – повернувшись, спросил Денис.

— Не проконтролируешь людей – обязательно накосячат.

— На то они и люди – чтобы косячить. Главное, чтобы это не сильно дорого обходилось.

— В том-то и дело. Я, кстати, у Карпова был сегодня. А он ничего, бодрячком. Ты ему сказал, что следующий бой тоже его или бережешь от впечатлений?

— Я тоже у него был. А чего бы у Семеныча и не бодрячком. Лежит как в райских кущах. Сказал, конечно.

— А он что?

— Настраивается.

За дверью прошуршало. Через мгновение появилась Юля. Бодро впорхнула, словно

птичка, которую спугнули с ветки.

— Привет.

— О, здорово, Юль! Тебя каким ветром?..

— Попутным, Андрюша, попутным. Я хотела в тренажерный зал сегодня сходить. А то погода на улице как-то не способствует пробежке. — Улыбнулась, сбросила куртку. Вроде бы не сделала ничего особенного, никаких лишних движений, но ее присутствие тут же поменяло тональность голоса Маркелова и саму атмосферу в кабинете.

Не исключено все же, что это лишь игра воображения Шаурина. Слишком он стал пристрастно к ней относиться.

— А что физкультуры у вас нет в школе? – Нет, Маркелов, определенно, подтянулся при виде Юльки. Выпрямил спину, чуть съехал на край стола, на котором до этого сидел, как на лавке в парке, и уперся каблуками в пол, чтобы, вероятно, почувствовать под собой почву.

— В этой школе есть все! Но физкультура там постольку-поскольку. Кто желает заниматься спортом нормально, ходит на секции. А на уроках мы сначала толпимся в спортзале, потом пять минут разминки, которую и разминкой сложно назвать, после чего делимся на команды и играем по очереди в волейбол. А волейбол я не люблю.

— Юль, да брось ты эти тренажеры! Пойдем лучше с нами в бильярд поиграем.

— Хм... — Она посмотрела на Дениса, который так и стоял молча. Только смотрел взглядом, от которого ее бросало в краску. Или ей просто казалось, что смотрит он на нее по-особенному. Очень хотелось, чтобы это было именно так. – Не хочу вам мешать. Да и игрок я, мягко говоря, не очень хороший.

— Да ладно! Это ж «американка». С Гришкой помнишь, как играли раньше?

— Помню. – Ее взгляд помутнел от грусти.

— Скучаешь по нему? – неуверенно спросил Андрей.

— Да, — так же неуверенно ответила Юля. Стыдно признаться, но с появлением Дениса о погибшем Грише она стала думать намного реже. – Но мы с ним последнее время плохо ладили.

— Да?

— Да.

— Почему? – вдруг спросил Денис.

Спроси об этом Маркелов, Юля не стала бы отвечать – о мертвых либо хорошо, либо ничего, — но вопрос со стороны Шаурина показался хоть и странным, но почему-то важным.

— Он стал очень грубым, — нехотя призналась она.

Продолжить и развернуть ответ не попросили, да и сама Юля решила закрыть эту щекотливую тему.

Гриша в последнее время стал, действительно, очень грубым и несдержанным. Отец всегда старался оградить Юлю от их мира, от того, чем он занимался. Гриша же, наоборот, перестал подбирать слова и не стеснялся в выражениях. Ужас на лице Юльки стал его забавлять, доставлять какое-то непонятное удовольствие. Мотивов его она так и не разобрала — жизни ли ее хотел научить, похвалялся ли своими возможностями творить под крылом старшего брата, Юлиного отца, беспредел.

— Ну-у... — неумело начал Маркелов выражать свое сочувствие.

Денис молчал.

— Играем? – бодро сказала Юля, уверенно взяв кий, прерывая разговор.

— Конечно, — спохватился Маркелов, будто проснувшись от спячки. Забегав вокруг стола, он начал выстраивать шары в пирамиду.

— Сделай его, крошка. Накажи этого пьяного попугая. Он мне уже всю плешь проел. — Денис положил руку Юле на плечо. И, скорее, не положил, а свесил, потом согнув в локте, притискивая таким образом девочку к себе. Это было не объятие, а скорее захват — фамильярно—свободный, грубоватый. Не тесный, но вызывающий в теле теплые чувства. До ломоты в костях.

Юля не могла прижаться к нему крепче, как ей того хотелось, или как-то по-другому ответить, но воспользовалась возможностью словно невзначай коснуться. Она оттянула все еще намотанный на шею тонкий розовый шарф, попутно на какие-то доли секунды задержавшись пальцами на мужском предплечье.

— Где Самарин? — Денис отпустил девочку. Маркелов уже справился с пирамидой, но, благо, в их с Юлей сторону заинтересованные взгляды не кидал.

— Он отъехал по делам, пока я здесь. Скоро будет.

Денис кивнул в ответ. Вгляделся ей в лицо. Румянец еще не сошел с ее щек, глаза были распахнутые, светящиеся тайным удовольствием.

У огромного стола Юля немного растерялась. Сто лет уже не играла в бильярд и чувствовала себя слегка скованно. Вот если бы ей дали в руки карты... Показалось, что Денис тоже особого азарта не проявлял. Андрей же, получив право первого удара, залихватски щелкал по шарам. Юлька была бы рада, выбей он все восемь.

— Юль, как в новой школе дела? Привыкла?

— Это ты меня так отвлекаешь? — Юля не могла настроиться на удар, когда подошла ее очередь.

— Нет, ну что ты! Просто интересуюсь, — довольно ухмыльнулся Андрей.

— Конкретизируй вопрос, — деловито уточнила Юля.

Денис, глядя на нее, усмехнулся.

Андрей, как и просили, конкретизировал:

— Нашла новых друзей?

— О, да, — иронично сказала Юля. — После того, как ответила на один всех интересующий вопрос.

— Какой?

— «Кто твой папа?»

— И что ты ответила? — спросил уже Денис, опередив Андрея.

— А что я могла ответить, как вы думаете? Сказала, что мой папа владелец заводов, газет, пароходов, — облегченно вздохнула Юля.

Она и в новой школе вздохнула так же — свободно. Потому что перестала выделяться из толпы. В этой гимназии учились дети «избранных». Никого не удивляли дорогая машина и собственный водитель впридачу; не шокировали стоящие у дверей охранники.

— Нормальный ответ, — одобрил Маркелов.

— Я тоже так думаю, — согласилась Юля и посмотрела на Маркелова. Он всегда вызывал в ней улыбку, казался смешным. Похожим на клоуна. Не потому что кривлялся. Потому что у него был немного вытянутый подбородок и полные губы, которые он часто складывал бантиком.

Юля заплела косу и перекинула ее за спину. Уже не в первый раз. Но волосы все равно постепенно расползались по спине и плечам. Мешали. Иногда хотелось помочь ей. Эта

мысль в голове Дениса возникала невольно. И не мысль это вовсе, а желание. Желание стянуть ее волосы, взять их в пригоршни, снова почувствовать приятные ощущения в ладонях. Ему, как тому цветку у Веры на кухне, стало тоже чего-то не хватать. И рядом с Юлей было понятно, чего именно. Ее самой.

Это не открытие, но в этом трудно признаться. И мир Шаурина переворачивался с треском, с хрустом. Он скрипел, как заржавелый закостенелый механизм. С каждым Юлькиным взглядом, с улыбкой и мимолетным прикосновением скрип этот становился все слышнее и яростнее.

Удивительно: спокойствие, которое он не смог найти с Верой, которое так и не удалось получить с помощью сексуальной разрядки, возвращала Юлькина улыбка. Что само по себе было парадоксально; ведь именно она стала источником его метаний, причиной внутренней неловкости и разлада с самим собой.

Считается, что мир человека — это его окружение. Родственники, друзья и просто близкие люди. Это не так. Мир человека — это он сам. Только он — его мысли, чувства, переживания. Ни родители, ни братья-сестры не являются «миром», потому что зачастую не оказывают никакого влияния на внутреннюю мыслительную работу. Человек учится жизни только своими ощущениями. Ближнему не дано в них проникнуть, но кому-то постороннему — вполне. Он может вломиться туда без предупреждения, ворваться, взорвать барьеры. А может войти тихо и незаметно. Как Юля. Поселиться в тайном, забытом, самом далеком уголке души и изучать мир-механизм изнутри, дожидаясь нужного момента, чтобы разрушить все, когда этого совсем не ждешь и не готов дать отпор.

Юля, она вошла тихо, почти неслышно — с трезвым взглядом на жизнь и улыбкой ребенка. У нее не было сил и возможности сделать это громко. Для этого девочка не обладала женской напористостью и наглостью; не знала, что такое искушенность и умение играть человеческими чувствами. Зато в ней чувствовались закаленный стержень и внутренняя сила; способность находить общий язык с окружающими и поражающая способность радоваться мелочам. И еще было в ней одно очень ценное качество — искренность, не изуродованная сытостью. Впрочем, голодом искренность тоже может быть изуродована.

Юля вошла в его душу не вчера. Не в белом полотенце. И не в ту летнюю ночь, когда оттаскивала от него свою мохнатую псину. Она протиснулась к нему в сердце семилетней девочкой — маленькой, испуганной, задушенной нападками дерзкого пацана. Притихла и затаилась в укромном уголке, пока он выстраивал свой собственный мир. По кирпичику. Заливая бетоном цинизма. Шлифуя резкостью суждений. Проверая на прочность ударами судьбы и потрясениями. Кажется, на нем испробовали все или почти все средства, способные сломать его — ни одно не сработало.

А Юля... без сожаления топила его в выдуманном героизме и заставляла задыхаться от желания быть для нее этим самым героем. От желания, в котором он даже сам себе боялся признаться.

— Кстати, товарищ, ты восьмого никуда не собирайся. — Маркелов погрозил пальцем.

Денис цыкнул.

— Я думал по-тихому свалить.

— У нас так не положено, братва уже подарки приготовила. Мой ресторан в твоём распоряжении.

Денис рассмеялся, представив «братву» с подарками.

— Договорились, не будем народ обижать, раз уже дело до подарков дошло.

— Я тебя поздравлю, — вскользь сказала Юля, скрывая улыбку, прозрачно намекая на обязательную встречу.

Шаурин вздохнул и убрал свой кий. Он уже давно вышел из игры. Как-то не задалась она сегодня. Не то было настроение. Юлька с Маркеловым тоже сменили правила и просто били по шарам на интерес.

Все бы ничего. И было бы гораздо проще, если бы свои чувства он не видел у Юли в глазах. Если бы они не отражались в них, как в зеркале. Если бы она не реагировала на него.

ГЛАВА 24

Пожалуй, день рождения один из тех немногих моментов, когда понимаешь — в жизни ты не одинок.

В этот день о тебе вспоминают люди, о которых сам давно уже позабыл. И самое странное, почему-то по-дурацки верится, что все пожелания сбудутся — верится, как в детстве.

Сегодня Денис даже из кабинета не выходил; телефон не замолкал; со всех сторон сыпались поздравления. Что скрывать, было приятно.

Первая, конечно, поздравила Таня. Ее трудно опередить, потому что позвонила она накануне в час ночи, торжественно и с выражением зачитав стих собственного сочинения. Это, как обычно, заставило Дениса улыбнуться. На звание великого поэта сестра вряд ли могла претендовать, но строчки складывала от души. Так, что самого иногда пробирало.

Только одного человека Шаурин ждал с особым чувством. Да чего уж там, с тревожным волнением. Не верил, что Юля сможет обойтись чем-то простеньким и незатейливым. Юля не любила стандартных вещей. В этом они с ней очень похожи — он не любил их тоже. Стандартные привычные глазу вещи обезличивают людей и превращают в серую массу. Но для того чтобы не смешиваться с толпой, не обязательно носить красный галстук, достаточно обладать независимым мышлением.

К концу рабочего дня позвонил Маркелов, произнес заготовленные пожелания, приправив их ядреным словцом. В спортклубе к этому времени уже наблюдалась валкая прохладца, все морально готовились к большой и веселой пьянке. Что-то подсказывало Денису: сегодня придется проявить немалую стойкость.

Юля не спешила появляться. Хотя не было сомнений, что она придет.

Не сказать, что душа Шаурина трепетала в радостном предвкушении. Совсем наоборот. Душили двоякие и не очень приятные чувства.

Потому и волнение было не радостное, а тревожное.

Когда девочка наконец-то пришла, у него в кабинете находился Лёня. Своим любопытным взглядом он чуть не прогнал ее решимость, но по выражению лица друга быстро понял, что ему лучше исчезнуть.

— Ладно, вечером увидимся, а Стасу я все передам.

Дверь за ним тихо захлопнулась, и Юля медленно вздохнула. Посторонние люди могли легко спугнуть ее волю. А девочка хоть и была тверда в своем намерении, шаг этот давался ей не слишком просто.

Она задумала подарить ему нечто, может, не совсем особенное, но от души и со смыслом.

Нечто значимое – что не потеряется среди вороха вещей и безделушек; не придет в негодность, разбившись, как ненужная статуэтка; не кончится, как парфюм. И самое важное – эта вещица будет напоминать о ней всегда.

Они пожирали друг друга взглядами: он оттого, что очень хотел узнать, что же она задумала, она – от нетерпения вручить ему приготовленный подарок.

Не в силах держать интригу и тянуть время, Юля расстегнула курточку и сбросила ее с плеч. Жикнула молнией на сумке. Невольно огляделась. В помещении пахло... лимоном?... Да, именно лимоном – либо им закусывали коньяк, либо добавляли в чай.

— Ты не поздоровался со мной, — сказала, чтобы как-то завязать разговор и снять небольшое напряжение, что установилось в кабинете.

— Мой тебе вечный и пламенный. — Денис встал из-за стола и подался Юле навстречу.

— Закрой глаза.

— О, Юля, только давай без этого...

— Закрой. Все будет быстро и не больно. Как у хорошего стоматолога. Пожалуйста.

Денис присел на краешек бильярдного стола и сцепил пальцы. Сделал так, как просила Юля.

Что-то мягко щелкнуло. Она взяла его руку.

— Ты с ума сошла, — сказал он, открыв глаза, едва прохладный металл коснулся запястья.

Девочка проворно застегнула замочек на браслете, но его ладонь не выпустила.

— Обещай, что не будешь снимать. Не снимай, пожалуйста. Я хочу, чтобы он всегда был с тобой. Не устраивай из этого событие. Это не катастрофа, это всего лишь подарок. Только подарок и все, — быстро заговорила она, будто используя единственный шанс убедить Дениса принять золотой браслет.

— Это дорогой подарок, ты не должна дарить мне таких вещей. Я не могу это взять.

Точно так же ей сказала мама. Слово в слово. Но у Юли был свой взгляд на подобные вещи. Это не признание, не попытка подкупить его чувства – об этом Юля и не помышляла, – а всего лишь душевный порыв, не требующий ответа и оценки. Пусть не на словах, с помощью такого вот браслета хотелось подарить ему свою нежность и любовь; и хотя бы отдаленно, только в сознании, представлять, как держит его за руку.

Трудно передать, что чувствовала сейчас девушка. То были и радость, и восторг, и жар внутри. Жалко, что сейчас браслет был прохладным, не успев нагреться в ее руках и передать настоящее человеческое тепло. Но все равно приятно осознавать, что в нем осталась ее частичка. Юля насчет этого постаралась.

— Я сама решаю, что правильно, а что нет. Мне так хочется. Если ты вернешь его, я выброшу его в окно. Точно тебе говорю.

— Главное, сама не выбрасывайся, — ляпнул он на свой манер. Через секунду пожалел о своих словах. Сказаны они совсем не к месту.

Почувствовав, что сопротивление ослабло, Юля отпустила его руку и сказала:

— С днем рождения, — спокойно так сказала, мягко. Довольно, как будто у нее праздник, она виновница торжества и ей посвящены все поздравительные оды.

На самом деле девочка безумно боялась, что Денис откажется и не примет ее подарок. А он мог. И никакие уговоры не помогли бы. А теперь от восторга, что все получилось, как задумывалось, готова была грохнуться в обморок, уже и так покачивало как в гамаке. Не помнила, чтобы в последнее время так сильно волновалась.

Что-то рухнуло в груди, оборвалось, оставив после себя жуткую пустоту. Он был смущен как никогда в жизни — ее подарком, светящимся взглядом, теплотой, не вовремя проявленным романтизмом, неприкрытой радостью.

Между ними все стало совсем неправильно. Дико. Чудовищно неправильно. Денис не знал, как теперь ему начать разговор, как сказать ей то, что он хотел сказать. Но если их отношения продолжатся в том же духе, они зайдут очень далеко. Неприемлемо далеко.

За подарок нужно поблагодарить. И сам не понимал, отчего не смог ей отказать и принял его, позволил нацепить на свое запястье эту дорогую побрякушку. Но слова не складывались в разумные предложения. В голове мелькали обрывки мыслей.

Юля тоже подтянулась и присела на край стола, схватившись за него руками. Почему-то ладони никак не могли согреться, пальцы почти онемели от холода. Все от волнения, наверное, от такого напряженного момента.

Денис повернул к ней голову, но не посмотрел в лицо, а остановил взгляд где-то в районе плеча. Или на ключице. Которая выглядывала из широкого выреза белой кофточки.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — глухо сорвалось с его губ.

— Я понимаю.

Он привстал и повернулся к ней. Знал, что она понимает. Правда, понимает. Четко осознает, наблюдает за его реакцией и двигается навстречу, ломая между ними барьеры.

Он не успевал их выстраивать, эти барьеры.

Девочка подняла голову и вместо того чтобы произнести заготовленную речь, Денис поправил ее немного растрепанные волосы, которые пышной массой лежали на одном плече. Дотронулся кончиками пальцев и отвел прядь ото лба. Отчаянно хотелось сделать то, что не должен — прижать ее к себе до хруста в костях. По ее глазам видел, что еще минута и Юля сама прильнет к его груди. Чувствовал. Тяга между ними была обоюдной, ощутимой. Живой.

— Это не может так больше продолжаться. Нам нужно поговорить.

Он сказал это таким же тоном — с налетом задумчивости — как еще недавно произнес отец «мы тут с мамой поговорили». Тут же зародилось неприятное предчувствие, сердце беспокойно забилося, и у Юли возникло желание уйти. Лучше сказать, сбежать от этого разговора.

— Продолжаться — *что?* — спросила она с легким вызовом.

Денис не смог назвать их общение отношениями, но и дозволенные рамки они уже простили, а Юля, очевидно, почти требовала от него какого-то их определения. Таков был ее немного резковатый тон.

— Если ты питаешь какие-то надежды или тебе показалось, что между нами что-то есть, забудь об этом. Ничего нет и быть не может. Никогда.

Он отчеканил эти слова, не позволяя себе задумываться, ранят ли они Юлю. И как больно ранят.

Он произнес их громко, тщательно проговаривая каждый звук, чтобы до нее точно дошел смысл сказанного, и она не искала никакого двойного дна.

Он сказал их на одном дыхании, чтобы не дай боже не запнуться.

Но, никак не предполагал, что когда щеки ее затвердеют, а выражение лица изменится — в глазах вместо светящейся радости затуманится острое разочарование — ему станет так дерьмово.

Так поганно он себя ни разу не чувствовал.

Даже когда его избивали до полусмерти.

Даже, когда он сам избивал кого-то до полусмерти – ему не было так погано.

Будто с размаху ударил младенца.

Юле, конечно, было бы гораздо легче, узнай она, что Денису тоже сейчас плохо. Но ей не нужно этого знать. И если девочка заплачет, он не будет ее успокаивать. Он не должен замечать ее слез. А замечал. Уже видел, что глаза малышки стали стеклянные, блестящие. Но сидела она, замерев, застыв, как статуя. Кажется, как будто и не дышала.

Никогда не представляла, как могла бы себя чувствовать, отвергни он ее, скажи подобные слова. Никогда не думала об этом. Всегда отсылала эти мысли от себя. Гнала прочь. Но, как видно, жестоко ошибалась, рисуя себе все в розовом цвете. Глупая. Надо было представлять. Может, не было бы так больно, как сейчас. И дышалось бы легче, и в ушах не шумело, и в груди не колело. И реветь бы не хотелось.

Шаурин не мог отпустить ее смятенный взгляд. Будто ждал, что вот-вот из ее красивых глаз польются слезы. Но она не плакала, оторвала ладони от деревянного бортика и приложила к щекам. Бледным, таким же ледяным, как ладони.

Он ждал, что она будет сопротивляться, вспыхнет, станет что-то говорить, убеждать в чем-то. Обвинять. Ну, или просто скажет что-то резкое, но она молчала. Меньше всего он этого ожидал. И больше всего это тяготило — ее смирение и растерянность.

— Кто ты и кто я...

— Не надо, — жестко остановила она. — Я тебя поняла. — Резво соскочив с края стола, Юля схватила куртку. С таким остервенением она натягивала ее на плечи, что кожа скрипела и трещала по швам.

Равнодушие, которое Денис демонстрировал, трещало по швам точно так же.

Лопалось подобно истертой до сивости коже.

— Нам нельзя.

— Не надо! — крикнула она и посмотрела ему в глаза, на секунду замерев. Потом рванула вверх молнию на куртке и взяла свою сумку.

Он поймал Юлю у дверей. Она совсем не была спокойна, как могло ему показаться вначале. В глазах плескалось отчаяние, и Денис на самом деле боялся, что девочка может натворить глупостей.

— Слышишь меня? — встряхнул ее. — Мы должны *просто* общаться. Как раньше. Как в самом начале. Быть только друзьями. Между нами не может быть никаких близких отношений. Нам нель-зя! Слышишь? — снова потрянул ее за плечи и прижал к двери.

Юлька откинулась на нее. Прилипла затылком, чтобы быть от Дениса как можно дальше.

— Я никогда не буду твоей подружкой, — проговорила она сквозь зубы, в упор глядя ему в лицо. — А ты меня слышишь? Я не буду твоей подружкой! Отпусти меня! — снова крикнула, не заботясь, что кто-то за дверью может услышать ее вопли.

Денис убрал руки, и она вылетела из кабинета, проклиная все на свете и судьбу за то, что не может уйти красиво. Просто шархнуть дверью и скрыться с его глаз.

Чтобы уйти домой еще нужно пробежаться по всему спортклубу и найти чертова Самарина!

По дороге Юля удивлялась сама себе. Не понимала, почему не плачет. Ощущение, будто слезы замерзли в глазах. Но это хорошо. И так уже Витя смотрел на нее с нескрываемым любопытством. Только спрашивать ничего не решался. Думы Самарина Юлю волновали

мало, но вот если мама догадается о ее состоянии...

Каким-то чудом удалось сдержаться, соорудить довольную мину и сказать матери, что все хорошо. Наталья была занята чем-то на кухне, потому лишь бросила на дочь быстрый взгляд, а Юлька спряталась за дверцей холодильника в поисках «чего-нибудь вкусенького». Остаток дня пришлось заниматься чем попало, лишь бы не сталкиваться с матерью и не оставаться один на один.

И только лишь с наступлением темноты забравшись в холодную постель, Юля разревелась. Плакала долго и горько, и никак не могла успокоиться. В груди было так больно, словно что-то разорвалось.

Чёрт, прям как в Евангелии...

Только вместо слова – разум.

Вначале был разум. Сознание. Вернее, его вялые оторванные от плоти проблески в конце темного туннеля.

Потом начали появляться мысли и возвращаться физические ощущения. И хоть бы как-то потихоньку. Постепенно...

Так нет же! В один момент почувствовались как будто пластилиновое тело, тяжелый затылок, пульсирующий острой болью при малейшем движении, сухость во рту... Слишком много всего за раз.

С восприятием действительности было куда сложнее. Открыв глаза, с огромным облегчением обнаружил, что находится в своей квартире, на своей постели. Что характерно, на расправленном диване и раздетым. Совсем хорошо...

Из кухни доносился негромкий шум. Откуда он только взялся?

Сделав над собой усилие, причем немалое, Денис поднялся. Мир вокруг покачнулся. Переждав, пока в глазах перестанут мельтешить звездочки, нетвердым шагом, не сильно заморачиваясь, что из одежды на нем только голубые трусы, направился туда, откуда доносились звуки – на кухню.

— О, сестра. Ты как тут оказалась? – прохрипел, прислонившись к косяку.

— Через дверь, — ухмыльнулась Таня, узрев в дверях практически в чем мать родила брата.

— Это понятно, — сел за стол и сложил локти.

У Тани имелись ключи от его квартиры. Сам факт появления сестры не удивил. Интересовала причина ее визита. С чего бы вдруг?..

— А-а... Совсем все плохо, да? – Кто бы сомневался, что сестра не воспользуется возможностью поддеть его. В таком убитом состоянии он не мог ей достойно парировать.

— Жизнь – дерьмо, весь мир – бардак, — почти прошептав, Денис склонил голову и закрыл глаза.

— У-у, милый. Все еще хуже, чем я думала. – Таня стояла у разделочного стола. В кастрюле на плите что-то булькало.

— Что, ведьма, яды варишь?

— Для тебя Кощей стараюсь.

— Можешь не стараться, кажется, я уже умер.

— Ничего не помнишь?

Что-то противно зашуршало. Так противно, что виски забились болью. Денис застонал.

— Таня, чтобы вспомнить надо думать, а у меня думать мозг болит.

— Ты сам мне вчера позвонил и попросил с утра приехать, — смилостивилась сестра, открывая секрет своего неожиданного визита. — Сказал, что тебе будет хреново и тебе нужна поддержка.

— Пряма так и сказал? — Денис поднял голову.

— Нет, конечно. Я перевожу. Хорошо погуляли?

— Да. Держите меня семеро. Как хорошо, что у меня есть сестра. И накормит, и напоит, и из чащи в цивилизацию выведет.

— Начнем реабилитацию. — Таня поставила на стол стакан воды и блюдечко, на котором лежало с десятков черных таблеток активированного угля и одна белая, скорее всего, обезболивающее.

— А может, традиционное — с утра замахнул и весь день свободен?

— Нет, давай по-моему. Сначала таблеточки. Потом супчик.

Денис послушно заглотил горсть таблеток и поднес стакан воды к пересохшим губам.

— Ух-ты! Какая красивая у тебя штучка. Я не видела. — Таня тронула безвольное запястье брата. — Дай посмотреть. Кто подарил? — Пока он пил воду, она расстегнула браслет и, залюбовавшись, положила его себе на ладонь.

Браслет был очень красивый. Таня не сильно разбиралась в золоте и видах плетения, но этот выглядел дорого и массивно.

— Друзья подарили. Вношу поправки: колеса-душ-супчик, — сказал Денис и ушел в ванную.

— Да что ты!.. Друзья... — хмыкнула иронично Татьяна. — Заливай побольше. — Она поднесла украшение ближе к глазам, рассматривая гравировку на пластине, соединяющей звенья.

— Так кто тебе подарил браслетик? — ухмыляясь, спросила сестра, когда Денис вернулся, приняв почти человеческий вид.

— Я тебе уже сказал, — недовольно проговорил брат и перекинул цепочку через запястье.

— Угу. «Я буду всегда держать тебя за руку. Ю»?

— Что? Что ты сказала?

— Там так написано. А ты не видел? — Таня перевернула пластинку. — У нас появилась загадочная «Ю»? Юля?

— Хороша Юляша, да не наша, — проворчал и присмотрелся к пластине. И, правда. На ее внутренней стороне была гравировка именно с теми словами, которые произнесла сестра. Твою ж мать... эту Юлю!..

От этой романтики у него мороз по коже пробежал, и лицо исказилось гримасой. Таня с блаженной улыбкой защелкнула браслет на его правом запястье, не обратив внимания на выражение лица брата. А если она и заметила, то списала все на головную боль.

Однако, таблетка-то, видать, была сильнодействующая. И боль уже начала отпускать. Потому вчерашние чувства снова охватили с новой силой. А эта дурацкая надпись только добавила жару.

— Классно! — Сестра все еще находилась под впечатлением. — Это так романтично!

Еще одна!.. Свихнуться можно от этих вздохов.

Легкий куриный суп, который Таня, само собой, сварила с любовью, абсолютно не

вызывал аппетита. Вкусовые ощущения будто атрофировались. Зато душевные бунтовали. В голове звенели обрывки фраз вчерашнего разговора. Притупленное алкоголем чувство вины внезапно ожило.

Что в первый раз девку отшивал? Нет, не в первый. Даже не во второй. Но никогда такого не испытывал. Не чувствовал такой горечи во рту, как после разговора с Юлей.

Как ее прогнать теперь и чем запить, эту горечь?..

Он уже давно полагал, что не ломался под обстоятельства, не вставал перед ними на колени, а, максимум, прогибался, стараясь обернуть их полезной для себя стороной.

Он хотел стать кем-то, пусть даже такими сомнительными способами, какими действовал сейчас; хотел покупать, а не продаваться. И вчера твердо был уверен, что поступает правильно. И дело не только в том, что она, девочка с серо-зелеными глазами, внезапно встала у него на пути, мешая идти к намеченной цели. Как ни крути, стоило признать, он не имеет права на отношения с Юлей.

И как бы ни хотелось... И если где-то далеко-далеко, на самом краю сознания допустить...

Юля это не запретное яблоко. Юля – это ящик Пандоры.

ГЛАВА 25

— С Пашей чего? Рентген делали? – спросил Денис у Стаса Шаповалова, столкнувшись с ним у входа в спорткомплекс.

Сам Шаурин почти весь день проторчал у Монахова и только сейчас смог вырваться, чтобы заехать в клуб и обсудить с парнями текущие дела. К концу декабря началась какая-то безумная гонка. Хотя, пожалуй, дело это обычное. Люди, по обыкновению своему, все, что можно сделать сегодня откладывают на завтра. Таков русский менталитет.

— Да, трещина в ребре.

— Хорошо. Хорошо, что только трещина, а не перелом. Пусть валяется у Семеныча в больнице. В эту жеребьевку он все равно не попал, а следующие бои только после Нового года. Успеет на ноги встать. Тебе он как вообще? Что сам думаешь?

— Он тяжеловат.

— Вот и мне так кажется. Посмотрим еще. Зайду сейчас к вам.

За дверями клуба друзья разошлись. Стас отправился в спортзал, а Денис к себе.

Не ожидал он, что застанет в кабинете Юлю. Конечно, такая вероятность существовала. Но за последний месяц виделись они всего несколько раз, и то мельком – дома у Монахова. Один раз разговаривали. Если можно назвать разговором его сухое «с днем рождения» и ее холодное лаконичное «большое спасибо». Цветы, белые розы, она приняла с вежливой улыбкой, на подарок даже не взглянула. Да это и не имело никакого значения.

Юлькин день рождения состоялся десятью днями позже, чем его собственный. Дениса не приглашали, его присутствие было обязательным. Праздновали в ресторане, гостей собралось много, большую половину из которых Денис не знал. Уверен, что и Юля до этого момента не имела о них представления.

Выбрать для нее подарок оказалось невероятно трудным делом. Что подарить девочке, у которой есть все?

При мысли о чем-то безликом и ничего не значащем его мужское самолюбие бунтовало

– золотое украшение жгло правое запястье. Гравировка откровенно коробила, но браслет не снимал. Хотя у самого от такой романтики челюсти сводило, и мелкие волоски дыбом становились. Это было так по-детски, так наивно и трогательно. Но так в ее стиле...

Подарить же что-то значимое и дорогое – не мог. Права не имел. После долгих размышлений сошелся на золотом кулоне. Подарок не оригинальный и в том ворохе коробок, и коробочек, который Юля получила от гостей, могло быть с десятков точно таких же кулонов.

Больше за весь вечер они не обмолвились ни словом. Кажется, все получилось так, как он хотел, так как нужно, но в душе образовалась ледяная пустота.

Дела и заботы закрутили, как в воронку: работа, покупка квартиры, ремонт...

И сейчас необычным выглядело не само присутствие девочки, а то, что лежала она, вжимаясь лицом и всем телом в спинку дивана. Безусловно, слышала она, как он вошел, но не повернулась, только плечами вздрогнула, тихонько пошевелилась и снова замерла.

Увидев ее, Денис неловко остановился, немного замешкавшись от нахлынувших разом чувств. Так давно не видел Юльку, что радость тут же налила теплом продрогшее с мороза тело, а тоска, спрятанная где-то очень глубоко, начала рваться наружу.

Прикрыв дверь, он прошел по темно—зеленой, как сукно на бильярдном столе, дорожке, лежащей между диванами. И теперь понял, что его смущало, – ее болезненная поза. Виделись в ней принужденность, неестественность. Совсем непохоже, что девочка завалилась просто отдохнуть.

— Юля?.. – позвал Денис, раздеваясь. Она, понятное дело, не отреагировала. Почему-то ждал, что в ответ на свой вопрос получит молчание. – Спят усталые игрушки. — Убрал пальто в шкаф и сел рядом с девочкой. – Юля, что случилось?

Когда кожаный диван заскрипел от тяжести его тела, Юля странно дернулась, словно не хотела, чтобы Денис к ней прикасался. А он и пальцем ее не тронул. Но она повела плечом, как будто и от голоса его отмахивалась.

— Я плохо себя чувствую. Мама в аптеку пошла. А я тут, — с трудом выдавила из себя. Непонятно – то ли от боли, то ли от нежелания разговаривать. – Мне ужасно плохо, — добавила, дрожа всем телом и стуча зубами.

Денис сжал ее плечо, пытаясь развернуть к себе лицом, но она крепче обхватила локти, упираясь. Тогда он положил ладонь на ее лоб. Горячий. Похоже, температура. И голос у нее вибрировал от озноба.

Ох, знал, как это неприятно. Будто по всему телу наждачной бумагой кто-то шоркает. И согреться невозможно. И под одеялом через несколько минут начинаешь задыхаться.

— Зачем ты вообще приехала? Тебе в постели надо быть, — с укором сказал Шаурин, поддаваясь тревожным и беспокойным чувствам при виде страдающей Юли, свернувшейся на диване калачиком в тщетной попытке согреться.

— У меня по дороге голова разболелась, думали, что просто укачало. Внезапно все.

Денис снова сунулся в шкаф. В нем, как в волшебном ларце, можно было найти все, что душе угодно. И даже больше. Но Дениса интересовало только тонкое шерстяное одеяло.

Встряхнув его, он укрыл Юлю. Едва руки снова легли ей на плечи, Юлька начала ерзать. Его прикосновение вызвало в теле волну мурашек. Но не приятных, как раньше, а колких и болезненных, из-за ужасного самочувствия. Голова раскалывалась на части, и сама Юля чувствовала себя разбитой и немощной.

— Да не трогай ты меня! Не трогай. Не прикасайся. – Повозившись, она села и

завернулась в одеяло, а когда подняла серо-зеленые глаза, Денис напоролся на полный обиды и горечи взгляд.

Слова не замерли на языке, они застыли где-то в горле. Или ниже – в груди, поглощенные той ледяной пустотой. Он бы хотел общаться с Юлей, как раньше – безо всяких затрат нервной энергии, будто сидит на лавочке и болтает о пустяках. Но все изменилось. Тот разговор, который, казалось, должен был расставить все местам, только запутал их окончательно.

Денис всерьез полагал, что, отвергнув девочку, станет свободнее, но, тем не менее, остался связан по рукам и ногам. Теперь даже больше. Потому что бросался на железные колья условностей, которые сам для себя выковал. И наткаться на них было очень неприятно. Эти Юлькины колючие взгляды без прежней теплоты, желание отстраниться от него и откровенная неприязнь – убивали.

— Я вообще не хочу здесь быть. Меня мама притащила. И разговаривать с тобой я тоже не хочу. Как ты не понимаешь?.. — Ее тон и слова перехватывали ему дыхание как удар в солнечное сплетение.

— Больше, чем ты думаешь.

— Нет. Уверена, что нет. Ты даже не представляешь... — оборвалась она и отвернулась. Посмотрела куда-то в сторону. В никуда. Лишь бы не на него. Рядом с Денисом ее злость и обида растворялись, как сахар в горячей воде. А нужно, чтобы ожоги на душе зажили, чтобы раны от его безжалостных слов, какими он вытравил ее радость, хоть немного зарубцевались.

И снова в комнате повисла тишина. Не такая, которая объединяет людей, в которой дышишь в унисон и слышишь невысказанные мысли друг друга. А такая, в которой холодно до дрожи в теле и каждый вздох, шорох или скрип, строит невидимую стену. А слова и отрывистые предложения падают одиноко, звучно, как ледяные капли на обнаженные плечи.

— Просто прими это, Юля. – Получилось резче, чем он хотел. Жестче. Юлька рывком повернула голову, вновь вскинула покрасневшие глаза. – Прими, — повторил он.

Она помотала головой. Говорить не могла, не в том была состоянии, чтобы противостоять, спорить и доказывать что-то. На это не хватало ни сил, ни слов. И желания тоже не хватало. У нее болела голова. И сердце еще болело. И все внутри. Опустила голову на подтянутые к груди колени, спрятала, как страус свою в песок. Во всей ее позе – в склоненной голове, покрасневших глазах, залитом неровным болезненным румянцем лице, дрожащих ладонях, полузаплетенной косе – виделась женственность. Не та женственность, какую связывают с сексуальностью, а другая – та беззащитная женственность, которая уже стала редким явлением и не могла оставить равнодушным, которая трогала до глубины души своей правдивостью. Сейчас Юля была такой, какой он запомнил ее в первую встречу, — обиженной и испуганной. Только теперь это было его рук дело. Он ее раздавил.

Выпрямившись, девушка потуже завернулась в одеяло. Что-то не очень оно согревало. Взгляд бездумно скользнул по руке Дениса и наткнулся на золотой браслет. Юля была уверена, что он избавится от него и никогда не наденет, потому обнаружила его с неким удивлением. Может, оно и на лице отразилось, удивление. Но только девочка разомкнула пересохшие губы, чтобы что-то сказать, в кабинет шумно вошла Наталья.

Денис поднялся, освободив ей место около дочери. Коротко кивнув ему, она на ходу расстегнула черную норковую шубку и сбросила ее движением плеч. В глазах матери блеснула тревога.

— Юленька, ну как ты? Не могу понять, что такое? Может, съела что-то не то?

— Нет, у меня температура, голова болит и горло начинает.

— Ну что ж ты! – сетовала Наталья. – Всю осень держалась, а под Новый год свалишься с гриппом. Это все твои походы в бассейн. Сколько раз говорила, суши волосы хорошо, не выбегай с сырой головой.

— Мама, — немного нервно одернула Юля.

— Что «мама»! Добегалась, что простудилась, — продолжала ворчать мать, роясь в сумке, перебирая купленные в аптеке таблетки.

— Может быть, Якову Семеновичу позвонить? – предложил Денис, хотя согласия не дожидался. Набрал номер и протянул Наталье трубку.

— Да, конечно, — выдохнула Наталья и взяла телефон.

Пока она разговаривала с врачом, который был семейным доктором не только самих Монаховых, но и всей монаховской братии, Денис налил стакан воды и поставил на столик у дивана. Чтобы больной было чем таблетки запивать.

Но больше всего на свете его интересовало, что это за бредятина про бассейн? Он Юльку уже целый месяц не видел! Ни в какой бассейн она не ходила!

Не сказать чтобы смело, однако Юля все же глянула на Дениса, тут же поджав губы. Если бы взглядом можно было прожечь, у нее на шерстяном одеяле уже образовались бы пропалины.

На лице Шаура мелькнула какая-то мысль. Быстро мелькнула, как искра — зажглась и погасла. Юля не успела разгадать ее; а Денис сунул руки в карманы брюк, качнулся чуть вперед, словно раздумывая, потом развернулся на каблуках и вышел из кабинета.

Юля сделала долгий и мучительный вдох. Кажется, все это время, пока он нависал над ней, не дышала. Тут и имя свое забудешь, не то что дышать!

Наталья суетилась рядом, пытаясь облегчить страдания дочери. Но девочка не замечала ничего вокруг. У нее, так же, как у Шаурина, искрой мелькнула мысль. Мысль нужная и важная. Но растворилась она так быстро, что уловить ее не удалось. Остался только намек. Чувство, что все не так и плохо.

Лихорадочный жар мешал думать здраво. Сначала нужно привести в порядок тело, а потом уже за душу браться.

Юля расслабилась. Позже она обо всем подумает. Обязательно. Сложит все отрывочно — обрывочные фразы, взгляды и касания в одну картинку.

Яков Семенович приехал, как только смог. Долго ждать не пришлось. После тщательного осмотра доктор расписал курс лечения. Собственно, ничего нового ее не ждало. Гриппом болела не в первый раз, потому все предписания были знакомы. Честно говоря, недельный постельный режим совсем не пугал. Раньше бы возмущалась, изнывала от тоски, так и норовя бросить пить таблетки при первых признаках отступления болезни. Сейчас же, как будто стало легче, почему-то радостнее. Не нужно искать причин для своей апатии. Болезнь все объясняла за нее. Самой, однако, виделось, что недомогание ее вызвано не вирусом гриппа, а совершенно другим, прививки от которого еще не придумали.

— ...Ну и?.. — зычно спросил Шаурин, надвинувшись на Самарина. В пустом зале его резкий тон был похож на рык.

— Шаур... — Самарин переступил с ноги на ногу, крутанул на пальце ключи от машины. Так и знал, что в этой ситуации все шишки на его голову полетят. Вот и настало

время. Голос и взгляд Шаурина обдали его нехорошим предчувствием.

— Че ты мечешься как юная разведчица? Где были?

— По набережной гуляли. Иногда в кино. Да, всего пару раз-то и было.

— Что? По набережной?.. Самарин, ты охренел! Какая набережная в декабре месяце?

Ты в своем уме, вас там как мух хлопнуть могли! — Злость застучалась в шауринскую грудь. Но такая, которую он еще мог легко угасить. Она еще не разрывала изнутри, хотя необдуманное поведение Самарина изрядно взбесило.

— Не хотела она сюда ехать. Я что мог сделать?

— Доложить, Витя, доложить! А не шляться, где попало! Монах, если что, от тебя мокрого места не оставит! Мало ли, чего она хочет? Какого черта ты повелся на ее уговоры?

— Понравилась... — Договорить Самарин не успел. Молниеносный удар в лицо сбил его с ног. Правильно ли поступает, Денис задуматься не успел — понял, что сделал, когда Самарин уже лежал без чувств на холодном кафеле у бассейна, — но и сожаления за содеянное не испытывал. Круто развернувшись, вышел, оставив Витю приходить в себя. На крайний случай, Семеныч парня обработает. Ему за это нехило платят.

В кабинет вламываться Денис не намеревался, потому ждал, пока в коридор высунется квадратная фигура Якова Семеновича. Долго ждать не пришлось.

— Моя помощь еще нужна? — тихо спросил тот, деловито поправляя шарфик.

— М-мм, — как будто задумавшись, Шаурин остановил взгляд на лице мужчины. — Да. Прямо по коридору и налево. Потом снова налево.

— А там что?

— А там, надеюсь, ничего страшного. Думаю, нашатырем обойдетесь. Обморок. Нежные все стали, так и валятся с ног. Тренируешь их, тренируешь — ноль реакции.

Семеныч безмолвно пожал плечами и пошагал в указанном направлении. Денис пригвоздил взгляд к его спине, словно следил за своей ускользающей мыслью...

Юля совсем не удивилась, что домой их с матерью повез не Самарин. Напрасно она немо сверлила взглядом Дениса. Он безупречно-вежливым тоном объяснил, что Виктор занят, и за руль сядет другой человек. По дороге начало клонить в сон, девочкой овладела истома.

Вопреки всем запретам матери перед сном Юлька приняла горячую ванну.

Что за ерунда — не мыться во время простуды?

Как раз это и хотелось сделать больше всего — смыть с себя усталость и нервную напряженность, что возникли после встречи с Денисом.

Облачившись в теплую пижаму, Юля готова была юркнуть в постель, но остановилась у комода. Медленно, будто несмело, открыла верхний ящик и из самого его дальнего уголка вытащила коробочку.

Она не заглядывала в нее с того вечера, как получила ее в руки. Взглянула тогда лишь мельком и убрала подальше с глаз. Теперь же, забралась в кровать и под мягким светом ночника принялась рассматривать кулон, что лежал на бархатном дне.

Скрипичный ключ. Усыпанный аметистами. Почему скрипичный ключ? Задумалась, имеет ли этот подарок тайный смысл? Судя по последним событиям — нет. И лучше не искать его, этот смысл. Чтобы потом не разочаровываться. Лучше, действительно, принять все, как есть. Но так не хотелось этого делать. Все внутри протестовало и перечило. Разум тут же выдал металлические слова Дениса — холодные и острые; а сердце свой веский довод — браслет на его руке. Не снял же. Носит. Чему верить? Потому и думала, что он от браслета

избавится – по себе судила. Сама бы точно это сделала. А он не снял...

Ломкая сухость во рту напомнила, что нужно выпить приготовленный мамой чай и нырнуть с головой под одеяло. Юля так и сделала. Но прежде достала тонкую золотую цепочку...

— Ой, Вера, что будет... — восторженно вздохнула Таня, глядя на долгие и кропотливые плоды их с Верочкой трудов. — Зная Дениса... бежать нам надо отсюда, пока он не приехал. Со всех ног, Верочка, бежать. Он нам этой самодеятельности с рук не спустит.

— Красота-а-а... — блаженно протянула Верка и провела ладонью по стене. — Блин! Вот это я понимаю шик!

— ...и вкус, и цвет, — подхватила Таня, но с меньшим оптимизмом. — Нет, ну мне, конечно, нравится. Даже без разговоров.

— Танюш, не переживай, я приму удар на себя. Уж как-нибудь найду способ утихомирить твоего братца.

— Да я в тебе, собственно, не сомневалась, — ответила Таня и тут же вспомнила про браслет, который носит брат. Так и не смогла она добиться внятного ответа, кто же эта тайная дарительница и в каких Денис с ней отношениях. То, что Вера при этом не сдала своих позиций, не удивило и не покорило.

Брат ни к кому серьезно не относился, а Верочка была постоянной спутницей и часто всплывала в веренице его подруг. Но таких вещиц, как этот браслет, Таня раньше не замечала. Может, и было что-то подобное, но на себя Денис точно ничего не цеплял.

— Убьет, — снова убежденно сказала Танюша, — как пить дать убьет. — Покачала головой.

Девушки замолчали, глядя на стену одним общим настороженно—довольным взглядом. Эхо голосов некоторое время скакало под четырехметровым потолком. Прокатывалось и комнаты в комнату.

— Квартира, конечно, шикарная, — вздохнула подруга брата.

— Да.

Еще бы! Квартира в «сталинском» доме площадью, на которой могло уместиться несколько средненьких «трёшек». Высоченные стены, огромные комнаты. Здесь даже дышалось по-другому. Ванная, каких в обычных квартирах не бывает. Кухня, от размеров которой дух захватывало.

Почти два месяца ушло на ремонт. Не так уж и много, если учесть, что всю отделку содрали до бетона. А теперь взору предстало чистое помещение со стенами цвета слоновой кости и темным полом. Только мебели не хватало. Кроме стремянки и нескольких табуреток в квартире ничего не было.

Сначала странным показалось желание брата решить все в одном тоне, но потом Таня привыкла, и ей даже понравилась такая идея. Зато она не понравилась Верочке, и та надумала добавить пикантности с помощью черно-белых фотообоев. Пока еще оставалась такая возможность. Люди, которых нанял Денис, поработали на славу. Незаконченной оставалась только кухня. Вот ее-то Таня с Верочкой и условились взять на себя.

В тишине, наполненной таинственным предвкушением, прозвучал скрип замка. Хлопок двери. Слышались тяжелые шаги.

В совершенно пустой квартире каждый звук был замечен. Казалось, можно услышать, как в соседней комнате на пол упал лист бумаги.

— Ну, Вера... — Таня сделала дрожащий вдох.

— Привет. Чего притихли? — войдя, проговорил Денис и остановился посреди кухни. — Это что за?.. — прервался, потому что вот так сходу и слов не мог подобрать.

— Мы тут с Танюшкой немного поусердствовались, — радостно начала Верочка. — Как тебе?

Таня стояла в сторонке, поражаясь ее смелости. Сама она не была так уверена, что Денис оценит их старания. На похвалу не рассчитывала, но последовавший после слов Верочки трехэтажный мат все же немного смутил.

Шаурин шагнул вперед, с немым изумлением уставившись на одну из стен кухни. Все, что мог, он уже выразил. На этом его фантазия отказала.

Со стены на него смотрела Мерлин Монро. Улыбающаяся. Задумчивая. Открыто-эротичная. Веселая. Разная.

— Неожиданно, — наконец сказал он. — Девочки, а вам никто никогда не говорил, что глупости не нужно делать даже со скуки?

Девочки постарались, подойдя к вопросу облагораживания его квартиры весьма творчески. Что называется, оставили свой след. Нет, «след», конечно, весьма занятный — черно—белые фотообои в виде коллажа из множества фотографий расплзались из угла на стены. И обрезаны они были по контуру, имитируя обсыпавшуюся кирпичную кладку.

— А ну-ка, идите сюда, дизайнерши недобитые... — воркующим голосом позвал Денис. — Сдирайте эту хрень отсюда.

— Ни за что! — Вера распласталась на стене, прикрывая собой обруганный креатив.

Денис осмотрелся. Не ждут ли его еще сюрпризы? Нет, все остальное согласно плану: стены оклеены под покраску и, соответственно, покрашены. В углу наблюдались вымытые инструменты и оставшиеся обрезки обоев.

— О-о, — протянул он, зацепившись глазами за початую бутылку вермута. В компании с ней на подоконнике стояла тарелка с бутербродами, и лежали груши. — Милые мои, это после которой вас так прибило? Предупреждать надо, я бы тоже подготовился.

— Сюрприз, — хихикнула Таня.

— Ненавижу сюрпризы, — проворчал брат. — Чертова эмансипация. Вот вы бабы такие — научились носить брюки, курить сигареты, пить водку, но вам все мало. Вам надо себя во главу угла.

— Ладно тебе. Красиво же. — Вера отошла издалека полюбоваться на свою работу, почувствовав, что пик опасности прошел. Таня налила вино в кружечки — бокалов в этом доме еще не было — и уселась на широкий подоконник.

Ну что ж, Монро на стене в кухне это не катастрофа. Нельзя не согласиться, вышло красиво. Вдохнув, Денис взял из рук сестры чашку и отсалютовал изображению актрисы:

— Ну что, Машка, с новосельем тебя! — Пригубил вино. — Не женщина, а мечта — кормить не надо, одевать не надо, встречает с улыбкой, а главное, всегда молчит. Учись, Вера.

Домой вернулся поздно — задержались они с этими посиделками.

Ночь уже бросила на город свое покрывало, и все вокруг стало темное, обесцвеченное. Только уличные фонари светились туманными ореолами.

Если днем, чтобы выхватить главное, мысли приходилось словно просеивать через решето, то ночью они становились цепкими, тревожными. Обнаженными.

Мысли, как люди, — все разные. Бывают мысли—вспышки — зажигающиеся ярко, озаряющие сознание. Или мысли—взрывы — те, которые потрясают. А бывают тихие, томительные — рожденные в подкорке.

Подкорку Шаурин очень уважал. Сознанием можно управлять, в подкорке же рождались истинные знания.

Хотелось курить, но он не зажигал сигарету. Боялся, что любое движение спугнет эту давно маячившую и томительную мысль.

Думал о своей реакции на Самарина, которая для него с недавнего времени теперь была естественной; о разговорах с Юлей, которые вдруг стали трудными и невозможными; о том, что «правильный» путь, на поверку оказался лабиринтом.

Только отринув свое убеждение о невозможности отношений с Юлей, мысль его, словно прорвав плотину, заработала четко и широко.

Не знал он, не мог объяснить, какая она должна быть — любовь...

Для него это непознанный ресурс, и он пока не научился с этим жить.

Но у него такая... Такая, что мозг выворачивало от одной мысли, что кто-то прикоснется к его девочке. И сам испытывал такое влечение, которое контролировать становилось все труднее.

Одного только с уверенностью сказать не мог: наградили его этим или наказали?

ГЛАВА 26

Ветер подвывал за окном, бросая колючий снег в стекло. Оттого слышался мягкий треск. Оттого хотелось натянуть теплый свитер пониже на колени...

— Ночная бабочка. Пять букв. Начинается на «с».

Наталья задумалась.

— На «с»? точно?

— Мама, «ночная бабочка» это не которая — проститутка. А просто бабочка. — Юля закусила кончик авторучки. Губы ее улыбались.

— Господи... — Наталья про себя усмехнулась, иронизируя по поводу собственного нездорового воображения. Или слишком здорового — искаженного существующей реальностью.

— Тогда «совка».

— Подходит, — одобрила дочь и вписала буквы в клетки. Взяла чашку и, потянув носом аромат лимона, отхлебнула горячий чай. Чай был не сладкий. После многодневного употребления малинового варенья и меда, сахар Юля перестала на дух переносить. Во всяком случае, пока...

Болезнь не удалось победить быстро. Почти три недели пришлось провалиться в постели. Из-за этого новогодние праздники прошли в легком тумане, без обычного азарта и волнительного ожидания.

Не произвели впечатления подаренные родителями и друзьями подарки, не верилось в исполнение загаданного под бой курантов желания.

Что-то внутри сломалось.

— С каких лет можно начинать половую жизнь?

— Что?.. — переспросила мама, не совсем понимая суть вопроса. Вернее, она его понимала, только не знала, как ответить на него одним словом.

Что за кроссворды такие? То проститутки мерещатся, то...

— А... — На мгновение Юля вскинула глаза, потом снова опустила. — Это не вопрос из кроссворда. Это я тебя спрашиваю: как ты думаешь, в каком возрасте можно начинать заниматься сексом? — Юля поерзала, водрузив ноги на соседний стул и усевшись поудобнее. Снова ее одолела неприятная ломота в костях.

Наталья стояла у раковины. Мыльная тарелка выскользнула из рук, когда до нее дошел смысл сказанного дочерью. Самое удивительное: произнесено это было таким бесцветным и обыденным тоном, словно они всей семьей каждый день только и делали, что обсуждали вопросы полового воспитания.

— Хм... — мама помедлила с ответом.

— Мама, если тебе неудобно говорить, давай не будем. — С прищуренным вниманием Юля уставилась в журнал, время от времени вписывая буквы в пустые клетки. — Я не буду тебя мучить. Поговорю с психологом. У нас в школе хороший психолог. Регулярно нам мозги промывает о контрацепции и прочих вещах.

— Нет, конечно, давай поговорим. Ты уже взрослая и... Все-таки откуда такой вопрос? Вы?.. — фраза оборвалась, потому что Наталья не нашла в себе силы закончить ее.

— Что «мы»? — Юля прокашлялась. Не от смущения или волнения; дыхание все же иногда перехватывало. Кашель так до конца и не отпустил. Потому, дабы не расклеиться снова, Юля ходила в длинной вязаной кофте, больше похожей на платье. Это для нее бабуля потрудилась, зная о пристрастии внучки к таким вещам. И пусть от привычного веселого настроения осталось только далекое эхо, снова коротать дни в постели, глотая таблетки, не хотелось.

— Вы с Денисом?..

— Между нами ничего нет, мы с ним уже все решили. Так что ты можешь больше не переживать по этому поводу, — сухо сказала Юля, не поднимая глаз.

— Позволь спросить, что же вы решили? — осторожно продолжила расспросы Наталья. Давно чувствовала, что с дочерью что-то не так, и материнское сердце ее не подвело. Юля стала немного замкнутой, неразговорчивой, словно ее что-то мучило. Такие безмолвные проявления тревожили Наталью еще больше, чем если бы Юлька разрыдалась у нее на груди. Известно, как глубоко Юля умела прятать свои переживания. Иногда до нее невозможно было достучаться. Однако, это вовсе не означало, что давалось Юльке все с легкостью.

Тем труднее, что дочь вообще не любила показывать свои слабости. Никто не учил ее этому. Наоборот, всю жизнь Наталья добивалась установлению между ними доверительных отношений. Наверное, поэтому столь откровенный и внезапный вопрос немного смутил.

Свои мысли Юлька вывалила ей как снег на голову.

Хотя, чего удивляться снегу в январе...

— Что нам не стоит встречаться, — бесстрастно договорила Юля, чувствуя, как внутри все снова сковывает от боли, казалось, уже пережитой.

— Он прямо так тебе и сказал?

— Он сказал не так, но смысл тот же. — Девочка не отрывала глаз от журнала с кроссвордами, отвечая спокойно и четко. Даже немного резковато.

— Может быть, оно и к лучшему, Юля. Ты так загорелась, что я, честно говоря, боялась... мне показалось, что ты слишком серьезно стала к нему относиться. И как будто

все уже распланировала. – Наталья вздохнула свободно и, правда, почувствовав большое облегчение оттого, что эти отношения закончились, так и не начавшись. Странное дело, она начинала уважать Шаурина только за то, что он не ввязался в эту любовь. Хотя должно быть наоборот. – А нужно понимать, — продолжила она мягким тоном, — он старше. И... у него есть определенные потребности... раз уж мы подошли к такой теме.

— Может, и распланировала!.. И замуж за него выйти, и детей. Почему вы думаете, что все это игрушки? Почему сразу нужно кричать, что ничего серьезного в этом нет и быть не может? Ну и что, что он старше! Не на двадцать же лет! И уж, поверь, его потребности бы никак не пострадали. – Этот всплеск угас так же быстро, как и загорелся. Юля резко замолчала, уткнувшись в страницу журнала. Сжала губы в тонкую ниточку. Румянец залил щеки неровными пятнами.

Считала, что уже перетерпела состояние полнейшей беспомощности. Но стоило заговорить о своих недавних переживаниях, и она снова почувствовала себя так, словно ее бросили одну, ночью, в незнакомом месте. Как хочешь, так и выбирайся. А Юля очень хотела выбраться. Всеми силами старалась избавиться от этого разъедающего изнутри ощущения. Наверное, и сама до этого момента не представляла, насколько сильна ее привязанность к Денису. Если соотнести ее с той болью, которую она испытала, и до сих пор испытывала, то она, привязанность, огромна.

У Натальи даже дыхание перехватило от глубины эмоций, которые мучили дочь. Особенно задела последняя фраза. Она посмотрела на нее с нескрываемой тревогой.

— Пусть и дальше спит со своими шлюхами, — объяснила дочь. – А наша разница в возрасте проблема только до моих восемнадцати лет. Когда я стану совершеннолетней, вы мне ничего не запретите.

— Юля!.. – одернула мать, поражаясь озлобленности, с которой она выражалась. Озлобленности и цинизму.

Наталья налила себе чай и села рядом с дочерью. Юля уже не разгадывала слова. Сидела, распрямившись и постукивая кончиком авторучки о поверхность стола.

— Что? Я всего лишь называю вещи своими именами. Для меня все они — шлюшки. И никто мне не запретит думать и говорить по-другому. – Юлька не смутилась. Видимо, перелом в ней оказался мощнее, очень сильно повлияв на ее взгляды. Еще недавно, обсуждая такую щекотливую тему, она бы покраснела до корней волос, запуталась в ощущениях. Но сейчас ей было все равно. Не было неловкости перед матерью, не ощущала она неудобства. Говорила со взрослым равнодушием, с обыденным спокойствием.

Ей было просто все равно...

— Ах, вот откуда ноги растут... у твоего вопроса, — вздохнула мать, размешивая сахар в чае.

— Разве плохо, что я хочу узнать твое мнение по этому поводу? – Юлька скрестила руки на груди. Почему-то внезапно стало холодно. Дрожь пробежала по ногам.

— Что ты, милая моя, так и должно быть. Надо было тебя Дашей назвать – ты настоящий подарок для родителей. Просто, — мама улыбнулась доброй улыбкой, — я не могу привыкнуть, что ты выросла. Ты всегда будешь для меня маленькой девочкой. Единственное, что могу сказать: первый раз должен быть точно по любви. Не из-за любопытства или стремления повзрослеть, доказать кому-то что-то – только по любви. Когда ты этого захочешь душой, а не телом. Когда будешь готова.

— Мама, за это ты можешь не переживать, я в крайности бросаться не собираюсь.

Количество мозгов не только возрастом измеряется. Я же не совсем идиотка.

— Ты меня этим очень успокоила, — засмеялась Наталья. — Хорошо сказала: «не совсем»...

— Может я, конечно, чего-то и не догоняю в «силу отсутствия жизненного опыта», как вы любите говорить. Но уж кое-что понимаю. Вам с папой спасибо, мне мои глупости могут дорого обойтись. Кстати, мамуль, меня один мальчик на свидание приглашает.

— Да? Что за мальчик?

От Натальи не укрылось, что как только разговор зашел на другую тему, Юля расслабилась.

— Школу заканчивает в этом году. Местный сердцеед. Настойчивый такой.

— А ты?

— А я не хочу. Он еще до Нового года на уши мне приседал. И вот снова начал свое «ля—ля».

— Ну, может быть, согласиться тебе, пообщаться с ним, посмотреть, что он за человек, а?

— Зачем? Мне разговаривать с ним скучно, он меня раздражает. Нет, Славик очень умный — он как ходячая энциклопедия. Девочки от него пищат.

— Тебе виднее, конечно. Он симпатичный?

Юля задумалась.

— Да, думаю, да. Темноволосый. А брюнеты нынче в моде, — ухмыльнулась.

— А глаза?

— Что?

— Глаза, какого у него цвета?

— Светлые. Или темные? Или... Не знаю я, не помню, не присматривалась.

— А у Дениса?

— Серые. А когда злиться — темнеют. С холода — совсем светлые, почти бесцветные.

Интересно, правда?

Мама продолжила спрашивать:

— Высокий?

— Кто? Славик — да. Высокий. С моим ростом недорослики ко мне не подходят.

— Раньше из-за своего роста ты комплексовала.

— Было дело. Сейчас уже нет.

— А часы Славик носит?

Юля подняла на маму недоуменный взгляд.

— Наверное, — пожала плечами.

— А Денис?

— Что это за блиц-опрос? Носит он часы. На левой руке.

— Все понятно. Я просто сравниваю их двоих. Вот ты говоришь, что со Славиком тебе скучно. А с Денисом вы о чем разговариваете? С ним тебе не скучно?

— Не скучно. О всяком, мама, разговариваем, о разном. Это выходит само собой. — «Вернее, выходило» — поправила себя в мыслях. Теперь любые с ним разговоры давались ей с огромным трудом. Возможно, позже, она сможет реагировать на Дениса спокойно, но пока — нет. — А со Славой я словно анкету заполняю. Вопрос—ответ.

— Ну, тогда и не нужно через силу. Хотя, бывают случаи, вроде человек поначалу дико раздражает, а потом ничего — налаживается контакт.

— Не хочу я никаких контактов, — не уступала Юля.

— Зря. Опыт, знаешь ли, на голову тебе не свалится, пока ты дома сидишь кроссворды разгадываешь. Чтобы научиться понимать людей, надо общаться.

— В этом ты, наверное, права. Ладно, подумаю.

Мама права, и Юля это понимала. Сидя дома, едва ли можно разогнать депрессию. Нужно по возможности отвлекаться, общаться с друзьями, найти себе какое-нибудь интересное увлечение.

Наталья потягивала чай. Смотрела на Юльку и не знала, что сказать. Обычно слова находились всегда. Но сегодня она не знала, как поддержать дочь. Все советы казались пустыми и ненужными. И почему-то – неправильными. Если бы Юля плакала... Но она снова сидела, уткнувшись в журнал, пробегая по строчкам сухими глазами. Сидела, говоря всем своим видом, что в помощи она не нуждается. Ее лицо снова приобрело бледность, немного болезненную, да и губы стали бесцветными. Здоровье можно поправить витаминами, но вот как помочь в лечении душевных ран – вопрос.

— Мам, когда мы к бабуле поедем?

— Как отец решит свои дела и освободится. На днях думаю.

— Здорово, я так соскучилась по ней. Он мог бы просто отправить нас туда, я бы с удовольствием побыла там на каникулах.

— Он тоже хочет с матерью повидаться. Как приедем, видно будет.

— Наташ, сделай нам чайку.

Когда отец вошел, Юля не подняла головы, подставляя в строчку очередное слово.

— Юра звонил. – Наталья кивнула и поставила чайник.

— Да, я знаю. Он искал меня. Сейчас перезвоню.

Внутри у Юльки екнуло. Отчего и почему – сказать не могла. Но что-то заставило ее оторваться от своего увлекательного занятия – какие-то смутные ощущения на правах интуиции. И сразу озноб сменился жаром – в дверях стоял Денис. Вот кого-кого, а Шаурина она никак не ожидала увидеть. Когда отец вышел позвонить, Денис поздоровался и положил на край стола папку, что держал зажатой подмышкой.

— Юляш, ты будешь? – спросила Наталья.

— Нет, мамочка, спасибо. Сыта по горло, — на последнем язвительном слове Юля бросила уничтожающий взгляд на Дениса, сгребла журнал с авторучкой и вышла.

— Вот оно как, — сказал он, когда Юля скрылась с глаз.

Наталья в ответ только протяжно и громко вздохнула. Потом, памятуя о Юлькиных словах, взглянула ему в глаза.

Ты смотри!.. Точно, они у него прямо стальные стали с мороза, блестящие. Все, как дочь говорила.

Ясно, что Юля в любовь окунулась с головой.

Так быстро и просто это не пройдет, даже если сейчас она чувствует себя разбитой. Никого она вокруг себя не видит, никого не замечает. Ее мальчик на свидание приглашает, а она даже не помнит, какого цвета у него глаза...

Высоко над затихшим городом стояла луна. Холодная и безжизненная.

Затренькал дверной звонок. Денис натянул футболку, которую некоторое время держал

в руке, и нехотя отошел от окна. Нехотя, потому что теплый душ вогнал его в легкий расслабленный транс – шевелиться было трудно.

Как и ожидал, за дверью стоял Вадим.

— Увлекательно, — засмеялся Денис, увидев большой глобус. — Заваливай.

— А как по-другому. В самый раз для твоей блудной души. — Друг ответил улыбкой и прошел внутрь, втаскивая подарок.

Огромная прихожая встретила теплом и запахом присущим только новым еще не обжитым помещениям. Его можно назвать пустым.

Но разве бывает пустой запах? Как видно, бывает...

В простенках между дверями ярко горели светильники. Посреди комнаты бежала светлая ворсистая дорожка. Шкафы из темного дерева высились как исполины, подпирая потолок.

Оторвав презент от пола, Денис поразился его весу:

— А чего он тяжеленный такой?

— Я ж говорю – для души. Зри в корень. — Вадим убрал куртку в гардероб и потер продрогшие ладони. Откинул верхнюю часть шара. Все оказалось не так просто, внутри был бар, уже заполненный спиртным.

— Вот это да! Другое дело, — одобрил Денис. — Давай по рюмашке тогда, что ли.

— Что ли, лучше по две... — кивнул Вадим, следуя за другом на кухню. Далеко «глобус» убирать не стали. Пристроили тут же у круглого обеденного стола.

— Случилось чего? — спросил Денис.

Вадим хотел ответить, но сбился с мысли, уставившись на декорированную стену.

— А-а... — протянул Шаурин. — Ты еще не видел этого рукоблудства?

— Нет. Эффектно, конечно. Это ты сам придумал?

— Боже, сохрани, — Денис приложил руку к сердцу.

— А чего она не голая?

— Не обижай Машку, она девушка приличная. Мы с ней уже сдружились. Чего не голая надо спросить у тех, кто ее сюда определил.

— Не думал, что все у тебя так плохо, что пора на стенку баб лепить.

— Я и сам не думал, а вот теперь задаюсь вопросом.

— Ладно, доставай колбасу – закусь за тобой. Я пойду руки помою и осмотрюсь на местности. А то в прошлый раз я видел только бетонные стены.

Пока друг бродил по комнатам, Денис вытащил из холодильника все съестное.

— Что я могу сказать, красиво жить не запретишь, — развел руками Вадим, когда вернулся. — Я надеюсь, мы не новогодние салаты доедать будем? — ухмыльнулся Бардин, глянув на «скатерть—самобранку» организованную за несколько минут.

— Нет, считай, тебе повезло. Танюха приходила. Так что сегодня будет все прилично с салатиками и мясом «по-французски». Ладно, оставим лирику, чего случилось? Рассказывай.

— Что рассказывать? — Бардин бухнулся на стул и ткнул пальцем в «глобус»: — Если что, я за отечественного производителя.

— Понял – не дурак, был бы дурак – не понял. — Денис занял свое место за столом и свернул крышку на бутылке «Столичной». — Что-то должно было произойти, чтобы ты оторвал свою задницу от дивана и примчался ко мне среди ночи.

— Давно не виделись.

— Допустим.

— Я человека убил.

То ли подумать Денису нужно было после услышанного, то ли еду прожевать, но некоторое время он молчал. А когда заговорил голос его остался таким же ровным и спокойным, как и прежде:

— Давай определимся: ты убил человека или преступника?

— А есть разница?

— Для меня нет, а для тебя есть. Убил при задержании?

— Да.

— Отписался?

— Да.

— В чем проблема? – равнодушно пожал плечами.

Настала очередь Вадима помолчать. Не мог он внятно объяснить свое состояние. Возможно, не хотел. Сложно было признаться, что с того момента боялся оружие в руки брать и появилась в нем самая-то незнакомая неуверенность, мешающая работать. И просто жить — мешающая.

— Снится? – спросил Денис.

В этом коротком слове прозвучало понимание. Хотя было оно едва уловимо, как холодок, веющий от окна в морозную стужу.

— Да.

— Когда следующий раз приснится, расскажи ему анекдот, — мрачно пошутил Шаур, кидая на Вадима пронзительный взгляд.

— Ты когда-нибудь стрелял в человека?

Денис потянул время, с удовлетворением отметив, что в светлых глазах друга, еще недавно безжизненно блеклых, блеснули искры.

Эмоции – это хорошо. Именно они сейчас ему и нужны.

Заданный секунду назад вопрос завис где-то вверху, накаливая воздух напряжением, как гроза наливает чернотой тучу.

— Давай перефразируем, — нарушил тягостное молчание Шаурин. – Хочешь спросить, убивал ли? Потому что можно стрелять, но не убить. Можно даже не ранить. Можно и по пустым бутылкам стрелять... – После этих слов Денис потянулся к бутылке, разлил водку и после выпитой стопки сказал: – Только первый снится, следующие не будут. А потом и первый перестанет. И будешь, ты, Вадя, спать мертвым сном. Каламбур какой, да? – рассмеялся резким немного неестественным смехом.

Этот смех неприятно резанул Вадима. Свою рюмку он так и держал в руке, не в силах разжать напряженные челюсти, чтобы влить в себя водку.

— А ты, как видно, в этом толк знаешь, — ответил он с надтреснутым сарказмом и, словно вспомнив, что нужно выпить, глотнул алкоголь. Сквозь его мрачную иронию стала прорываться злоба, озаряя мозг яркой вспышкой и удачно заменяющая чувство безысходности.

— А есть еще один вариант: придут они как-нибудь к тебе все вместе, — криво усмехнулся Шаурин. – Да не смотри на меня так. Удивлен?

— Не знаю почему, но нет — не удивлен, — опустив взгляд в тарелку и взявшись за вилку, сказал Вадим. К горлу подкатил нервный ком, и он никак не мог его сглотнуть. Даже водка не могла протолкнуть его дальше. Губы сжимались крепче, а лицо каменело.

— Есть такие страницы в жизни, о которых не рассказывают ни друзьям, ни родителям. И ни в личном деле, ни в военном билете их тоже нет, — тихо сказал Денис без смешка и иронии.

— Ты говорил, что на войне не был. — Вадим поднял голубые глаза, обмякая губами. Что скрывать, после этих слов напряжение немного спало. Нарисованные в уме версии отпали.

— А я и не был. — Тон Дениса сменился — стал жестче, но в разговоре появилась душевность, которой раньше не было. — Точечные операции — это не война. Прилетели — бац-бац... и улетели. Но мне хватило. Выбейся из этого дерьма, Вадим. В жизни нет прописных истин. Они никому не нужны, люди их боятся. Я и сам их не люблю, потому что они мешают гибко мыслить. Нам с детства внушают, что нет ничего ценнее человеческой жизни, а потом когда мы вырастаем... — Денис замолчал, но оба знали, какие слова заполнили бы эту паузу, — ...всему находится объяснение.

— Я все понимаю. Но это почему-то от меня не зависит. Оно все ясно, но на душе как-то... дерьмово, — прозвучало, будто со скрипом.

— Дерьмово, потому что ты — *нормальный*. И это только от тебя зависит. Никакой мозгоправ не поможет. Никто. Никто, кроме тебя самого. Выбейся, Вадим. Выбейся сам. Мне сложно тебе что-то объяснить. Я бы хотел. Но мне сложно. Знаешь, что значит чувствовать себя палачом? Даже если палачом тебя заставляет быть Родина... Не знаешь. И, слава богу. Поэтому просто сказать: «Брось, не бери в голову!..» я не могу. Это будет неправда. Бери в голову, включай мозги, но только не до такой степени, чтобы докатиться до военного синдрома.

Когда Вадим зашел этим вечером в квартиру, на первый взгляд ничего не выдавало его нервного взвинченного состояния. Только по каким-то несущественным мелким проявлениям Шаурин заметил, что что-то не так. Очень хорошо знал своего друга. Потому и чувствовал его, наверное, как себя. И понимал прекрасно. Понимал даже больше, чем мог сказать. Хотя и всего сказать не мог. Расстрелять человека из пистолета это совсем не то, чем, глядя в перекрестие оптического прицела. В перекрестии нет человека. Есть только силуэт — без судьбы, эмоций, без жизни. Просто силуэт.

И тем ценнее спокойствие таких людей, как Вадим. Что взять с бездушных? — у них безразличие в крови и камень вместо сердца. Их бесстрастность — результат апатичности чувств, а не внутренней работы. В их спокойствии нет сдерживаемого равнодушия и эмоций. Оно пустое. Мертвое.

А Вадим, как реактив в стеклянной колбе. Вот—вот и будет взрыв. Знал Денис, каким огромным трудом оно дается — такое спокойствие. Сам равнодушным не был. Просто научился контролировать свои реакции.

Но бесчувственным никогда не был.

— Слышал про такое.

— А я тебе еще раз напомню, — продолжал Шаурин. — Нажимаешь на спусковой крючок раз, второй, третий... С четвертым приходит сладкое чувство вседозволенности. Уже никто не снится. Ты считаешь, что ты прав. Запускается механизм ложного героизма. Начинаешь кидаться на всех и вся — и тебе даже приказ не нужен — кто-то не там окурочил, кто-то косо на тебя посмотрел... Но только в спокойном мире твой героизм нахрен никому не нужен. У тебя немного другой случай, но последствия будут такие же, стоит только свернуть не в ту сторону.

Вадим расслабленно откинулся на стуле и опустил широкие плечи.

— Я не знаю, как тебе это удается. Но вот... чувствуя себя, как школьник. А задачка-то такая легкая была!

— Угу, — промычал Денис, цепляя на вилку кусок ветчины, — можно и ответ в конце учебника посмотреть. Только вот «решение» от тебя зависит. Все «трупы» надо на работе оставлять. Держи баланс, Вадя.

Вадим вымученно выдохнул. Губы порозовели, на них мелькнула тихая улыбка.

— Баланс... — повторил он, будто слово ему это не знакомо и слышал он его впервые.

— Ты не замечал, что люди вашей профессии часто имеют странные увлечения? Казалось бы, на первый взгляд, несовместимые с подобным образом жизни. Кто-то регулярно ходит в филармонию, кто-то выращивает зимние сады, коллекционирует марки... Каждому свое. И ты найди себе отдушину, не зарывайся в работе, приобщайся к прекрасному, иначе закаменеешь. Как говорится, спешите жить, и чувствовать спешите...

— Звучит, как тост.

— Заметьте, не я это предложил, — отчеканил Шаурин, свободно улыбнувшись.

Только сейчас дышаться стало легко. Вадим, который до этого ел, почти не различая вкуса пищи, почувствовал себя ужасно голодным. И во рту возникла странная сухость. Хотелось пить. И курить. О последнем он высказался. Денис захватил сигареты и вытащил друга на площадку.

Стоя перед широким окном, закурили.

Луна стала еще больше и ярче. И, кажется, покрылась тонкой корочкой льда.

— А ты-то сам как уравниваешь свою жизнь? — вдруг спросил Вадим. — Монетки или марки собираешь? Тоже к прекрасному приобщаешься?

Знал бы Вадим, какие чувства вызвал в Шаурине этот простой и шутливый вопрос. Мысли о Юле, бродящие в тупиках сознания и подступающие время от времени, сейчас ринулись все в одну точку, и мечущийся в душе образ девочки лег в давно готовую ячейку. Лег крепко и звонко. Со щелчком. Денис даже посмотрел на Вадима, как будто ожидая, что и он отреагирует на этот только ему самому слышный звук.

— Приобщаюсь... — сказал Шаурин, затягиваясь. Красный огонек сигареты высветил на золоте яркий блик, — ...постепенно.

Внутри стало тепло. Горячо.

От водки ли?..

ГЛАВА 27

Юля все же последовала совету матери и согласилась на свидание со Славой.

Мама права: нужно общаться с мальчиками, чтобы научиться понимать их. Конечно, Слава — не Денис, но, возможно, этот опыт как-то поможет ей разобраться в чувствах Шаурина. И в своих тоже.

Как известно, в переживаниях и чувствах можно копаться бесконечно.

И каждый раз будешь открывать что-то новое.

Правда, не представляла девочка, что дастся ей эта встреча так тяжело. А если бы знала, чем закончится, то отказалась бы от нее и вовсе.

Отсутствие горящего предвкушения и эйфории перед свиданием не помешали подготовиться к нему как следует.

По своей природе Юля была чистюлей и аккуратисткой. И к своему внешнему виду

всегда относилась придирчиво. Только вот, перебирая вещи, выбирая, что надеть в столь знаменательный для себя день – все-таки, как ни крути, это ее первое «официальное» свидание, – Юля поняла, что все ее вещи очень скромные, лучше сказать, пуританские. Как раз для подростков – не женственные, не вызывающие. Одним словом, вещи школьницы, а не девушки. Просто кофточки, просто юбочки – без умысла подчеркнуть достоинства или скрыть недостатки. А все же, хотелось выглядеть как-то по-особенному. Не для Ярослава – оказывается, так звучало его полное имя, – для себя.

Перерыв все в шкафу вверх дном, Юля нашла-таки подходящий наряд – серое, из тонкого трикотажа, платье. В него она и влезла, набросив сверху удлиненный кардиган в серо-белую горизонтальную полоску.

Она далеко убрала этот комплект и не собиралась его надевать — ткань показалась колючей и не очень приятной телу. Но сейчас, примерив, посчитала, что неудобство это не такое уж большое, так что пару часов в этом платье она вполне выдержит.

Ах, лучше бы она закинула это платье туда, где оно и валялось!

Что ни говори, а Ярослав, конечно, старался сделать их встречу особенной. Хотя, чего может быть особенного морозным январским днем. Разве что, снег, падающий с неба пушистыми хлопьями, и деревья, покрытые кружевным инеем. Или ярко-голубое небо, прикрытое прозрачными перистыми облаками, словно нанесенными кем-то широкими небрежными мазками – тонкими, как пергаментная бумага.

Только Юле было не до всей этой красоты. Едва только вышла из дома, как стылый ветер прилип к щекам, так и нехорошее предчувствие так же неотвязно к ней прилипло. Списав это на свое вялое настроение, девочка приказала себе успокоиться и глубоко вздохнула.

Это не помогло. Муторное чувство, что поселилось в душе, никак не хотело уходить.

Два часа в кафе показались вечностью. Ничего нового она для себя не узнала, удивить ее Славе не удалось. Рядом с ним она чувствовала себя бесчувственной деревяшкой. На какой-то момент даже стало стыдно. Но что поделать, если не интересными казались его истории, вопросы – раздражающими. Чтобы на них отвечать, приходилось делать над собой усилие. А уж спрашивать что-то самой – не хотелось вообще.

Жутко разболелась голова, от колючего платья по всему телу пошел зуд. А кино...

Юля не могла дождаться, когда сможет попроситься со Славиком, пообещав себе никогда больше не устраивать таких рискованных для собственного душевного спокойствия мероприятий.

Они все обречены на провал. Потому что Славик – не Денис. И любой другой тоже будет – не Денис.

Несмотря на собственное замешательство и неуютное чувство в груди, Юля старалась не подавать виду и быть с Ярославом вежливой. Ведь никто не тащил ее сюда силой. Пошла она добровольно, а значит и приличия нужно соблюдать. Как уж это у нее получалось и получалось ли вообще, судить не могла. Но прикладывала для этого все усилия. Хотя мило улыбаться было невероятно трудно. Еще труднее изображать на лице заинтересованность. Она могла все это провернуть, общаясь с родителями, просто с близкими людьми... Наверное, получалось, потому что они родные и к ним в любом случае невозможно испытывать ледяного равнодушия, что она ощущала к этому парню.

Пожалуй, единственное, что ее радовало безмерно, так это то, что Слава не додумался прийти с цветами. Честно говоря, слабо представляла, как зайвится домой с букетом. Да и не

в этом дело. Не хотела она никаких от него подарков. Даже таких невинных, как цветы.

Кино, впрочем, ждала она не с меньшей радостью. Ждала, как спасение. Представляя, что на целых полтора или два часа будет лишена томных взглядов и натуженных разговоров. Все это, и сам Славик тоже, ужасно злили. Пусть умом Юля и понимала, что мальчик не виноват. Дело в ней самой.

Не нравилось ей, как он смотрел на нее; касания его были какими-то хлипкими; и сам он рядом с ней казался бестелым. Не чувствовала она с ним себя уверенно и спокойно. А как оказалось, собственное спокойствие – дороже всего. И не стоит жертвовать своими нервами ради каких-то сомнительных свиданий. Что толку, если только и думаешь, что бы такое устроить, чтобы удрать с него побыстрее.

После фильма, стоя перед гардеробом, ожидая пока Ярослав подаст ей шубу, Юля очень сдерживалась, чтобы первой не рвануть к выходу. Очевидно, что перед кинотеатром ее уже ждала машина.

На крыльце она повременила. Теперь уже можно. Целый день мучений закончился, так что пара минут значения не имели.

— Тебе понравился фильм? – спросил Ярослав.

— Да, очень, — сказала Юля, широко улыбаясь.

Прощание — самые приятные минуты в их свидании. Оттого ответ ее прозвучал правдиво, а улыбка стала настолько искренней и волнующей, что Слава, видимо, понял это по-своему. Не особо деликатничая, и не спрашивая разрешения, он обнял Юлю за плечи, притянул к себе и поцеловал в губы.

От такой наглости Юля опешила. Да и как тут не опешить? – все случилось так неожиданно. Это все-таки ее первый поцелуй! И она никак не предполагала, что случится он с каким-то юнцом! – а таковым она Ярослава и считала.

Может, Слава и желал сделать их поцелуй жарким, но ничего не получилось. Юля просто почувствовала его холодные губы на своих. И все. Сам он тоже был каким-то ледяным, так и хотелось его оттолкнуть от себя подальше. Но отталкивать не пришлось. Он сам отстранился.

— Мне кажется, ты поторопился, — произнесла Юля, резким тоном осаживая его пыл. – Не стоило этого делать.

— Да брось, ты! Это же просто поцелуй. Что тут такого?

— Ничего. Вот на этом и закончим. Спасибо, приятно было провести время. Не провожай.

— Я позвоню?

— Не стоит. Все, что мог, ты получил сегодня. На большее не рассчитывай.

Некоторое время назад Юля контролировала проявления своих чувств, чтобы не обидеть парня, сейчас же вкладывала в слова всю их силу, чтобы Ярослав понял – ничего ему не светит. И его мнимые обиды – уже совсем не волновали.

Не собиралась она с ним целоваться. Даже не думала об этом. Только один человек в мире вызывал в ней такое желание. Только с ним она хотела познать это удовольствие. Ведь поцелуй – это удовольствие? Так говорят. А еще говорят, что они разные на вкус. Так вот, поцелуй с Ярославом был безвкусный. Холодный. И ненужный. Совершенно ненужный.

Юля набросила на голову капюшон шубки и поспешила спуститься с крыльца, попутно окидывая глазами стоянку перед кинотеатром. Всего несколько машин были черного цвета, и девочка без труда отыскала глазами свою. Только вот, когда разглядела номер, в жар ее

бросило. Сумерки уже упали на город, но она без труда разобрала цифры. Рекламные неоновые вывески и уличные фонари очень ярко освещали площадку.

Теперь ноги не шли. Будто закаменели. Юля не чувствовала под собой почвы и боялась идти вперед, будто знала, что тут же поскользнется и рухнет на расчищенный от снега мерзлый асфальт.

Как, помилуй бог, он тут оказался? Каким ветром за ней принесло именно Дениса?

И черт раздери того Славу, с его безвкусными поцелуями!

Конечно, можно понадеяться, что Денис не заметил их. Но в душе Юля знала: бесполезно. Закон подлости такой. Он всегда работает.

Не всегда мечты сбываются. А уж надежды – тем более.

Денис сидел в машине замерев. Не шевелясь. Состояние было подобно состоянию стального стержня, который сначала раскалили добела, а потом опустили в лед. Чтобы он, шипя и сопротивляясь, остыл, и температура его приблизилась к минусовой.

Наталья попросила забрать Юлю и привезти домой. Обычное дело. Конечно, желательно, чтобы ее возил один и тот же человек. Но случилось всякое, потому Монаховы любого, кто был свободен, или не был, могли попросить привезти дочь домой.

Но Денис знать не знал, что предстоит ему увидеть такую сцену на крыльце кинотеатра. Не был готов к этому. Не догадывался, с кем Юлька сегодня проводила время. Даже не задумывался. Не высматривал ее, лишь скользнул взглядом по головам, теперь удивляясь, как в толпе смог различить ее. С другой стороны, в длинной норковой шубке Юлю трудно было не заметить. Не так много «шубок» мелькало у здания.

Когда Юля развернулась лицом, на его грудь легла огромная невыносимая тяжесть. Именно когда она повернулась, и в девушке, которую целовал какой-то парень, он точно узнал свою Юлю.

Отпали последние сомнения. Откуда-то снизу, с живота, начала подниматься гастритная боль. Постепенно она охватила все тело — грудь, мозг, сознание — заломив в затылке, запылав в кончиках пальцев.

Больно было невыносимо. Больно до онемения в каждой клеточке.

Сейчас было совсем по-другому. Не так, как тогда в бассейне. Несравнимо. И необъяснимо даже для самого себя. Если это ревность, то она убийственная. Но, похоже, это что-то большее, чем просто злость на соперника. Да и какой ему соперник этот молокосос.

Сам факт того, что его девочку кто-то целует и обнимает, вызвал внутри тошноту. Настоящую непритворную тошноту.

Юля села в машину. Он не смотрел на нее, не знал, улыбалась ли она, выглядела ли растерянно или довольной. Смотреть ей в глаза не хотелось. Возможно, боялся он увидеть следы счастья на ее лице.

— Юля, посиди, я сейчас, — сказал он, расслабляя лицо. Чувствовал острую необходимость вдохнуть морозного воздуха. Маловероятно, что это поможет ему успокоиться. Только что еще можно сделать, пока не придумал.

Дверь открылась и закрылась. Ворвавшийся в теплый салон лихой ветерок ударил по щекам холодом.

Господи, почему нужно было приехать именно ему? Отец мог послать кого угодно, но приехал Денис...

Юля хотела глубоко вдохнуть, но получилось коротко и прерывисто. Заполнить внезапную пустоту в груди не получилось и ощущение, что она предательница – не ушло.

Лучше бы он накричал на нее, устроил ей сцену, как тогда в кабинете, оформил бы хорошенькую встряску. Она бы знала, как среагировать. А не так... Так, молча, у нее у самой душа разрывалась.

Вот такая она настоящая любовь — владеющая разумом и телом?

Никакие доводы рассудка не помогали, не облегчали ее внутреннего состояния. Не вспоминалось, что когда-то Денис оттолкнул ее, обидел, отверг; забылись его жестокие слова. Осталась только ее душа, яростно желающая жить для него, быть с ним, и никому не позволять вмешиваться в их отношения. Окатить Дениса равнодушием – это одно, а вот целоваться с мальчиками – совсем другое дело.

Юля была уверена, что все он видел. Можно попробовать убедить себя, что Шаурину крайне безразлично все произошедшее, оправдать себя, но она не пыталась. Любила ведь его всем сердцем, и действовать хотела по сердечному велению, а не вынужденно обстоятельствам.

Денис купил сигареты. Из машины Юля видела, как он подходил к киоску, расположенному тут же недалеко от парковки. Ей показалось, что это лишь повод, чтобы уйти на время. Не хотел он ее видеть, даже не взглянул на нее, когда она села в машину.

Значит, ему не все равно...

Ехали молча. Юля не знала, что сказать и сомневалась, нужно ли вообще что-то говорить в этой ситуации. Музыка не играла, оттого тишина в машине была гнетущая.

А что мог сказать Денис? Обвинить ее в чем-то, разозлившись? Нагрубить? Разве это выход и решение его проблемы? Да, эта любовь становилась для него огромной проблемой.

Юля девушка – молоденькая, цветущая и встречаться ей нужно с мальчиками ее возраста. Чтобы дарили они ей цветы, развлекали всякими разными способами. А он при всем своем желании не сможет устроить ей такую радостную и веселую жизнь. И объятия эти, поцелуи... Денис понимал это. Так должно быть, но от этих мыслей снова становилось тошно.

Автомобиль въехал в ворота. Окна на первом этаже особняка светились слабо, будто из глубины. Это означало, что свет горел только в холле, а родителей не было дома. Вместе, так же молча, не глядя друг на друга, Денис и Юля сбросили в гардеробной верхнюю одежду. Юля поспешила в свою комнату, он пошел следом, собираясь зайти в гостиную.

Уже немного отпустило. Но только до того момента как Шаурин вспоминал сцену на крыльце кинотеатра.

Да, все правильно – свидания, цветы, конфеты, поцелуи... А потом...

А потом он схватил Юльку за руку, стащил с первых ступенек лестницы и, протаскивая за собой, забросил в кухню – по-другому то, как Юля туда попала, назвать было нельзя.

Рывком он вытолкнул ее вперед, да не рассчитал силы, — пробежала Юлька несколько метров, сбила по пути стул и остановилась где-то в районе разделочного стола. Не то чтобы это получилось сильно грубо. Нет, резко и неожиданно. Снова неожиданно... Сплошные сюрпризы сегодня. Неужели она так похожа на марионетку?

Она, правда, не ожидала, что он схватит ее, шла к лестнице, чтобы подняться к себе и, может, снова поплакать. На душе было ужасно горько. Почему же такое прекрасное чувство, как любовь приносит так много страданий? Сколько она уже выплакала слез, сколько дум передумала... Не хотела ничего плохого и снова...

Денис был уже рядом. Как только оказался, положил руки ей на плечи и сжал их.

— Скажи только, он тебе нравится? – Не думал начинать разговор. Потянул ее в темную комнату под влиянием совершенно другого чувства. И теперь услышав свой вопрос, сам удивился, что задал его.

— Нет. — Она для верности помотала головой. Плечи ее дрожали. И руки дрожали. Денис это чувствовал.

— Тогда зачем? – продолжал задавать глупые вопросы. Такие глупые, что в другой момент саркастически рассмеялся бы. Но не сегодня. Сегодня было все не так. Сегодня его ломало по-настоящему. Это уже не просто яростное возбуждение или нервный срыв.

У Юльки, конечно, имелся хороший вариант для ответа. Денис даже ожидал его. В какой-то мере, понял бы, скажи она, что он сам во всем виноват. Но его Юля, она и, правда, особенная. Не пошла по этому пути, не рисовала на лице равнодушия. Хотя, для того, чтобы четко различить выражение ее лица было недостаточно света, голос выдавал ее с головой. Сам тон, каким она произносила слова, говорил о многом. Говорил обо всем. Заставлял ей верить. Невозможно ей не верить.

— Я не хотела. Не ожидала. Это все так глупо вышло, — признавалась она полупшепотом.

Денис замолчал, продолжая удерживать ее на месте. И себя продолжал удерживать. От вопросов. От ярости и злости. Вспоминал все техники, которые могли помочь вернуть самообладание. Нельзя срывать на Юлю. Она ведь не заслуживала этого. Она его красивая невинная девочка. А это... ну всего лишь какой-то поцелуй... Разумом нужно принять это, хотя, когда в дело включалась физиология, усмирить себя было не так легко.

Так странно, они оба с улицы, немного продрогшие, пропитанные морозом, должны быть холодными. Но холода между ними не было. Был жар – особенный, трепетный. Было что-то в голосе Дениса, что вызывало внутри дрожь. Не страха. Какую-то другую дрожь.

Отбросив свои сомнения, Юля потянулась сама и обняла его за плечи. Привстала на носочки. Если смогла бы, забралась выше и обвила его ногами, прижалась так тесно, чтобы стать с ним одним целым.

Надоело наступать себе на горло, играть неприступность – все это ложилось на сердце тяжким осадком и ранило ее саму. Кроме того, что-то внутри подсказывало, что Денис не оттолкнет.

Чего уж, не «что-то внутри», а он сам. Кончики его пальцев уже касались спины. Слегка. Но она так остро чувствовала каждое его прикосновение... И уже через мгновение руки крепко прижали ее к себе. Так крепко, что вздохнуть невозможно. Можно и не дышать. Ради этого можно и не дышать...

В душе поднялась волна, больше, цунами тепла и нежности. Удовольствия, которое она не могла ни с чем сравнить. Наверное, вся тоска ее полезла наружу, все страдания – любовь, смешанная с обидой, ревность к неизвестным соперницам, удвоенная разочарованием.

До этого дня он никогда не обнимал ее так. Так крепко и с таким чувством. Это не объятие-утешение, не приветствие, не прощание. Это объятие, каким мужчина прижимает к себе любимую. Чтобы чувствовать ее дыхание и слышать стук сердца.

Не собирался Шаурин вести с Юлей беседы, действовал исключительно из-за своего – называйте, как хотите, — собственнического инстинкта, ревности, желания обладать ею. Чего угодно... Соскучился до невозможности мыслить здраво; хотел почувствовать ее рядом хотя бы так; хотел обнять с этим открытым в себе новым ощущением, с новым осознанием.

Да, испытывал при этом огонь в крови, затмевающий и злость, и ревность. И удовольствие испытывал. Но не безграничное. Потому что, еще не отпустив ее, думал, а что же будет завтра...

Раньше никогда не обращал внимания, во что Юля одета. Вернее, обращал, но во вторую очередь. А сегодня ее неброский наряд впечатался в мозг. Видимо, теперь каждый из них будет откладываться в его памяти. Ну да, она, Юля, его золотая монетка, марка – самая дорогая. А главное, что такую ни за какие деньги не купишь. Платье сделало ее совсем взрослой. А уж черный капрон на ее стройных ножках посреди зимы – и вовсе слабость.

— Я не хочу с ним, — прошептала она ровно. Все-таки, поддавшись желанию, потянулась вверх, и Денис приподнял ее над полом. Не будь на ней платья, точно задрала бы на него ноги, но сейчас не могла себе такого позволить. — Хочу с тобой...

Это как удар под дых. Денис сам себе запрещал думать о таких вещах. Потому что обычно думы его мало разнились с действиями. За мыслями обязательно следовали соответствующие дела.

Юля немного отстранилась. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы не прижиматься щекой к щеке, а смотреть в лицо. Чувствовала его дыхание у себя на губах. Это было уже приятно.

— Я люблю тебя.

Кажется, он пошатнулся, когда услышал ее признание. Так спокойно и уверенно она это произнесла.

— Не говори, — приложил указательный палец к ее губам. — Не надо. Не сейчас. Потом. Сегодня разговора у них не получится. Он определенно это знал.

Губы у нее были мягкие. Он скользнул по ним пальцем, потом по щеке...

Это касание губ все равно произошло. Не поцелуй. Просто касание, которое возможно им обоим показалось – таким мимолетным оно было. Но, кажется, воздух вокруг затрещал. Заискрился. Словно по ним двоим электрический ток пропустили.

Нельзя ему Юльку целовать...

Из глубины дома послышались голоса. Эти звуки взволновали тягучий воздух, показались чужими и неправильными, — как ледяной дождь при ярком солнце.

Юля крепко обвила шею Дениса руками, на какую-то секунду прижавшись к нему всем телом в последней попытке насладиться их недолгой, но такой желанной близостью. Потом же, с большим трудом отпустила его и пересекла кухню, чтобы щелкнуть выключатель.

Свет взорвал комнату, ослепляя на мгновение не только глаза, но и сознание, безжалостно разрывая возникшее единение и изгоняя иллюзию счастья.

Так не хотелось отпускать это мгновение. Задержать бы его, но, увы... Оставалось только мучиться туманным ожиданием следующей встречи и разговора, который страшил своей неизвестностью. Боялась, что безнадежностью.

Это Денис — олицетворение самого бесстрастия. А она... Наверное, у нее на лице все написано. Сейчас, после небольшого интимного потрясения, справиться с собой и стереть с лица следы душевного волнения было особенно трудно. Чувствовала себя разбуженным ребенком, который, еще не успев отойти ото сна, смотрит на окружающий мир слегка оторопелым взглядом.

Запустила безвольные пальцы в волосы, пробегая по рассыпавшимся по плечам, слегка взлохмаченным прядям. Потом поправила поясok на одежде. И тут же почувствовав духоту, развязала его, расстегнула маленькие пуговики и сняла бело—серую кофту.

— Юля, — позвал ее Денис.

Не решалась посмотреть ему в глаза. Вдруг мелькнет в них равнодушие? Волшебство рассеялось со светом, как будто и не было той непреодолимой силы, недавно притягивающей их друг к другу, и чувств, по-настоящему осязаемых, пронизывающих все существо — не было.

Денис подошел сзади, задержал руки у нее на талии.

— Завари чай, помой яблоки, дай мне воды из холодильника, — сказал, пригнувшись к ее уху, голосом, каким мама говорит ребенку «просыпайся» — осторожно, чтобы не напугать.

Юля силилась, вслушиваясь в слова, словно звучали они на незнакомом языке. Потом встрепенулась, оживилась, — как увядший цветок, напоенный водой, — набралась жизни, засуетилась, быстро передвигаясь по кухне. Отбросила кофту, которую растерянно стискивала в руках. Достала из холодильника бутылку минералки — приятно прохладную, — сжала горячими ладонями. Самой бы тоже не мешало воды глотнуть: во рту пересохло, горло неприятно стянуло.

Через несколько минут родители спустятся из спальни и зайдут на кухню. Яблоки... Ах, да!.. Заметила на столе целлофановый пакет с яблоками. Высыпала фрукты в раковину, открыла воду.

Все правильно, пока мыла их, монотонно шевеля руками, плескаясь в холодной воде, и сама немного остыла. Вроде бы, сердце усмирило бег, и румянец на щеках, должно быть, стал не такой явный. Все-таки не каждый день она к Денису в объятия попадала, такие моменты наперечет были. И уж, тем более, не каждый день в любви признавалась.

Ножка стула скрипнула об пол. Денис сел за стол, небрежно листнул, лежащий тут же перед глазами журнал.

— О, Юленька, ты уже дома, — констатировала мама с порога, сопровождая слова легкой улыбкой. По лицу было заметно, что находилась родительница в приподнятом настроении.

— Да. — Юля попыталась ответить спокойно — без предательской дрожи в голосе. Внимательный взгляд отца вызвал внутри напряжение. — Мы только приехали. Буквально, за минуту до вас.

— И как свидание? — спросил он без иронии. Но и не ласково.

— Средней паршивости. А как ваше? — мило съехидничала.

Однако же отцом то было проигнорировано:

— Что-то поклонник у тебя какой-то нерадивый. Так долго уговаривал и даже цветов не подарил.

Юля взвыла про себя и, тихо испустив тяжелый вздох, развела руки в стороны:

— Ну не все же такие порядочные кавалеры, как ты, папочка. — Поставила на стол чашки с чаем. — Мамуль, прости, я к себе пойду. А то поклонник мне чересчур разговорчивый попался, у меня от него голова разболелась.

— Таблетку выпей, если совсем плохо, — посоветовала мать.

— Если совсем плохо будет, выпью, — пообещала дочь и взяла кофту со стула.

Она удалилась, не думая, правильно ли среагировала, и естественно ли ее поведение. Чтобы думать, нужны мысли, а у нее их не было. Она, как неразумное существо, ограничилась только примитивными физическими ощущениями; если мозг и дальше будет продолжать отказывать, она может наделать каких-нибудь глупостей.

В комнате Юля металась, лоя подступающие и снова ускользящие мысли.

Мысли – на уровне предчувствий, внутренней, пока необоснованной, рыхлой, сродни первому снегу, уверенности. В конце концов, она не придумала ничего лучше, как успокоить себя, встав под горячий душ.

Струи мягко текли по телу, освобождая его, снимая невидимые оковы сомнений. Медленно Юля проникалась теплом, нагреваясь снаружи и внутри. Внутри больше.

Внутри – от новых ощущений, от внезапно прорвавшихся сквозь внутренние барьеры выводов. Все постепенно складывалось, даруя невероятную окрыляющую свободу. Складывалось, вырисовывалось в картинку. Вспоминалось, перемешивалось и снова разделялось на фрагменты. Отдельно, как слова и выражения; и вместе – как чувства.

Следовало вычленилть всего-то одну мысль – самую главную.

Все-таки отец отвез их к бабушке. Однако, если раньше Юля мечтала погостить у нее подольше, то сейчас три дня, проведенные в деревне, показались бесконечными. Однообразные зимние вечера быстро прискучили. Погодка – особо не разгуляться. А после болезни Юля старалась лишний раз нос из дома не показывать.

Она очень сильно тосковала по Денису, в дополнение ко всему, испытывая непреодолимое желание снова проникнуться теми обволакивающими ощущениями, какие открылись ей в их последнюю встречу. Поэтому новость о том, что остаток недели семья проведёт в коттедже на Поселковой, обрадовала, подкинув, буквально, до небес. Без Шаурина там точно не обойдется. Обычно в том доме отец собирал довольно большую компанию.

Может быть, оно и к лучшему, что несколько дней после того судьбоносного вечера они с Денисом провели в разлуке. Теперь не лишним было подумать и переосмыслить все еще раз. И не на горячую голову, теряясь от волнующей близости, а вдалеке. Хотя теперь о холодных трезвых рассуждениях едва ли говорить приходилось. И, несмотря на это, Юля решила взглянуть на них по-новому – на себя и него, на ситуацию, на их чувства. То, что они, чувства, обоюдные — уже сомнению не подвергалось. И оснований так полагать было предостаточно.

По-прежнему Юля считала: будь Денис к ней действительно равнодушен – не носил бы браслет. Может, не выбросил бы, не избавился, — но засунул подальше, чтоб на глаза вещь не попадалась. Она сама именно так и поступила бы. От Славика, например, даже цветы принимать не хотелось – как хорошо, что он их не принес! – не говоря уже о чем-то более ценном. Да пусть и не ценном. Неважно.

А вот Денис ее подарок не только принял, но и носил. А уж последний всплеск его и слова, и взгляды – очень много значили. Все же, если снова он попытается объяснить ей, что им «нельзя» и почему – нельзя, не представляла, как выдержит. Но и поделаться ничего не могла, а только лишь гореть слепым ожиданием. Радостная оптимистка в ней притихла, уступив место осторожной барышне, незнакомой пока, но, очевидно, — более разумной.

Боязно теперь – в омут с головой бросаться.

Памятуя о данном себе обещании не совершать опрометчивых необдуманных поступков, Юля пыталась скрывать свои чувства под маской безразличия. Особенно в присутствии

Шаурина. Но, к счастью, — не от него самого. Все, что ему нужно и можно, он уже узнал.

Ни капли она не жалела, что в тот злополучный день признание совалось с ее губ. В какой-то степени даже полегчало. Очень хорошо, что произошло это вот так — спонтанно. Безо всякой подготовки. Говоря «люблю», не надеялась на ответную реакцию, не рассчитывала услышать пылкие обещания. Ни о чем таком не думала, просто чувствовала, что в тот момент сказать это — самое правильное. Потому и не жалела ни о чем.

Юля отложила книгу, которую и так давно уже не читала. Мысли ее текли в своем русле и не касались сюжета, спрятанного за толстым корешком.

Ладно, духовная пища — это хорошо, но от урчания в желудке она не избавляет. Не сидеть же теперь вечно в комнате только потому, что ради собственной безопасности (и его тоже!), она запретила себе приближаться к Денису.

Юля вышла из комнаты и спустилась по лестнице. Первый этаждохнул прохладой. Верно, камин еще не разжигали. Обычно Лев Михайлович делал это вечером, когда все собирались в гостиной. Порадовалась, что, вознамерившись обновить свой здешний гардероб, взяла с собой теплые вещи. Нет, конечно, в этом доме их имелось в достаточном количестве, но кое-что уже поднадоело, а что-то и вовсе стало мало. Так что подарок бабули — очередная кофта ручной вязки — оказался как нельзя кстати. Сегодня Юля первый раз решила надеть эту кофту, благо, что пряжа не колючая. Хотя до этого думала: лежать ей в самом дальнем углу шкафа вместе с тем серым платьем. А кофта и похожа на платье — прямая без пуговиц, с узором из крупных кос. Вещь для холодных зимних вечеров.

Кухня гудела мужскими голосами и негромким басовитым смехом. Странно. Должно быть не все посчитали идею покататься на лыжах отличной. Юля и сама бы не прочь развлечься подобным образом, но только не решилась. Боялась снова свалиться под натиском вируса. Да и нога не позволяла. Вопреки благожелательным прогнозам медиков, связки не восстановились полностью. До сих пор время от времени ощущался дискомфорт, иногда даже боль, особенно при нагрузке. На смену погоды нога тоже реагировала болью. Вот и сегодня мышцы беспрестанно ныли. Терпимо, конечно, не неприятно.

Голоса и смех были узнаваемыми и вызывали безотчетную радость. Само собой, порадовалась Юля не Леньке. Хотя от мнения, высказанного как-то раз Шаурину, о том, что Лёня весьма интересный молодой человек, не отказывалась.

— Ю-ю-л-и-я! — протянул Вуич, голосом, каким говорит измотанный ожиданием человек.

Значит, и Лёня не избежал плачевной участи быть пришилленным к дивану с игральными картами. Кухня в этом доме пропиталась азартом больше, чем запахом еды. Правда, аромату кофе удалось пробиться сквозь эту пелену.

— Леонид, — приветствовала Юля, одаривая его снисходительным взглядом.

— Давай в картишки, а? — Руки его перебирали карты, а рот расплывался в улыбке. Лёня даже сдвинулся ближе к краю, освобождая место рядом с собой.

— Что, надоело пасьянсы в одиночку раскладывать? А Михалыч где? — Сложно было с Леной держаться серьезно. Такое у него лицо — выразительное. В зеленых глазах искры плясали, как чертики.

— А у него, сколько ни раскладывай пасьянсы, судьба одна — сейчас проиграет и пойдет вместо Михалыча снег чистить. — Денис поставил на столик две кружки. — Кофе будешь?

— Буду. — Юля бросила под ноги диванную подушку и присела рядом с Вуичем. — С этим... — осеклась. Что поделать, если иногда из головы вылетают самые простые слова.

— ...с молоком, — закончил Денис.

— Да, — кивнула.

Денис налил ей кофе с молоком и вернулся в кресло. Валентина Петровна, спящая рядом, быстро догадавшись, что третья кружка для Юли, сунула ему вазочку с печеньем.

— Чего ты улыбишься, как пьяная Джоконда? Карты раздавай.

Лёнька откозырял и вышел из «спячки».

— Я так полагаю: дама ходит, — сказал, после того как взглянул на свои карты.

— Вы поразительно догадливы, Леонид, — улыбнулась Юля и сверкнула козырной «шестеркой».

Игра пошла вяло – то ли день невезучий, то ли у Лёньки рука тяжелая. Хорошая карта не шла, Юлька то и дело сгребала «отбой». А скорее всего ей просто-напросто не удавалось сосредоточиться. Рядом с Денисом все чувства в разы обострились. К сожалению, не те, которые способствовали бы удачной игре.

— Отчего, вы, Юлия, сегодня так нарядны? – сладкоречиво выдал Ленчик, в очередной раз заваливая партнершу по игре. — Аж глаз радуется.

— Утренник в детском садике был, не успела переодеться. Соловей, ты, Лёня. – Юля обратно сунула ему в руку, выданную не в масть карту. Мухлевал Лёнька.

— Не соловей, — язвительно усмехнулся Денис. – Кое-кто другой. Матерным словом это называется.

Лёня рассмеялся заливистым и приятным смехом.

— Эх, губит меня мечта поэта, губит...

— Пишите письма мелким почерком. – Наконец Юле выдалась возможность достойно ответить Лёньке. Понятное дело, отбиться он не смог.

— Таки я всегда знал, что играть в карты с женщиной – опасно, — резюмировал он, тут же сменив обреченный тон на восторженный: — Но, черт меня раздери, увлекательно! Жаль, что играем не на голую красоту. – Последнюю фразу закончил шепотом, чуть пригнувшись к Юле.

— Как говорит уважаемый Бендер, Лёня, — задумчиво откликнулся на это Денис, не отрываясь от созерцания карт, зажатых в собственной руке, — набил бы я тебе рыло, только Заратустра не позволяет.

— Согласен. Прозвучало как-то непозволительно пошло. Юленька, я очень надеюсь, что сие скабрзное замечание не сильно обидело вашу нежную душу, — вовсю продолжал иронизировать.

— Леонид, надеяться ты можешь всегда... – сказала девушка, напустив на себя обманчиво строгий вид.

— Опять же – согласен. Бывают в жизни вещи, на которые рассчитывать не приходится. Рассчитывать на них – нельзя.

— В тебе поэт помер, Лёня, – сделал свой вывод Денис, оценив пыл друга.

— Не помер он, Денис, спился от безнадежности, – вздохнул Вуич.

— Все в жизни переменчиво, Леонид. – Юля переняла тон Лёньки. — И люди переменчивы. Сегодня нельзя, завтра – можно. «Нельзя» — не константа, это не есть постоянная величина. Люди же не дураки, никто и никогда не захочет добровольно запереть себя в резервацию. Люди любят свободу. Именно для этого придумали «исключение». Маленькому ребенку нельзя есть горчицу. Но когда он вырастит, возможно, он будет есть ее ложками.

Лёня с большей задумчивостью уставился в карты, потом потер широкий лоб и посмотрел на Юлю. Она его внимательный взгляд проигнорировала. Как и взгляд Дениса.

— Или он будет ее ненавидеть, — вставил свое слово Шаурин. И добавил, когда Юля посмотрела на него: — Горчицу. Ходи давай, богемный подонок. Юленька, ты такую информацию частями выдавай, а то, видишь, завис человек. Следующий раз может и в кому впасть от такого перегруза.

— А вы философ, Юлия! — оценил Вуич.

— Не претендую ни в коем случае, — покачала головой. — Так просто — произвожу впечатление.

— В правильном направлении двигаетесь, — одобрил он.

— Да нет, Лёня, — вздохнула девушка, — я на месте стою. Жду с моря погоды. Иногда лучше подождать.

Много позже Юля лежала, глядя в темный потолок, не пытаясь заснуть. Знала, что не получится. Уже который час не получалось.

Ночью всегда так — даже самые обычные вещи принимают причудливые очертания. Мысли принимают такие очертания — тоже. И, кажется, что рождаются они не в голове, а где-то сверху — в свободном пространстве. Остается только выхватывать их из воздуха.

Нога страшно разнылась. Нестерпимо. Хотя довольно трудно было определить, что именно беспокоит больше — нога, сердце или голова. От сложившейся ситуации уже все тело ныло. Все-таки не ее прерогатива — сидеть сложа руки. Оттого, наверное, и в теле ломка. Но теперь по-другому никак нельзя. Все лучше, чем снова ночами плакать в подушку. Так у нее хотя бы есть время платочками запастись.

Покрутившись с боку на бок, Юля откинула одеяло и выбралась из хрустящей постели. Влезла в кофту, натянула на ноги гетры и спустилась на кухню.

Дом, погруженный в тишину, дышал теплом и таинственностью. Что-то было в этом особенное — уже интимное.

Лев Михайлович часто суставами мучился. В аптечке обязательно должно быть что-то, что ей поможет: мазь разогревающая или гель обезболивающий. На худой конец — таблетка анальгина всегда найдется.

Юля включила свет, несмотря на внутреннее желание не делать этого; стараясь не шуметь, порылась в ящике, где хранились лекарства. Пусть и сомнительно, что кто-то мог услышать этот шорох. Час слишком поздний и сон крепкий (после таких-то увеселений прошедшего дня!).

Когда нашла то, что нужно, снова утопила комнату в темноте и отправилась к себе.

— Чего не спишь? — прозвучали над ее головой слова.

Удержавшись от вскрика, девушка вздрогнула всем телом и выронила из рук коробочку с мазью, замерев на первых ступеньках лестницы.

— Как ты меня напугал, — еле выдохнула она и приложила руку к груди. Сердце отчаянно забилось, чуть не выскакивая наружу. И не только от испуга.

— Конечно, слоняешься в потемках, — тихо сказал Денис и, бесшумно ступая, спустился ниже. Поднял упавшую коробочку. — Это что?

— Нашла в аптечке. Должно быть, гель обезболивающий. Нога болит, хочу попробовать намазать. Потому и заснуть не могу. — Про последнее, конечно, соврала. Отчасти. Боль в ноге мешала, но не спала Юля не по этой причине.

— Пошли, намажем твою ногу. — Он не подхватил ее под руку, не подтолкнул, — надвинулся, так что Юле пришлось развернуться.

«Вот именно, пошли», — сказала она про себя, шагнув обратно на кухню, — «а не понеслись сломя голову».

Они присели на диван. Пришлось снова включать свет. Радовало, что светильник на стене одаривал им весьма скудно. В очередной раз что-то в Юльке протестовало, не желая нарушать таинственность ночи.

— Ты прочитала, что это или схватила первое попавшееся средство? — Денис посмотрел на название и открыл коробочку.

— Прочитала, конечно. — Обнажив побаливающую щиколотку, Юля положила ноги ему на колени. Помолчала, дожидаясь, пока он изучит инструкцию. Делал он это с пристальным вниманием.

— Ясно, — пробежав глазами по строчкам, заключил Денис. Правда, что ему «ясно», уточнять не стал. Выдавил из тюбика небольшое количество и начал втирать в ногу.

От прикосновения холодной мази к коже Юля внутренне содрогнулась. Но теплая рука Дениса заставила это ощущение исчезнуть. Стало приятно.

— Я сначала хотела что-нибудь разогревающее, но потом передумала. Кто его знает, вдруг еще хуже будет...

— Не надо лишних экспериментов. Еще таблетку выпей и все. Надо было сразу выпить, не терпеть. — Еще днем заметил, что Юля неловко ступает на одну ногу. Сейчас чувствовал под пальцами едва заметную опухоль.

Пока он втирал мазь, она рассматривала его профиль. Четкий очерк губ, твердые скулы, чуть сведенные на переносице брови. Рассматривала, мечтая проникнуть в тайны его сознания, почувствовать, что он скрывает и о чем думает. Иногда слова не нужны. То, что существовало между ними, убивало все лишнее. Может, и не нужен им этот серьезный разговор. Вот так ей было хорошо. Порой лучше питаться надеждами, чем знать что-то наверняка.

— Ты тоже не спишь. Вот ведь совпадение, — сказала, чтобы нарушить ставшее неловким молчание. Для нее оно было именно таким. Между ними чувствовалось напряжение. Не неприятное — другое.

— Да прям. Ты веришь в такие совпадения? — Он посмотрел Юле в лицо. Рука замерла на ее ноге.

— Теперь и не знаю. Но ты же не мог знать, что я в этот момент здесь.

Пока ждала, что он ответит, чувствовала, как желудок сворачивается в твердый ком. Молчал Денис недолго, но за это время комнату как будто наполнило огромное количество воздушных шаров, готовых вот-вот лопнуть. Еще секунда и взрыв...

— Не мог, — смягчился лицом и голосом. — Бывает же, когда чувствуешь, что вот—вот зазвонит телефон. Или кто-то постучит в дверь.

— Бывает. Интуиция, это называется, шестое чувство.

— Да, именно так это и называется.

— Я думала, что мужчины в такое не верят.

— Мужчины во многое верят, в чем не признаются.

— Возможно, если бы признавались, было бы легче.

И снова комнату раздуло от воздушных шариков.

— Пойдем руки помоем.

Юлька спустила ноги на пол, поправила гетры и, прихрамывая, поплелась к раковине. Свет она выключила. Чтобы вымыть руки, падающего из окна, вполне достаточно. С темнотой накатило облегчение.

Хотя она сама мази не касалась, руки все равно помыла. Не зная, как себя повести и что говорить, встала у окна, спиной к Денису.

— Что делать будем? – спросил он, как будто прочитав ее мысли. Тем не менее, Юля сомневалась, что он действительно ждет от нее ответа. Скорее, просто начал разговор.

— Что делать, — эхом повторила она, ощущая Дениса прямо за своей спиной. Чего только ей стоило удержаться на месте и не преодолеть эту пару сантиметров, не прилипнуть к его груди. – Я тебе все сказала, что еще могу сделать? Сложно все, — говорила совсем тихо. Осторожно и рассудительно, не представляя, куда заведут эти речи. Кажется, они уже переступили грань, но на непринужденную беседу это не походило. Они просто бросали в воздух реплики, за которыми скрывались длинные монологи. Большого все же пока трудно представить.

— Я помню, что ты сказала.

Юля замерла от хлынувших в душу сомнений, пытаясь унять зарождающуюся между лопаток дрожь. Это было сильнее ее. Кофта до колен не спасала.

— Ты не веришь мне?

— Верю. – Коснулся губами ее макушки. – Просто это для меня неожиданно. Я тебя обидел, а ты все равно...

Наверное, в Юльке больше силы и больше смелости. В нем самом этого не было. Он даже восхищался ее искренностью и открытостью. Она ими дышала. Он, напротив, никогда бы не решился сказать ей нечто подобное. Свои чувства хранил за колючей проволокой. Но Юлька ведь лезла, пытаясь вытащить все наружу. Лезла, кололась и ранилась. И еще пораниться. Не единожды.

Ну не мог он так враз перестроиться!

Но и оттолкнуть теперь вот так запросто – тоже не мог.

Никогда не допускал близких отношений. Всегда четко вычерчивал границы. И сейчас пытался. Но, как известно, чем толще грань, тем больнее переступать, а вернуться обратно – почти невозможно. Они с Юлей ее переступили, поэтому и говорить с ней – невероятно сложно. Как объяснить что-то, если сам себя уговорить не мог. Приказал себе не подходить к ней, а толку-то...

Юля вздрогнула от облегчения и удовольствия одновременно, когда руки Дениса сомкнулись на ее плечах. Только вот озноб усилился. Изгнать бы его до конца...

Коснулась ладонями его предплечий, чуть сдавливая теплую кожу.

— Трудно объяснить почему. Это похоже на... похоже на то, как ребенок любит свою мать. Мы же любим маму как бы она ни ругалась, что бы ни делала. Это есть и с этим ничего нельзя поделать. Вот так вот. Обидел, да. А чувство все равно сидит внутри, заполняя целиком. Оно сильнее, чем обида. Любишь и все. Но оттого, наверное, еще тяжелее...

То, что она говорила дальше, он уже не слышал. Эти слова лишили его дара речи. И мыслей лишили, и сил. Сделали глухим.

Зачем ей все время нужно лезть к нему в душу?

Всю жизнь он и любил свою мать, и ненавидел.

Любил и ненавидел – одновременно.

Любил, потому что, как правильно сейчас сказала Юля, с этим нельзя ничего поделать.

Любовь к матери – это инстинкт, заложенный природой. Это первое, что чувствует младенец – неосознанно, еще в утробе. Это базовый, основополагающий инстинкт. Это сама жизнь.

Ненавидел – потому что был не нужен, отвергнут. Брошен той, к кому успел все это почувствовать, и в ком нуждался.

Лучше бы ничего не чувствовал.

Не зря детей, от которых в роддомах отказываются, не прикладывают к материнской груди. Лучше бы и его не прикладывали. Чтобы не знал он, что такое «мать». Чтобы первые четыре года жизни не отравляли всю последующую. Чтобы потом не приходилось делать вид, что нет у него матери. Только была еще Таня, которая зачем-то к ней ездила. И был еще отец, который зачем-то с Таней об этом разговаривал...

Денису хотелось оттолкнуть от себя Юлю. Далеко. Навсегда. Чтобы в жизни больше не смела лезть так глубоко. Не ворошила прошлое. Не вскрывала наболевшие на душе нарывы. С такой же силой, как и оттолкнуть, желал он прижать ее к себе так крепко, чтобы расплющить, растворить в себе.

И пока ни одно из этих двух желаний не перевешивало.

Он все еще держал ее в руках, только потому что от онемения в теле не мог шевельнуться. Внутри образовался камень во всю грудь. Он мешал дышать, шевелиться, думать.

Мог бы двинуться, оттолкнул бы Юльку...

— Денис, я что-то не то сказала?.. – спросила она, сожалея о своих словах. Почему все выходит не так, как хочется? Ведь не сказала ничего такого, а остро почувствовала, как его настроение изменилось. Он прямо на месте закаменел. Оттого в душе у нее появился какой-то безотчетный страх. Необъяснимый.

Как нашел в себе силы и сам не знал. Но их только и хватило – зажать ей рот рукой, заставляя молчать. Наплевать было, удобно ли ей, может, больно, он закрыл ей рот ладонью и притиснул ее к себе, сжимая плечи мертвой хваткой. Стоял так некоторое время. Сколько стоял не мог сказать. Потерялся в пространстве и времени. В ощущениях тоже – потерялся.

Юлькино дыхание жгло ладонь. Так же и в груди появился огонек. Постепенно камень в душе отек, как расплавленный воск. Возникло жаркое, немного удушающее ощущение. Горячо было в груди, голове, между их телами – тоже.

Немного пришел в себя. Ровно настолько, чтобы ослабить тиски, в которых сжимал девочку. И как только она стерпела. А она смогла, правда, шумно вздохнула и выдохнула, но не отскочила, не отстранилась.

— Молчи, — сказал Денис. Показалось, что Юля снова что-то скажет. Или спросит.

Она так и не произнесла ни звука, оперлась на подоконник и чуть отклонилась в ожидании.

Денис глубоко вздохнул. Как-то слишком шумно стало биться сердце.

Скользнул ладонью по девичьей шее. Вытащил цепочку, спрятанную под кофтой.

— Не выбросила? – Нашел кулон, узнал его на ощупь.

— Ты же не выбросил мой браслет.

Подтянув Юлю вверх, усадил ее на подоконник. Длинная кофта неприлично задралась. Денис положил руки ей на бедра, потом убрал, скользнул к лицу – отвел от него волосы.

В этих жестах не было плотского влечения. Похоть была днем, когда они втроем играли в карты; когда Юлька сидела на диване в этой же самой длинной до колен кофте цвета

пламенного мака и в гетрах на босую ногу. И больше на ней ничего не было. Сексуальнее, наряд сложно придумать. Какие только фантазии ни рисовались в его голове. Даже Ленку повело, чего уж говорить.

А сейчас все это сместилось куда-то далеко и осталось одно жгучее желание: утащить эту девочку отсюда. Туда, где их никто не достанет. Закинуть ее на плечо и забрать у всех. Только полный идиот может отказаться от нее, от такой любви, от такой нежности, какую она способна подарить.

Наверняка она и сама об этом еще не подозревает.

Только одно жгучее желание: послать всех туда, оттуда не возвращаются. Куда сам черт не заглядывает.

И пусть хоть рухнут небеса.

ГЛАВА 28

— Положить их всех нахрен и все! Смелые, ты смотри, давно крови не видели. Раньше за такое стреляли без разговоров, а Монахов прям дипломатичный в доску стал, – с едва сдерживаемой яростью говорил Маркелов. — Два автопоезда! Испарилось!

С такой же яростью он лупил по шарам, резво передвигаясь вокруг бильярдного стола. После очередного удара у Дениса зазвенело в ушах, и он поморщился.

— Тебе бы только положить всех нахрен. Фигня война – главное маневры. Да и не перестреляешь всех. Смысла в этом нет. Надо знать, кого стрелять, — отрешенно проговорил Шаурин. — Что Папа говорит по этому поводу? – В отличие от Маркелова думать Денис предпочитал спокойно, не отвлекая рассудок лишними суетливыми движениями. Потому стоял, скрестив руки на груди, опираясь на краешек стола. Стоял почти расслабленно, удерживая взгляд в одной точке пространства.

— Папа сказал решить проблему.

— Решим, раз сказал. Не суетись, Андрюша. Не мне тебе рассказывать, что и как.

— Теряю хватку. Наверное, старею.

— Ну да, ну да... Тридцатник стукнул, и песок посыпался.

Шаурин не собирался выступать в роли карающей руки, но вот роль мозгового центра была ему вполне по душе. Тем более, «бойцов» у Монахова и без него хватало. Сделав длинную затяжку, он медленно выдохнул дым. – Игорь что?

Маркелов махнул рукой:

— Игорь по другим каналам работает. – Отложил кий и вдавил ладони в деревянный бортик, перевалив на руки всю тяжесть тела. – Чувствую я: что-то не то здесь!

— Ясно-понятно, Андрюша, — снова произнес Денис его имя с мягкой снисходительностью, но без злого сарказма. Маркелов уже давно не заострял на этом внимания, привык к такому обращению. – Люди создают нам проблемы. Причем, конкретные. Два автопоезда – это существенный ущерб. – Денис стряхнул пепел и задержал взгляд на кончике сигареты. Рассуждая вслух, говорил медленно, словно позволяя Маркелову следить за его мыслью точь-в-точь во время ее рождения. – Наглые. Борзые. Значит, крыша нехилая есть. Не из ниоткуда эти «гастролеры» появились. Иначе бы их уже давно на уровне плитуса хлопнули. Дальше – больше. Будут отжимать конторы. А это уже другие методы воздействия. А нам оно надо? – а, Андрюша? Правильно – не надо.

— Я о том же. Важно – кто заказал. Надо узнать, откуда они всплыли и под кем ходят. –

Андрей внезапно замолчал, потому что в кабинет вошла Юля. — Наплавалась, русалка?

— Не по мне речушка, в море хочу. — Юля едва улыбнулась.

— Ух-ты, какая! — ухмыльнулся Маркелов. — Растешь, детка, уже не узнаю тебя.

— Звучит, как ругательство. — Юля подошла ближе и остановилась у бильярдного стола. — Слушай, а твоя Катя не беременна? Я постеснялась у нее спросить, когда мы в прошлый раз встречались, но мне показалось, что она пополнила.

Жена Маркелова Юле была хорошо знакома. Не так часто, но виделись они, если отец собирал свою компанию по какому-нибудь поводу.

— Нет, — Андрей улыбнулся, — это все новогодние праздники.

— Андрей, какие новогодние праздники? Конец марта на дворе.

— Вот такими они оказались плодотворными. До сих пор на диете сидит.

— Шутник. Обязательно привет ей передавай.

— Передам, — пообещал Маркелов.

С Катей, насколько это возможно, Юля поддерживала хорошие отношения. Несмотря на восьмилетнюю разницу в возрасте, общение их проходило на дружеской волне. И, тем не менее, радостно было, что жена Маркелова не любила плавать в бассейне. Не находила она особой в этом прелести. А иначе, лишилась бы Юля последней возможности оставаться с Денисом наедине. Подобные встречи и так стали редким явлением.

Когда девушка пропала за дверью раздевалки, Шаурин продолжил разговор, понизив голос:

— Ну, это не так сложно. Вариантов-то не много. Я бы для начала с Олегом поговорил. Подумать дай. Нарисую я тебе схему. На-ри-су-ю. Но надо подумать.

С Маркеловым Денис уже давно шел в ногу. Образовался у них выгодный и весьма продуктивный союз, который устраивал обоих. Андрей любил пошуметь, а Шаурин предпочитал решать проблемы тихо, но кардинально, чтобы волн на воде их нелегкой реальности не образовывалось. Или образовывалось как можно меньше. Вдвоем они всегда находили самый удачный выход.

— С Крапивиним, что ли? Поговори. Он тебя любит, — поддел Андрей.

— Я его тоже. — Решив не медлить, Денис тут же затушил сигарету и набрал номер. Ответили после нескольких гудков. — Надеюсь, день добрый, Олег Николаевич. Шаурин. Встретиться бы хотелось, поговорить. Вопрос есть... Понял, завтра буду. — Положил трубку и ответил на вопрошающий взгляд Андрея, задумчиво растягивая слова: — Приглашает на утренний кофе.

— Лучше не бывает.

— Монаху пока ничего не говори, я сам потом сообщу, когда что-нибудь узнаю. И тебе, разумеется. Оттуда и плясать будем.

— Само собой.

— Кстати о беременных, — спохватился Денис и снова взял телефон. — Яков Семенович, дорогой, приветствую. — Пока слушал собеседника, зажевал жвачку. — Я не поэтому звоню. Мне бы сестричку в больничку... Не болезнь это, но полежать надо... Именно. Спасибо. Даже не знаю, пожелать вам того же или нет. — Засмеялся. — Ну тогда желаю. Мы подъедем. Предварительно позвоню. — Положил трубку.

— Я уж подумал, что это ты папашей скоро станешь.

— Упаси меня господь, Андрюша. Сестра у меня подарочек всем на Рождество сделала — новостью порадовала.

Пока торчала в душе, надеялась Юля, что Андрей уже уехал. Но, когда открыла дверь и обнаружила его на месте, кое-как сумела сдержать разочарованный стон. Маркелова видела чаще, чем самого Дениса. Андрей в последнее время из спортклуба не вылезал.

— Ну все, погнал я, — засобирался Маркелов к большому облегчению Юли. — Тебя подвезти?

— Нет, я попозже. Обсохну, — тронула чуть влажные волосы, — чайку попью и тогда поеду.

— Как знаешь. — Хлопнул по карманам и вытащил ключи от машины.

— Я позвоню, — сказал Денис и, закрыв за ним дверь, задержал ладонь на ручке.

Юлино лицо оживилось, приобретая то хорошо знакомое ему таинственное выражение, словно девушка вот-вот готова сказать какую-нибудь остроту: глаза ярко светились, а губы удерживали расплзающуюся улыбку.

— В море она хочет... Смотри, чтобы волной не накрыло. Я тоже, может, много чего хочу.

— Это ты к чему сейчас? — Она так и не сказала, что было у нее на уме, а, поддернув рукава черного платья, залила кипятком пакетик заварки.

— Это я к чаю с лимоном.

— Я так и подумала, — снова улыбнулась Юля и без особой охоты отпила из кружки. Глоток получился небольшой, но обжигающий. Так что кружку решено было отставить в сторону.

— Деловая стала. Раз в неделю появляешься.

— Скучаешь?

Денис подступил к ней, и Юля отодвинула чай подальше, чтобы не расплескать. Сама присела на краешек стола. Потом решила, что на диване ей будет удобнее, но добраться до него ей не дали — перехватили на полпути.

— Тебе правду сказать или чтобы было приятно? — Денис сомкнул руки у нее на талии, прижимая крепче к своей груди.

— Давай, чтобы приятно.

— Как-то неожиданно, но скучаю, — тепло сказал он, невольно заставляя ее улыбаться.

— Что-то я на себе этого не ощущаю. Далеко от меня твоя тоска, где-то там у тебя внутри. — Юля, до этого притиснутая к нему спиной, развернулась лицом и похлопала его по груди.

— Не боишься выдавать такие провокации? — Обнял ее крепче.

— И в мыслях не было. — Постаралась отклониться назад, чтобы уследить за выражением его лица.

— Да ни за что не поверю. — Он оттеснил ее от дивана, расслабив объятия, только когда под его давлением Юля села на край бильярдного стола.

— И чем я только заслужила такое недоверие, — спросила, обхватывая крепкие мужские плечи, в то время как его губы целовали ее шею.

Денис делал так не впервые, и неизменно каждый раз она замирала. И сердце, словно прекращало биться, как перестают тикать сломанные часы. И все вокруг уплывало, теряя свои четкие очертания. Оставались только нежные ощущения на коже и теплота губ.

После ее слов Денис, запрокинув голову, посмотрел в потолок и издал тяжелый полустон.

— Ох, Красота, кончится мое терпение, и тогда устрою я тебе разгуляй.

— Это ты поэтому меня в губы не целуешь – опасаясь за свою выдержку?

Что-то мелькнуло в его глазах – знакомое ее инстинктам, но не поддающееся обоснованиям разума, — то, что вызвало внутри особый трепет и странную чувственную дрожь.

— А что тебе не нравится? — Пальцы скользнули под волосы, обхватывая девичью шею, касаясь скул и бережно притягивая к себе. — Романтика. Полгода будем за ручку ходить, потом поцелуемся.

— А потом?..

На это он уже не ответил. И меньше всего хотелось, чтобы в момент, когда его губы приникли к ее рту, он вздумал что-то отвечать. Хотелось, чтобы это мягкое прикосновение длилось вечно. Он говорил про какую-то волну?.. Наверяд ли она могла быть сильнее этой волны мурашек, которая накрыла ее, едва на губах почувствовалось его мятное дыхание. Только вот насладиться этими ощущениями мешало осознание, что в кабинет может кто-то войти. Оно жгло огнем, не позволяя расслабиться, но стократ усиливало желание оказаться где-то в другом месте. Там, где хотя бы какое-то время можно не оглядываться по сторонам.

Очевидно, Денис думал о том же, потому поцелуй оказался совсем коротким.

Мимолетный он был, тихий, нежный. Но словно в спину ударяющий. Со всей силы толкающий их навстречу друг другу – за ту грань, откуда вернуться невозможно.

И поцелуй этот, словно не поцелуй, а печать, скрепляющая их пока невинные отношения.

— Вдруг кто-нибудь зайдет, — сказала Юля, не скрывая в голосе разочарования.

— Дверь на замке. Вломиться может только Лёня. Мы тебя отвезем домой, а потом у нас свои дела.

— А ваши дела по пути с моим домом? – Юля старалась говорить легко и непринужденно. Но это было трудно. В ней загорелись новые ощущения, которые желательно переварить в спокойной обстановке, пережить не сидя на иголках с дрожащими ладонями будто кур воровала. Запретность их отношений не добавляла шарму. Наоборот, отравляла, с каждым днем отягощая все больше.

— Не совсем. А ты против? – Он стискивал ее плечи. Не сильно опасаясь доставить девушке неудобство. Юлька не была хрупкой, не выглядела такой. Уже давно пропало это впечатление. Стерлось, как ненужное воспоминание и слава богу. Денис хрупкость часто связывал с инфантильностью. А это не то качество, которое он ценил.

— Как я могу. Кстати, не сочти за наглость, ты мне Витю вернуть собираешься?

— Витя у Юрика.

— Я знаю. Но вопрос был не в том, где Витя, а в том, собираешься ли ты мне его вернуть.

— Если Юра найдет себе другого человека, Витя снова станет твоим верным рабом. Как вариант, ты можешь обратиться к папе.

— Могу. А папе скажет: «Денис, что там с Витей?» и тогда Денис ответит: «Витя у Юрика». Знаю я эту комбинацию, ты же у нас братков туда-сюда тусуешь.

— Все правильно. У твоего отца много других забот. Каждый должен заниматься своим делом. Или ты думаешь, что я терроризирую Самарина из личных побуждений?

— Вообще-то именно так я и думаю.

— Нет. Мелко судишь. Я такими вещами не играю.

Кто-то дернул ручку двери.

— Вот, я же говорила, — с сожалением прошептала Юля, размыкая руки и сползая со стола.

— Двинули? — спросил Лёня, как только Шаурин распахнул дверь. — Я к Сладкому зашел уже, он тут присмотрит за всем.

— Двинули. — Глядя на Юлю, Денис мотнул головой, указывая на шкаф.

— Командир, а очаровашка с нами, что ли? Неужто будем ее водкой поить и жизни учить? Я — за, только чур не ревновать.

— Уймись, ты, очаровашка, — усмехнулся Денис и накинул Юльке на плечи шубку.

Она застегнула крючки и обратилась к другу Шаурина, оценив его кожаную куртку, на вид не слишком теплую:

— Леонид, я смотрю у тебя в душе уже настоящая весна. Налегке ходишь, а на улице морозно.

— Лёня у нас вообще жаркий парень, через недели две будет в шортах гонять. — Денис достал из шкафа свое пальто.

— Вот правильно, Юлия, ты этого охломона не слушай. Главное, чтобы в душе весна, — заливался Ленчик.

— О, господи... — вздохнула Юля, — и как тебя только твоя девушка выдерживает?

— Юлия, одна девушка? Как я могу? Это же преступление против всего женского рода. Вокруг столько жаждущих любви и ласки дам.

— Действительно, — хмыкнула Юля, ступая за порог, — что это я в самом деле.

Когда вышли на улицу, Шаурин глубоко вдохнул холодный воздух.

Вдохнул так, чтобы легкие до отказа заполнились и внутри от переизбытка кислорода заломило; чтобы морозная свежесть прогнала ощущение внутреннего застоя.

Юля взглянула в небо, покрытое темными тучами. Они были какие-то... живые. Да, именно такие — влажные, ожившие. Они свободно плавали по небу, а не висели, как зимой, словно застывшая аппликация.

Это все весна...

Коротко улыбнувшись, девушка села в машину.

— Монахов тебе ее не отдаст, — убежденно вдруг проговорил Лёня, после того как они подбросили Юлю до дома и уже отъехали от него на приличное расстояние.

— Отдаст, — отрезал Денис, следя за дорогой и не поворачивая головы.

— Не лез бы ты, — не очень твердо продолжил Вуич. — Меня, мой друг, конечно, радует твоя уверенность, но я бы на твоём месте...

— Я знаю, — остановил его Денис. — Знаю: на моем месте, ты бы — не лез. Но это ты помнишь, что Юлька сказала? Люди переменчивы. Сегодня нельзя, завтра можно. Всему свое время. Я подожду. Монахова и подвинуть можно. Видишь, что творится? И это только начало.

— Не хочешь ли ты сказать, что собираешься?.. — Закончить мысль вслух Лёня не решился. Только бросил на Дениса немного оторопелый взгляд.

— Лёня, я похож на идиота?

Тот пожал плечами:

— Вроде никогда им не был, но кто знает. Я с некоторых пор уже ни в чем не уверен.

— Прибереги свою философию для другого случая. Юлька маленькая еще. Времени — вагон.

Лёня надул щеки и медленно выпустил воздух.

— Купидон тебе в помощь. А ты с этой еще встречаешься?

— Местами.

— Хорошо устроился...

— Давай без мозгоклюйства, а?

— Давай, — со вздохом протянул Лёня, на том успокоившись.

Тем более они уже подъехали к кафе, в котором условились встретиться со Стасом и Женькой. Ради последнего все это и затевалось.

Внутри было шумно. Парни ждали их, расположившись за одним из боковых столиков.

— Ну, здорово, мышь серая! Вылез наконец-то из своей норы! Я уже забыл, как ты выглядишь. На улице увидел бы, мимо прошел. — Денис сгреб Женьку в объятия.

— Врешь — не проведешь, — засмеялся Женька. После Дениса к нему приложился Лёня — Житуха завернула, никак не развернусь. Планирую-планирую, а все равно ничего не успеваю. Честно говоря, думал: вообще не выберусь. А вы, смотрю я, высоко летаете. — Глянул в окно и кивком указал на припаркованный напротив шауринский черный «Мерседес».

— Так сколько же можно брюхо о землю стирать, да голубей жрать с голодухи, — в тон ответил Денис, сбрасывая с плеч пальто и усаживаясь за столик.

На лице Женьки печатью застыла тревожность, которую не могла затмить даже радостная улыбка от встречи с друзьями.

— Что-то ты холоден и мрачен, — хмуро пошутил Лёня.

— Так ты бы попусту языком не трепал. Мы со Стасом тут уже все разговоры переговорили, а от этого сам понимаешь ни в голове, ни в...

— Задобрел ты, совсем от нас отвык... — Вуич на радостях сделал Боголюбову шейный захват, да так, что у того дыхание перехватило.

— Лёня, сука... — пропыхтел он, еле выдавливая из себя слова.

— Лёня сукой никогда не был, — назидательно произнес Вуич.

— Что ты меня как бабу тискаешь! — вырвался из его хватки Женька. — Водку разливай.

— Соскучился, мать твою. Давай выбирайся из своей деревни. Будем такие дела мутить...

— Точно не сейчас. У меня там замут хватает, разгрести никак не могу.

— Что за замуты? Поделись. Как говорится, чем сможем... — вмешался Денис в этот обмен любезностями.

Женька медлил с ответом, решая, стоит ли посвящать друзей в свои проблемы. Пауза затянулась еще больше, потому что подошла официантка. Расставила на столе блюда. Стас с Женькой позаботились об этом и, не тратя время на пустое ожидание, заранее сделали заказ.

— Давай Жэка, излагай по существу, — подключился Шип.

Боголюбов посмотрел на Стаса Шаповалова, потом на других.

— Тогда сначала за встречу.

— Понял, — сообразил Лёня и разлил спиртное.

— Я вас только первый раз поддержу, — сказал Денис и взял рюмку на высокой ножке.

— Денис, расслабься ты!

— У меня с утра важная встреча, потому голова мне нужна трезвая и здоровая. Так что простите, парни, а то занесет куда-нибудь, откуда не выберешься.

Уговаривать никто не стал — бессмысленное это дело.

— Короче, — после пары рюмок сказал Женя, — появились у нас в городе какие-то умельцы. Чужие. Город небольшой, кто и кому кланяется, мы точно знаем. Жизнь такая — все мы под кем-то ходим и что-то кому-то должны, но эти в конец охренели.

— А что они с вас поиметь могут? — спросил Лёня.

— Землю.

— Землю? — удивился Стас.

— Да. У нас земли — пол Москвы можно отстроить. А места какие!.. Когда колхозы развалились, мы с дядюшкой землю вместе с людьми выкупали. Сам понимаешь.

— Да, — согласился Денис. — Земля есть земля. А что с ней делать, всегда придумать можно.

— Я тебе и говорю. У нас и свои подвязки есть, но тут такой жесткий наезд — крыша нужна покрепче. Боюсь, наша рухнет скоро. Естественно: не за просто так. Мы бы и с теми поделились, да они долю не хотят, им все подавай. А с хрена ли я им должен все отдать? Там не сто гектаров, и даже не тысяча. У меня свои планы.

Стас потер маленький шрам над правой бровью, переглянулся с Леной и посмотрел на Дениса.

После разговора с Маркеловым Шаурина и так не оставляло ощущение, что попал он на валтасаров пир, а тут еще Женька со своими заботами.

— Так. Очень интересно, — вдумчиво произнес Шаур. — На кого ссылаются?

— Потом узнаешь, говорят.

— Забавные ребята, — невесело усмехнулся Стас, — то есть ты, Евгений, неизвестно в чьих интересах должен с себя последние штаны снять.

— Выходит, что так, — хмуро отозвался Женя.

За столом возникло молчание. Озабоченность на лице Боголюбова нашла отражение в лицах друзей. Залила их как румянец щеки стеснительной девицы.

— Ты никуда не суйся, — предупредил Денис после раздумий. — Я тебе дам телефон, позвонишь, скажешь от меня, обрисуешь ситуацию. Прямо сейчас никаких гарантий дать не могу. Но если выгорит, сведем тебя с нужным человеком.

— За нами не заржавеет, — приободрившись, сказал Боголюбов. После слов Шаурина камень на его плечах стал намного легче.

— Не торопись с этим.

— Ты к кому его посылаешь? К Маркелову? — спросил Стас, когда Женька вышел из-за стола, ненадолго покинув их компанию.

— Да, — подтвердил Денис.

— А что сам? Поговорил бы с Монахом.

— Нет, я такие вещи в обход Андрея делать не могу. Вернее, могу, но не буду, — объяснил Денис.

— Разделяй и властвуй? — ухмыльнулся Лёня.

— Что-то типа этого.

— Тоже правильно.

— Еще бы не правильно... — Стас, не желая того, звякнул вилкой о тарелку. — Здесь лишних шагов делать нельзя. Незачем им друг друга провоцировать. Андрей только с виду такой простачок, а слово держать умеет и вес свой имеет, иначе Монахов не доверял бы ему до такой степени. И не держал бы его к себе так близко.

...Солнце несмело ложилось на мерзлый асфальт, скользило по хрустящему снегу, обволакивало пепельно-сизые стволы деревьев. Ветер трепал пальто и, словно неумелый воришка, неловко шарил по карманам. В восемь часов утра город уже не спал: шумел людьми на тротуарах, машинами на магистралях, бродячими собаками в подворотнях.

Голова Дениса шумела тоже – мыслями. Кажется, даже ночью они не прекращали гудеть. Двигались как жучки по дорогам-извилинам, на уровне предчувствий выстраиваясь в цепочку. Оттого было ощущение, что ночь прошла без сна.

Шаурин уверенно открыл дверь кофейни, хотя табличка по ту сторону стеклянной двери ясно гласила «закррито»; привычно столкнулся с тишиной и прошел лишь к одному занятому столику.

— Приятного аппетита, — спокойно произнес и распахнул пальто. Духота в помещении так и просила его снять.

Крапивин на миг оторвался от омлета, кивнул и потянулся к воде, наверное, минеральной – об этом говорили застывшие на стеклянных стенках бокала пузырьки газа.

Как только Денис опустился на стул, рядом со столиком, как будто из-под земли возникла официантка. Она поставила на белую скатерть чашку кофе и исчезла так же тихо, как и появилась.

— Позавтракать не желаешь? – поинтересовался Олег.

— Благодарю, не голоден. – Денис размешал сахар в чашке и сделал первый глоток обжигающе горячего напитка. С некоторых пор стал испытывать к нему особую любовь.

Эта была не первая такая встреча с Крапивиным. Подобные уже происходили, потому Денис уже представлял, по какому сценарию все будет происходить.

— А я люблю здешний омлет с грибами. Лесом пахнет.

— Скучаете по лесу? – на первый взгляд непринужденно спросил Денис, улавливая интонацию собеседника.

— Все скучают. Потому что иногда хочется чего-то настоящего. Хочется вдохнуть чистого воздуха, чтобы голова закружилась, — не останавливался Крапивин в своих рассуждениях, изучая лицо Шаурина холодными светлыми глазами. Тот не спешил задавать вопросы в лоб. Уже знал: в разговоре с этим человеком всякое слово имеет свое значение. Важно прислушаться и разгадать его. Еще важнее уметь поддержать заданный тон.

Не каждого можно спросить напрямую, да и ответ не всегда лежит на поверхности. Для правильной беседы нужны кое-какие навыки: нужно быть опытным, чтобы разговаривать с пожилым человеком; хоть немного умным самому, чтобы спорить с умным; быть готовым к вопросам, если решишься задавать их вышестоящему по должности. Легко разговаривать только с дураками. А Крапивин далеко не дурак.

— Пустыня тоже создана природой, — поддержал Денис размышления Олега. – Но только дышать там очень трудно. А выжить почти невозможно.

— Это всего лишь вопрос выбора. Где тебе удобнее: в пустыне или в лесу. И там, и там много удивительного.

— Удивляться — есть качество присущее только человеку. Перестанешь удивляться — и, наверное... человеком перестанешь быть.

— Тебя еще можно удивить, Денис?

— Пока, да, — не задумываясь, ответил Шаурин.

— Это хорошо. А мне иногда этого не хватает. – Олег отодвинул от себя тарелку и взялся за кофе.

— Хорошо, что не хватает. Кому-то не хватает омлета с грибами, кому-то информации. Пища духовная или иная, но именно потребность в чем-то заставляет нас быть в определенный час только в том, а не другом месте.

— Особенно, если люди знакомы настолько, чтобы разделить в восемь утра чашку кофе. Я слышал о ваших неприятностях.

— А вот этот факт меня как раз не удивляет. — Хотя разговор не был напряженным, после этих слов Денис внутренне немного расслабился.

— Мы сколько угодно долго можем философствовать о жизни и ее проявлениях, но думаю: ты здесь не за этим.

— Верно думаете. Если у вас есть, что мне сказать, я рад услышать. Если нет, что ж... Кофе с утра очень бодрит. — Убедительно сказал Денис, хотя к кофе почти не притронулся. Сделал несколько глотков, сконцентрировавшись на диалоге с Крапивиним, а не своих вкусовых ощущениях.

— У меня всегда есть, что сказать, — усмехнулся Крапивин, не скрывая иронии. — Главное, кому сказать и когда сказать.

— Согласен. Даже самая ценная информация, выданная не ко времени, окажется всего лишь пустышкой. А мне опоздать очень не хочется. Думаете, это кто-то из старых... — сделал паузу, подбирая нейтральное слово, — недругов?

— Уверен, — заявил Крапивин. — Скажу тебе так: мелкие шавки боятся матерых псов, а вот бешеная собака не успокоится никогда. И даже если она поменяет хозяина — умнее тоже не станет. Но вот устроить вам... веселую жизнь, — сделал акцент на последних словах, — это запросто. Я бы, на месте Монахова, вспомнил старые связи, укрепил бы свое положение. Кто его знает, как вам придется действовать.

Денис замолчал, переваривая полученную информацию. А она оказалась намного полезней, чем ожидалось. Хотя нечего удивляться: Крапивин не последний человек в городе. Много чего знает. Не всегда сам может воспользоваться информацией, но знает он много. Шаурину понадобилось время, чтобы понять его и найти к нему подход.

— Бешеный пес хозяев не признает. Его может остановить только пуля в лоб. Спасибо, Олег Николаевич. С вами приятно иметь дело. Если это Веселов, то прижать его будет трудно, но возможно.

— Веселов беспредельщик. Всегда им был и сейчас остался. Не всем это нравится. Вот что тебе надо иметь в виду.

— Понятно, что на всякого Моцарта найдется свой Сальери.

— Я и не сомневался, что ты разберешься, обращайся, если что. Но и сам меня не забывай.

— Как я могу. Разумеется, всегда на связи.

— А может пойдешь ко мне работать? Думаешь, ты у Монахова на своем месте?

— Думаю, на своем. Потому — нет.

— Мое предложение всегда в силе.

— Кофе был очень вкусный, Олег Николаевич. Не прощаюсь.

ГЛАВА 29

— Ты с ним когда разговаривал? — спросил Монахов, переходя с бега на шаг, выравнивая прерывающееся дыхание. Тяжеловато далась ему эта пробежка. Вот что значит —

нарушить привычный режим. Хорошо известно: полезно то, что систематически и регулярно, а редкие ударные тренировки – только лишний стресс для организма.

К счастью, дышалось в небольшом спортзале легко: из кондиционера сочилась приятная прохлада.

— Сегодня утром, – ответил Андрей, переминаясь с ноги на ногу и позвякивая ключами от машины. В этот момент он был похож на бьющего копытом жеребца, готового по первому малейшему движению хозяина сорваться с места. Так и было: скажи Монахов хоть слово, и Маркелова как ветром сдуло в нужном направлении.

— Шаурина мне найди, – посмотрел Монахов на Самарина и взял с поручня полотенце, чтобы вытереть потное лицо. Витя, мелькнув мимо него темным пятном, резво выскочил за дверь и понесся по коридору.

— Парнишка нормальный вроде, дело выгодное. Почему бы нам не взять это на себя? – пожал плечами, как будто не понимая, отчего Монахов медлил с согласием. Впрочем, отказываться он тоже не спешил.

— Выгодное дело, – без недовольства, но глухо и задумчиво проговорил Сергей Владимирович. – Нельзя везде успеть. Тебе с Веселовым проблем мало? Еще и туда хочешь подвязаться? – Разворачивающаяся ситуация напрягала, занимая все мысли. Отвлекаться сейчас и решать чужие проблемы, пусть и не за просто так, – дело опасное. Хотя интуиция подсказывала, что источник проблем один. Слишком уж «почерк» похож.

— Так насчет Веселова еще команды не было, – нашел Андрей нужный аргумент в свое оправдание.

— А знаешь, почему не было? – Монахов промокнул лоб и шею, дожидаясь, пока в глазах Маркелова появится заинтересованность. – Потому что я никогда не собираю еловые шишки в березовом лесу.

Самарин вытащил Шаурина из спортзала, где работали Лёня со Стасом. В последнее время Денис часто присоединялся к ним, помогая в тренировках, а заодно, сбрасывая энергию – ее было хоть отбавляй. Теперь грудь слегка ломило от частых и глубоких вздохов, натруженные мышцы горели огнем, но зато не было ощущения, что внутри тебя работает бурильная установка. Физическая усталость затмевала все то лишнее, что мешало трезво мыслить. А трезво мыслить ему мешала Юля. Точнее, не Юля, а собственное к ней желание – жгучее и почти невыносимое. Хотел видеть ее чаще, обнимать крепче. И вообще, хотел других отношений. Эти детские обнимашки начинали подбешивать. Боялся, что в стремлении удовлетворить свою в Юле потребность начнет совершать рискованные и необдуманные поступки.

Ступив за порог, Денис услышал лишь последнюю фразу. Монахов сказал чистую правду. Никогда он не начинал действовать по плану «А», если в запасе у него не имелось плана «Б». Все он просчитывал и проверял, окружал себя отличными исполнителями, при этом умело поддерживая нужные контакты. Однако на голой аналитике далеко не уедешь и если приходилось действовать агрессивными методами, то они были более чем агрессивные.

— Мне бы переодеться, Сергей Владимирович, – попросил Денис, испытывая огромное желание стереть струящийся по вискам пот, стянуть с себя мокрую майку и встать под душ.

— Успеешь. Что ты этому Боголюбову пообещал?

— Ничего конкретного. Только дал телефон Андрея. Я даже не определялся, потому что не имею понятия, как вы намерены решить этот вопрос. И намерены ли вообще.

— Как решить?.. – не спеша, словно все еще раздумывая, эхом повторил Сергей

Владимирович слова Дениса. — Андрей, возьмите с Игорем пару ребят, сначала поговорите с Боголюбовым-старшим, а там посмотрим. Просто поговорите, без шума и пыли. Сам ничего не предпринимай.

— Понял. Без шума и пыли. Когда ехать?

— Как Игорь закончит свои дела, так и езжайте. Вон Самарина с собой возьмите, а то болтается как дерьмо в проруби.

Виктор, в это время с пристальным вниманием изучавший этикетку на бутылке с минеральной водой, оторвал от нее взгляд и обратил его к мужчинам. Брошенные между делом эпитеты Монахова его не смутили. Он и сам так считал. С тех пор как перестал возить Юлю, болтался, непонятно чем занимаясь. Юра в основном сам управлял автомобилем, потому в его услугах нуждался редко. Вот и приходилось Самарину слоняться из угла в угол в спортклубе, висеть на тренажерах, да изредка, по требованию, подменять охранников в «Эгоисте».

— Насчет «поговорить» — это у нас Шаур спец. Вон даже с Крапивинным заобщался, — усмехнулся Маркелов. — А тот скользкий, как земляной червь.

— Учись разговаривать, Андрей. На этом все строится, потому что когда берешься за оружие философствовать уже некогда, — без тени усмешки сказал Монахов. — Держи меня в курсе, — предупредил и взглянул на Шаурина: — Ты мне скоро понадобишься, будь рядом. — Вышел из зала, вероятно, закончив тренировку и направившись в душ.

Андрей громко и тяжело вздохнул, но промолчал, попридержав свои мысли.

— Не все так плохо, Андрюша. — Денис хлопнул его по плечу. — Есть такая поговорка: «Бог создал людей сильными и слабыми. Сэмюэл Колът сделал их равными». Так что — в чем-то ты определенно прав.

— И то приятно. Сгребайся, Витек, — сказал Маркелов, просветлев лицом.

Витек подскочил с лавки, изображая на физиономии полную готовность.

— Андрей, — нахмурился Денис, — ты, действительно, давай там осторожней. И Игорю передай. Как-то все слишком мутно. И этого оставь, а? — Денис не взглянул в сторону Самарина, только лишь едва заметно качнул головой.

— Понял я, понял. А с этим что не так?

— Возьми кого-нибудь толкового.

— А я чем не толковый? — взбеленился Самарин из-за того, что говорили о нем, будто его самого в зале не было.

— А с тобой вообще никто не разговаривает. — Денис прожег его взглядом.

— Монах сам сказал!.. — не отступал Витек.

— Еще раз рот откроешь, снова пойдешь в автосервис гайки крутить, понял? — жестко полоснул его словами Шаурин. — Ясно, спрашиваю?

— Яснее не бывает, — насупился Самарин.

— Все, Витек, отбой тогда, — без сожаления Маркелов дал тому от ворот поворот и вышел.

Через несколько дней после этого разговора Денис сидел в своей машине и, прищурившись, напрягал зрение, всматриваясь в документы, которые ему некоторое время назад передал информатор Монахова, подсев к нему на автозаправке. За окном вечерело, а света в машине не хватало для свободного и непринужденного чтения.

Все, что находилось в пластиковой папке, — по душу Веселова. Хотя время дорого,

Шаурин потратил на изучение бумаг целых пятнадцать минут. Содержащаяся в них информация не сшибала с ног своей новизной, но была не лишней и очень полезной. Мало просто предполагать, слышать, знать — лучше иметь основания в доказательствах.

Конечно Денис сообщил Сергею Владимировичу подробности своего разговора с Крапивиним, чем только подтвердил подозрения первого. Исходя из этого, Монахов решил подготовиться и припрятать в рукаве пару «тузов». Лучше бы они не понадобились, но сомнительно, что Веселов остановится на достигнутом раз возобновил войну.

Просмотрев все листы, Денис на секунду прикрыл глаза, опираясь затылком на подголовник, выстраивая мысли в удобоваримую систему. Память человеческая, как ящик, — не бездонна, не бесконечна. И дабы сохранить нужную информацию, укладывать ее лучше в виде небольшой конструкции, которую при необходимости можно широко развернуть.

Захлопнув папку и отложив ее на соседнее сиденье, тронул машину. Его наверняка уже давно ждут. И самому не терпелось покончить с этим и отправиться домой. Одолевала усталость — нормальное явление после семи вечера, характерное для любого человека. Особенность чисто физиологическая. Хотя, откровенно говоря, что такое полное расслабление Денис уже позабыл. Давно уже жил, будто в вечном тонузе.

Оставив машину у входа в ночной клуб, сразу поднялся в кабинет Монахова. Сергей Владимирович, как и ожидалось, был не один. Вуич и Шаповалов, словно по команде повернули головы в сторону открывшейся двери. Юра сидел в кресле, погружившись в размышления. Самарин притих в сторонке.

— Урожай, — сказал Денис, тряхнув папкой.

— Вот и замечательно. — Монахов сразу же принялся изучать то, что оказалось перед ним на столе.

— Маркелов что? Тишина до сих пор? — Шаурин снял пальто и бросил его на спинку свободного кресла.

— До сих пор тишина, — медленно проговорил Монахов, внимательно листая документы вперемешку с фотографиями.

Раздался звонок телефона. Почему-то прозвучал он яростно и пронзительно. Наверное, потому что застал в кабинете минутную тишину. Странно, но именно в этот момент все шестеро находящихся в комнате мужчин посмотрели на разрывающийся аппарат. Словно ждали этого звонка.

Денис не успел присесть. Но, увидев лицо Монахова, когда тот ответил, — поднялся бы с места, не смог бы усидеть. Лицо Сергея Владимировича застыло, как восковая непроницаемая маска. Мелькнувшие искрой сомнения угасли быстро, в живых глазах заплескалась ярость. Он еще ничего не сказал, только слушал, но Шаурина словно обдало кипящей волной. Хоть убейте, знал, что скажет Монахов, будто на лбу у него прочитал. Это то, что называется интуицией. А интуиция Шаурину самая верная подруга — до сих пор ни разу не изменяла.

— Ребят наших расстреляли, — наконец раздалось в тишине.

Слова были негромкие, но, тем не менее, прозвучали тяжело, разрывая установившееся молчание как выстрел. Они оглушили, на какое-то время затмив разум.

Вот теперь наступила поистине мертвая тишина.

Никто не шевелился, не говорил ни слова, казалось, что не моргал. Все смотрели на Монахова, а он глядел перед собой, в никуда. Стоял, чуть покачиваясь взад-вперед, опираясь

ладонями о темную лакированную столешницу.

— Всех? – тихо выдавил из себя Шаповалов, справившись с собой быстрее всех.

— Всех. – Сергей Владимирович распрямил спину и совладал с голосом. Говорил уже привычно твердо, четко, так что напрягать слух не приходилось. – Андрея, Игоря, остальных троих. И твоего паренька тоже. – Монахов посмотрел на Дениса.

— Как всех? – Лёня вскочил. Подлетел с крутящегося стула, опрокинув его. Стас тут же рванул его за футболку, заставляя сесть на место. Долго не мог справиться с упирающимся парнем, сыпавшим ругательства.

В конце концов Вуич успокоился, сел на стул, поерзал на нем, словно хотел вернуть его в пол как шуроп. Все это делал, глядя на Дениса тревожно горящими глазами, раздуваясь от вопросов и эмоций. Чтобы успокоиться Лене понадобились усилия и внушения Стаса.

Шаурин с места не двигался, хотя очень хотелось рухнуть в кресло. Сказал Крапивину, что сам еще в состоянии удивляться, но почему не удивился? Да, новость шарахнула отбойным молотком, но не удивила.

— Что теперь думаешь? – спросил Юрий брата, выходя из короткого оцепенения.

— А что тут думать? Отвечать надо. Говорил же Андрею, чтобы тихо все было.

— Сначала ребят похоронить нужно, Сергей. Чтобы все как положено, потом уже... остальное.

— Это, само собой. Юра, Денис, давайте... сообщите родственникам, денег дайте. Похороны на себя возьмем. А мне теперь нужно кое с кем встретиться. Правильно, ты, Юра, говоришь: потом все остальное.

— Сделаем, — сказал Юра.

Денис только кивнул в знак согласия, так и оставшись стоять у кресла, на которое кинул пальто. Ему предстояло еще все осмыслить. Сказанные Монаховым слова постепенно начали проникать в сознание. Говорить он пока готов не был. Да его и не спрашивали.

— Ну все тогда, — вздохнул Сергей Владимирович. Сначала хотел всех отпустить, потом вспомнил, что не сделал главного. – Нет, не все. – Открыл дверцу шкафчика, но захлопнул ее и обратился к Самарину. – Водку принеси из бара.

Витя откликнулся не сразу. Сидел бледный как смерть, испытывая ощущение, что его ни много ни мало вернули с того света. Однако сегодня никто не подгонял его, не рявкал. В кабинете снова воцарилась удушающая тишина. Давящая.

Шаурин ощущал, как его желудок скручивается в узел, и из его глубины поднимается тошнотворная волна. Хорошо знакомая. Дышал Денис глубоко. Но воздуха все равно не хватало. Во рту пересохло. А на горло будто набросили удавку.

Похвальное самообладание Вуича закончилось, как только они с Денисом покинули стены «Эгоиста». Пробыли у Монахова недолго. Ничего не обсуждали. Выпили по стопке за усопших и разошлись. Лёня увязался следом и сел в его «Мерседес» с явно написанным на лице намерением серьезно поговорить.

Шаурин не сразу тронул машину с места, а, погружившись в мысли, потер шероховатый подбородок и закусил кулак. Молча и долго смотрел в темноту перед собой – за линию освещения фонарей, в глубину между домами. Будто кого-то ждал.

Только когда Лёня достал сигареты и подкурил, он сказал:

— Сигарету убери.

— Чего?

Ухо резанул ровный тон товарища. Лёня даже подумал, что ослышался.

— Говорю: сигарету убери. Не кури в машине, — повторил Шаур, чем еще больше взбесил Лёньку. У того почти пар из ушей повалил, он схватил друга за грудки и рванул на себя, встряхивая того, как трясут баллончик с аэрозолем.

— Шаур, ты что совсем охренел? — заорал он. — Маркелов да, ладно... Но Женька же!.. Мне эти братки до задницы! Женька же!.. Как ты можешь?.. Это же не утку на охоте подстрелили!

— Ты меня на глотку не бери! — рявкнул Шаурин так, что Лёньке почудился треск осыпавшегося стекла. — Сядь, не ори! — Отбросил от себя взбунтовавшегося друга и подождал, пока тот, фыркая и отдуваясь, усядется. Отдышался сам и только потом проговорил: — Потом плакать будем, не время сейчас. Убьем уродов, потом поплачем.

— Вот такой расклад мне нравится, — с мрачным удовлетворением сказал Вуич и вытер со лба выступившую испарину. — Это меня устраивает.

— Устраивает? Тогда работай, раз устраивает! Пора уже. Посидел, присмотрелся, прощупал народ, теперь действуй — чтобы говорили тише, чем думают. И чтобы я знал, о чем думают! — Голос Дениса утратил обычные мягкость и спокойствие, стал резким, жестким. Низким. В нем появились такие нотки, которые даже у Вуича мороз по коже вызывали.

А, казалось, должен был привыкнуть. Но к такому Шаурину привыкнуть нельзя. Слишком редко он в этой личине показывался. Это то же, что спящий вулкан разбудить.

Вот сейчас Лёня ощущал, как из друга рвалась неумемная энергия. И сила, которая всем нутром чувствовалась. От этого у самого сердце заходило в бешеном ритме, и все сомнения таяли, как первый снег. Готов был горы свернуть.

Потому что знал его и видел сейчас того Шаура, который его задницу когда-то прикрывал. И голову. А голова намного важнее, чем задница. Вместе они были в таких местах, откуда некоторые живыми не выбираются. А они выбрались. Вместе со Стасом и Женькой выбрались. Только Женька...

При мысли о Женьке сердце Лёньки буквально замирало, отказывалось работать. Голова лопалась от мыслей и грудь разрывало. Только когда притянул Дениса к себе, заметил, что глаза у того слишком блестящие, наверное, от слез влажные. И молчал он, потому что говорить не мог. Один Бог знает, как ему тяжело сейчас было. Ведь не Лёнька пообещал ему решить проблемы. Не Лёнька обещал, что все будет хорошо...

— Не вопрос. Кто бы только дал мне, где развернуться. А Шип?

— Ты разворачивайся — самое время. Шип пусть к Юрику пристегивается. А мне нужно кое-что узнать — одну небольшую, но очень важную деталь. После этого действовать будем.

— Узнать — что?

Шаурин сначала помолчал, собирая разрозненные мысли, затем холодно выдал:

— Я ни за что не поверю, что Маркелов полез в разборку. Он, конечно, взрывной малый... был. Но он очень исполнительный. Инициативы проявлял мало и крайне редко нарушал приказы.

Погода радовала. К середине апреля солнце растопило весь снег. Сошел он быстро, почти незаметно. Все вокруг ожило, хотя было еще серо и бесцветно. Ароматный влажный

воздух можно было черпать ложками, такой он стал густой и насыщенный. Волной окатывал с самой макушки и даже в ботинки спускался.

Весна давала надежду. Но эта надежда не находила места ни в голове, ни в сердце.

Лезли воспоминания о прошлой весне со всеми планами и волнительным ожиданием перемен. Вот они – перемены. И года не прошло, а все у него в жизни изменилось до неузнаваемости.

Монахов приказал всем сидеть тихо и не делать лишних движений. Это правильно, потому что теперь каждый шаг нужно просчитывать на десять раз. Прошли похороны, потом поминки...

Сергей Владимирович, естественно, не бездействовал. На своем уровне решал кое-какие вопросы, встречался с нужными и важными людьми – готовился дать ответ Веселову. От этого ожидания у Дениса извилины в тугие спиральки закручивались. Он-то на месте тоже не сидел, что называется, работал с людьми. Был почти уверен, что Маркелова слили. Но на это маленькое «почти» у него еще не было фактов. Однако очень скоро будут.

Шорох за дверью заставил его пошевелиться в кресле. В кабинет заглянул Самарин. Затем неловко протиснулся, словно все еще раздумывая, входить ему или нет.

— Я это... — в несвойственной ему несмелой манере начал парень. Солнце, проникая сквозь бело-зеленые вертикальные ламели, располосовало комнату. Витя прищурился, попав в яркий просвет, и шагнул чуть в сторону.

— Чего надо? – Денис расслабившись, забросил руки за голову и сжал затылок.

— Поговорить хотел.

— Говори.

— Только не знаю, с чего начать. Еще раньше, наверное, нужно было это сделать. Вроде как поблагодарить хотел.

— Вали отсюда, — ответил ему на это Денис, указав взглядом на дверь. – И свои нервные мысли при себе оставь, не нужна мне твоя благодарность.

— Шаур, ну чего ты меня как малолетку гоняешь? – вздохнул Витек, словно обидевшись.

— А что, у тебя мозгов вдруг прибавилось? – В словах Дениса явственно прозвучал сарказм.

— Прибавилось. И не вдруг, — неожиданно твердо отреагировал Самарин.

— Да? – Денис вглядывался в лицо парня, словно мог прочитать на нем единственно правильный ответ. — Тогда сиди тихо, пока сидится! И не суйся туда, где тебе делать нечего! Хочешь быть мясом, будешь мясом! – прогремел Шаурин на весь кабинет, и желание задавать ему вопросы у Самарина напрочь отпало.

Стук в дверь спас положение. Вернее, его спасла вошедшая Юля.

При виде Самарина она искренне улыбнулась:

— Витя, привет. Давно тебя не видела.

Витька даже не скрывал своей радости, расцвел как подснежник после долгой зимы.

— Теперь ты его будешь каждый день видеть, — сказал на это Денис, чем вызвал удивленный взгляд Самарина. – Забирай обратно своего шута горохового.

— Могу даже в золотистую упаковку завернуться, — «шут гороховый», как водится, не смог не съязвить.

— Не надо, воздержись. Боюсь, не перенесу такого культурного шока.

— Как скажете, Юль Сергевна. Все для вас.

— Я тебя не задерживаю. — Денис напомнил ему, что разговор окончен. — Если только тебе не требуется каких-то ценных указаний.

— Понял. Обойдусь.

Самарин захлопнул за собой дверь. Юля подняла глаза и натолкнулась на мрачный взгляд Дениса. Настолько мрачный и темный, что захотелось ринуться вслед за Витькой и сбежать подальше. Подумалось: зря она сегодня пришла.

Возникла долгая пауза, какая обычно появляется у малознакомых людей между чашками кофе – либо просишь следующую, и разговор переходит на новую стадию, либо отказываешься и прерываешь встречу.

Так и у них. В кабинете повисла тишина. Разговор оборвался, едва начавшись, и как его продолжить, Юля не знала. Мешал взгляд Дениса. Смотрел Шаурин на нее, но на себе она его взгляда попросту не ощущала. Словно направлен он был сквозь нее. Не очень приятно осознавать себя пустым местом. О попытке лезть к Денису с объятиями Юля даже не помышляла: по ощущениям будет то же самое, что обниматься с фонарным столбом.

С другой стороны, ввиду последних событий, было бы странно видеть Дениса радостным и веселым. И все же такой мрачный – он немного пугал.

— Как дела? Замерзла? – Его вопрос как будто сдвинул разговор с мертвой точки. Но только как будто. Сам Денис не подался ей навстречу, а остался сидеть в кресле в той же позе, в которой Юля его застала.

— Еще жива-здорова, слава богу, без пули в голове, – без усмешки сказала она.

— Шуточки у тебя...

— Какие уж тут шуточки, если пять человек в один день закапывают.

«Шесть», — отметил про себя Денис, но вслух ничего не сказал.

Был в Юлькиных словах смысл, с этим не поспоришь. Смерть Женьки – первый камень на его шее. Не исключено, что далеко не последний. Но даже, если из них выйдет приличное ожерелье, теперь останавливаться точно нельзя. Иначе вообще не нужно было соваться во все это, чтобы смалодушничать в такой момент.

Духота в кабинете напомнила, что нужно стянуть куртку. Юля неторопливо потянула бегунок застежки вниз. Непроницаемое лицо Дениса держало девушку на месте.

— Я хочу к Кате съездить, — выдохнула она и резко сбросила с плеч курточку, мысленно переступая внезапно возникший между ними барьер.

— Зачем? – Теперь и Денис обмяк лицом и расслабил твердо сжатые губы. Пошевелился, чуть передернув широкими плечами, обтянутыми серой водолазкой.

— Мы хорошо общаемся. Общались. – Юля, убрала одежду в шкаф, стараясь действовать и говорить естественно, не обращая внимания на зародившееся в груди, ставшее обычным, волнение. И смотреть на Дениса старалась вскользь, а не с жадностью, как хотелось. – Мне хочется как-то поддержать ее. А я даже на похоронах не была.

— Я заметил. Почему не была?

Перед тем как ответить, Юле пришлось подавить некоторые сомнения. Опасалась, что Денис может посмеяться над ее страхами. Самому, как видно, они не ведомы. По крайней мере, впечатление он производил именно такое.

— Боюсь, — сказала она. – Я даже у Гриши не была. Потом на кладбище побывала и все. А похороны... я не могу на это смотреть.

— Надо живых бояться, а не мертвых. Мертвые тебе уже ничего не сделают.

— А я вообще не хочу никого бояться. – В словах ее прозвучал вызов, хотя Юля к этому

не стремилась. Само собой вышло. От души.

— Забыла, чья ты дочь?

Юля, поджав губы, замолчала. И без этого напоминания все знала. Развивать никому не нужную дискуссию – себе дороже. Ни к чему это. Навряд ли именно сейчас ей удастся что-то доказать Денису. Например, то, что иногда ей очень хочется забыть, чья она дочь. Навряд ли он согласится, что не в деньгах счастье. Лично для нее никакие деньги не смогут окупить четыре ранения отца и бессонные ночи матери, и те дни, когда от переживаний кусок в горло не лез, и тошнило до рвоты. Тогда никакие деликатесы даром не нужны. И огромный дом, как узкая тюремная камера.

Никакие деньги всего этого не окупали.

Только вот Денис ее не поддержит, иначе не работал бы с отцом в такой тесной связке.

— Если хочешь, я съезжу с тобой к Кате, — неожиданно по-доброму предложил он.

— Да, хочу, — сразу согласилась Юля, полагая, что так ей будет легче. — Не знаю, надо ли ей это. Наверное, не надо. Но я должна. Мне надо. Андрей очень хорошо ко мне относился, я к нему тоже. Мне не по себе, столько времени прошло, а я до сих пор с ней не поговорила. — После этого Юля вздохнула свободнее, но напряженность, царившая между ней и Денисом, не исчезла, а только усилилась. — Ладно, я пока в бассейн. Потом вернусь, позвоню маме, предупрежу ее.

— Сейчас позвони.

Что-то было в этих словах, что заставило ее вздрогнуть и забыть про смятение. Обернуться. Показалось, что интонацией он просит ее подойти не к телефону, а к нему. Но Юля не стала поддаваться на эту провокацию. Дернула уголки губ в улыбке и проговорила таинственно:

— Сейчас рано. Мне сначала нужно найти убедительные аргументы.

— Возьми меня с собой в душ.

Произнесенная с приятной хрипотцой просьба, по сути и не просьба, выбила из колеи и заставила замереть на месте. Не потому что Юля находила ее из ряда вон выходящей или неприличной, а потому что не ожидала.

— Пойдем, — просто сказала она.

— Забери свои слова обратно или я соглашусь.

Юля молчала. Потому что делать этого не собиралась и объяснять ничего не хотела. Денис поднялся с места, и на миг подумалось, что он и правда вознамерился уединиться с ней в душе. Не спуская с него глаз, отступила и прижалась спиной к двери. А Денис только приблизился вплотную, лицом к лицу. Девушка задержалась с ответом, пытаясь распознать его чувства.

Не всегда о них говорят глаза, как принято считать. Даже в меньшей степени о чувствах глаза и говорят. А вот выражение лица, напряжение в мышцах, движения рук и пальцев, скованность в плечах или расслабленность могут сказать о многом.

Глаза Дениса блестели стеклянно, скрывая все мысли за темнотой чуть расширившихся зрачков. А вот руки трогали так тепло и чувственно, что от этих прикосновений перехватывало дыхание. Тонкая кофточка не мешала его крепким ладоням, они вжимались в ее тело, словно оно было обнажено.

Денис оплел ее стройную фигуру, едва сдерживая желание претендовать на что-то большее. Почему-то именно сегодня это сделать оказалось невероятно трудно. Может, потому что сегодня Юля была по-особенному очаровательна. А, возможно, оттого что в ее

глазах успел уловить горячее желание – отражение собственных мыслей.

— Иди. И обязательно закройся. – Собрался с духом и, открыв дверь, втокнул Юлю в раздевалку. Потом стоял на месте, невольно прислушиваясь, щелкнет ли замок. А когда услышал, немного расслабился. Хотя удивительно, как этот короткий негромкий звук смог пробиться сквозь гроыхавший в ушах пульс.

Широкую грудь приподнял глубокий вздох. С губ едва слышно сорвалось ругательство.

Вода в бассейне показалась необычно холодной, но Юля постаралась продержаться как можно дольше. Наматывала круги, пока сил совсем не осталось. Жалко, что рядом не было Самарина. На пару с его небылицами плавать веселее.

Позже позвонила маме, предупредила о своем намерении увидеться с Катей Маркеловой, скупно объяснила мотивы, попрощалась и положила трубку. Тут главное – сделать это быстро. Быстро положить трубку, чтобы не затягивать разговор, отвечая на обязательные в таком случае, заковыристые вопросы.

Денис ждал ее за дверью, не стал присутствовать при разговоре, очевидно, не желая смущать, за что она была ему благодарна.

По дороге Юля пыталась собраться с мыслями. Много раз прокручивала в голове то, что хотела сказать Кате, но сомневалась, что нашла правильные слова. А как их найти? Кто знает, какие они должны быть – самые нужные и правильные слова. В этой ситуации нужных слов подобрать невозможно. И чем дольше Юля пыталась это сделать, тем хуже становилось у нее на душе, тем мысли ее становились все сумбурнее.

Как назло, светофоры, словно сговорившись, светились зеленым, и доехали они с Денисом быстро. Он заглушил мотор и посмотрел на Юлю. Она медлила. Смотрела на многоэтажный дом из серого кирпича как на неприступную крепость.

— Если хочешь, давай вернемся. – Денис тоже не спешил покидать салон автомобиля, ждал Юлиного решения.

— Нет, — она покачала головой и начала выбираться из машины, отбросив последние сомнения.

У лифта он ободряюще сжал ее локоть, видел, как весь путь до дома Маркеловых Юля волновалась и раздумывала.

— Не переживай так. Как она настроена, поймешь сразу. Захочет разговаривать – поговоришь, а нет – всего хорошего пожелаешь и домой поедем.

— Да, ты прав. Спасибо. – Нажала на кнопку звонка.

— Спасибо потом мне скажешь.

Бросив на Дениса взгляд, Юля увидела в его серых глазах смешинки и невольно отозвалась. Кажется, говорил он не про обычную благодарность на словах.

Плохо ли, хорошо ли, но, открыв дверь, Катя застала на лице Юли полуулыбку.

— Юля... Привет, не ожидала, — слабым, будто безжизненным голосом немного удивленно сказала вдова. Потом чуть оживилась. Настолько, чтобы отойти в сторону, освободив проход. – Проходите, не стойте на пороге. – Кивнула Шаурину.

Дальше она пошла на кухню, сделав приглашающий жест рукой. Юля сунула Денису свою сумку, торопливо разулась и, не снимая куртки, побежала за Катей.

Шаурин потерялся в большой передней, чтобы дать девушкам возможность поговорить наедине. Пристроил Юлькину сумку на вешалке, распахнул пальто.

Юля подошла сзади и стиснула Катины плечи. Сжала крепко, как могла, останавливая

ее. Та хлопала дверцами шкафов, гремела посудой. Юле показалось, что каждый жест ее был пропитан отчаянием, в каждом позвякивании чашек и ложек чувствовался надрыв.

— Катюш, мне просто хотелось сказать тебе пару слов. Ты не суетись, я ненадолго, не задержу тебя. Просто хочу сказать, что ты не одна. Может, и не нужно это тебе, но я не могу не сказать. Мне жаль, очень жаль. И слов нет... — Слова-то были. Но вот в этот момент Юля посчитала их лишними. Незачем сыпать соль на открытую рану. Та рана еще даже затягиваться не начала.

— Спасибо, Юляш. Ты чудо, — улыбнулась Катя и обняла ее слабыми руками.

— Чудо – это ты, Катюш, еще улыбаться умудряешься, беседы с кем-то вести. Я бы вообще всех послала...

— Не дай бог тебе такое, Юляш.. – Тут Катя тяжело осела на стул, как будто оплыла и потеряла лицо – показала все свои чувства: ту боль, что от утраты испытывала, скорбь, всю тяжесть. Все выписалось у нее на лице, как на холсте, неестественно яркими красками. В ее темных глазах не жизнь теперь светилась, а мрак проглядывал. За время, что они не виделись, Катя похудела, потускнела. Губы вообще отдавали синевой. Темные волосы, сейчас свернутые в аккуратный узел, и те не блестели.

Юля сбросила куртку на соседний стул, выглянула в прихожую и поманила Дениса. Катя взялась наливать чай, а когда развернулась, чтобы расставить на столе чашки, снова выглядела замерзшей и бесчувственной. Как кусок льда. Такой, какой они застали ее в первую минуту.

— Я боюсь смотреть на небо, — глядя себе в чашку, тихо сказала молодая вдова. – Не могу поднять глаза. Мне кажется: он смотрит на меня оттуда.

От этих слов у Юли заледенели ладони, и она тут же перевела взгляд на Дениса, представив, что чувствовала бы, переживи такое – смогла бы смотреть на небо как прежде?

— Катя, если какая помощь нужна, ты сразу звони. Не жди ничего. И никого. Андрея нет, но есть мы: я, Сергей Владимирович, Юра, любой другой, к кому ты обратишься.

— Мне страшно.

— Звонили, угрожали?

— Нет. Но мне все равно очень страшно.

— Почему ты одна? – Денис имел в виду родителей или других родственников, кто мог бы поддержать ее в такой трудный час.

— Не знаю. Мне никто не нужен. – По всей видимости, она правильно его поняла.

— Я поговорю с Сергеем Владимировичем, хочешь, отвезем тебя ко Льву Михалычу?

Катя кивнула.

— Тогда сиди дома, никуда не выходи. Я позвоню. Даже если за тобой приеду не я, а кто-то другой, позвоню я. Посмотри, что тебе нужно.

Катя сначала хотела ответить, что она ни в чем не нуждается, а потом согласилась с Денисом, встала и прошлась по квартире, прикинула, что нужно взять с собой. Понимала, что лучше подготовиться заранее, чтобы не кататься по городу и не задерживаться в магазинах. Можно, конечно, со Львом Михайловичем позже съездить и все купить, но она сомневалась, что ей захочется вылезать куда-нибудь из дома. Больше всего на свете хотелось впасть в спячку. Потому как плакать слез больше не осталось. И сил никаких не осталось.

Зря Юля поддалась своей фантазии. Вообще зря все это затеяла, потому что не хватало ей мужества говорить сейчас что-то ободряющее жене погибшего Маркелова. Она сидела с полной чашкой чая не в силах сделать хоть один глоток. Боялась, что так заберет себе часть

Катиной боли. А нее своей хватало, чужую разделить она не могла – духу не хватало.

Своя боль уже притаилась внутри, ожидая подходящего случая, чтобы вырваться. Кажется, вот он и наступил. Как только представила Дениса на месте Андрея, внутренности паралич сковал. Даже мысли замерзли.

Хозяйка тоже к своему чаю не притронулась. Только Денис невозмутимо опустошил свою чашку в несколько глотков. Юля искренне завидовала его спокойствию.

— Пойдем. – Он потянул ее из-за стола и в передней дождался, пока Катерина явится из недр огромной квартиры. Этой минутой промедления они воспользовались, чтобы одеться. – Тогда ты собирайся, я отвезу Юлию домой, заодно и переговорю с Монаховым. Жди звонка.

— Хорошо, — согласилась Катя и не стала препятствовать их уходу. – Мне ничего не нужно, у меня все есть.

Как только дверь захлопнулась, и они оказались на площадке, Юля набросилась на Дениса:

— Ты ведь не собираешься?.. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится!

Ответное молчание опарашило, в глубине души девушка ждала, что ее успокоят, как-то обнадежат. А Денис молча подхватил ее под руку и затянул в открытые створки лифта.

Своим всплеском Юля не удивила. Понял, что она на взводе, потому и утащил ее из этой квартиры. Слишком быстро Юля прониклась царящим в ней трауром и начала себя накручивать. Что девушкам свойственно. Распутывать еще и этот клубок...

Этот недо-разговор разъедал изнутри. Невысказанность бросала все новые и новые картины – одна страшнее другой. Но продолжать свою речь в таком узком пространстве, в лифте, Юля не решилась. Для начала нужно было плотнуть свежего воздуха. Стало дурно, в горле чувствовался душащий ком. По телу иголками пробежали мурашки, и Юля поежилась. Вспомнились слова Кати про небо...

Выйдя из подъезда, на углу дома они остановились. Остановились, не сговариваясь, не дойдя до машины, словно читали мысли друг друга.

С равнодушным видом Денис достал сигареты, и Юля поняла, что ничего успокаивающего он ей говорить не собирается.

— Обещай, что ты не будешь, как Андрей... что не будешь рисковать своей жизнью. – Она не могла выразить свои мысли верно, несла какую-то околесицу. Но не оставлять же все как есть. – Обещай, что с тобой ничего не случится!

— Прекрати истерику. Как Андрей я точно не буду. По-другому, — коротко выдал он, как ледяной водой окатив.

Мысли ее взметнулись безумным смерчем. Кровь бросилась в лицо. И если минуту назад все ее тело льдом сковывало, то сейчас было так жарко, что она начала задыхаться.

— Все вы такие! Для вас человеческая жизнь ничего не стоит! Как можно надеяться, что я для тебя что-то значу, если тебе на самого себя наплевать?!

С такой яростью она кинула это ему в лицо, как будто ударила. Денис собирался прикурить и поднес сигарету к губам, но замер оторопело.

— Вот дура... — выдохнул.

— Что?.. – не поверила своим ушам. – Да пошел ты! – Развернулась и стремглав понеслась прочь, в противоположную от машины сторону. Если бы и правда бежала, может, унеслась бы дальше. А так, Денис быстро настиг ее, схватил за предплечье и рванул обратно. Кожаная куртка по швам затрещала.

— Уже пошел... – злобно и вкрадчиво проговорил он, скручивая ей руки.

Хотя может так показалось — что злобно. Юлька и сама захлебывалась от злости и боли. Так что едва ли могла сейчас правильно расценивать его реакции.

— Отпусти меня! — Попыталась вывернуться из его хватки.

Недолго думая, Денис закинул Юльку к себе на плечо — единственный шанс оставить ее без синяков — и понес как мешок. Не к своей машине, а в том же направлении, куда Юля летела несколько секунд назад — на набережную, к основанию моста.

Брыкалась девушка не долго. Все-таки не очень удобно доказывать свою правоту головой вниз. И весьма неубедительно звучит заикающаяся речь.

— Успокойся и прекрати нести всякую чушь! — жестко сказал Денис, когда поставил ее на землю. Только Юля ни капли не успокоилась и все так же готова была снести все на своем пути, лишь бы удрать от него.

— Это для тебя чушь, а для меня нет! Для тебя все чушь! — бросалась она хлесткими словами. — Тебе на все наплевать и на меня тоже! Это просто я такая идиотка, перед тобой как на исповеди. Что в душе, то и на словах. А ты...

Он не дал ей договорить, заключил в кольцо рук и сжал ее так, что она замолчала и поморщилась от боли.

— Мне больно... — с трудом выдавила и попыталась вывернуться из этих удушающих объятий. Это и объятиями-то не назовешь. Того и гляди кости затрещат.

— ...а я, — договаривал он за ней, — если бы ты не была мне дорога, не находился бы здесь. Я только из-за тебя поехал. И у нас с тобой ничего бы не было. Я отправил бы тебя с этим браслетом к чертовой матери. Даже до браслета бы не дошло. Сделал так, что ты бы ко мне и близко не подошла, даже не смотрела в мою сторону!

— О, я в этом не сомневаюсь... уверена, смог бы... — горько, со слезами на глазах, засмеялась Юля. — Ты специально так делаешь? Я же говорю, мне больно, отпусти меня! Да пусти же ты!

А он не отпускал. Больно было невыносимо. Зубы стискивала, но не помогало. Чем сильнее трепыхалась, пытаясь вырваться, тем больнее он ее сдавливал — будто слезы выжимал. Потом когда сил терпеть не осталось, и они, слезы, тихо потекли из глаз, обмякла и склонила голову ему на грудь, пряча мокрое лицо.

Только тогда и он отпустил. Но поначалу она застыла как столб, даже руками была не в силах двинуть. Затем неровными движениями стерла горячие слезы. Они огнем полосовали холодное от ветра лицо.

— Ты же не глупая. Понимаешь, куда ввязалась. У нас не будет все, как тебе хочется. Я не могу тебя встречать и провожать, не могу устраивать тебе свидания. Даже если мне этого хочется. Все будет вот так — урывками, без планов и договоренностей. Потому что я не знаю, что будет завтра!

— Понимать — одно, но ты не запретишь мне этого хотеть. Не надо мне об этом напоминать, я и так все знаю, — обессилено сказала она.

— А ты приготовься. От меня ты не всегда будешь слышать то, что хочешь.

Она отбросила его руки, не позволяя касаться себя, но подобные резкие жесты Дениса не оттолкнули. Он прижал ее голову к своей груди. Прикоснулся губами ко лбу, отвел разметавшиеся пряди от лица.

Юля уже не могла противостоять. В его движениях снова появилась чувственность. И нежность, щемящая душу, которой теперь ей всегда не хватало.

— Не целуй меня в лоб. Я хочу, чтобы ты целовал меня нормально, по-взрослому, а не

устраивал милые невинные встречи. И меня не волнует, как ты будешь организовывать эти «урывки». Я хочу, чтобы в этот момент ты принадлежал только мне. Иначе проваливай, понятно? – проговорила ему в грудь, но слышно ее было прекрасно. Как видно, открылось у девочки второе дыхание.

— Понятно, чего ж непонятного, — засмеялся, глядя на нее — взъерошенную, растрепанную, но все равно непокорную.

Юля тут же возмущенно вскинула глаза, но сказать ничего не успела. Денис склонился к ней, прижался к ее рту, надавливая губами. Мягко, потом сильнее. Пока ее губы не разомкнулись, и он смог коснуться языка. Это было восхитительно приятное и острое ощущение.

И он хотел целовать ее так – по-настоящему. Чувствовать, как она отзывается каждой клеточкой тела и реагирует на каждое малейшее движение губ. А она реагировала.

Не знала, откуда в ней это. Не было опыта, знаний. Только желание и инстинкт, внутренний, наверное, самый древний. Говорящий, что поцелуй – это ласка, а значит главное — ласкать: губами, языком, горячим дыханием, теплыми ладонями. Ласкать – доставлять удовольствие, делать приятное, иметь одно на двоих дыхание.

Он прерывался на чуть-чуть, на пару вздохов, а потом вновь прикивал к горячим губам. Делал их влажными, раскрывал, заставляя ее вздрагивать от соприкосновения языков. Заставлял ее голову кружиться. Юля так говорила, шептала в губы, изредка отрываясь от него.

— Мне что-то плохо...

— Тошнит?

— Похоже на то. – Развернулась к нему спиной и оперлась на парапет, подставив лицо ветру. С реки неприятно тянуло холодом и продирающей до костей влагой. Но хотелось окунуться в этот стывший поток с головой, чтобы выветрился тот мрачный дурман, что внес такой разброд в чувства. В этом запутанном клубке ярким всполохом четко ощущалось только одно – любовь.

Все остальное смешалось, слилось в горькую суспензию: злость на грани ненависти, удовольствие на грани отвращения. Слишком много и слишком сильно для одного раза.

Стало смешно, Юлька чуть не разразилась истерическим хохотом. Что же этому человеку нужно сделать такого чудовищного, чтобы она стала любить его хоть чуточку меньше?

Он живет своей жизнью, спит с другими девками, холит и лелеет неприкосновенность личной территории, а она, тем не менее, чувствует себя рядом с ним как в райских кушах. Вот и думай, гадай – это что-то настоящее или самообман? Палка о двух концах. И тем и другим это может быть одновременно. Все равно что спорить: что есть настоящее искусство – постановочное фото или масляный портрет?

— Это нормально. Значит твоя психика в порядке. Дыши глубже.

Прозвучало обнадеживающе, вызвало скупую натянутую улыбку. В собственной нормальности Юля с недавних пор стала сомневаться. С Денисом открывала в себе новые стороны, проливали свет на тайные уголки своей души, выявляла в себе весьма своеобразные желания.

— Дышу, — вполголоса процедила, вцепляясь пальцами в холодные недружелюбные камни. Глубоко втягивала сырой воздух. Покрывалась колкими мурашками от ветра. Мысленно окуналась в ледяную воду, замерзала, пыталась избавиться от ненужных мыслей.

Девки, юбки... Самое последнее, о чем сейчас стоит думать. Самое разрушительное.

— Я вспыхнула, сорвалась. Ты теперь думаешь, что я истеричка? Скажи честно, — говорила Юля словно издали, и не на Дениса глядя. Взгляд притягивала вода.

Удивительное зрелище — ледоход. Никогда не понимала, почему оно так завораживает. Не красотой же... Вода талая, мутная, а в ней плывущие куски льда — большие и маленькие, неровные, зубчатые. Что тут красивого? Но что-то было. Поневоле внутри поднималась волна чистого непреодолимого восторга.

— Нет. Я думаю, что ты достаточно эмоциональна, чтобы выразиться таким образом.

— А как ты это выносишь?

— Что конкретно? — Снова притянул ее к себе за плечи, заметив, как она дрогнула от холода.

Юлька поежилась и тут же повернулась лицом. Внезапно тело одолел озноб. Ладони, которые минуту назад горели огнем, заледенели. Это кровь престала бурлить от злости, поутихнув, хотя до полного спокойствия еще далеко. Да и невозможно оно рядом с Шауриным.

Нет ничего хуже проклятого разрывающего изнутри ощущения безысходности. Одна, она бы точно не выдержала, не справилась.

— Что угодно. — Скользя руками под пальто, обняла Дениса, испытывая восторг побольше, чем от созерцания ледохода.

— По-разному, — ответил он после молчания. — Но, в основном, если у меня болит сердце, жалуясь я на голову.

— А таблетку от чего пьешь? — спросила тихо, но достаточно, чтобы он услышал. Чтобы не повторять вопрос, ибо не решится.

— От сердца.

Он и спрятал ее там, у сердца, прикрыл руками, запахнув пальто. Укрыл от всего: от жестокого ветра, людей, их взглядов, на несколько минут от реальности. Рядом с Юлькой мир отступал. Ненадолго и нехотя, но отступал. И мысли бросались как будто в пустоту.

А она молчала, боясь одним словом нарушить равновесие — такое тонкое и шаткое. Прозрачное, как калька. Одно только неверное слово может все испортить.

Тревожность, отравляющая их встречи, никуда не делась. Она и не могла никуда пропасть, потому что стала частью души. Хотелось сделать этот момент чистым и свежим, как рассветный воздух. Но и сейчас казалось, что даже камни смотрят на них. Смотрят и слышат каждое слово.

Юля слегка тряхнула головой, дабы избавиться от сковывающего внутренности ощущения. Почувствовала, что пальцы Дениса запутались в ее волосах. А она и не поняла этого, настолько слилась с ним, проникаясь теплом.

Улыбка воскресла на порозовевших губах, и Юлька поцеловала его радостным поцелуем. Звонко чмокнула и посмотрела умно-сдержанным взглядом, загораясь таинственностью.

— О чем ты думаешь? — Он, конечно, спросил. Всегда спрашивал. В такие мгновения забраться бы ей в голову и узнать, о чем она думает.

Она сделала вид, что подбирает слова.

— Тебе правду сказать или чтобы было приятно?

Денис коротко рассмеялся. А хотелось, чтобы он не останавливался, смеялся еще и еще. Снова и снова. Откинув голову, хохотал бы в голос. Сотрясал воздух беззаботным смехом.

Обнажал белые ровные зубы в непринужденной улыбке.

— Не скажешь?

О многом она думала. О разном. О том, что минуты ожидания тянутся бесконечно долго, а часы счастья плотаются как один вздох. Почему счастье так скоротечно? Почему для него нужны какие-то специальные условия? Ведь для горя они не нужны. Оно как сорняк. Ему и почва благодатная не нужна, среди битого стекла вырастет.

Вот-вот Денис скажет, что нужно ехать. Мысль эта уже таилась в глазах и, должно быть, просилась с языка.

Именно сейчас, когда фонтан собственных эмоций перестал бить через край, подумалось, что ничего ей не светит. Не будет он устраивать никаких «урывков», не будет с трепетом в сердце ждать ее появления. Ничего этого не будет. Она посчитала, что у нее случилась истерика, а он принял это просто за манеру выражаться. Ее ультиматумы для него как мертвому припарка. Какая страшная ирония. Рядом с Денисом Юля становилась эгоисткой, перенимала его жестокость. Только вернувшись от Кати, думала: пусть Андрей, но только не Денис. Пусть хоть десять таких, как Андрей...

Снова черные мысли – туннель обреченности. Чертова воронка. Самообладание пошло уродливыми трещинами. Потянуло разрыдаться. Разныться от горла. Опустошиться, чтобы нечем было страдать. Тех быстрых слез, что ему удалось выдавить из нее, не хватило.

Денис крепко сжал Юлины плечи, словно спрашивая. Она лишь покачала головой. Отвечать не нужно, знала, что в голове бред. Сейчас там один сплошной бред. Вот завтра все будет по-другому, но сегодня просто караул.

Наверное, будет...

— Нужно ехать, — он все-таки сказал это. А как же иначе... Тихие слова всколыхнули все ее существо в немом протесте. Но Денис не развернулся, не подтолкнул ее, не потащил за собой. А приблизил к себе, склонился и замер у лица. Ждал, пока отстраненно-хмурое выражение сменится на доверчиво-ждущее, дыхание станет горячим, губы немного раскроются.

Не сразу, но она податливо расслабилась в его руках.

Одинаковых поцелуев не бывает. Они все разные. Все неповторимые. Каждое мгновение.

И этот был другим.

Денис целовал ее медленно, не спеша. Сначала едва касаясь, тепло и мягко. Потом сильнее. Без нежности. Смело, жестко, глубоко. С жадностью. Запрещая думать, иногда дышать. Получалось.

Последние бесконечные минуты целовал до жара в теле, — он зарождался между лопаток и растекался по коже, бросался в ладони, горел на щеках румянцем. Никогда до этого ей не было так жарко. Ласкал ее губы и язык до дрожи в коленях, — и она сомневалась, что если он отпустит, ей удастся устоять на месте.

Этот поцелуй другой — настоящий. Именно этот. Наверное, Юля будет помнить его всю жизнь. Печать у нее на губах. Оттиск, очерк его губ. И в душе, и в сердце. Так, что земля из-под ног и в небо...

Когда губы онемели, перестали чувствовать, став безвкусными, Денис ослабил объятия. Как трудно от нее оторваться. Почти невозможно. Но, слава богу, только почти... Хорошо, что находились они именно здесь, на открытом пространстве, под любопытными, хоть и редкими, взглядами. В другом случае Юлька уже осталась бы без одежды. А ему, чтобы

снять возбуждение и охладиться, впору хоть в ледяную реку.. Теперь не представлял, как сможет удержать ее на расстоянии.

Они слишком увлеклись друг другом. Не заметили, что на город накатили сумерки. Туманная волна пробежала по улицам.

Когда вернулись к машине, Юля чувствовала, что силы кончились, энергия иссякла, а сама она похожа на тухлявое дерево – готова рухнуть и рассыпаться.

Давая ей время, чтобы успокоиться (и себе тоже), Денис не сел в машину сразу, закурил. Однако едва ли две минуты, потраченные на сигарету, смогут расслабить судорожно сведенные от возбуждения мышцы.

Естественно, сигарета не помогла. Только занавесила ощущения дымом, забила легкие, чуть отрезвила голову. Денис втягивался и смотрел на Юлю, которая поглядывала на него тоже, пытаясь сделать взгляд твердым, осмысленным. Но твердого взгляда не выходило, Юля слабела лицом, плечами, руками.

Забросив сигарету в мелкую лужицу, Денис сел в салон и тронул машину с места.

Дома их встретила Наталья, прошла по обоим встревоженным взглядом, вопрошающе задержалась на Юле.

— Как съездили?

Дочь не отреагировала, оставшись к обращению матери холодно-безразличной.

— Накапай ей чего-нибудь. Для успокоения, – посоветовал Денис, все же сомневаясь, стоит ли вмешиваться. Смолчать же не смог.

Юля кивнула, с песочным шуршанием стянула куртку и свернула в кухню. Так же молча из рук матери приняла стакан с небольшим количеством жидкости, по запаху похожей на валерьянку.

— Иди умойся, — сказала Наталья дочери, после того как та опустошила стакан. Слова мамы прозвучали необычно строго. Юля вскинула глаза, но противоречить не стала. Сил не было. В конце концов, мама дело говорит. Нужно привести себя в порядок.

— Может, и тебе тоже? – с доброй порцией иронии спросила Наталья, вздернув бровь.

Денис посмотрел на все еще стоящий на столе бутылек с валерьянкой и вздохнул. Этот шумный вздох женщина расценила как согласие, потому в мгновение ока Шаурин получил свою дозу.

— Помирать так с музыкой, балдеть так от валерьянки. Ваше здоровье! – С трудом веря в происходящее, он все же заглотил успокоительное.

— Что ж ты ее как водку?

— Так кроме водки других успокоительных не знаем.

— Где вы были все это время? Только не рассказывай мне, что Катю утешали. Говорю сразу: не поверю, — в лоб спросила Наталья, слегка огорошив непреклонным тоном. Можно сказать, командным.

— Я Катю утешать и не думал, у меня с этим, знаешь ли, чрезвычайно плоховато. Хотя сочувствую ей глубоко, должен признать. – Осторожно он отставил стакан. Шагнул от стола, сунул руки в карманы.

— Врешь. Все ты можешь. Тебе просто удобна такая позиция. Когда всем вокруг говоришь, что ты чего-то не можешь, с тебя и не спрашивают. Но я так и не услышала ответа на свой вопрос, — рубила воздух резкими фразами. Говорила прямо, как никогда. Без пауз и раздумий.

— На набережной мы проветривались. Сопли на кулак наматывали. – Денису виделось,

что не спонтанная это речь, не неожиданно приходящие в голову мысли. Посему напрашивался вывод, что Наталья если не в курсе об их с Юлей отношениях, то догадывается.

— Не дерзи! – оборвала его женщина, хотя понимала причину подобной резкости. То, что оба они, Юля и Денис, находились в эмоциональном возбуждении, почувствовалось с порога. Надави она хоть немного на Юльку, та сорвется и расскажет все как на духу. С Денисом куда сложнее. Но и в его спокойствии сейчас проглядывалась существенная брешь. Нельзя ею не воспользоваться, когда еще такое случится.

— И не думал. Все так и было, как сказал.

— Ты мне голову не морочь, мы не о соседской девочке говорим, а о моей дочери. Обидишь или вздумаешь как-то ее использовать, сама тебя пристрелю, понятно?

Совсем не удивился ее словам, более того, они принесли ему странное успокоение. Кроме шуток.

— Да, с соседской девочкой было бы легче. Понятно, чего ж непонятного. На твоём месте, меньше всего я бы беспокоился о Юле, если она со мной. А, в остальном, время покажет.

— Циник ты, Шаурин.

— А так жить легче. На всех найдется исключение, да?

— Мозги есть – разберешься. Не подводи мое доверие. Хотя не скажу, что мне все это по душе. – Поймала его ждущий взгляд и продолжила: — Я даже знаю, какой вопрос тебя сейчас интересует.

Не оправдать доверие – это гораздо хуже, чем просто нарушить какой-то запрет. Доверие – это другая степень ответственности. Потому, Шаурин слукавил бы, если сказал, что обрадовался такому повороту в их разговоре, а, следовательно, и в отношениях тоже. Как будто в ловушку загнали.

Разочарованные жены авторитетов едва ли не опаснее самих авторитетов. А в том, что жена Монахова обладает изощренным умом, Денис не сомневался. Потому не хотел быть ей обязанным. К тому же, следовало для начала определиться, какие у нее критерии доверия.

— Может, тогда ответишь? – спросил Шаурин, на самом деле испытывая желание узнать, что же ей помешало рассказать все Сергею Владимировичу. Судя по всему, женщина давно в курсе происходящего. Не сегодня обо всем узнала. И даже не вчера.

— Я понимаю мужа, но это не значит, что я с ним согласна. На многие вещи мы смотрим по-разному. Он хочет для Юли безоблачного будущего, а я счастья. Это не всегда одно и то же. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

— Возможно, да.

— Наверное, я рано все это говорю. Но, знаешь, боюсь всегда не успеть. А вы, мужчины, особенно, такие как ты, дальновидные, иногда простых вещей не замечаете, дальше носа своего не видите. Твоего ответа я не жду, говорю, в большей степени, для себя.

Появление Юли прекратило разговор. Впрочем, все было сказано. Можно уходить.

— Я сказала Сергею Владимировичу, что сама попросила тебя свозить Юлю к Кате.

— Понял, — бросил Денис, задержавшись на пороге. Сие означало, что теперь следовало явиться к Монахову и отчитаться лично. Лично так лично...

Он направился к выходу, по пути подбирая оставленное на диванчике под лестницей пальто.

— Беги, провожай, — слегка улыбнулась Наталья, и Юля без промедления последовала ее совету.

— Что тебе сказала мама? – Остановила его в дверях.

— Спросила, как мы встретились с Катей.

— И все?

— И все.

— А что ты сказал?

— Сказал, что херово встретились.

Юлька возмущенно цыкнула. Он не удержался и быстро прижал ее к себе.

— Поешь и спать ложись. Тебе отдохнуть надо. Позвоню, проверю. – Слегка коснулся ее губ.

— Ладно, — улыбнулась слабой улыбкой и захлопнула за ним дверь.

ГЛАВА 30

Телефонный звонок застал его на пороге.

— Шаурин, — ответил Денис, вернувшись к столу. – Добрый, Олег Николаевич. Чем могу быть полезен?.. – спросил, меж тем подозревая, для чего именно мог понадобиться Крапивину. За все в этой жизни надо платить. За информацию тоже. Вот и наступил черед Дениса отдавать долги. – Само собой, — выслушав собеседника, ответил он и положил трубку.

Разговор короткий. Ставки сделаны.

Посмотрел на часы: в запасе есть немного времени – как раз, чтобы переговорить с Хромовым. Откладывать на потом не имело смысла. Не до того совсем. Спешил на встречу с Вадимом, после чего хотел увидеться с Юлей. Последнее было необходимо как воздух.

Не хотел привлекать внимание, отзывая Хромова в сторонку, но, к облегчению Шаурина, тот сидел на лавке, расслабленно вытянув ноги.

— Как дела? – небрежно поинтересовался Денис, опускаясь рядом.

— Нормально, — бросил Хромов и приложил к мокрому лицу полотенце.

— Следующий бой сдашь, — сказал вполголоса, следя за остальными: Карпов, обливаясь потом, молотил грушу, Лёня молотил Глеба, а Шаповалов контролировал процесс.

— Опять? – пробухтел Хромов в ладони.

— Последний раз. Потом поедешь за семь морей косточки на солнце вялить, — чуть усмехнувшись, произнес Денис. – Я тебя вывожу.

— Как скажешь, — со смиренным вздохом согласился Пашка, ничего не имея против того, чтобы прекратить свою «карьеру». Травмы сделали его уязвимым. Он это прекрасно понимал и чувствовал, что каждый бой давался ему все труднее и труднее. Никакие психологические установки не помогали. Боялся он, что ляжет однажды и уже не встанет.

— Стас, — Денис окликнул Шаповалова, — займитесь Пашей, у него последний бой, а потом я его вывожу. Больше он не вытянет.

— Кого на замену? – спросил Шип.

— Вон, Глеба выпускайте, сколько можно уже вхолостую работать.

— Хорошо.

— Присмотри тут за всем, я ушел.

Карпов, до этого прислушивающийся к разговору, увидев, как Шаурин шагнул к двери, кинулся за ним:

— Шаур!

— Потом! – бросил Денис, не останавливаясь.

— А я? – нагло преградил ему путь, что Денису совсем не понравилось.

— А что ты? – Шаурин вынужденно замер на месте.

— Меня ты не собираешься выводить?

— С какой стати?

— Но Маркелов же...

— К тебе это какое имеет отношение? У тебя другие задачи, вот и выполняй.

— А хорошо вы устроились... — зло начал Саша, но взгляд Дениса оборвал его пылкую речь.

— А ты питал какие-то надежды? Андрея нет, Игоря тоже. Но лично для тебя это ничего не меняет. Ты сам на все согласился. Какие теперь могут быть претензии? – Карпов не решился высказаться до конца, хотя, казалось, ему дали такую возможность. Только кулаки заметно сжались. – Сопли подотри. А то вся грудь в орденах, — напоследок хлестнул Шаурин и покинул зал.

Только поползновений Карпова в «основные» сейчас не хватало. Хотя, кто бы сомневался. Знал, Шаурин, что долго Санек в нейтралитете не продержится. Сейчас Денис чуть охладил его, но, по всей видимости, ненадолго.

Это сначала Александр с вдохновением отнесся к своему новому статусу, но потом, когда смекнул, какие деньги зарабатывают на таких как он, его довольство постепенно убавилось. Денис бы на его месте, скорее всего, тоже взъелся. Только в отличие от Карпова он никогда добровольно бы не согласился стать пушечным мясом. Срок у таких бойцов короткий. А сам был уже. Хватило. Не совсем в таком качестве, но был.

К месту, где условились встретиться с Бардиным, Денис приехал первым. Вошел в кафе – второсортное заведение без каких-либо изысков в отделке и намеков на особое отношение к клиентам. Расположился за столиком подальше от прохода. Ерунда все это – изыски. Зато место тихое, пиво крепкое и шашлык из свежего мяса.

Немного подождать не составляло особой трудности. Ждать он умел. Не тяготился, это всего лишь передышка в безумном беге. Мертвая точка среди суеты бытия. Сон с открытыми глазами. Кома с полным осознанием. Несколько минут, чтобы подумать, пока есть время. Завтра его может не быть – времени. А послезавтра может не наступить «послезавтра».

Затянулся, медленно шагая по холодному лезвию разума. Реальность тлела на кончике сигареты. Мысли вились белым дымком. На губах короткий вздох и снова полные легкие дыма.

Не отпускали слова Натальи. Долго плавали на поверхности, а потом осели на дно души, как чайинки в чашке. Старался отсеивать их, эти неудобные мысли-чайинки, но, как видно, решето оказалось крупновато. Проскочили. Теперь то и дело поднимались вверх, стоило только сердцу чуть всколыхнуться. Пережевывал их который день. Проглотил наконец, и стало тошно. Точно помешательство какое... А вдруг не успеет Юльке сказать...

Завтра Монахов возвращается из Москвы. Не все вопросы решались по звонку, пришлось ему лететь и лично встречаться с важными людьми, чтобы получить добро на любой расклад в разборке с Веселовым. А расклад им светит один.

Денис уже знал, что скажет Сергею Владимировичу и как все провернет. Он даже не сомневался, что ему это позволят. Уж он-то постарается.

Снова дым во рту и в горле. И, наконец, знакомый силуэт в дверях...

Махнул рукой, привлекая внимание Вадима, и вздохнул так глубоко, будто до этого кислород выдавался маленькими порциями. Пространство обрело очертания, даже звук – форму. И снова усталость, дрожащая на кончиках пальцев, напряжение, запертое в жесткую клетку самообладания.

Разговор с Вадимом, казалось, – последний якорь, держащий Шаурина у этого берега.

Громоздкая фигура друга уселась напротив. Бардин не расплылся в приветственной улыбке, Денис, впрочем, тоже.

— Прости, только смог вырваться. Ты давно?.. – Вадим отвлекся и заказал подошедшей официантке пиво.

— Я недавно.

— Тогда сначала к делу, а потом дурака валять, — сказал, похоже, с иронией, а лицо удерживало сосредоточенное выражение.

— Я как Герасим, на все согласен, — усмехнулся краешком губ Денис и вдавил окурок в пепельницу.

— В общем, тему твою я пробил. Стволы в масле. Ни у кого из ваших оружие не было на боевом взводе. Выводы сам делай.

Шаурин отпил из своего бокала. Сделал глоток, всего второй за то время, пока сидел и ждал Вадима.

Проговорил отрешенно:

— Это все, что мне нужно. Именно это я и хотел знать. – Достал из кармана джинсового пиджака конверт и положил на стол.

Вадим мельком взглянул на серую бумагу и снова поймал глаза друга. Смотрел, не веря. Немного ошеломленно.

— Возьми, — коротко сказал Денис, и тогда Бардин подхватился со стула, но был пойман за рукав. – Назови меня гадом, сукой, ударь, но не уходи молча. Сядь. – Пришлось сделать колоссальное усилие, чтобы не позволить другу вырваться. Он предвидел именно такую реакцию Вадика, но все равно сделал то, что сделал. А теперь требовалось сказать что-то сильное и все объясняющее. Сказать что-то настоящее. Денис крепче сжал руку Вадима, подтягивая его и вынуждая сесть. – Если ты уйдешь, у меня останется море водки, которую я ни с кем не выпью кроме тебя, и тысячи слов, которые я никому больше не скажу. Сядь, Вадим. Я прошу. Иначе я как последний извращенец стану признаваться тебе в любви до гроба.

Что именно сломало решимость уйти, Вадим и сам сказать не мог. Какое именно слово подействовало как смирительная рубашка, хотя, казалось, взорвался бы, и ничего не остановило, не знал. Может быть, взгляд Дениса. Или его крепкая хватка. Но сел на место. Однако не смог притронуться к конверту.

— Я же сказал: если смогу, узнаю, а нет, значит – нет. Какого ты мне тут устраиваешь? Без тебя проблем хватает, еще ты сюрпризы выдаешь. Забери свои деньги, а то я куда-нибудь тебе их засуну.

— Не-е-ет, — протянул Денис, — это ты сейчас возьмешь конвертик и засунешь его себе в карман. И не будешь строить из себя оскорбленную невинность. Я тебе могу сходу сказать, кто из ваших генералов с Монаховым красную икру жрет. Кому из них он платит. И сколько платит. И как часто. Монахов их покупает. Я тебя – нет. Я не хочу тебя унижить, оскорбить, я просто пользуюсь моментом, чтобы дать тебе заработать.

— Здорово придумано, — недобро и хмуро усмехнулся Вадим. – Ты сам себя-то

слышишь? Понимаешь хоть? Попутал ты что-то, Денис.

— В жизни всякое бывает. Деньги никогда не лишние. Радеешь за наши отношения? Беспокоишься о моральном аспекте? Я тоже. Радею за дружбу с тобой. Только по мне, настоящую дружбу трудно испортить. Если какое-то слово или неправильный поступок может все разрушить, то и жалеть тогда не о чем, и беречь нечего. Тогда пережевать и выплюнуть, Вадим. А нам есть, что беречь.

— Все у тебя складно. Ты мне зубы не заговаривай, я знаю, что ты это умеешь. У тебя на всякое слово есть тысяча своих доводов. А я могу привести сейчас с десятков своих, почему сейчас ты ведешь себя как сволочь. Но в одном ты прав точно – молча мне уйти никак нельзя. И по роже мне тебе дать ой как хочется.

— Конверт забери. Мама Лена болеет, вдруг что понадобится. Ты по-другому не возьмешь, тебе так легче будет. И мне вот так легче. А после я тебя послушаю.

— Чувствую себя проституткой. – Вадим небрежно открыл конверт и глянул внутрь. – Причем, валютной.

Денис рассмеялся. Но только потому, что лицо Бардина смягчилось. Не ушел. И не уйдет значит.

— Тогда давай договоримся. Ты не используешь меня в темную. Я этого не потерплю.

— Согласен.

В этом скромном кафе они с Вадимом просидели долго. Говорили обо всем. Обо всех. Не торопясь. Вслух. И молча. Ловя в глазах ускользающие мысли. Читая по губам невысказанные вопросы.

Разочаровался ли Вадим? Наверняка.

Но лучше сделать это сейчас, вот так – больно и без наркоза, встречая осуждение во взгляде, порицание, может, презрение, чем потом, много позже – холодное удовлетворение.

Простит ли? Обязательно.

Стало легче. Стерлись барьеры и границы. Теперь можно не деликатничать, не обходить запретные темы, не бояться шокировать. Все стало прозрачно и открыто.

Лучше вот так – затянуть его в свой мир, в котором обязательно нужен *свой* человек. Если Вадим в какой-то теме, ему тоже он понадобится.

Эгоистично? Еще как. Но в этом гребаном мире, в котором все покупается и продается, и каждая сволочь с толстым кошельком чувствует себя полубогом, обязательно нужен *свой* человек.

Распрощались по-дружески тепло, будто оправдываясь. Денис не чувствовал за собой вины. Даже самых малейших угрызений совести не чувствовал. Не такой он человек, чтобы навязывать себе ненужные страдания. Только не из-за этого конверта с деньгами. Их крепкая с Вадимом связь и тонкое понимание друг друга позволяли не обременять себя душевными мучениями.

Просто нужно договориться. Просто договориться и понять, посмотреть друг другу в глаза, добравшись до самого дна, поймать, услышать биение сердца и сделать его общим, как прежде. Иначе в этой жизни им не по пути.

Пока ждал Юлю, курил. Хотя обычно при ней старался этого не делать. Ей не нравилось, ему тоже. А сегодня не слазил с сигарет. День такой, что ли.

Ждал Юлю...

Наверное, это первый раз вот такое осознанное ожидание. Черт возьми, у них сегодня свидание.

Не глядел тревожно, прошуршал вглубь парка по тропинке и остановился у огромной раскидистой ивы, окруженной невысоким парапетом. Как будто устроители собирались сделать здесь фонтан, а потом передумали и воткнули в центр дерево.

Редко затягиваясь, держал в руке сигарету. Присел и отвернулся от центральной дорожки, перекинув взгляд на рассыпанные то тут, то там кленовые островки. Словно кто-то небрежной рукой раскидал по территории их семена.

Этот старый заброшенный парк не пользовался популярностью. Здесь не было скамеек. Люди стали ленивы, чтобы просто прогуливаться по заросшим аллеям. Трава уже пробилась, заволакивая землю ковром, на влажных сочных деревьях появилась зеленая дымка.

Солнце грело затылок, ласкало плечи, бежало лучами по позвоночнику. Похоже на Юлькино прикосновение – такое же теплое и нежное. Его никогда и никто не трогал вот так – с жадностью, крепко. Он никогда никому не позволял. Не любил этих тисканий, хотя привык, что Таня всегда его обнимала. Вера старалась, но ему не нужны были эти объятия.

Никого так не чувствовал, как Юльку.

Он не думал, что скажет ей, не подбирал слова. Они всегда находились сами. Хотя, если она рядом, по сути, слова оказывались не нужными.

Некоторое время сидел неподвижно, наблюдая за стайкой суетливых воробьев. Когда птицы испуганно вспорхнули, поднял глаза и увидел ее. Внутри защемило от непрощенной нежности.

— Я не люблю курящих мужчин, — подойдя вплотную, сказала Юля с улыбкой и обвила руками его шею. На миг сладко прижалась к губам. Целовала, не придавая значения сигарете в его руке. Обнимала, вынужденно вдыхая дым. Улыбалась, говоря нарочито строго.

— И правильно. Не люби их. – Он отвел руку подальше, свободной прижимая ее к себе крепче.

— Мне не нравится, что ты куришь.

— Это поправимо.

— Бросишь?

— Нет, ты просто перестанешь обращать на это внимание.

Иногда сигаретный дым кажется слаще ванильной булки, но Юле этого не понять. Да и не надо оно ей.

— Не знаешь, почему я не возмущаюсь? – лукаво улыбнулась.

— Нечего сказать?

— Нет, я к тебе привыкаю. Ты моя дурная привычка. Это хлеще сигарет или наркотиков.

— Что ты знаешь о сигаретах и наркотиках?

— И знать ничего не хочу, мне тебя хватает.

Лучше и не скажешь... Мысленно он с этим соглашался. Любовь – привязанность почище сигарет и наркотиков.

Страшно становилось от этого осознания, томительно-сладко и страшно, будто падаешь в пропасть спиной вниз. Даже не видишь, куда летишь. А нужно найти силы, чтобы как кошка перевернуться в воздухе, встать на ноги и встретить землю. Выжить.

Она боялась тоже? В Юлиных глазах заметил настороженность. Тихую, умело скрытую. Почти умело. Это всегда так было? Раньше не замечал. Сегодня все казалось по-другому, по-новому. Сегодня каждое ее слово и взгляд касались изнанки души.

— Пойдем, сходим куда-нибудь? – Денис выбросил сигарету, поднялся и с привычной

решительностью нащупал в кармане ключи от машины.

— Куда? – Вопреки ожиданиям, Юля не изъявила готовности двинуться с места. Придвинулась ближе, обняла за талию, удерживая его на месте.

— Ресторан, кафе, кино... Куда ты хочешь? У нас же свидание. Пойдем, обожремся мороженого, например. Или еще чего-нибудь. – Взял ее за лицо, скользнул пальцами в волосы, пытаясь поймать солнечные блики в ее волосах. Давно хотел.

— Мы обожремся мороженого, и я заболею. Или мы оба заболеем, — мягко усмехаясь, проговорила она.

— Я тебя вылечу. Закутаю в одеяло, — обжигал ее губы короткими поцелуями, — буду кормить до отвала, запихивать в тебя таблетки и поить горячим чаем с лимоном.

Юля улыбнулась, пряча горечь за уголками губ. Стало невыносимо грустно. Понимала, что эти слова так и останутся словами. Он не сможет закутать ее в одеяло и сидеть у постели, пока она спит. Не будет он поить ее горячим чаем, даже если ему этого хочется. Несмотря на то, что обещал.

— Ну, куда идем?

— Ты забыл предложить цирк и зоопарк.

— Только не цирк и не зоопарк, и так кругом одни животные.

— Я не хочу никуда. Не надо мне торта—мороженого и запеченной свинины, не надо кафе и ресторанов. Хочу вот так – в этом парке... стоять рядом с тобой, разговаривать с тобой, слушать тебя.

Обнял ее за плечи, опустив на них всю тяжесть рук. Не боялся, что не выдержит. Выдержит. Юлька сильная. Внутренне. Внешне. Ему нравилось, что она не выглядит как хрупкая девочка, к которой боязно притронуться.

Она сильная, может, сильнее его. Не боится обнажиться душой. Живет нараспашку. Отдает чувства безвозмездно.

Наверное, потому хотелось застегнуть молнию на ее белой кожаной куртке под горло, чтобы никто больше не добрался.

— Как так? А куда же делись все твои мечты? Ты же хотела этого. Я сегодня добрый волшебник, готов выполнить любое твоё желание.

Мечты, желания... Он понятия не имел о ее настоящих мечтах. Наверное, сильно бы удивился. Свидания в кино и ресторанах занимали там самое последнее место, потому что пойти с ним куда-то, значит – потерять драгоценный момент единения. Их разлучит стол, за которым они будут сидеть. Чужие взгляды. Невольные свидетели.

— Ты слишком все усложняешь. Вся романтика в голове. В чувстве. Во влюбленности.

— Во влюбленности?

— Да, — уже несмело продолжила она, уловив в его тоне презрительные нотки. – А что нет? Ты этого не ощущаешь? – спросила, а самой показалось, что сердце камнем ухнуло вниз.

— Влюбленности? – снова переспросил он. – Чувшь собачья. Нет у меня никакой влюбленности. Я просто люблю. Я упрям. Или люблю, или нет. Чувствую, понимаю, или нет. Я не живу по шаблонам. Не бьюсь в истерике, не одержим, не болею... От болезни люди мрут. Я люблю и все. Люблю мою Юльку.

Разговор на расстоянии выдоха. Слова без надрыва и нежности. Простые и понятные, сказанные самым обыденным тоном. Она так их ждала, нужно прыгать от счастья. Но не прыгалось, будто небо упало на плечи. И сердце билось болезненно. И в голове замелькали

цветные пятна.

А ведь нужно прыгать от счастья...

— Но если у тебя в машине найдется пара шоколадных конфет... — с трудом выдохнула, изо всех сил стараясь держаться непринужденно.

Денис коротко рассмеялся. А потом поцеловал, слизывал грусть с ее губ и вдыхая сладкие надежды. Запоминал ее лицо губами.

Нет прекрасней ощущения, чем целовать чистую кожу, вдыхать ее аромат и чувствовать тепло. Женщины столько времени тратят на макияж, не зная, что когда мужчина смотрит в любимые глаза, то окружающий мир исчезает, и вселенная сужается до размера зрачка.

И совершенно наплевать, какая на губах помада. Лучше бы ее вообще не было.

— Есть?..

— У меня все есть.

— Правда, я согласна просто на конфеты. Запасливый сладкоежка, — улыбнулась, — я оставлю тебе немного, поделюсь. Подкормлю тебя. — Звонко засмеялась. Вот теперь стало звонко и легко. И по телу горячей волной поползли мурашки удовольствия.

— Я не хочу конфет. Хочу тебя в кровать. — Это были мысли вслух. Невозможно молчать, когда поцелуи и объятия сотрясают сладкой дрожью. Невозможно молчать, когда хочется выть от желания.

— Чтобы укутать в одеяло и напоить горячим чаем? — Она сошла на шепот. Может быть, не к месту высказанная ирония, но так и рвалось с губ.

— Без чая, без одежды, можно без одеяла.

— И?..

— И будет тебе настоящая романтика.

— И?..

Вздыхнул глубоко, развернул ее к себе спиной, слегка подтолкнул вперед.

— Пошли за шоколадом.

— Мы не договорили, — заупрямилась Юля, решив, что пора поднять волнующий ее вопрос. Или сейчас, или она свихнется строить предположения. — Я серьезно. Скажи, мне надо знать сейчас. Если не я, значит, кто-то другой. Другая.

Знала, что так и будет. Что замрет он в напряжении и, вероятно, изменится в лице. Не видела, стояла спиной, но чувствовала. Все чувствовала. Отсчитывала его вздохи по шевелению груди. Ловила у своей щеки колыхание воздуха.

— Не забивай себе голову.

— Денис!..

Он думал. Думал, уткнувшись подбородком в ее ароматную макушку. Стоит ли ей говорить, и как все сказать. Конечно, не стоит, но Юля не отстанет.

— Что ты любишь больше всего? Какой напиток?

Юля встретила эти вопросы непониманием. Развернулась, посмотрела ему в лицо. Но так как в серых глазах не уловила усмешки, а в словах иронии, ответила спокойно:

— Кофе с молоком.

— Представь, — начал он осторожно, словно не произносил слова, а нанизывал их на тонкую нить, — тебе хочется пить. Нет, не так. Тебе хочется выпить кофе с молоком. Именно его. До колик хочется. А тебе предлагают стакан лимонада.

— Я не люблю лимонад, — сразу ответила.

— Я тоже. Но пить очень хочется. Что ты сделаешь? Кофе с молоком нет, и в

ближайшее время не предвидится.

— Я выпью лимонад. И буду страдать без кофе. — Ответила скрипя зубами, потому что провела нужны связи.

— Вот видишь.

— Но ведь...

— Никаких «но». Нет у нас никаких «но», — резко одернул он ее.

— Почему нет? Почему ты встречаешься со мной, а спишь с другой? — Юля проявляла настойчивость, хотя каждое слово давалось с большим трудом. Просто невероятным.

— Потому что тебе нет восемнадцати.

— И все?

— И все.

Прикрыла глаза, пытаясь справиться с эмоциями, рвущими сознание на части. Сжала в кулаках лацканы пиджака, словно хотела встряхнуть Дениса.

— Я ее ненавижу, — проговорила сквозь зубы.

— Она того не стоит.

— Как это все теперь?.. Как мне сделать вид, что ее нет в твоей жизни, что не было между нами этого разговора?

— Хочешь, я расскажу, как у нас с ней происходит секс? Тебе станет легче.

— С ума сошел. — Обреченная улыбка мелькнула на лице. — Я весь сон потеряю. Мне это будет сниться в кошмарах. Как ты ее целуешь... а потом приходишь ко мне. Я ее ненавижу!

Он холодно рассмеялся.

— Не целую. Моя глупая Юлька. Ты не представляешь, как это может происходить. Я не знаю, что я с тобой сделаю, когда доберусь до тебя...

Он разрушал возникшую пустоту жадными прикосновениями ищущих губ. Способных растопить любой лед.

Он спасал их от этой ссоры, от неминуемой катастрофы, опытными руками.

Может, врал, что не целует Ее, но Юля предпочла поверить в это. Заставила себя поверить в это, усилиями разума прогоняя безнадежное оцепенение. Убеждала себя, что Денис принадлежит только ей.

— Сделай так, чтобы я никогда ничего не узнала. Чтобы я никогда ее не увидела и не узнала, с кем ты спишь. Вот так мне будет легче.

— Пошли за шоколадками, а то договоримся.

Следующий день выдался тревожным, — наполненным тягостным ожиданием, острыми мыслями, мрачной решимостью. Знакомое состояние натянутой пружины. Казалось: сердце не бьется, а тикает в груди как часы, отсчитывая минуты до встречи с Монаховым. И в воздухе пахнет кровью. Уже.

Как только Сергей Владимирович вернулся, сразу собрал всех у себя. По смятому костюму виделось, что и домой он не заезжал, а прямо из аэропорта направился в «Эгоист».

Собственно, к огромной радости Шаурина, «всех» оказалось не много. Помимо самого Дениса при разговоре присутствовали только Юрий и Стас Шаповалов. Боялся Денис, что Монахов единолично примет какое-то решение, раздаст указания и тогда переиграть все будет крайне сложно, информация пойдет по устам. А сейчас требовалась особая

осторожность. Но, слава богу, Монахов озвучил свои мысли в достаточно узком кругу, исключаящую любую утечку.

Кабинет освещался светильниками на стене. Они горели в любое время дня и ночи, потому что комната была глухая, без окон. Оттого создавалось ощущение какой-то другой реальности. Время здесь текло поистине незаметно, и отследить его можно было, только глянув на часы.

Разговор велся не спешно, с перерывом на кофе. Как видно, чтобы дать всем возможность осмыслить сказанное и поделиться размышлениями. Шаурин к своей чашке не притронулся, только вдохнул аромат. Не мог он думать, кого и как убить, попивая столь благородный напиток. Это Монахов спокойно решал подобные вопросы, пережевывая бутерброд, а Денису для самого себя такое казалось неуместным. Во всяком случае, пока.

— А сам Аркаша что, так и будет в неприкасаемых ходить? — Юру изрядно разозлила новость о том, что самого Веселова трогать нельзя.

— Аркаша серьезным людям огромные деньги задолжал. А я не хочу его долги на себя брать. Мне чужого не надо, — криво усмехнулся Монахов—старший, хотя его самого такой исход тоже не очень устраивал.

— Сергей Владимирович, вы же не думаете, что если «веселовским» назначить стрелку, то они прям запросто возьмут и приедут всей толпой? — выражая свои сомнения, спросил Денис.

— Естественно, — хмыкнул Монахов и посмотрел на него очень выразительным взглядом. — Но нужно сделать так, чтобы они взяли и приехали. И желательно всей толпой, как ты говоришь.

— Надо найти какого-нибудь лоха с окраины и организовать подставу, пусть наедет на точку Веселова. На любую. Главное, чтобы человек был чистый. Никто и сомневаться не будет, что дело выведенного яйца не стоит. Никто не будет ожидать проблем. А мы их встретим. Со всеми почестями.

— Мне нравится эта идея. И человека нужного я могу найти, — тут же оценил предложенное Шауром Юра и сел, выпрямившись в кресле. — Есть у меня парочка новых и перспективных.

— Ну вот и прекрасно, тогда действуй. Как только найдешь человека, мы остальных подключим, а то уже и так засиделись.

— Сергей Владимирович, давайте не будем рисковать нашими людьми. Позвольте мне самому. Своими силами, — дождался своего часа и выдал Шаурин. Эти слова уже дышать мешали, так давно он хотел их сказать. А теперь почувствовал большое облегчение, словно запустил застоявшийся механизм. Будто и кровь по венам потекла быстрее... Горячее...

— Какими своими? — последовал резонный вопрос Монахова. — Если я тебя правильно понимаю... — с сомнением уставился на Дениса, перехватив его взгляд, обращенный к Шаповалову.

Денис кивнул:

— И кое-какой ваш ресурс. Для верности. Пospelов.

— Откуда такая решительность?

— У меня свой интерес, вы же знаете.

Об интересе Шаурина Монахов знал прекрасно. Но говорить сейчас о том, что эмоции в таком деле уменьшают шансы одержать победу, не стал. Много времени прошло, чтобы ссылаться на эмоциональность. Остались идеи, решимость, цель, но не эмоции. Их и не

было в серых глазах Дениса. Не было в них ярости и огня, способных затмить разум. Только глубокое осознание собственных действий и собранность сталью светились.

Монахов—старший переглянулся с братом. Шаурин заметил промелькнувшее в глазах Юры удовлетворение.

Стас задумчиво потирал маленький шрам над бровью – ждал исхода разговора. В планы Шаурина он был посвящен ранее и теперь только наблюдал, как тот разыгрывает свою партию.

— Тогда это дело надо дополнительно обмозговать, — наконец сказал Монахов после глубоких раздумий.

Денис поделился своими мыслями. Сергей Владимирович одобрил не сразу, молчал долго, переваривая услышанное. Сомневался, наверное.

— Хитрый ты, чертяка, Шаурин, — ухмыльнулся наконец мужчина и посмотрел в его лицо твердым взглядом. Много чего скрывалось за этой ухмылкой, а за легковесными словами скрывалось еще больше.

— Осторожный. Я просто осторожный. — Денис попытался свободно вздохнуть. Этот бесконечный неподвижный взгляд выдержать почти невозможно. А разгадать еще сложнее.

— Вот и правильно. Так и продолжай, тебя я хоронить не хочу.

Что-то прозвучало в его словах – такое до странности теплое. Сродни ощущениям, будто кошка едва касается кожи мягкой шерстью. Очень приятно. Но только не в этом случае. Привычнее в голосе Монахова чувствовать отстраненный холодок, чем отеческую заботу. Да и удобнее это чувствовать. Гораздо удобнее.

После «Эгоиста» Денис сразу направился к себе в клуб. Вызвал Леню и Пospelова.

Первым явился Пospelов.

— Чего случилось? – спросил, едва просунувшись в дверь.

Шаурин молча махнул рукой, подзывая его к себе. Легкой пружинистой походкой тот подошел по кабинету и остановился у бильярдного стола.

— Еще пока не случилось, но скоро. Очень скоро. В течение двух дней. – Изображая в голосе задумчивость, проговорил Шаур и на секунду сжал в ладони гладкий шар, потом пустив его по поверхности стола. Звонкие щелчки стучающихся шаров как будто сбросили с Пospelова сонное состояние. Уловив в его глазах интерес, Денис продолжил уже живее: — Сейчас Юра ищет человека, с помощью которого мы выйдем на «веселовских». А у вас есть время, чтобы сориентироваться на местности. Работать будешь с Вуичем. Стас со мной.

— Денис, ты что-то перепутал... — начал было Пospelов.

— Хорош тебе, Сладкий, смазливой рожей торговать, — без намека на иронию сказал Денис. Резко так сказал. Звонко.

— Подожди. – Пospelов шагнул к письменному столу. И смотреть не надо было, какой номер набирал он на телефоне. Без сомнений, звонил Монахову.

— Это Пospelов... Понял. – Виталий положил трубку и вернулся к бильярдному столу. – Продолжай, — коротко сказал Денису. Его настроение заметно поменялось – на лице возникла спокойная сосредоточенность. Как и следовало ожидать, Монахов дал ему приказ подчиняться. Пospelов достал сигареты, закурил и, казалось, весь превратился в слух.

— Тебе Монахов сам меня раскрыл? – Все-таки задал вопрос прежде чем Шаурин смог вернуться к обсуждаемой теме.

— Нет, — улыбнулся Денис. – Я очень догадливый.

— И как?

— Наблюдал за тобой: куришь в пол; стойка твоя при стрельбе, положение; манера держать оружие, двигаться, прицеливаться. Сам знаешь: много мелочей, произвольных движений, которые становятся частью тебя, твоей сущностью. И которые ты уже не контролируешь. Ты на оружие смотришь нежнее, чем на девку голую. Своих и не узнать...

Поспелов испустил тяжкий и, меж тем, понимающий вздох.

— А ты где был? Под Тулой? – предположил, зная, что под Тулой находится одна из снайперских школ спецподразделений армии. Сам когда-то там стажировался. До Афгана.

— Под ней самой и пришлось.

В кабинет вошли Лёня и Стас, и Поспелов, не глядя, чуть наклонил голову в их сторону:

— И эти тоже?

— И эти тоже, — подтвердил Денис.

— Молодцы, что тут скажешь.

— Ничего не говори, слушай. «Веселовских» выведем в промзону, на территорию заброшенного сажевого завода на юго-западе. Им без разницы, а нам хорошо. До этого времени, пока Юра все утрясет, смотаетесь туда, наметите выгодные точки обстрела. Разделите между собой сектора. Узнайте прогноз погоды, чтобы потом не говорили, что дождик помешал. Это вам не рыбалка. Людей убирать по важности. Думаю, они сами себя выдадут.

— А поговорить? – саркастически оскалился Лёня.

— А с Андрюшей кто разговаривал? Или с Игорем? Поговорили уже, хватит. Все валите, чтобы они даже оружие достать не успели. Как наши ребята. Это легко можно сделать, пока они будут ухмыляться, гадая, что за два лоха к ним на стрелку приехали.

— А кто эти два лоха, позволь полюбопытствовать? – спросил Виталий и поднес к губам сигарету.

— Я и Шип, — злорадно улыбнулся Шаурин. – Как закончите, снимайтесь. Лёня первый, Виталик, ты на зачистке, если что. Оружие не оставлять. Ясно?

— Ясно все, командир. – Лёня почесал затылок. – Вы тогда сильно не высывайтесь, чтобы не дай бог...

— А мы что? Мы с Шипом в сторонке покурим. А если что отстреляемся. Вопрось есть?

— Пока нет. Сейчас съездим на сажевый, осмотримся, потом поговорим. Да, Виталя?

— Само собой. Темнеет уже только.

— Да тебе, поди, к темноте не привыкать.

— Это уж точно.

— Я думаю, что дело будет происходить утром, часов в шесть. Так что водку не пить, баб не валять, — предупредил Денис.

— Обижаешь, все будет в лучшем виде. Эх, но я бы этих гадов лучше бы по одному вылавливал, — немного разочарованно вздохнул Лёня.

— На это надо уйму времени, они как крысы запрячутся и будут сидеть по норам, — вставил свое слово Стас. Поздно уже, по одному их вылавливать.

— Это точно, — согласился Поспелов.

— Как же я хочу, чтобы среди них был тот, кто Жэку грохнул, — стискивая зубы, зло проговорил Вуич, постукивая кулаком по бортику

— Если вопросов нет, тогда все свободны, — отпустил парней, не реагируя на последнюю реплику Ленки. Тому важно найти конкретного виновного человека, Денис же

с удовольствием прострелил бы голову заказчику. Но так как последнее пока исключалось, он вполне удовлетворится выбитыми из обоймы людьми.

Оставшись в одиночестве, Денис закрылся в кабинете и вытащил свое оружие из сейфа. Ощувив в руке привычную и приятную тяжесть, теперь полагал, что после грядущей разборки пистолет станет его постоянным спутником. Сев за стол, снял затворную раму. Чистенький. Пристрелянный. Если и хранился в сейфе, то это не означало, что из него не стреляли. Стрелял Шаурин регулярно.

...Юра сработал быстро. Даже быстрее, чем ожидалось. Поспелов с Вуичем только и успели территорию осмотреть и выбрать наиболее выгодные позиции для обстрела.

До рассвета еще много времени. Он даже еще успеет выспаться. И выпится. Вот только докурит сигарету.

Холодно на балконе. Озноб хватал за плечи. Но курил Шаурин долго. Медленно и крепко втягивал в себя дым, смотрел на рубиновый кончик сигареты. Спроси кто-нибудь его сейчас, уверен ли он в том, что задумал, ответил бы: «Нет, не уверен». Но неуверенность та была другого характера — не комплекс неполноценности или слабость духом. Бродил Шаурин той неуверенностью, которая заставляла думать, просчитывать любые возможные варианты развития событий. Хотя, это только сегодня он пульсировал и нагревался от собственных мыслей, а завтра будет холоден, будто в венах у него не кровь, а ледяная вода течет.

Затушил сигарету в пепельнице, неосознанным движением поправил золотой браслет на запястье.

— Давай, милая, посмотрим, удержишь ты меня в этом мире или нет. Обещала же.

ГЛАВА 31

Даже самая кошмарная ночь когда-нибудь кончается и наступает утро. Закон природы.

Сегодняшняя казалась бесконечной. Не помогали ни сладкий чай, ни ложка меда, ни теплое молоко. Сон не шел. Юля согласилась бы на любой — самый скучный и серый. Только не бессонница, что грызла стенки разума полузабытыми тревожными образами и скалилась из окон бездушной чернотой.

Обычно, если не спалось, Юля, находясь в любой комнате огромного дома, не зажигала верхнее освещение, ограничиваясь торшером или настенным светильником. Сегодня все было по-иному, — люстра обдавала ярким светом, похожим на солнечный. Сегодня хотелось, чтобы на кухне не осталось ни одного затемненного уголка, и мистические тени не кричали эхом собственных старательно приглушенных страхов.

Остывший чай не вызывал желания сделать хоть глоток. Юля бездумно поводила ложечкой по дну широкой чашки и снова уткнулась в книгу. Выбрала самую скучную, чтобы забыться, погрузиться в сон, а не во мрак за окном. Но цепочка из букв — словно тупиковый лабиринт. Слова — не спасительные канаты. И время — тянущееся долго, страшно, бессмысленно...

Именно страшно и никак иначе. И раньше бывало. Но раньше она точно знала, почему. А сегодня внутреннее волнение, вызывающее дрожь в коленях, не поддавалось разумному объяснению.

— Ого, как ты рано встала! — удивилась Наталья, застав дочь на кухне в предрассветный час.

— Встала, — тускло, почти неслышно произнесла Юля, — я и не ложила, — добавила с ноткой раздражения, — измучилась вся.

— Надо было меня разбудить.

— Зачем? Чтобы ты меня развлекала? — устало вздохнула девушка и, признаться, очень обрадовалась, увидев мать. А ведь закрадывалась такая мысль — разбудить ее и пожаловаться. Потому и не разбудила: не знала, на что пожаловаться. Просто на бессонницу? На необъяснимую тревогу и внутреннее отчаяние? Как рассказать, что внутренности жгут от предчувствия беды, и ожидание выворачивает наизнанку?..

— Кофе попьем? — Наталья поставила чайник. — Надо было тебе все-таки разбудить меня.

Юля в ответ поморщилась. При всем желании она не смогла в угоду себе потревожить сон родителей. Посчитала неудобным заходить ночью в их спальню. Не велик повод.

— Отца все равно нет.

— А где он?

— На работе.

— На какой работе? Ночью?

— В первый раз, что ли... — равнодушно (или устало?) Наталья пожала плечами и достала себе чашку.

— Вот именно, что не в первый. Знаю я его работу...

— Юля, не сгущай краски. Ты же знаешь, что твой отец давно уже сам не участвует... — Наталья оборвалась на полуслове, когда ее осенила догадка.

— Конечно, у него есть те, кто участвует! — чуть не сорвалась в истерику Юля, но остановилась, не смея воплощать свои мысли в слова. Слишком они прямолинейные, мысли. — Mam, ну он хоть что-то говорил? Когда придет? Ты ему звонила? — Спрашивая, собственной рукой открыла дверь своим страхам. Выпустила их наружу и сплела с ускользающими мыслями. Где отец — там и Денис.

Неприятное чувство, тлевшее в желудке, лишившее сна, загорелось истощным жаром; пытливый пронизывающий взгляд уперся в материнскую спину; в руках отчего-то почувствовалась странная слабость.

— Нет, я не звонила, и ты не думай, понятно? — немного отрешенно, как будто и безразлично, сказала Наталья, насыпая в чашку растворимый кофе.

— Понятно, чего ж непонятного. Я и не...

— Я не про отца говорю, — прервала мама Юлю и проговорила с нажимом: — Никогда не звони и не спрашивай, где он был. Иногда такое незнание полезно для здоровья.

Эти слова вызвали на щеках девушки румянец, лицо загорелось. Мама словно прочитала ее потаенные мысли. Пальцы так и зудели набрать номер Дениса. Хотелось спросить, как у него дела. Поинтересоваться о какой-нибудь мелочи. Поговорить ни о чем. Услышав его голос, убедиться, что с ним все в порядке. Наверняка, она так бы и сделала, но материнское внушение охладило ее пыл. Действительно лучше не поддаваться таким порывам. Потом можно глубоко пожалеть. И это касалось не только взаимодействия Дениса с отцом. В мозгу все еще стоял разговор о треклятом «лимонаде».

Едва в своих мыслях Юля дошла до любовницы Шаурина, стало совсем тошно. Так тошно, что один вид кофе с молоком, заботливо приготовленного матерью, вызывал рвотный рефлекс. Отяжелевший от переживаний разум грозил обмороком.

Поначалу Юля отодвинула кружку подальше от себя, чтобы по возможности не вдыхать

исходящий аромат. Но разве это возможно? Теперь вообще не представляла, как будет пить свой любимый напиток. Надо было тогда назвать что-то отвратительное. Кто же знал?..

Захотелось плакать от собственного бессилия, но Юля подняла на мать улыбающееся лицо. Она стала так часто играть веселье, что чувствовала: ей это грандиозно удастся. Не задуматься ли о карьере актрисы...

— Нашла из-за чего переживать. — Махнула бы рукой, но это, наверное, слишком уж театрально. Поняла, что разговор нужно уводить в другое русло. Но не находилось слов, чтобы пройти по этой острой грани. Поэтому для начала надела на себя привычную маску послушного ребенка. Привычную не потому что была такой уж искусной лицемеркой, а потому что в жизни так заведено — у каждого, будь то взрослый человек или ребенок, есть определенная роль, требующая качественного исполнения. Зачастую их несколько. Исполнитель — на работе; дома — жена, муж; примерный ученик — в школе.

— Мне всегда есть из-за чего переживать. Поменьше Шаурина цитируй.

— Заметно?

— Еще как, — хмыкнула Наталья.

Как слышала Юлькину фразочку, так и похолодела. Именно этого и боялась, что дочь начнет перенимать что-то от Дениса, в чем-то ему уподобляться. А он станет лепить из нее, как говорится, по образу и подобию... Юля девочка умная и сообразительная, и сознательная не по годам, но все же в этом сложном возрастном периоде любой подросток подобен глине — как бы ни была тверда, а сдастся, размякнет, стоит лишь разбавить ее водой нужных слов и впечатлений. Тяга к новому и неизведанному поставит на колени все принципы и постулаты.

— Вот черт! — засмеялась Юлька, хотя было совсем не до смеха.

— Может, расскажешь, что тебя тревожит до такой степени, что ты весь сон потеряла? В чем причина бессонницы? И вообще... что у вас творится? — Последнее интересовало Наталью больше всего.

Уже давно для нее не осталось не замеченным, что отношения дочери с Шауриным сдвинулись с мертвой точки. Хотя сама Юля старалась ничем себя не выдавать, было что-то, сотканное из поступков, жестов, поз и выражений, что наводило мать на такие мысли. В поведении Дениса это просвечивалось тоже. Но только если хорошо присмотреться. Всегда найдется брошенный не вовремя взгляд, который не успел спрятать, или неконтролируемый, ставший безусловным рефлексом, жест. Не будет равнодушный мужчина, выходя с девушкой в одну дверь, касаться ее спины, будто направляя. Не трогают так чужих женщин — только своих. Или тех, кто нравится. Возможно кто-то, заметив подобное, не придавал бы этому особого значения, но только не Наталья. А после поездки Юли к Кате Маркеловой все встало на свои места, и сомнений больше не осталось.

Юля некоторое время смотрела на свою кружку с кофе как на сосуд с ядом, потом потянулась и через силу сделала глоток.

Странно, но и молчать, и говорить об истинных причинах своего беспокойства было одинаково тяжело.

Хотя, наверное, говорить труднее, потому что сказав слово, выходишь из своей маленькой реальности и ступаешь в большой мир.

Весной небо быстро меняет цвет. Ранним утром оно словно затянуто молочной пенкой, но где-то далеко на горизонте уже виднеются яркие солнечные просветы горящего зарева. Пройдет немного времени, и эта мутноватая пленка растает, небо созреет, как зреют ягоды, наберется сока синевы и станет ярко-голубым, покроется то тут, то там облаками взбитых сливок.

Шаурин посмотрел на дрожащий небосклон. В очередь у входа в чистилище народу прибавилось. Сегодня он отправил туда девять человек.

— Даже покурить не успели, — по губам Шаповалова скользнула тонкая усмешка.

— И слава богу. — Денис выбросил зажженную сигарету и шагнул вперед, отходя от машины. У одного из парней Веселова разрывался сотовый. Не испытывая ни отвращения, ни угрызений совести, Шаурин обшарил карманы убитого и достал телефон. Посмотрел на дисплей и нажал кнопку принятия вызова. Сам собирался это сделать, позвонить, но Аркаша облегчил ему задачу.

— Сева, ну что там? Без проблем разобрались? — спросил грубый голос в трубке. Голос не знакомый, но это отнюдь не мешало знать все о его обладателе.

— Ну как без проблем... — вяло начал Денис, тут же переходя на жесткий тон. — Проблемы у тебя только начинаются. Их у тебя теперь по самое не балуй.

— А ты кто такой?!

— Шаурин моя фамилия. От Монаха тебе привет. Бойцов своих среди живых не ищи. — На этом Денис хотел остановиться, но Веселов начал орать что-то невразумительное. Очевидно не сразу врубился, что случилось и как случилось. А главное — почему. Пришлось продолжить разговор, да таким тоном, чтобы сквозь дикий ор слова были не только прослушаны, но и услышаны.

— А если не притихнешь, то будет тебе каждый день свеженина человеческая — мясо к завтраку! Сначала братву твою завалю, потом детей, жену, ее любовника, твою любовницу!

Аркадий Борисович замолчал, никак собственной злобой захлебнулся. Шаур не стал ждать ответа: нажал «отбой» и бросил сотовый на окровавленную грудь «веселовского».

— Теперь что? — спросил Шип без каких-либо эмоций на лице.

— Свободу Анджеле Дэвис, — мрачно съязвил Денис. Сев в машину, стянул с рук тонкие кожаные перчатки и кинул их между сиденьями. — Теперь к Монахову. Предоставлять отчет о проделанной работе.

Уезжая с места, Шаурин мельком взглянул на точки, откуда Пospelов и Вуич вели обстрел. Вчера еще искал решения несуществующих проблем, сомневался и был неуверен. Уверены во всем только глупцы. А он глупцом никогда не был. Своей жизнью дорожил, хотя бояться не умел. Не научился.

Сработали парни четко, на «отлично», даже с плюсом. Полторы секунды на человека. «Веселовские» только успели дверцами своих джипов хлопнуть. Поснимали их, как кур с насеста. Некоторые так и лежали — с застывшими на мертвых губах ухмылками.

Все закончилось. Завершилось именно так, как он планировал. Даже лучше. Что чувствовал?

Удовлетворение? Определенно.

Облегчение? Колоссальное.

Укоры совести? А что это такое?..

Не собирался падать на колени и сжигать свое сердце в огне горьких сожалений. Кому нужен этот прах? Жизнь предоставляет варианты. Их множество. «Закурил и забыл» — один

из них. Закурил и забыл. Все проходит. И это тоже пройдет. Время — самый кровожадный зверь. Сожрет все подчистую. А жизнь сотрет все смелой жесткой кистью, напишет новые акты бытия, оформит новые зарисовки — такие же или круче. Стопроцентно — гораздо круче.

Монахов обманывал его. Обманывал, делая вид, будто воспринял все происходящее как должное: не удивился его инициативе, не воспротивился такому смелому плану, дал все карты в руки и полный карт-бланш.

Будет разговор. Чувствовал. Чуял кожей, что разговор будет. Еще не доехал до клуба, а в воздухе уже что-то сгущалось, какая-то взвесь мыслей. Дымок ощущений с опасным пьянящим запахом.

Войдя в клуб, Денис отправил Стаса к Монахову, а сам зашел в уборную. Глядя в широкую фаянсовую раковину, смыл с лица случайные чувства. Не смотрел в свое отражение.

Не поднимал глаз не потому, что боялся. Увидит ли что-то новое? Исключено.

То будут серо-стальные глаза. Его глаза. С черными зрачками. Ни сожаления, ни девяти трупов на самом дне.

А все потому, что сегодня сердце — просто орган, гоняющий ленивую кровь по венам. Никаких переживаний. Только где-то в районе солнечного сплетения жаркое желание услышать ее.

— Ты спишь?

Позвонив Юле, задал самый глупый вопрос, но проворковать в трубку «привет, как дела» куда глупее.

— Нет, — ясно сказала Юля. — Что случилось?

— Ничего. Хотел пожелать тебе доброго утра.

И правда не спала — понял это по голосу. Резанула тревога в нем. На самом деле хотел сказать, что желает увидеться сегодня. Но планировать такие встречи слишком рано. Еще не известно, чем закончится разговор с Монаховым.

— Это хорошо. Приятно.

Улыбалась. Знал, что теперь улыбалась.

— Очень рано, поспи еще. Люблю тебя. Ты знаешь об этом?

— Знаю. И я тебя, — сказала, чувствуя на языке привкус горечи. Не от этих слов. От других — тех, что собиралась сказать ему при встрече. За эту ночь обдумала все и приняла решение. Далось оно трудно. Неимоверно трудно. Уже сейчас сердце билось оглушительно и неровно. Не упасть бы только в обморок.

Шаурин поднялся в кабинет, сразу сбросил с плеч пальто и закатал рукава рубашки. Только сейчас, в эту минуту, в теле почувствовался иссушающий жар. И душно стало до испарины между лопаток. До раскаленных висков.

Монахов долго смотрел на хрустящую белоснежную рубашку Шаурина. С удивлением смотрел, немного озадаченно.

— Шутник, — покачал головой. — Ты над кем насмехаешься, Шаур? Над Богом, над чертом или над судьбой?

— Ага. Красавец, блин. Вырядился как на парад, — поддакнул без особого веселья Шаповалов.

Шаурин только засмеялся. Оставил эти комментарии без внимания.

Стас с Монаховым сидели за зеркальным столиком и заправлялись коньяком. Очевидно

Шип уже успел обо всем поведать.

— Можете Веселову похоронные венки слать, — сказал Денис, сел на диван и потянулся к своему бокалу. — Девять штук. Как с куста.

— Веселов мне уже звонил.

— Да? Плевался ядом?

— Почти. Хочет встретиться. Наконец у него появился хороший для этого повод и горячее желание.

— И что?

— Я сам ему сообщу — где и когда. А пока пусть ждет. А венки пошлем. Из вежливости, с искренними соболезнованиями, — злорадно сказал Сергей Владимирович и глотнул спиртного. — Посмотрим, что нам Аркаша скажет при встрече. Может голову пеплом посыплет, да успокоится.

— Вы сами в это верите?

— Я? Верю. Не тот у него уровень связей, чтобы дальше дергаться.

— По-хорошему, Веселова убирать надо, — уверенно заявил Шип.

— Надо, но сейчас нельзя, — снова возразил Монахов.

— Не забудьте напомнить, когда будет можно, — предупредил Шаур, язвительно усмехаясь.

Вскоре Монахов отпустил Стаса. Впрочем, и Дениса он не задерживал, но было у того ощущение, что не все ему сказали. Что нужно ему остаться.

— Парней твоих отблагодарю как надо. Сработали они профессионально. Чего я, собственно, от них и ожидал. И от тебя.

— Что ж, я очень рад, что оправдал ваши ожидания.

— Не только оправдал. Ты их превзошел. Парни твои — дровосеки, а я всегда знал, что аналитики намного опаснее исполнителей. Убить не сложно, сложно заставить кого-то сделать это за тебя. Есть такие строчки: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести...». Знакомо?

Вот оно — то самое откровение, что звенело в воздухе и било по нервам, как по струнам.

— Немного. А еще там есть «Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь...». Красив все, а на деле получается, когда выполняешь свой долг перед государством, нет тебе никакого признания. Вот и пацаны мои, служили б Родине и ни хрена б не заработали, ничего бы у них не было. А тут... все. Почему?

— Потому что там политика, а здесь...

— А здесь?..

— А здесь не будем об этом.

В этом случае можно сказать: «Краткость — сестра таланта», ибо Монахов больше не стал развивать эту тему. Все это пустая демагогия и говорить можно бесконечно.

— А я все думал, ждал, когда ты начнешь двигаться. Полиняешь.

— В каком смысле? — Денис незаметно напрягся.

— В прямом. Ждал все это время, не трогал тебя, хотел посмотреть, как ты будешь себя вести. Я про тебя знал еще до того, как увидел той ночью в автосервисе. Неужели думаешь, что Иваныч что-то в обход меня делает? Ты вхож в мой дом, сидишь со мной за одним столом, ешь, пьешь, общаешься с моей семьей. Я знаю, чем ты дышишь, чем живешь. Я обо всех своих людях знаю...

Про себя Денис мрачно усмехнулся: если бы Монахов был в курсе еще кое-каких обстоятельств...

— Вот оно как...

— Человек, когда у него есть соответствующая свобода, предпочитает жить как умеет и делать то, что умеет. У тебя здесь все для этого условия. Рано или поздно тебе бы пришлось проявить себя. Вот и настал случай. Стрелять он в тире научился... — на лице Монахова промелькнула понимающая усмешка.

Слова Монахова резонировали в воздухе. Нужно удивиться, но Шаурин удивлен не был. Напуган — тоже. Теперь его очередь воспринять все как должное. Хотя, что скрывать, почувствовал себя кем-то вроде подопытной крысы. Посадили в определенные условия и наблюдают.

— Я вот что думаю. Надо дополнительные меры по безопасности принять. Нельзя же просто надеяться на здравомыслие Веселова. Взбредет ему в голову... повлиять на ход вашей встречи негуманными способами. — Говоря это, Денис холодел оттого, что предпринятое Веселовым может коснуться Юли.

— Своих отправь куда-нибудь, в Белокуруху, например.

— Родители не поедут. Я точно знаю. Хотя поговорю все равно, может, удастся убедить. А сестра беременная, насчет нее я вообще сомневаюсь. Она из дома-то боится лишней раз выйти. Никуда не двинется.

— Поговори. Если нет, тогда приставь кого-нибудь, чтобы присмотрели. Дочь моя изъявила желание Катерину повидать, так что моих можно пока на Поселковую отослать. Отвезешь, проверишь там все, усилишь охрану. Я заметил, что у вас с Юлей сложились определенные дружеские отношения. Интересно, почему?

Тревога коснулась души черными крыльями.

— Вы же все про меня знаете, — сказал Денис, не выходя из ровного тона. — Мы с ней в одной школе учились. Еще малявкой ее помню.

— Может, я не очень хороший отец. Но дочь для меня — все. Не дай бог что... пристрелю сразу.

Монахов разливал коньяк по бокалам, не поднимая глаз на Дениса. Вроде не к Шаурину лично были обращены эти свирепые слова (или к нему?), но во рту почувствовался привкус крови. Невольно возникло желание отступить от своих планов насчет Юли. Но невозможно же. Куда уже назад, когда провалился в эту пучину с головой. Они с Юлей только в начале своего пути, очевидно, не короткого, но уже столько пережили вместе, что не представлял, как можно вернуть все на исходную, перекроить свои цели и остаться без нее. Сразу с ума сойти. Слететь с катушек.

После угрожающего заявления Монахова на оболочке огрубевшего разума Шаурина нарисовался треугольник, состоящий из трех граней, одна из которых он сам, а две другие Монахов и Юля. До этого времени он отрекался, не хотел проводить подобных связей. Это как пути. Но есть мысли, от которых не убежишь, которые не прогонишь никакими внутренними силами.

В мире нет ничего внезапного, все приходит вовремя, только зачастую мало кто готов принять эту новую данность. Люди отказываются — перешивают время, застряв между

прошлым и будущим, перекраивают мечты, переплачивают за эрзац, переписывают свою жизнь неровным корявым почерком.

Сказал, что от любви не болеет, но, похоже, начал температурить. От желанья, рвущего вены. От неутоленной жажды. Еще год назад даже не думал, что может вот так любить. Так сильно. Крепко. Без мешанины в голове. Вот так — без суеты. Не верил в Бога отчаянно, не стоял никогда у икон с трепетным благоговением, не молился исступленно, ничего не просил, но и не насмехался. Закоренелым атеистом не мог себя назвать. Выбрал свою веру. В себя. Теперь в Юльку. Никогда не думал, что может вот так любить...

Нетерпеливое ожидание делало воздух сладким. Несмотря на терпкий сигаретный дым, выходящей белой птицей. Несмотря на горький кофе в кружке... воздух сладок.

Дверь открылась резко, с вызовом. По-хозяйски. Точно — без стука.

Юля плавно влилась в помещение, как будто заполнив его собой целиком. И уже невозможно хранить угрюмое молчание, потому что рядом с ней все остальное, кроме нее, становилось посторонним. Ненужным. Лишним.

— Дверь, — коротко сказал Денис, когда Юля шагнула в его сторону. Выполнив просьбу, девушка защелкнула замок и присела на подлокотник дивана.

— Поехали?

— Поехали. — Продолжал упрямо шелестеть бумагами. Не укрылась от взгляда тревожная задумчивость в серо-зеленых глазах и выражение усталости на лице. Убрал документы в стол и поднялся с кресла. Оно скрипнуло, будто радостно выталкивая его, едва он сделал усилие, чтобы встать из-за стола. — Рассказывай...

— Что рассказывать? — отвечала вяло, что насторожило Дениса еще больше.

— Все. Я думал, ты раньше приедешь.

— Провозилась. То одно, то другое...

— Естественно. Дел куча, — мягко усмехнулся. Коснулся волос и впел в них пальцы. И уже потерялся. В этих ощущениях, в ярких образах, в своем неутомимом бушующем желании. Перекинул ее волосы на одно плечо, затем на другое, потом взлохматил от корней. Убрал падающие на лоб пряди.

Тогда Юля улыбнулась. Наконец-то. Ее улыбка пахла солнцем. Непривычно видеть Юлю хмурой, аромат горечи ей не подходил.

— Чего ты меня треплешь как болонку?

— А болонок так треплют?

— Не знаю я, — сказала нарочито рассерженно.

— Девочка хочет покапризничать?

— Да, я не выспалась, — нахмурилась. — Теперь плохо себя чувствую...

Не заметил, как поцеловал ее. Правда. Ведь не замечаешь, когда делаешь очередной вдох. Не контролируешь. Не протестуешь. Против родного не протестуешь. Дышишь и все. Вдыхаешь полной грудью. Впитываешь в кровь живительный кислород. Живешь. Наполняешься настолько, что начинаешь задыхаться... и снова хватаешь воздух открытым ртом.

Вот так и целовал — чтобы выдавить из губ все соки. До железистого привкуса. Впитывал Юлю в себя. В голову, в душу, в сердце, в ставшие чуткими пальцы.

Целовал вот так — чтобы ладони в шелковых волосах, привкус тягучей сладости на языке, и дурман под кожей.

Не давал ей выскользнуть, подтянув к себе ближе, прижимал к телу сначала со всей

силой, потом слабее. С тем чтобы на расстоянии вдоха чувствовать ее горячее дыхание и в звенящей тишине слышать взмах ресниц.

— Вот теперь точно поехали, — сказал низким неуверенно-сиплым голосом.

Нужно остановиться, не допустить, не перегнуть палку, не увлечься, иначе...

Но трудно невероятно. Безумно. Почти невмоготу. Это ж до ее восемнадцати рехнуться можно! Хотел ее до головокружения. Уже до тошноты. Уже неприятно и больно.

Всем своим существом чувствовал в ней потребность. Огромную. Непреодолимую. Не просто сексуальную. Другую — на каком-то ином уровне. Необъяснимом. За гранью. Без спасения. Чтобы кожа к коже. Горячо. Влажно. Моя. Еще...

Юлька не отпускала, словно руки приросли к его плечам. Немудрено. После такого-то поцелуя. Не хотела отпускать. Его всегда так мало. Говорил бы, целовал, ласкал... Переплавил бы ее разрушающие чувства во что-то другое. Любила же. Верила. Но ревность Ревность жила своей жизнью. Сжирала изнутри, высушивала. Он мог бы избавить ее от всего этого. Неужели не хочет? Не нужна? Неужели с той приятнее?

Сегодня Юля не дала мыслям о его любовнице сожрать себя, не позволила. Может быть, когда-нибудь она научится совсем их не чувствовать. Будет дробить усилиями разума, сжигать огнем и распылять по ветру как горстку пепла.

С тяжелым нервным вздохом он отстранил ее, отошел и стащил с себя рубашку. Белоснежная рубашка в это утро — вызов небесам. Давно собирался переодеть ее, но замотался. Сейчас же воспользовался этим, чтобы отвлечься и занять руки, иначе эти руки снимут с его девочки всю одежду. Подошел к шкафу и прежде чем успел выхватить что-то, чтобы натянуть на себя, Юля обняла его. Прижалась к голой спине.

— Я хочу тебя потрогать, — произнесла то, о чем думала. Хотела трогать, касаться, ощущать под ладонями крепкие мышцы, стискивать руками широкую спину. Только без рубашки.

Это же надо сказать вот так! Так, чтобы парализовало, и сопротивляться, объясняя, что не стоит и не нужно им сейчас... сил просто не было. Как будто пароль подобрала, код из нескольких слов, который сломил волю и снес напрочь все барьеры. И мозг вынес тоже.

Она хочет его потрогать! Боже, как он хотел... Знала бы она, как он ее хотел...

— Юля...

— Мне надо с тобой серьезно поговорить. Только сейчас ничего не спрашивай. Завтра.

Сегодня у нее не хватит моральных сил начать тот разговор, что запланировала. А после него ей скорее всего не светят сладкие поцелуи и долгие объятия. Убийственно, конечно, но решение принято. Хотя откладывать его на завтра, значит — продлевать свою агонию.

В другой день и другой момент Денис бы, наверное, не стал ждать того знаменательного «завтра». Вытряс бы все из нее сегодня. Но Юлька сориентировалась быстрее, оттеснила его к дивану, и как только он уселся, забралась к нему на колени.

— Убери их, они мне мешают.

Юля сначала не поняла, о чем он. Тогда Денис коснулся ее волос.

Смушение промелькнуло искрой на девичьем лице и угасло не оставив следа. В кармане ветровки лежала резинка для волос, потому удовлетворить странную просьбу не составило трудности.

Пока Юля закручивала волосы в узел, Денис опустил язычок молнии вниз, расстегивая ее ветровку. Куртку Юля сняла сама, оставшись в джинсах и белой футболке.

Не снимать. Не снимать. Не снимать. Снял с нее футболку. Стянул через голову.

Время, которое до этого летело стремительно, остановилось. И воздух, что, казалось, закручивался в воронку, застыл. И в этой невероятной тишине каждый шорох стал подобен грому, а дыхание разделилось на множество оттенков.

И вот оно — объятие «кожа к коже», ошеломительное в своей нежности, нетерпеливое в касании рук, безжалостное — в своем окончании. Но пока время забыло о них, хотелось хоть на пару минут сойти с ума. Именно сейчас, когда ожидание поцелуя важнее, чем сам поцелуй. И первый не в губы. В шею, ниже. В ключицу. До тихого стога.

Еще не поцеловал в губы, но уже чувствовал на своих ее тепло. Мягкость. Вкус. Влагу.

Юля впервые ощущала его теплые ладони обнаженной кожей. Они гладили спину, бродили по плечам, слегка касались груди над линией бюстгалтера. Потрясающие ощущения. Совсем сумасшедшие, когда поцеловал. Будто обещал продолжение... Откровенно, обнажая свое желание. Это горячо и уже не просто приятно. Это заставляло дрожать. И хотеть большего.

Но Денис снова остановился. Задержал ладони на ее плечах. Потом на мгновение снова притянул к себе, целуя и слизывая с губ остатки горечи. Она была неизменной свидетельницей их встреч и от нее казалось невозможным избавиться.

— Что ты творишь, Красота... — Не хватало сил, чтобы оттолкнуть ее. Руки прижимали ее все крепче. С трудом контролировал себя, боялся, что сейчас завалит ее на диван и будет любить до изнеможения. До судорог любить. Чтобы все ее тело стонало — дрожью и вздохами...

Тихая победная улыбка мелькнула на покрасневших губах. Тугой ком в груди мешал говорить, но Юля нашла мужество прошептать:

— Люблю тебя, разве непонятно?

ГЛАВА 32

Этим же вечером отвез Юлю на Поселковую и остался там на ночь, планируя уехать после обеда следующего дня, если не возникнет никаких непредвиденных обстоятельств.

Утро начал с пробежки. Дремотно-голубой рассвет так и манил вдохнуть прохладного густого воздуха. Вернувшись в дом, сразу направился в свою комнату, по пути бросив взгляд на кухню. Увиденное заставило Дениса быстро подняться к себе и без промедления спуститься обратно.

— Че, страшно Михалыч? — Карпов ткнул пистолетом в висок старика. Тот, сконфузившись, втянул голову в плечи. — Ты когда-нибудь видел, как у человека мозги из головы вылетают? — ухмыльнулся, находя в реакции Михалыча что-то забавное. Но веселье длилось недолго, потому что в следующую секунду на собственном затылке почувствовалась холодная сталь пистолета.

— Чтобы мозги вылетели, их надо иметь, — ледяным тоном сказал Шаурин. — Я сейчас нажму на курок, и мы с Михалычем воочию убедимся, есть ли у тебя что-нибудь в черепной коробке. Страшно? — с нажимом спросил, не без удовольствия наблюдая, как Карпов напрягся при его голосе. По всей видимости, тот решил почистить пистолет, но заигрался в ковбоя, что Шаурина изрядно разозлило. Но еще больше его вывело из себя не то, что Карпов уселся с оружием за кухонный стол, а его отношение к Михалычу. Безответный тот старик, такого обидеть только моральный урод горазд. В сущности, Карпов широтой души не отличался.

— Шаур, ты полегче, — без былой уверенности в голосе произнес Саша, заливаясь краской. Само собой, не стыда. Может быть, неуверенности. Страху какого-то... И правильно. Не шутил Денис, чувствовал острое яркое желание нажать на курок. Карпов для него живой рассадник проблем и пороков. Правда, устранив его, действие свое перед Монахом трудно будет объяснить, потому как пока оно основывалось только на личной неприязни. И ничего другого Денис этому головорезу предъявить не мог.

— Пугать будешь свое отражение! Ты за этим столом пьешь, хлеб ешь... — Денис опустил ствол. И отшагнул, позволив мужчине отодвинуть стул и встать из-за стола. — Только желваками играть не надо! Оружием занимайся у себя, там хоть застрелись!

Почти лопаясь от злости Карпов покинул кухню. Лев Михалыч сделал это еще раньше. Шаурин обернулся, чтобы выйти следом и чуть не столкнулся с Юлей.

— Ты чего здесь? — Не успел выровнять тон, потому слова прозвучали резко.

— Ничего... — смущенно пожала плечами, застыв в проходе. Сцена, которую невольно довелось пронаблюдать несколько секунд назад, заставила содрогнуться. Юля и сама не понимала, отчего стало не по себе. Вроде не в первый раз оружие видела. Но, возможно, впечатлилась, потому что сейчас оно находилось в руках Дениса. Хорошее начало дня...

— Помнишь, я хотела с тобой поговорить?

— Нет, ничего я не помню.

Не до разговоров сейчас. Мокрая майка прилипла к телу, по вискам струился пот. Наверх Денис взлетел, чтобы только взять пистолет и сбросить олимпийку. А сейчас горло драло от сухости и единственным желанием было влить в себя стакан воды.

— Денис!.. — не отступала Юля, проявляя настойчивость. — Пойдем прогуляемся, пока все спят. Поговорим.

Под «всеми», главным образом, Юля имела ввиду свою мать и тетю Надю, которые в загородном доме появились глубокой ночью в сопровождении Самарина и Карпова. Вот, чье любопытство усмирять бы не хотелось в первую очередь. Когда все выползут из своих спален, им с Денисом точно не посекретничать в сторонке. Катя Маркелова на этот счет беспокоила Юлю меньше всего. Хоть уже и перестала вдова походить на бесплотное существо, на призрак, но окружающий мир ее волновал мало. Клетка траура не отпускала, сомкнулась железно, атрофировав чувства. Оставалось надеяться, что только на время. Очень хотелось помочь, вытащить девушку из того мрака, который виделся из глубины зрачков. Вот только бы сначала со своими проблемами разобраться.

— Уже никто не спит. — Денис приложился в стакану с водой.

Пока они спорили, на кухню вошла Валентина Петровна.

— Шаурин! — нарочито громко начала Юля. — Я хочу на улицу. Прогуляться. Мне одной нельзя. Если тебе самому лень, то пусть меня кто-нибудь другой сопровождает, — возмущенно повысила голос. Получилось естественно, и Юля начала побаиваться, что Денис сейчас приставит к ней какого-нибудь вышибалу и отправит за ворота. Погулять. Как она того хотела.

— Пятнадцать минут ваша милость потерпит? — Поставил пустой стакан в раковину.

— Пятнадцать — потерпит, — охотно кивнула, про себя решив не терять времени даром и позавтракать.

— Тогда собирайся, не причитай.

На то чтобы перекусить вполне хватит, но вот как Шаурин за пятнадцать минут успеет принять душ и переодеться?..

Успел. Еще как. Бодро сбежал с лестницы, одетый в голубые джинсы и шуршащую ветровку, располосованную по цветам российского флага. Может, совпадение, но забавно. Патриот.

— Ты с оружием?

— Конечно. Пойдем белочек постреляем.

— Ты что!

— Шутка.

Храня молчание, они вышли за ворота. Придерживаясь тропинки, углубились в сосновый лес, пошли ближе к реке, туда, где среди сосен затерялись березы, а густой игольчатый покров постепенно сменяла зеленая трава. Вышли к берегу. Денис сам потянул туда Юлю, еще во время пробежки заметив лежащее там корявое дерево, как будто скрученное в спираль. На него можно было присесть, или хотя бы опереться. Особого желания бродить по лесу не испытывал. Уже набегался с утра.

Юля пока молчала, разрываясь от противоречий. Трудно было начать разговор, произнести те самые слова, которые про себя сотни раз отрепетировала. Хорошо бы Денис сделал какой-нибудь шаг, подал знак, что готов выслушать. Но внешне он никак не проявлял интереса. Устроившись на изогнутом стволе, достал сигареты. Потом зажигалку. Делал он все это медленно. Как будто специально ее злил.

— Я тут подумала... — решила Юля и начала разговор.

— Мне уже страшно, — проговорил зажав сигарету уголком рта. — Давай уже, крошка моя, исполняй, я в нетерпении.

— Ты издеваешься?

— Да. Слегка. Тогда может ты разозлишься и перестанешь заламывать руки. А то мне реально страшно, что там тебе такого фееричного в голову пришло.

— Я подумала, что нам лучше расстаться.

От изумления Денис выронил сигарету. Когда секундное оцепенение прошло, он посмотрел в траву, словно жалея о потере, и снова сунул руку в карман ветровки. Может, вторую сигарету удастся прикурить. И выкурить. Желательно.

— Спокойно, — Юля положила руки ему на плечи, будто удерживая на месте. А Денис и не дергался, только выражение его лица изменилось. Скулы побелели от злости, а холодно блестящие глаза впились в ее лицо, лишая сил говорить. — На время. До тех пор, пока у нас не сложатся полноценные отношения.

Надо продолжать, но слова застревали в горле, образуя тугую ком. Дышать становилось все труднее, плечи свело напряжением, будто на них опустили что-то тяжелое.

— У нас новый герой или так... шиза накрыла?

— Какой герой?! Конечно, нет!

— Тогда все еще хуже. Герою можно и ноги переломать, а до твоих тараканов добраться сложнее.

Он так и не прикурил, держал сигарету, зажав между пальцами, иногда опуская на нее взгляд.

— У тебя у самого героиня за кулисами. — Юлька встрепенулась, скрестила руки на груди и отшагнула. Слова Дениса подстегнули ее, отозвавшись в груди жарким недовольством. — Вот как только будешь готов дать ей отставку, тогда и у нас что-то нормальное получится. Не надо все уродовать, лучше заморозить на время. Сейчас я ненавижу ее, потом буду ненавидеть тебя. Я так не хочу. Не хочу, чтобы ты уходил от меня и

шел к ней. Но чтобы избавиться от нее, не собираюсь лезть к тебе в постель без приглашения, я, знаешь ли, как-то не так себе все это представляла. Не хочу чувствовать себя... Ну ты понимаешь. Или не понимаешь? — Слова лились все быстрее. Отчаяннее. Только вот у Дениса реакции на эти слова были какие-то вялотекущие. Но, слава богу, злость его заметно стихала, соскользнув вниз по сильному телу. Сначала изменилось выражение лица, к слову, на самое нелюбимое — непробиваемое. Затем расслабились плечи, руки. Он вытянул вперед скрещенные ноги и зажег сигарету.

— Мне ужасно тяжело, — снова заполнила возникшую паузу. Молчание умножало безысходность ситуации. — Даже не знаю, что для меня сейчас тяжелее: оставить все как есть или взять перерыв. Денис?.. — закончила она пульсирующим от боли голосом, ожидая его ответа.

Прежде чем что-то сказать Шаурин успел несколько раз глубоко затануться.

— Нет.

— Что — нет?

— Нет.

— Денис!

— Нет, — повторил он. — И мне глубоко похрен что ты там себе придумала! — сказал, будто встряхнул ее внутренности. Тонем своим яростным, безжалостной интонацией. — Я тебе не мальчик, бегать туда-сюда не собираюсь. Зачем вообще надо было все это затевать? Или сегодня тебе взбренило в голову со мной повстречаться, а завтра остыла и взяла выходной?

— Ничего я не остыла! По-моему, я ясно выразилась, сказала тебе все, как есть. То, что у меня на душе, почему переживаю. Все тебе сказала... — боялась сорваться на крик, на плач. — Зачем затевать?.. Не думала, что у тебя какие-то свои сроки, но раз ты так считаешь и все решил...

— Не пойму, в чем смысл.

— В том, что так мне будет легче. Я делаю это осознанно. У тебя будет свобода, а у меня никакой возможности тебе что-то предъявить. Когда мы были не вместе, я не воспринимала это так остро. А сейчас меня просто клинит.

— И ты решила меня удивить своей фантазией. Твоя фамилия точно Монахова? Не Кио? Иллюзионистка, блин. Ты можешь себе, что угодно в голове нарисовать, в наших отношениях это уже ничего не изменит.

— Даже если это иллюзия, в ней мне жить будет гораздо легче, чем в этой долбанной реальности, в которой ты спишь с другой девкой! Вообще-то, это я девственница, мне нужно переживать и волноваться! А у нас, будто я, такая озабоченная, тебя бедного невинного совращаю!

Не смогла больше смотреть ему в глаза, отвернулась, снова сцепив руки на груди.

Солнце, ярко усмехаясь, просвечивало лучами кроны деревьев. Птицы, затерявшись высоко в ветках, пели на все лады. Но на душе было так холодно, словно на улице не теплая весна, а промозглая ворчливая осень. Даже пальцы заледенели. Влажный утренний воздух пронизывал до костей.

— Ты считаешь, мне больше заняться нечем? Думаешь, я только и озабочен тем, кого бы в свою кровать затащить?

Пожала плечами. Не потому что так считала, а от внутреннего отчаяния. От печальной горечи и глухой боли в груди.

— Поставь себя на мое место.

— Придушу сразу.

Она глубокомысленно хмыкнула.

— Всякой ерунды себе напридумывала. — Выбросил сигарету и, ухватив Юльку за талию, притиснул к себе. Она не сопротивлялась, но и особого рвения пообниматься не высказала. — А может отпустить тебя, а? Навсегда. И гуляй-ка ты, Монахова... Будет тебе и свобода, и душевный покой. — В следующую секунду Юлька сдавленно запищала, потому что Денис перекинул ее через колено, лишая опоры. Удерживая над землей, поцеловал, крепко впившись в губы. Укусил за нижнюю. Сильно укусил.

— Не надо навсегда, давай на время. — Поморщилась от боли, облизнула губы и крепче вцепилась в его руки, чтобы не упасть на землю.

— Не зли меня! Убить бы того, кто тебе это присоветовал!

— Никто мне ничего не советовал.

— Еще хуже.

— Денис... — взмолилась и он выпрямился, увлекая за ее собой.

— Не отпускаю я тебя, — тряхнул девочку, как будто желая, чтобы ее перепутавшиеся мысли нашли правильное направление. — Никаких тебе заморозок. Можешь хоть что себе думать. Не отпускаю. — Намотал косу на кулак и слегка потянул. — Все. Финиш. Приехали. И не проси больше.

Вопреки здравому смыслу уже не мог ее отпустить. Юля как знала, как чувствовала... Возможно, это для них сейчас самый лучший вариант — отстраниться друг от друга на время. Так безопаснее и легче, но когда кричит сердце, разум не слышит.

— Как ты не можешь понять?..

— Я тебе все сказал. Раньше надо было валить. Я тебе предлагал подобру-поздорову.

— Все нервы тебе вытреплю. — Сжала в кулаках ткань его ветровки, потом разомкнула пальцы и разгладила на груди. — Скандалить буду. Как сейчас и намного хуже.

— Составим тебе график, будешь скандалить раз в месяц. Каждый последний четверг.

— Почему четверг?

— Просто так. Или во вторник.

— Ты не хочешь меня понять.

— Не хочу и не буду. Не в этот раз. Глупая... — зарылся носом в ее волосы, вдохнул их аромат. Юлька вкусно пахла. Чем-то свежим, чуть сладковатым, едва уловимым. Не для всех. Невозможно надышаться. — Ничего же не изменится. Меня оттолкнешь, а со своей головой что будешь делать?

— Найду для себя убедительные аргументы.

Не сомневался, что она найдет их. Умная девочка. Ее любовь безупречна. И сама Юля безупречна. Потому не складывалось у нее, не вписывалась она со своей любовью в эту картинку. Не хотела мारаться о ядовитую ревность, царапаться о ссоры, набивать синяки от резко брошенных в злости слов. Смелая девочка. У него не было столько сил, чтобы отказаться от нее.

— Я их сломаю. Буду это делать при первой же возможности.

— Я не отступила. Не согласилась с тобой. Имей ввиду. Ты сам виноват... — приговаривала упрямо, хотя сама уже обнимала за плечи.

— Думаешь, мне не хочется?

Потерся губами о ее щеку и прижал к себе так крепко, что она перестала понимать, где

кончалась она, и начинался он.

— Тогда все было бы проще. Разве нет?

— Ни черта. Не дай тебе бог испытать, когда хочешь, а нельзя. И меня не надо совращать, я так тебя хочу, что в глазах темнеет. Даже сейчас. Неужели не понимаешь? Не чувствуешь?

— Чувствую. — Будучи крепко прижатой к его телу, она хорошо все чувствовала. Его возбуждение. И свое. Жар между их телами, тлеющий огонь пропаливающая одежда. Чувственные воспоминания вчерашнего дня накинута на разум. Кожа запылала от тоски по его горячим ладоням.

— Этого мало, чтобы поверить?

— Мало. Мне бы желательно плотские доказательства твоей, самой что ни на есть, плотской любви. — Прикусила губу, храня на лице ироничный взгляд. С трудом давалась эта бесшабашность.

Поцеловал жарко. Прижимаясь горячими жадными губами. Скомкав дыхание и сойдя до бессвязного шепота. Чувствуя все двести двадцать внутривенно. И подкожно. И внутримышечно.

— Завалить тебя на травку и под соснами... охренеть романтика.

— Это ты так отвлекаешь меня? Притупляешь мою бдительность? Я все равно не передумала, — пыталась вдохнуть ветер, но дышала только им, тем, кто крепко держал ее в руках.

— Да мне, честно говоря, глубоко наплевать.

— Мы будем скрывать. Как обычно. Как сейчас. — Обхватила ладонями небритые щеки, потерлась губами о его губы в мягкой незатейливой ласке.

— Не получится, — покачал головой. — Я не смогу. После того как мы займемся любовью, а наутро встанем с кровати, все изменится. Ничего не скроешь. Ты будешь нужна мне часто. И надолго. Постоянно. Я буду бросаться на каждого, кто косо на тебя посмотрит. Сейчас, в случае чего, ни тебя, ни меня никто слушать не будет. А в восемнадцать ты уже совершеннолетний человек, другая ситуация, другой разговор. По мне, лучше вот так переболеть.

— Когда мне стукнет восемнадцать, меня уже здесь не будет. Я закончу школу, и отец отправит меня учиться в Лондон. Он уже мне сказал.

— Твое желание в расчет не берется?

— Я так поняла, что нет.

Юля искала на его лице следы разочарования — в глазах грусть, на губах горечь. Но их не было. Может, и не нужно сейчас?..

ГЛАВА 33

— Чего ты тут облизываешься? Это шкаф с одеждой, а не холодильник, здесь нет ничего съедобного, — шугнула Юля Лорда, но пес, игнорируя хозяйку, упрямо тыкался носом в разложенные по полкам вещи, не желая сдвигаться с места.

— Что-то его там заинтересовало, раз так настойчиво нюхает. — Наталья бросила взгляд на собаку, и Лорд сильнее завилял хвостом, словно почувствовав в ее лице поддержку.

— Ага, давно забытый мною в каком-нибудь кармане пакетик марихуаны. Смойся, — Юля легонько оттолкнула своего питомца и закрыла шкаф. Посмотрела на чемодан. —

Вроде все. Все, что надо впихнула.

Наталья издала тонкий смешок:

— И что не надо тоже. — Поправила за спиной подушку и продолжила листать альбом с фотографиями дочери. То и дело ее губы трогала мягкая улыбка, а взгляд заволакивала нежность. — Ты с Денисом попрощалась?

— Нет еще.

— Как это нет еще? Он хоть знает, что ты улетаешь? — На глаза попало совсем старое фото, сделанное в ателье. На нем Сергей, одетый в парадную форму, держал двухгодовалую Юлю на коленях, рядом сама Наталья в алом платье. Наверное, фотографии, подобные этой, можно найти в каждом семейном альбоме. Кто бы мог подумать, что их жизнь так круто изменится. Нет, есть, конечно, вещи закономерные. Взросление дочери. Ее первая влюбленность. Первые переживания и проблемы. Вздохнув, Наталья перевернула страницу. И саму когда-то такое мучило, а теперь словно все заново с дочерью переживала. Хотя иногда трудновато было с высоты своего возраста и с имеющимся опытом поставить себя на место Юли. Себя, как говорится, не помним...

— Он все знает, — проворчала Юля.

— Что-то ты не в настроении я смотрю, вся такая загадочная и задумчивая. Между вами что-то не так? — как бы вскользь поинтересовалась Наталья, не отрываясь от цветных фотокарточек. На самом деле давно уже заметила нервозность дочери и все искала возможность поговорить. Не в словах это виделось, а в движениях: вещи в чемодан Юлька кидала с каким-то ожесточением, словно не на Кипр отдыхать собиралась, а на каторгу.

— Я не загадочная, я сосредоточенная. Можно и так сказать — мы в вялотекущей ссоре.

— Да? — удивилась мама. — А что — повод есть?

— Повод всегда есть. Поводов у нас, мамочка, как грязи.

В этом Юля точно права: зачастую влюбленным особого повода не нужно.

— Например?.. — Любопытство не отпускало, поэтому Наталья воспользовалась возможностью разузнать все поподробнее, пока дочь не ушла в глухую оборону.

— Хочешь помочь мне дружеским советом? Или материнским? — Юля уселась на кровать рядом с матерью и закусила губу, раздумывая, стоит ли делиться с ней своими переживаниями. Всегда с большим трудом обнажала чувства, боясь непонимания. Хотя очень редко слышала от мамы порицание, и сегодня испытывала большие сомнения. Речь ведь не только о ней самой, но и о Денисе. Совсем не хотелось, чтобы мама настроилась против него. Но держать все в себе стало нелегко, ибо чувствовала, что запуталась в ревности и злости своей, как в паутине.

— Почему бы и нет? Ты ничего не рассказываешь, мне же хочется знать, что между вами происходит. И как происходит. Я же мама. Беспокоюсь.

— Откровенно говоря, между нами ничего такого не происходит, что бы тебя могло взволновать. Ну, правда.

— Откуда ты знаешь, что меня может волновать?

— Знаю. Не дура же. Давно уже вокруг да около ходишь, и все твои вопросы к одному только сводятся: спим мы или нет? — После этих слов стало невозможным вернуть разговор в прежнее русло. Удовлетворенный блеск в глазах матери немного рассеивал смелость, но Юля не замолчала, смущенно отводя глаза. — Так вот, не спит он со мной, мамочка, даже пальцем не трогает. Потому что я несовершеннолетняя еще. — Чтобы продолжить дальше, пришлось набрать полные легкие воздуха. Осторожно Юля сказала: — А поругались мы из-

за его... — Про себя никак не могла подобрать нужное слово. Просто девка? Подружка? Как назвать ту, из-за которой и заварился весь этот сыр-бор? — ...любовницы. — Все же решила называть вещи своими именами.

— Хорошо сформулировала. То есть, это он с тобой не спит, а не ты с ним. Спасибо, дорогая, успокоила маму.

— Мамуль, прости. Мне как-то непривычно говорить с тобой о таких вещах, волнительно даже... потому и несу что попало, — виновато сказала Юля, про себя удивившись реакции матери. Ожидала, что та начнет бросаться в адрес Дениса обвинениями и нелестными словами. Именно этого больше всего опасалась. Не хотела компрометировать его, чернить перед матерью, даже если он сам виноват в создавшейся ситуации. У них и так шаткое положение, если мама настроится против него, станет совсем невыносимо.

— Да как раз-таки не что попало... Ну и?.. Дальше что?

— А что дальше... — вздохнула свободнее. — Я психую, мне все это не нравится. Предложила ему расстаться, пока не повзрослею.

— Чего? — Наталья закрыла альбом и отложила его в сторону. Теперь взгляд ее и все внимание сосредоточились только на дочери.

— Предложила ему расстаться.

— Вот бестолковая девка.

— Чего? — в ответ возмущенно протянула Юля. — Мама ты не слышала, что я сказала?

— Я-то слышала. Просто удивительно! Как легко ты готова отказаться от того, что считаешь своим. Вернее, кого.

— Я не отказывалась.

— А что ты сделала? Отказалась. Отказалась и подарила этой «мадаме», с которой он развлекается.

— Это же на время.

— Нет ничего в жизни более постоянного, чем временные меры.

— Я не отказывалась, он тоже не согласился. Но я не могу смиренно сидеть сложа ручки. Пусть знает, что мне это не нравится, — слегка повысив тон, сказала Юля. И хотя слова ее прозвучали более чем уверенно, в глазах светился притаенный вопрос.

— Пусть знает, тоже верно, — кивнула мать. — Но только сильно не усердствуй, а то он перестанет тебя слышать. Скандальить нужно редко, но так, чтобы на всю жизнь запомнил.

— Это я запросто, — скупно улыбнулась Юля, чувствуя, что напряжение постепенно отпускает. На душе стало чуточку легче. — Мама, ты так спокойно восприняла то, что я тебе сказала. Почему? По-твоему, наличие у него любовницы — сущий пустяк?

— Совсем нет. Не пустяк, но я не знаю, имею ли я права осуждать его, — деликатно ответила Наталья. — Наверное, я стала слишком циничной, на многие вещи смотрю не так, как раньше. Меня в жизни уже мало что удивляет. Юля, он взрослый человек... — замолчала, опустив взгляд на свои сомкнутые в замок пальцы. Не хотела разочаровывать дочь, но Дениса оправдывать не хотела тем более. Нужно как-то найти золотую середину, чтобы не переломить правильных представлений дочери, но и не навязать ложных иллюзий. Как-то найти...

— Я совсем запуталась. С ума сойду скоро. Кажется, у всех в этой жизни все нормально, кроме меня. Всех все устраивает, только я одна надумываю себе проблемы.

— Одно могу сказать точно. Если не можешь все это выносить — бросай. Хочешь жить спокойно — бросай и забудь.

— Нет.

— Тогда возьми себя в руки.

— Возьми... — проворчала Юля. — Как представляю, что он ей там серенады поет...

Наталья рассмеялась:

— Прости, не удержалась, — сказала извиняющимся тоном, заметив Юлин раздраженный взгляд. — Рассмешила. Шаурин и серенады. Да из него слова не вытянешь. Я вообще не понимаю, как вы общий язык находите.

— Нормально находим. Иногда он очень даже разговорчивый. Мама, — не очень смело продолжила мысль, прерванную смешком матери, — на самом деле меня волнует не... не то, что он спит с этой кикиморой. Я не хочу, чтобы он любил ее, разговаривал, делился чем-то. Я не хочу, чтобы с ней он разговаривал так же, как со мной. Я от этого зверею просто.

— Ну надо же... — Наталья смерила дочь снисходительным взглядом.

— Да, — Юля вздернула нос.

— Милая моя, таких девочек мужчины используют совсем не для того, чтобы с ними вести беседы и петь им серенады. Вот за это можешь не беспокоиться.

Юля замолчала. Очень хотелось верить матери. Может, и стоило? Принять ее мнение за истину и прислушаться, найти вот эту такую нужную сейчас опору и крепко встать на ноги.

— Ладно. — Юля поднялась с кровати и потрепала пса, все это время преданно сидящего у ее кровати. — Надо напомнить о себе перед отъездом.

— Естественно, — улыбнулась Наталья.

Напомнить о себе с ходу не удалось. Закрытая на замок дверь шауринского кабинета встретила весьма неприветливо. Нужно было все-таки позвонить, а не ехать наобум, сюрпризом. Благими намерениями...

Юля не полезла в сумку за ключом. Нет смысла вваливаться в его «обитель» и сидеть там в ожидании чуда. Забросив сумку на плечо, она потихоньку побрела по пустому коридору. Только теперь оценила всю прелесть расположения кабинета. Он находился в отдельном крыле, и народу в той части здания было очень мало.

— Надо же, какие люди... — Денис перехватил ее на полпути, Юля даже не успела добрести до одного из спортзалов. Скорее всего, за это нужно поблагодарить Самарина. Он, видать, намекнул о ее присутствии.

— Представь, да...

Денис не встретил ее пылкими объятиями, да оно и понятно. И все же внутри зашевелилось что-то неприятное.

Вместе они вернулись на его рабочее место. В кабинете разрывался телефон. Еще в коридоре был слышен его подозрительно настойчивый звонок.

— Да... — ответил Денис. — Чего у тебя там случилось?.. Давай не сейчас, Тань вечером заеду поговорим...

Юля стояла рядом, потому хорошо слышала женский голос в трубке. Не то чтобы она специально подслушивала, но так получилось. Интонация Дениса и сам разговор тоже намекали, что звонили не по рабочему вопросу. Дурные мысли лезли в голову помимо воли, а слова не заставили себя ждать.

— Подружка твоя звонила? — не скрывая едкой иронии спросила Юля и по блеску в его глазах поняла, что зря это сказала. Теперь жалей не жалей, а механизм запущен. С другой стороны, молчать как рыба она не обещала. Да и сам Денис за словом в карман никогда не

лез. Вот и сейчас с ответом не задержался.

— Если ты думаешь, что я буду перед тобой отчитываться за каждый свой телефонный звонок или любое другое действие, ты глубоко заблуждаешься.

Это было бы почти вежливо, если бы не было так обидно. Ничего не оставалось, как только поддержать заданный им тон. Что она и сделала, состроив при этом такую бесстрастную мину, что самого Шаурина переиграла.

— Никакого отчета я от тебя не требую. Как я могу? Кто я вообще такая, чтобы от тебя что-то требовать? Не понимаю твоих возмущений, я тебе предлагала вариант, при котором я вообще могу исчезнуть из твоей жизни. Ни тебе отчетов, ни разговоров. Свободен как ветер.

— А-а-а, — Денис перевел взгляд на настенный календарь, — у нас сегодня четверг. Ну давай... — хлопнул в ладоши и потер их друг о друга. — Ты сегодня скромно или собираешься на всю катушку разойтись? К чему готовиться? Может, мне пора уже курить пустырник?

Покоробил его открыто саркастический тон. Просто взорвал изнутри, но Юля собрала волю в кулак и сказала безупречно вежливым тоном:

— Извини, что отвлекаю тебя от важных дел, я ненадолго, всего лишь попрощаться. Мы с мамой завтра улетаем на море. На все каникулы, — совсем добила, сопроводив слова ледяным взглядом.

— Круто. Завидую. Приятного отдыха.

— Ну, тогда я пошла?..

— Иди.

Прощальные поцелуи после такого ей тоже не светили. А жаль...

Пару секунд Юля раздумывала, чувствуя себя так, словно проваливается в пустоту. Холодную до мурашек. Когда она уходила, вслед ей не донеслось ни слова.

Денис стоял у стола, глядя на захлопнувшуюся дверь, разрываясь изнутри от бешенства. Мозговыносилка, блин! Горло свело от желания протяжно рыкнуть, хоть немного освободившись от злости. Схватив первое, что попало под руку, а попала ему авторучка, он швырнул это через весь кабинет. Авторучка, издав легкий треск, стукнулась о деревянное полотно и упала на пол.

— Ушла что ли? — спросил вслух, не веря, что Юля уйдет на такой ноте. И был прав. Юлька снова протиснулась в кабинет и задержалась у двери, прислонившись к ней спиной.

— Что — сердце по швам и вены натянуты?

— Я тебе сейчас устрою сердце по швам, — сдерживая негодование, процедил Денис.

Девушка помедлила, раздумывая, запереться ли на замок. А сделав это, сцепила руки за спиной и пошла к Денису. Отступать она точно не собиралась, хотя войти снова как ни в чем не бывало — равносильно, что собственное самолюбие через мясорубку пропустить. Ну что ж, если так надо — пропустит. И пережует его, потому что быть бестолковой девкой, как назвала ее мама, не собиралась. А уж лишний раз собственноручно толкать Шаурина в объятия той шлюшки, с позором ретировавшись, не хотелось и того больше. Хотя надо признать, с трудом Юля смогла взять себя в руки. Пришлось прям зубы сцепить.

Осторожно она пошла, мягко переступая, словно по минному полю шагала, а не по ковровой дорожке. Хотя, идти к Шаурину навстречу, после того как довела его почти до белого каления, равно как самовольно наступить на противопехотную мину — разорвет на мелкие кусочки.

Юлька замерла перед Денисом буквально в шаге, стараясь сохранять на лице

спокойствие и сосредоточенность. Он стоял, засунув руки в карманы брюк. Грудь его неровно вздымалась под голубой рубашкой.

— Все. Я уже успокоилась. Не надо ругаться. Я теперь добрая и нежная киса.

— Да? А меня теперь кто успокаивать будет?

— Хороший вопрос, — произнесла она, растягивая гласные. — Твои варианты?

— Не надо будить во мне то, с чем ты потом не сможешь справиться. Собираешься трахать мне мозг, пока я не буду делать то же самое с тобой?

— Зачем же так грубо? Ты будешь любить меня страстно и преданно. Хотя и на этом спасибо, я думала ты меня выматеришь сейчас.

— Ну, я пока еще в состоянии связно выражаться. Попрошалась? Теперь иди отсюда, — кивком указал на дверь.

— Не-а, — покачала головой.

— Проваливай.

— Ни за что.

Они так и стояли — очень близко, почти нос к носу. Не притрагиваясь друг к другу, но изнывая от желания сделать это. Об этом говорили их глаза и едва уловимые нотки, появившиеся в голосе.

Юля побаивалась касаться Дениса. Сейчас он, как оголенный нерв, долбанет так, что закачаешься. Можно и себя потерять. И пусть стоял он не шевелясь, не двигаясь, но то, что все его существо бушевало, она нутром чувствовала. Не знала, что там у него с венами, но у самой они точно натянулись. И адреналин начал зашкаливать.

— Твои ноги будут здесь, — похлопал себя по плечу, — только в одном случае — во время секса. Все остальное — заедай конфетами.

Ну да, если Шаурин позволит кому-то сесть себе на шею, это будет не Шаурин. В такие моменты Юля понимала, сколько ценных советов дала ей мама на самом деле. Теперь бы вычленить их из сплетения слов.

— Дай представлю. Это удобно? Тебе так больше нравится?

Денис сделал глубокий вдох. Юля отступила на шаг и присела на край стола.

— Знаешь, ты наверное прав, говоря, что нам нужно подождать. За это время мы лучше узнаем друг друга. Я уже не буду стесняться и волноваться, бояться...

— Ты меня провоцируешь сейчас?

— Нет, — конечно отрицала она, но глаза говорили о другом. — Я вообще не знаю, как это делается. Но, может быть, я когда-нибудь научусь.

— Да у тебя по этой части просто талант, — уперся ладонями в стол, чуть касаясь большими пальцами ее обнаженных бедер.

На улице стояла жара. На Юльке были голубые джинсовые шорты и белая майка. Наверное, и не догадывалась она, что ее сегодняшнее одеяние — провокация чистой воды. Тут даже слов не требовалось. Ни жестов, ни намеков. Лучше бы она вообще просто рот закрыла и молчала, потому что его разбуженный внутренний зверь очень просил выхода.

— Тебе лучше знать. — Слабо скользнув руками по его плечам, легко обняла. — Я буду скучать по тебе. Дико. А ты? — прижалась щекой к щеке. Чувствовала, что он еще злится и бурлит изнутри. Это прожигало ее, заставляло обливаться пунцовым румянцем.

— Я уже в шоке.

— Глотнешь лимонаду, — тихо отозвалась, меж тем, крепко прижавшись к нему всем телом, чуть сдвинувшись к краю стола. Оказывается, легко говорить об этом вот так —

старательно иронизируя, и при этом, ища утешения в его руках.

Он укусил ее. В плечо. У основания шеи, в трапецевидную мышцу. Да так, что Юля застонала от боли.

— Ты что делаешь?.. Больно же!.. У меня будет синяк.

— Закусываю, — в тон ответил Денис. — Взываешь к моей совести?

— А она у тебя есть? Была бы, наверное, я не знала бы того, что знаю сейчас.

— Наверное.

Вот. Почувствовала, что внутри он справился с собой, несмотря на то, что его тело все еще сохраняло напряжение. Переломился. Укротил себя. Его дыхание изменилось. Тон голоса тоже, слегка. Руки коснулись плеч слабо, но чувственно.

Юля, морщась, потерла ноющее от боли место и посмотрела в его бездонные серые глаза.

Глаза без дна. Сколько всего в них скрывалось, потому и без дна... Или бездна? Бездна удовольствия, любви и... боли.

— Маньяк. — Наверняка то, что она намеревалась сказать дальше, мама бы не одобрила. Точно не одобрила, но Юля проживала свою жизнь, терпела свои мучения и страхи, и сама выделяла для себя ориентиры. — Я потерплю ее, — как-то слишком жарко сказала она, — а ты потерпишь мои выходки. И тогда у нас будет все по-честному.

Его молчание, верно, следовало расценить как согласие. Хотя его согласия Юля не ждала. Скорее, поставила в известность.

— Что прям на все три месяца? — Небрежно убрал ее волосы от лица, зачесав их пальцами к макушке.

Хорошо помнила, что между ними случилось в прошлый раз, когда они ему мешали.

— Убрать?.. — спросила она и после его кивка, собрала хвост на затылке. — На два — точно.

— Тогда давай прощаться.

Не представлял, как вынесет эти два-три месяца без нее. Не видеть, но знать, что она где-то рядом, не сравнить с осознанием и пониманием того, что его девочка на расстоянии нескольких тысяч километров. Юля и так последние дни, мягко сказать, обделяла его вниманием. Тут еще это расставание на целое лето. В голове не укладывалось. Да и не уложится, пока снова ее не увидит.

Соскучился по ней сильно. Невыносимо. Потому с животным желанием прижал ее к себе, принякая к мягким податливым губам. По коже ее соскучился, по теплу, по горячему дыханию, по доверчивому телу и откровенным поцелуям. Юлька быстро училась, на лету схватывала его ощущения, чувствовала реакции, знала, что нравится. Целовала так, что не только сердце, все тело по швам трещало.

ГЛАВА 34

Следующая встреча с Юлей произошла намного раньше, чем предполагалось. И при таких обстоятельствах, которые едва ли способствовали пылкому выражению чувств, вызванных долгой разлукой. Ни тебе объятий, ни поцелуев, ни хотя бы ласкового «привет»...

В конце июня умерла Анна Анатольевна. Можно сказать, умерла внезапно. Но смерть другой не бывает. Смерть всегда неожиданна. Она разрывает внутренности, пуская по венам обреченность, и выбивает почву из-под ног, затягивая в пучину отчаяния.

Денис, зная страхи Юли, очень удивился, увидев ее на похоронах. Страшно предположить, чего ей это стоило. Каких невероятных душевных усилий. Не сказать, что вела она себя стойко. Какая уж там стойкость? — передвигалась неуверенной тенью, время от времени прикладывая к глазам платок, вероятно, уже насквозь промокший от слез. Щеки ее не высыхали, хотя старалась она не плакать навзрыд. Маленькая. Потерянная. Вмиг растерявшая свою взрослость. И это короткое черное платье без рукавов... Оно растворяло ее в себе, поглощало.

В день похорон стояла удушающая жара. Но такой она казалась из-за разлитого в воздухе горя. Оно вдыхалось в легкие и его невозможно было перебить ни сигаретным дымом, ни вкусом водки.

Лучше бы холодно... Смотрел на Юлю и думал: «Лучше бы холодно...» Тогда она оделась бы теплее, застегнулась на все пуговицы, занавесилась плащом, не была обнажена, не запутывалась в словах скорби и сожалений, как в липкой паутине. Но на улице стояла невыносимая жара, а лучше бы холодно...

Сам Денис к Юле не подходил: не хотелось проговаривать под чужими взглядами навязшие на зубах соболезнования-клише, наедине же остаться никак не удавалось. Да и не искал он такой возможности. Как-то среди всей траурной кутерьмы было совсем не до того. И все же старался не упускать девочку из виду. Не прилагал к этому особых усилий, все получалось само собой. Не мог не смотреть на нее, но приходилось контролировать даже взгляды. Сегодня эта необходимость особенно бесила.

Поскорее бы все закончилось. Но день тянулся мучительно долго. Бесконечная череда плачущих и стонающих старушек, каждая из которых старательно голосила, отдавая таким образом долг усопшей... Кладбище. Запах сырой земли, несущей обреченностью... Могила, заваленная цветными венками.

Как ни старался отстраниться, до конца не получалось. Невольно проникался траурной атмосферой до ломоты в висках. Сочувствовал семье. Анна Анатольевна при жизни производила впечатление доброго и светлого человека, потому, наверное, и умерла вот так — тихо. Заснула и не проснулась. И в гробу лежала с как будто умиротворенным выражением на лице, словно спала.

Не ожидал никто ее скорой смерти, несмотря на то, что гибель младшего сына женщину подкосила основательно. Но, по словам домработницы Лиды, не жаловалась та на здоровье особо. Бывало, голова болела; то желудок прихватит, то сердце. А у кого не прихватывало. Но чтобы заснуть и не проснуться...

Монахов очень остро переживал потерю матери. Выбеленное горем, будто гипсовое, лицо не выражало ничего кроме бесконечной усталости. Но не усталости, которая с ног валит в крепкий сон, притормаживая нервную деятельность. А такой, которая граничит с истерикой, срывом, взрывом. Тяжело видеть такого человека, как Монахов, всегда держащего все под контролем, на грани эмоций. Страшно...

Сергей Владимирович держался до определенного времени, а к вечеру, когда народ почти разошелся, взял бутылку водки и скрылся в одной из комнат. Ничего никому не сказал, ни слова. Наталья пошла следом, но уже через минуту вышла оттуда, залившись краской. В ответ на внимательный взгляд Дениса женщина лишь махнула рукой. Что ж, прелестно. Теперь вообще непонятно, когда можно будет свалить из этой деревни.

При мысли, что придется задержаться, Шаурина начинало мутить. Совсем не хотелось оставаться на ночь в доме, каждый уголок которого дышал одиночеством и смертью.

Наверное, Юлька подумала о том же. Надеялась, что уедет после поминок, но Монахов, решив впасть в алкогольное беспамятство, лишил ее этой надежды. Вот поэтому, когда девушка увидела вольный жест матери, побледнела еще больше и приложила ладонь к горлу, пытаясь сдержать накатывающий приступ рвоты. До этого несколько раз удавалось. Но, как видно, в этот раз не получится. Рот обильно наполнился слюной, в глубине желудка зародились спазмы...

Ее тошнило весь день: до похорон, на кладбище, за столом, где, к слову, она почти ничего не ела. Не укрылось от Дениса, как она то и дело подносила руку к горлу, пытаясь справиться с очередным приступом. Неужели никто не заметил? Да, Наталья посматривала, но, как Шаурину казалось, делала не то, что должна была. Вот и сейчас, когда девочка вылетела из дома, прижимая ладонь к обескровленным губам, женщина не рванула за дочерью, а лишь посмотрела вслед, разговаривая при этом с женой Юрия. Он тоже инициативы вернуться в город не проявлял — уже долгое время сидел на крыльце, ссутулившись и уставившись в одну точку.

Денис бросился за Юлькой, не раздумывая: а стоит ли?

Стоит и пошли все к черту!

Нашел ее в бане. Она умывалась и плакала. Это и на плач было не похоже. Скорее, на громкие сухие всхлипы. Отчаянные, но без слез.

— Вырвало? — спросил глухо и тревожно. Что-то оборвалось в нем при виде ее измученного лица и дрожащих рук. И у самого внутри тошнотворная волна поднялась, и к горлу ком подступил, перекрывая дыхание.

— Да, — прошептала она, и Денис сдернул с крючка большое полотенце.

— Легче?

— Нет, — покачала головой и прижала к лицу махровую ткань, уткнулась в нее, как будто прячась, и обессилено опустилась на деревянную лавку. Пожалела, что не заперлась, позволив застать себя в таком нелicenseприятном виде. Потом вскинула глаза, в которых заплескался ужас. — Я не хочу здесь ночевать! Я не смогу! — запальчиво проговорила. Бесцветный до этого голос окрасился явно паническими нотками.

— Тихо, — Денис крепко сжал ее руки. И сам вздрогнул от того, какие они ледяные. — Разберемся... — Понимал, что прозвучало это скупое и безликое, а никак не ободряющее. Однако что-то большее сказать не мог, пообещать тоже. Откуда же взять эту бодрость? Не время, не место. Но «разберемся» — это единственное, что пришло в голову. Слов не хватало. Не находились они никак. Да и не говорить бы сейчас, а обнять, крепко прижать ее к себе. Утешить без сотрясений воздуха.

А, плевать! Плевать, даже если кто-то увидит их вместе. Сегодня все друг у друга на груди утешаются. Кто громко, кто тихо, а некоторые навзрыд. Каждый в свою жилетку. Да плевать на все...

Обнял в одно касание. Обвил руками и прижал к себе.

Не шевелился, не гладил спину, не водил ладонями, не трепал волосы. Пусть хоть на несколько секунд, на короткое время, но обнял и замер.

Сдавил, скомкал у себя на груди, как бумагу. Подавил всхлипы, стер слезы своей рубашкой.

Не знал, как ее успокоить. А как можно успокоить человека, который не плачет в голос и не бьется в истерике?

— Мне надо уехать отсюда, я не хочу оставаться здесь на ночь. Я и так прошлую не

спала. Надо с мамой поговорить, — Юля попыталась вложить в голос решительность и даже отважно оттолкнулась, явно намереваясь выполнить задуманное сию же минуту. Но убедительности не получилось. Ни в голосе, ни в движениях. Вышло все как-то дрожаще и неуверенно. Потому не отпустил, сильнее только стиснул. Но время шло. Руки никак не хотели соскальзывать с ее плеч, и в вязкой тишине слышались только ее пульс и биение только ее сердца.

— Вдруг увидят... — Юля словно очнулась, посмотрела на Дениса и отстранилась.

Он заправил ей за ухо мокрую прядку волос.

— По-моему, всем не до тебя сейчас.

Словно опровергая его слова, скрипнула дверь.

— Юленька, что случилось? — В проеме появилась Наталья.

— Все нормально. — Юля нехотя освободилась от Дениса.

— Какого, скажите мне, х... — недовольно начал он, но вовремя прикусил язык, чуть не ругнувшись в пылу, — ...толка нужно было везти ее на похороны?

Наталья немного опешила от его резкого тона, но не стала горячиться. Еще находилась под впечатлением от увиденного, поэтому отнеслась к шауринскому выпадку снисходительно, найдя этому разумное объяснение.

— Я сама захотела, — тут же вклинилась Юля. — Но только оставаться здесь на ночь не желаю. Мам?..

— Ладно, — со вздохом сказала Наталья. — Иди собирайся.

Юля с таким рвением понеслась в сторону дома, что пару раз запнулась по дороге.

— Побудешь с ней, я тебе сама позвоню, сообщу — что и как...

Денис, не скрывая недоумения, остановил взгляд на лице Натальи. Быстро все решилось. Без лишних фраз и разъяснений. И довольно неожиданно. Что впору подозревать неладное.

— Чего застыл? Или мне тебе еще на пальцах объяснить, что можно, а чего нельзя?

— Не стоит, обойдусь. — Шаурин поспешил развернуться и уйти прочь.

Женщина смотрела ему в спину, пока он не скрылся в доме. Потом дошла до беседки и устало опустилась на скамью. То, что она увидела, стало для нее большим откровением. А, казалось бы, ничего такого. Они просто обнимались: Денис прижимал Юлю к себе, утешал, наверное, сочувствовал. Совершенно нормально. Правильно даже. Но. Никогда она не видела его с таким выражением на лице — смесь нежности, боли, любви и еще много чего, чему она не могла дать точного определения. Но любовь там присутствовала точно. Читалась. Виделась. Звенела в каждом движении. Отсвечивала в глазах. И Юлька льнула к нему с такой доверчивостью, что не по себе стало. Не по себе и совестно как-то. Что не поверила дочери и ему не верила, сомневалась, с львиной долей скептицизма наблюдала за их отношениями, тем не менее, стараясь не разочаровывать дочь своими сомнениями. Но не верила. А теперь неудобно стало. Будто в замочную скважину подсмотрела, увидела то, что не должна была: слишком интимное, для чужих глаз не предназначенное. Больше, чем близость, поцелуи... Сцена эта, по сути, невинная, все понимание ее перевернула. С ног на голову поставила. Теперь отпали сомнения, шелухой осыпавшись, что пройдет это все как блажь. Что раствориться со временем, потеряет смысл и краски. Ни разу она не видела такого Шаурина. Никаких подобных проявлений за целый год. Теперь хоть в себе сомневайся. Думала, что в людях разбирается...

Юля быстро собралась: желание покинуть это место подгоняло, действуя лучше любого допинга. Только платье сбросила, натянула привычные шорты и футболку, захватила кое-что из вещей и выскочила на улицу. Ни с кем не просталась, ничего не объясняла. Садясь в машину, не задавалась вопросом, куда отвезет ее Денис. Важнее, что мама дала свое согласие.

Покидать бабушкин дом было очень тяжело, но оставаться в нем, зная, что бабули больше нет, тяжелее стократ. На сердце будто трещина образовалась. Что-то умерло сегодня. Вместе с бабушкой. Какая-то часть Юлиной души. Понимала, конечно, что заживет все со временем. Что слезы кончатся. Что горе постепенно перестанет холодить внутренности. Но сейчас было так больно, что даже дышать трудно и думать, не то что говорить. Хотелось вообще не думать, впасть в забытие. Почему же нет у человека такой кнопочки, чтобы отключиться по желанию... Полностью отключиться: чтобы без сновидений. Боялась снов, вдруг бабушка приснится, если и во сне та же боль. Как перенести?..

По дороге с Денисом не разговаривали, но сегодня, вопреки обыкновению, молчание было неуютным и колючим. Юля разместилась на заднем сиденье. Не плакала, смотрела в окно стеклянным взглядом. Окружающие красоты не производили впечатления, свежий ветерок из приоткрытого окна не бодрил. Мир словно покрылся толстым слом пыли — страшно задохнуться.

Юля знала, в каком районе проживал Денис, потому слегка озадачилась, когда он остановил машину у девятиэтажной «панельки» практически на другом конце города.

— Приехали. Сейчас нам будет хорошо, — в своей обычной манере сказал он. Юля промолчала, не поддержав иронии. Несмотря ни на что, удивление ее не было настолько велико, чтобы сыпать вопросами, куда ее привезли и зачем. Она с трудом выбралась из салона и слепо пошла за Шауриным. С трудом, потому что чувствовала себя выжатой как лимон. Чувствовала себя далеко за той гранью, когда человек в силах управлять и разумом, и эмоциями. Только у самой двери, заслышав трель звонка, почувствовала внутри внезапное волнение. А уж когда увидела на пороге молодую женщину с округлившимся животом, совсем смутилась.

— Таня, это Юля. Юля, это Таня — моя сестра, — быстро сказал Денис, будто отчитался, и втолкнул девушку в прихожую.

— Очень приятно, — на автомате отозвалась Юля, хотя приятно испытывала мало. Не самое удобное время подобрал Денис, чтобы познакомить ее со своей сестрой. Совсем неудобное. Критическое просто. Какое уж тут доброе общение и вежливые улыбки, когда у нее вот-вот истерика начнется. Самую малость осталось. Слезы снова жгучей волной накатили на глаза, и внутри все сдавило от боли.

Возникла небольшая заминка. Таня тоже испытывала неловкость, но взяла себя в руки первая. Спихватилась, оживилась, бросила девушке под ноги комнатные тапочки.

— Юля, тапки надень, а то у меня пол холодный.

— Спасибо, — Юля немного ожила, ровно настолько, чтобы слегка улыбнуться. — Мне бы руки помыть.

— А, конечно! — Открыла дверь в ванную комнату. — Пожалуйста. Полотенце можешь взять любое. Я сейчас чай поставлю и ужин накрою, вы голодные, наверное? — засуетилась Татьяна. Денис решил руки на кухне вымыть, а заодно предупредить о Юлином горе, дабы немного умерить пыл сестры. Вряд ли Юля в своем состоянии сможет ответить ей взаимностью.

— Ты почему не сказал, что приедешь не один? — с ходу напала Таня, но потом смягчилась и спросила тише: — Это та самая загадочная Юлия?..

— Что бы это изменило? — Вторым вопросом Денис вежливо проигнорировал.

Таню это ни капли не смутило. В словесных подтверждениях она не нуждалась: помнила красноречивую гравировку на его браслете. Реакция брата на эту девочку также не осталась незамеченной.

— Нашел свою мечту: не пьет, не курит, девственница?

— Угу.

— Вот и правильно. Хватит уже шмятаться.

Денис взял с тарелки зеленое яблоко и подставил его ко рту сестры, намекая таким образом, что пора уже той остановиться с выводами и рассуждениями.

— А ей сколько лет? — на Таню это, само собой, никак не повлияло, хотя яблоко она надкусила.

— Шестнадцать.

Сестра кашлянула, чуть не подавившись.

— Ты что обалдел?

— Спокойно, мамочка. У нас с ней платонические чувства. Полоскание мозгов оставим на следующий раз, когда я буду в настроении. Мы с похорон. Бабушка у нее умерла.

Таня разом погрузилась.

— А я смотрю, что она такая убитая. Бедняжка... Я вот только не пойму, каким образом вы...

— Давай не сейчас, ладно? Позже поговорим.

— Хорошо. Позже, — согласилась Таня, роясь в шкафу в поисках салфеток. Задевала их куда-то. Были же... Точно были. — Ты посмотри, чего она там застряла, может, ей плохо? — обеспокоено посмотрела на брата.

Денис постучался в дверь. Но Юлия и не запиралась. Все это время стояла перед зеркалом, изредка смывая горячие слезы. Как услышала стук, еще раз ополоснула лицо ледяной водой.

— Я сейчас не совсем в форме для такого рода встреч, — тихо сказала Денису, когда вышла из ванной.

— Никакой особой формы не надо. Посидим немного тут, поужинаем, потом поедем ко мне. Не напрягайся.

Не напрягайся. Легко сказать! Все-таки он ее со своей сестрой познакомил, а не с соседкой по площадке. А сегодня Юлия не в состоянии ни разговор поддержать, ни поболтать по-дружески... Настроение самое дрянное из всех возможных: ни душевных сил, ни смелости. А уж заплаканное лицо тем более не добавляло очарования. А, как ни крути, хотелось произвести хорошее впечатление.

— Пойдем за стол.

Юлия горестно вздохнула. Если очень постараться, то и улыбаться получится. И, наверное, поговорить. По крайней мере, антипатии Таня у нее не вызвала. Напротив, если бы не собственная трагедия, их встреча завязалась бы намного сердечнее.

— Таня, я не хочу. Вернее, не могу, — сразу отказалась от еды. Ее запах не вызывал аппетита. Боялась, что снова начнет тошнить.

— Ну тебя, — махнула сестра Дениса рукой, — я все равно не отстану. У меня борщ. Ты даже не представляешь, от чего отказываешься. Со сметаной.

— Ладно, — обреченно согласилась Юля, — только чуть-чуть.

И правда аппетит приходит во время еды. Сначала нехотя Юля цедила бульон, а потом с удовольствием доела всю тарелку. Денис борщом не ограничился, справился и со свиной отбивной. Глядя на то, как он ест, Юля невольно улыбнулась. С таким умиротворенно-довольным выражением он это делал, с таким удовольствием...

Что-то конкретное за столом не обсуждали, не касались одной темы. В основном говорила Татьяна. Обращалась к брату, вспоминала о каких-то мелочах, пустяках. Как известно, именно пустяки сближают людей. Через некоторое время — то ли от Таниной доброты, то ли от горячего супа, — у Юли внутри потеплело. Проснулись другие чувства, будто поднялись с самого дна: стало совестно, что именно сегодня не может она поддержать разговор должным образом.

— Таня, ты меня прости, я сегодня не очень хорошая собеседница и совсем непорядочная гостья.

— Самое глупое, Юленька, это начать как-то передо мною оправдываться. Я же не зверь какой-то, не нелюдь — все понимаю. Ты расслабься, сейчас чайку с тобой попьем, на диванчике поваляемся, Денискины фотографии детские посмотрим. — На словах про фото Таня так злорадно улыбнулась, что Юля тоже расплылась в ответной улыбке. Зато Денис, подняв взгляд на сестру, не выразил по этому поводу особой радости.

— Убил меня взглядом, убил, — Таня похлопала его по плечу.

— Танюш, давай в следующий раз. Боюсь, сегодня я не смогу оценить всей прелести этого момента, — сказала Юля, в первый раз выдав нечто ироничное. — Но на чай я согласна и на диване поваляться тоже. Просмотр семейных фото отложим. Денис, можешь вздохнуть свободно.

Денис и вздохнул. Юлька шутит — уже хорошо. Хотя глаза ее еще темнели от горя. Это и понятно — такой шок.

Чай унесли в гостиную, Денис включил телевизор и растянулся в кресле. Таня бросила на разложенный диван несколько маленьких подушек.

— А ты чего напрягаешься? — спросила у него, когда Юля на минутку вышла из комнаты, вспомнив, что не позвонила матери.

— Я не напрягаюсь.

— Да?

— Да. Я просто устал, спина болит.

— Давай, я тебе плечи помассирую, снимай рубашку.

Сделал это с удовольствием, Таня приложилась к его плечам с не меньшим. Денис расслабился и позволил сестре от души промять себе плечи. От приятных ощущений по рукам пробежали мурашки. Когда в гостиную вернулась Юля, Денис поймал ее взгляд. Совсем не ледяной, как раньше. Тут же вспомнил, что между ними произошло, когда она в последний раз увидела его в таком виде. Верно, и Юля припомнила их ласки — ее щеки зарумянились.

Сомнительно, конечно, что за такое короткое время ей удалось преодолеть свои внутренние переживания, но, определенно, общение с Таней пошло на пользу. Одно то, что кожа Юлькина теперь сверкала загаром, а не отдавала смертельной бледностью, бесконечно радовало. Все остальное потом, главное, сейчас девочка отвлеклась, перестала думать о похоронах, о смерти и безысходности. Должно быть, перестала, иначе откуда взялась улыбка на ее лице, несмелой еще, легко ускользающей. За одну такую улыбку, Денис готов был

прожить этот кошмарный день заново. Еще раз. И еще.

— А ничего вы, дамочка, не обнаглели которую по счету конфету есть? — уязвил сестру, после того как она перестала практиковать на нем навыки массажистки и взялась за чашку с чаем. Впрочем, не только за чашку. И за шоколадную конфету тоже.

— Иногда можно, — отмахнулась она.

— Да? — сделал удивленно-возмущенное лицо. — Вот как оказывается... А когда я прошлый раз притащил тебе шоколадку, ты развыступалась, что я, идиот такой, совсем не забочусь о твоём здоровье. Шоколад же такой сильный аллерген!.. Как все стремительно меняется...

— Знала, что именно это ты и скажешь. Мог бы промолчать, не волновать сестру. Мне это противопоказано.

— Зато тебе просто рекомендовано волновать других. Мне же надо как-то реанимировать свои надорванные нервы.

— Реанимировал?

— Слегка.

— Ну вот и славненько, — состроила гримасу и демонстративно взяла еще одну конфету.

— А вы уже знаете, кого ждете? — спросила Юля, прерывая беззлобную перепалку.

— Нет, будет сюрприз, — невольно улыбнувшись, Таня приложила ладонь к животу.

— Конечно, у нас вариантов-то масса!.. — снова поддел сестру Денис.

— Я смотрю у вас такие добрые отношения, — засмеялась Юля.

— А кто его еще воспитывать будет, кроме меня? Видишь, какой умный и рассудительный стал, а давно ли стихи, стоя на табуреточке, рассказывал.

— Правда рассказывал? — С трудом могла Юлька представить маленького Дениса, декларирующего детские стишки.

— Угу, только за конфеты. Да выбирал так тщательно. На любую не соглашался.

— Конечно, — кивнул Денис. — От меня карамелькой не отделаешься.

Юля засмеялась. Но не свободно, как обычно, а резковато, будто выдавливая из себя смешок. Видно, никак не могла отпустить напряжение. Оно и немудрено, слишком сильно было ее потрясение.

— Вы приезжайте почаще ко мне в гости, я тебе, Юль, столько секретов про него расскажу.

— Ох, Танюш, это все сложно очень, — вздохнула Юля и тут же подумала, что зря это сказала. Нужно было просто улыбнуться и пообещать, что так оно и будет. Но сегодня с нее будто защитную мембрану сняли, и теперь слова и чувства транслировались без фильтра, лились без отбора. И у самой никакой внутренней защиты, куда уж там о ком-то другом думать. Зря начала. Смутилась от собственной глупости, но Танины глаза уже загорелись любопытством.

— Почему?

Юля посмотрела на Дениса, но он молчал. По виду, вступать в разговор не собирался. Пришлось ставить «точку» в этом не совсем уместном диалоге самостоятельно, без его поддержки.

— О наших... эммм... о нашем общении с Денисом никто не знает. Сегодня все вышло случайно, но, думаю, такого больше не повторится. В ближайшее время точно. Вот так...

— Опасный мом-е-ент. Гол, — сказал Денис голосом комментатора, только без пылкой

радости, и Таня посмотрела на него уничтожающим взглядом. Затем якобы понимающе кивнула Юле:

— Понятно. А если кто-то узнает?

— Ничего хорошего не будет.

— М-да, — только и сказала Таня и снова одарила брата долгим взглядом.

Возникло неловкое молчание, и Денис, дабы не подарить сестре возможность выяснить все подробности его отношений с Юлей, поднялся с кресла. Накинул на плечи рубашку, цитируя известного мультипликационного персонажа:

— А что подумал Кролик, никто не узнал, потому что он был очень воспитанный. Погостили, пора и честь знать.

— Вот такие у нас приключения, — улыбнулась Юля, пытаясь закрыть тему. Не хотелось после своего присутствия оставлять на душе Тани неприятный осадок. Так уж вышло, но подливать масла в огонь, разжигая тревожность той, которая в тяжелую для Юли минуту, проявила заботу и внимание, непростительно.

— А, может, останетесь у меня? Я же все равно одна, — с надеждой спросила Таня, провожая гостей до двери.

Юлька, закидывая сумку на плечо, промолчала. От ее собственного мнения в этой ситуации ничего не зависело. Да и, если быть до конца откровенной, не хотелось оставаться у Тани, доставляя той лишнее беспокойство.

— Нет, — непреклонно ответил Денис.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты спала спокойно.

— Ладно. Звони.

Жара на улице немного спала, подул прохладный ветерок. Только самочувствие от этого совсем не улучшилось. Как только покинули Танину квартиру, противная горечь потери снова заволокла рот, вызывая тошноту. И Денис, как назло, не стал курить, а сразу сел за руль и завел машину, лишая Юлю возможности продохнуть. И доехали быстро: к вечеру магистрали опустели.

— Эй! Сова, открывай! Медведь пришёл, — пошутила Юля под скрежет замка. Вернее, попыталась пошутить, чтобы всколыхнуть свои замороженные чувства.

— Заходи, Винни-Пух, — сказал Денис, распахивая входную дверь.

Юлька смело шагнула за порог, всей душой желая ощутить волнение, трепет, смущение, в конце концов. Хоть что-нибудь! Что-то взрывное, будоражащее дух! Но внутри царило какое-то странное оцепенение. По-другому и не назовешь. Оцепенение и заторможенность реакций до холода в пальцах.

— Я устала, — сразу сказала, опускаясь на пуф в прихожей, — как будто пробежала десять километров. И хочу в душ.

— Иди, потом я. Ванную сама найдешь или тебе дорогу показать?

— Хотя с ориентированием на местности у меня большие проблемы, надеюсь, обойдусь без карты. Не надо мне экскурсию устраивать.

— Не потеряешься, думаю. Я переоденусь. Если что нужно, говори.

— Разберусь, — вздохнула.

Денис застыл на ней взглядом. Долго смотрел и не отходил.

— Иди, — шепнула она, и он исчез в одной из комнат, наверное, спальне.

Не взволновало хлопанье дверцы шкафа, не возникло желания заглянуть к нему и полюбоваться его сильным телом. С большим трудом Юля поднялась. Ноги будто в кандалы заковали. Ванную комнату нашла без проблем, карта, действительно, не понадобилась.

Долго стояла под душем, пытаюсь поплакать. Почему-то не получилось. С трудом выдавила из себя пару слезинок. Хотелось освободиться от всего, что разрывало сердце, но даже поплакать не выходило. Думала, что после того, как смоем усталость водой, полегчает, но стало еще хуже. Даже Денис не спасал от темноты. Прошла в гостиную, где он смотрел телевизор. Усевшись на диван, освободила волосы от полотенца. После горячего душа воздух в квартире показался прохладным и возникло желание укутаться во что-нибудь теплое. В сумке лежала тонкая трикотажная пижама, конечно, не самая теплая одежда, но пижамные штаны длиннее, чем шорты. А вот, надев другую майку, мало что получится выиграть. Только лишь сменить белый цвет на голубой. Подумав, Юля сходила в ванную, переделалась и снова забила в самый угол дивана, поджав ноги.

— Замерзла? — спросил Денис, увидев у нее на плечах мокрое полотенце. Разве можн им согреться?

— Да.

— Может, поревешь? — Принес ей теплый свитер и присел рядом, глядя, как она дрожащими руками натянула на себя кофту. Ей как раз почти до колен.

— Не получается, — призналась. — Я пробовала.

Шаурин сплел пальцы и задумался, уставившись в телевизор.

— Ладно, — сказал со вздохом, — я в душ, ты посиди пока. Я скоро.

— Куда ж я денусь...

Он вышел из комнаты, Юля проводила его взглядом. В другое бы время обшарила всю квартиру, заглянула в каждый уголок. Всегда было интересно, как он живет, какая у него мебель, что любит. Квартира — это отражение хозяина. И сам он в голубых джинсах и серой майке выглядел сейчас очень близким и домашним. Радостью бы гореть, оттого что впереди у них целая ночь. Что можно наконец-то не бояться посторонних взглядов. Но в душе царило холодное равнодушие и нежелание шевелиться.

— Кофе хочешь? — вернувшись, снова сделал попытку заговорить, вытащить Юльку из раковины, в которую она уходила все глубже. По его крепкой шее стекала капелька воды, Денис стер ее ладонью.

— Да, — не очень хотела, но согласилась. Наверное, чтобы занять себя чем-то и отвлечься. Как-то только покинула Танину квартиру, снова одолело напряжение. Будто и не было приятного разговора. Словно до этого она не почувствовала небольшого облегчения. Таня отвлекала некоторое время, действуя раздражающим фактором, но как только исчезла из виду, все вернулось на круги своя.

На кухне Юля побежала глазами по темной мебели, а потом долго рассматривала фотообои с изображением Мерлин Монро. Рассмеявшись села за стол в ожидании обещанного кофе.

— Ничего так у тебя подружка, — усмехнулась, все еще блуждая взглядом по стене.

— Машка-то? Да прелесть просто, такая сговорчивая. Я фанатею от нее.

— Я поняла. Мне интересно, как это тебе только в голову пришло?

— Не спрашивай лучше.

Комнату заполнил аромат кофе, Юлька глубоко вздохнула, и когда он коснулся легких, внутри стало теплее.

— Что ты мне туда налил? — спросила, когда Денис поставил перед ней белую кружку. Видела, что из большого глобуса, который оказался вовсе не глобусом, он доставал какую-то бутылку, а потом плеснул ей в кофе столовую ложку темной жидкости.

— Успокоительное.

— Я его, знаешь, сколько уже выпила? — усмехнулась она.

— Ты пила неправильное успокоительное.

— А себе?

— А я не волнуюсь.

Он не волновался. Просто не знал, что с ней делать, с Юлькой. Наверное, в том-то и была проблема, что не мог он почувствовать всю глубину ее боли. Мог бы, тогда, может быть, нашел слова, поговорил и как-то успокоил. А так, оставалось только наблюдать за ее мучениями.

Попробовав кофе, Юля ничего особенного не почувствовала. Разве что, немного больше горечи. Но это не беда. Горечи сейчас в ее жизни хватает. Ложкой больше, ложкой меньше.

— Накрылось мое сочинение, — задумчиво сказала после того, как отпила половину кружки. Молчать надоело.

— Какое сочинение?

— Каждый учебный год начинается с сочинения «Как я провел лето». Я никогда не писала ни о лазурных берегах с белым песком, ни об огнях Эйфелевой башни. Всегда о том, как я провела лето у бабушки в деревне. Мои сочинения — самые настоящие. Потому что в них ни капли правды, я все сочиняла, придумывала. Как я брожу по лесу, собираю ягоды или грибы. Как слушаю пение птиц, кормлю белок. Катаюсь на велосипеде, одна бесстрашно уезжаю далеко-далеко к желтым подсолнуховым полям. У меня этого никогда не было, — коротко вздохнула, — по понятным причинам. Но у меня офигенная фантазия, такая, что на последнем предложении я сама себе была готова поверить. А теперь вот придется писать про Кипр. Расскажи мне что-нибудь, — подняла сухо блестящие глаза.

— Что, например?

Денис не сел на стул, стоял опираясь бедром о столешницу с кружкой в руке.

— Не знаю. Скажи мне что-нибудь хорошее.

Тяжелый вздох заставил Юлю улыбнуться. Она выжидающе глядела на Дениса, не отпуская с лица заинтересованности.

— Подожди, — глотнул кофе, — я не могу тебе прям вот так с ходу насочинять.

— Жду, — она кивнула и тоже поднесла кружку к губам.

— Я помню, как ты танцевала вальс у нас на парадной линейке. — Поставил свою на стол. Звонко это прозвучало и решительно.

— Да? — Юля улыбнулась. Широко и открыто. Впервые вот так за последнее время.

— Да.

— Я тоже этот день хорошо помню. Мне в туфельку попал камешек. Маленький. Но после этого вальса я с трудом могла наступить на левую ногу.

— Пошли. — Денис стремительно шагнул вперед и схватил ее за руку.

— Куда?

— Научишь меня танцевать вальс.

— Ты с ума сошел, какой вальс после похорон? — попыталась вырвать ладонь из его крепкой хватки. Другой вцепилась в стол, чтобы не дать ему поднять себя со стула. Ненормальный! Смеется он, что ли!

— Я же не предлагаю тебе врубить музыку на всю катушку и прыгать до потолка. Пошли. Без музыки. На счет.

— Денис, что за глупости?.. — Но слова шелестели уже нерешительно.

Он насильно вытянул ее из-за стола — не сказать, что позволила Юля это без сопротивлений, но противостоять ему Шаурину трудно, — почти волоком притащил в гостиную и остановился посреди комнаты. Благо, она, комната, таких размеров, что в ней легко можно устроить соревнования по танцам.

Юлька стояла внешне бесстрастно, как истукан, но внутри чувствовала дрожание. Денис не отпускал. Они стояли так некоторое время. Затем, собрав свою решительность в кулак, Юля медленно и глубоко вздохнула. Без музыки ведь, без света... Только туманно-голубоватое свечение экрана телевизора заливало комнату. Можно попробовать.

— Подожди. — Сжала его плечи и приподняла подбородок. — Распрямись. И напрягись. Иначе мы не сможем друг друга чувствовать.

— Ну да, чтобы знать, куда меня повело. Или тебя. Тогда я не увижу твое лицо.

— Тебе его не надо видеть. Правую руку, — вложила в нее свою ладонь, — чуть выше. Фиксируем плечо, запястье, локоть... Левую мне на талию. Выше, почти под лопатку... Да, — одобрила, когда почувствовала, что его рука на месте. — Проговариваю твою партию. Левая нога вперед. Правую в сторону. Левую приставил...

— Ничего не понятно. Покажи сама.

— Давай. — Юля оторвалась от него, отступила и медленно исполнила танцевальную фигуру.

— Это твоя или моя?

— Это твоя. Твоя с левой ноги, моя с правой.

— Еще раз покажи.

— Хорошо, дубль два, — усмехнулась она.

После этого девушка снова встала в позицию и начала медленно двигаться, увлекая Дениса за собой. Сначала скованно переступала с ноги на ногу, но постепенно расслаблялась все больше и больше. Потом ей понравилось: Денис перехватил инициативу. Конечно, ни о какой отточенности движений и мягкой скользящей технике говорить не приходилось, но это совсем неважно. Реальность уплыла, счет времени потерялся.

— У тебя получается. Ты способный.

— А тут делать нечего. Раз-два-три, раз-два-три... Я не танцор, я спортсмен. По жизни есть три категории мужчин: алкоголики, танцоры и спортсмены.

Юлька рассмеялась. Отчего-то стало так смешно, что для того чтобы собраться и продолжить, пришлось остановиться на пару секунд. Закусывая губу, она хлопнула его по плечу и набрала полные легкие воздуха.

— Ты как будто петь собираешься, а не танцевать, — услышав, как шумно она вздохнула, иронично заметил Денис, снова вызывая у нее приступ смеха.

Так и до истерики недалеко. Юля снова вздохнула.

— Фух, поехали. Мне уже понравилось. Нет, подожди. — Освободилась от захвата его рук. Стало жарко. Кожа горела огнем, между лопаток уже чувствовалась испарина. — Стой здесь.

— Стою.

Сняла кофту и бросила ее на диван. Не сильно заботясь об идеальности прически, собрала еще влажные волосы в хвост и вернулась к своему новоиспеченному партнеру по

танцам. Кто бы мог подумать!

— Ты меня убил сегодня. Никогда не связала бы вместе тебя и вальс.

— Но тебе же понравилось. — Обняв ее за талию, приподнял над полом, так что дыхание стало интимно обжигать ее губы.

— Логичнее было бы, на твоём месте, напоить меня до беспамятства. Ложка в кофе не считается. Кстати, что это было? Коньяк?

— Коньяк. Крошка моя, если для того, чтобы собрать тебя по кускам мне придется танцевать, я станцую.

Под тихий гул телевизора и дрожащий мерцающий свет его фраза позвучала оглушающее. Громко в своей твердости. Очень больно в жизненной правдивости. Юлька уткнулась Денису в шею. Все. Теперь точно истерика со слезами и соплями, которую невозможно подавить никакими силами. Теперь только рыдать до полного изнеможения и опустошения. С трудом смогла бы объяснить, почему сорвалась именно сейчас. Так получилось, что тихая убежденность в его словах снесла все замки и заслонки, заставив захлебываться в слезах. Не столовая ложка коньяка же виновата...

Он привык наперед угадывать ее движения — взмах руки, поворот головы, — но никак не мог предугадать, что после его слов она разрыдается до звона в ушах. Отвлеклась же, начала смеяться и шутить, разговаривать, а не выдавать односложные ответы, и тут этот плач навзрыд. Внезапный. Убивающий плач.

Немного растерялся, но подтянул ее выше, прижал сильнее. Она крепко обхватила его за плечи, обвила ногами, вцепилась, как будто боялась, что отпустит. А он и не собирался.

Опустился вместе с ней на диван. Прижал ее еще крепче и набрался терпения, чтобы переждать, пока она выплеснет все, что накопилось и мучило. А терпение было совсем на исходе, потому что, несмотря на трагичность момента, в Шаурине уже давно бродили совершенно другие желания. Потребности физические, которые не отрубить по щелчку пальцев: обнимать ее, целовать с жадностью... Целый месяц ее не видел... Понимал, почему она не спешила и сторонилась, но где-то внутри чувствовал еле тлеющую злость, заглушить которую до конца не удавалось.

Постепенно Юля успокоилась, только плечи время от времени вздрагивали. Но стало несравненно легче: темнота уже не давила, слова и вздохи не рассекали тишину колко и больно. Воздух стал тягучим и вязким, теплым до испарины на шее. Майка прилипла к телу. Там, где касались руки Дениса кожа горела огнем. Можно расплавиться и оплыть, как свечка.

Оттолкнулась от него и вытерла мокрое лицо, задержала дыхание, подавляя икоту.

— Успокоилась?

— Вроде, да.

Попытался ее поцеловать, но она увернулась. Неуверенно и несмело, но все-таки едва скользнув по губам уткнулась носом в его щеку. Странное чувство не давало насладиться близостью, будто получая удовольствие, она грех совершает. Оскверняет память бабушки. В том то и дело: слишком сильное это было удовольствие, что про все забывала. А нельзя...

— Юля!.. — резко сказал Денис, и она вздрогнула.

Меньше всего на свете хотелось, чтобы он заводил сейчас этот разговор.

— Пойду воды попью.

Зря она надеялась, что он останется ждать ее на диване. Его шаги за спиной звучали весьма угрожающе, заставляя бежать на кухню почти вприпрыжку.

— Ты боишься, что ли? — подпер плечом дверной косяк.

— Нет, я не боюсь.

Не хотела пить, но теперь, чтобы как-то оправдать свой побег, пришлось давиться водой. Домучила почти полстакана.

— Тогда в чем дело?

— Не время. Наверное...

— Думаешь, если тебе будет приятно, ты нарушишь траур и предашь память покойной? Считаешь, что ты должна теперь месяц, а то и год, беспрестанно слезами уливаться, отказывая себе в удовольствиях?

— Не знаю.

— Глупости. В том, что ты перестанешь убиваться раньше других и начнешь радоваться жизни, нет ничего плохого. Да и Анна Анатольевна, наверное, была бы рада этому, а совсем не тому, что ты загнешься от депрессии и попадешь в дурку.

— Вроде, и нет ничего плохого, ты прав, но на душе все равно противно.

— Ты же мечтала, чтобы я помер от тоски. Я почти помер.

— Это шантаж.

— Естественно. Иди сюда. Иди ко мне. Хочу поцеловать и утешить мою девочку. Будем аккуратно блюсти твой траур, никаких запрещенных приемов.

Как можно этому противостоять? Юля немного помедлила, но, когда Денис приблизился, бросилась к нему и обняла. Обхватила плечи, обвила ногами.

— Кошмар, как я соскучилась, — тихо и нерешительно, но она сказала эти слова. И правда, ничего же нет плохого в этом. Когда любимый рядом и можно утешиться в его руках, разве может быть в этом грех? В крепких теплых руках, сильных и надежных... Не грех же, если бы мама обнимала...

— Это надо проверить.

— Я у тебя дома, почти в твоей кровати. Где моя романтика?

— Не наглей, Красота, я весь вечер романтичу.

Губы у нее были соленые...

ГЛАВА 35

Весьма самонадеянно оказалось думать, что для того, чтобы при случае озвереть от ревности, нужно обязательно переспать с Юлькой. Совсем нет. Достаточно было провести с ней ночь в одной постели, а наутро сделать для нее чай с лимоном и завернуть в одеяло, как обещал когда-то.

Странно провести такую целомудренную ночь, сгорать от желания, но не трогать. Проснуться и ощутить теплое сонное дыхание у себя на щеке, почувствовать на себе ее руки. Странно прижиматься к стройному телу, но не сметь насладиться им. Не раздражаться от жаркой испарины между телами и щекотания мягкого шелка волос... странно.

Никто и никогда еще не попадал в постель Шаурина, чтобы просто поспать. И никакая другая ночь не сковывала его разум одной картинкой, рисуя новую жизнь, как с чистого листа. Ничего не оставлял Денис в своей памяти, предпочитая молчать, там, где можно промолчать, и не смотреть, если можно отвернуться. Но прекрасно помнил, какая Юлька на ощупь, как пахнут ее кожа и волосы, какой у нее нежный бархатный живот. Попробовать бы кончиками пальцев. Языком, в самом низу... Чтобы горячо стало и воздух затрещал. Чтобы

тело ее дугой выгнулось и вздохнуть не могла от удовольствия...

— Тебе лучше отложить нож. И вилку тоже. Хотелось бы обойтись сегодня без жертв,
— сказала Юля.

Денис опустил столовые приборы на тарелку, отрываясь и от еды, и от своих мыслей.

— Какая заботливость. А я думал тебе некогда за мной присматривать.

— Чтобы понять, что ты вне себя, мне даже смотреть на тебя на надо, — тихо продолжила она, сопровождая слова мягкой, едва заметной усмешкой. — Но это хорошо — с твоим появлением толпа претендующих на мое внимание заметно рассеялась. Мне тут в роли развлекалочка быть совсем не хочется. Я бы с удовольствием сидела сейчас перед телевизором и ела овсяную кашку.

— Я прям успокоился после твоих слов. Заметила, да? — ухмыльнулся он.

— М-да, дело дрянь, — хмыкнула Юля.

— Однозначно, — подтвердил Денис.

Обменявшись репликами, они ненадолго замолчали. Юля посмотрела на родителей.

— Мама пытается высказать папе какое-то возмущение.

— Почему? — Денис проследил за взглядом Юли: Сергей Владимирович и Наталья медленно танцевали. Он что-то говорил, лицо его было непроницаемо, губы женщины изогнуты в полуулыбке. Все безмятежно и спокойно на первый взгляд.

— Потому что мама танцует с отцом только когда ей требуется высказаться. Замечено мною не раз.

— Тебе лучше знать.

Музыка сменилась, и родители вернулись за столик.

— Шаурин, хорош водку пить, иди потанцуй.

Денис как раз только и успел поднести рюмку ко рту, но замер, замерев взглядом на жене Монахова. Она с царственным видом взялась за бокал с красным вином и окинула его пронзительным взглядом. В глазах ее что-то радужно сверкнуло. Наверное, отразился блеск бриллианта в кольце у нее на пальце. Эта женщина ему, определенно, стала нравиться. Между ними установилось какое-то молчаливое взаимопонимание. Не мог точно сказать, с какого времени это произошло, если раньше он иногда чувствовал в ее присутствии напряжение, то сейчас нет.

И все же... Вообще-то, эта была бы первая рюмка за весь вечер! Она уже долго стояла перед ним нетронутой. Не спешил пить, потому что не знал, чем закончится сегодняшней день. Привык уже, что Монахова иногда заносило, и он давал задания, которые требовали трезвого ума и не менее трезвого расчета.

— Юля, — теперь обратилась уже к дочери Наталья и махнула рукой.

Монахов раздраженно вздохнул и посмотрел сначала на жену, потом на Дениса. Так и не выпив, Шаурин поставил рюмку на стол. Юля поднялась, не дав ему возможности отказаться. Стопроцентно, отмазался бы, а ей очень хотелось с ним потанцевать. Надоели эти сынки магнатов. Поперек горла уже встали со своими разговорами.

Почему-то с недавних пор отец стал и ее брать на подобные сборища. Сегодня праздновали открытие нового автосалона одного из друзей отца. Тусовка проходила на высшем уровне, весь ресторан в их распоряжении. Здесь не было случайных лишних людей — только избранные. Теперь приходилось соответствовать. Одеваться по поводу, разговаривать с принуждением, общаться со всеми, поддерживая авторитет отца.

— Ты собираешься оставить мой вопрос без ответа? — спросила Наталья, когда Юля с

Денисом ушли.

— Я не понимаю, какой тебе нужен ответ. Суть твоих претензий, Наташа. Яснее.

— Ты неправильно меня понял. Я сказала, что девочке нужно общение и друзья, что не надо запираить ее в четырех стенах и держать в черном теле, с маниакальной страстью следя за каждым ее шагом. Слава богу, у тебя умная воспитанная дочь. Юля взрослая, ей уже трудно навязывать свои желания, а дальше будет совсем невозможно. Но я совсем не имела ввиду, что стоит таскать ее с собой на подобные мероприятия. Она не кукла, не игрушка. Я подразумевала, что надо дать ей немного свободы, чтобы она могла выбирать себе друзей и увлечения, а не выставлять ее на аукцион.

— Наташа, я разве против? Все правильно. В следующем году она закончит школу, и у нее начнется совсем другая жизнь. Пожалуйста, самое время начинать, пусть выбирает себе друзей и увлечения. Не стоит передергивать.

— Выбирать? Из этого?.. — Наталья обвела собравшееся общество беглым взглядом. Случайно выделила из толпы танцующих Дениса и Юлю. Чуть улыбнулась, но подавила улыбку.

— Почему нет?

— Ты только мне дочь не впутывай в свои дела. Не смей ее использовать, — говорила вынужденно тихо, но от этого эмоций в ее голосе не убавилось.

Монахов глотнул коньяка, оставив последнюю фразу жены без комментариев. Наталья снова отыскала глазами дочь. Это было легко сделать. Юля очень привлекала внимание. Красивые девушки всегда привлекают внимание. А ее девочка сегодня светилась очарованием. Легкое кремовое платье струилось по телу; тонкую талию перетягивала шелковая лента; такая же держала тяжелые волосы в хвосте.

Поймав задумчивый взгляд матери, Юля улыбнулась ей и сказала Денису:

— Не все мама, видимо, сказала.

— Назревает семейный скандал?

— Это вряд ли, — покачала головой. — Чтобы маму довести до скандала надо постараться. Удивляюсь и восхищаюсь ее терпением. Папа у нас тиран.

— И не тиран он вовсе. — Денис услышал ее глубокий вздох. Судя по всему, вздох несогласия. — Давай вальс 1., — внезапно сказал он и сжал крепче ее ладонь. Даже чуть приподнял руку, и Юля четко ощутила, как напряглись его плечи. Еще секунда и он шагнет, исполняя фигуру.

— С ума сошел? — прошептала она шокировано. — Вечно ты для вальса самое неподходящее время выбираешь.

— Давай, — продолжил подтрунивать он, сохраняя невозмутимость на лице. — Повеселим высшее общество. А то смотри, какие все скучные. Сидят, водку пьют и никакого веселья, — говорил он так тихо, что, для того чтобы разобрать смысл слов, доносящихся сквозь музыку, приходилось прислушиваться.

— Прекрати. Или это тебя так мои танцы завели?

— Да с чего это вдруг? — пренебрежительно выдал он, но Юля успокоилась, почувствовав, как он расслабился.

— Вот и я думаю, с чего там заводиться. — Невольно хотелось прижаться к Денису крепче, но она контролировала себя, сохраняя приличную дистанцию. Забавно было при таких чувствах играть полное равнодушие и в голосе, и в движениях: — Вот этот последний. Степа. Фу, имя-то какое противное. Учится в мединституте на патологоанатома. Вообще не

пойму, какого черта он туда поперся. У его папы мясокомбинат. Знаешь, как я с этим персонажем весело пообщалась? Я теперь знаю кое-что о технике вскрытия трупа и много всяких других подробностей.

— Ого. Какое рвение. Готов отдать ему должное, он очень старался тебя очаровать.

— Да, пригласил на свидание. — Улыбнулась едва заметно, завидев реакцию Шаурина. Хотя тут и видеть на надо, достаточно скрип зубов услышать. — Я сказала, что подумаю.

— Правильно. Подумай, — вкрадчиво и тихо сказал он, на долю секунды пригнувшись к ее лицу, — только очень хорошо подумай.

— А ты тоже тиран, — усмехнулась она.

— Тебе показалось.

— Но я тебя все равно люблю, — нежно прошептала. — С каждым днем все сильнее. С каждым часом, с каждым поцелуем.

— Юля!.. — попытался ее остановить. Милое признание плавно перетекло в провокацию. А мягкий тон ласкал не только слух, но и, казалось, под одежду забирался. Так что кожа мурашками покрывалась, и в голове сразу всякие ненужные фантазии возникали. Совсем ненужные, если учесть, где они с Юлей сейчас находились. Тело-то не могло не реагировать.

— Песня какая-то бесконечная... — проговорила Юля, будто послушавшись и сменив тему. — Я вот думаю: нам стоит вернуться или можно дальше танцевать, раз музыка не кончается? Давай потанцуем, а то я так соскучилась, что готова укусить тебя.

— Укушу тебя я, если ты не прекратишь провоцировать меня. У тебя сегодня болтливость зашкаливает, — не совсем добрым тоном сказал Денис, но Юля улыбнулась.

— Разве тебе не приятно? Мне кажется, ты должен радоваться, что я так пылко и от души признаюсь в своих чувствах.

— Обязательно делать это здесь и сейчас?

— А где и когда? Не помню, когда мы виделись последний раз.

— Я занят.

— Ничего не имею против, ты же знаешь.

— Это хорошо.

— Но должны же мы как-то выражать свои эмоции.

— Довыражаешься сейчас. Пойдем. Я тебе потом покажу один очень хороший способ выражения эмоций. Гарантирую, тебе понравится.

Пришлось снова нацепить равнодушно-отстраненную маску, которую уже привыкла носить на людях, и они, аккуратно передвигаясь между танцующими парами, вернулись к столу. Юля тут же сделала несколько глотков сока.

— Денис, отвези Юлю домой. Если только она захочет.

Девушка осторожно поставила бокал, чтобы на радостях не расплескать вишневый сок по белой скатерти, и равнодушно пожала плечами.

— Я не против. Устала уже развлекаться.

И как только сдержалась, чтобы не расплыться в счастливой улыбке. Только лимон и помог. Стянула с тарелочки тонкий ломтик и сунула в рот, немного поморщившись от кислоты. Денис, как обычно, себя и вздохом не выдал. Кстати, Юля тоже научилась собой владеть: перестала краснеть от каждого его взгляда, спокойно смотрела в лицо, бесстрастно разговаривала, умудрялась держаться всегда на нейтральном тоне, поняв для себя, что общение нормальное, ровное, лучше скроет их отношения, чем если они будут шарахаться

друг от друга как прокаженные. Вот если отец заметит ее неприязнь или антипатию, точно попытается выяснить причину, а так, что тут выяснять. Логично, что дочь должна хорошо относиться к человеку, который часто бывает у них дома.

— Пойдем, дорогая, я провожу тебя, — Наталья встала и взяла дочь под руку.

Денис вышел на улицу. Юля забрала из гардероба верхнюю одежду. Мама чмокнула дочь в щеку, задержавшись у двери.

— Пока, детка, мы еще задержимся.

— Пока, мамуль, я уже спать лягу, пока вы вернетесь.

Не стала накидывать плащ на плечи, а перекинув его через руку, вышла из ресторана. Всего-то и нужно добежать до машины. Сентябрь радовал прекрасной погодой. Ночь стояла теплая безветренная.

Даже не удивило, что Денис поехал другой дорогой и остановил машину у парка.

— Ну что, — заглушив мотор, он повернулся и с улыбкой посмотрел на Юлю, — рассказывай, что ты там желала мне сообщить. У нас есть, — посмотрел на часы на приборной панели, — минут двадцать.

Юлька, развернувшись, забросила плащ на заднее сиденье.

— Я что, совсем больная, целых двадцать минут тратить на пустую болтовню. — Скользнула рукой вниз по ноге и скинула туфли. Подтянув подол платья немного вверх, перелезла к Денису на колени, усевшись на него сверху.

— Весьма неожиданно и охренеть, как приятно. Принцесса, а ты не боишься помять свое бальное платье? — Обнял ее за талию.

— Да куда уж там. Главное, что моя карета после двенадцати часов не превратится в тыкву, а принц в мышонка.

— Это не из этой сказки.

— Да все сказки одинаковы.

— Не скажи-и-и...

— По-моему, это у тебя болтливость зашкаливает. Тебе не жарко? Сними пиджак. Я помассирую тебе плечи.

— Отрываешься, да? Зря тебе шампанского налили. А про пиджак — не стоит, а то дел натворим. Я же не железный.

Они еще не поцеловались, но, кажется, температура в салоне подскочила на несколько градусов.

— На «дела» даже не рассчитывай. Я тебя соблазнить вообще не собираюсь, секс только после восемнадцати. Только приятно немножко сделаю.

— Так, может, ты тогда уже закроешь рот? Мне будет ой как приятно. — Прошелся ладонями вверх по ее спине, чуть надавил на обнаженные плечи.

— Давай, милый, сними пиджак. Тебе же жарко, я знаю, — проговорила вполголоса, призывно улыбаясь.

— Ты мне все нервы уже вымотала, — проворчал Денис и, с трудом изворачиваясь, стянул с плеч черный пиджак, оставшись в белой рубашке.

Юля погладила его грудь, сжала плечи. С таким томным вздохом наслаждения, что его губы изогнулись в улыбке.

— Я знаю, знаю, но тебе придется с этим смириться. — Обожгла губы дыханием. Дразняще приникла к ним, сначала легко, почти невесомо. Потом глубже и глубже. Раскрывая и касаясь языка.

Сегодня она целовала. Она вела. Держала в ладонях лицо. Играла его нервами и выдержкой. Мастерски, хорошо играла. Умело. Не собиралась соблазнить?.. Да уж, конечно!.. Сидя на нем сверху этого сделать практически невозможно... Кому рассказывает? Тут осталось-то всего ничего: задрать на ней платье и распустить свой ремень... И до греха недалеко.

Держался еле-еле, с трудом контролировал свои руки. Они уже стянули с ее плеч бретельки платья. Говорил себе: не расстегивать, не трогать, не прикасаться. А все равно вжикнул молнией на платье. Не виноват, что она сзади, молния. Надо было другое платье надевать. Не хотел, чтобы их первый раз произошел в машине. Только это и останавливало. И платье до конца не снял, позволил плотному лифу чуть соскользнуть вниз, обнажая грудь. Прижал Юльку к себе, стиснув до хруста. Кожа нежная. Нежная. Горячая под руками. Зовущая, кричащая. Для ласк и поцелуев. Для него... Нашел губами бьющуюся на шее жилку. Сколько у них там осталось минут? Теперь только ее бешеный пульс под губами отсчитывал минуты, секунды. Тук-тук...

Юля попыталась пошевелиться.

— Сиди ты! — Замер. Застыл. Перестал различать дыхание. Свое, ее. Звуки. Все пропало. В ушах бурлила кровь. Оглушающее билось сердце.

Через минуту, когда разомкнуло, когда прошло помешательство и реальность проступила ее сбившимся дыханием, волнующим запахом и горячими ладонями на его плечах, чуть отпустил.

— Я тебя накажу. Я тебя точно накажу.

Ничего не сказала в ответ, не смогла бы выдавить из себя хоть звук. Поправила рассыпавшиеся по плечам волосы. Лента с них соскользнула. Обвела пальцем его губы. Даже когда голос вернулся, ничего не сказала. Пребывала в уверенности, что сейчас ей лучше промолчать. Поцеловала, легко коснувшись языком нижней губы. Перелезла на свое сиденье и поправила на себе одежду. Глубоко втянула воздух в легкие, чтобы как-то успокоиться и усмирить дыхание, разрывающее грудь, и кровь, несущуюся по венам с такой скоростью, что голова кружилась.

Денис захватил сигареты и вышел из машины. Ох, как зол! Как он был зол! Не на Юльку. Конечно, не на нее. На ситуацию, на эти гребаные обстоятельства, которые не позволяли им поддаться своим желаниям и просто получить удовольствие. От этих пятнадцати-двадцатиминутных встреч уже крыша ехала. Но отказаться от них невозможно. Это уже от него не зависело. Как только видел ее, поневоле начинал придумывать, в какой бы темный угол ее утащить, чтобы поцелуй сорвать и прижать к себе хоть на минуту. А сегодня она своей болтовней его чуть с ума не свела.

Посмотрел на зажатую между пальцев сигарету и понял, что несколько минут уже стоит просто вдыхая воздух. Курить расхотелось. На губах был Юлькин вкус, во рту тоже. В носу ее запах. Не хотелось перебивать это все сигаретным дымом. Выбросил сигарету и снова забрался в машину.

— Все, поехали. Мне еще нужно будет вернуться.

Юля, вздохнув, кивнула.

В конце сентября солнце словно спохватилось, что кого-то недогрело, засветило ярко и

старательно. Пришло бабье лето. В этом году какое-то по-особенному теплое и нежное — с нежаркими лучами, кучевыми облаками в голубых сферах неба, с багряными закатами. И это хорошо. Теплые солнечные деньки как раз кстати: в конце сентября Таня родила дочь.

Октябрь тоже смилостивился. Обдавал вялыми ветрами и время от времени несмелыми дождями. От таких земля толком не промокала, но и высыхать не успевала. Не сказать, что такая погода вгоняла в депрессию, нет, бодрила. Бодрила своим теплом, уже наверняка последним; участливым солнцем, которое будто извинялось, что теряло свою силу; сочным запахом влажной увядшей листвы.

Таня встретила брата немного заторможено, как встречают неожиданных гостей. Но Денис знал — это все от усталости. Ребенку чуть больше месяца от роду, какая уж тут бодрость духом. Только-только сестра начала в себя приходить, да и бессонные ночи делали свое дело.

Чмокнула в щеку, приняла из рук пакет, — Денис, как обычно, по дороге заехал в магазин и купил всяких вкусностей, чтобы порадовать сестру, — улыбнулась не широко, но искренне. Счастливо.

Из гостиной доносилось мягкое воркование тёти Раи. Денис сбросил с плеч кожаную куртку и, прислонившись к дверному косяку, тихо сказал:

— Салют. Не спите?

— Нет, — улыбнулась Рая, с любовью глядя на малышку у себя на руках. — Мир изучаем.

— Руки сначала помой, — строго донеслось с кухни.

— Сам бы не догадался. А еще мне намордник, белый халат и бахилы!

— А можно без комментариев?

— Никак нет, — отчеканил и скрылся в ванной, чтоб вымыть руки и переодеться. На стиральной машинке его ждали чистые отглаженные вещи. У Тани не забалуешь. Все стерильно, как в больнице. Денис и не спорил: у каждого свои примочки. А раз дело касалось ребенка, мамочке виднее. Натянул приготовленные для него футболку и джинсы.

— А муж где? — зашел сначала на кухню перекинуться с сестрой парой слов.

— К матери поехал. Поздно вернется, наверное.

— А чего так? — стянул из вазочки печенье.

— Да ну его! — раздраженно махнула рукой. Как видно, тот факт, что муж уехал к родителям на целый день, Таню ничуть не расстраивал. Дениса же отсутствие Бориса и вовсе обрадовало. — Некогда мне еще и с ним нянчиться. Ты есть хочешь?

— Вообще, нет. Но почему-то в твоём доме всегда чувствую себя голодным.

— Я сейчас котлеты буду жарить, хочешь соображу тебе что-нибудь на скорую руку?

— Нет, не надо. Я подожду. Пойду малявку потискаю.

«Потискаю», конечно, звучало слишком громко. Он и на руки племяшку первое время боялся брать. И хотя сейчас действовал уже гораздо увереннее, тискал он ребенка только на словах.

— Ну что, Наська, рассказывай, как дела? — Склонился над девочкой. — Что, опять спеленали демоны? Свободу попугаю. Тиграм мяса не дают.

— Наконец-то наш дядя пожаловал. Думали, спать будет ребенок, вот и запеленали, а она, видишь, в потолок уставилась и ни в какую. — Рая осторожно передала малышку Денису на руки.

— Правильно, меня ждет.

— И не говори, наконец пожаловал, — поддакнула Таня, заглянув на секунду, чтобы посмотреть, как брат возится с ее маленькой дочуркой. Это зрелище всегда завораживало. — Поганец. Даже в роддом-то всего один раз ко мне пришел.

— У тебя муж есть, чтобы днями и ночами у роддома под окнами стоять, а мне некогда было, я водку пил. И вы мне это прекращайте. Чтобы никаких «дядь». Денис и все. — Подержал ребенка некоторое время на руках, а потом положил на диван, а сам лег рядом на живот, опираясь на локти. — Рассказывай, говорю, — улыбаясь, вполголоса, чтобы не пугать ребенка, проговорил он, — читать, писать умеем? Цвета различаем? — спрашивал со всей серьезностью, словно малышка и вправду могла что-то ответить. — Ты посмотри, молчит как партизанка.

— Обматери его, Настенька, за такие глупости, — засмеялась Раиса, покачиваясь в кресле-качалке.

— Ничего не глупости. С такой маманей, как у нас, я думал, что Настя в месяц целыми предложениями выражаться начнет.

— Ага, чтобы сказать, как все ее достали, — засмеялась тётка и присела рядом. — Правда, конфеточка? Заколебали, скажи, охают и ахают, рассматривают... Чего не видели, да?

— Угу, сейчас еще дед придет и всех разгонит.

— А ты когда?

— Что — я?

— Твоих когда нянчить будем?

— Думаешь, пора уже?

— Конечно пора. Давно пора остепениться.

— Рая, вот ты взрослая женщина, а мыслишь такими закоряженными стереотипами, — с легкой иронией проговорил Денис.

— Какими это?

— А такими... Наличие штампа в паспорте и спиногрыз в довесок никак не повод остепениться.

— Ох, Денис, сынок, — Раиса погладила племянника по голове, поскребла короткие волосы у него на макушке, — умные вы, современные такие, не слушаете старших. Все правильно, конечно, но ведь можно и не успеть.

— Что за обреченность в голосе?

— Так и я уже не девочка. И на жизнь смотрю по-другому.

— Ты лучше вон, смотри, какая красотка у нас растет. Хоть в чем-то папка-негодяй постарался. Правда белобрысая... Ну это ничего. Зато глаза будут голубые.

При каждом взгляде на девочку его сердце пронзала такая щемящая нежность, что внутри становилось тепло. И это чувство раз от разу только росло, пробираясь в самые дальние уголки души и заполняя ее пустоты. Если это хоть отдаленно похоже на родительский инстинкт, то это очень сильно. Так сильно, что начинало что-то менять изнутри, немного сдвигая мироощущение — потому что в жизни появилось крохотное существо, ради которого можно пойти на все, даже убить.

До сих пор помнил свои ощущения в тот день, когда забрали Таню из роддома. Сначала ничего особенного: розовый сверток на руках у Бори не произвел большого впечатления. Знали же, ждали. Неожиданно, что родилась девочка, да. Но уже потом, дома, когда развернули одеяльце, и глазам предстала эта малявка в бело-розовых рюшах... Как удар под

дых, аж слезы на глаза навернулись, и братъ боялся первое время. Такая маленькая она, просто крошечная...

Малышка завозилась, заагукала, нетерпеливо задергала ручками, пытаясь освободиться от пеленки, и Рая осторожно развернула ее.

— О чем призадумался? — спросила тётка, застав на лице Дениса отстраненное выражение.

— О том, что, наверное, Танька уже пожарила котлеты. Есть хочу.

Рая снова рассмеялась — ее пышная грудь всколыхнулась, светлые кудри на плечах подскочили.

— Вот все вы мужики такие. Мы о большом и светлом...

— ...а мы о насущном, — закончил Денис, усмехнувшись. — Не могу я, Рая, о большом и светлом на голодный желудок думать.

— Может, оно и правильно, — вздохнула женщина и принялась гладить девочке животик. Та закричала, как будто недовольно, и выгнулась. — Не нравится? Ну потерпи, конфетка, это полезно. Массажик — это очень полезно...

Как-то принято считать, что жизнь все расставляет по местам, и Бог воздает всем по справедливости. У Раи, которая в детях души не чаяла, своих не было. А у некоторых, кому их иметь просто противопоказано... Что это за справедливость такая? Подумалось: знает ли мать, что бабушкой стала? Хотел произнести это вслух, спросить у тётки, но потом передумал.

— Наська, ты у нас вообще странная. — Тронул детскую ладошечку, и девочка тут же крепко ухватила его за указательный палец. — Не плачешь даже, мяукаешь, как котенок и все.

— А ты оставайся у нас ночевать, она ночью тебе все продемонстрирует. Такого жару задаст, — сказала вошедшая Таня, услышав слова брата. — Да, маленькая? — заворковала, как только посмотрела на дочь. И девочка, услышав голос матери, оживилась, активно зашевелила ручками и ножками, растянулась в беззубой улыбке. — Пойдемте ужинать.

— Танюш, вы с Денисом идите. А я с Настюшей посижу, поиграю. Ты отдохни хоть, пока я здесь, потом выкупаем ее, покормишь. Она давно не спит, так, может, и ночь у тебя будет спокойная.

— Может, и будет. Пойдем, Денис.

— Пойдем, — вздохнул он и аккуратно освободился от крепкого захвата детских пальчиков.

— Я тебе рагу на гарнир положила, ничего? Или гречку хочешь?

— Нет, не суетись, меня все устраивает. Спасибо, — поблагодарил сестру, но первым делом взялся не за вилку, а за пульт от телевизора.

— Забыла. У меня еще компот есть. Яблочный. Будешь?

— Таня, сядь. — Переключая каналы, остановился на новостях. — Я сам налью. — Понимал прекрасно, сколько у сестры забот и как она уставала. Пусть хотя бы поест спокойно, не вскакивая без конца, и не на ходу, как это у нее последнее время обычно бывало.

Денис налил себе стакан компота. Даже не спрашивая, по привычке сунулся в холодильник, где нашел трехлитровую банку с розовой жидкостью. Хотел поинтересоваться у сестры, как жизнь, как она чувствует себя в статусе мамы, но замер. Заслушался кровавыми подробностями об очередных зачистках в горячих точках.

— Ой, переключи, — скривилась Таня. — Я не могу такое смотреть. — Действительно не могла. Но не потому что была равнодушна к происходящим событиям. Совсем наоборот. Слишком остро все это отзывалось в ее душе. Особенно сейчас, когда ее эмоциональный фон был заметно повышен.

Денис переключил не сразу, послушал еще несколько секунд.

— Бардак. Эта война не кончится никогда, она и не кончалась. Как взрывали, так и взрывают. Как похищали, так и похищают. Отчитываются в новостях, что кого-то спасли. А скольких не смогли... о десятке с перерезанными глотками молчат.

Таня передернула плечами.

— Ужас. Так страшно. Я как-то наткнулась на передачу, в которой рассказывали о солдатах, взятых в плен чеченскими боевиками...

— Я бы застрелился.

— Что?

— Я бы застрелился, — повторил Денис твердо. — Чтобы в плен не попасть. Ни за что Я бы сразу сам себе пулю в голову пустил.

Жутко стало от его слов, и Таня подавила в себе дрожащий вдох.

ГЛАВА 36

В окно дышала зима. Настоящая, декабрьская. Стылая. Уверенная. Со скулящими метелями и хрустким снегом.

Люди привыкли уповать на весну, возлагать на нее большие надежды. Весной мечтают о любви, ждут расцвета отношений, перемен в личной жизни. И просто — перемен.

Таня всегда мечтала в декабре. Надеялась, верила. Загадывала желания. В каждом новом дне видела предвестники чего-то большого и значимого.

В прошлом декабре загадала Настю. А в этом не знала, чего пожелать. Не потому, что все было. Скорее, оттого что не могла решить, с чего начать: чем заполнить образовавшуюся внутри пустоту. И хотя жизнь ее сейчас наполнена новыми чувствами и эмоциями, чего-то все равно недоставало.

Понятно — чего. Давно уже понятно... а потому как-то еще более безрадостно.

Хотя старалась не впадать в депрессию и даже пыталась создать себе праздничное настроение, загодя украсив квартиру цветной мишурой и новогодними гирляндами. И елка мерзла на балконе, дожидаясь своего часа. Который день просила Бориса установить ее в подставку, но все бестолку — то некогда ему, то устал. А кто не устает? Разве Таня не уставала? — еще как уставала. Неужели и по этому поводу придется Дениса беспокоить? Уже неудобно постоянно отрывать его от дел по всяким мелочам.

Таня тихонько вздохнула. Маленькая Настя тоже. Получилось вот так, в унисон. Вызвало улыбку, и по телу горячей волной прошла нежность. Чувство, которое вызывало даже физическую реакцию: теплоту в руках и жжение в глазах, от слез умиления и радости.

Сокровище. Ее маленькое счастье. Нет, не маленькое, огромное счастье.

Нагнувшись над кроваткой, коснулась губами детской щеки, почти невесомо, чтобы не разбудить. Не смогла удержаться. Да и не сдерживала себя никогда. Всегда целовала, касалась, любила держать Настю на руках. Не могла понять твердых убеждений, что нельзя приучать ребенка к рукам. А как не приучать? Сейчас физический контакт — единственный способ дать малышке понять, что она горячо любима. Хотя бы мамой. А папа...

Папа, то есть, Борис, разочаровывал все больше. Редко брал Настю на руки и совсем не хотел оставаться с ней наедине. Просто катастрофа, хоть плачь. Коробило и разрывало душу. А что поделать? И совсем непонятно, отчего такое отношение. Ведь беременность желанная... Таня настояла, и, прежде чем зачать, они прошли полное обследование, сдали все анализы, пропили витамины. В тридцать лет мужчина, само собой разумеется, должен осознавать, что ребенок приносит не только радость, но и трудности, проблемы. Бессонные ночи, колики у малыша, усталость — все это надо пережить. Преодолеть, при этом не забывая радоваться и наслаждаться каждым моментом. Они, эти сладкие и нежные мгновения, уходят, перетекая в прошлое и их не растянешь, не вернешь в настоящее.

Подумалось, что стоит пойти и включить свет в прихожей. Иначе Борис в потемках что-нибудь обязательно перевернет, загремит и разбудит Настю. Малышка так чутко спала, что приходилось передвигаться по квартире буквально на цыпочках, что Бориса ужасно бесило. Его вообще много чего бесило. Легче сказать, к чему он не придирался, а не перечислять все поводы для его недовольства. И у самой Тани их было предостаточно, поводов...

Следуя своей мысли, включила свет в прихожей. Затем пошла на кухню вымыть за собой тарелку, потому что поужинала раньше, не дожидаясь мужа. Такое стало происходить довольно часто. И, как ни парадоксально это звучит, к сожалению, совсем не расстраивало. С горечью Таня осознавала, что ей было спокойнее и комфортнее, когда Бориса нет рядом.

Звонок заставил подпрыгнуть на месте, и Таня вихрем понеслась к входной двери.

— Я же просила пользоваться своими ключами, не звонить. Неужели так трудно? — недовольно ворча впустила мужа, одновременно прислушиваясь, не заплакал ли ребенок. Нет, из спальни не доносилось ни звука. — Почему так поздно? — Спросила больше по привычке, нежели из подозрительного интереса.

— И что? — как-то сразу агрессивно отреагировал Борис. Впрочем, не удивил. Особенно, если учесть, что от него разило алкоголем. А будучи нетрезвым муж не деликатничал.

— Ничего особенного, просто мне интересно, почему ты задержался.

— Не начинай! — пренебрежительно отмахнулся. В последнее время почти все их разговоры проходили вот так натянуто, на раздраженной ноте.

— Так ты хоть раз ответь вразумительно, чтобы я не начинала, — к собственному удивлению не сдержалась Таня. Голос не подняла, но прошипела очень выразительно. Очень трудно быть все время в напряжении, да и невозможно, надоело.

— Ты весь день ждешь меня, чтобы устроить истерику? Пожрать что-нибудь дай лучше.

— На плите. И не ори, Настя спит, — сдерживая негодование сказала Таня, ушла в спальню и встала у окна. Хлопнула дверь в ванную. Боря и не думал вести себя тихо. Сволочь... Сволочь!

Таня кричала про себя, в мыслях. Разрывалась от дикой обиды. Вот сейчас чувствовала, что стоит у самой пропасти. И до того, чтобы рухнуть вниз, остается всего один шаг. Или толчок.

Чайник, который она поставила на плиту до того, как открыть дверь, засвистел. Татьяна снова выскочила из комнаты. Все у нее какими-то скачками да рывками. Неравномерно и непостоянно. Как были ее отношения с Борисом циклическими, так и остались. Еще хуже сейчас, потому что раньше хотя бы просветление наступало, а с рождением ребенка только непроглядный мрак царил. Все одно да потому — непонимание, взаимные обиды, постоянные придирки. И как ни старалась, по-другому не получалось. То ли терпение ее

иссякло, то ли что-то чувства притупились. Наверное, чувства. И сама не знала, любит ли еще мужа... Хотя, что тут думать? Если задаешься таким вопросом, то уже очевидно, что нет.

Все-таки накрыла на стол, пока Борис был в душе.

— Кстати, папа уже спрашивал, где мы будем отмечать Новый Год. Я надеюсь, что с ним. Ты же не против? — Чуть успокоившись подумала, что не стоит пороть горячку. В очередной раз уговорила себя сдержаться. Хотя уже сама себе удивлялась, откуда в ней столько терпения. Лучше бы злости прибавилось. Но кризис после рождения ребенка испытывают все семьи без исключения. Возможно у них с Борей все вот так остро только пока, а потом наладится. Развестись легче всего. Но если говорить честно, Таня уже не раз задумывалась о разводе. И это поначалу страшное слово «развод» уже совсем не пугало.

— Нет, я уже матери сказал, что мы у них будем.

— Как это ты сказал? — слегка опешила Таня, стоя у плиты. — Как ты согласился, даже не посоветовавшись со мной? — возмутилась, глядя на Бориса испепеляющим взглядом. — Мы в прошлом году праздновали с твоими родителями, я справедливо полагала, что на этот раз мы поедем к моему отцу.

Не любила она свою свекровь. Видит бог, пыталась наладить с ней хорошие отношения, но не могла. Внешне, естественно, это никак не проявлялось. С стороны свекрови, кстати, тоже. Однако порой достаточно пары язвительных слов и презрительного взгляда, чтобы вывернуть душу наизнанку. А Галина Александровна это умела.

— Тебе все не так! Тебе всегда все не так!

— Да причем тут все! Просто надо разговаривать, чтобы было «все так». Я уже устала додумывать и угадывать. Я у тебя спросила, почему ты задержался. Ты мне что ответил?

— А как ты спросила, помнишь?

— Да что ты придираешься! Не так спросила, не так посмотрела, не там вздохнула. Ты сам себя слышишь? Я, может, придираюсь где-то излишне, не права бываю. Но зато я умею слушать, мне просто нужно об этом сказать. Да, я замкнулась на дочке, а как по-другому? — ей всего три месяца! Она же совсем маленькая... — и сама не заметила, что стала срываться на крик, но вовремя остановилась и сменила интонацию. Попыталась говорить не обвиняя и без агрессии, спокойно. — Не надо стучать по столу кулаком и спорить, кто главнее. Я неидеальна, но и тебе надо проявить понимание. Тебя не было целый день, ты пришел в девять часов вечера. Ты даже не спросил, не поинтересовался, как у меня дела, как ребенок, как мы провели день. Да что там, ты ни разу не позвонил, может, что-то случилось, мы в больнице... Да, господи!.. Надо всего ничего: выразить свое понимание и сочувствие! Я, что, тебя пеленки заставляю стирать? Приходишь, как будто не к себе домой, не в семью, а в стан врага!.. Вечно злой, слово тебе не скажи.

— Не надо строить из себя мать-героиню. Все рожали, не ты одна. Знала, на что шла. А теперь все должны только вокруг тебя носиться. Я тоже работаю, тоже устаю.

От негодования у Таня перехватило дыхание, и пылкий поток слов иссяк. Это были самые обидные слова, какие он мог сказать. И сказал. Прекрасно знал, что именно на это Таня реагировала как бык на красную тряпку. Выходила из себя моментально.

Но сегодня все было по-другому. Уже не хотелось кричать и скандалить, а хотелось уйти. Взять ребенка и убежать к отцу. Навсегда. Потому что внутри все горело от обиды и унижения. Да, почему-то от унижения. И появилось ощущение, что она полное ничтожество. Что Боре она не нужна. И плевать ему на ее старания, на тяготы и заботы. И на ребенка, по-видимому, плевать тоже.

В каком-то полуобморочном состоянии Таня поднялась из-за стола и вышла. В ванной умылась, почистила зубы. Все без слез, но дрожащими руками. Откуда взяться слезам? Душа, как выжженная земля. Каждый день одно и то же. Ради чего все это терпеть. Решение уже созрело, но придется отложить его до завтра.

В спальне на минуту приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату. Вот бы так же, как влетает в щель морозный воздух, освежая, и жизнь свою освежить одним легким движением. Теперь точно не с этим человеком. Не представляла, как после стольких обид и взаимных оскорблений можно начать все с чистого листа.

Прилегла на кровать. Супружеское ложе. Которое использовалось только для сна. Никакого секса и даже банального ласкового «спокойной ночи» с поцелуем. Каждый строго на своей половинке, будто посредине стена.

Заснуть не могла. Не пыталась даже. Думала. Не раздувалась от мыслей, — они текли вяло и апатично, — просто обреченно разбирала свою жизнь на фрагменты.

Почему-то хорошее быстро забывается, а плохое въедается навсегда. Вот и Таня, пожалуй, кроме рождения Насти, мало что хорошего могла припомнить.

В гостиной тихо работал телевизор. Его монотонный гул не раздражал. И сама не знала, почему. Видимо, это и есть предел. Та самая пропасть. Из нее уже ничего не слышно и не видно. Ничего не раздражает и не волнует. Хотя нет... Голос Бориса ее взволновал, чуть не подкинув на кровати. Слов Таня не разобрала, зато различила нотки нежности, которых давно не слышала. Должно быть, Борис разговаривал по телефону. Наверное, думал, что жена уже спит.

Осторожно, чтобы не скрипнул матрас, Таня поднялась и тихо подошла к дверям гостиной. Что скрывать, подкралась.

«...солнышко...»

Не разобрала всех слов, но «солнышко» услышала четко. А постояв еще немного, убедилась в своей правоте.

— Солнышко, я позвоню...

Теперь вошла шумно, не скрываясь. Вошла и встала перед мужем. Он сидел в кресле с телефоном в руке. В комнате царил полумрак, но Таня видела, что глаза его удивленно округлились, и он нервно отбросил трубку.

— Ах, вот как оно на самом деле... — нервно и понимающе рассмеялась Татьяна. — А я то думала...

Впервые в жизни Борису нечего было сказать. Не последовало объяснений и доводов. Даже обвинений — и тех не последовало. Только раздражение, написанное на лице, не сходило.

Хотелось его ударить. Размахнуться и ударить со всей силы, чтобы у самой рука заболела. Но Таня не решилась: боялась, что муж ответит. Это он мог запросто.

Хотя теперь какая разница? Ни пощечина, ни слова не принесут облегчения и ничего не решат. Теперь бы только ночь пережить, а завтра она позвонит отцу. Или Денису. Все же лучше Денису. Сначала нужно с ним поговорить, посоветоваться, как отцу сообщить, чтобы принести своей новостью меньше волнений.

Лежа в постели Татьяна молилась только об одном: чтобы Борис не завалился спать рядом с ней. Тогда она точно не заснет, сойдет с ума.

Когда много позже дверь в спальню открылась, Татьяна напряглась, но с облегчением услышала, как муж достал из шкафа второе одеяло и стянул с кровати свою подушку.

Вот и пусть спит на диване. Самое поганое, что завтра выходной...

На следующий день Борис проснулся рано. Ходил туда-сюда по квартире, шуршал какими-то пакетами в прихожей. Таня долго не решалась выходить из комнаты: не хотела встречаться с мужем глазами, вообще не хотела его видеть. Но пришлось. Понимала, что нужно поесть, пока дочка спит, потом может долго не возникнуть такой возможности. Еще полно дел по дому, а о том, чтобы попросить Бориса посидеть с Настей она теперь и не мыслила.

Тихо, почти крадучись, Таня прошла на кухню и поставила чайник на плиту. Борис уже позавтракал, оставив за собой на столе грязную кружку, пятна от кофе и россыпь крошек.

Омерзительно стало. До тошноты омерзительно. Даже подслушанный разговор не вызвал такого отвращения, как эти грязные следы на столе.

Собственная жизнь показалась вот такой же грязной. Только эти пятна не стереть, не смахнуть как крошки со стола.

Таня села на стул, безвольно опустила руки на колени, и, не позволяя себе разреветься, стиснула зубы. Вдруг осознала, что за прошедшую ночь придумала, как сообщить обо всем отцу и Денису, но что сказать мужу так и не решила. Что сказать и как сказать. Лучше бы он ушел сегодня, но, вопреки обыкновению, Борис, как видно, не собирался сдвигаться с дивана. Решительно Таня поднялась с места.

— Давай разводиться, — сказала без предисловий тоном, не допускающим возражений.

— В смысле? — тупо переспросил Борис.

— Что — в смысле? Я сказала — давай разводиться!

Борис обомлел, наверное, за всю их совместную жизнь он не слышал подобного резкого тона. В нескольких словах жена выплеснула на него всю свою злость и досаду.

Хоть так, если ситуацию не изменить. Сейчас после ночи раздумий Тане хотелось какого-то морального удовлетворения. Со скандалом и битьем тарелок. Сколько можно сдерживаться и изображать счастливую жену.

— Если ты хочешь, то давай разведемся. — Борис поднялся с дивана.

— При чем тут «я хочу»?

— А кто? Я тебе развода не предлагаю. Что тебя не устраивает?

— Что меня не устраивает?! — почти закричала Таня, потеряв всякое терпение. Это уже было выше ее сил. Такой непробиваемости она не ожидала. Или тупости. Когда-то ей казалось, что они с Борей понимают друг друга без слов, а теперь она словно о глухую стену бьется. Надоело себе лоб расшибать. С каждым разом становилось все больнее и больнее. — Да ты совсем совесть потерял! Короче, — махнула рукой и брезгливо поморщилась, — мне с тобой даже разговаривать противно. Печать в паспорте уже ничего для меня не значит, ты для меня пустое место! Ты для меня просто не существуешь!

— Это твое решение, — фыркнул Борис. Только сейчас Таня обратила внимание, что одет он был в джинсы и рубашку. Как будто уходить собирался.

Неожиданно быстро все закончилось. Боря выхватил из шкафа кое-какие вещи, бросил их в пакет и убрался восвояси.

Можно свободно вздохнуть, но легкие будто стиснули железными тисками. Она решила позвонить брату, но пальцы дрожали так, что не попадали по кнопкам на радиотрубке. Когда Таня второй раз сбилась, набирая номер Дениса, то решила пока отложить разговор. До тех пор, пока не будет в силах выразиться связно. Из глаз безудержно

попились слезы, и связки стянуло, что оказалось невозможным сказать хоть слово.

— Ты можешь приехать сегодня? — спросила без обиняков, как только совладала с собой и дозвонилась Денису на домашний. Любезничать не хватало сил.

— А что случилось?

— К папе меня отвезешь. С вещами.

— Во сколько? — спросил после секундного замешательства.

— Желательно в самое ближайшее время.

— Сейчас приеду. Отцу звонила?

— Нет еще, — нерешительно призналась сестра.

— Вещи собирай. Я сам позвоню.

Собирай вещи... Легко сказать. Голова пошла кругом от осознания, сколько всего придется с собой тащить. Таня замешкалась, забежала из комнаты в комнату, открывая то один шкаф, то другой. Дрожащими руками и с бьющимся сердцем стаскивала с полок вещи, вываливая их на кровать. Бросила свои и принялась за Настины. Но потом присела в кресло и сжала пальцами виски: голова страшно разболелась. Но надо как-то собраться. А то вдруг Боря задумает вернуться на полпути и застанет Дениса в квартире. Не дай бог еще сцепится с ним.

...К счастью, когда брат приехал, мужа дома не было. Настя уже проснулась, потому Таня на время приостановила сборы. На пороге Денис окинул сестру таким взглядом, что той стало не по себе. Она немного сконфузилась и занервничала.

В этом взгляде не было осуждения, но просвечивалось что-то другое. Пугающая решимость — вот, что это было. Денис Бориса никогда не жаловал, и сейчас сестра पुще прежнего обрадовалась, что муж, — наверное, теперь можно сказать бывший, — слинял с утра пораньше.

Брат не раздеваясь прошел в квартиру, огляделся, словно ища кого-то глазами. Тане показалось, что лицо Дениса чуть обмякло, когда он понял, что Осипова нет.

— Мы разводимся, — поспешила объяснить сестра, хотя Денис еще ничего не спросил. — Он уже себе другую бабу завел, — добавила для убедительности, чтобы не было сомнений в серьезности ее намерений.

— А сам он где?

— Ушел. К ней, наверное.

— Сам ушел, что ли?

— Да прям... Я сказала, что мы разводимся, он сказал, что это только мое решение и улетел впопыхах. Посиди с Настей. Я буду вещи собирать. А то мы пока поели, пока штанишки поменяли... да, солнышко?

Денис перевел взгляд на малышку, которую Таня держала на руках. Без разговоров скинул пальто и скрылся в ванной, чтобы вымыть руки. Вытирая их полотенцем, задержал взгляд на стеклянной полочке.

— Ты говоришь, он впопыхах удрал? — присел рядом с племянницей, которая лежала на диване, обложенная со всех сторон подушками.

— Да.

— А что взял с собой? Вещи собирал какие-нибудь?

— Что-то взял, я толком не рассмотрела.

— А в ванную заходил?

— Какая разница, заходил он в ванную или нет? — Таня пошла искать сумку. — Нет,

кажется, — сказала, когда вернулась. — Не заходил.

Сумку-то она нашла... На ее дне все еще лежали Борины носки, пара футболок и еще кое-что из одежды — это он брал с собой в последнюю командировку. Все это пришлось вывалить на диван.

— Танюха, ты дура, — безжалостно произнес брат, и Таня подняла на него сосредоточенный взгляд.

— В каком смысле?

— А в том, что мужик, который уезжает надолго из дома, первым делом собирает свои бритвенные принадлежности. Их нет в ванной. А ты говоришь, что этот придурок в ванную не заходил. Значит, он сделал это заранее. А при тебе устроил концерт. Чтобы ты добрая душа, как всегда считала себя одной во всем виноватой. — Денис кончиками пальцев поднял мужскую футболку. — Ты думаешь, что, возвращаясь домой из командировки, мужики глядят себе футболки и складывают носки ровной стопочкой?

Таня уставилась на грудку белья. Действительно. А она не замечала. Но футболки и правда были отглажены, и сложены так аккуратно, что на мягкой трикотажной ткани появились ровные заломы. Про носки и говорить нечего.

— Таня, — раздраженно сказал Денис, — собирайся быстрее, а то, если этот урод появится, я ему хребет сломаю. А мне нах*й не нужны эти проблемы.

Но проблем избежать не удалось. Да и кто бы сомневался...

И двух недель не прошло, как Борис начал терроризировать Таню телефонными звонками. Потом стал приходить. Потом позвонила Нина. Денису...

День с самого утра был напряженным: сначала задергал Монахов, позже Юля устроила сцену, в самом разгаре которой в спортклуб, точнее, в кабинет, заявила ее двоюродная сестра и услышала их разговор (ее только не хватало!).

Звонок жены отца добавил нервов. Или убавил... Неважно, но, в общем, выдержка Дениса лопнула подобно яичной скорлупе, и о том, чтобы взять себя в руки и успокоиться он даже не помышлял. Напротив, хотел воспользоваться ситуацией и выпустить пар, тем более кандидатура Бориса как нельзя лучше подходила для этой цели. По крайней мере, в голове у этого кретина точно не мозг — сотрясения не будет. Иначе закончил бы все цивилизованно, не доводил до греха, не испытывал шауринское терпение на прочность.

Денис немедленно помчался к отцу, ведь если Нина позвонила, значит случилось что-то серьезное.

Ожидая лифт, едва устоял на месте, чтобы не рвануть на четвертый этаж по ступенькам. Пока поднимался, расстегнул пальто. Дышал уже часто, готовый вот-вот сорваться, как перекрученная пружина. Звонить в дверь не пришлось, та открылась, едва он шагнул на площадку.

Ступив в прихожую, сбросил с плеч пальто и вздернул подбородок глядя вопросительно на Нину, хотя и сам слышал доносящиеся из маленькой комнаты громкие голоса. Если таким образом Борис решил вернуть жену, то он выбрал не самый удачный способ. Полный истерических ноток голос Татьяны окончательно разозлил брата. Черт подери, если этот урод тронул ее хоть пальцем, он свернет ему шею на месте.

— Когда это все прекратится?.. Сил уже никаких нет, — тихо пожаловалась Нина,

потряхивая на руках плачущую Настю. — Битый час уже ей нервы мотает. Я бы не стала тебя беспокоить, но отца дома нет, боюсь как бы чего не случилось.

— Сковородкой надо было его огреть по башке и все.

Без приветствий, без слов и вопросов Шаурин распахнул дверь и стремительно приблизился к Борису. Тот не успел ничего понять, не ожидал, а только захрипел, засопел и вцепился пальцами в предплечья Дениса, когда тот, сделав шейный захват, потащил мужчину к входной двери. Борис брыкался, сгребал под ногами дорожку, но у него не хватило ни сил, ни навыков, чтобы избавиться от железной хватки молодого человека.

Не особо беспокоясь о последствиях, Денис спустил бывшего мужа сестры с лестницы. Напуганную и растерянную Татьяну, которая вылетела следом на площадку, он грубо развернул и толкнул в квартиру.

— Денис... — она не находила слов, а только открывала рот, словно выброшенная на берег рыба.

— Где его одежда? — бросил Денис и стал оглядываться в ее поисках.

— Вот, — бесцветным голосом сказала сестра и принялась стаскивать с крючка тяжелую дубленку. Теперь не сомневалась, что после этого случая дорогу сюда Осипов точно забудет.

Брат сгреб Борины вещи и снова вышел в подъезд. Таня не решилась идти следом, а напряженно ждала, когда Денис снова появится на пороге.

— Расслабься, — сказал он, вернувшись.

Какой тут расслабиться!.. У нее позвоночник инеем покрылся, когда она услышала слова, сказанные братом по ту сторону двери.

— Ты п-пошутил?

— С х*я ли загуляли, — нараспев произнес он. — Я его убью и в лесу закопаю, если еще раз здесь появится. Такие, как он, только грубую силу понимают, я тебе давно говорил, надо было нахлобучить его еще тогда. И был бы как шелковый.

— Прекрати материться, — нервно одернула сестра. — Только маты от тебя последнее время и слышу.

Хоть и коробило, что финал ее отношений с мужем оказался таким прозаичным и убогим, облегчение было сильнее и смывало все неуместные угрызения совести, и неловкие чувства. Борис сам виноват, а осадок со временем пройдет.

— Так что-то в последнее время мне не до изысков! То одно, то другое! — возмущенно воскликнул Денис.

Это правда. Брат переставал следить за речью, когда находился в крайней степени раздражения, можно сказать, злости. Наверное, в мужской компании он и позволял себе отпускать матерные словечки, но не дома. Особенно при отце или Нине.

Успокоился Денис не сразу. Долго еще бурлил яростью, крепко сжимая губы. Смотрел так, что казалось, вот-вот разразится бранью и выскажется с острой ранящей правдивостью. Мог он говорить так, что поневоле хотелось все грехи на себя взять, лишь бы он замолчал и прекратил отповедь. По части промывки мозгов ему нет равных. Хорошо, что «вдохновение» на него находило ну очень редко.

Не буди лихо, пока оно тихо. Это про Дениса. Именно такого состояния брата Таня боялась. Тогда он говорил все, что думал, не заботясь о резкости слов, о боли, что они приносят родным. И сейчас готова была болтать о чем угодно, лишь бы сбить его с этой волны. Денис с детства не любил скандалов и разборок, не любил давления и агрессивных

выпадов в свою сторону. Ругаться с ним себе дороже.

— Как Юля? — Напрасно Тане показалось, что этот вопрос отвлечет брата от дурных мыслей. Такой он бросил на нее взгляд... — Что? — смутившись спросила.

«Какое твое дело?» — говорили его глаза, но губы были так же твердо сомкнуты. Потом он вздохнул и сказал неохотно:

— Юля, как Ленин на броневике... пытается устроить революцию.

Невольно Татьяна улыбнулась.

— Получается?

— Идеология слабовата. — Засобирался домой. Пружинисто вскочил с кресла, торопливо набросил пальто, пошарил в карманах, ища ключи от машины. — Звони.

Внезапно появился, так же исчез. Все сегодня стремительно, толком даже не поговорили.

Таня вздохнула, прикрыв за братом дверь. С этим длинным вздохом отпустила все внутреннее напряжение и тяжесть. В душе затаилась тихая грусть. Не было ее раньше, а сегодня появилась. Первый симптом осознания одиночества. Да, она в кругу родных, любящих ее людей, но именно сегодня какая-то часть ее беспокойного сердца заиндевела.

Она осталась одна.

...Юля.

С Юлей он сегодня поругался. Хотя, как сказать поругался... Не сошлись они во мнениях.

Монахов пригласил его на Новый год в свой загородный дом. Привычная компания, семейный ужин, наряженная во дворе елка. Юлька, услышав это обрадовалась, но бурных чувств, как и положено, не выразила.

А Денис отказался. Потому что, согласившись, Новый год встречал бы не с Юлей, а с Монаховым.

Тот уже и так связал его по рукам и ногам. Денис сам перестал понимать, какое положение занимает рядом с ним, и чьи обязанности выполняет. Монахов брал его с собой всегда и везде: на все сомнительные и несомнительные сделки, на встречи авторитетов и семейные ужины. То вместо водителя, то за идейного генератора.

И все бы хорошо, но почему-то галстук, который теперь так часто приходилось носить, стал казаться удавкой.

Встречался с Юлей уже год. Почти. Иногда это казалось невозможным. Нереальным, как сон.

Почти год. Его собственный рекорд.

После двух месяцев с Ольгой готов был лезть на стену: не хватало воздуха.

А с Юлей все иначе. Нельзя их сравнивать, но все же...

Хотя нет. Нельзя. Юля — его любовь, ее всегда мало. Ее еще не было.

Она обиделась. Пытался объяснить, почему отказался провести новогодние праздники с их семьей, но она не понимала. Знал, почему не понимала. Говорил не все, скрывал свое отношение к ситуации, не хотел ее разочаровывать.

Надо позвонить, чтобы не дать Юльке замкнуться в сомнениях. Ах, да, еще Лиля... Теперь нужно обязательно позвонить и узнать, поняла эта вертихвостка что-то или нет. Видел по глазам, что поняла.

Тогда волнение кровью ударило в голову, но сейчас был странно спокоен. Возможно, это долбанутый придурок — Танин бывший муж — сбил его с той стези.

Позвонил Юльке из дома. Она не ответила.

ГЛАВА 37

— Ну, крошка, ты даешь, я до сих пор в шоке... — со смесью восхищения и удивления в голосе говорила Лилия, роясь в шкафу.

— С чего бы это? — без каких-либо ответных эмоций спросила Юля, разглядывая свои ногти.

— Как это с чего? С Шауриным замутила... Как тебе это? — Приложила к себе платье и повернулась к сестре.

— Класс, — сказала Юля не поднимая глаз. Упоминание Шаурина проигнорировала намеренно, старалась не развивать разговор на эту тему, хотя скрыть от Лили, что между ней и Денисом что-то есть, не получилось. Что весьма и весьма удручало.

— Никогда бы не подумала, что ты на такое способна.

— Видишь, какая я удивительная, — ухмыльнулась Юля все так же без особого веселья. Сомнительно, что ей удастся переключить внимание сестры на что-то другое. Сильно долго та ждала возможности обсудить шокирующее открытие.

— Это круто, крошка. Просто круто. Теперь главное, чтобы родители ничего не узнали, — выразила Лилия свое одобрение.

Реакция сестры вообще вызвала у Юли удивление. Никак она не думала, что та, догадавшись об ее тайном романе, выразит такой бурный восторг.

— Там и знать особо нечего. Мы просто общаемся, — пожалала Юля плечами.

— Так уж и просто? — хихикнула сестра. — И что — ни-ни?.. Вообще?

Юлька подавила все нарастающее раздражение.

Не хватало еще такие интимные подробности обсуждать!

— Нет, конечно, я ж не сумасшедшая. Много чести. Так... флиртую просто, дергаю его время от времени. Я бы даже сказала — раздражаю, — старательно она играла безразличие. Так что скулы сводило.

— А он?

— Что — он? Развлекает меня всякими прибаутками. Куда ему деваться.

— Это точно. Любой бы потерялся на его месте. Но он заметный, конечно, тут я с тобой согласна. Он мне прям мозги взорвал тогда.

— Чем взорвал? — От злости у Юли в глазах потемнело. Она поднялась с кровати и схватила с туалетного столика первый попавшийся лак для ногтей. Попался ей вишневый.

— Да как сказать... темный он какой-то, мрачный. Есть что-то в нем такое, не могу объяснить. Притягивает.

— Ничего особенного в нем нет. Это ты просто впечатлительная, вечно какие-то остросюжетные истории придумываешь. Приключения ищешь на свою задницу.

— А иначе скукотища. Нет, правда, будь с ним поосторожнее, а то он говорит-говорит, а хрен его знает, что он там себе думает.

Слава богу зазвонил телефон и отвлек Лилию от столь глубокомысленных рассуждений. Юля уже устала поддакивать сестре и выслушивать советы, в которых не нуждалась. Но еще тяжелее было вести себя поверхностно, как Лиля, и тщательно скрывать всю глубину ее отношения к Денису. Совсем незачем ей это знать.

— Ленка, вот — коза! — злобно проговорила сестра и положила трубку. — Я так и

знала, что нельзя на нее рассчитывать.

— По голосу слышу, что тебя постигло горькое разочарование, — нарочито протянула Юлька, не в силах сдержать язвительную ухмылку.

— Еще какое! Блин, я так не хотела ехать туда одна.

— Так и не надо значит.

— Да ну, ты что!.. Дома сидеть, что ли? — тут ее лицо озарилось счастливой улыбкой: — А поедem со мной?

— Я?

— Да! — воскликнула Лиля воодушевленно. — Я позвоню тете Наташе, уговорю ее отпустить тебя.

— Она не согласится, — уверенно сказала Юля, надеясь, что именно так все и будет.

— Это смотря что говорить. Ты же знаешь, я могу. Им вообще не обязательно знать, что мы куда-то поедem. Тем более им не до нас сейчас. Своих дел полно, а мне эти монашеские посиделки в семейном кругу уже надоели. Хочется повеселиться и отдохнуть. Потусим и вернемся. Компания проверенная, все свои.

Это смотря для кого — «свои».

Компанию сестры Юля «своей» никогда не считала и вряд ли когда-нибудь будет. Слишком разные у нее с этими людьми мироощущения.

Лиля ко всему относилась с легкостью, жила стремительно, поступала противоречиво. Брала от жизни все и никогда не говорила за это спасибо. Никому. Ни судьбе, ни Богу, ни родителям.

— Лиль, не хочу. Настроения нет.

— Так вот и поднимем тебе настроение. Или ты боишься, что Спартак против?

— Кто против?

— Начальник «Гладиатора».

Юлька посмотрела на сестру и рассмеялась. Взорвалась хохотом. И сама не знала, почему слова Лилии так подействовали. Странно, будто удар.

— При чем здесь он? — Снова опустила глаза и подула на покрашенные ногти.

— Вот именно. Тем более, я смотрю, он тебя не особенно балует вниманием.

— А ты за меня не переживай, я как-нибудь этот безрадостный факт сама переживу.

— Я в тебе и не сомневаюсь. Короче...

Лилия взяла телефон и стала набирать номер.

Клясть себя на чем свет стоит за то, что согласилась пойти на эту вечеринку, — бессмысленное теперь занятие. Хотя, как только покинули пределы Лилиной квартиры, в душе поселилось неприятное предчувствие — неконтролируемое и охватывающее все тело неприятными колкими мурашками.

По большому счету и выбора то не было. Так, иллюзия, будто Лиля позвала ее с собой и дала возможность подумать. Наигранная невинность не могла скрыть хитрого блеска в глазах сестры. Юля прекрасно знала ее эксцентричную натуру.

Это сейчас Лилия с воодушевлением поддержала ее, выразила свое единодушие и понимание, но стоит только слово против сказать, как все обернется совершенно в другую сторону: без особых переживаний по поводу последствий своего поступка Лиля выдаст ее и Дениса родителям. Для нее личные интересы всегда были и будут превыше всего.

И едва ли что-то изменится в будущем. Лиля слишком предсказуема.

— Шаурин, ты в своем репертуаре! Почему именно сегодня? Может, у меня дела, свидание... — как обычно возмущалась Верочка, — алло, чего молчишь?

— Я жду пока ты до конца выскажешься. Сегодня, потому что у меня у самого дел по горло. Но, возможно, ты найдешь для меня время. Это и в твоих интересах тоже. Мне нужны твои мозги.

— Да? — Верочка проявила неподдельный интерес, внутри уже готовая отбросить свои сомнения. Показалось, что говорил Денис непривычно мягким тоном. С чего бы это вдруг? — Что у тебя произошло? — спросила она, позабыв о своем негодовании.

— Это не телефонный разговор.

— Дрожь по телу, пульс участился. Умеешь ты заинтриговать.

— Дело не в моем умении и ты это прекрасно знаешь, — усмехнулся Денис. — Откуда тебя забрать? А главное — когда?..

— Приве-е-т, — пропел знакомый голос сзади, и Юля содрогнулась от отвращения. Это совпадение? Или все-таки злая шутка?

Возникло желание убить сестру.

— О, Стёп, привет, — не сильно стараясь выглядеть дружелюбно, поздоровалась и тут же поспешила избавиться от общества своего не очень приятного знакомого.

Того недолгого времени, что ей довелось с ним пообщаться, хватило, чтобы принять решение не подпускать его к себе на пушечный выстрел. Станный он какой-то. И взгляд его, который она так часто на себе ловила, немного пугал. И жесты, попытки потрогать и прикоснуться отзывались неприятной волной по телу. Во всем этом сквозила озабоченность. Маниакальность, что ли.

Может, все Юлька не так понимала и преувеличивала, но возникало именно такое ощущение. Бывают люди, после общения с которыми хочется пойти в душ и отмыться. Степан Корнеев именно такой человек.

Безопаснее и лучше, если бы он не вызывал вообще никаких чувств. Если бы Юля испытывала к нему равнодушие. Но, нет. Как только «Стёпа-патологоанатом» приближался к ней на расстояние вытянутой руки, девушка ощущала неловкость и дискомфорт. Причем испытывала их только Юля. Степана, по всей видимости, такой расклад вполне устраивал.

Зато он не устраивал Юлю. Уже начинала ненавидеть себя за... трусость, что ли. Потому что сразу вспоминалось детство и собственные страдания из-за приставаний Шеина. Страх. Ощущение загнанного в угол кролика. Полное бессилие и затравленность. Неспособность дать отпор. Невозможность сопротивляться.

После обмена приветствиями уверенность, что вечеринка ничем хорошим для нее не закончится, усилилась стократ. Разве теперь Степан отстанет от нее? Здесь некому будет его остановить. А сам он, судя по выражению лица и маслянистому взгляду, останавливаться не собирался.

— Какого черта ты не сказала, что он тоже тут будет? — накинулась Юля на сестру. Ведь знала же она, что Корнеев должен присутствовать на вечеринке! Стопроцентно знала!

— А ты не спрашивала. Да расслабься! Чего всполошилась? — Лиля отмахнулась от Юльки как от назойливой мухи и снова приложилась к бокалу с шампанским. — Выпей лучше чего-нибудь.

Как раз-таки пить Юля не собиралась. В этой компании к спиртному лучше вообще не притрагиваться. И не заметишь, как накачают чем-нибудь и в кровать уложат. То, что выпивка и закуска всего лишь прелюдия перед взрослыми играми, Юля поняла сразу.

Такая в этом доме царила атмосфера. Атмосфера разврата.

Нет, никто не танцевал на столе стриптиз, не занимался сексом на глазах подвыпившей компании. Нет. Всего этого не было. Зато было другое. Общее на всех, написанное на лицах чувство пресыщенности. Вседозволенности.

Невольно Юлька задумалась: если бы отец не держал ее в черном теле, не запрещал ходить на подобного рода вечеринки, у нее тоже была бы на лице такая печать? — полный пофигизм, сытость и ощущение власти по праву рождения.

Вот у Лили она была. Каждое ее движение и каждый взгляд были пропитаны высокомерием. Только вот достоинства не хватало, что печально. Но ее родители не воспитывали в такой строгости. Сестра была почти свободна в своих передвижениях. Сейчас, когда жила и училась в Москве, а домой приезжала только на каникулы, так вообще. Да и когда приезжала, жила в отдельной квартире.

Перехватив пару взглядов, направленных на Лилию, Юля решила, что держаться той, значит точно навлечь на себя кучу неприятностей. Лучше забиться в угол и сидеть тихо как мышь. А еще лучше — улизнуть отсюда при первой же возможности.

Радовало, что в этой отвязной компании нашлись люди, с которыми можно было поговорить спокойно, почти непринужденно. К ним Юля и примкнула. Со многими была знакома до этого вечера, остальных запоминать по именам не потрудились. Не пригодится. Может быть, когда-нибудь ей и доведется пообщаться с кем-нибудь из них, но точно не при таких обстоятельствах. Здесь и сейчас она чувствовала себя лишней. Чужой. Иностранкой телом.

Она и на себе ловила недобрые взгляды — плотоядные, хищные, чуть насмехающиеся. Насмешка разозлила больше всего. Она не давала для этого никакого повода. Обидно ужасно. Но Юля примерно понимала, почему...

Народ захмелел, повеселел и стал резвиться, следуя своей богатой фантазии. Кто-то танцевал, кто-то пил, некоторые искали уединения в одной из многочисленных комнат огромного дома.

Улучив момент, когда Лиля отлипла от своего... партнера, Юля вскочила с дивана, ухватила сестру за локоть и утащила в ванную. В гостиной, где тусовалась молодежь, разговаривать было невозможно: музыка грохотала, так что люстра на потолке качалась.

— Ты чего? — Лиля дернулась, но Юля не отпустила, крепко вцепившись той в руку.

— Поехали домой!

— С чего ради? Ты дура, что ли? — Лиля потерла локоть, освободившись от цепких пальцев. И не подозревала, что в сестре столько силы.

— Дура — это ты! Посмотри на себя! Как ты себя ведешь! Не позорь фамилию! — вот теперь она рывкала, даже не заботясь, что их кто-то может слышать. Сомнительно. Все погрязли в атмосфере всеобщего веселья и кайфа.

— Успокойся, малышка! Отдыхай, общайся с людьми... — протяжно сказала Лиля и, повернувшись к зеркалу, поправила волосы.

— Я здесь не останусь! Дай мне ключи от квартиры, я вызову такси и поеду домой. А ты можешь развлекаться здесь, сколько твоей душе угодно.

— Да катись, ты, куда хочешь! И про фамилию кто бы говорил... — криво усмехнулась девушка.

— Да пошла ты!.. — Терпение лопнуло. Последняя фраза, в которой намекалось на связь с Шауриным, добила окончательно. Юля выскочила за дверь. Отдышавшись, приняла невозмутимый вид и пошла в комнату, в которой оставила шубку.

Разумеется, приехав к Лиле, Юля не собиралась задерживаться и уж тем более идти на какую-то вечеринку, потому была одета не совсем по случаю.

Но пытаться подобрать что-то из Лилиного гардероба бесполезно. Чего в нем только не было, но все не по Юльке — то чересчур обтягивающее, то до неприличия прозрачное. Откровенность на грани пошлости. На сестре такая одежда смотрелась очень хорошо. К месту. Лилия никогда не была скромницей и подобные вещи только подчеркивали ее смелость. В них она чувствовала себя комфортно и естественно. Но не Юлька.

Отбросив тщетные попытки что-то себе подобрать, Юля осталась в своих вещах. Теперь уверилась, что поступила правильно. Черная кожаная юбка и блузка шоколадного цвета смотрелись немного мрачновато, но как раз достаточно, чтобы не привлекать к себе особого внимания. А ее юбка хоть и была короткой, но не неприличной. Вполне приличной, а не такой, чтобы еле зад прикрывать. Как у Лильки.

Когда Юля толкнула дверь в комнату на втором этаже, сзади ее обхватили мужские руки. Крепко обхватили, напористо. Вызывая чувство отвращения и гадливости. Кто посмел так нагло ее хватать, угадывалось по запаху парфюма.

— Отпусти! — возмущенно воскликнула Юля. Паническая волна не давала ясно мыслить, пальцы, пытающиеся оторвать от себя цепкие мужские ладони, дрожали.

И колени задрожали, как только Юля поняла, что не может справиться с этим козлом-патологоанатомом, а отпускать ее самовольно он не собирался.

Точно маньяк! Не зря он ей сразу не понравился, не зря ее воротило от одного его имени.

— Ну что ты упрямишься? Ты же знаешь, как ты мне нравишься...

— Зато ты мне — нет! Отпусти! Или я заору на весь дом!

— Ори... — Голос его был абсолютно спокоен. Он уже впихнул ее в комнату и пнул ногой дверь, чтобы та закрылась.

Стёпа дышал ей в ухо. Какое тошнотворное амбре... Смесь алкоголя, сигарет, его парфюма и чего-то еще. Захват чуть ослаб, потому что он начал шарить руками по ее телу, забрался в вырез рубашки и сжал грудь. Голова Юльки тут же закружилась. Не от удовольствия, естественно. Но нужно что-то делать, потому что в руках и ногах уже чувствовалась тяжесть. Еще пара минут и способность сопротивляться будет потеряна. Тогда Стёпа точно сделает с ней то, что хочет. Теперь и сомнений не было, что конкретно он от нее хотел.

Собрав все силы, Юлька вырвалась. Послышался треск рвущейся ткани — этот «маньяк» попытался удержать ее, ухватив за рубашку. Отлетело несколько пуговиц. Тогда Юля сделала то, что нужно было сделать еще раньше. Сама себе теперь удивилась, как сплеховала, не додумавшись сразу.

Извернувшись девушка укусила парня за руку, чуть выше запястья. И не просто укусила, а со всей силой впилась зубами, словно хотела оторвать от него кусок. Почувствовала, как

кожа под зубами хрустнула, и рот сразу заволокло привкусом крови.

Этот моральный урод в образе интеллигента вскрикнул, выругался матом и оттолкнул Юльку от себя. Уставился на нее удивленными глазами. Еще полными похотливого блеска.

Но глаза его тут же сползли в вырез рубашки. Пуговицы на ней и без того не доходили до горла, а оторвав парочку, парень еще больше углубил вырез.

— Если ты, скотина, тронешь меня хоть пальцем, тебя на куски разрежут! Сказать — кто? Или сам догадаешься? Хотя, чего это я... тебя уже из-за двух оторванных пуговиц на моей рубашке четвертуют. Я тебе обещаю. Понял меня?! — заорала Юля так, что у самой в ушах зазвенело. От страха заорала и отчаяния, чтобы убедительно было. Чтобы дрожь в голосе подавить.

Степан пошатнулся словно его ударила волна Юлькиного гнева. Даже как будто испугался.

— Так бы и сказала сразу, что не хочешь. Никто тебя насиловать не собирался. Я думал, ты играешь со мной.

— В гробу я видела такие игрушки!

Несостоявшийся любовник бросил на девушку последний взгляд и вышел. Его движения потеряли уверенность. На лице промелькнуло беспокойство.

Но после такого потрясения особого удовлетворения Юльке это не принесло.

Оцепенение спало, и ее затрясло. Заколотило такой дрожью, что наконец добравшись до шубы, еле удалось попасть руками в рукава, а застегнуть все крючки и вовсе сил не хватило. Она схватила сумочку и понеслась вниз по лестнице с такой скоростью, что сама диву давалась, как только не сломала каблук и вниз не загремела.

Как ее только черт дернул надеть сегодня сапоги на шпильках!

Выбежала на улицу, понеслась к воротам. И только там, по ту сторону забора, почувствовала облегчение.

Тогда морозный воздух ударил по лицу, схватил за обнаженные ладони, укусил за затылок.

Боже, как холодно!.. Понятное дело, январь на дворе. С морозом, который забирался под одежду и проникал под кожу, реальность ударяла все сильнее, и все громче стучало висках от осознания того, что могло сегодня, сейчас, произойти. Она бы перестала сопротивляться, грохнулась бы в обморок, и Корнеев трахнул бы ее прямо в той комнате. И никто бы туда не зашел. Это не было бы изнасилованием. Он бы решил, что Юля не против.

Лиля в одном права. Тут все *свои*. Никто не станет никого насиловать, потому что прекрасно знают, кто у кого папа и мама. Что можно, а что нельзя. Просто Лиля своим поведением уже опорочила их фамилию, создала себе репутацию потаскушки. А Юльку никто не знает. Она... А теперь и не важно...

Нельзя плакать, нельзя... Сама дура, надо было послать Лилю куда подальше...

Не останавливаясь, Юля накинула капюшон на голову и понеслась прочь от особняка. Шпильки впивались в плотный снежный наст, существенно затрудняя бег, и Юлька боялась, что упадет и растянется на дороге.

К счастью, этого не случилось. Отбежав на некоторое расстояние от дома, она остановилась и полезла в сумочку, но не за перчатками, а за сотовым.

Ох... Достав его, горестно застонала.

Конечно!.. Нельзя, чтобы все закончилось вот так благополучно. Почти благополучно...

Закон подлости работает безотказно — для полного счастья пусть еще батарея сядет на

телефоне! Чтобы пришлось возвращаться в тот балаган!..

Нет, ну на звонок-то хватит... Должно хватить.

А кому звонить? На холоде телефон разрядится еще быстрее, потому нужно быстро решить, что говорить и кому говорить. Точно не папе. Как она ему объяснит, что делает здесь среди ночи одна. Как она вообще сможет объяснить все случившееся.

Вариант возник только один.

Юлька набрала номер. Каждый новый гудок приближал ее к истерике.

— Денисочка, заведи меня отсюда! — взмолилась она, но уточнить, откуда конкретно ее нужно забрать, не успела: батарея на телефоне села. На этом неприятности не закончились, Юля увидела, что из открытых ворот за ней выбежал тот, кто сегодня чуть не довел ее до инфаркта. У нее пропал дар речи, и ноги подкосились, сердце ухнуло в пятки. Вот урод!

— Ты что, планируешь рейдерский захват? — осторожно спросила Верочка, оторвавшись от стопки документов и подняв на Шаурина немного озадаченный взгляд.

Денис приложил указательный палец к губам:

— Тихо, Вера. От тебя не требуется подобных выводов. Делай только то, о чем я тебя попросил. Не можешь — забудь о нашем разговоре. Кое в чем я разобрался, но мне этого мало. Найди мне слабые места. Самые слабые. И все.

— Вот во что ты меня втягиваешь... — вздохнула девушка.

— В авантюру. Хорошую. И для тебя совершенно безопасную. Ты анализируешь документы и консультируешь меня по некоторым вопросам, назовем это так. Думай, Верочка, озолочу. Потом ты благополучно забываешь о наших разговорах. И все довольны.

— Обожаю твою конкретику и лаконичность. Меня устраивает, но мне нужно подумать. Я не могу так сразу.

— Думай, Вера. Я не тороплю тебя. — Заложив руки за голову, он расслабленно откинулся на диване. Все бумажки, лежащие на журнальном столике, он знал почти наизусть.

— Я могу это взять домой?

— Конечно, нет, — покачал головой.

— Ясно, — Верка насупилась. — Мне нужно пометки сделать, как-то структурировать свои мысли.

— А без пометок?

— Не волнуйся, я буду писать все азбукой Морзе. Точка — тире, — пошутила Вера.

— Делай.

— Подведешь ты меня под монастырь.

— Ты зря переживаешь. Я тебя в беде не брошу, — мягко усмехнулся, — столько лет пронзительной дружбы не пройдут даром.

— На это и уповаю, — улыбнулась Вера. — Ладно, оставим сантименты, а то время уже позднее, скоро мой мозг соберется спать. Можешь посмотреть телевизор, заняться своими делами, а я поработаю. Но у меня свои условия. Не мешать, не лезть ко мне с вопросами, пока я не разрешу, и еще мне нужна большая кружка чая. Крепкого с сахаром.

— Будет тебе чай, только документы не заляпай. Эти копии стоили мне целого

состояния.

— Даже боюсь спрашивать, где ты их раздобыл.

— Места надо знать, — усмехнулся Денис и ушел на кухню.

Вера проводила его долгим взглядом и погрузилась в раздумья. Да, она или авантюристка, или сумасшедшая, что решила ввязаться в эти дела. С другой стороны, Шаурину можно доверять.

Действительно, столько лет пронзительной дружбы... Но в последнее время он стал необычно холоден. Совсем. И сегодня намекнул, что ночевать он ее отвезет домой. Так он себя вел, когда у него кто-то появлялся. Потому Вера не сдержалась и заявила, что сама в состоянии добраться до дома на такси. Он не стал спорить. А ей оказалось сложно себе признаться, что ее этот факт глубоко задел. Как помочь — так Верочка, а как... Хотя, грех жаловаться, не бесплатно же она свои мозги напрягает.

— И еще... — снова отвлеклась она на вошедшего Дениса, — это же все теория, понимаешь?..

— Понимаю. — Поставил перед ней кружку крепкого чая и расположился рядом на диване. — Ты не волнуйся. Что я потом буду делать с этой информацией — не твоего ума дело. Я же не прошу тебя рисовать какие-то схемы. Ты просто проанализируешь документы. А потом выбросишь все из головы.

— Понятно, — тихо сказала Вера. — Слушай, а правда, что Таня с мужем развелась? Я недавно ее видела, она сказала, что живет теперь у отца. Но я не полезла к ней с расспросами. Неудобно как-то.

— Да. Я на днях квартиру ей купил. Чтобы точно к этому придурку не вернулась.

— Классно! — Верочка расплылась в одобрительной улыбке.

Они просидели допоздна. Как и условились, Денис не отвлекал ее, не задавал вопросов, не заглядывал в ее записи из-за плеча. Единственное, что он позволил, так это предложил сделать перерыв и поесть. Вера отказалась. И хотя аромат мясного рулета ее безумно раздражал, она стояла на своем. Диета, так ее...

— Денис! У тебя телефон звонит!

Затерявшийся между диванными подушками сотовый никак не хотел умолкать. И звонил так настойчиво, что Вера решила крикнуть Шаурину, вдруг это какой-то важный звонок. Он пришел на ее зов и забрал телефон.

Увидев, что звонит Юля, Денис насторожился. Хотя в этом не было ничего удивительного. Бывало, что они перезванивались в такое позднее время, но сегодня почему-то внутри что-то тревожно ёкнуло. А когда услышал пронзительный вопль в трубке, все существо его перевернулось... и замерло. Кажется, на несколько секунд сердце остановилось, и кровь в венах застыла. Потому что он не знал, куда бежать и что делать. Откуда ее забрать. Откуда?!

Откуда!.. Где!..

Цветисто и грязно выругался. Вспомнил про «такую-то мать» и еще много замысловатостей. Так громко вспомнил, что Вера не усидела на диване и прибежала за ним на кухню, чтобы узнать, что случилось.

Она спрашивала, что-то говорила, но он не слышал.

Не слышал ни ее, ни себя.

В голове шумело, в ушах звенел Юлькин вопль.

Этот вопль сконцентрировал на себе все, Денис цеплялся за него, словно пытался все-

таки выудить ответ, где искать Юлю.

На какую-то минуту он застыл, перестав без конца набирать ее номер и не получать ответа, завис. Эта минута растянулась на целую вечность.

А потом она позвонила еще раз...

Вера опешила. Растерялась. Инстинктивно возникло желание куда-нибудь спрятаться. Давно не видела Дениса в таком состоянии. Честно говоря, и не припоминала, когда в последний раз видела. Это можно назвать коротко и емко — аффект. Всего один телефонный звонок и Шаурин уже в состоянии неудержимости. От такой разительной перемены стало не по себе. Страшновато. Это все... не без последствий.

Денис вихрем пронесся по квартире, накинул куртку и только на пороге задержался. Вера несмело шагнула из кухни в прихожую. На некоторое время, какие-то доли секунды, он вцепился в нее невидящим взглядом, как будто силясь вернуться в реальность. Смотрел, словно хотел что-то сказать, но забыл.

— Дверь за собой захлопни, — наконец с трудом выдохнул.

— Юля, — задыхаясь проговорил Корнеев, — давай вернемся... и все обсудим... произошло недоразумение.

— Какое недоразумение, ты, придурок! Ты чуть меня не изнасиловал!

— Я же говорил... ты все не так поняла!

— Я тебя прекрасно поняла. Не приближайся! Не смей меня трогать!

Корнеев уже выдохся. Устал за ней бегать и уговаривать. Снова начал злиться, но Юлю это уже не волновало. Откуда у самой взялось столько сил и выносливости удирать от него на шпильках, бежать невзирая на ледяной ветер и колючий снег, которые били в лицо...

— Не дури!

В ответ Юлька расхохоталась. Рассмеялась истеричным смехом. Они остановились посреди дороги. Стёпка кружил вокруг нее, не смея притрагиваться, но и не отпуская. Вероятно, думал, что сумеет договориться, уладит конфликт и вернет ее в дом.

Интересно, неужели он думает, что после произошедшего она снова забьется в уголок на диванчике и будет смиренненько смотреть, как они отрываются?

— Испугался, да? Испугался, что мой отец из тебя кишки выпустит? Правильно, — Юлька вошла в раж, каждое слово сочилось сарказмом, — он не только из тебя кишки выпустит, он всю твою семью с лица земли сотрет. А все потому, что кто-то свое достоинство в штанах держать не умеет и руки распускает. Вот незадача, да? — она уже не контролировала себя. Несла все подряд. Всякую чушь. Даже не боялась. После того, как услышала голос Дениса совсем осмелела, а еще так замерзла, что ничего не чувствовала. Пыталась спрятать замерзшие пальцы в рукавах, но капюшон периодически слетал с головы и приходилось его поправлять. Только собственный голос и давал понять, что она еще не околела до смерти.

Длинная норковая шуба, конечно, хорошо греет. В ней и замерзнуть-то практически невозможно. Но это при условии, что шубка на все крючки застегнута, а не только на парочку верхних; и на ногах не капрон, а что-то потеплее. Да и шапку бы с шарфом не мешало на себе иметь, когда мороз за минус двадцать.

— Тем более!.. Юля, зачем нам этот позор. Никому не нужна огласка. Давай

договоримся. Ну, куда ты среди ночи пешком собралась?

— Не твое дело! — С трудом вдыхала ледяной воздух. Горло уже болело, голос охрип. Ангина после этой прогулки ей обеспечена. И не только ангина. Кажется, она нервами тоже пошатнулась. Если Денис еще задержится, то она совсем с ума сойдет.

Хотя время Юля не ощущала. Оно как будто тоже застыло. Только глухие удары сердца, отсчитывая его, подсказывали, что оно все-таки идет вперед. А само сердце так билось, что уже грудная клетка болела.

И место такое. Ловушка. Не выбраться. Машин ездит мало. Попутку не поймать, да и не решилась бы ни за что. Коттеджный поселок в черте города. В народе его называют «долина нищих». Цепочка особняков за высокими заборами и по другую сторону лесополоса. Застройка началась не так давно, потому многие дома еще не обжиты.

Только мысль, что Денис услышал улицу и номер дома, придавала мужества и сил. Хотя насчет номера дома можно посомневаться, а вот улицу должен был разобрать. Потому и старалась Юлька не сбегать с дороги, не сворачивать в проулки между домов, а оставаться в свете фонарей, чтобы он ее заметил.

Когда Корнеев попытался взять Юлю за руку, она увернулась и двинулась вперед. Правда не так резво, как раньше. Зря расслабилась. Он решил больше не церемониться и грубо схватив ее, потащил в сторону дома. Еще и рот ей закрыл ладонью, только теперь Юлька не могла так легко укусить, ибо Стёпа был в перчатках. Все-таки он гораздо здоровее, чем Юля, и с таким агрессивным выпадом она справиться не смогла. Хотя попыталась сопротивляться. За что и получила.

Терпение у него совсем иссякло, и он ударил ее по лицу. Не сильно, но достаточно, чтобы голова закружилась, перед глазами все поплыло, а способность противостоять угасла, как догоревшая свеча. Вот и Юлька сожгла все силы.

Потом в глазах потемнело. Конечности отяжелели. А у Корнеева словно второе дыхание открылось. Он попер ее в сторону дома с такой скоростью, что она не успевала ноги переставлять, чувствуя себя безвольной куклой. А еще она чувствовала, что он все-таки сломил ее. В голове, которую словно ватой наполнили, возникла мысль, что он ее точно не будет насиловать, просто убьет. Задушит и в ближайшем сугробе закопает. Или в самом дальнем.

Она не потеряла сознание, но глаза закрывались сами собой. А сил открыть их совсем не было.

Чуть позже ее ослепил свет фар. Странно, что она не слышала шума мотора. Просто яркий свет проник сквозь неплотно стиснутые веки. А потом ее оторвали от Корнеева. Или Корнеева оторвали от нее. В чем, собственно, никакой для нее разницы. Потому что Юлька все же оказалась в ближайшем сугробе, не сумев удержать равновесия.

Так хорошо было. В сугробе. Уже не холодно. Спокойно.

Выплывать из сонного состояния не хотелось, но пришлось. Свет ударил в глаза ярче, шум мотора совсем рядом почти оглушил — сознание избавилось от тумана, и Юля увидела Дениса.

Он вколачивал Корнеева в снег, вбивал его, обрушивая сверху молниеносные удары, такие стремительные, что Юля не могла уследить за его движениями. Шаурин не бил его хаотично и бездумно, действовал одной правой — методично удар за ударом превращал лицо, лежащего на снегу парня, в кровавое месиво. Степан не шевелился, даже не дергался.

Юлька запищала. Заверещала что есть силы, чтобы отвлечь Шаурина. Убьет же...

голыми руками убьет. Если уже не убил... Заверещала второй раз. Говорить не могла, язык словно примерз к небу, но вот подать голос было по силам.

Удалось. Денис слез с Корнеева, поднялся, отряхнул колени, набрал полные пригоршни снега, омывая руки от крови. Почему-то именно этот жест поразил Юлю больше всего. Она вскочила, пошатнувшись оттого, что голова закружилась.

— В машину! Живо!

Она не узнала его голос. И его самого с трудом узнавала.

Еле переставляя ноги, Юля пошла «мерседесу», по пути подобрав свою сумку. Когда забиралась в салон, украдкой бросила взгляд на своего обидчика. Он так и не шевелился.

Денис сел за руль и ударил по газам. Юлька не смотрела ему в глаза. Боялась. Хотя знала, что придется. И поговорить придется. Но немного позже. Сейчас она не могла сказать ни слова. От всего, что случилось, ее лихорадило. Так, что зубы стучали, и руки тряслись крупной дрожью.

Тепло подействовало благотворно, руки и все тело начали отогреваться, хотя сопровождалось это почти нестерпимой физической болью. Странно, но чем сильнее проникало внутрь тепло, тем больше казалось, что она разваливается на куски — тем слабее становился дух. Но она умудрилась немного взять себя в руки. Пальцы уже слушались, потому она заплела растрепанные волосы в косу, набросила капюшон, застегнула крючки на шубе.

Не пришло в голову спросить, куда ее везут. А когда автомобиль затормозил перед домом Дениса, не удивилась, а обрадовалась. Однако радость ее прошла, когда войдя в квартиру, она застала там темноволосую девушку. Та вышла в переднюю на звук открывающейся двери.

Одному Богу известно, что Юля испытала в этот момент. Нет таких слов, чтобы описать ее состояние. К такому нельзя подготовиться, и нельзя заранее предугадать свою реакцию. Боялась, что упадет в обморок. Рот был полон крови, на тот раз собственной. Потому что с силой прикусила себе язык, чтобы не закричать, не запищать и не начать биться в истерике. Чтобы подавить дрожь в руках и не выглядеть идиоткой. Перед его любовницей. Это же она?

Она, а кто еще... Конечно она.

По венам прошла горячая волна, окончательно смыв холод в теле.

— Бл*ть, как в том анекдоте... вернулась жена раньше из командировки... — на удивление твердо сказала Юля. Хрипота придала голосу еще больше жесткости.

— Дорогая, ты все не так поняла. В продолжение анекдота, — сказал Денис.

Вера поражено застыла на месте. Поразило ее не появление Дениса с девушкой, и даже не язвительные слова той, а собственная неожиданная реакция. Неловкость. Что само по себе было удивительно. Потому что именно так себя сейчас Вера и почувствовала — любовницей, временным развлечением, шлюшкой, которую изредка используют, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности.

За все время ее долгих отношений с Шауриным никогда не возникало подобных ситуаций. Никогда никто не тыкал ей в лицо подобными унижительными определениями, никогда она не сталкивалась с его пассивностями и не чувствовала себя вот так. Никак не могла она почувствовать себя второсортной заменой, потому что у Шаурина априори все связи непостоянные и скоротечные. Скорее, других его кралей, кем он увлекался, можно смело назвать всего лишь временным развлечением. Это Вера терпела их недолгое присутствие в их с Денисом отношениях, хоть и весьма своеобразных. Вдоволь наигравшись, он всегда

возвращался к ней. А теперь оказалось, что роли перераспределены, а она издать не знала. Денис своим ответом только подтвердил это. Расставил все по местам, хотя в словах его звучал явный сарказм. И ничего больше — ни вины, ни неловкости, ни смущения. Даже бровью не повел. Это очень слабые чувства. Они просто не смогли пробиться сквозь стену кипящей злости.

Вот тут очень захотелось посмотреть в лицо той, которой удалось взорвать мир Шаурина. Вера этот взрыв лично пронаблюдала, да только не поняла, что все это из-за девушки. Поразительно, но все это из-за девушки. Никогда не думала, что Денис способен на такое. И пусть проявления его внутреннего потрясения были впечатляющими — злость, ярость, даже отчаяние на какое-то время, — но подоплека у всего этого была другая. Иначе эта красотка не стояла бы посреди прихожей с видом хозяйки и не смотрела бы на Веру так убивающе- презрительно.

Все это время Верочкин взгляд скользил по ее шубке, поднимаясь лишь до уровня подбородка. Почему-то не решалась она посмотреть этой девушке прямо в глаза. Не могла, хоть убейте. Потому что остро чувствовала на себе ее пронизывающий взгляд. Ревностно-горячий. Что немудрено. Вера и сама испытывала сейчас нечто похожее на ревность. Права, конечно, не имела, но тут трудно с собой что-то поделать. Столько лет «пронзительной дружбы»... Так и хотелось сказать что-нибудь провокационное в своем духе, типа «А на групповушку я не согласна». Но рот открывать не решилась, побоялась реакции Дениса. То, что она, реакция, последует незамедлительно, нет сомнений. Прилетит Верке еще как. Шаурин в таком состоянии, что как бы штукатурка со стен не начала обсыпаться от его напряжения.

Верочка все же пересилила себя и взглянула на девчонку. Волна презрения и ненависти, что от нее исходила, почти с ног сбивала. Силясь, чтобы не отвести глаз, Вера оценила спутницу Шаурина. Или кто она ему?.. Подруга? Невеста?!

Выбрал так выбрал. Кто бы сомневался... Высокая. С чистой кожей и правильными чертами лица. И надо признать, хоть и скрипя зубами, красивая. Шубка на ней из норки, с коричневыми пятнами, — как шкура далматинца, — целое состояние стоит. И под шубкой, наверное, есть чем полюбоваться.

Захотелось поскорее свалить из этой квартиры, потому что, по всей видимости, грядет большой скандал. Не хотелось служить громоотводом.

— Так, ребята, давайте вы без меня разберетесь, — быстро сказала Вера и потянулась за одеждой. Денис тем временем уже избавился от куртки. Но почему-то своей даме помогать не спешил. — Денис, может, все-таки я документы домой возьму? Обработаю, проанализирую и верну тебе со своим заключением. — Трудно сказать, чего хотелось больше — оправдаться самой, или оправдать хоть как-то Дениса, чтобы окончательно не испортить с ним отношения. Раз уж теперь у них общее дело, да и вообще... Облажалась, что говорить... Надо было слова «Захлопни за собой дверь» буквально понимать и действовать прямолинейно. Собираться и уходить, а не сидеть и гадать, что же у Шаурина случилось, дожидаясь его прихода. Дождалась, что самой тошно.

— Нет. Мы с тобой встретимся в другой раз и все обсудим. А сейчас я вызову тебе машину.

— Не стоит беспокоиться. Я как-нибудь сама. Такси на остановке поймаю. Все пока. Вера вылетела за дверь, прежде чем Шаурин сдвинулся с места.

Казалось бы, невиданно для создавшейся ситуации, но меж тем жаль, что девица эта не

задержалась подольше, а Денис не пошел ее провожать. Так у Юли была бы возможность привести себя в порядок. Посмотреть, что там с блузкой. А раздеваться у него на глазах... попросту боялась. Хоть столкновение с его любовницей немного рассеяло этот страх. Но не настолько, чтобы смело смотреть ему в глаза и с достаточным упорством противостоять нападкам. Молчание Шаурина только усиливало эффект.

Стоять истуканом тоже не дело. Негнущимися пальцами Юля начала освобождать крючки из петель. Денис потянулся к ней, чтобы принять шубу, но она передернула плечами и сказала: «Обойдусь». Он не стал настаивать, ушел в гостиную. Юлька облегченно выдохнула и, быстро скинув шубу и втиснув ее в шкаф, юркнула в ванную.

Возникло дурацкое желание хлопнуть стакан коньяка и отключиться. Напиться, чтобы себя забыть. Чтобы не слышать всего того, что Денис для нее приготовил. Не сомневалась: сейчас он извергнет на нее всю свою злость. Степа принял на себя лишь часть того, что бурлило в Шаурине. Все остальное точно достанется Юльке. Не зря она, грешным делом, пожалела, что Верочка ушла. Надо было ее на чай оставить. Или на кофе с молоком.

Все. Аут полный. Не мысли, а бред сивой кобылы. Ересь. Что же дальше будет...

В ванной Юлька первым делом посмотрела, остались ли синяки на руках. Кое-где на коже виднелись красноватые пятна, но навряд ли они посинеют. Что касается рубашки, то тут дело обстояло куда хуже. Вроде бы, отсутствие пары пуговиц сверху так и было задумано. Только если бы сами пуговицы не были вырваны с корнем.

Черт, и булавки никакой нет...

Одно радовало — что внешний ее вид совсем недурен, по сравнению с тем, что творилось внутри. Внутри как будто на клочки разорвали. Все тело болело. Еще бы! Корнеев как-то не особо деликатничал, когда тащил ее по дороге в сторону дома.

Голова раскалывалась. Ах, да... Вспомнила, что получила удар и тронула место за ухом.

Придурок... Тогда у нее чуть из глаз искры не посыпались. На ошупь большой гематомы не чувствовалось, но прикосновение отдавалось болью. Слава Богу, что не по лицу ей вмазал...

Что ж теперь с этой блузкой делать?.. Поправила воротник-стойку. Убрала торчащие ниточки, стянула полы поближе друг к другу. В идеале, надо бы переодеться. Можно попросить у Дениса рубашку или футболку. Но сегодня как-то язык не поворачивался. Да и выглядело бы это слегка неожиданно, так скажем, с ходу влезать в его вещи.

Вечно в ванной не усидишь, потому Юля вышла. Как хорошо, что у него такая огромная квартира. Можно передвигаться без опасности столкнуться. Ох, была бы возможность вообще потеряться в ней...

Денис находился в гостиной. Сортировал документы, лежащие на журнальном столике. Наверное, про эти документы говорила та девка. Поверить теперь, что ли, что она была тут по делу?

Кстати, он так и не назвал ее по имени, оставив в секрете, как ее зовут. Интересно, специально он это сделал или нет? Наверное, хорошо это. Так она стала совсем безликой, просто пятном в его жизни. А если бы сейчас Юля узнала ее имя, то фантазия завела бы ее в такие дебри, откуда без психиатра не выбраться.

— Иди на кухню, — сказал Шаурин, как только заметил промелькнувшую у дверей Юлькину фигуру. — Я сейчас приду.

В каждом его слове таилась угроза, причем не скрытая. Довольно-таки прямая.

Ну не ударит же...

Ну поорет, максимум. Выговорится.

Почему же тогда так страшно?

Страшно, что пальцы леденеют.

И даже сцена с его подружкой не помогала набраться смелости и взять ситуацию в свои руки. Какой тут взять? Хоть бы ответить внятно, когда спрашивать будет.

Вот с этим все сложно — с объяснением. Так унижительно говорить, что ее пытались изнасиловать. Это как будто признаться, что сама во всем виновата: дала повод, позволила себя лапать. Если бы Денис не увидел Корнеева, то лучшим выходом было бы скрыть все. Сказать, что ей просто надоела эта компания, и она позвонила, чтобы он забрал ее. С остальным разобрались бы.

Когда кричала в трубку, звала о помощи, то думала: как только увидит Дениса, бросится ему на шею, расскажет все и выплачется. А оказалось все совсем не так.

В квартире стояла такая тишина, что слышался каждый звук. Каждый шорох и шелест его джинсов. Его шаги...

Сердце сразу замедлило ход. Юлька села за стол, попытавшись как-то отгородиться от агрессии Шаурина.

— Потрудись объяснить, что происходит? — Паузу Денис не выдерживал. Их было достаточно. Сразу перешел в наступление, остановившись посреди комнаты. — Затрудняюсь дать всему свою оценку. Жду твой вариант, — так сухо сказал. Лучше бы набросился сразу, проорался и остыл.

Юлька не находилась со словами. В трансовом состоянии наблюдала, как он заварил ей чай, — оказывается, пока она зависала в ванной, он вскипятил чайник, — даже сахар в кружке размешал. Заботливый такой, аж дрожь по телу. Как-то не вязалось это с его общим настроением. Жаль только, что коньяка не плеснул в этот раз. Заметил, наверное, что она скрестила руки на груди, сжала локти, будто пыталась обнять себя и согреться. Вот и принялся сразу чаем ее отпаивать. Почти правда: от пережитого шока ее снова затрясло, зазнобило.

— Нас с Лилей пригласили на вечеринку. Потом мне надоело, и я решила уйти. Позвонила тебе, — цедила слова. Боялась, что зубы застучат.

— Неправдоподобно играем. — Поставил перед ней кружку и, нависнув, оперся ладонями о столешницу. — Кадр один дубль два. Правдивей надо, с эмоциями, — язвительно растягивал слова. — Так, чтобы я поверил.

Снова набрала полные легкие воздуха. Остальное не знала, как сказать.

— Все так и было. Этот Стёпа приставал ко мне. Я потому и решила уйти оттуда. — Как вспомнила про «приставания» Корнеева, так слезы на глаза навернулись. Хотя плакать не собиралась.

— Приставал к тебе... — повторил Денис, словно смакуя эти слова, позволяя им проникать в сознание. — Он что-нибудь сделал тебе?

— Нет, — покачала головой, — не успел. Я убежала. А потом тебе позвонила.

— А если бы успел? А если бы ты мне не дозвонилась? И насколько я могу судить, не очень-то ты убежала.

— Он за мной следом... побежал.

Говорила рвано, он тоже словно боялся озвучить свою мысль, хотя прекрасно понимал, что на самом деле случилось.

— Как завлекательно все у вас... — И тут тормоза сорвались и он заорал: — Ты хоть

понимаешь, что могло произойти?! Думаешь, он с тобой поговорить хотел?! А если бы я не приехал! Да у меня мозги на молекулы разлетелись, я не знал, куда бежать и что делать! Где тебя искать! Ты даже не представляешь, что я пережил! Я пока ехал, думал, что тебя уже изнасиловали, убили, расчленили и закопали! — хлопнул ладонью по столу.

Юлька подскочила на месте и вскинула на него мокрые глаза. Язык прилип к небу. Вдобавок к состоянию, близкому к нокауту, когда от одного удара валятся с ног, отключаясь, чувствовала жгучую, саднящую сухость в горле.

Приложила просто грандиозные усилия, чтобы выдавить из себя хоть один звук.

— Не ори ты на меня... я сама уже думала, что он меня задушит и закопает... раз изнасиловать не получилось... я пригрозила, что расскажу отцу, сказала, что он его уничтожит.

— А что ж ты мне тогда позвонила, а не отцу?

— Что я ему скажу?

— А мне не надо ничего говорить? И объяснять ничего не надо? Мне можно просто позвонить постфактум и выдать: «Забери меня отсюда!», — замолчал, чтобы перевести дыхание.

Грудь его тяжело вздымалась. Белая футболка стояла у Юльки перед глазами светлым пятном. Это пятно, казалось, в мозг проникало, заволакивало все молочным туманом. Чувствовала, что снова впадает в состояние неспособности хоть как-то реагировать и сопротивляться.

— А сейчас ты уже решила, что скажешь? Я вот возьму и сдам тебя папаше с потрохами. Пусть накажет свою хорошую девочку. Вправит тебе мозги! Тебя здесь, у меня дома, вообще не должно было быть! И мне плевать, как ты будешь выкручиваться! Ты же самостоятельная у нас, сама все знаешь! А я ему такую сказку расскажу, где и как тебя нашел, что не только он, я и сам в нее поверю!

— Я не специально! Я не хотела, чтобы все так вышло!

— Что ты делаешь? — Внезапно запустил пальцы в ее волосы и сжал голову руками. Не специально, конечно, но надавил ладонью на болезненное место за ухом. — Куда тебя понесло? Не надо, Юля, видеть во мне сверхчеловека со сверхчувствами и сверхспособностями. Я примитив! А в таких ситуациях мыслю и действую примитивно! Я бы убил его. — Только интонация позволяла различать, о ком он говорит. — А может быть и убил, хрен его знает. У меня механизм один! Я бы всем в вашей компашке зубами глотки перегрыз! Не надо так, Юленька... Не надо делать таких вещей... Ты же не знаешь, на что я способен, что я видел и знаю...

Юлька терпела. Не хотела показывать свою боль. Но он давил все сильнее, и она не выдержала: дернулась, вскочила с места. Опрокинула на себя кружку. Чай все же был еще горяч, хоть уже и не кипятком. И, скорее, он больше хлестнул по натянутым нервам, сколько болью по телу.

Денис тут же задрал на ней рубашку.

— Я сама, дай мне что-нибудь, — отцепляя его руки от себя и оттягивая ткань от тела, сказала Юлька.

Пока Денис ходил за футболкой, она проворно, как могла, расстегнула маленькие пуговицы. Как раз справилась, когда Денис вернулся. Забрав из его рук футболку, она убежала в ванную. Но он пошел за ней следом и не дал захлопнуть дверь.

Так и похолодела под его взглядом. Прикрыться не смогла, руки как будто свинцом

налились. Смогла только спиной ему повернуться. Но не тут то было. Сильные руки, почти не прикладывая никаких усилий, развернули. И сама ощущала, что двигается по инерции — совершенно безвольно.

Но Денис сразу отпустил ее. Кончиками пальцев тронул края рубашки, прошелся вниз, чуть задержался в том месте, где не было пуговиц, потом осторожно раздвинул.

— Снимай.

Тогда Юлька прикрыла грудь, скрестив руки.

— Снимай! И Юбку... Раздевайся.

Слова застряли в горле.

Денис, не слишком церемонясь, сдернул с ее плеч рубашку.

Ничего не оставалось, как только снять ту окончательно. Потом юбку. Колготки...

Он осматривал ее.

Юля не сразу поняла, что он изучает ее тело — каждый сантиметр. Все ждала от него каких-то действий, но он повернул ее к себе спиной и убрал руки, продолжая скользить взглядом по коже.

Удовлетворившись увиденным, он сунул ей в руки свою футболку и вышел.

— Может, ты меня и в больницу отвезешь? Я же сказала, что он мне ничего не сделал, — задержала его на пороге.

— Отвезу, если надо будет, — ответил, не оборачиваясь.

Забавно даже. Ведь это его первое знакомство с ее телом. До такой степени раздетой, в одном белье, он ее еще не видел. Совсем не так представлялся ей этот момент.

И тут Юля не выдержала. Есть же у человека какой-то предел. Она сегодня и так все рекорды побилла. Даже не думала, что в ней столько выдержки и самообладания.

Горячие слезы полились по щекам. Сдерживаясь, чтобы не зарыдать в голос, Юля включила душ. Все равно надо смывать с себя сладкий чай. Да и вообще хотелось отмыться после всего, что приключилось.

Но сил хватило только на то, чтобы посидеть под водой так, как мокнут под дождем — терпеливо и покорно.

Все же вода немного привела ее в чувства. И не душ, а горячий чай, что полоснул по нервным окончаниям. Вспомнилось, что у нее тоже есть претензии. Одна очень серьезная и убивающая ее целый год «претензия».

Заботиться о своем внешнем виде в такой момент уже было просто глупо. Потому Юлька промокнула волосы, чтобы с них не бежала вода, завернулась в большое полотенце и с решительным видом направилась в кухню. Денис же еще там?

— Ты мне обещал, что я ее никогда не увижу! — Со всего размаху она заехала ему между лопаток ладонью. Он стоял напротив окна, от удара качнулся вперед, чуть не врезавшись в стекло. Повернулся так резко, что Юлька отскочила, побоявшись получить отдачу. Но у него даже рука не дернулась. Черт, с чего ей померещилось, что он может ее ударить? Наверное, потому что перед глазами все еще стояла картина того, что он сделал с Корнеевым. Теперь она знала, что его нежные руки могут даже убить. Знала точно, что не отвлеки она его от Стёпки, он бы не оставил на нем живого места. Убил бы.

— Я сказал, что ты все не так поняла. Или ты не так поняла?

— Не ври! — продолжила с жаром. — У нее на лбу написано, что она с тобой спала!

— Не сплю я с ней! — рявкнул он.

Юлька постояла секунду. Потом выскочила из кухни. Все-таки полотенце не самая

лучшая одежда. Трудно доказывать свою правоту, когда приходится одновременно с этим заботиться, чтобы обернутый вокруг тела кусок махровой ткани не слетел на пол.

Чтобы выразить свои чувства до конца, этой гневной тирады не хватило. Все внутри клокотало, ища выход. Все билось, доводя до сумасшествия.

Натянув на себя трусики и футболку, Юлька пошла в спальню. С остервенением содрала постельное белье с кровати, про себя все же отметив, что кровать была аккуратно заправлена. Так боялась, что увидит расправленную постель, как знак того, что на ней он трахался с этой сучкой.

— Выброси это! — швырнула груды белья в Дениса.

К слову, он так и остался стоять на месте. Лишь оперся на подоконник, чтобы было удобно наблюдать за Юлькиными передвижениями по кухне.

— А может тебе еще скатёрку крестиком?..

— Выброси! — зло сказала Юлька. Сама сгребла белье и бросила его в кучу у раковины. — Ты мне еще что-то говоришь, когда сам... — уперла руки в бока. Так и пылала гневом, забыв, что минуту назад леденела от отчаяния и лила слезы, отмокая в душе. — Думаешь, я там развлекалась, что ли? — набросилась на Дениса с удвоенной силой. Видимо, потому что он не особо отбивался от ее атаки. Так, отстраненно наблюдал. — Это все Лилька, идиотка... Она знает про нас и теперь манипулирует мной. Не шантажирует, конечно, в открытую, но я ее знаю. По-твоему, мне должно быть приятно, когда мной управляют, как марионеткой? Мне на фиг не нужна эта вечеринка! Я вообще не знала, что там будет этот придурок! Ему Лилька наверное что-то наплела, иначе с чего он ко мне полез... — тормознула, осеклась, потому что как только речь снова зашла о Стёпке, Денис потемнел лицом. — Просто я боюсь, что Лиля начнет трепать языком. Не за себя боюсь. Мне все равно... — выдохлась. Застыла на месте. Медленно, скользяще-неуверенным движением скрестила руки на груди. Запал прошел, а с ним и прежняя смелость.

Денис долго смотрел ей в лицо. С каким-то интересом, что ли. После упоминания имени сестры Юля четко уловила перемену в его настроении. Только это был слишком тонкий нюанс, чтобы безошибочно определить его оттенок.

— Бабы дуры не потому что дуры, а потому что — бабы, — сказал он и вышел из кухни.

— Чего? — пустила Юля вопрос ему вслед и устало опустилась на стул.

Он принес одеяло. То самое с кровати, с которого она содрала пододеяльник. Подняв Юлю со стула, закутал и снова усадил на место.

— Надо было сказать этой овце, что я женюсь на тебе. И все. Она бы сразу отвалила.

— Как я могу ей такое сказать?

Это шутка? Он пошутил? Наверное, так. Сегодня они оба не в себе.

— Русским по белому. Подписалась же уже.

Юлька улыбнулась. Первый раз за вечер. И легко как-то стало.

— Круто я сказанула, да? Это все от нервов.

— Круто. Всех умыла моя крошка.

— И тебя?

— Меня в первую очередь. Пусть трепет языком. Тебе вообще не надо ее бояться. Ты хозяйка положения. Скажешь, что у нее извращенная фантазия. Можно подумать, что она без косяков.

— Я никогда это не использовала. Мне просто это не нужно было.

— Значит, пора начинать. И сейчас вся ситуация против нее, а не против тебя. Просто

ты не с того угла смотришь. Она, кстати, даже не позвонила и не поинтересовалась, где ты. Есть хочешь? — вдруг спросил он.

— Да. Хочу бутербродов с красной икрой, мандаринов, шоколадных конфет и чего-нибудь мясного. Я там ничего не ела... — добавила совсем тихо, боясь одним упоминанием о той вечеринке нарушить установившееся шаткое равновесие. С таким трудом они оба успокоились, что Юля сама до конца еще не могла в это поверить и напряженно ждала, что вот-вот Денис снова начнет хлестать ее словами.

Но он, выслушав ее пожелания, лишь усмехнулся:

— Мандаринов у меня нет. Все остальное будет.

Все остальное и правда... случилось.

Он справился быстро, даже не позволил ей помочь сделать бутерброды. Да не очень-то и хотелось. Юля крепче стянула на себе одеяло, чувствуя слабость во всем теле.

То, что Лилия может проболтаться об их с Юлей отношениях, Дениса не испугало. В глубине души он уже хотел, чтобы это случилось. Это все равно когда-нибудь произойдет. Для Юльки нет никакой разницы, но для него будет гораздо лучше, если все откроется в ближайшее время, а не после того, как он начнет с ней спать. Осточертело врать Монахову. С каждым днем его внутренние противоречия росли, разрывая изнутри. Монахов за короткий срок поднял его на такую ступень, откуда падать очень больно. И за все это — положение, связи, возможности — придется платить. А Юлька своей любовью загоняла его в ловушку. И каждый новый день с ней уменьшал шансы из этой ловушки выбраться.

Юля пригелась в одеяле, двигаться сил не было. Только голод и смог заставить ее высунуть руки и сжать чашку с чаем в ладонях.

— А коньяк сегодня не подают? — спросила со вздохом.

— Нет.

— А для расслабления нервов?

— Я тебя и без коньяка расслаблю.

— Как интригующе... — отделалась улыбкой. Хотя многообещающая фраза Дениса очень смутила. Что-то внутри надломилось и еще пока не срослось. Прежний романтический настрой пропал. — Надо, наверное, Лиле позвонить, чтобы жизнь ей малиной не казалась. Испортить праздник души и тела.

— Сейчас ты навряд ли до нее дозвонишься.

— Посмотрим.

— Набрать ее? — Денис взялся за свой мобильный.

— У тебя есть ее номер?

— У меня есть номер даже вашей домработницы.

— Я выйду.

— Чего так?

— Не, я туда, — указала взглядом на прихожую. — Материться буду, наверное.

— А ты умеешь?

— Кажется, да.

Юля освободилась от одеяла и на время вышла из кухни.

— Дозвонилась, — довольно сообщила, когда вернулась. — Она еще на редкость вменяема. Но это потому что у нее желудок слабый, алкоголя она пьет мало.

— И?.. — выжидающе спросил Денис.

— У Лили и так отсутствует способность быстро и сосредоточенно мыслить, а мое

внушение, выстроенное на логике и некоторых методах психологического и морального давления... — полушутя-полусерьезно начала Юля.

— В общем, ты ее послала.

— И это тоже.

— Страшное дело, — по его губам скользнула мягкая усмешка. — Научу тебя плохому.

— Охотно верю. Ты и так ко мне эмоционально достаточно приложился.

— Встряхнул я тебя?

— Подкинул и ударил.

— Отпустило?

— Не совсем. Как ты там сказал... у меня мозг на молекулы разлетелся.

— Это хорошо.

— Хорошо? — удивилась.

— Хорошо. Теперь можно собирать. Главное, не позволяй собой управлять, манипулировать.

— Даже тебе?

— А мне тем более.

— А как же лояльность, женственность, гибкость?

— Это другое.

— Не пойму разницы.

— Потом поймешь.

— Я пока не могу разобраться. Не могу ничего осмыслить. Почему ты не налил мне в чай коньяк? Или коньяк без чая. Или бокал вина. У тебя есть вино? Или шампанское. Чего-нибудь. Я бы расслабилась. У меня страшно болит голова. И горло. И мне холодно.

В ответ он достал из ящика две таблетки обезболивающего и поставил на стол стакан с водой.

— Сама сказала, что мозг разлетелся на молекулы. Вот и собирай его на трезвую голову. Я, как видишь, тоже... Пей и пошли спать. Поздно уже.

Денис оставил ее. Юлька проглотила таблетки, запила их водой. Потом зашла в спальню, сразу услышав:

— Постель застели. Или ты на голом матрасе спать собираешься?

— А то белье ты выбросишь?

— Хочешь, чтобы выбросил?

— Да.

— Выброшу.

— Позволяешь собой манипулировать?

— С какой стати? Усыплю твою бдительность. — Достал из шкафа и бросил на кровать чистый комплект постельного белья. Следом выгреб запасные одеяло с подушкой и вышел.

Он на диване, что ли, спать собирается?

Странно, но осознание этого принесло Юле одновременно и разочарование, и облегчение.

— Шаурин! Ну хоть бы вид сделал!.. — Из гостиной донесся его смех. — Я ненавижу заправлять одеяло в пододеяльник!

— Сама виновата. Это твоя инициатива. — Мимо проходя на кухню.

Ворчи не ворчи, а это правда ее инициатива.

Справившись, Юля выключила свет и юркнула под одеяло. Ощущать себя одной в холодной постели ужасно неприятно.

Может, хотя бы сходить пожелать Денису спокойной ночи?

Собралась было выбраться из кровати, но услышала, как он прошелся по квартире, щелкая выключателями. Теперь темнота стала осязаемой. Немного пугающей, таинственной.

Тихие шаги. И он присел на край кровати с ее стороны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мутноватый свет луны, падающий из окна, выхватывал из темноты его силуэт. Все та же белая футболка светлым пятном. Абрис фигуры. Сцепленные пальцы. И волна напряжения.

Оказывается, оно никуда не ушло, напряжение. Сейчас, когда не видно выражения лица и непонятно, что говорят его глаза, оно чувствовалось сильнее. Отражалось внутри и отдавалось по собственному телу скомканной дрожью. И любой шорох выдавал неловкость момента, а молчание становилось многозначительным и наигранным. Невыносимым. Ужасно раздражало, что Денис не говорил, о чем думал. Думал и молчал...

Если раньше по его лицу можно было хоть что-то понять и уловить хоть какой-то обрывок внутренних ощущений, то сейчас, в темноте, его мысли стали совсем недосыгаемыми.

Так хотелось, чтобы он сказал что-нибудь хорошее. Теплое. Чтобы и внутри от его слов тоже стало тепло. Горячо. Чтобы прошло это леденящее покалывание в кончиках пальцев. Чтобы Денису тоже стало легче.

— Скажи что-нибудь... приятное.

Тяжелый вздох. И он поднялся с кровати, замер у окна. Потер лицо, прошёлся пятерней по коротким волосам. Встряхнулся, словно сбрасывая неприятные ощущения, сунул руки в карманы джинсов и замер снова.

— Мне трудно сейчас транслировать позитив.

Что сказать на это? Только поджала губы и обрадовалась, когда Денис снова сел на кровать уже совсем близко к ней. Легко поддалась его рукам, которые вытащили ее из-под одеяла.

Это первое объятие было колючим. Угловатым. Так бывает, если люди долго не видятся, забывают друг друга, перестают чувствовать.

Не первое, но незнакомое объятие. Непривычно холодное до слез. Но его не хватало.

Как только Денис прижал ее к себе, стало понятно, чего недостает. Его. Его прикосновений, жестких рук. Его тепла.

Это больше, чем слова. Лучше, чем пара таблеток от головы. Это залечит всю боль и страх, в которых себе не признавалась.

Не признавалась, что стала бояться этого — того, в чем так нуждалась.

— Боишься? Боишься меня?

Прозрела после его слов. Мозг как будто осветила яркая вспышка. Стало понятно, почему объятия у них такие неловкие и колкие.

— Нет, — так смело врала. С таким искренним чувством. — Нет! Глупости... — Вывернулась из захвата и переместила руки ему на плечи. Обняла. Даже засмеялась. И не натянуто и принужденно, а искренне. Потому что хотелось. Внезапно и необъяснимо, но почему-то захотелось рассмеяться. — Это отходняк, наверное... — Так и поцеловала его с улыбкой на губах.

Поцелуй получился сухой. Почти безвкусный.

— У меня у самого еще какой отходняк...

Поцеловала снова. Денис не отвечал, только сильнее сжимал ее руками. А Юля все целовала, словно пытаюсь разбудить его. И он вздохнул. Глубоко, шумно. И выдохнул так же, будто с воздухом выпуская все внутреннее напряжение. Тогда ладони его стали горячими, а касания чувственно-нежными. Привычными. Такими, какие она любила и ждала. На которые всегда отзывалась. Легче стало на душе, внутри теплее, в голове туманнее — от рук ласковых и губ ищущих.

— Я соскучилась. Мы давно не виделись. Ты обижаешься?

Он мог обижаться. Она же избегала его в последнее время из-за Лили.

— Нет.

— Правда?

— Правда. Мне так даже легче. Мы договорились подождать, но я не железный.

— Я с тобой ни о чем не договаривалась. Это ты сам с собой договорился.

— Буду иметь ввиду, — голос звучал тихо и глуховато. Руки задрали на ней футболку. Вмиг Юля осталась в одних трусиках. — Извини, не люблю этих долгих игр с одеждой. Не вижу смысла.

Так же быстро он скинул вещи с себя. Юля осталась сидеть на кровати, впав в неловкость. Он и трогать, ласкать ее откровенно не смел, а тут раздел в одну секунду, в две разделся сам. А в следующие несколько она уже лежала на кровати. Под ним. Окутанная его крепкими руками, прижатая к горячей груди.

— Ты что?.. — задыхаясь прошептала.

— Приучаю тебя к своему телу. Этот ублюдок напугал тебя. Не хочу, чтобы ты боялась. Расслабься. И не ври мне.

— Ладно. Да, мне неловко. Но это не из-за тебя. Я тебя не первый день знаю.

Хотя отчасти Денис тоже был виноват в ее смущении, Юля не стала заострять на этом внимание. Просто день сегодня такой, настроение паршивое, переживания, стресс как никак... Все это не могло не сказаться на ее ощущениях.

Раньше она свободно и спокойно воспринимала их близость, поцелуи и объятия. Хотелось большего, всего и много. И долго. Но после случая с Корнеевым в груди поселилось какое-то чувство гадливости. И Юля никак не могла от этого избавиться. Нужно побыстрее его вырвать, пока оно прочно не пустило корни, отравляя ее существование.

— Чего замерла? Ты же так хотела...

Юля сдавленно рассмеялась. Шутник. Она едва переводила дыхание под тяжестью его тела.

— Привыкаю к тебе. Хорошо, — с чувством выдохнула и улыбнулась.

От ее полустона у Шаурина по спине прошла горячая волна. Что еще раз подтвердило: зря он это все затеял. Нарушил свои собственные запреты.

— Предупреждаю. Я хочу тебя до одури. Самообладания никакого. Контроль реакций на нуле. Все плохо.

— И?.. У меня такое чувство, что после этого должно последовать еще одно серьезное умозаключение, — полушутя сказала Юля, пытаюсь побороть свое смущение.

Никогда еще они с Денисом не были так близко друг к другу, и никогда до этого времени она не ощущала его эрекции так остро. И его эмоционального возбуждения, которое искало выход и рвалось наружу в каждом действии, и даже голосе.

Юля успокаивала себя внутренне, старалась подавить нарастающую дрожь. Надо как-то

справиться с собой. Просто настроиться на нужную волну. На его волну. Ей же всегда нравилось быть с ним. Нравились его ласки, поцелуи, и дрожь возникала только от удовольствия, а не от страха.

— В определенный момент ты должна будешь выпнуть меня из кровати.

— Интересно, в какой?

— Например, когда я захочу, чтобы ты осталась совсем голой.

Денис, опираясь на руки, приподнялся. Без него вмиг стало холодно, по телу побежали мурашки. Или от его слов они побежали. В общем, трудно было разобрать что к чему. Волнение становилось все сильнее. Чувствовала: заливается краской, вместе с тем радуясь, что в комнате царит полумрак, и Денис не замечает ее стеснения.

— А если я не сделаю этого? Не остановлю тебя? Может, я тоже хочу... хочу переспать с тобой сегодня. Сейчас, — тихо спросила, не пытаясь как-то играть испушенность. Не пытаясь выглядеть смелее, чем есть на самом деле.

Он помолчал.

— Давай только не сегодня.

— Почему?

— Потому что первый раз тебе будет неприятно и больно. Может быть, даже противно. Но зато быстро. Я не хочу, чтобы после первого секса остаток ночи ты билась в истерике и лила слезы.

— Почему быстро? И заметь, я больше не задаю никаких вопросов.

— Я оценил это, — усмехнулся. — Потому что надолго меня не хватит. И, кстати, у меня никогда не было девственности.

— Думаешь, ты меня напугал?

— Не думаю, но хотелось бы. Чтобы ты перестала меня соблазнять хоть какое-то время.

— Я? — искренне удивилась. — Забавно слышать... когда ты сам стянул с меня футболку и завалил на кровать.

— Я сегодня не в себе. А тебе и не нужно прикладывать особых усилий...

— М-мм... любишь меня, да? — игриво спросила она.

— М-мм... люблю, да.

Юля рассмеялась тому, как он скопировал ее интонацию. Конечно, странно было лежать перед ним почти обнаженной, еще и разговор стараться поддерживать, но, несмотря ни на что, напряженность в теле постепенно отступала, а смущение таяло.

— Ты сегодня особенно разговорчивый.

— Отходняк. Пытаюсь отвлечься. И ты говори, чего тебе хочется и как тебе нравится. О сексе нужно разговаривать. И тогда все будет хорошо. Мне нужно узнать тебя. И тебе нужно узнать себя. Ты хочешь, но не знаешь — чего. Еще нет. Я хочу... но я точно знаю — чего хочу и как хочу.

— Целуй тогда. А то я уже начинаю замерзать.

Целуй...

Это было ее желание. Настоящее. Жгучее. Не игра, не показуха. Не просто слова, чтобы привлечь его внимание, а желание, от которого жгло губы, и пощипывало язык.

Хотелось ощутить чувственность его губ, мягкие влажные скользящие движения. Как он умел. И как ей нравилось.

Юля любила целоваться. Денис тоже. Наверное. Потому что на поцелуи он не скупился. Целовал ее часто. По-разному. Не зря было замечено, что в эту ночь он необычайно

разговорчив. Как правило, в такие моменты говорил он мало, но зато поцелуем мог выразить любую эмоцию — даже злость или недовольство.

Никогда бы не подумала, что у этой ласки так много оттенков. Хотя не исключено, что это всего лишь романтическая фантазия. Слишком сильно Юля проникалась настроением Дениса, что в каждом жесте и действии искала его проявления.

А сейчас хотелось того редкого поцелуя, от которого душа переворачивается. Не жадного и напористого, не забирающего, а дающего. Такого, который может длиться бесконечно. Когда воздуха хватает и не задыхаешься. Впитываешь, проникаешься. Когда тело просыпается вслед за движениями языка, и каждое из них становится все острее. А потом совсем невыносимо...

Целовал, да... Именно так. Сначала задержавшись в миллиметре от губ, выжидая, пока их дыхания смешаются, губы станут теплыми, и первое прикосновение вызовет сначала искры по телу, а потом жар.

Каждый раз по-разному. Иногда этот жар зарождался в ладонях. Или между лопатками. А сейчас совсем необычно и непривычно — словно сверху обдавало кипящей волной, которая спускалась вниз по ногам, до самых пят, заставляя ежиться. Раз за разом.

Это и понятно, потому что сегодня Дениса она чувствовала всем телом и всей кожей.

Было горячо. Странно. Ново, непривычно. И немного страшно.

И целовал он так... Медленно, не жадно. Тягуче и сладостно. Слегка захватывая губы, не углубляясь, а только полизывая сверху, скользко касаясь ее языка.

От этого Юля испытывала больше ощущений, и они были ярче, чем если бы он просто напористо прижался к ее рту. Он ласкал ее рот, оставляя легкое чувство голода и желание взять еще больше.

Оно, желание, начало проявляться в прикосновениях, в объятиях. В касаниях к упругой коже, к его широкой спине. В тесном обхвате бедер.

А потом его губы скользнули по скуле к шее, и Юля потерялась в ощущениях. Не успевала их отслеживать, потому что его стало много, Дениса. Его ласк, касаний, поглаживаний. Поцелуев. Везде. На всем теле. На груди — остро, почти неприятно. На животе...

Уже хотела остановить его. Испугалась, что потеряла способность реагировать.

Но он остановился сам. Отстранился. Сел на колени.

Спокойно. Спокойно...

Знал же, что не сможет действовать осознанно, что потеряет контроль, но не думал, что так быстро.

— Ты как? — каким-то волшебным образом смог спросить у Юльки, хотя у самого связанные мысли в голове практически отсутствовали.

Она не могла говорить. Еще нет. Задыхалась. Но надо же ответить. Не знала, что сказать, а ведь договорились разговаривать об Этом. Боялась обидеть. Но надо ответить...

Привстав, обняла Дениса за плечи и дрожа прижалась к нему.

— Не знаю, не пойму, прости... — с трудом совладав с прерывающимся дыханием и дрожащим голосом сказала.

Он молчал. Она дышала ему в шею, надеясь, что не сильно задела его, все же не обидела. Теперь уже через минуту, после короткой передышки, почувствовала свое тело — напряженное и звенящее. Ощутила тяжесть в конечностях, влагу между ног и даже что-то напоподобие тянущей боли внизу живота. Наверное, это и называется сексуальным

напряжением. Вот только нельзя пока сказать — приятно ей оно или нет.

— Нормально. Нормальная реакция. Твоя чувственность только просыпается, у организма шок. — Прижал ее чуть крепче, скользнув ладонью по спине.

Конечно, шок был бы меньше и его могло бы не быть вовсе, не действуй Денис так агрессивно. Слишком — для первых интимных ласк. Нужно мягче и нежнее. Но только он забыл про это, едва дотронулся до нее. Обо всем забыл. И о ней тоже. Остались только собственные ощущения и свое желание. Только на собственных реакциях и сконцентрировался, но невольно, а не специально.

Нельзя иначе, когда действуешь на вкус, на осязание, везде. Все исчезает, кроме понимания горячей нежной кожи под руками и дурманящих губ. Когда пальцами ощущаешь чувственную дрожь ее тела, его звучание. С ума сойти. Как только смог в себя прийти... но лишь потому, что крепко на подсознании отложился ее страх. Тот, что он успел заметить в ее глазах еще до того, как они легли в постель. Не дай Бог испугается...

Юля все еще жарко дышала, уткнувшись в его шею. Он отодвинул ее от себя. Запустив пальцы в волосы, сжал голову, заставив посмотреть себе в лицо.

Нужно нежнее. Нежнее.

Тыльной стороной руки, едва касаясь, провел по животу. Вверх. По груди. Легко поцеловал в губы.

Целовал, пока не запросила большего и не стала отвечать сама. Пока не начала прижиматься сильнее. Постанывать. Отчего Денис снова почти утратил чувство реальности. Но держался. Слушал ее. Ненавязчиво трогал. Легко, чтобы не отпугнуть. Только груди не касался, заметил, что на это она реагирует острее всего. Болезненно даже. Решил пока оставить эти ласки, а вот Юлька наоборот сделала нечто весьма неожиданное: положила его ладонь себе на грудь. Прижала с непонятной страстностью.

— Хочу здесь. — Хоть и стыдно, но она решилась на признание. — Он схватил меня за грудь. Было ужасно больно. Кажется, я до сих пор чувствую на себе его руки. А я не хочу... Убери их, избавь меня от этого.

Показалось, что она вот-вот расплачется. Это отрезвило в одну секунду, ее признание. Подумалось, что зря он не убил этого уroda. Не надо было его бить, надо было сразу пустить пулю ему в голову.

Не знал, что сказать ей, чтобы успокоить. А Юля тесно прижалась к его широкой груди, ибо только так чувствовала себя по-настоящему защищенной.

Накатило какое-то тупое бессилие, и Денис не мог решить, готов ли сам на такую терапию для нее — трогать и наблюдать, как она корчится от неприятных ощущений. Преодолеывает себя. Надо ли, чтобы оно было именно так...

— Ложись, я тебя поцелую.

Юля откинулась на спину, уверенная, что собирается целовать ее в губы.

Но этого она не дождалась, потому что он начал целовать ее грудь. Покрывал упругие полушария легчайшими касаниями губ. Пальцев. Осторожно, пока она не расслабилась под его руками и не начала получать удовольствие. Пока не застонала, выгибаясь.

А когда он накрыл грудь ладонями понял, что это доставляет ей огромное наслаждение.

И в тот момент, когда его рука скользнула в трусики, дотронувшись там, где было жарко и мокро, точно осознала, чего ей хочется. И даже как хочется...

— Ты должна меня остановить, — прошептал он, продолжая поглаживать ее там, между

НОГ.

— Нет, — замотала головой.

— Давай...

— Нет. Нет, — и с тяжелым дрожащим вздохом: — Проваливай.

Денис засмеялся и оставил ее. Она и опомниться не успела.

Вот зачем она это сказала? Зачем? Дура...

А сказала, потому что помнила свои неприятные ощущения поначалу. Побоялась, что они вернуться, как только он разденет ее и начнет ласкать более откровенно. Лучше и правда подождать. Но все равно, чувствовала дикую злость. Неосознанную. Потому что все тело ныло, низ живота отяжелел. Вот она — настоящая неудовлетворенность. Когда точно знаешь, чего хочешь. Того, чтобы он раздел, прижал к кровати, вошел в нее и заполнил собой вдруг возникшую пустоту.

Долго она вертелась на кровати, сбросила и одеяло, и подушки. Когда тело остыло, перестала колотить дрожь, стало холодно и одиноко.

— Ага, сейчас прям... — с трудом отыскала футболку, которая оказалась под кроватью, надела ее и пошла в гостиную.

Глаза, давно привыкшие к темноте, четко различили Дениса, лежащего на животе. Он как будто крепко спал. Дыхание его было ровным и тяжелым.

Юля подошла на цыпочках к дивану. Довольно обшарила взглядом его сильно не прикрытое одеялом тело. Осторожно присела, а потом юркнула к нему под бочок.

— Какого хрена...

Тяжелая рука опустилась на ее плечо.

— Спокойной ночи, любимый, — чмокнула его в предплечье.

Со вздохом Денис повернулся на бок и прижал ее к себе.

— Ты за все это жестоко заплатишь.

— Обещаю все честно отработать.

ГЛАВА 38

— У тебя же нет на теле татуировок? — спросила Юля то и дело щелкая заклепками на куртке, лежащей на коленях.

— Волчий оскал на заднице.

— Денис! — засмеялась.

— Ты же знаешь, что нет. К чему вопрос?

Шаурин усердно рылся в ящиках стола.

— Да, так... Обычно парни приходят из армии такие крутые, с татухой во всю грудь, — махнула широким жестом по груди. — А ты почему не сделал?

— Ты опять тут порядки без меня наводила? Сигареты не могу найти.

— Ничего я не наводила.

— А, все, нашел...

— Так почему не сделал? — переспросила Юля.

— Побоялся. — Приоткрыл окно и достал зажигалку.

— Боли?

— Гепатита. — Прикурил. В уголках губ зародилась усмешка. — Так что придется тебе встречаться с некрутым парнем без татухи во всю грудь.

— Вот-вот, с трудом представляю, как переживу этот факт.

— Кошмар. Надо что-то делать. Давай запишем тебя к психотерапевту и будем бороться с твоими комплексами.

Юлька расхохоталась:

— Дени-и-с!

— Что? Я даже не шучу. Такими вещами вообще не шутят. Я абсолютно серьезен. У меня с юмором всегда плохо было. Как мне жить дальше без татуировки?

Юля снова рассмеялась, жадным взглядом окидывая его застывшую у окна фигуру.

— Ох, ладно. Мне пора. А то опоздаю, — с неохотой Юля начала натягивать на себя куртку.

— Что, и все?

— Что — все?

— Пятнадцать минут пустых разговоров и «до свидания»? А как же кровавый четверг? А светопреставление? Что, даже никакой маленькой пакости?..

— Не поняла?

— Вот и я не пойму который месяц, в чем подвох.

— А-а, то есть мирное сосуществование тебя не устраивает?

— Не то чтобы не устраивает, скорее, настораживает. А как же тараканы, головняк и прочая классика жанра в отношениях? Тишина, как в морге.

— Блин, — набрала полные легкие воздуха, чтобы снова не разразиться смехом, — я сегодня смеюсь чаще, чем разговариваю. Хочешь фейерверк? Без проблем. Подожди немного, вот сдам госэкзамены и будет тебе светопреставление, так и быть. Мне сейчас не до тебя.

— Фатальная фраза. — Выпустил дым и затушил сигарету в пепельнице. — По идее, вот тут я могу возмутиться.

— По идее, да.

— Но лениво. — Сунул руки в карманы брюк. — Слабоват будет выпад, подожду до окончания госов. А там и выпускной, ты точно где-нибудь накосячишь.

— Угу, только о масштабах договоримся, чтобы мне палку случайно не перегнуть. — Юля и подошла к окну, чтобы проверить, ждет ли ее Самарин на стоянке. — Дурка реальная. Мы уже о «косяках» договариваемся, — усмехнулась.

— Это нормальный способ построить здоровые отношения. — Денис положил ей руки на плечи.

Юля таинственно улыбнулась:

— А как же элемент внезапности?

— Спасибо, не надо. Уже проходили. — На лице Шаурина мелькнула тень, после чего Юля задумалась, а в шутку ли он все это говорит. Иногда трудно различить, шутит он, насмехается, или говорит на полном серьезе. Сейчас он говорил без тени улыбки, но она понимала, что он шутит. Явно.

— Спокойно, Ватсон, — легко похлопала его по груди, обтянутой черной рубашкой, — мы тоже. А здоровыми наши отношения станут только тогда, когда мы перестанем их скрывать. — Юлька смешливым тоном попыталась облегчить смысл сказанного, но неловкая пауза все равно возникла. — Целуй меня скорее на прощание, и я побежала. — Обняла, задержав руки у него на талии, и тут же получила мягкий поцелуй в губы.

Щелчок замка в эту секунду прозвучал как взрыв. Это открылась и закрылась дверь. В полной растерянности Юлька отскочила от Дениса.

— Кто это был? — спросил он.

— Я не знаю. Не видела. Вот тебе и маленькая пакость.

— Все, — спокойно сказал он, распрямляя плечи и подталкивая Юлю по направлению к двери. — Езжай на консультацию или куда там тебе надо было.

— Но мы же ничего не... Может, это Самарин? Я ему сказала, чтобы он зашел за мной через минут пятнадцать-двадцать... — неуверенно переводила взгляд с Дениса на дверь.

Шаурин улыбнулся. Но эта улыбка была такой холодной, что в ее груди что-то замерзло.

— Может быть, — равнодушно. — Но, что бы ни случилось, ничего никому не говори. Я сам. Поняла?

Юля молчала. Не хотела ему обещать ничего подобного.

— Поняла? — настойчиво повторил Денис. — Обещай, что ничего сама не будешь предпринимать. Сиди и не дергайся. Это уже не твои заботы.

— Поняла. Обещаю, — упавшим тоном согласилась она.

— Все, давай. А то все задачи по математике без тебя решат. Езжай. Вечером созвонимся.

Коротко стукнув в дверь, в кабинет заглянул Самара.

— Поехали, Витя, — кивнула Юля и бросила на Дениса прощальный взгляд.

Стало понятно: в кабинет заглядывал не Самарин.

— Витя, — спросила Юля, когда села в машину, — а ты по дороге никого не видел?

— По какой дороге?

— Ладно, забудь, — сморщила нос и уставилась в окно.

— В школу, да?

— Да.

Консультацию, конечно, Юлька не досидела. Учительница заметила ее бледный рассеянный вид, и девочка, сославшись на плохое самочувствие, отпросилась.

Зря она вообще поехала в школу. Теперь жалела, что повелась на уговоры Дениса. Нужно было поспешить домой и поговорить с мамой. Тревожность давила на грудь ледяным камнем, откуда-то снизу, из желудка, поднималась тошнотворная волна.

Это все. Теперь уже точно все. Отец узнает правду и... Страшно представить его реакцию. Скандал. Его масштабы могут быть какими угодно. Волна будет немаленькой. Уж Юлька-то знала, слишком хорошо знала своего отца, чтобы по своей глупости надеяться, что они с Денисом обойдутся строгим внушением. Ее отец нетерпим, в какой-то степени даже тиран. Он никогда и мысли не допускал о том, что Юля может встречаться с мальчиками, считал ее маленькой. Саму Юлю это раньше не беспокоило, потому что и мальчиков-то не было.

У ворот стояла машина отца. Желание бежать в дом сломя голову пропало.

— Куда-нибудь еще поедет сегодня? — спросил Витька.

Хотела ответить отрицательно, но передумала.

— Не знаю пока. А что?

— На заправку съездить надо. Позвонишь, если что?

— Хорошо, давай, — отстранено кивнула Юля, выбираясь из машины.

Едва переступила порог, из глубины дома услышала рев отца. Смысла слов не различала, временами только к ее сознанию пробивался голос матери. Юльку начало трести крупной дрожью: представила, сколько всего уже пришлось выслушать маме от отца.

Не ошиблась. Видимо, разборка была в самом разгаре. Неестественно яркий румянец неровными пятнами залил изможденное лицо родительницы.

— Иди к себе! Немедленно! С тобой я потом поговорю! — увидев Юлю, гаркнул отец так, что сердце у той подскочило к горлу, перекрывая дыхание.

— Папа...

— Я сказал — немедленно!

Не чувствуя ни рук, ни ног, Юля поспешила наверх. Казалось, не шла, а плыла. Как бестелое привидение. У двери своей комнаты остановилась.

— Вот я идиотка... И Шаурин со своими наставлениями... — прошептала, вытащила сотовый из кармана и на набрала номер Самарина. — Витя, ты где? Давай обратно! Быстро!..

Пока отец негодовал в гостиной, Юлька снова выскочила из дома.

— ...Ты знала? — Как только дочь пропала из поля зрения, Монахов вновь сконцентрировался на жене.

— Прекрати орать как полоумный, от этого у меня только уши закладывает, а толку никакого! — Наталья всплеснула руками.

— Я спросил!..

— Я узнала об этом недавно, — твердо соврала. Сказать, что она все знала с самого начала было бы большой ошибкой.

— От кого?

— От Юли.

— А почему я не в курсе?

— Потому что я предвидела именно такую твою реакцию.

Монахов развернулся, чтобы шагнуть к выходу, но Наталья преградила ему путь. Муж невольно удивился ее прыткости, а она уперла ладони ему в грудь, словно и вправду смогла бы остановить его при желании.

— Сергей, подожди! Давай успокоимся, поговорим. Все обсудим. Ну ничего же страшного не произошло! Ну что ты завелся? Ну влюбилась девочка! — Боялась даже имя Дениса произносить, чтобы невольно не спровоцировать мужа на действия, потому намеренно говорила только про Юлю.

— Ей семнадцать лет!

— А что в семнадцать лет любви не бывает?

— Какая любовь?!

— Ну, вот такая... — понизила голос, продолжая преграждать ему путь. Заговорила умоляющим тоном: — Да она в семнадцать, может, самая чистая и настоящая! Без ожиданий! Не за что-то, а просто так!

— Ничего, переломается! Ей учиться надо!

— Ты о чем говоришь? Что значит — переломается? Зачем ей ломаться? Это что — наркота? — возмущенно вскричала. Не смогла сдержаться. — Оставь их в покое. Пусть они сами разбираются. Ты много кого слушал в свое время?

— Я Шаурина к себе брал не для того, чтобы он спал с моей дочерью!

— Да, может, он и не спит!.. Откуда тебе знать, как у них там все? Юля приличная и умная девочка! И если ты думаешь по-другому, значит ты плохой отец и совершенно не знаешь своего ребенка!

— Уничтожу... — сказал сквозь зубы только одно слово.

Похоже попытка вразумить мужа с треском провалилась. Тот просто сделал несколько шагов вперед безжалостно оттесняя ее, снося со своего пути. И сейчас он намеревался не с Юлей разговаривать. Оттого было страшно. Действительно страшно, потому что в таком состоянии он может сделать то, о чем будет жалеть, возможно, всю оставшуюся жизнь. Когда дело касалось дочери Монахов легко терял здравый смысл. Наталья на своем веку всякое видела и знала, что он способен если не на все, то на многое. Но от этого «многого» у нее по позвоночнику ледяная дрожь бежала.

— Не тронь!.. Не трогай детей! — закричала она и толкнула его в грудь. Почти во весь голос закричала, чтобы пробиться сквозь яростную пелену. Не победила, но выиграла короткую передышку. Вздохнула. Монахов под ее натиском отшатнулся и посмотрел с интересом. Непонятно, что его удивило больше — истеричная реакция жены, совершенно ей несвойственная, или вольный жест, которым она отшвырнула его от двери. Попыталась, во всяком случае.

— Давай поговорим, — задыхаясь, с большим трудом проговорила Наталья. — У меня есть, что сказать.

Хотя его разрывало от гнева и злости, Сергей ничего не ответил, но и с места не сдвинулся, как будто дал свое согласие.

— Когда-нибудь это все равно бы случилось. Юля стала бы с кем-то встречаться, — уверенно начала Наталья. — Потом бы собралась замуж... Ты вообще хоть допускаешь такую возможность? Как ты собираешься это пережить?

— Это другое дело! Сейчас рано об этом говорить! — скривившись, нервным жестом отмахнулся он и сунул руки в карманы брюк.

— Почему рано? — Пыталась говорить так, чтобы удержать интерес мужа и не позволить ему уйти. Но мысли путались. Воздуха не хватало. Вздохнула глубоко, пытаясь пополнить запасы кислорода. Горло саднило от сухости. А надо быть очень убедительной. — Кого ты видишь рядом со своей дочерью? Какой он должен быть? А если ее выбор шокирует тебя еще больше, чем сегодня? Что делать будешь? И ей уже будет далеко не семнадцать! И она просто не уйдет молча в свою комнату, как сейчас? Что ты будешь делать тогда?

Когда на лице Монахова появилась тень сомнения, Наталья почти возликовала. Самое трудное — заставить его услышать себя. Кажется, ей удалось. Ясно, что на заверения о большой любви Юли и Дениса мужу наплевать. Тогда можно попробовать пойти другим путем.

— Это должен был быть не Шаурин!

— Почему нет? Что ты вцепился к него?

— Не говори ерунды!

— Это не ерунда! Думаешь, я не вижу? Что ты в нем нашел, зачем взял его к себе? Зачем так настойчиво протягиваешь? Реализуешь свои несбывшиеся мечты о сыне? Я теперь даже рада, что у меня не получилось больше родить!

— Не швыряйся такими словами! Чтобы потом не пришлось жалеть!..

— Самое время, по-моему. Ответь честно, что тебя злит больше — сам факт, что он стал встречаться с нашей дочерью или что Юля отняла у тебя любимую «игрушку»?

— По-моему, ты заигралась! Не стоит говорить о том, о чем не имеешь представления!

— Заигрался ты — в Бога! А ты не Бог, чтобы решать, кого уничтожить, а кого миловать! Кому любить, а кому — нет! Особенно, если это касается родных!

— Я хочу для своей дочери только добра! И ты знаешь это!

— Я знаю, — мягко сказала Наталья. — Знаю... — шагнула вперед и сжала в кулаках лацканы его пиджака. Почувствовала, что муж сбавил обороты и уже не так непреклонен, как несколько минут назад. — Мне ли не знать. Но иногда это слишком. Иногда нужно смотреть шире. Ну любят они друг друга... ну может быть так надо... Ты женился на мне через неделю знакомства. Даже не целовал ни разу. Женился и все. Притащил меня в ЗАГС, и нас расписали, потому что у тебя срок командировки истекал, помнишь? И увез меня на другой конец Союза. Разве ты кого-то слушал? А я? Мои родители вычеркнули меня из своей жизни. Не писали, не звонили. Потому что я предала, вот так же все планы нарушила. А я уехала... Ни друзей, ни родственников... никого, кроме тебя.

— Я женился, потому что для меня было все ясно. И мне не нужно было ни месяца, ни полугода, чтобы понять, что я люблю, и мне никто кроме тебя не нужен. А ты мне этого ни разу не сказала за всю жизнь. Ни разу так и не сказала, что любишь. — Взял жену за лицо, обхватил широкими ладонями.

— Давай об этом не сейчас... — сжала его крепкие запястья. — Вот и подумай... Я не хочу потерять дочь. Не хочу, чтобы она когда-нибудь вопреки всему унеслась на другой конец света неизвестно с кем. Сейчас ты Дениса не видишь рядом с ней... значит сделай из него того, кого бы хотел видеть. Вырасти его. У тебя времени полно. Не верю, что ты обманул в нем. Не руби сгоряча. Они через месяц могут и сами расстаться, без твоей помощи...

Монахов опустил руки, раздраженно передернув плечами. Секунды молчания тянулись бесконечно долго. Потом он вышел, так ничего и не сказав. Наталья этого, собственно, и не ждала.

Машина остановилась у медицинского центра. Насколько то, что Юля собиралась сделать, было унижительно для нее, настолько же казалось единственно правильным.

— Шаурину позвони, — приказала Самарину, — скажи, чтобы папу в гости ждал. Он поймет. И только попробуй ляпни что ты и где. То есть, где я. Понял?

Ее тон вообще не допускал никаких возражений. Самарин и не возражал.

— Понял.

— Все, жди меня. Я скоро. Надеюсь.

Надо было, конечно, предварительно позвонить Якову Семенычу, но сил не было даже рот раскрыть. Или мужества. И не говорить же при Самарине. Всю дорогу Юля просидела в ступоре уставившись в окно. Только у входа в клинику взяла себя в руки, отмечая невольную мысль рвануть обратно.

Как там Денис говорил... Фигня война, главное, маневры. Сейчас она такой маневр сделает, что ее продуманный папа просто ошалеет от удивления...

Освобождая разум от ненужных переживаний, Юля решительно открыла входную дверь и вошла в просторный холл. Все здесь было знакомо: и услужливая администраторша за стойкой, и кожаные диванчики молочного цвета, на которых сидели несколько посетителей. Не имело смысла обращаться к даме за регистрационной стойкой: слишком деликатный у Юли вопрос. Потому она смело пошла к главврачу, Якову Семеновичу, он точно поможет. Кроме того, важно сделать все быстро.

Если секретарша и хотела предупредить, что ее начальнику сейчас некогда, то не успела. Ибо Юля, бросив короткое «Здрасьте», тут же скрылась за дверью его кабинета.

— Добрый день, Яков Семенович.

— Здравствуй, Юленька. Хм... Что-то случилось? — немного озадаченно спросил он.

— Помогите мне решить один деликатный вопрос, — начала без обиняков.

— Все, чем могу, моя дорогая.

— Не знаю, как говорится правильно на вашем медицинском языке... В общем, мне нужна справка о том, что я девственница. — Не стала добавлять к сказанному, что это буквально, вопрос жизни и смерти.

К счастью, Яков Семенович не выразил удивления.

— Хм... Конечно...

— Мне надо срочно, — перебила его Юля. — Простите, но очень срочно.

— Нужно пройти осмотр у гинеколога...

— Яков Семеныч, я же не сказала, чтобы вы нарисовали мне липовую справку!.. — воскликнула Юля.

— Понял-понял. Тогда пойдем. — Кресло резво вытолкнуло его грузную фигуру, скрипя, словно от облегчения. Он подхватил Юлю под локоть и вывел в приемную. — Подожди меня здесь. Если хочешь, Леночка сделает тебе чай. Я позвоню, узнаю, кто сейчас свободен.

— Спасибо, чая не надо.

Через пару минут мужчина вел ее по коридору, все так же поддерживая под локоть. Они спустились этажом ниже и остановились перед одной и многочисленных белоснежных дверей. Увидев на ней табличку с мужским именем, Юля бросила на Якова Семеновича беспокойный взгляд.

— Ничего-ничего, — положил ей руку на плечо, чуть сжав ободряюще, — не переживай, Виктор Палыч — врач высшей категории. Профессионал. Уникальный человек. Тебе совершенно не о чем беспокоиться. — Открыв дверь, он подтолкнул Юлю в кабинет, а потом протиснулся сам.

— Виктор Павлович, посмотрите девочку. Мы с вами сейчас разговаривали.

Дверь захлопнулась, и в кабинете на несколько секунд воцарилась тишина. Сердце у Юльки билось так громко, что она не только чувствовала его, но и слышала. Боялась, как бы и врач не услышал тоже. Без того не знала, как преодолеть свою неловкость.

Тут Виктор Палыч отложил авторучку и поднял на нее взгляд.

А глаза-то у него такие голубые-голубые!.. Яркие, немного даже неестественно блестящие.

Мужчина поднялся из-за стола, за которым корпел, вероятно, над медицинскими картами, и улыбнулся:

— Проходите, Юлия.

— Здравствуйте, — пролепетала она.

— Ну что же так грустно? Посмотри погодка какая на улице! Весна! Пора просыпаться.

— Да уж, весна у меня в этом году жаркая, — вжикнула молнией на куртке.

— А вот курточку, конечно, лучше бы в гардеробе оставить. Ну да ладно, — тщательно вымыл руки. — Сейчас мы, зайка, тебя посмотрим, все обсудим, все решим.

На нее словно дохнуло свежим бризом. Такая у этого врача была энергетика — мягкая и обволакивающая. Хотя внешности он был довольно мужественной — невысокий,

коренастый, с легкой небритостью на щеках. Юля невольно сразу обратила внимание на его широкие ладони.

Когда зашла за ширму, уже не чувствовала себя так скованно, как в первую минуту. Хотя плясать от радости настроя тоже не было, но действительно, все не так страшно, как кажется, просто для нее медосмотр всегда — серьезное испытание.

— Жалобы есть?

Услышала мягкий треск — Виктор Палыч натягивал стерильные перчатки.

Глубоко вздохнула, набираясь мужества.

— Жалоб нет, а вот парочка вопросов — да.

— Юля, где ты ходишь? А если бы отец захотел с тобой поговорить, а тебя нет дома? Хочешь еще одного скандала, чтобы еще больше усугубить ситуацию?

— Я определилась. Буду поступать на юридический, а то без доказухи в наше время никак.

— Ты о чем?

— Что за жизнь... Даже родному отцу приходится что-то доказывать! — сунула матери справку. — Удивлена? А уж как папа удивится!

— Мда... — только и сказала Наталья. — Юля, ты успокойся...

— А я спокойна!..

— ...выпей валерьяночки...

— Не надо мне никакой валерьянки! Не дождется!

— ...если ты будешь разговаривать с отцом в таком тоне, лучше никому не будет. Тебе же в первую очередь.

— Если я захочу разговаривать с отцом в таком тоне, то буду разговаривать именно в таком тоне! Может, я уже могу сама решить, как мне будет лучше? Неужели вы думаете, что я настолько безмозглая идиотка? Мама я в состоянии отличить черное от белого! Почему вы все время пытаетесь убедить меня в обратном? — резко замолчала. Рухнула на стул и спрятала лицо за дрожащими ладонями.

— Прооралась? — спокойно спросила мать.

— Да, — ответила уже тихо. — Ты думаешь, что мне вот это легко далось? А отец куда поехал?

— Я могу только догадываться.

— С ума сойти... — развернулась, намереваясь уйти к себе.

— Юля...

— Не надо мама, не хочу ничего слушать. Хочу побыть одна. В тишине. Пока это возможно.

Возможность побыть в тишине и покое оказалась весьма короткой: через час в комнату зашла мама. По ее лицу Юлька все поняла — вопросов задавать не стала.

— Где он?

— У себя. В кабинете.

Поднялась с кровати и взяла со стола справку.

— Если я не вернусь, считайте меня комсомольцем. Адью, мама!

Наталья лишь покачала головой и обессилено опустилась в кресло.

Она храбрилась. Отчаянно храбрилась, стараясь унять дрожь в теле. Выходило плохо.

Он, наверное, специально местом для разговора выбрал кабинет: чтобы Юля чувствовала себя словно провинившаяся подчиненная, а не дочь. У него почти получилось. Но только почти. Потому что после стольких часов переживаний, после гинеколога-мужчины... уже было практически все равно, что он скажет. Будет ли буйствовать, орать на нее или даже ударит. Все равно!

Отец сидел за столом. Выглядел он сосредоточенно и познавательно, будто готовился выслушать долгий научный доклад. Но на долгие разговоры Юля не рассчитывала, вялой шаркающей походкой приблизилась к нему, бросила на стол клочок бумаги, плюхнулась в кресло. И почему-то тут же разъедающей кислотой к горлу подступила изжога. Абсурдность ситуации каменной тяжестью ложилась на плечи. Сам факт того, что она трясется от страха перед родным отцом, предъявляя ему справку от врача о том, что она девственница, вводил в истерику.

— Что это?

Юля не ответила, не без тайного удовольствия пронаблюдав тихое удивление на отцовском лице, когда он прочитал написанное на листке. Но удовольствие то оказалось слишком мало, чтобы компенсировать унижительность всей ситуации.

Воцарившееся тягостное молчание говорило лишь о том, что отец подбирает другие слова. И это уже хорошо. А собирался, наверное, пообещать ей конец света и геенну огненную.

— И давно... это у вас?

Вот уж на этот вопрос она точно отвечать не будет. И так уже нарушила обещание: не сидела тихо, не дергаясь, как просил Денис.

— Какая разница? — чуть насупившись.

— Мне спросить еще раз, чтобы ты поняла мой вопрос? — Губы сжимались спокойно.

— Буду вынуждена повториться. — Начало потряхивать. Но Юля распрямилась кресле, подтянулась, будто нагоняя годы жизни и сантиметры роста. — Это имеет какое-то значение?

— Это имеет огромное значение. Мне интересно, как долго ты обманывала меня.

Последние слова неприятно резанули. Легонько полоснули по совести.

— Я тебе ничего не скажу. Что ты сделаешь? Запрешь меня в комнате и посадишь на хлеб и воду? Лишишь карманных денег? Если да, то считай, что я уже напугана до смерти.

— Это для тебя немало. В нашем мире вещи ценятся намного дороже, чем движения души. Ты еще в этом убедишься, я тебе обещаю, — холодно улыбнулся.

Не поняла, что отец имел в виду, но возникло чувство, что попал он метко, по-снайперски, в самую болевую точку. И сейчас от ее ответа зависел весь тон дальнейшего разговора. Но Юля не знала, что ответить. Тишина росла, расплзалась, разрасталась.

— Не трогай его, папа. Пожалуйста.

— Почему? — сразу спросил отец и шевельнулся. Впервые за минуты разговора. И его резкое движение руки невольно напугало. Юля даже вздрогнула.

— Потому что мы ни сделали ничего дурного.

Это матери можно объяснить, что с Денисом все у них по любви, по-настоящему. Но как это объяснить отцу? Какие подобрать слова?

— Ты за моей спиной завела интрижку с одним из моих работников и считаешь, что в этом нет ничего дурного?! — вскричал отец.

Выдержка Юли пошатнулась окончательно. Кровь ударила в щеки.

— Папа, хорошо! Я не больше буду с ним встречаться и уеду хоть на Антарктиду! Только не трогай его! — Сама не знала, как выполнить это обещание, но готова хоть к черту на рога усесться, лишь бы их с Денисом оставили в покое.

Привалившись к широкому подлокотнику кресла, небрежным, но беззащитным жестом прикрыла глаза, скрывая слезы. Отец подошел к ней и приподнял ее лицо за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Мало ему было справки от гинеколога, мало ее страха, который он, бесспорно, чувствовал, — ему нужно обязательно видеть ее слезы. Кажется, в этот момент она начала его ненавидеть.

— Он тебя не боится, — нервный смешок сквозь слезы, — Я боюсь, а он — нет. Я теперь это точно знаю...

— Иди к себе, — отпустил ее подбородок и скользнул мягким глядящим жестом по волосам.

— Папа...

— Иди к себе, — жестче сказал он, прерывая зародившуюся на языке дочери просьбу.

— Шаур-Шаур... — осуждающе вздохнул Монахов и со звонким щелчком загнал шар в лузу. Взгляд его не отрывался от бильярдного стола. Медленно он обошел кругом и остановился, оценивающе глядя на белые шары, разбросанные по зеленому сукну. Привычно так глянул — с прищуром. Примечая следующие ходы, задумчиво потер гладко выбритый подбородок.

Сегодня Монахов не попросил составить ему компанию как раньше. Лениость движений не могла обмануть Шаурина, он знал, по какой причине его сюда привели. Единственное, в чем был точно уверен: его не убьют именно сегодня. Точно не сегодня. Это было бы слишком просто, иначе уже отправили бы на тот свет.

Смысла открывать сейчас рот и оправдываться не видел. Не для того Монахов его позвал.

Карп, сука... Сильно уж ухмылялся, когда увидел его сейчас во дворе. Монахов всегда держал их с Карповым на расстоянии друг от друга, словно псов на цепи. Но когда-нибудь эти цепи порвутся, и только сам черт знает, кто из них двоих в живых останется.

Еще пара звонких ударов кием. И такая же звонкая тишина в бильярдной, что уже ухо резало, и ее впору было чем-нибудь разорвать. В комнате только несколько широких, низко висящих над столом абажуров, рассеивали яркий свет. Ужасно раздражало, что за чертой желтого круга трудно разглядеть лицо собеседника и приходилось только догадываться о выражении лица. Хотя в эмоциональном состоянии Монахова сейчас трудно обмануться — он в тихой ярости.

Сергей Владимирович точными размеренными движениями то и дело натирал кончик кия мелком, тщательно выбирая очередную позицию. Он всегда играл по правилам, действуя продуманно и с холодной расчетливостью. Начиная с расстановки шаров в пирамиде. И кий всегда собирал сам. Никому не доверял. Деревянная резьба такая хрупкая. Одно неверное движение и все насмарку. Сломается.

Да, Монах любил правила, особенно, установленные им самим. И жестоко наказывал тех, кто их нарушал. Шаурин нарушил. Теперь придется расплатиться.

Недалеко у двери к стене прилипли четыре амбала. Шестерки. Новенькие. Вероятно, из дачных охранников. Хорошо. Если сегодня кто-то и будет считать ему кости, то пусть это будет не Карпов. Шаурин внутренне напрягся, неосознанно готовясь к самообороне, хотя знал, что сопротивляться не будет. Да и не сможет. Эти четыре машины для убийства заламают любого, даже его.

По привычке внутренним взглядом он прошелся по карманам: только пачка сигарет, зажигалка и ключи от машины (ни оружия, ни даже ножа с собой не было). Машинальное действие — выработанная годами привычка в любой ситуации оценить свои силы. Паранойя, которая останется с ним на всю жизнь.

Может странно, но и страха не чувствовал. Возможно, зря. Но что-то подсказывало, что все не так уж и плохо. Главное, не горячиться.

— А я ведь тебе доверял, — выдавил из себя Монахов. — Чем думал, когда дочь мою...

Такое приятное откровение в столь печальную минуту вызвало у Шаурина немую усмешку. Ни одного слова, только легкая тень на щеке, но иногда молчание красочнее любых слов, а Монахов знал его прекрасно, чтобы догадаться о чувствах. Можно сказать — воспитал. Только вот отцом его назвать Денис никогда бы решился: звучит слишком порядочно. Его родной отец ничего общего с этим человеком не имеет.

Монахов бросал на Шаурина меткие взгляды. Удивительно: стоит, не дернулся даже. Молодец, выдержка, что надо. Так и должно быть. Но ответить должен. А там видно будет... Чтоб неповадно было. Нельзя по-другому. Никак нельзя.

— Ладно. Пора кончать с этим.

Как по команде, эти четверо бросились на Шаурина, сыпля ударами со всех сторон. Все же, организм, настроенный на бой, ответил. Невозможно было сдержать эту машинальную реакцию на агрессию в свою сторону. Но скоро перед глазами все поплыло. Тело запульсировало болью. Болью задышало. Перед глазами замелькали яркие слепящие звездочки, быстро расплывающиеся в радужные пятна.

— Не убейте только, — бросил Монахов и вышел.

Это было последнее, что Шаурин смог осознать трезвым умом. Сознание уплыло. Осталась лишь глухая засасывающая темнота. И боль.

Его выволокли из бильярдной и бросили в подвал.

Сколько был без сознания, определить не мог. И в эту минуту сказать с уверенностью, что пришел в себя, а не находился где-то на небесах, тоже.

Хотя, нет. Если на небесах, то было бы жарко. Ведь его место — в аду.

А здесь и сейчас ужасно холодно. Реальность сузилась до ледяного бетонного пола, что был под ним. Шевелиться даже не пробовал: тело — сплошное месиво.

Раздался лязг замка, а потом пронзительный скрип отрываемой железной двери. Скрежет металла ударил по нервам, вызвав невыносимую головную боль.

— Денис...

От ее голоса он чуть не подскочил.

— Денис... родной...

Она присела рядом с ним на колени. Едва притронулась, и с его окровавленных губ сорвался протяжный стон. Ребра сломаны.

— Юля... спятила... — Силясь и закусывая губы, он кое-как сел, оперевшись на стену. Вымученно выдохнул. Растревожил застывшую боль, — задохнулся от нее, — и теперь все

тело запылало огнем. Во рту пересохло.

— Это не я сказала... Попей, — с ходу начала оправдываться. Голос дрожал, говорила негромко, почти шепотом, но слова в тесном мраке эхом отскакивали от стен и били по самым больным местам.

Горлышко бутылки коснулось губ, и Денис сделал пару глотков. Дышать стало гораздо легче. Как она видела в такой темноте — непонятно. Сам он едва мог что-то различить, только почувствовал, как Юля приложила к лицу мокрый бинт, пытаясь стереть кровь. Но он взял ее за руку, останавливая.

— Не надо... иди... хуже будет.

— Куда еще хуже? — возмущенно зашипела она, не обращая внимания на то, насколько сильно он сделал это. Откуда только силы?.. Вырвала ладонь и продолжила промакивать кровь. — Мне он ничего не сделает. И от тебя я все равно не отстану. Я пообещала ему, что не буду с тобой встречаться, но я не говорила, что брошу тебя в таком состоянии. Как я могу? Я у себя, а ты здесь... — Слезы текли по щекам, но она не обращала на них внимания. В темноте он все равно не увидит, а с голосом удавалось совладать более-менее.

— Юля, Юленька... — на выдохе сипло прошептал он. Легко мог представить, с каким сосредоточенным спокойствием она касалась его, вытирая кровь, будто делала что-то обычное.

— Тихо...

— Мне бы покурить...

Руки у нее опустились, и показалось, что она всхлипнула. Или икнула. Точно не разобрал, но она издала какой-то звук.

Нет, заплакала. Тихо так, беззвучно, опустив голову, утыкаясь лицом ему в грудь. И только хрупкие плечи подрагивали, говоря о ее слезах.

— Дурак... какой же ты дурак. Как же я люблю тебя...

— Юленька... — Не обращая внимания на запачканные руки и звенящую боль в теле, он прижал ее голову к себе, зарываясь пальцами в волосы на затылке, собирая их в пригоршни. Желание коснуться ее превозмогало все на свете.

— Я не дам тебе сигареты. Вот поправишься и кури сколько хочешь. А сейчас не дам... — заикаясь говорила она.

Денис, верно, думает, что ей пришлось тайно спуститься в подвал, украсть ключи или что-то подобное. Но это было не так. Ему необязательно знать, что отец сам сказал, где Шаурин. Выбрал самый лучший способ ее наказать, когда положил ей на стол ключи от подвала, вселив уверенность, что она сама во всем виновата. Только она одна во всем виновата. Знал, что придет сюда. Обязательно придет.

Юлька и свет могла зажечь, но боялась. Обостренных чувств хватало, чтобы видеть в темноте, как кошка. Но при свете боялась, что не выдержит увиденного. И так сердце разрывалось.

И Денис тут со своими... сигаретами...

ГЛАВА 39

— Ты хоть немного спала? — спросила мама.

— Немного, — неохотно ответила Юля, избегая взгляда. Села на стул, как-то вжалась в него, словно стараясь стать незаметной и не привлекать к себе внимание.

— Вниз больше можешь не ходить, его там нет.

Подняла на мать испуганные глаза, не в силах озвучить свою мысль. Наталья готовила завтрак. Руки ее утихли, когда она уловила выражение лица дочери.

— Господи... Да в больнице он, увезли его. Сегодня утром.

— Слава Богу, — Юля выдохнула. — Отец где? Тоже уехал? — спросила с большой на это надеждой.

— Не знаю. Он всю ночь провел у себя в кабинете.

— А что, бессонница напала? Ну надо же... — не скрывала едкого сарказма.

— Юля...

— Не нужно мне ничего говорить!

Наталья шумно вздохнула, сжала губы, налила кофе, поставила перед дочерью кружку и тарелку с омлетом.

— Поешь.

На кухню зашел отец и будто заполнил собой все пространство. Сегодня рядом с ним было особенно мало места. Душно.

— Appetit пропал, мама, — Юля тут же поднялась.

— Сядь за стол, — строго сказал он.

— Не сяду, сказала же, аппетит пропал.

— Хорошо, поговорим вечером.

Посмотрела на отца с легкой усмешкой, но потом ее глаза холодно блеснули.

— Все что ты хотел услышать, я тебе сказала вчера. Больше мне сказать нечего. А вечером мне некогда. Во второй половине дня у меня две консультации. Потом бассейн — два часа. Потом я поеду к подруге, — чеканила она. — Ты считаешь, что ты прав. Я тоже считаю себя правой. А знаешь, почему? — выдержала паузу. — Потому что я не одна из твоих архаровцев, я даже не Шаурин. Я — твоя дочь. Счастливо оставаться! — Обернулась на пороге. — Mamochka, можно я останусь ночевать у Кати? Завтра же выходной. А то здесь мне дышать тяжело.

Дышать дома и правда становилось все тяжелее. Теперь здесь пахло кровью.

Нескоро из памяти сотрутся воспоминания об этой ночи. Нескоро забудутся собственные слезы, стоны Дениса, полные боли, его кровь на ее руках.

Как только сумела это пережить... Кажется, за несколько часов лет на десять повзрослела.

— Можно. Только позвони мне обязательно.

— Конечно, позвоню. Не переживай. Кстати, мама, пока меня не будет, прикажи мне в дверь замок врезать. Не хочу, чтобы ко мне в комнату входили посторонние.

Монахов бросил на жену раздраженный взгляд.

Она скептически приподняла бровь:

— А на что ты рассчитывал, когда устраивал дома показательную казнь? Этого тебе даже я не прощу. За что боролись, на то и напоролись.

— Что за Катя?

— Катя Маркелова. Что тебе Юля вчера сказала?

— То, что мне нужно было от нее услышать.

— То, что ты хотел или то, что нужно?

— Я же сказал: то, что нужно.

— И что дальше?

— Всему свое время.

— Здорово, — Лёня осторожно, а потому немного неуклюже, вошел в плату. Переступил с ноги на ногу, зашуршал пакетом.

— И тебе не хворать, — Денис приподнялся на кровати. Тронул тугую повязку на груди, вздохнул тяжело. — Вуич, у меня еды полный холодильник, заканчивай с этой гуманитарной помощью. Я тут не собираюсь полгода жить. Максимум еще неделю.

Вот бы еще ушибы внутренних органов так же быстро зажили, как лицо. Лицо-то не сильно повредили, через неделю остались только небольшие ссадины. Но Семеныч обещал за две недели поставить Дениса на ноги, а для полного выздоровления, даже с его осложнениями, месяца хватит. Тем более ухаживали за ним с особым пристрастием. Ну, да... С таким же, как и наказывали.

— А как же витамины? — Лёня достал яблоко и кинул Денису. Тот поймал его одной рукой. — Молодец, реакция есть. На поправку идешь, я смотрю, весь на позитиве.

— Еще бы... — мрачно усмехнулся Денис. — Я сейчас настолько уколотый, что мне весь мир в розовом цвете кажется. Но это только пока. Когда я выйду отсюда, буду очень зол. Так что, Лёня, у меня к тебе большая просьба. Ты всех предупреди, чтобы не рыпались. Услышу хоть одно слово в свою сторону, убью сразу.

— Да, как бы... — замялся Вуич, — предупреждать-то и некого, потому что тишина. Все шито-крыто. А ты вообще в отпуске, причем, официальном. Можешь смело месяца полтора тут валяться.

— Ну надо же... Первый отпуск за два года. Чего ж я тогда в больнице, а не в Ницце. Ладно, — задумался на пару секунд, — тогда узнай, кто Монаху слил про меня и Юльку.

— Попробую.

— Лёня! Я не сказал попробуй, я сказал — узнай! Считаю, что это приказ. Как хочешь, хоть сыворотку правды всем подряд коли, но узнай — кто. Я и так думаю, что это Карп, но мне нужно знать точно.

— Так точно.

— Может, ты уже прекратишь свой бойкот? — Отец зашел в комнату, и Юля пожалела, что не закрылась. Она уже больше месяца с ним не разговаривала и всяческими способами избегала встреч.

Монахов присел на кровать рядом с дочерью и закрыл книгу, в которую она упрямо уставилась взглядом.

— Не понимаю, о чем ты папа, — сказала невыразительным тоном, поднимая глаза.

— Не доводи ситуацию...

— ...до чего? Я сдала все экзамены на пятерки, жду выпускной. Сижу дома как самая примерная в мире дочь. Что тебя не устраивает? Извини, но я не живу по твоему расписанию. Или без меня у тебя несварение желудка?

— Своим поведением ты ничего хорошего не добьешься.

— Я ничего и не добиваюсь. Это ты уже всего добился.

— Чем всякий бред читать, лучше бы определилась, куда поступать будешь, узнала про документы и вступительные экзамены. Или я должен за тебя по приемным комиссиям бегать?

— Захочу, буду сутки напролет Кама-Сутру читать, — снова раскрыла книгу.

Отец вышел из комнаты громко хлопнув дверью.

— И моими дверями не хлопай! — крикнула ему вслед. — У себя хлопать будешь... — Дыхание у нее перехватило, потому что в дверях снова появился отец. Долго смотрел на нее рассерженным взглядом, потом вышел. То, что на этот раз он не попытался высадить дверную коробку, не говорило о том, что его недовольство от сложившейся ситуации уменьшилось. Совсем наоборот. Он был уже вне себя. И хоть Юльку это чуть-чуть напугало, но вида она не подала.

— Ладно, — вполголоса проговорил он и достал телефон.

Собирался позвонить ему позднее, но раз дело приняло такой оборот...

После ухода отца Юля закрылась на защелку. Когда много позже в дверь постучали, подумалось, что отец снова пришел донимать ее разговорами. Потому не среагировала, продолжила читать книжку. Но стук повторился. И стучали очень настойчиво.

Со вздохом Юля поднялась с кровати и открыла. Сначала опешила, а потом захотелось запищать от радости. Даже ладошкой рот прикрыла. Но порыв этот прошел быстро, потому что в грудь привычно толкнулась тревога.

— Ты как сюда попал? С ума сошел!

— Нормально встретила, — разочарованно выдохнул Денис и усмехнулся, переступая порог. — Я тут с официальной миротворческой миссией. Ты что творишь? Забастовку, говорят, устроила. Точно дождешься, что отец тебя в Лондон упрет. Не реветь! — увидел по глазам, что Юля сейчас расплачется.

Она и бросилась в слезы. Сдерживаться не пыталась, потому что бесполезно. Все внутри смешалось: радость, страх, чувство вины, невысказанные слова, осевшие на душу непереносимой тяжестью.

— Наверное, не упрет... он как-то так сказал сегодня, я правда не совсем поняла, но кажется не упрет. Прости, я, конечно, не усидела на месте, как ты просил...

— В каком смысле?

— ...притащила ему справку от гинеколога.

— Так он знал?..

— Да. И ключи он мне сам от подвала дал... — вздыхая, вытирала слезы. А они все катились и катились по щекам.

Они с Денисом даже не обнялись. Она побоялась к нему притрагиваться, а он так и застыл у двери. Сама не знала, чего, но боялась. Может, потому что не была еще до конца уверена, что с ним все в порядке. Помнила еще, что в прошлый раз, каждое прикосновение доставляло ему боль. А, может, просто забыла, как это — обнимать его...

— Прекращай свои забастовки, не обостряй ситуацию. — Вышел из комнаты.

Юля успела заметить, как скулы у него побелели от злости.

— Ты куда? — крикнула в коридор, но ответ не получила. — Денис!

— Не бушуй. Поговорю с твоим отцом.

Никогда до этого момента не был в ее комнате. Когда шел к Юле, как-то по-другому себе представлял их встречу. Спокойнее, что ли... Думал, побудет с ней, потом поговорит с

Сергеем Владимировичем: они так условились. Но загорелся злостью от ее слов. Вспыхнул кожей.

Быстро спустился, постучался и открыл дверь в кабинет к Монахову.

— Проходи. — Ждал его. — Или боишься?

Рискуя разозлить мужчину, Шаурин издал дерзкий смешок. Медленно подошел к столу.

— Я здесь по своей воле. Ты попросил — я пришел. Ладно я, зачем надо было Юльку изводить?

— Не боишься дерзить мне? Или думаешь, что тебе теперь все позволено? Я ведь могу тебя отправить туда, откуда вытащил. Или вообще с лица земли стереть. Мокрого места от тебя не оставляю, — произнес спокойно. Готовился. Сказал именно то, что собирался.

— Замучаешься, — с агрессивным видом Шаурин упер ладони в столешницу. — Я успею из тебя всю кровь выпить. Легко. Подумай, стоит оно того или нет. — О том, что говорил, не жалел. Не боялся. Если не сейчас, то возможно уже никогда. Приходит время, когда нужно играть в открытую. Даже с Монаховым. — В такое болото тебя засажу, откуда не выберешься! Сомневаешься?

В том то и дело, что Монахов не сомневался. Не тот Шаурин человек, чтобы беспочвенно бросаться такими громкими словами. Да и знал много. Даже слишком.

— Злишься? — Тут Сергей Владимирович подался вперед и принял такую же позу, как и Шаурин. В глазах его что-то блеснуло.

— Меня теперь бесполезно останавливать, — Денис и не дернулся. Бровью не повел. Его слова, казалось, тяжело падали. Звенели в воздухе, как бьющееся стекло. — Так что думай, нужен ли я тебе во врагах? Уничтожишь, а тебя-то самого кто потом из дерьма вытаскивать будет?

— Бесполезно останавливать, говоришь? А если пулей в лоб? — Монахов достал из ящика стола пистолет, приставил ствол ко лбу Шаурина, взвел курок.

— Тебе блеф не идет. Сейчас уже незачем. Стрелять меня раньше надо было. И не полтора месяца назад, а два года. В ту ночь, в автосервисе. А сейчас незачем. Ты без меня уже не можешь. Я тебе нужен.

— Злишься, — Монах вдруг как будто удовлетворенно улыбнулся, убрал пистолет и похлопал Дениса по щеке. Почти ласково. — Молоде-е-ец! Сядь! — уселся за стол сам, достал бутылку коньяка и два бокала. Налил.

Денис опустил в кресло напротив, но к своему коньяку пока не притронулся. Резкого тона не сменил тоже.

— Я мог давно уже продать тебя кому-нибудь, да только я не проститутка политическая. Умею быть благодарным.

— Сколько вы встречались? — в голосе Монахова почувствовалось напряжение, и Шаурину это очень понравилось.

— Вопрос принципиальный?

— Сколько?

— Полтора года.

Монах чуть не подавился коньяком. Шаур, нагло усмехаясь, приподнял бровь, с удовлетворением отметив, что бокал мужчина поднес к губам нетвердой рукой.

— Как я должен теперь к тебе относиться?

— За свое я уже ответил. Юльку не надо вмешивать.

— А как теперь не вмешивать? Ты сам вмешал, — замолчал, словно подбирая слова.

Денису показалось, что Монахов нервничает, ждет с его стороны вопросов. Не дождался, потому продолжил: — У моей дочери всегда были самые лучшие игрушки. Самые лучшие. И если сейчас, на этом этапе своей жизни, она хочет тебя, она тебя получит, — прервался, словно ему требовалась передышка. Сказал после шумного вздоха: — И смотри, чтобы не забеременела... чтобы не пришлось потом... сам понимаешь...

Денис поднялся с кресла, выпил коньяк, подержал бокал в руке, а потом катнул его по столу в сторону Монахова. Тот остановил его у края.

— Надеюсь, ты меня правильно понял.

Шаурин ничего не ответил, вышел молча. Во дворе увидел Юлю. Она играла с Лордом, пес, как всегда, носился с палкой по двору. Если бы Юля не окликнула Дениса, наверное, он сел бы в машину и уехал.

Девушка смотрела ему в лицо, не решаясь задавать вопросов. От отца Денис вышел еще злее, чем был до этого.

— Поехали, — взял ее за руку и потянул за собой.

— Куда? — воспротивилась она. Такой взгляд у него был недобрый, что стало не по себе.

— Поехали, — повторил он уверенно. И уже спокойнее. Мягче, что ли.

Юля с сомнением посмотрела в сторону дома. Денис медленно и тяжело выдохнул.

— Я говорю — поехали, значит, поехали.

Она сделала лишь шаг, а потом он потащил ее к машине.

— У меня ничего с собой нет...

— Что тебе нужно? Зубная щетка? Я тебе куплю.

— ...даже телефона.

— Он тебе точно не понадобится.

ГЛАВА 40

— Ты все правильно сделал. Пусть лучше так: на глазах, под присмотром. Ты же понимаешь, что это все равно когда-нибудь случится. Пусть лучше так... — Наталья подошла сзади и сжала плечи мужа, поразившись, какие они каменные.

— Кому лучше? — глухо, без эмоций, спросил он.

— Всем.

— Не знаю... — продолжал напряженно смотреть в окно.

— Время и покажет, — вздохнула и обняла его со спины. — Что ты сказал Денису?

— Что все не так просто... Вот время и покажет, как ты говоришь. Если не перегорит, будет со всего этого толк.

— А Юлька?

— Юлька... А вас баб вообще хрен разберешь! «Папа, я не буду с ним встречаться» и вон — ускакала!

— Так уже можно, вот и ускакала. Не лезь к ней.

— А я к ней и не лезу. Наташ, поговори с ней, чтобы она... твою мать!.. — делая судорожный вдох, яростно потер подбородок, — ну, ты понимаешь, чтобы она себя в рамках держала.

— Поговорю, — согласилась жена, хотя понимала, что все разговоры уже не имеют смысла.

— Пусть все будет как-то... спокойнее.

— Поговорю. А тебе мягче надо быть, мягче. — Встала перед мужем. Легкими движениями разгладила у него на груди белоснежную рубашку.

— Наташа! — сунул руки в карманы брюк и впился взглядом в лицо жены. — Я не заведующий детсадом! Тут с ребенком слабинку дашь, он тебе на шею сядет и будет помыкать, так что забегаешься. У меня люди... и деньги, за которые каждый глотку перегрызть рад. Мне и самому есть перед кем отвечать. Сама знаешь: сегодня есть поддержка, завтра нет и где ты потом? Они мне еще спасибо скажут, — направил взгляд сквозь окно на ворота. — А то сейчас смотри-ка, огонь — горы готовы свернуть. Посмотрим...

— Слава Богу, что Юлька влюбилась в Шаурина, а не в Самарина, — слегка улыбнулась.

— Сравнила тоже, — хмыкнул он. — Этому оболтусу только баранку крутить. А ей вишь вон че подавай!.. — непроизвольно положил ладонь на левую половину грудной клетки.

— Ладно, успокаивайся. Давай, я сделаю тебе чай.

— Нет! — резко сказал он. Потом махнул рукой. — С лимоном!

— И куда мы? — спросила Юля, слегка растерявшись.

— Куда-нибудь. Таможня дала добро, так что можешь не переживать, что нас подадут в розыск.

— Как вы поговорили?

— Поговорили, — хмуро отрезал Денис глядя на дорогу. — У нас с ним свои разборки. Тебе не нужно в это лезть.

— Я хочу знать. Я с ним полтора месяца из-за тебя воюю.

— Приятно, конечно, но мне это может выйти боком, так что из-за меня грызться с ним не надо. Только не из-за меня. У тебя с ним свои отношения, у меня — свои. И у нас с тобой, соответственно, тоже. Не нужно это смешивать.

Отчего-то стало ужасно обидно. Не придумала ничего лучше, как отвернуться к окну и замолчать. Но потом в голову пришла дурная мысль.

— Скажи, ты меня увез назло отцу, да? Чтобы только позлить его?

— Нет, — ответил Денис, но возникшая перед этим недолгая пауза сказала о другом.

— Отвези меня обратно.

— Я так понимаю, истерика мне сегодня обеспечена, — невозмутимо. Как обычно.

— Отвези меня домой.

— Выйди из образа. Со мной воевать не надо. С отцом — пожалуйста, со мной не надо.

Не видела его полтора месяца, но сейчас всякое желание находиться с ним рядом пропало. И от этого становилось еще обиднее. Слезы снова подступили к глазам, хотя надоело плакать по любому поводу. Уже от самой себя тошно.

— Юля, — позвал через несколько минут.

Совість, что ли, замучила?

Ответила молчанием.

— Юля, — окликнул еще раз, — не обижайся. Я сам... на взводе. Не будем портить друг другу нервы.

— Отвези меня домой, — упрямо повторила она, — и я не буду портить тебе нервы. Как обычно, поговорю сама с собой и поплачу сама с собой. И никому не буду портить нервы!

Естественно, он и не подумал разворачивать машину. Через время спросила:

— Куда ты меня везешь?

— Ну, для ресторана ты явно не одета, — оценил он ее короткие джинсовые шорты и черную футболку с широкой горловиной. — Так что просто прогуляемся. Хочешь, мороженого поедим?

— Не хочу, — проворчала. — Ты у меня вместо мороженого. С ходу пыл остужаешь. Сейчас льдом покроюсь от твоей любви.

Когда машина остановилась, Юля сразу выскочила из нее и, не дождавшись Дениса, пошла на набережную.

Нашел куда привезти прогуляться! Как раз кстати, когда такое поганое настроение. После семи вечера летом на набережной не протолкнуться: прогуливающиеся туда-сюда парочки (от млада до велика, как говорится), мамочки с детьми, толпы подростков, собаководы и те, кто решил устроить себе вечернюю пробежку.

— Ладно тебе, не злись. — Догнал ее. — Если мы еще между собой будем ругаться, то тогда вообще финиш.

— Я не злюсь. — Смотрела, как Денис достал сигареты. Вместо того чтобы обнять ее он достал сигареты и закурил.

На душе тяжело стало. Вдох невозможно сделать. Господи, так хотелось, чтобы он просто обнял и прижал к себе. Крепко до боли. А он достал сигареты...

Затянулся так, что в глазах помутнело. Выпустил дым и вдохнул, наполняя легкие чистым воздухом. И плечи развернул, чтобы грудная клетка расширилась, и немного спало напряжение. И злость немного спала. А то первой Юльке перепадет. Не хотел трогать ее на таких эмоциях. Больно будет. Ей и так досталось.

А она отвернулась, Юля. Может, плакала снова. Не смотрел на нее. Присел на парапет, ухватывал движения краем глаза. Но вроде слез не вытирала. Стояла просто обхватив себя руками, будто замерзла, и смотрела на воду. Беззащитность. Не его Юлька. Беззащитность. Содрали защитную оболочку. Делись куда-то ее ирония, юмор. Пропали остроты. Только слепое всем противостояние осталось. Даже там, где не надо. Где оно того уже не стоило.

А на улице тепло. Не жара, слава богу, но тепло. Солнце уже остыло, только подсвечивало из-за облаков красными лучами. Красило небо разноцветными оттенками, создавая настроение. С реки прохлада, приятная влажность.

Между лопатками испарина. Не от жары, конечно. Не от жары...

Кончик сигареты в руке подрагивает. Дрожит так предательски. И какое-то странное возбуждение волной по телу. Бесконтрольно.

Еще один вдох, глубокий до ломоты в груди.

Отпустило вроде... Отпустило же? Да ни хрена...

Рядом остановилось несколько подростков. В такой близости, когда уже не можешь разговаривать свободно и не чувствуешь уединения. Они уселись на парапете, как воробьи на высоковольтном проводе. И галдели так же, приправляя разговоры отборным матом.

Раздражают засранцы.

Юльку, наверное, тоже, потому что она оттолкнулась от ограждения и шагнула вперед. Ухватил ее за руку.

Крепко так ухватил, что при всем желании бы не вырвалась. Так и пошли вперед по

струящейся толпой дорожке. Украдкой взглянула на Дениса: сигарета между губ, брови нахмурены, взгляд куда-то вперед, поверх толпы, напряженно. Не любит курить на ходу.

Потом заметила, как смотрят на него девушки. Не смотрят — глазают, пожирают взглядами. Подобралась сразу. Пальцы сплела, его ладонь крепче сжала. С выдохом обиду сбросила. И злость. Надо сбросить. Постараться. Все же хорошо. Наверное. А так поганс почему-то... Хотя оно и понятно: пока Денис не в себе и сама напрягалась. Всегда так было. Всегда остро реагировала на его эмоциональное состояние.

Пришлось пройти чуть дальше, чтобы найти место поспокойнее. Тогда только остановились.

— Подожди... — предупредил.

— Так кури, — уселась и притянула его к себе, приникла к груди. Это важнее, чем опасность пропитаться сигаретным дымом. Да хоть сто раз... Главное, разбить лед у себя внутри, прекратить войну, которая стала чем-то привычным. Не воевать же с самой собой из-за гордости, и с ним не воевать...

— Конфетка, может тебе покурить?

— Чего? — подняла голову, посмотрела в его глаза. Серые, смеющиеся.

— Если так уж хочется провести акцию протеста, то я могу дать тебе сигарету, а моим воспитанием не надо заниматься. Язык сломаешь о мое мировоззрение. А то и так много текста мне начитала.

— Да ну тебя... — снова уткнулась ему в грудь, вдохнула знакомый горьковатый запах. Привычно-родной.

— Смотри, не говори, что не предлагал.

— У меня новое прозвище?

— Ищу варианты.

— Мне нравится, как ты меня раньше называл.

— Красота?

Кивнула.

— Это для особых случаев.

— М-мм, — понимающе ухмыльнулась она, а потом сказала: — Я тебя спросила про отца не потому что лезу в ваши разборки, а потому что не знаю, как мне себя теперь вести. Я дала ему слово, что не буду с тобой встречаться.

— Можешь считать: он тебе его вернул.

— Точно?

— Того, что я говорю тебе недостаточно?

— Мне-то достаточно...

— Ну и все, — поднес сигарету к губам.

— Значит, ты меня сегодня полюбишь? — пристально следя за выражением его лица.

— Значит, люблю, — взгляд чуть в сторону, но губы крепче сжались, сдерживая улыбку.

— Сильно? — самой-то трудно сопротивляться, прикусила губу.

— Нормально.

— И романтика будет? Шампанское, фрукты, свечи?

— А, может, обойдемся без пафоса? — Сигарета, конечно, помогала удерживать отстраненность. Но и она не бесконечная — выбросил окурочок.

— Как это без пафоса? Я хочу этот день запомнить.

— Так потому и без шампанского надо, а то улетишь в nirvanу раньше времени.

— А вино? Красное, белое... конфеты.

Хотел ответить ей, но, посмотрев в лицо, понял: она специально дразнит его. Заводит разговорами.

Получалось. Еще как получалось. Чертовка.

Прикрыл ей рот ладонью.

— Закрой рот. А то я сейчас буду как порнозвезда на выпасе.

Накрыла его руку своей, легонько лизнула ладонь. Он сразу отдернул ее. Кажется, слишком резко.

— Ой, а что это нас так передернуло? — с мягкой издевкой. — Совсем истосковался без меня... — вместо того, чтобы отстраниться еще крепче прижала его к себе: обхватила руками и стиснула бедрами. Ноги-то у нее сильные. — Совсем... — поскребла ногтями по футболке на спине.

— Да ты посмотри на нее, — шепотом на ухо, — какая горячая штучка. — Рука у нее под волосами. Зубы прикусили мочку уха. — Я передумал, я тебя затрахую, — ласково. Так ласково, как можно только произнести это слово. — Пока пиццать не начнешь.

— А, может, «залюблю»? — смеясь.

— Залюблю было до того, как ты меня дразнить начала.

— Напугал. Мой мозг уже полностью растлен. Сколько же можно фантазировать... Я уже все себе нарисовала.

— Страшно представить.

— Угу, как два года назад тебя увидела, так и рисую. Все, подумала, вот он — мой первый мужчина. Так что ты сегодня исполняешь мои желания.

С тяжелым вздохом поднял лицо, посмотрев в небо.

— А ты не наглеешь, конфетка? — снова на нее.

— Совсем нет. Ты мне проиграл, помнишь? Забыл? Зато я помню.

— И как это ты раньше то желание не выпросила?

— Так сначала рано было. Потом подумала, что оно и так само собой сбудется, раз мы встречаемся. Потом забыла. А сейчас самое время.

— Смотри, — вкрадчиво, — чтобы не жаловалась потом.

— Не переживай. Ты забыл, что я всю жизнь танцевала. У нас с этим легче. Ты не знаешь, что такое растяжка. Когда мышцы от нее рвутся — вот это боль. Если у меня бинт к открытой ране прилипает, я не отрываю его по миллиметру, не мучаюсь, отдираю разом на выдохе. Понимаешь?

— Понимаю. Еще есть какие-нибудь инструкции для меня? Сразу зачитывай, а то потом не успеешь.

Когда оказались у него дома, волнение все-таки одолело. Этакая смесь чувств предвкушения, страха и ожидания чего-то особенного. Ничего не могла с собой поделаться, хотя старалась вести себя непринужденно и чувствовать так же.

Зря она выпросила эту романтику. Нет, не выпросила, конечно, но все же. Фрукты, сладости, мороженое, — зачем только она его взяла, сама не знала, — все на столе. Но ничего не хотелось. Они перекусили в кафе, теперь кусок в горло не лез. Там, на набережной, и настроение было, и легкость. Непринужденность и желание. А тут как-то все само собой сошло на нет. Схлынуло. Приготовления эти — пока фрукты помыла, бокалы

достала под вино... Правда, решила только виноградом обойтись. Как представила, что апельсины чистить или яблоки строгать.

Не складывалась у них романтика. Надо было после душа сразу в кровать: не ждать, не нервничать. И из ванной-то выскочила едва полотенцем обмахнувшись, теперь футболка липла к телу.

Вот Денис не напрягся. А чего ему, собственно, напрягаться. Взял бутылку вина, белого полусухого, нашел штопор. Даже вытащил пробку.

И тут в дверь позвонили. Юля аж вздрогнула. Сразу мысли в голову полезли, самые черные.

— Сиди тихо, — сказал и вышел из кухни.

Из прихожей слышала его голос. Говорил что-то спокойно. Потом он вышел из квартиры. Тишина.

Юлька тяжело осела на стул. Вот вам и романтика. Еще минут пятнадцать и ее начнет трясти как в лихорадке. Вскочила.

Вот куда он пошел, Денис?

Недолго думая, разлила вино по бокалам и сделала из своего большой глоток. Проглотила, как воду. От волнения. Или вино такое безвкусное. Жуть. Или жесьть. Вот откуда этот мандраж взялся?

— Кто это? — сразу спросила, как только Денис вернулся.

— Соседка по площадке, Валентина Марковна. — Спокойно отреагировал, что Юлька начала пить без него. Взял свой бокал. — Старая кэгэбэшница. Диван ей надо было передвинуть.

— В такое время?

— А ей какая разница? Прикольная старушка. Нет у нее новых впечатлений, вот она мебель в квартире и двигает.

— Задружил со старушкой? — усмехнулась Юля, чувствуя, что напряжение потихоньку спадает.

— Ага, стоило только Таньке у меня пару раз побывать, так теперь со мной все старухи в подъезде здороваются. Это она с ними дружит.

— Танька мировая.

— Простодырая.

— Добрая. Она мне очень нравится.

— Это да. Наивняк.

— Может, изменится?

— Нет, это стиль ее жизни. Ей так нравится. Она любит дружить со всеми, любит жить «по-доброму». Любит всех любить.

— Ну в этом же нет ничего страшного?

— Абсолютно.

Снова звонок к двери. Денис и глотнуть не успел.

— Блин!..

В этот раз Юлька не подскочила испуганно. Наверное, Валентина Марковна вспомнила об очередном диване. Или кресле.

Слышала, как Денис у дверей отпирается, отнекивается от чего-то. Стало любопытно. Но не решилась высовываться, подождала, пока Шаурин вернется.

Он вернулся через минуту. С тарелкой, на которой лежал огромный кусок клубничного

пирога. Ну да, сезонная ягода. Неудивительно.

Вид у Дениса был хмурый, а Юлька расплылась в улыбке.

— Поди старая кэгэбэшница тебя подкармливает.

— Типа благодарность. Не ешь, хрен ее знает, что она туда подсыпала.

— Ага, приворотное зелье для доброго молодца. Брось, ты. — Достала маленькую ложку. — Вкуснотища-то какая.

Они даже не присели. Так и толклись у стола — ели стоя, пили стоя. Словно боялись что-то упустить, не успеть. Словно сидя, будет уже совсем не то, не так...

А главное, никого из них это не напрягало. Юлька выбирала начинку из пирога: клубнику в сахарном сиропе. Иногда отщипывала сладкий черный виноград. Запивала вином, оно не казалось таким уж крепким. Мягкое, чуть кисловатое. Марку не смотрела, потому что все равно. Наверняка хорошее. Кстати, они его не покупали. Денис достал его из «глобуса».

Думала, что после первого бокала Шаурин сделает ей предупреждение. Вполне в его духе. Но нет, налил второй. И себе. Кажется, он вообще не ел, только пил. Пусть пьет.

А потом он забрал у нее ложку. Просто выхватил из рук и отбросил в сторону. Отодвинул подальше тарелки, бокалы. Стащил с себя футболку.

Этот звук — легкое шуршание ткани — самый громкий за сегодняшний день. Услышав его и увидев, как Денис подтягивает футболку со спины за горловину вверх, сразу замерла. Затем, ухватившись за край, села на стол, на то место, которое он освободил.

Все быстро — на животных инстинктах и желаниях. Уже без слов, разговоров, предупреждений, намеков.

Губы еще в клубничном сиропе. Слизнула.

Теперь чувствовала, что напряжение никуда не ушло, просто переродилось во что-то новое — в тугую, дрожащий внутри комок. И он даже без Денисовой помощи разрастался, мешая дышать.

Его руки скользнули по бедрам — мягкие, теплые, — прошли по спине, погладили затылок. Думала, что он поцелует ее, а он зарылся в волосы и прижал ее голову к себе, к шее. Эта близость Юльке очень нужна. Денису, наверное, тоже. Потом его губы нежно к виску. К уху.

— Я боюсь что-нибудь не так сделать, — почти шепотом честно призналась она.

— Убери волосы.

— А что-нибудь более обнадеживающее будет? — пальцы слабо слушались, но сделала, как он просил.

— Загадывай желание, — усмехнулся. Конечно, теперь его очередь издеваться.

— Ты пользуешься моей неискушенностью. Я вот сейчас точно чувствую, что где-то прогадаю.

— Тогда бери по максимуму.

— Тогда всего и много — с головы до ног.

— Договорились.

Почему-то от этого слова вино ударило в голову. Возникло легкое головокружение, очень легкое, даже приятное. Хотелось растянуть это мгновение надолго — наслаждение предвкушением. Ведь у него особый вкус.

Не спешил ее целовать. Вся кровь уже хлынула вниз живота, и обескровленный разум отказывался мыслить. Боялся, что начнет ласкать ее и забудется совсем. Перестанет ее

чувствовать. Уже было такое. Чтобы как-то притупить ощущения, ему нужно в себя бутылки две вина влить, не меньше.

Не понимала, чего он ждет. Казалось, забыл, что делать. Пальцы мягко блуждали по шее, поглаживали, спускались вниз, насколько позволял вырез горловины. А, может, и правильно все. Ведь помогло же ей это успокоиться, перестать неровно дышать. Значит, так надо.

Сделала то, что уже делала чуть ранее на набережной: взяла его руку, поцеловала в ладонь, тронула языком. Денис вздрогнул снова. Забавно, почему это так действует на него. Так возбуждающе, что ли.

— Почему?.. — спросила нескладно.

Не отдернул руку в этот раз, надавил слегка на губы, словно проверяя их упругость. Тронул пальцами, задевая внутреннюю поверхность.

— Потому что когда я чувствую твой язык, представляю его у себя на теле.

Нет ничего проще, чем дать ему это. Поцеловала в шею. Провела языком влажную дорожку. Сразу почувствовала, как сильно напряглось тело Дениса. Спина под руками закаменела. Но он, повернув ее лицо к себе, поцеловал. Умелый поцелуй, страстный, возбуждающий. Какой она ждала.

Подхватив ее крепче, понес в спальню. Покрывало с кровати нашло свое место на полу. Кажется, вместе с одеялом. Но оно им точно не понадобится. По крайней мере, сейчас.

Оба быстро разделись. Юлька не стала стесняться, услышав, как Денис зашуршал джинсами. Сбросила футболку, потом шорты.

Шаурин, как и предупреждал раньше, с игрой в долгое раздевание не заморачивался — стащил с себя все, а когда в постели обнаружил на Юльке трусики, издав какой-то недовольный звук, снял их.

Они остались голые. Юля все же думала, что это будет как-то постепенно, с привыканием. Но нет, он стиснул ее, прижимая к кровати, и она почувствовала его всего. Горячее тело, твердую возбужденную плоть.

Для неловкости не осталось времени. Потому что он начал целовать ее так, что ощущение реальности потерялось.

Юля с готовностью отзывалась на каждое движение — то дрожала, то замирала от удовольствия. Была такая податливая...

Все эти сиропные ласки — такие же, как начинка в клубничном пироге, — только для нее. Приятные, нежные, воздушные. Сам бы Шаурин хотел другого. Ласкать ее по-другому. И взять ее по-другому. Но это потом, когда она привыкнет к нему. Когда поймет. Почувствует. А сейчас нужно утолить ее голод по еще неизведанному. И самому не кончить от первого же толчка в нее. Каждое к ней прикосновение уже было мучительным, просто невыносимым. Чем больше она возбуждалась, тем невозможнее становилось сдерживаться и сложнее получать наслаждение от этой сладкой прелюдии.

Невозможно...

— Выдыхай, — сказал он с хрипотцой. Как будто скомандовал.

Выдохнула. Как раз в тот момент, когда острая боль пронзила тело, смывая удовольствие от происходящего. И тут же чувство наполненности — новое, удивительное...

Не вошел, ворвался в нее. Именно так, как она просила — резко, быстро. Раз и все.

Хорошо, что пока он надевал презерватив, у нее была возможность вдохнуть побольше воздуха. Чтобы отпустить эту боль, понадобится не один выдох. Главное, расслабиться.

Попытаться. Как их учили работать при растяжке: на боль нужно выдыхать и расслабляться, а излишнее напряжение только хуже делает.

— Извини, Красота, — уткнувшись в щеку. — Не шевелись.

Не смогла бы, даже если попыталась. Он сковал ее движения своим телом. Улыбнулась тому, как он ее назвал. Ну да, это же особый случай.

— Тут у тебя все равно нет других вариантов...

Хотел бы со знанием дела сказать, что нужно лишь немного потерпеть и все пройдет. А хрен его знает, как скоро у нее пройдет...

У самого в голове немного прояснилось. А как вошел в нее, аж в глазах потемнело. От яростного удовольствия. Дрожь такая по телу прошла, что чуть не кончил. Как впечатлительный подросток, мать его. Неудивительно, Юля, она ведь такая узкая...

Теперь уже мог различить ритм ее дыхания, неровный и прерывистый, и напряжение в теле. В полумраке комнаты не мог четко видеть ее лицо, читать по глазам, а только слышать, ощущать, угадывать.

Стал целовать ее влажно и чувственно, пока не расслабилась и стала отвечать, мелко дрожа всем телом. Тогда привстал, давая ей свободу, чтобы могла как-то реагировать. И чтобы самому легче было отследить ее реакции.

Сильнее согнул ее ноги в коленях. Двинулся медленно. Юля мягко застонала.

— Больно?

— Нет, — сквозь зубы недовольно процедила она. — Хочешь, чтобы я попищала? Могу попищать.

— Рано еще тебе пищать, Конфетка. — Еще раз двинулся в ней, лизнул шею.

— Ах... — выгнулась. Крепче сжала его бедрами. — Может, я сама знаю...рано или нет... — очень сбивчиво.

— Ничего ты еще не знаешь. Учти, первый раз для меня. Мой.

Так и хотелось ответить ему его же словами: «Закрой рот». Уже просто не было сил отвечать, слова путались в голове, язык заплетался. Отнюдь не от выпитого вина. Да, она, конечно, еще ничего не знает. Это ее первый раз. Но все существо сконцентрировалось на тянущих томительных ощущениях внизу живота. Смешанных с болью. Она, боль, никуда не ушла, но притупилась. Уже не была такой поверхностно-острой. Как-то растеклась. И совсем не мешала желать продолжения. И собственная неопытность уже тем более не мешала точно понимать, что ей сейчас нужно. В чем она нуждалась и чего хотелось до одури. А до одури хотелось, чтобы он двигался.

Он и двигался. И это было приятно. Сказочно приятно. Невероятно просто. Но еще больше, гораздо больше, ее завораживал сам Денис. Его эмоции, эта страсть между ними: вздохи, дрожь по телу, судорожное напряжение мышц...

Окутать его теплой волной, оплести, никуда не отпускать. Держать в себе как можно дольше. Поглотить его всего целиком.

Так и попыталась, крепко прижала к себе, когда почувствовала, что толчки его стали резкими, ритм изменился. Поняла, что еще немного, и он ускользнет...

— Нет-нет-нет...

Он укусил ее за плечо. От его стонов и тяжелых вздохов у самой сладкая дрожь пробежала по телу, но этого было мало. Ничтожно мало. И совсем стало жаль, когда ощущение приятной тяжести на своем теле пропало: Денис приподнялся на руках, уже чуть отдышавшись.

— Сказал же, первый раз — мой. Пошли в душ, потом я сделаю тебе приятно.

Предложение пойти в душ выглядело весьма условно, потому что он сам отнес ее в ванную и поставил под воду. Правильно, наверное. В самой не было столько прыти и силы, чтобы вскочить с кровати и побежать в душ. Признаться, голова закружилась, и в теле странная не очень приятная слабость почувствовалась.

— Холодная, — поежилась. — Горячая... — снова вздрогнула, после того как Денис опять попытался отрегулировать воду. Он-то ни первый, ни второй раз не дернулся под струями.

— Тебе плохо, что ли?

— Ну, как-то так...

— Постой спокойно.

— Угу, — послушно согласилась.

Будто у нее есть выбор. Денис обнял ее сзади и прижал к своей груди. И хорошо. Хотя немного странно: вот сексом с ним заниматься было не стеснительно, а мыться — еще как.

Не хотела мыться с ним. При нем. Чувствовала себя... голой. Черт, только сейчас почувствовала себя абсолютно голой. Стеснялась своей наготы. В спальне-то темно, и там он ее не рассматривал так пристально. Не мог видеть каждый изгиб тела. А здесь будто вся душа наизнанку.

— Ты же не думала, что мы все время будем заниматься любовью только без света и под одеялом?

Денис, верно, почувствовал ее напряжение, скованность некоторую. Да и как тут не почувствовать: она вся напряглась, придумывая, как бы побыстрее отправить его из ванной и остаться одной, помыться без его бдительного взгляда.

Очень жаль, что ванна у него таких размеров и такая удобная, что в ней еще парочка человек поместится. А так можно было сослаться...

— Нет, конечно, — храбро ответила.

Он сначала поцеловал плечо в место укуса, погладил его рукой, растирая красное пятно, оставшееся после его «изысканной» ласки, а потом намылил ладони и начал мягко водить по спине.

— Может, я сама?.. — несмело предложила, несмотря на приятные ощущения от этих скользящих прикосновений.

Боязно это и приятно одновременно. И так еле-еле на ногах держалась.

— Нет. Хочу сам. Хочу потрогать тебя, погладить. Соскучился, — обнял так, что чуть ребра у Юльки не хрустнули. — Чего ты боишься? Я тебя просто поласкаю.

— Да я, собственно, не боюсь... — слегка улыбнулась, приказывая себе расслабиться.

Шею целовал, плечи — то, что еще не успел намылить. Нежно так. Или вода немного скрадывала ощущения.

Руки его легко скользили по телу. Мягко, приятно. Слишком приятно, что их, этих касаний, стало много. Везде. Как тогда... Пальцы чуткие на груди, животе и даже там, внизу. Там особенно аккуратно, очень осторожно. Наверное, не осталось на теле места, которое бы он не потрогал, не омыл собственноручно. И сама не понимала, почему так остро реагировала на подобные прикосновения, учитывая, что она с Денисом уже сексом занималась, и он не только трогал ее и ласкал, а даже внутри был. И ничего подобного она при этом не чувствовала.

Когда слезы подступили к глазам, Юля не стала противиться. Думала: под душем это

будет незаметно — ничего страшного, если она пустит пару слезинок. Но плечи предательски дрогнули, выдавая.

Денис прочитал все по ее лицу.

— Так и знал... — показалось, что недовольно. — Вот что у тебя за натура такая? Когда на тебя орешь, ты прям боец!.. А стоит чуть приласкать... Юля!.. — сжал ее плечи и чуть тряхнул. — Я же не хотел ничего плохого.

— Ты ни при чем. Когда ты на меня орешь, в меня вселяется дух противоречия, — почти со смехом, но сквозь слезы.

— Так зови его обратно!

— Не могу... — до боли закусила губу, стараясь сдержаться.

Вытащил ее из ванны и начал вытирать полотенцем. Судорожно как-то, быстро. Не очень деликатно.

— Я чуть тебя не похоронила! А они молчали... никто и ничего... — безвольно позволяла ему все. Но тут его руки замерли.

— Если бы я умер, ты бы сразу узнала.

— Ты оптимист. Впрочем, как всегда, — с горькой иронией и со всхлипом. — Я не хочу выливать все это на тебя. Но... я стала совсем истеричкой, не могу собой владеть. Вообще не могу. Я устала... — сказала совсем обреченно. Закрыла глаза и язык себе прикусила, чтобы не разрыдаться в голос.

— Юленька... — прижал ее к мокрому телу. Яростно искал подходящие слова, но найти не мог. Начал с трудом: — Ладно, это все стресс. Не все радостно было последний месяц. Будем считать, нормальная реакция организма. Можешь поплакать.

— Мне не очень удобно плакать, когда ты голый, — сказала ему в грудь.

— Тысяча извинений. Сейчас я надену плюшевую жилетку.

— Лучше надень трусы. А то ты меня с толку сбиваешь. Мне, конечно, нравится твой зад... и перед тоже, но так на слезах я точно не сосредоточусь.

Шаурин отпустил ее и разразился таким хохотом, какой она никогда еще от него не слышала.

— Чего ржешь? — шмыгнула носом, насупив брови, хотя и у самой по губам пробежала усмешка. Слезы как-то сами собой высохли, хотя секунду назад настрой поплакать был серьезней некуда.

— Бл*-*-*ть, — взвыл, прикрыв лицо ладонями. — Юля-я-я-я...

Когда истерика у него кончилась, он отнял руки и обмотался полотенцем.

— Если правда... — спокойнее, почти не заикаясь, деловито сказала она и принялась промокать волосы полотенцем.

Вот теперь стало совершенно безразлично, что Денис, если можно так выразиться, одет, а она стоит перед ним совершенно голая и при этом даже видит в зеркало его отражение — жадный обволакивающий взгляд, которым он на нее смотрит.

Так же, под его взглядом, Юля невозмутимо расчесала волосы.

— Ладно, истеричка, пошли лечиться, — сказал Денис смеясь.

И они пошли. Только сначала Юлька вытащила из шкафа его голубую рубашку, которую натянула на себя, а Денис соблаговолит влезть в джинсы. Но, как оказалось, сделал он это совсем не из-за Юлькиной нежной впечатлительной натуры, а потому что собрался выйти на площадку покурить. Правда передумал. И не покурить, а выходить на площадку. Не решился оставлять Юлю одну. Потому включил вытяжку на всю мощность и закурил на кухне.

Да, после такого срочно требовалось покурить. Сколько времени с Юлькой уже встречался, а все никак не мог привыкнуть к ее манере выражаться. Как скажет что-нибудь иногда — хоть стой, хоть падай.

— Давай, Конфетка, пей, — долил ей в бокал вина.

— Уже не хочется.

— Давай-давай, это лекарство. Алкоголь боль уменьшит. Ну и расслабит. Хотя мне кажется, тебе надо что покрепче... с твоими тараканами.

— У меня нормальные, вполне себе адекватные тараканы.

— Ну-да... — хмыкнул он.

— Как ты это все пережил? — спросила другим тоном, да и о другом уже.

— Успокойся, — обдал холодком. — Перестань думать об этом.

Злость брала — готов был возненавидеть Монахова за то, что тот позволил ей тогда увидеть его в подвале бессильного и сломленного. Никак не получалось вытравить из Юльки эти воспоминания. Истеричка она, говорит... Так и хотелось сказать ей: «Ты еще истеричек не видела. Тех, кто не умеет собой владеть». Для своего возраста Юлька поразительно сильная. Волевая. Другая бы его самого уже давно к чертовой матери послала. Или не послала, а руки опустила и растворилась в пространстве. Он и не заметил бы, только вздохнул с облегчением. А Юльку сломать нельзя. Поранить можно, а сломать... Сомневался. Зарастет все. Или это будет не его Юлька.

Покачала головой в ответ. Как тут успокоиться. Смотрела в его серые глаза, холодные, покрывалась неприятными мурашками, но взгляд не отводила. Долго он молча глядел на нее. Застыл на месте. Думала уже, что так и проигнорирует вопрос.

— Первую неделю не помню, — быстро проговорил, выдыхая дым. — Потом легче. Потом почти как на курорте.

С трудом проглотила вязкий ком в горле. На Денисе не осталось никаких следов — шрамов и прочего, и с виду он был вполне здоров. Вот только иногда бессознательно прикладывал руку к правой стороне грудины. Раньше такого жеста за ним не замечала.

Тяжело выпустила из себя воздух. Взяла бокал и отпила. Приличный глоток сделала. Поморщилась: вино, оказывается, кислое. Пора переводить тему, успокоиться, как сказал Шаурин.

— А ты просто куришь или куришь после секса?

— Даже Танька курит после секса, но я курю просто.

— Танька курит? — с удивлением в голосе.

— Начинает периодически.

— У нее же ребенок.

— Сейчас-то, нет, конечно. Танюха с виду хорошая девочка, а сама мечтает нарядиться в костюм горничной и замутить хорошую ролевуху.

Юлька засмеялась. И все-таки допить вино — неплохая идея.

— А теперь ты мне скажи, что это за реакция такая? Теперь все время плакать собираешься, если я буду тебя трогать?

— Иногда же я не плачу, — с виноватой улыбкой пожала плечами.

— Да, иногда мне прям везет, и ты не впадаешь в истерику.

— Может, потому что это слишком чувствительно для меня?

— Так ты расслабься...

— ...и получай удовольствие, — закончила за него.

— Именно, — заглушил сигарету. — Придется пробовать бабкин пирог, — поднял Юлю со стула, а усевшись, примостил ее у себя на коленях. — Правда, ты тут уже над начинкой основательно поработала.

— Я тебе оставила, не жалуйся.

— Конечно. Меня нельзя без сладкого оставлять, иначе я разозлюсь.

— Это поэтому я у тебя Конфетка?

— Поэтому ты у меня Конфетка.

— Я согласна.

Но такая радостная улыбка угасла. Настроение изменилось. Бывает так, когда блуждающая в лабиринтах сознания мысль, вдруг неожиданно выплывает на поверхность, поражая своей обыденностью. Жуткой реальностью.

— Мы говорим о всяких глупостях. Я мелю всякую чушь, и ты мне поддакиваешь.

Помолчал. Потом коротко, а оттого еще более жестко:

— И что с того?

— А завтра?.. Ты отвезешь меня домой и что? — У него на коленях стало вдруг неудобно, и совсем не тепло, как минутоу назад.

— А завтра ты позвонишь матери, скажешь, что с тобой все в порядке, и я не отвезу тебя домой. И потом мы придумаем, чем заняться.

Не было в его словах какого-то подтекста, двойного смысла с эротическим содержанием, что странно облегчало сказанное. Как-то обнадеживало.

— Но мне все равно надо домой заехать.

— Зачем?

— Затем, что если я буду у тебя оставаться, мне нужно, чтобы здесь были кое-какие мои вещи. Я не могу щеголять в твоих рубашках.

— Что тебе нужно? Халат и комнатные тапочки?

— Если даже и так...

— Картина, корзина, картонка и маленькая собачонка... Вон там в прихожей, в тумбочке в верхнем ящике блокнот и ручка, напиши список.

— Ты меня поражаешь своей практичностью.

— Угу. — Тут его мягкие руки стали убирать волосы с шеи, и слова, которые Юля собиралась сказать, застряли в горле. Эти движения уже стали каким-то ритуалом, означающим, что дальше последуют поцелуи. В шею и не только.

И они последовали, поцелуи. Но сначала Денис развернул ее к себе лицом, чтобы в глаза смотреть и дышать в губы.

Казалось, чего волноваться, знала же, как все будет. Но сердце вниз ухнуло, в пустоту, которая вдруг образовалась внутри.

Раньше никогда не испытывала такого напряжения, потому что всегда знала, чем закончится их чувственное общение — ничем. А сейчас это многообещающее и до конца не познанное смущало. Сковывало немного.

Покраснела. Не только от смущения, конечно. От предвкушающего восторга. От тепла, что зародилось внутри с его соблазнительно легким поцелуем и прикосновениями пальцев, трепетно скользящими по бедрам. Вверх-вниз. Едва-едва касаясь кожи. Наверное, чувствуя ее шероховатость: от мурашек удовольствия.

А потом уже ладонями, горячими, плотно, настойчиво так. Выше по ногам. Выше. Дразняще. К обнаженным ягодицам. И губы Шаурина перестали быть сладко-нежными.

Требовательными стали, просящими. Чтобы совсем отдалась, размякла.

Она и размякла, почти забылась. Дышала часто, но не задыхалась. Тонкими руками притянула его плечи, близко-близко к себе, крепко-крепко. Тело заныло, и рубашка такая колючая. Царапает как будто. Душит.

Прижалась к Денису сильнее, двинулась вперед, обхватила бедрами — жесткая ткань джинсов по чувствительному месту. Неожиданно приятно... Сдержала стон, сдавила в горле.

И тут же губы Дениса, горячие, на бьющейся жилке, шелковый язык — влажной дорожкой по шее. И пальцы — по нежной внутренней стороне бедра туда... там, между ног... где все пульсирует, и каждое легкое касание нестерпимо, но желанно до боли.

Но почему-то, как только Денис оторвался от ее губ, свет ослепил вспышкой даже сквозь сомкнутые веки, ощущения разделились, немного рассеялись, а попытка контролировать себя еще больше отрезвляла.

— Если хочешь покричать, покричи, — глухо проговорил на ухо, — давай, родная, отпусти. Делай, как тебе нравится. Если пересохло во рту, попей. Делай то, что тебе хочется. Нам должно быть удобно и хорошо, — шептал бархатно, прижимая ее к себе. Просто прижимая, обхватывая тело крепкими мускулистыми руками.

— Прямо, что хочу? — чуть развернулась в его объятиях, он немного их ослабил, позволяя. Потянулась к своему бокалу. А ведь во рту и правда пересохло, проглотила остатки вина. Не для утоления жажды. Скорее, проверить, может ли она действительно сделать то, что хочется.

Капелька вина заблестела на ее губах. Слизнул. Руками вверх по спине, по теплой сухой коже. Потом вверх рубашку...

— Обещаю, плакать не буду, — помогла снять ее с себя через голову. Заметила, как взгляд Дениса отяжелел, а тело чувственно напряглось.

Юлька... его Юлька такая красивая. Сейчас разгоряченная уже ласками, с легким румянцем на щеках. Чуть золотистая у нее кожа. Совсем чуть-чуть, но можно различить на плечах следы лямок от купальника. Идеальной формы грудь, упругая, округлая, как раз для его ладоней. Языком бы по каждой венке. Красивая, его Юлька...

Мучительное желание рвало вены. Снова кровь стремительным потоком вниз, в пах. Но не бросился на нее, естественно. Как хорошо, что хоть немного утолил свой голод. Хотя до того момента, когда сможет насытиться, еще очень далеко.

— Как?.. — положил ладонь ей на шею. Обхватил мягко и тепло.

— Как в ванной...

Приоткрыла губы инстинктивно, чтобы вдохнуть глубже, вынести это электризирующее прикосновение ладони к чувствительной напряженной коже, к тугому набухшему соску. А получилось, что впустила в рот его язык. Ласки перестали быть нежно-воздушными, потеряли легкость. Тягучие стали, снова наизнанку выворачивающие. И мало... Но отдышаться бы хоть как-то.

— М-мм? — звук в ухо, и губы чуть ниже. Жадными поцелуями по шее.

— Мне не очень нравится, что ты в штанах, — не получалось отдышаться. Вообще нет. Не получалось втянуть в себя воздух. — Это уже нечестно... — Как, оказывается, у нее осип голос. Как будто иссушился: по венам уже не кровь, огонь. Силу голос потерял. Да и тело ее потеряло, силу. Все забыло, кроме сексуального голода.

Хочет его. Конечно, хочет. Какие тут сомнения. Тяжелым дыханием говорила, дрожащими ресницами. Полуоткрытыми губами и судорожным напряжением в теле. Кожа

уже влажная. Даже пальцы нетерпеливо подрагивают. Ногти в плечи впираются, хоть и короткие. Любитьбы ее прямо здесь. Усадить на себя сверху, вогнаться в нее до основания. А потом приподнять медленно. И обратно. Все тягуче медленно... Но не сейчас.

Подтянул ее вверх, и Юля, чувствуя его намерение, крепко ухватилась за плечи, потом так же крепко обвила ногами, когда он поднялся со стула. Чтобы не соскользнуть.

Прохладные простыни к горячей спине. Россыпь колких мурашек. Со света в темноту — глаза еще ничего не различают. Все на ощупь, на звук, на стон. На малейший шорох.

И воздух вязкий, горячий. В ушах шум. Голова кругом. Немного ожидания, и Денис сверху. Казалось, единственный ориентир в пространстве, — во времени потерялась.

Почувствовала его всего. Там — очень близко. Вот-вот. Наверное, сейчас...

Ускользнул. Ну почему?..

Застонала так громко и протестующе.

А он хотел вот так на кровати. Ладонями каждый сантиметр. Кожа к коже. Языком по груди.

Какие горячие у него губы. Когда сосок взял в рот, застонала.

Долго стонала, долго мучил. Потом прошелся ниже, влажно по бархатному животу. Ниже...

Попыталась свести бедра, но он не позволил. Сжала его крепкие запястья, все еще удерживая. Пытаясь, во всяком случае.

— Не бойся, я сделаю тебе приятно. Только ты не бойся. Расслабься, родная, расслабься.

С каждым словом пальцы ее слабели. Отпустили его в конце концов и сжали простынь.

Но Денис приподнялся над ней, прижал ее к кровати своим телом. Тесно, каждой клеточкой.

— Юля, моя маленькая девочка... Ты моя чистая девочка, только моя... Я хочу поласкать тебя там. Очень хочу. Позволь, — голос словно издалека, несмотря на то, что губы блуждали по щеке.

Разве можно ему противостоять? Уже на все была согласна лишь бы получить долгожданное облегчение. Хотя никогда не думала, что позволит вот так в первый раз.

Поцеловала его, соглашаясь. Знала, каково это, когда Денис ласкал ее там рукой, очень мягко пальцами. Но языком... несравнимо. И словами не описать и ни с чем не спутаешь. Совсем по-другому и много лучше. Ощущения сильнее, сластнее. Будь то касание кончиком языка или нежное поглаживание — как молния по телу. Невозможно терпеть. Невозможно... Хотелось и ускользнуть, и теснее прижаться одновременно. Не позволял Денис ни того, ни другого, крепко удерживал за бедра. Еще немного, и она начнет биться в конвульсиях... Но все утихло. Поначалу так показалось. Но потом поняла, что просто ощущения ушли глубже. Словно по нервам перекатились, превращая теплый шар внизу живота в огненный. Тогда потянула Дениса на себя снова. Потому что хотела совсем другого и этих ласк уже было мало, и они не помогут утолить жгучее желание.

Кажется, сама превратилась в другое существо. Или в ней оно проснулось — стонущее, дерзкое, похотливое, живущее только на собственных ощущениях и древних инстинктах, отчего-то знающее, что именно сейчас нужно и важно, как лучше. Оно, это существо, каждую клеточку заполнило. Завладело телом и разумом, что от собственного «я» уже ничего не осталось.

Когда вошел в нее, почувствовал, как по ее телу дрожь пробежала. И сам содрогнулся.

Думал, что второй раз сдерживаться будет легче, но действовать аккуратно, не причиняя ей боли и неудобства, было все еще трудно.

Любить бы ее до судорог... Жестко. Так чтобы до самого конца, слиться, спаяться. Но нельзя еще. Потому двигался медленно. Как мог медленно.

— Больно? — уткнулся губами в висок, глубоко вдыхая запах ее волос.

— Нет, — прошептала еле слышно. — Нет...

Неприятные ощущения были, возникли, как только он толкнулся в нее. Но прошли они быстро, вернее, за жадной достигнуть пика наслаждения стали незаметны. Почти неощутимы. И не мешали. Мешало то, что Денис все еще не давал того, чего так хотелось. Не отпускало чувство, что он делал это специально. Двигался вот так — как будто слишком мягко. Как будто не до конца. Запуталась, не могла решить, чего хотелось больше: чтобы это не кончалось, или все же побыстрее закончилось.

Кажется, вот-вот... Напрягалась, сжималась изнутри, но снова нет... Издавала стон, большой похожий на рычание. Своими губами на его почувствовала улыбку. Укусила.

Он улыбнулся снова. В этот раз она не стала его кусать и рычать на него недовольно. Обняла за плечи, растерла на спине капельки пота. Каждое проявление его страсти и любви, его сильного к ней желания, доставляло огромное удовольствие: влажная испарина на теле, напряженные мышцы и неконтролируемые стоны.

— Пожалуйста, милый. Пожалуйста... — попросила она, страстно обжигая дыханием его щеку, чувствуя, как он реагирует на это. — Пожалуйста... — прошептала снова, не забывая жадным поцелуем припасть к его мощной шее, лизнуть ставшую чуть солоноватой кожу. Юлька прямо подпитывалась этими ощущениями, наполнялась уверенностью, своей над ним властью. Такое приятное им владение, чувственное, эротическое. А Денис совсем не против. Кажется, его терпение и самоконтроль трещали по швам. Как хорошо... Как хорошо и приятно превратиться в такую просящую и безвольную, только от него зависящую. А потом этим же и сломить его.

Остановился только на время. Ее колени чуть выше и бедра чуть шире. Тогда двинулся глубоко в нее, как только мог. Она ахнула и сжалась. Надеялся, что не от боли. Похоже, что нет. Чувствовал, как она дрожит. Той самой дрожью удовольствия. Ее нельзя ни с чем спутать. Это невозможно сыграть. Снова глубокий толчок. Сам не пределе.

Отпустил себя. Отпустил... Раз просит. Значит, выдержит...

Ее рваное дыхание и ногти в кожу. Жаркие губы на бешено бьющейся жилке. Вспышка боли, тут же смешавшаяся с дрожью удовольствия. Перетерпела, а потом лучше. Гораздо. Волшебно. Ощущение насыщенности, полноты. Именно так, как хотелось. Так, как он двигался именно сейчас. Резко, до самого предела. А когда ощутила внутри сладостные спазмы, замерла, переживая чувственное наслаждение. Кажется, каждый нерв натянулся. А потом по телу теплая волна и облегчение.

Это было то самое. Чего так хотела и ждала. Точно. Потому что тело тут же расслабилось, но еще дрожало. Так странно ощущать себя расслабленной и дрожащей одновременно. На лице непроизвольно возникла улыбка. Захотелось улыбнуться. Потому что безумно приятно и спокойно стало. Только в ушах еще шум. И теле жуткая слабость.

— Я все... наверное, — посчитала нужным сообщить Денису.

— Не наверное, а точно. Я же чувствую, — поцеловал в губы.

Тоже замер ненадолго, позволяя ей немного прийти в себя, пережить этот чувственный шок. Иначе будет неприятно. Подождал, пока она станет ватная, мягкая, чтобы продолжить

и получить удовольствие самому.

ГЛАВА 41

— Доброе утро, — поздоровался Денис со старушкой в соломенной шляпке, сидевшей на речной скамейке во дворе. — Я тарелочку вам потом...

— Ой, что ты! — перебила она его, всплеснув руками. — Когда сможешь...

И думать забыл про тарелку из-под пирога, только сейчас вспомнил, когда увидел соседку на улице.

— Марковна на посту, — усмехнулась Юля, забираясь в машину.

Утро ранее. Зевота свела челюсти, Юлька прикрыла рот кулачком. Прищурилась. Солнце уже всю палило. Ночная свежесть спорила с жаркими лучами, подергивая кожу мурашками.

— Конечно. Вдруг что интересное пропустит, а ей никак нельзя, — поддержал Денис.

Глядя на него, серьезного и сосредоточенного, на дорогу только смотрящего, Юлька улыбнулась. Потом рассмеялась. Озорно и свободно.

Перехватил ее взгляд — глаза довольно блестят, губы поджимаются таинственно. Задумала что-то. Любил ее такую. И такую давно не видел. Спросил глазами, чуть вздернув подбородок. А Юля головой в ответ покачала. Позже попросила его настойчиво:

— Ты домой не заходи. Подвези меня и все.

— Почему? Только не отвечай «потому что».

На самом деле так и собиралась сказать, а теперь пришлось слова подбирать.

— Хм-м... наверное, разговор меня ждет... щепетильный. Не хочу, чтобы ты присутствовал. Когда ты попросил меня не вмешиваться, я послушала. Почти... Теперь я прошу не вмешиваться тебя.

— Хорошо, — согласился на удивление быстро.

Непохоже на него. И не верится даже.

Переспросила удивленно:

— Да?

— Да. А своей версией ты поделиться не хочешь? Как-то же ты собираешься объясняться перед родителями?

— Нет у меня никакой версии, — отрезала упрямо. — Никак я не собираюсь объясняться.

Притихли оба. Как-то не сговариваясь замолчали. Не напряженно, задумчиво. Спокойно.

Два дня, как один час, пролетели. Расставаться не хотелось, но реальность лязгала челюстями. Так страшно, что снова укусит...

— Слушай, Красота, я все думаю, как ты умудрилась все экзамены на «пятерки» сдать?

— Сомневаешься во мне?

— При других бы обстоятельствах нет, но сейчас нестабильность психических процессов налицо.

Юлька усмехнулась: вот завернул. Но прав же.

— Верно говоришь, умудрилась. Повезло мне просто. Вытянула то, что учила. А выучила я мало. Ничего в голову не лезло. Это для родителей я супер-отличница. Но я же не вундеркинд.

— Слава Богу, аж от сердца отлегло, — прозвучало театрально.

— Почему? — засмеялась.

— Потому что было бы ненормально, если б ты в таком неуравновешенном состоянии еще и билеты все вызубрила. Маньячка.

— Не-е, не маньячка. С мозгами у меня все в порядке, они иногда сворачиваются.

— Главное, чтобы на место вставали.

— Очень жизнеутверждающе.

— Конечно, я же оптимист.

На это Юля рассмеялась.

— А ты на самом деле кто?

— В свете последних событий задумался.

— Оптимист или пессимист?..

— Оптимист или мазохист.

— Шутник.

— Ни капли.

Как только подъехали к дому, Юлька, быстро чмокнув Дениса в губы, моментом выскочила из машины. Боялась как будто, что Шаурин передумает и пойдет проводить ее до самых дверей.

Почему-то сердце у нее билось гулко. И в пальцах начала зарождаться неприятная дрожь. Нервы натянулись, что тут скрывать. Не каждый раз она вот так на два дня из дома пропадала. Вообще не пропадала.

И все же не стала прятаться в комнате, а прошла на кухню. Точно знала, что отец еще дома, потому что его машина стояла в гараже.

Прошла по кухне и остановилась посреди комнаты. Застыла чуть нетерпеливо, словно забежала на минутку и вот-вот снова выскочит в двери.

Опасную паузу заполнила мама:

— Кофе будешь? Садись к столу.

— Нет, мамочка, спасибо, потом. Я только поздороваться.

— Нагулялась? — зло спросил отец.

— Еще как. И не надо мне задавать никаких вопросов. Отчитываться не собираюсь, — развернулась, чтобы уйти.

— Юля! — рявкнул отец.

Юля не вышла, но и к столу не вернулась. Прислонилась к косяку, изобразив ожидающую фигуру и на лице слегка скучающее выражение.

— Ты что себе позволяешь! Два дня дома не ночевала и явилась домой как ни в чем ни бывало! Хочешь, чтобы я принял меры? Или думаешь, что я на тебя управы не найду? Я не мать и долгие разговоры вести не буду! Достану португеею и отхожу по заднице!

— О, вот это как раз твой метод. Знакомо.

— Юля, иди к себе, — вмешалась в разгорающийся спор Наталья.

Но Юля и не думала отступать. Белела в проходе футболкой.

— А чего ты хотел? Думал, что я сегодня прибегу и буду тебе в ноги кланяться за то, что ты Шаурина позвал? Тебя достало мое плохое поведение, и ты захотел, чтобы я снова стала хорошей девочкой. И плевать на то, что ты сделал, и каково мне было. Ты себе что-то решил, и все должны плясать под твою дудку. Захотел — отобрал конфетку, захотел — вернул, так? А я не буду под твою дудку плясать! — недопустимо повысила голос. — Я тебе справку

приволокла... я тебе пообещала с ним не встречаться!.. Но тебе этого оказалось мало! А теперь ты хочешь, чтобы я заткнулась и молчала!

— А что мне перед тобой покаяться?! — взревел Монахов и с оглушающе громким звоном поставил чашку на стол. И как только та не треснула.

С чашкой-то ничего не случилось, зато у Натальи терпение лопнуло.

— Юля, иди к себе! Быстро!

Юлька набрала воздух, чтобы ответить, но промолчала. Редко такой тон от матери слышала, потому поджала губы и молча ушла к себе. И так много сказала. Но то, что хотела сказала. Как чувствовала.

Монахов дернулся вперед, словно собирался встать, Наталья положила руки на его крепкие плечи, чуть сжав их, останавливая, удерживая на месте.

— Я поговорю с ней. Поговорю. Не горячись, Серёж, не горячись...

Разговор решено было не откладывать в долгий ящик. Расстроенная и разозленная мать поднялась в комнату к дочери.

— Может быть уже хватит?

— Что хватит? — Юлька рылась в сумке, но бросила это дело и замерла у кровати, скрестив руки на груди.

— Прекрати эту войну! Остановись! Если не ради отца, то ради меня! Я не могу разрываться между вами. Вы меня в гроб так загоните! Меня пожалей.

— Не могу, — сама знала, что заносит, но остановится не могла. Что-то внутри мешало выбросить белый флаг.

— Кто-то должен это сделать. Тем более сейчас ты сама провоцируешь конфликт.

— Ты еще скажи, что я должна у отца прощения попросить.

— Вот и не делай того, за что пришлось бы потом просить прощение, и слов таких не говори.

Юля отвернулась, до боли сжав челюсти. Застыла, словно статуя — раздумывая ли, сопротивляясь ли просьбе матери...

Наталья пристально смотрела на дочь. Молчала. Все равно разговоры бесполезны. Все, что могла, уже попыталась донести. Остальное пройдет мимо сознания. И будет проходить, пока Юлька сама не отступит.

— Только ради тебя, мама, — жестко сказала и снова кинулась к сумке, брошенной на кровати. Так резво, словно сбросила с плеч смирительную рубашку и сейчас наслаждалась свободным движением. Глаза подняла, будто не понимая, почему мама еще в комнате. Почему не ушла, ведь получила, что хотела. О чем просила.

Наталья смотрела на Юлю со смешанными чувствами. Показалось, что от Дениса Юлька вернулась другая. Не только потому что на ней была новая одежда — белые шорты и белая футболка, легкая, свободная. Шаурин как будто ее в чувство привел. Юлька снова стала полна жизни и энергии. Как теперь с этой энергией сладить. Если так и дальше пойдет, то она совсем неуправляемой станет.

— Что, прям сейчас трубку мира выкуривать? — недовольно процедила, невольно подтверждая мысли матери.

— Если отец еще не уехал, то сейчас.

Издав тяжелый вздох, девушка неохотно спустилась вниз.

Ноги каменные. Язык к небу прилип. Все через силу, против своей воли.

— Ладно, — остановилась перед отцом и сунула руки в карманы. Тяжело было

говорить. Голос глуховато осип. Челюсти светло, — папа... давай прекратим все это. Ситуация уже разрешилась, так понимаю. Я больше конфликтовать не собираюсь. Не буду. — Все, теперь из себя ни слова не выдавит. Не сможет. И если отец сейчас вздумает читать нотации...

Но он не стал. К огромному счастью.

— Хорошо, — поднявшись, чуть прижал Юлю к себе, поцеловал в висок. — Прости. Но если еще раз так пропадешь из дома...

— Поняла, — одним словом скупой выразила согласие.

— Встречайтесь днем, гуляйте, ходите куда-нибудь, но ночевать дома! Тебе восемнадцати еще нет!.. А то мне придется еще раз с Денисом побеседовать.

— Поняла, говорю! — сказала, как отрезала.

Несмотря на внутреннее сопротивление так тепло на душе стало. Тепло и приятно. Щеки румянцем залились, к горлу ком подкатил, не протолкнуть. В груди туго, что не вдохнуть. И прижаться бы к широкой отцовской груди, как раньше. Но не смела. Не могла еще, не все барьеры сметены, не вся боль внутри растворилась. Где-то соль еще осталась в ранах, залечить бы до конца...

— Ну, привет, командир. Как жизнь? — вскочил Лёня с кресла, когда Шаурин размашистым спортивным шагом вошел в кабинет. Шумно вошел — Лёньку так и подкинуло на месте.

— Твоими молитвами... Это ты мне рассказывай, как жизнь.

— На месте не стояла, пока ты отдыхал.

— Оно и понятно. Валяй-валяй-валяй, Лёня, рисуй! — проявляя нетерпение, Шаур сделал круговые движения кистью руки, подстегивая Вуича высказываться быстрее и лаконичнее. Прошелся по кабинету. Быстро, пружинисто, замирая иногда, словно спринтер, готовый сорваться со старта. От его рубашки, мелькавшей туда-сюда, в бежево-коричнево-синюю клетку, в глазах у Лёньки зарябило. Он усмехнулся и коротко, заученно отчитался.

— Ясно, — тяжело вздохнул Денис, как будто главное было сделано, и задвигался медленнее. — Крокодил не ловится, не растет кокос, — нараспев произнеся, остановился у стола, заваленного бумагами. — И правда жизнь на месте не стояла, но и сюрпризов особых не преподнесла. Узнал, что я просил?

— Узнал. — Вуич сразу смекнул, о чем речь.

— Кто? — коротко Шаурин обежал цепким взглядом разрозненные листки, сложил несколько в ровную стопку. Лёня повременил с ответом, пытаясь оценить намерения Дениса, но тот на него не смотрел, а, бросив бумажки на край стола, очень тихо спросил еще раз: — Кто?

— Карп.

— Уверен?

— Стопроцентно, — подтвердил, не отпуская напряженного взгляда.

— Покурим, — оживился Денис и хлопнул себя по карманам на джинсах, будто сигареты искал. — Он сейчас где? — выдвинул ящик стола и достал пачку.

— Покурим, — согласился Лёня, подошел к открытому окну. Оттуда тянуло свежестью, несмотря на то, что солнце уже ярко светило. От остывшего за ночь асфальта, от кирпича и

бетона все еще шла прохлада. — Он со Стасом в спортзале, — подкуривая, пробубнил глядя в окно.

До уха донеслось шуршание срываемой защитной пленки. Щелчок. Потом второй. Потом Денис с зажженной сигаретой шагнул к окну. Крепко затянулся.

— Так. Подержи, — выдыхая дым в сторону, сказал Лёньке.

— В смысле? — не понял тот, уставившись на шауринскую сигарету, маячившую перед лицом.

— Подержи, говорю, я сейчас, — быстро повторил Денис.

Недоуменно Вуич перехватил сигарету левой рукой, и Денис вышел, оставив друга слегка озадаченным. Но не стоять же, как дураку, с двумя — положил шауринскую на край пепельницы и некоторое время застыл, глубоко затягиваясь. Потом в голове щелкнуло. Точно так же, как и пару минут назад что-то — в кабинете. Мысль, не распознанная, на уровне интуиции, вот так же щелкнула, будто встала в паз. Лёнька различил этот звук, щелчок, который сейчас эхом выплыл из подсознания, и посмотрел на стол. Часы. Золотые. Шаурин снял свои часы.

— Вот бл*ть!.. — бросился вслед.

Безусловно, Шауру, чтобы убить Карпова, и тех двух минут, что он умудрился выкружить, будет достаточно. Но это при хорошей подготовке, а не сейчас, учитывая, что не так давно он на больничной койке валялся. И дело, конечно, не только в силе. Шаурин знал, куда надо бить. Особенно, если жертва не предвидит нападения.

Взлетая по лестнице на второй этаж, Вуич пару раз запнулся: у самого адреналин бурлил по венам.

Непонятно почему, но Шипа в спортзале не оказалось, а, следовательно, никто не мог помешать Денису размазывать — к этому моменту уже безвольное — тело Карпова по стене. Чем он успешно и занимался.

Лёнька на миг остолбенел от увиденного. Тут в зал вошел Паша Хромов и остолбенел тоже.

Но если Вуич просто раздумывал, как изловчиться, чтобы оттащить Шаурина от Карпова, то Хром даже не думал и пытаться не собирался. Уж он-то не понаслышке знал силу шауринского удара, ибо сам несколько лет назад по дурости своей спровоцировал Дениса. В первую секунду и лег на мат без сознания. Сейчас он не собирался его провоцировать тем более. Тут с его звериной силой и двоим не справиться.

— Бл*ть! — выругался Лёнька. — Чего встал?! — рявкнул на Пашку. — Ста-а-ас! — заорал во всю глотку, но Стас уже и так влетел в спортзал.

Шип, слава богу, не Пашка, ему долго не пришлось объяснять, что делать. Вдвоем они с Лёнькой кое-как скрутили Шаурина, теперь и Пашка помочь не побоялся. Завалили на пол, заломили руки. Стас упёрся коленом ему между лопаток.

— Ты поаккуратней, — задыхаясь, предупредил Вуич, — ребра же у него, сломаешь еще...

— Ага, ему сломаешь...

— Отпусти!.. — зарычал Денис. — Отпусти, сказал!

— Утихомирься сначала, — ломким голосом проворчал Лёня.

— Отпусти!.. — перестал дёргаться, демонстрируя повиновение. — Я спокоен! Спокоен...

Вуич кивнул Шаповалову, сместил вес своего тела и осторожно разжал одеревенелые

пальцы, сковывающие запястья Дениса. Шип тоже отпустил. К их облегчению, Денис в эту же минуту покинул спортзал. Просто отряхнулся и оставил помещение, словно ничего особенного не произошло.

— Шип, ты здесь, с этим, — кивнул на бесчувственного Карпова, — Паша, звони Семенычу, пусть придет врача и машину. И уборщицу позови, а то кровищи, будто поросенка зарезали. — И проворчал тише: — А я с этим народным мстителем поговорю.

Теперь настала очередь Вуича шумно врывать в кабинет Шаурина. Впрочем, ему никто не препятствовал. Денис был в душевой, мыл руки и пытался выровнять дыхание.

— Ты охренел?! — заорал Лёнька с порога.

— Заткнись, Лёня, — низко проговорил Денис. Ярость все еще душила.

— Совсем перекрыло, что ли?! — встал в дверях душевой.

— Тебе сейчас лучше просто замолчать! — гаркнув, вытолкнул Вуича и заперся.

— Шаур, ты че творишь? — вопль из-за двери.

Тогда Денис открыл дверь, шагнул к Лёне открыто агрессивно. Вуич подумал, что сейчас получит по роже. Хотя, если б Шаур захотел ему вмазать, то подумать Лёнька бы не успел.

— Заткнись, Лёня, или я тебя сейчас по стене размажу, как Карпова, в одной с ним машинке в больничку поедешь.

Удовлетворившись тишиной в ответ на свою «просьбу», Денис снова скрылся с Лёнькиных глаз. Снова зашумела вода. Зашуршала одежда. Он скинул окровавленную рубашку. Кровь, само собой, не собственная. Своей уже до этого вдоволь нахлебался. Смыл пот с лица, стер с шеи влажную испарину. Оперся на раковину и опустив голову, глубоко втянул в себя воздух. Так и kloкотало все внутри. Рвалось. И вены рвало. Кровь в висках — отбойным молотком. И пелена красная перед глазами.

Убил бы суку! Если б Лёнька не прибежал, вырвал бы Карпу гортань голыми руками, чтобы больше не мог слова сказать, когда его не спрашивают. И не просят. Плакал бы кровавыми слезами за все Юлькины. За боль ее и слабость. За ее поломанный дух.

Но больше всего на свете хотелось поставить Карпова на колени и сломать ему шею, свернуть голову резко в сторону со смачным хрустом и избавиться себя навсегда от этого бельма. Он как язва незаживающая. Нет-нет, да обострение.

Много времени понадобилось, чтобы отдышаться. Чтобы руки от адреналина перестали дрожать. Вытираться не пришлось, вода на коже сама высохла. Вышел из душевой, застав Вуича у окна с сигаретой. Наверное, третьей по счету.

— Ты же знаешь, я склонен к необоснованному насилию, — сказал почти спокойно и чуть издевательски. — А Карпову так и не удалось мне понравиться. — Открыл шкаф. Не нашлось запасной рубашки: все домой утащил. Пришлось натягивать футболку.

— Не гони, — буркнул Лёня, зажимая сигарету пересохшими губами.

— Мне просто захотелось. Такой ответ тебя устраивает? Мне так захотелось! — взял с пепельницы свою сигарету. Надо же, она и дотлеть не успела.

— Я все понимаю, но...

— ...но тебе лучше не лезть ко мне с вопросами! — отрубил Шаур. — Понятно? Карпова устранить от дел. Ото всех. И из боев вывести. Насовсем.

— Но как?..

— Как хочешь. Но чтобы было так, как я сказал. Потому что не будет всякая шваль открывать рот, когда ей вздумается. А только когда я этого хочу. Что заменить его некем?

Всегда есть. Не найдешь, я сам найду. Но Карпова отстранить.

— После того, что ты с ним сделал, по-другому никак.

— Х*евые из вас тренера. Скорость реакции у него нулевая, — дернул уголки губ в мрачной усмешке и вдохнул горький дым.

— Чего-о-о? — возмутился Лёня. — А ты что к нему с официальным предупреждением шел?

— А что, должен был?

— То-то и оно.

— А я тебе о чем.

— Хорошо, — Лёня вдавил окурок в пепельницу, — раз крокодила все-таки поймали, теперь очередь за кокосами. Любишь ты меня озадачивать.

ГЛАВА 42

— Я думал, ты про него уже забыл.

— Что, вы, Сергей Владимирович, как я могу? Я злой и память у меня хорошая. Должна же у меня быть мечта? Уничтожить Веселова – моя голубая мечта.

Сергей Владимирович зачем-то кивнул и выжидающе покрутил сигарету. Достал золотую зажигалку. Держал ее в руке, точно нагреть хотел. Словно без этого пламя не вырвется и не опалит кончик сигареты. Медлительность движений Монахова странно не сочеталась с живостью на лице. В такие моменты Шаур всегда ждал подвоха.

Щелкнула зажигалка, и Монах расслабленно откинулся в кресле.

— Это огромная волокита и такие же огромные риски.

Не согласился, но и не отказал. Уже хорошо.

— Честно говоря, не думал, что вы воспротивитесь. Неужели не хочется вернуть старые долги? Тем более не своими руками, — нарочито небрежно произнес Шаур, но такая легковесность в тоне не могла обмануть Монахова. Тот сверлил Дениса холодными светлыми глазами, и Шаурину стоило больших трудов не дернуться под этим пронзительным, кажется, в самое нутро проникающим, взглядом. Он плотно сидел в кресле, положила руки на подлокотники; кисть левой свободно свисала; рукава серого кашемирового свитера, поддернутые на предплечьях, обнажали крепкие запястья. Глаза Монахова остановились на циферблате шауринских наручных часов – то ли случайно, то ли, действительно, ждал, что рука Дениса нервно дрогнет.

— Иногда стоит пожертвовать малым, чтобы приобрести гораздо большее. Гамбит в некотором роде. В свое время я упустил этот завод, отдал Веселову свою долю, но, как видишь, не бедствую, — ответил холодно и чуть оттянул узел галстука. И хотя в помещении было немного душно, Шаурин пребывал в твердой уверенности, что душит Монахова не галстук, а задетое самолюбие. Насчет остального Денис сомневался – появился ли румянец на щеках Сергея Владимировича оттого, что идея отхватить у Веселова ликеро-водочный завод живо его заинтересовала, или же у него артериальное давление в конце рабочего дня поднялось.

Вот поэтому вести важные напряженные разговоры в душном помещении Денис не любил. Трудно было оценить реакцию собеседника. Мужчину что-то да выдаст: румянец на лице, вспотевший лоб, покрасневшая шея.

Неизвестно толком, что случилось между Веселовым и Монаховым, но теперешнее

выгодное положение второго трудно было недооценить. Сейчас Монах, прикрываясь множеством своих предприятий, контролировал нелегальный рынок оружия, а Веселов так и остался при своем заводе, пытаясь время от времени урвать у кого-нибудь смачный кусок.

Денис обратил взгляд на Юру. Тот, напротив, светясь неприкрытым интересом, потирал подбородок. Лицо бледновато, но тут скорее всего виновата обострившаяся язва.

— Подожди, Сергей, — заговорил Юрий, будто расценил взгляд Дениса, как просьбу о помощи, — Денис, давай по существу. Ты хоть примерно представляешь реальную оценочную стоимость этого предприятия? Даже если повернуть все, как ты предлагаешь, это огромные затраты. — Скептицизм Монахова-младшего был вполне понятен. Мало ему было просто знать методы, которыми Шаурин собирался вынудить Веселова и остальных двух директоров продать ему свою долю. Юру, как грамотного экономиста, в первую очередь интересовали точные расчеты.

— Конечно, представляю. Потому издержки желательно снизить. А для этого нужно пошатнуть финансовую стабильность компании.

— Как ты собираешься этого добиться?

— Веселов и так практически в долговой яме. Этот ликеро-водочный завод для него как святой источник. Но все не безгранично. Сырье они возят из Кабардино-Балкарии. Это ближе всего и дешевле. Представьте, если вдруг поставщики изменят условия, начнут подымать цену или что-нибудь еще в этом духе. Или сырье по дороге пропадет. Раз. Второй. И пошла волна... Дальше можно применить другие методы. Все люди имеют свои слабости, любого можно на чем-то поймать. А когда знаешь — это уже вопрос удобного времени. Главное, доли выкупить, а там уже работа юристов.

— Ты когда все это придумал? — с усмешкой спросил Монахов.

— Сегодня за завтраком.

— Шутишь со вкусом, — прозвучавшее в словах одобрение настроило на положительный исход разговора.

— Вообще не шучу, — в том же тоне ответил Денис, не спеша озвучивать главное.

— Все продумал? Контакты есть? На что-то определенное рассчитываешь? Люди, деньги... — Монахов пронаблюдал медленный кивок в ответ. — А от меня ты тогда чего хочешь?

— Не мешать, — коротко и лаконично.

— Ладно, — Сергей Владимирович положил раскрытую ладонь на стол. И чуть подавшись вперед как будто весь сгруппировался, — действуй, раз все у тебя расписано. После захвата распродашь активы и вернешь мою долю. Потом можешь хоть новый завод себе построить. Раз уж такое дело, Юра, ты помоги. Одна голова хорошо, а две лучше.

— Я не собираюсь ничего распродавать. Мне нужен именно этот завод. «Живым». Под него потом можно еще много чего подгрести, создать группу компаний. Но долю верну.

— Хочешь, чтобы тебя за ж*пу взяли на этом заводе? Юра, ты слышал? — не то чтобы Монах напрягся, но на лице его промелькнуло недовольство. Словно не оправдались его ожидания. Не удалась расчеты.

— А то мы не знаем, как Шаур свою задницу бережет... Выкладывай дальше, — всегда спокойный и сдержанный Юра нетерпеливо вскочил. Денис давно его таким не видел.

— Вы же не думаете, Сергей Владимирович, что я буду действовать открыто и от своего имени. Все через подставных лиц. А потом, когда получу завод, я продам его сам себе. Опять же, через подставное юридическое лицо, которое затем растворится в воздухе. Я

добросовестный приобретатель, с меня ничего нельзя взыскать. Перетрясу экономический отдел, посажу своего главного бухгалтера, назначу исполнительного директора. А остальным плевать, кто им деньги платит. Какая им разница, на кого работать. Вот, собственно, и все...

Собственно, и все... Тут Денис, позволив себе расслабиться, немного отек в кресле. До этого и сам не осознавал, в каком сидел напряжении, контролируя каждое свое слово и каждый свой жест, потому что не был еще с Монаховым в тех отношениях, когда подобные вопросы решаются просто: да или нет.

Да и «нет» бы Шаурина не устроило.

Честно говоря, в том, что Монах согласится на его план, Денис не сомневался. Знал того достаточно: не упустит он своей выгоды, даже если на лице рисует сомнение. Такие, как Монахов, малым не довольствуются — прибирают к рукам все, что можно.

Что нельзя — нередко тоже прибирают.

Но действовать все равно нужно было аккуратно, поэтому не выложил все начистоту, а ограничился несколькими точными фразами, поделился основными идеями. То, что теперь придется работать с Юрой в одной связке, Шаурина абсолютно устраивало. Другого варианта и быть не могло, раз затрагивались монаховские интересы. Действительно, одна голова хорошо, а две лучше. А уж у Юры голова очень хорошо соображала — не мозг, а калькулятор. Только хватки ему не хватало, самостоятельности. Проще он, чем старший брат. Рядом с ним Денис вообще не напрягался, да и Юра к нему относился очень хорошо.

Как и сказал Монахову, начинать свое мероприятие Шаурин собирался с поставщиков. Нужно было расшатать не только финансовую стабильность компании, но и нервы Веселова. Под Аркашу начал копать тогда, когда по его приказу Маркелова с парнями расстреляли, а заодно и Женьку Боголюбова. До сих пор тяжело было вспоминать. До сих пор грудь стискивало, и в горле ком вставал. Так что, если нельзя Веселова просто убрать, то сделать его жизнь невыносимой, превратив в крошечный ад, можно. С некоторыми усилиями, но можно. Даже до самоубийства его довести — и то можно.

Неопределенный звук разрезал застывший воздух: не то фыркнул, не то шумно выдохнул Сергей Владимирович. Как будто до этого все еще сомневался, а тут решительно отбросил тревожную неуверенность.

— Вот ты, Шаур, воду мутишь... — Монах посмотрел на тлеющую сигарету и поднес ее к губам, словно только сейчас вспомнил, что нужно затянуться. А пока Денис объяснялся, просто держал ту в руке, — видно, так сконцентрировался на разговоре, забыл, что курит.

— Надо же мне чем-то заниматься. Спорткомплекс вы Вуичу отдали, — Шаурин пружинисто поднялся с места. Стало быть, окончен разговор. — Я еще нужен?

Сергей Владимирович задумчиво покачал головой. Потом взглянул коротко на брата и вновь обратился к Денису:

— А если Веселов не согласится, что будешь делать? Если что-то пойдет не так, не по твоему плану?

— Обязательно что-то пойдет не так, — ответил, задержавшись у двери. — Я на это рассчитываю. Потому что с людьми придется работать. Что с Веселовым? Пулю в лоб и в кислоту — пропал без вести.

— Слава богу, есть кому стрелять, да?

— Всегда есть.

Не понимал Монахов, шутит сейчас Шаур или всерьез говорит, оттого ледяная дрожь пробежала по позвоночнику. Невольно пробежала, удивив даже.

— Эх, — усмехнулся мужчина, силой воли сбрасывая неприятное ощущение, — молодой ты, да наглый.

— Есть немного, — без тени усмешки ответил Денис, обратив неторопливый взгляд на часы. — Тогда ушел.

— Давай... — проговорил Монахов и побарабанил по столу кончиками пальцев, глядя на хлопнувшую дверь.

Выйдя на улицу, Денис остановился у машины. Августовский вечер дохнул теплом и каким-то насыщенным запахом. Запахом усталого города, готового потерять свой цвет и облачиться в хмурую холодную осень.

Позвонил Юле. Пока обменивались приветствиями, прикурил сигарету. Вдохнул приятную горечь.

— Что делаешь?

— Торт ем. Шоколадный.

— Тоже хочу.

— Шоколадный тортик? Приезжай на чай.

— Нет, тебя хочу. Можно без тортика. И даже без чая.

— Тем более приезжай, — говорила волнующе вкрадчиво. И точно с улыбкой на губах.

— Я не освободился еще. Часа через два только смогу.

— Будет только девять вечера. Приезжай, я тебя жду.

— Хорошо. Скажи маме, что мы в кино пойдем. На ночной сеанс.

— Конечно, ты же днем работаешь, только ночью и можешь, — иронично поддержала его, потом все же полюбопытствовала: — А что, правда, пойдем?

— Что за глупые мысли.

— Действительно, чего это я. Только смотри, я отцу обещала...

— Как говорит один мой хороший друг: «Если до шести утра вернулся — значит дома ночевал». Часа в два привезу тебя обратно.

— Кстати, курить много — вредно.

— Я не курю.

— Врешь. Я по голосу слышу.

— Что я вру?

— Что ты сейчас куришь. У тебя голос меняется.

— Записал и принял к сведению. Тортом не увлекайся, я скоро приеду. Все. Обнял, поцеловал.

ГЛАВА 43

2001 г.

— Может, свалим отсюда?

— Каким образом?

— Обыкновенным. Через дверь.

— Мы не можем просто так взять и уехать.

— Кто тебе такое сказал? Мы можем — все, — взмахнул рукой, жестом отменяя высказанное сомнение, и Юля рассмеялась. Смех звонко прокатился по воздуху, и она, опасаясь привлечь к себе излишнее внимание, сдержанно сомкнула губы. Этот, его такой

вольный и чуть пренебрежительный взмах, конечно, был только для нее.

— Как эффектно, — приподняла бровь. — Инициатива наказуема, ты же знаешь. Уехать и оставить папу на растерзание? Мама не простит, я сегодня за нее улыбаюсь.

— Твой папа, знаешь... — Денис примолк и взял со стола бокал с вином.

— Что?

— Сам кого хочешь... — посмотрел на доньшко перед тем, как отпить, — растерзает.

— Соскучился?

Денис молча кивнул, притаив в глазах смех.

— Я у тебя позавчера была.

— А у нас расписание?

— Боже упаси, — потянулась к шампанскому и сделала маленький глоток, пытаюсь сохранять непринужденный вид, однако, продолжая провоцировать Дениса: — Шаурин, ну изобрази проникновенное выражение, скажи, что соскучился, ты же меня хочешь сегодня в постель затащить.

Шаурин сосредоточенно пожевал губами, словно и вправду запустил свою фантазию на полную мощность, готовясь выдать что-нибудь стоящее, что Юлю бы удовлетворило. До этого притихший в углу большого зала оркестр вдруг заиграл медленную музыку, и по залу пошла волна: уже хорошо подвыпившие гости как-то сразу ожили, зашевелились, зашептались.

Денис, будто пользуясь этим всеобщим волнением, пригнулся к Юле и проговорил:

— Соскучился. Читай в голосе тоску, истерику и всю скорбь мировую.

Не было у него в голосе ни того, ни другого. Мировой скорби тоже не было. И говорил он, не стараясь ее как-то обаять. Но его низковатый тон с вынужденной хрипотцой и теплое дыхание, касающееся щеки, действовали лучше любых многообещающих взглядов и пылких заверений. Стараясь скрыть нахлынувшие чувства, Юля снова поднесла бокал к губам, спрятала расплывающуюся по ним улыбку.

Прав был тогда Денис, когда несколько лет назад утверждал, что после их первой совместной ночи все между ними изменится. Почти три года с тех пор прошло, а чувства совсем не притупились, а только сильнее разгорелись. Отношения свои они не афишировали, но и не скрывали. А если бы скрывали намеренно, как приходилось делать это раньше, то действительно не получилось бы. Их связь стала почти осязаемой. Ну, Юля это точно ощущала — что-то теплое и обволакивающее, царящее между ними; какое-то сверхчувство на уровне инстинктов, которое позволяло без слов говорить и даже мысли угадывать.

— Хорошо, дорогой, — прильнула к нему поближе и, невзначай задев губами шершавую скулу, сказала вполголоса: — Только чур я сверху.

Денис вобрал в себя воздух и медленно выпустил его сквозь приоткрытые губы. Юлькино «дорогой» звучало очень «киношно», но ему всегда нравилось, как она это говорит. А уж последнее высказанное обещание ему понравилось еще больше.

Довольно скользнув взглядом по мужскому лицу, Юля отметила едва проступивший румянец и то самое хорошо знакомое выражение в серых глазах.

— Мог бы и сказать что-нибудь такое, чтобы «ах», — так же, продолжая изображать непринужденность, отставила бокал и стерла оставленный на небритой щеке едва заметный след своей губной помады.

— Чтобы «ах» я тебе дома сделаю, — легонько щелкнул пальцем по бокалу и перекинул

руку на спинку ее стула, — пей шампанское, оно на тебя занятно действует.

Все-таки Денису удавалось лучше владеть собой, у Юльки после его слов дыхание в груди застряло. Образовавшийся жаркий ком даже шампанским невозможно было протолкнуть, только и оставалось что терпеть до конца вечера, как сама говорила. Напросилась. Доигралась.

Чуть поерзала, усаживаясь поудобнее, и со вздохом закинула ногу на ногу. Опираясь спиной, почувствовала расслабленную руку Дениса. Его тепло проникало в нее, ощущалось даже сквозь несколько слоев ткани — пиджака, рубашки, ее платья.

Шаурин сидел в пол-оборота и наблюдал за эмоциями, отражающимися на лице Юли, вернее, отражающимися в ее глазах. Там, в глубине темных зрачков. Потому что лицо она сумела оставить бесстрастным. Почти. Чтобы что-то прочитать на нем нужно очень хорошо знать ее. И сейчас у самого в голове было только одно желание, от которого уже скулы сводило, — поскорее задрать на ней платье.

Если б не помада на ее губах, таких мягких и податливых, впился бы в них и похрен на гостей. Впился до укуса. Укусил бы от жадности, от жажды, от страсти бешеной. Сделал бы это, хотя они не привыкли показывали чувства на людях, так и не научились вести себя свободно при посторонних — в обществе подобно этому, среди так называемой элиты. Как-то по молчаливому согласию. Не обнимались, никогда не держались за руки. Если только там, где их никто не знает. Если только прогуливаясь по каком-нибудь парку или набережной...

И сейчас максимум, что Денис себе позволял, это вот так перекинув руку ей за спину, слегка касаться кончиками пальцев плеча.

Зато наедине их эмоции находили выход, сполна компенсируя принятую обоими внешнюю сдержанность.

— Что-то папа там совсем укурился, — задумчиво проговорила Юля.

Денис покачал головой и указал пальцем куда-то за ее плечо. Переведя взгляд, увидела отца. Он беседовал с каким-то мужчиной, который показался ей смутно знакомым. Но тот стоял боком, и его лицо толком разглядеть не удалось. Да и не старалась особо.

— Хорош обниматься, — грянул над ухом голос Вуича, и Юля вздрогнула. Сидела в этот момент задумавшись, жалея, что не послушала Дениса. Они и правда могли бы уехать раньше, отец бы ни слова не сказал.

— Лёня! — недовольно одернула Юля.

— Шаур, давай водочки. Чего ты весь вечер компот тянешь? — предложил простуженным басом Вуич.

— А мне много пить нельзя: у меня наследственность плохая.

— А я тебе не предлагаю «много», я предлагаю — водочки.

— Лёнька, тебе не водочки, тебе горчичники надо и в кровать, — пожурила Юля.

— Так я не пьянки ради, а здоровья для. А в кровать надо с любимкой, а не с горчичниками.

— А ты горчичники, любимку и...

— ...и с воспалением легких нахрен на месяц в больницу оба, — закончил за Юлю Шаурин.

— Во! — ткнул пальцем в сторону Дениса. — Ты это видела? Оптимист по жизни.

— Я не оптимист, я предохраняюсь. В шортах в апреле месяце не бегаю, как некоторые.

— Так, я бы попросил... — усмехнулся Лёня.

— Попроси...

Денис замолк, приостанавливая шуточный обмен репликами, потому что за стол вернулся Монахов, да не один, а с тем самым мужиком, с которым беседовал в дальнем углу зала.

Монах «седого» (так, Денис прозвал про себя этого незнакомого мужчину) не представил. Из чего следовал вывод, что он к их с Шауриным общим делам отношения не имеет и иметь не будет. Возможно, он просто какой-то хороший старый знакомый. Хотя просто хороших знакомых в их мире нет. Шаур решил не ломать голову над этим ребусом. Само собой все прояснится. Указав взглядом на двери, он подал знак Монахову, что намерен выйти из-за стола. Тот едва заметно кивнул и обратился к дочери:

— Юля, а ты Андрея Павловича не помнишь? — спросил отец, и Юля нахмурилась, остановив внимательный взгляд на улыбчивом лице незнакомца.

— А-а... — прикрыла рот ладошкой, наконец узнав в нем сослуживца отца. Когда-то давно они общались семьями. Последний раз виделись лет десять назад. — Я вас не узнала, простите...

В ресторане рядом с банкетным залом находился зал для курящих. Но Денис проигнорировал удобные кожаные диваны и пепельницы из богемского стекла, не пошел туда, в эту «вип-курилку», а вышел на улицу и остановился у входа, чтобы свежим воздухом подышать.

Середина апреля — днем уже весна бушует, а ночью все равно морозец ударяет, что лед под ногами, как стекло звенит.

Прежде чем позвонить своему водителю, прикурил. Стоять долго не собирался, но хоть пару затяжек сделать...

Когда, вернувшись, не обнаружил Юлю за столом, тревожно оглянулся. Всегда оглядывался, искал ее и беспокоился. Неважно, что оставил ее с отцом. Это чувство тревоги, если его любимой девочки вдруг не оказывалось рядом, было уже неконтролируемо. Хотел знать о каждом ее шаге. Уже привык знать.

Проследив за взглядом Вуича, нашел ее в толпе танцующих. Ее держал какой-то щеголеватый тип в сером, с «металлическим» отливом, костюме. Юлька с кем попало не танцует — понятно, что это кто-то из близкого круга Монахова. Тем не менее ревность остро полоснула прям по сердцу. Но с этим чувством он тоже свыкся.

Не горел он маниакальной ревностью, которая думать и действовать мешает. Жил в ладу со своими собственническими инстинктами.

Жил, как может жить и чувствовать тот, кто дорожит тем, что ему принадлежит. Или тем, *кто* ему принадлежит. А Юля — Его. С ее мыслями, чувствами, с ее мироощущением. С достоинствами и недостатками, с обидами, с упертостью. С тем «ее», что даже ему самому противоречило. Но Юля Его — целиком и полностью. А Шаурин предпочитал не давать никому шанс лишний раз попробовать себя на прочность. И без того деятелей хватало.

Денис плотнее уселся на стуле, взялся за свой бокал. И почему-то показалось, что в глазах Вуича застыла настороженность. Словно ждал он, что вот-вот грянет взрыв. Шаурин инстинктивно напрягся, стал внимательнее вслушиваться в разговор Монахова, хотя с виду не показывал своего интереса. Есть уже не хотелось, но сжал вилку.

В этот момент «седой», именуемый Андреем Павловичем, обернулся, глянув на танцующую пару, а потом сказал бодро:

— Монах, красивая у тебя дочка. Давай-ка мы ее засватаем. А, что?.. — продолжил

весело и задорно, словно сам своей прозорливости удивился: — Сын у меня взрослый, постарше твоей Юльки будет, бизнес свой имеется, остепениться пора. Сколько ж можно по шпюхам маяться?

— Так и дочь у меня не маленькая. Своя голова на плечах есть. Вот спросим, согласится, так и пусть женятся. Я с тобой не против породниться, но слово за дочерью.

Шаурин поднял глаза на Лёню. Показалось, что его фигура волнообразно двинулась. Но это было не так. Тот сидел прямо на стуле. Просто, как сказал бы сам Лёня, Дениса перекрыло. На все сто из ста возможных. Потому яростная пелена замутила разум, пошатнув перед глазами окружающую реальность.

Не то, что Юлька с кем-то танцевала, вывело Шаурин из себя. Конечно, не это. Не глупый разговор между Монаховым и «седым», хотя, чего уж скрывать, приятного мало. Но когда тебе раз за разом дают на одну и ту же болевую точку, она постепенно превращается в огромную незаживающую рану. А потом даже от каждого малейшего прикосновения хочется орать от боли во всю глотку. Уже не помогают доводы разума и попытки уговорить самого себя перетерпеть, пережевать... Сколько пережевывать? Сколько еще ему все это пережевывать и глотать?!

А Монахов все давил и давил — месяц за месяцем, год за годом... Выворачивал ему внутренности, при каждой малейшей возможности подчеркивая, что в жизни его дочери Шаурин никакой роли не играет. Ничего не значил и значить не будет. Что он никто и звать его никак. Что она не для него.

Не знал Денис, как в этот раз сумеет утихомирить своего внутреннего зверя, который ревел, что Юлька его и рвался наружу, раздирая в клочья все доводы разума. Как удержаться, чтобы не сделать что-нибудь... разве что зубами за воздух...

Поначалу думал, что Монахов смирится. Первое время не обращал внимание на его ядовитые уколы. Но иглы становились все острее, а яд все больше разъедал изнутри.

Не понимал. Решительно не понимал, чего Монахов добивается. Чтобы от Юльки отказался? Да чтобы он от нее отказался его убить надо, а не выводить на ревность и эмоции, пусть даже такие дикие.

Не полегчало даже когда Юля села рядом. Заметила, наверное, что что-то не так — все пыталась поймать его взгляд. Но он старался не смотреть на нее, боялся, что по глазам все прочтает.

Не смотрел ни на нее, ни на кого другого. Попытался отгородиться. Почему-то представился дождь. Еще бы... В голове вот так же шумело.

Не слушал. Старался за слова не цепляться. Не очень хорошо выходило, привык же действовать с точностью до наоборот. Трудно сломать враз собственные механизмы.

Выпад сослуживца отца о свадьбе Юльку немного выбил из колеи. Она посмотрела на Монахова, словно искала и ждала поддержки, но не дождалась.

— А у тебя, Миша, денег, что, больше, чем у моего папы? — спросила с глупым смешком. Прозвучало как удар хлыстом, но сработало. Молодой хмырь сразу с лица сошел, да и папаша погрустнел заметно. Не знал бы Денис Юльку, поверил бы в ее дурь. На слов бы ей поверил.

— Юль Сергевна, ваша милость, не откажите в танце, — подключился Вуич. И спасибо ему. Не надо Юльку вмешивать. Дразнить этими разговорами. Монах этого никогда не делал, она не была в курсе их внутреннего конфликта. Не догадывалась. А Денис старался отгородить ее и того больше. Потому сегодня ночевать она поедет к себе домой. Так будет

лучше для нее в первую очередь, для ее безопасности и покоя. Не то уже настроение, чтобы продолжать свидание.

— Лёня, ты сегодня решил в моей бальной карточке все строчки заполнить?

— Таки выпил лишнего, протрезветь надобно, — схватил ее ладонь и сжал, как пылкий истосковавшийся любовник.

Монахов усмехнулся: к такому Лёньке все были привыкшие. И, да, смотрелось это довольно комично, если бы не холодно поблескивающие глаза Вуича.

Юля, заметив этот холодок, сразу перестала отшучиваться:

— И правда, чего сидеть, прилипнув к стулу.

Они отошли на танцевальную площадку. Протиснулись среди танцующих пар.

— Юля, — деловито и серьезно проговорил Лёня, — рано из образа выходишь. Играешь дурочку, так играй до конца. Чего ты меня строишь?

— Не привыкла, потому сбиваюсь. А ты, я смотрю, наш с Денисом покой уполномочен охранять?

— Имею честь. Никак не могу не оправдать столь высокого доверия.

— Тогда ты тоже из образа не выходи. Ляпаешь глупости — ляпай дальше. Разрешаю тебе намекнуть этому кренделю, чтобы он ко мне яйца не подкатывал. Не будем Шаурина до греха доводить. Он страшно ревнив.

На эту прямолинейность, — что, впрочем, было вполне в Юлином стиле, — Лёня кашлянул.

— Будет сделано. Покурить бы, ой, покурить...

Вуич щелкнул зажигалкой, и желтый огонек, осветив его оживленное лицо, отразился в глазах. Лёня подкурил, посмотрев поверх плеча Дениса куда-то за его спину, и подал знак, едва заметно вздернув подбородок.

Впрочем, Шаур уже и сам понял, что привлекло внимание друга: узнал позади себя знакомую поступь каблучков, — легкую поступь, быструю, весеннюю, — такую, когда напряжение после зимы уже сброшено, и опасность поскользнуться на льду не сковывает шаги и движения.

Обернулся на эти шаги, так сигарету и не прикурив.

— Я тебя попросил уехать домой. Я сказал, что позвоню завтра.

— Угу, — кивнула Юля, не зная, сохранять ли ей серьезный вид или начать глупо улыбаться. Кажется, ни первое, ни второе от возмущения Дениса не спасет.

— Тогда почему ты здесь?

Почему? Молча чуть пожала плечами.

Почему. Потому что не смогла уехать. Не захотела. Не посчитала возможным оставить его, позволив в одиночестве переваривать свою ярость. Внешняя невозмутимость Юлю уже не могла обмануть. Ей, чтобы прочесть чувства любимого, даже говорить с ним не надо было и в глаза смотреть. Все по жестам определяла, по малейшим движениям, по дыханию. Когда после танца с Мишей села за столик, дышал Шаурин, едва-едва втягивая в себя воздух. Дышал так, словно боялся, вдохни он глубже — разорвет.

— Ладно, поехал я, — решил распрощаться Лёня, очень вовремя отвлекая внимание Дениса от Юли. Не хотел он становиться свидетелем их ссоры. А ссора, по всей видимости,

намечалась. Шаурин до сих пор на взводе — еле слова из себя выдавливал. Юлька — инициативная не в меру. Лёня же сам видел, как Денис ее в машину к отцу посадил и дверь захлопнул, а тут вон какой сюрприз.

— Подожди, мы тебя подкинем, — остановил его Денис, открывая заднюю дверцу своего автомобиля.

Ясное дело, этот галантный жест был направлен не в сторону Лёни. Юля, поддернув полы, стараясь не запачкать молочно-белое пальто, покорно уселась в машину, однако при этом не испытывая уверенности, что ее, как Вуича, просто не подкинут до дома. Денис упрямый. Это вполне в его духе, не любил он, когда ему противоречили. Особенно, если его решение высказано в такой категоричной форме, как сегодня. Но уехать не смогла. Хотя после того, как Денис уселся рядом, обдавая ее волной недовольства, подумалось, что не следовало ей возвращаться. Но, разумеется, Шаурину этого знать не стоило.

Надежда, что Лёня своими разговорчиками да шутками-прибаутками хоть как-то разрядит обстановку, не оправдалась. Всю дорогу он молчал как рыба. Что для него было совсем нехарактерно. Непорядочно даже как-то.

— Счастливо оставаться, — смело ухмыльнулся, уже прощаясь.

— Давай... — лениво поддержал Шаур, — и тебе до свидания, и нам приятно, — последнее выдохнул как будто злорадно.

Ох, как не любила Юлька, когда Шаурин был в таком состоянии! Не подойди, не притронься к нему, не заговори. Поневоле чувствовала себя виноватой, хотя знала, что источник раздражения точно не она сама.

Вот и сегодня решила: незачем оставлять Дениса наедине со своими мыслями. Если есть претензии пусть сразу выскажет, а не копит их в себе. Иначе потом вывалит как снежный ком на голову, что не разберешься.

А шампанское и правда занятно действовало. Может, благодаря ему и хватило смелости противоречить. Хочет не хочет Шаурин, а придется ему сегодня разговаривать.

Денис все-таки сменил гнев на милость — не отправил Юлю домой. Искоса она поглядывала то на точеный профиль мужчины, то на его жестко сцепленные пальцы, пытаясь придумать, что же сказать такого легкого и ненавязчивого. Что-то игривое не сходило с языка, вступать в перепалку и того хуже. Так и промолчали всю дорогу.

То, что дела и впрямь совсем плохи, Юля поняла, как только переступила порог шауринской квартиры. Денис не убрал пальто в шкаф, а бросил на банкетку. И пиджак не снял. Так и расхаживал по квартире в костюме, будто собирался уйти через минуту.

— Ну ладно, мы не гордые, вернее, гордые, но не очень, — проворчала Юля, пряча свое и его пальто в недрах гардероба.

Пройдя за Денисом на кухню, тут же покрылась мурашками. Холодный воздух, свежо сочащийся из приоткрытого окна, колко прихватывал обнаженную, не защищенную платьем, кожу.

Работала вытяжка. В комнате чувствовался едва уловимый едкий запах с примесью ментола, но сигарета лежала в пепельнице, которая стояла на подоконнике. Денис наливал в кружки кипяток. Теперь крепко и вкусно запахло кофе.

Почему-то взбесила его собранность. Меньше всего Юле сейчас хотелось кофе.

— Поговори со мной.

— О чем? — сделал глоток и, оставив кружку, взялся за сигарету.

— О сегодняшнем вечере.

— Спецэффектов захотелось?

— Не надо мне грубить.

— Не надо было приезжать.

Юля тут же развернулась, чтобы уйти, но он не позволил:

— Стоять! Стой на месте.

Остановилась, задержав в груди тяжелый вздох. А далеко уходить не собиралась, всего лишь принять душ и залезть в постель. И заснуть, возможно, едва коснувшись головой мягкой подушки.

Денис подошел к ней и, замерев за спиной, сказал, чуть пригнувшись к плечу:

— Вот теперь стой. Я же тебя просил. Нет, ты сама, как под нож лезешь!

Отошел. Затянулся, наверное. Снова чуть слышный запах сигаретного дыма по огромной кухне и стук керамической кружки о столешницу.

Понимал, что зря на нее орет, но Юлька так или иначе являлась яблоком раздора, потому волей-неволей и ей достанется. А не хотел ведь. Пытался оградить ее всеми силами. Незачем им накалять отношения, знал же: неважно какими способами, но в определенный момент он все равно переломит ситуацию с ее отцом в свою сторону. Главное, удержаться от необдуманных поступков, вызванных очередной вспышкой злости.

Но удержать себя становилось все труднее. Потому что злости этой не было выхода, она все копилась и копилась. Вжилась. Вросла. Стала частью его самого, замирая на время, сворачиваясь на груди черной кошкой, точно засыпая, но как только Монах снова пытался уязвить, указывая на его ничтожную роль в жизни Юли, ярость эта притихшая просыпалась и драла изнутри острыми когтями. Раздражала и мучила.

В такие моменты он ненавидел Монахова. Лютой ненавистью ненавидел. И не понимал, чего тот от него добивается. Понял бы, если б отношение Сергея Владимировича было однозначным, но оно таковым его нельзя назвать. В делах у них не виделось никаких противоречий. Никаких споров, никаких недоговоренностей. Монахов доверял ему на сто процентов и больше. И хотя о себе Шаурин такого не сказал бы, выказанного доверия не оправдать не мог.

Пока дело не касалось Юли, не возникало между ними разногласий. Это и раскалывало Дениса. Понятное дело, почему поначалу Монахов не видел его с Юлей, но сейчас... Сейчас Шаурин обладал всем, что казалось бы, должно удовлетворять требованиям и амбициям Сергея Владимировича: деньги, власть, влияние, нужный уровень административных связей. Причем сам Монахов это влияние поддерживал и подпитывал, делал для этого все, что мог. Даже когда его об этом совсем не просили.

Именно поэтому такие выпады вызывали в Шаурине и злость, и недоумение одновременно. Если не он, то, кто? Кого Монахов хочет видеть рядом с дочерью?

Не сделать бы только чего-нибудь... Ради Юльки не сделать. Да и ради себя. Потому что предателем не был. Не мог воткнуть нож в спину человеку, который столько для него сделал.

Оценивая трезвым взглядом прошедшие годы, Денис прекрасно осознавал масштабы участия Монахова в своей жизни и своем становлении. И был ему за это благодарен. И за это он ему платил. Нет, конечно, не деньгами. Мозгами, поддержкой, любого рода содействием.

И лучше бы ему прекратить капать на мозги. Потому что даже у Шаурина терпение не безграничное. А Монахов опутал его, как спрут. Пил из него кровь, высасывал нервную систему.

Юля так и стояла сначала не в силах двинуться. Потом шелест ткани привел ее в себя, сорвав с мышц оцепенение. Это Денис снял пиджак, забелел у окна рубашкой, словно отступил, сдался.

Ну, не стоять же статуей посреди кухни. Опасливо, словно своим движением боясь вызвать раздражение Шаурина, она сдвинулась в сторону кухонных шкафов и оперлась о столешницу.

— Давай. Выскажись, — начала аккуратно. С осторожностью сапера, идущего по минному полю, подстегивала его словами. — Я тебя пять лет знаю. Три из них с тобой сплю. Так что, извини, я очень сомневаюсь, что увижу сегодня что-то новое. Видела тебя всякого. Давай уже, выскажись. Можно матом. Ты же разозлился не из-за того, что я с этим придурком потанцевала? Это все ерунда, это для папы. И не из-за тупых приколов про свадьбу?

— Мне глубоко по... глубоко... на таких, как этот... как его? Я даже имя его не помню! Главное, чтобы ты сама четко разделяла, что ты делаешь для папы, а что для меня! У нас как будто с этим проблем пока не было!

Юлька вздрогнула от его рыка. Вздрогнула, встряхнулась... и полезла в холодильник за бутылкой вина. Там оставалась початая с ее последнего прихода, сомнительно, что Денис прикончил ее в одиночестве. Из шкафа с посудой выхватила первый попавшийся бокал, — высокий, узкий, — не до эстетики и столового этикета.

— Да вроде не было, — небрежно пожала плечами, — я ж не мазохистка. — Но я точно понимаю, что чего-то не понимаю. Поговори со мной. Я хочу знать.

— А я хочу, чтобы мне не препарировали мозги! Иначе... мне это надоест!

— Имеешь в виду моего отца?

— В частности.

Денис стоял спиной, глядел в темное окно и сыпал в воздух реплики, лишь изредка бросая через плечо колючие взгляды.

Шаурин немного изменился за эти годы, стал... тяжелый, что ли. Нет, все та же литая фигура, широченные плечи, но движения его утратили порывистость, стремительность свою потеряли. И сейчас он производил впечатление человека, который лишний раз и пальцем не шевельнет, с места не сдвинется, если это не в его интересах.

— Он что-то говорит тебе? Давит? Скажи.

— Курить надо бросать.

— Что?

— Говорю: бросаю курить.

— Шутишь? — У Юльки чуть коленки не подкосились. Не от радости, несмотря на то, что сама время от времени пилила его из-за пристрастия к сигаретам и сейчас должна была быть более чем довольна, а от резкой смены его настроения. Уже приготовилась к новой волне гнева. Потому и вина себе налила, чтобы все это легко проглотить. Кофе здесь не поможет. А тут спад такой, будто откос под ногами осыпался, а сама в бездну.

— Нет, не шучу. Последняя, — поднял руку с сигаретой, до половины, выкуренной. Как обещание дал.

Не шутил он вовсе. И не просто так придумал это от нечего делать. Решил отвлечь свое внутреннее внимание от проблемы взаимоотношений с Монаховым, создав себе другой головняк. Так сказать, перенести центр раздражения. Слишком сильно стал реагировать, часто терять самообладание. В последнее время очень легко поддавался на провокации. А

этот фокус с сигаретами, как пить дать, сработает. Та еще психологическая борьба предстоит. С собой труднее воевать, чем с Монаховым.

— Счастье вдруг, в тишине,

Постучалось в двери... — пропела Юля и наконец отпила, отчего-то чуть не подавившись.

— Давай уедем, — вдруг сказал Денис и, отложив сигарету, в несколько глотков допил остывший кофе.

— Куда? — оторопело спросила Юля.

— Куда-нибудь, — подошел к ней. — Куда хочешь. Хочешь на острова, хочешь в горы. Я послезавтра лечу в Москву по делам, вернусь через два дня. Освобожу неделю, и мы устроим себе отпуск. Думаю, за неделю прогулов тебя не выпрут из твоего финансового института?

Юля усмехнулась:

— Меня даже за месяц прогулов не выпрут.

Как жаль, что она не умела читать мысли. Очень хотелось знать, что Денис думал в этот момент, когда смотрел вот так. Таким взглядом, когда у самой дыхание становилось ломким и теряющимся; когда кровь начинала бешено нестись по венам, а в воздухе появлялась какая-то сладко-пряная смесь жажды, предвкушения и уверенности.

— Что-то хочешь мне сказать? Так смотришь на меня...

— Мне нравится на тебя смотреть.

Ему нравилось всегда. Юлька не боялась выглядеть с утра растрепанной, а вечером не накрашенной. Не делала из своей внешности культ. Не успела, наверное. Когда они начали встречаться, она практически не пользовалась косметикой. Потому неоткуда было взяться условностям этим: стеснению ненужному, неловкости, неуверенности оттого что щеки у нее не припудрены или губы бледны.

Его эти губы весь вечер мучили. Вернее, мучила помада на них, раздражала. Не мог поцеловать, как хотел. А хотел, до судорог...

Когда вспоминал Юлю, то думал не о глазах, губах, не о выражении лица или изгибах тела. Не об этом конкретно. Юлька — это другое. Целый комплекс воспоминаний — ощущений, вкусов, запахов. Утром, брошенное на спинку стула, мокрое полотенце в кухне; постель, насквозь пропахшая ее духами; женские комнатные тапочки у кровати; резинка для волос в кармане его пиджака; шелковые шарфики, затерявшиеся в гардеробе; и еще много всяких мелочей, которыми она заполнила квартиру.

Юля отпила вино, дрогнула губами, но не улыбнулась, не расплылась в усмешке. Чуть сжала их и прикрыла глаза на миг, когда глотала кислую жидкость.

— У тебя завтра будет болеть голова.

— Не будет. Или ты меня полечишь прямо с утра.

Выдохнула. Ее лицо было так близко, что почувствовался аромат рислинга. Этот запах тоже останется в памяти, как часть Юльки. И это платье зеленое, — цвета, точно голова селезня, — яркое, чуть переливающееся при каждом движении. Не мог с уверенностью сказать, что этот цвет ему по душе, но зато ему нравилась Юля в этом платье. И то, как податливо ткань собралась под его руками. Тут же задралась на бедрах, едва только ладони скользнули вверх.

Юлька не бросилась ему навстречу, не приникла, наоборот, подалась назад, уверенней устроившись. Даже бокал из руки не выпустила, так и держала навесу. И смотрела неспешным взглядом. Знающим, проницательным таким. Будто все это время только этого

ждала. Что прижмется к ней всем телом; что задерет на ней платье.

А он же прижался... Не отпустил, не позволил отклониться, настойчиво подтянул на себя. К себе. К груди. Дышал тяжело: адреналин, крепко вцепившийся в вены, никак не отпускал. Никак не рассасывался, бурлил под кожей. Бурлил теперь уже возбуждением. Теперь телом овладело безудержное сексуальное желание, а не уродливое примитивное — кого-нибудь убить. Хотел ее без прелюдии, без долгих ласк и мучений. Взять сразу, войти до предела, до самого дна, и чувствовать с первого своего толчка и до последнего ее спазма. Чувствовать, как она возбуждается, влажнеет. Как там, в тесной влажной глубине, становится горячо. И еще горячее. Брать ее грубо, только для себя. Брать свое, законное. Растерзать ее нутро на мелкие кусочки. Не тело, а душу, разум. Ее существо. А потом собрать заново. И любить уже спокойнее. Любить-любить...

«Юля, Юля... красивая... все знает... моя... все чувствует».

Наконец-то как очнулась — отставила стакан. Теплой ладонью погладила его шею, обхватив, притянула. В щеку носом уткнулась – шершавую небритую.

Дыхание ее горячее. Такое же, как кожа под руками. Под жадными пальцами. Взял ее за лицо, чуть сдавил скулы. Помада...

Встряхнув руку, одернул манжету и приложился рукавом к губам. Юля сказать что-то хотела, но не позволил: надавил сильнее, заставляя молчать. Стер помаду белоснежным рукавом. Стер, ни о чем не заботясь, и поцеловал. Так, как хотелось. Припал к губам с жадностью. Припал, словно напиться хотел и никак не мог. Целовал жестко и покусывал. Только для себя. Ее не слышал. Даже как будто не чувствовал. Так набросился на нее, что не чувствовал ни ее желаний, ни отклика. Так прижимал к себе сильно, что задышалась. Но молчала. Не сопротивлялась.

Молчала покорно. И когда оттолкнулся, чтобы стянуть с нее трусики, черные кружевные, и самого себя от брюк и белья освободить, только глубоко вздохнула; когда вторгся в нее яростно, без ласк и подготовки, со слабым стоном губу прикусила.

Губу прикусила и уткнулась в крепкую шею. Втянув родной резковатый запах, ногами крепче обвила. Пока замерли вдвоем на секунду, расстегнула на Шаурине рубашку.

Приятно еще не было. Где-то внутри по венам уже бродило желание, но мало было одного касания и одного поцелуя, чтобы принять его с готовностью и удовольствием. Наверное, ему нужен сейчас вот такой секс – животный, безудержный. С первыми непонятными ощущениями. Со сложными замысловатыми эмоциями, со смесью нежности и жестокости. С царапающими ласками и поцелуями-укусами. Такой секс, в котором мало любви, но только страсть темная. Только бешеный ритм, четкий, как стук сердца. Тяжелый, волю сметающий.

Не боялась, не удивилась. С ним так бывало. Знала: сегодня он ее измучает. И удовольствие для нее будет, но потом, позже, после того как самого отпустят эмоции. Когда кровь кипеть перестанет. Может быть, второй раз. Если сейчас не очнется...

Как-то улучив момент, когда Денис остановился, чтобы дыхание перевести, Юля распахнула сильнее белоснежную рубашку. Прижала к рельефной груди нетерпеливые ладони. Обвила его, обняла. И когда он снова резко двинулся, стиснув ее плечи, обрушиваясь на ее рот жадным поцелуем, впиалась ему в спину.

Хоть и короткие у нее ногти, но Шаурин прочувствовал. Словно протрезвел и очнулся. Не в один миг, конечно. Но двигаться стал медленнее, перестал вбиваться в нее в судорожном отчаянном ритме. Медленнее...

— Волосы не убрала, будешь лохматая, — выговорил с трудом, потерся о ее припухшие губы своими. На слова не хватало дыхания.

— Убрать? — Тяжело вбирала в себя воздух.

— Не надо, — сгреб в ладонях шелковистые пряди, сжал у корней, — не надо.

Мягко коснулся губами виска, уткнулся в волосы, глубоко вдыхая из запах. Сердце еще бешено колотилось, тело мелко дрожало.

Тяжело опустил руки на ее плечи, прижался ртом в крепком поцелуе. Крепком, но спокойном, чуть шевельнув губами, раскрывая ее губы. Потом ослабил натиск, стал целовать легче и нежнее. Соскользнул пальцами к молнии и оторвался от Юли, чтобы стянуть с нее платье.

— С ума сойти... — пробормотал с усмешкой, небрежно бросая его на пол, — черные чулки, черное белье... я чуть все не пропустил.

— Угу, — кивнула Юля с улыбкой.

— Пойдем в ванную. Умоешься? — Хотелось целовать ее лицо, чувствовать чистую кожу — косметика раздражала.

— Умоюсь. Конечно.

— Иди ко мне... скорее...

— Иду, — забралась к нему на колени и довольно усмехнулась тому, как нетерпеливо Денис сдернул с нее полотенце. Всегда дразнила его, оставляя на себе что-нибудь из одежды, или в полотенце заворачиваясь.

Почти безвольно поддалась сильным рукам, когда Шаурин, приподняв ее за ягодицы, усадил на себя. Легко приняла его тяжелую пульсирующую плоть и сразу напряглась. Снова прикусила губу, на короткий миг задерживая дыхание. Но уже не от тех первых смешанных ощущений, как на кухне, почти неприятных, а от острого возбуждения, — когда каждое движение пронзает изнутри электризующей вспышкой.

Обняв Дениса, качнулась вперед и прижалась всем телом, выдавая свое жгучее желание прерывистым дыханием. Пока только дыханием.

А ему и не нужно было слов и страстных криков. Даже стонов не надо слышать, чтобы понимать всю полноту переживаемых Юлей ощущений. Изучил ее за это время. На вкус. На ощупь.

Хотел и дальше брать ее для себя. Как собирался, как думал, — от своего первого толчка и до последнего ее спазма. Быть в ней, все чувствовать — любое изменение, каждый отклик нежного тела. Наслаждаться...

Но не брать ее так яростно и бешено, как на кухне. Тогда забылся совсем, реальность потерял. Как в пропасть летел, а Юля с такой покорностью приняла его надрыв, что очнулся сразу. Пришел в себя, словно вписался с размаху во что-то мягкое, как губка или вата, вмиг впитавшее его надломленные эмоции. А теперь не хотел торопиться. Хотя пока ждал Юльку в спальне, чуть головой не тронулся. Не мог уже терпеть. Это темные страсти, бушующие в нем, улеглись, а сексуальное желание, напротив. Теперь оно каждую клеточку тела заполнило, в груди костром горело и низ живота сводило судорогой.

Это сейчас Юля еще сдерживается. И двигается медленно, выравнивает ритм, ловит его. Приподнимается и опускается осторожно, подстраивается. Наблюдает за собой и за ним.

Обнял ее, согревая. С жадностью погладил по спине. Провел языком по ее приоткрытым губам и скользнул во влажную глубину рта. Юля приостановилась, увлекшись поцелуем,

стиснула его бедрами. И изнутри его сжала. От этого сам застонал.

Тело ее немного остыло после душа — кожа прохладная, влажная на плечах и шее. Но сейчас его Юля разгорячится. Возбуждение достигнет своего пика. Внутри у нее станет невозможно горячо и мокро, ее кожа поменяет запах, будет пахнуть сексом. И все вокруг пропахнет сексом — желанием, возбуждением. Воздух станет тягуч и сладок. Комната наполнится их страстными звуками. Его девочка перестанет сдерживаться, будет страстно и непрерывно стонать. Свободно, как дышать.

В объятиях не стал ее долго не задерживать, отстранился, придержал на расстоянии выдоха. Так тело открыто и свободно для ласк, не скованно его руками, как обручами. Так можно каждое мелкое подрагивание видеть и под пальцами ощущать. И своей кожей чувствовать, чуть прижимаясь.

Гладил по плечам. По животу. Тепло и нежно касаясь ладонями, так чтобы ощущать мурашки и едва уловимое напряжение мышц. Убрал волосы на одну сторону, целовал шею. Влажно — грудь. Ласкал языком. Не мог оторваться, пока не вылизал каждый сантиметр нежной плоти.

Там, где соединялись их тела, чувствовалась влага. Юля не двигалась, но сжималась изнутри от нестерпимого желания сделать это. Кажется, вот-вот и почувствует сладостные спазмы. Но Денис не позволял, теперь крепко прижав ее к себе за талию. Не хотел, чтобы она кончила быстро. Хотя чувствовал, как судорожны стали ее движения, а каждый стон словно вымучен. И сам дышал тяжело. И голова кругом. Но вот эти минуты самые сладкие — перед оргазмом, — когда душа наизнанку, и все нутро, все существо женское. Нет тяжести и противоречий, нет воли. Есть только обнаженные чувства, голая потребность друг в друге и одно на двоих удовольствие. Один источник. Один импульс. Одно понимание.

Юля поняла его намерение — поерзала недовольно.

— Не могу уже... — В горле пересохло. Как только умудрилась выговорить.

— Не нравится?

— Мало тебе?.. Мне еще пару комплиментов тебе отвесить?

— Ложись.

Опрокинул ее на спину, раздвинул бедра, глубже ее раскрывая. И входя в нее глубже, сковывая руками любое движение, с каждым резким толчком доводя до наивысшей точки наслаждения. Пока не разлетится. Не рассыпется. Пока не унесет его за собой.

Любила эту простую позу. Вот так лежа на спине, крепко прижимать к себе его горячее сильное тело. Обвивать ногами, стискивать могучие плечи, чувствовать под ладонями рельеф мышц. Чувствовать всего его... Слышать, как перед долгожданной разрядкой меняется ритм его дыхания и биения сердца. Слышать стон из приоткрытых губ. Ощущать волну его дрожи, скомканную, рваную. Чувствовать ее всем телом...

А потом он навалится своей тяжестью, подложит руку ей под голову, стиснет, что не вздохнуть, и прижмется к губам в твердом поцелуе. Не нежном. Без ласки. А просто твердо и жестко.

— Спасибо... — оторвался от ее губ, запустил руку в волосы, прижал ладонь к голове, уткнулся лицом в ее щеку, оставаясь в тесном сплетении.

Дрожит. Устала...

ГЛАВА 44

— Ты проснулась?

— М-мм, не совсем.

— Проснулась?..

— Да... кажется, да... — вздрогнула всем телом. Выгнулась.

— Это хорошо.

— Денис, прекрати, — сказала, сдерживая стон.

— Нет, сейчас точно нет.

— Я не про это... давай молча.

— Хочу тебя слышать.

— Хорошо, — с притаенной в уголках губ улыбкой удовольствия.

Утренний секс, он особенный. Другой. Теплый. Мистерия ленивых прикосновений и тяжелых вздохов. Беззащитность в желании прижаться и прижать. Отсчитать губами пульс, услышать неровное биение сердца...

В темноте уже неплотной, туманной — осторожные стоны, неторопливые движения. Без долгих разнузданных ласк, потому что нет в них надобности. Тело голое, теплое, разморенное с ночи, готовое принимать и отдавать.

Все на тонкой грани между сном и явью. Она стирается, постепенно тускнеет. И реальность проступает душным воздухом — все больше с каждым откровенным стоном — наваливается мучительно-сладкой дрожью по телу.

...Тонкая бретелька так и норовила сползти с плеча, и Юля поправила ту, откинув назад мокрые волосы.

Когда вышла из ванной, Денис уже сидел на кухне, свободно развалившись на стуле, и смотрел на кружку с кофе так, словно задал той вопрос, а теперь ждал ответа.

— Денис, я же просила тебя не пить из этой кружки. Это плохая примета. Нельзя есть и пить из треснутой посуды. Я тебе купила новую красивую. Вот! — вытащила из шкафа и с громким демонстративным стуком поставила на стол керамическую кружку. — Мужская, как ты любишь. Черная! Без цветочков и розовых сердечек!

— Я привык пить из этой, — провел пальцем по краю, чувствуя шероховатость — небольшой скол. Внешне едва заметный. И лишь потому что краска сбилась, обнажая белое керамическое нутро.

Дениса этот факт мало волновал, зато он волновал Юлю, которая не первый раз цеплялась к нему из-за этой кружки. И на сей раз, решив действовать радикально, она быстро выплеснула кофе в раковину и выбросила кружку в мусорное ведро.

— Надеюсь, ты из мусорного ведра ее не будешь доставать.

— Не слишком ли смелые маневры с самого утра? — хмуро спросил Шаурин.

— В самый раз, — поставила перед ним свежий кофе. Уже аккуратно. С милой улыбкой. Как будто боясь разозлить одним своим неосторожным движением.

И правильно делала, потому что Денис заговорил, угрожающе повышая голос:

— Юля, я специально ждал, пока кофе у меня остынет. Потому что я не могу пить кипятка!

— Я знаю. А не надо кипятка. Можешь выпить мой. Мой уже остыл.

— У тебя с молоком! А я хочу просто крепкого черного кофе. Без сахара!

— Я тебе подую. Хочешь? Остужу. — Быстро подошла и обняла его сзади. Сомкнула руки на плечах, немного навалившись, даже заставив Дениса чуть наклониться вперед.

Прижалась щекой к его – колючей. Прихватила губами шершавую кожу. Немного распрямившись, уперлась подбородком в его макушку. Потом взъерошила короткие жесткие волосы, коснулась их губами. Они были еще влажными и терпко пахли. Приятно. Привычно.

Перехватил ее руку и вытянул девушку из-за своей спины. Юля, проворно обогнув стул, уселась Денису на колени и доверчиво прижалась к обнаженной груди, собираясь в такой позе пережить поток негодования, который несомненно должен был вылиться ей на голову. Но бурных ругательств не последовало, и она отлипла, посмотрев в лицо любимого, растягивая губы в некоем подобие улыбки:

— Я же тебя просила... надо было самому выбросить эту кружку.

Денис продолжал отвечать молчанием. Но вдруг прикусив губу, коснулся ее спины между лопаток, собрал волосы в кулак и потянул вниз. Легко потянул, осторожно, старательно и осознанно доставляя ей тем самым небольшой дискомфорт. Юля скривилась, но сопротивляться не стала, выказывая таким образом полное смирение. Действительно, выплеснуть его кофе в раковину – слишком смелый маневр.

Отпустив ее волосы, Шаурин не убрал руку, задержал теплые пальцы на женственной чуть выпирающей лопатке. Лямка шелковой бордовой сорочки опять сползла с плеча. Денис поправил ее и затянул потуже, чтобы больше не соскальзывала. Взял новую порцию кофе в новой кружке...

Кажется, что особенного, но он всегда с трудом отказывался от привычных вещей. Даже если это всего лишь кружка.

— Подуть? — ехидно спросила Юля.

— Отстань. И от моей кружки. И от моего кофе.

— Как скажешь, дорогой. Как скажешь. Может тебе бутерброд сделать или омлет пожарить? — собралась было соскочить с его колен и рвануть к холодильнику, но Денис удержал ее, собственнически и твердо положив ладонь ей на живот.

— Нет, кофе и спать.

— Как хорошо, что сегодня никуда не нужно бежать, а то бы я не встала, не поднялась с кровати.

— Ты же поднялась.

— Потому что я знаю, что это пауза. Допью кофе и снова пойду в кровать досматривать свои сны.

Уже привыкла к таким «паузам». Приноровилась. Ее конечно насильно никто не вытягивал из постели, но как тут не поучаствовать. У всех свои привычки. Вот и у Шаурина была причуда пить кофе в шесть утра и снова ложиться спать. А после ранних утренних любовных игр так вообще святое дело.

— Кина не будет, электричество кончилось. — Отпив, поставил кружку на стол и обвел взглядом кухню, словно что-то искал, словно чего-то ему не хватало. Поджав губы, побарабанил кончиками пальцев по столу.

От Юли, которая бдительно следила за каждым движением Дениса, этот ищущий взгляд не укрылся:

— М-мм... — понимающе улыбнулась, — может, тебе покурить? — приложила два пальца к своим губам – указательный и средний. — Может, ну его... не бросать. Мне уже кажется, что это плохая идея. Станешь злой как зверь, будешь на всех бросаться.

— Мне пачки сигарет хватает на неделю. Думаешь, у меня будет повод озвереть?

— Конечно. Представь: все курят, а ты – нет.

— Нет, теперь будет не так: я не курю – никто не курит.

— Даже так?

— Конечно. Вернусь из Москвы выдам распоряжение.

— Шутишь, — утвердительно и все же с сомнением произнесла.

— Конечно, — кивнул Денис и, надавив на поясницу ладонью, заставил Юлю встать. —

Пошли спать.

Дом встретил Юлю тишиной. Какой-то странной, необычной тишиной. Не сказать, чтобы всегда в нем царило особенное оживление, но в выходной день, таковое часто можно было наблюдать.

Сбросила куртку в гардеробной, сняла неудобные шпильки. Вышла, все ожидая какого-то шума, голосов, но шуршание собственных комнатных тапочек по итальянской напольной плитке было единственным звуком, тревожащим, казалось, застывший воздух.

Передумала Юля подниматься к себе, пошла на кухню и довольно улыбнулась, почувствовав запах выпечки. На столе в плетеной вазочке лежало ореховое печенье. Его точно пекла мама. Печенье еще теплое, значит мама дома.

Есть не хотела, но не удержалась, машинально взяла печенье и с наслаждением откусила кусочек. Это как ребенок всегда тянется к конфете...

Обернулась на звук шагов.

— Пап, привет!

— Привет, моя любимая дочь!

Отец потянулся за чашкой.

— Садись, я налью, — тут же сказала Юля и налила чай в большую белую чашку. Насыпала сахар, размешала. — Мама где?

— В своей теплице, — ответил после глотка. Теплицей отец называл зимний сад в мансарде.

— Ты уходишь? — спросила Юля.

Отец не стал садиться за стол, пил чай стоя, поглядывая в окно. Да и одет был так, словно собирался куда-то уходить: в деловой костюм.

— Как видишь, а что?

— Хотела с тобой поговорить.

— У тебя что-то случилось? — Отставил чашку, положил руки на плечи дочери и внимательно посмотрел ей в лицо.

— Нет, что ты, — заботливо поправила ему галстук. — Но пара вопросов у меня есть. Вернее, предположений... сомнений. Мне нужно, чтобы ты их развеял. А то как-то я себя не очень уютно чувствую. Но я подожду до вечера.

— Зачем же. Для тебя у меня всегда есть время. Давай поговорим.

Юля улыбнулась такой уступке со стороны отца. Но стоило признать, в последнее время он всегда вел себя так: ни в чем ей не отказывал, проявляя невиданную доселе сговорчивость.

— Так вот, — начала Юля, раз уж ей дали возможность высказаться сейчас, — мне кажется, я почти уверена, что между тобой и Денисом существует какое-то недопонимание. Напряжение. Мне бы хотелось знать, по какому поводу?

— Кто тебе это сказал?

— Хм, никто. Но я же не слепая.

— Юля, — спокойно отвечал отец, не дрогнув лицом, — мы с ним пересекаемся по разным вопросам. У нас много общих дел, хотя у него сейчас свое направление. И как это часто бывает между людьми, что вполне естественно, иногда мы тоже не сходимся во мнениях. Это не смертельно. В этом нет ничего страшного. Ты моя родная дочь, но даже у нас с тобой бывают всякого рода размолвки.

— И ты не давишь на него? Не ставишь никаких условий? Не вмешиваешься? — продолжала настаивать Юля, внимательно глядя в глаза отцу.

— Каким образом?

— Тебе виднее. Ты же у нас знатный инженер человеческих душ. Мне ли не знать, папа, как ты можешь действовать.

Отец снова взял в руки чашку и сделал несколько больших глотков. Показалось, что так он пытается уйти от ответа.

— Вот скажи мне, как ты думаешь, он тебя любит?

Теперь Юля помедлила. Не потому что пришлось задуматься над ответом. А потому что почувствовала какой-то подвох в таком, казалось бы, простом вопросе. Почему она должна подтверждать такие очевидные вещи? Почему он вообще спрашивает об этом?

— Думаю, да, — все же ответила.

— Это самое главное. Это все, что мне нужно знать. — Посмотрел на часы. Наверное, тем самым давая понять, что время для разговора вышло.

— Я надеюсь: все, что ты мне сказал, — правда. И мне не придется разочароваться, папа, — твердо сказала Юля, почему-то не чувствуя удовлетворенности от беседы.

— До вечера. — Коснулся ее волос, чуть притянул голову к себе. Поцеловал в щеку.

Монахов сказал дочери правду. Почти. Но то, что сказал — чистейшая правда.

С Шауром у него много общих дел, легальных и не очень. А так же — совсем нелегальных. Для своего возраста и опыта Денис вел дела удивительно тонко. И мудро. Что самого Монахова, впрочем, ни капли не удивляло. Он был доволен — и им, и собой. Собой в особенности.

Ему нравился их союз. Нравились сила Дениса, его вес, мощь. И репутация, которую он за эти годы заработал в их кругах. Его знали. Боялись. Но больше всего в сложившейся ситуации завораживало ощущение, что всей этой мощью именно он, Монахов, может управлять. Поэтому, когда Шаурин пересекался с кем-то в интересах, вступал в противостояние, первым делом, все бросали взгляд в сторону Монахова. Оценивали длину поводка, насколько он короткий, и сможет ли Монах удержать Шаура. И тот удерживал, если было нужно. Если того требовали обстоятельства.

— ...вернусь, потом тебя отпущу. Езжайте с отцом куда-нибудь отдохнуть на недельку-другую.

— Да, мне будет удобно в это время, а то летом дача.

— Ох уж, эта дача... — потер лицо и на секунду застыл, не отнимая рук от лица, прикрыв глаза. Буквы и цифры уже сливались в одну сплошную линию.

— Сделать тебе кофе? — заботливо спросила Нина. Они с Денисом сидели в ее

кабинете, сегодня Шаурин появился во второй половине дня и даже к себе не заходил.

— Нет. Сейчас определимся с первоочередностью платежей поставщикам, и я уезжаю. Остальное с Комаровым обговоришь. Он все подпишет.

Когда на «Винпром» Шаурину понадобился главный бухгалтер, он, не раздумывая, предложил эту должность Нине. Она согласилась не сразу, долго сомневалась, осилит ли такой объем работы, справится ли с управлением такими огромными активами. Денис дал ей время подумать. Но в конце концов она приняла его предложение. Со временем сработались. Притерлись. Сейчас уже понимали друг друга с полуслова. И хотя львиную долю работы на предприятии Шаурин мог бы свалить на исполнительного директора, он этого не делал. Не плечи Комарова берег, предпочитал сам все держать под контролем.

Зазвонил телефон. Нина, задумчиво глядя в монитор, взяла трубку. И тут же передала ее Денису. Он поднялся с кресла напротив и остановился у края стола.

— Денис, привет. — Услышал голос сестры. — Это насчет матери...

— Я занят, — ответил пока без видимого недовольства.

— Ты меня уже неделю мурыжишь! — зато каждое слово Татьяны звенело злостью. — То тебе некогда, то у тебя командировка!..

— Потому что это не мои проблемы, — прозвучало все тем же безразличным тоном.

— Я не прошу тебя о каком-то участии, просто отвези меня и все. Хотя при твоих возможностях можно было попытаться что-нибудь сделать, например...

Тут Денис резко оборвал Татьяну:

— Например, положить ее в психбольницу на принудительное лечение и тебя вместе с ней! — раздраженно бросил трубку.

Но Таня на этом не успокоилась. Телефон затрещал снова. Как будто так же недовольно и зло, как только что говорила сестра.

— Давай, я, — мягко сказала Нина и решила ответить. — Танюш, нам правда сейчас некогда... — и сразу же прервалась, потому что Таня уже вошла в раж и даже Нине не дала вставить слово. Женщина вздохнула и посмотрела на Дениса. Он забрал у нее телефон.

— Таня! — рыкнул на сестру, чтобы остановить ее.

— ...я тебя прошу только свозить меня к ней, не надо с ней разговаривать, — Таня лихо переключилась на брата. — Подождешь меня в машине, даже в дом не будешь заходить. Меня раньше Борис возил, но теперь, прости, я вынуждена обращаться с этой просьбой к тебе! Или отправь меня с кем-нибудь из твоих людей. Или я тогда поеду на такси, черт тебя подери!

— Если ты можешь поехать на такси, тогда езжай! Какого хера ты мне уже неделю крышу рвешь! Я тебе сказал — это не мои проблемы! У меня билеты на руках, я завтра улетаю, а сегодня еще дел невпроворот!

Теперь Татьяна отключилась, не дослушав. Шаурин посмотрел на телефон, словно удивившись внезапной тишине.

Нина подавила тяжелый вздох. Она никогда не вмешивалась, ничего не советовала и не наставляла детей Алексея в вопросах их взаимоотношений с матерью. У нее самой детей не было. Первый брак почти сразу распался. Так и не складывалась семейная жизнь, пока Алексея не встретила. Но отлично понимала, что конфликт этот неразрешимый: кто прав, а кто виноват, искать бесполезно. Сегодняшний спор сестры с братом не первый и, к сожалению, не последний.

Денис несколько раз глубоко вздохнул и набрал Танин домашний номер.

— Сиди дома, я приеду! Позже. И будь готова, мне ждать некогда.

Скрипя зубами согласился оказать сестре услугу. Не мог допустить, чтобы она ехала на такси одна. Все равно ведь поедет. И мало ли что может случиться. Найдет еще приключения на свою... Отправлять же ее в поселок с кем-то из своих людей не считал возможным, потому что никого не хотел посвящать в свои семейные проблемы. Так что после небольшой перепалки все-таки пришлось уступить.

— Скажешь хоть слово, я тебя на ближайшей автозаправке высажу, — предупредил Денис и открыл дверь салона.

Таня кивнула и забралась в машину. Брат поднял глаза на окна отцовской квартиры. В одном из них виднелась мордашка племянницы. Алексей придерживал Настю, а та стояла на подоконнике и, улыбаясь, махала ручкой. Увидев, что Денис поднял на нее взгляд, она послала ему воздушный поцелуй. Не смог удержаться от ответной улыбки. И воздушный поцелуй малышке послал. Она тут же прижала ладошки к щекам, словно поймала этот поцелуй.

Не задерживаясь более, уселся за руль.

— А говорить совсем нельзя? — через какое-то время спросила Таня с легкой иронией. Надеялась, что братец уже успокоился.

— Совсем, — рыкнул Денис.

Нет, очевидно, что еще не успокоился.

Таня насупилась. Посмотрела в окно, скрывая кислое выражение на лице. Хоть и было у нее смутное чувство вины и неловкости, но она постаралась подавить их в себе. Еще погода такая дурацкая. Противная. Как раз под настроение. Дождь. Едва морозящий, холодный. Все вокруг мокрое и липкое. Грязное.

— Ну извини! Но ты тоже хорош! — выпалила и снова отвернулась.

На ближайшей автозаправке Денис остановился.

— Выходи, — коротко сказал, не глядя на сестру.

— Чего? — ошалело спросила Таня, не в силах поверить, что Денис и правда собирается от нее избавиться, выкинув из машины.

— Выходи, говорю. Я же предупреждал: скажешь хоть слово — высажу.

— Ты совсем обалдел, что ли? — вскричала Таня, чтобы как-то привести брата в чувства. Совсем спятил, раз вытворяет такое.

— Да не ори ты, — недобро ухмыльнувшись, утихомирил Таню. — Заправиться мне надо.

...Не стал подъезжать прямо к дому матери, остановился чуть поодаль. Таня, хоть и бросила на Дениса недовольный взгляд, ничего не сказала. Открыла дверь, чтобы выйти из машины.

— Недолго только. Мне еще Юлю забирать, — предупредил напоследок.

— Слушаюсь и повинуюсь, — шутливо откозыряла и, подхватив полы светлого плаща, выбралась из салона. Что ж, придется еще плестись лишней десяток метров, но и на том спасибо.

Таня не задержалась у матери. Что было поразительно. Денис настроился минут на

сорок, а сестра появилась через пятнадцать. Тихо села, сразу отвернувшись к окну. Денис тронул машину, не спрашивая, как она пообщалась с матерью. Он никогда не спрашивал. Никогда не интересовался сам, хотя был в курсе, что у той происходит — где она живет, с кем живет и как живет. Хотел бы отгородиться от этого совсем, но не мог. Что-нибудь да всплывет...

И даже когда услышал на соседнем сиденье подозрительное шмыганье и всхлипы, не обратил внимание. Так же спокойно вел машину, поглядывая то в зеркало заднего вида, то в боковое. Небо потемнело, будто тоже нахмурилось, дождь усилился.

Таня по жизни слезливая. Ей всех жалко. И собачку из подворотни. И даже алкоголичку мать, которая их бросила. Которой всю жизнь до собственных детей дела нет.

Неудивительно, что сестра в очередной раз сопли распустила. Опять, наверное, жалость к матери почувствовала и за собой вину, что у той жрать дома нечего, или ее снова сожитель поколотил. А кто ей виноват?..

Не хотел Денис даже вникать, какие там опять проблемы. Не хотел мараиться об это дерьмо.

А сестра вдруг разревелась, расплакалась навзрыд и посмотрела на него так, словно сказать что-то хотела, но не решалась. С таким отчаянием посмотрела и снова заплакала надрывно.

— Что опять?.. — нехотя выдавил из себя Денис.

— Она... — заикаясь, начала сестра, — она сказала, что... что кто-то из нас не от отца.

— Не понял... — метнул взгляд в сторону, не в силах поверить сказанному. Точно ослышался.

— Она так сказала...

Шаурин ударил по тормозам, съехал на обочину и тут же принялся орать:

— Я сколько раз тебе говорил не ходить к ней! Сколько раз! Какого хрена ты туда таскаешься?! Одни проблемы от вас! Почему я сейчас из-за этого должен мотать себе нервы? — ударил ладонью по рулю.

— Я не хочу... — захлебываясь слезами, пискнула Таня, — ...не хочу быть только ее дочерью... хочу быть дочерью своего отца.

— Придушу суку... — сквозь зубы процедил Шаурин, утопив педаль газа в пол. Развернул немецкий внедорожник, не заботясь, что пересек двойную сплошную, и понесся к дому матери на заоблачной скорости.

— Денис не надо! Не надо, поехали домой! — запаниковала Таня. — Пожалуйста, поехали домой, — начала умолять в страхе, что брат сейчас наделает глупостей. Совершит что-то ужасное, непоправимое. — Денис, пожалуйста...

Но все было бесполезно. В считанные минуты «гелендваген» домчал их обратно. Шаурин выскочил из машины. Таня бросилась следом.

— Не надо! Не лезь туда! Не ходи! — пыталась ухватить брата за руку, цеплялась за черное кашемировое пальто, чтобы остановить, но тот отмахивался, отбрасывал ее от себя, словно невесомую щепку.

Обхватила сзади за талию, но задерживать его таким образом, равно что пытаться остановить многотонную фуру или асфальтоукладчик. Невозможно. Денис даже не заметил ее усилий: как шел уверенно и быстро, уже свернув к калитке, так и продолжал идти, легко вырываясь из слабых Таниных рук. Кроме сломанных ногтей ничего она не добила.

— Денис! — вскрикнула отчаянно.

Когда в очередной раз Денис оттолкнул сестру, она не удержала равновесие и поскользнувшись, упала на грязной дороге у забора. Тогда только остановился и посмотрел на нее: бежевый плащ в грязи, сквозь неплотно запахнутые полы виднеется разбитое колено.

Пока сестрица поднималась, Шаур пытался отдышаться. Не остыть, просто перевести дух, чтобы рассеялась в голове эта безумная яростная пелена. Не нужно ему туда ходить. Действительно, не нужно.

— Пошли, — взял Таню под руку, крепко впился в локоть и потащил обратно к машине.

По дороге Таня все никак не могла успокоиться. Плакала, размазывая слезы по щекам. Ясное дело, не предьявлять же ее в таком состоянии отцу и Насте. Повез к себе, чтобы умылась, стерла с лица размазанную тушь, сняла порванные колготки.

— Только отцу не смей ни слова говорить. Понятно? — захлопнув входную дверь, бросил ключи на тумбочку. — Не смей, слышишь! — жестко сказал, не отпуская растерянного взгляда сестры. Не ошибся. В глазах у той было написано, что именно это она и собиралась сделать: броситься к отцу с выяснениями, рассказать все, что услышала от матери.

— Ладно... — всхлипнув, согласилась. Но как-то не очень охотно, нерешительно.

— Вдруг он ничего не знает. Подумай сама, зачем ему такие сюрпризы, — еле выговорил эти слова. Как же тяжело они дались. Прямо не шли с языка. Даже думать не хотел, что этот бред может быть правдой. И не верил в эту чушь. Мать наверняка нетрезвая, ляпнула просто так.

— Да, точно. Я и не подумала, что папа может не знать. Тогда и не будем ему ничего говорить.

— Таня, тут говорить нечего! И ты забудь эту бредятину!

Таня, послушно кивнув, скрылась в ванной. А Денис почему-то не знал, куда себя деть и чем заняться в эти несколько минут, что Татьяне понадобились, чтобы смыть с лица следы истерики. Ходил по квартире. Слонялся из комнаты в комнату. Бездумно бегал глазами по стенам. Как будто бежал от собственных мыслей. Но мысль эта чертова, зерно сомнения, что он может быть не сыном своего отца, все-таки глубоко и прочно засела в мозгу. Таньке-то чего беспокоиться, она на отца похожа как две капли воды.

— Где у тебя фотографии? — шмыгнув носом, спросила Татьяна.

— Какие фотографии?

— Фотки, которые я тебе для семейного альбома собирала. Давай сюда.

Очередная бессмысленная идея сестры. Но Денис не стал сопротивляться: вручил ей коробку с фотографиями. То была простая коробка из-под обуви, не какая-то там специальная резная шкатулка.

— Даже в альбом не вложил, — проворчала Таня.

— Само собой сейчас самое время разобраться, почему я фотки в альбом еще не вложил. Ты, как всегда, абсолютно права, сестра, — бросился очередной колкостью.

Таня начала выгребать фотокарточки из коробки, по одной-две подцепляя их короткими ногтями. Дрожащими пальцами хваталась за снимки как утопающий за соломинку. В конце концов Денису надоело наблюдать за этой агонией, и он высыпал все фото на диван. Таня облегченно и радостно выдохнула, словно поразившись, как это она сама не догадалась, что можно просто перевернуть коробку вверх дном, а не выгребать фотографии по одной. Села теперь поудобнее, глубже вжалась в спинку и принялась внимательно всматриваться в фото.

Понимал прекрасно, зачем ей срочно понадобились фотографии. Она хотела сравнить

их. Найти между ними троими – ей самой, отцом и им – что-то общее, какое-то неоспоримое доказательство, что они отцу родные дети.

Нужно что-то сказать ей, утешить, ободрить. Сестра в этом нуждалась. Но Денис не мог подобрать слова. Всегда находил их для Юли. Но Юле не нужна жалость, с ней он действовал по-другому. Интуитивно. А для Тани нужно подобрать что-то сознательно. Сказать что-то нужное и точное. Пожалеть ее. Именно пожалеть.

Размышляя, как восстановить потерянное равновесие, оставил сестру наедине с фотографиями. Сменил одежду: строгие рубашку и брюки на черные джинсы и водолазку, вычистил пальто и обувь. А потом, пока мыл руки, долго смотрел на себя в зеркало.

У отца крепкий массивный подбородок с ярко выраженной ямочкой. У Дениса тоже есть ямка, но небольшая, и линия подбородка мягче. Не такая широкая переносица. Но брови точно, как у отца. А нос... прямой крупный мужской нос. Обычный, без горбинки, не орлиный, как у Шаурина-старшего. Глаза вроде похожи на отцовские, глубоко посаженные, но только серые – непонятно, в кого.

— Что экспертиза показала? — постарался спросить непринужденно, усевшись рядом с сестрой.

Таня улыбнулась, что не могло не радовать. Потерла покрасневший кончик носа.

— Фигня это все. Я не верю. Мы оба на папку похожи. И внешне, и характером.

— Да, особенно я – в основном, характером, — усмехнулся.

— Похож, — уверенно сказала сестра. — Много мелочей есть. Фигурой точно, только ты повыше и пошире. Но дети всегда акселераты. Да и папуля наш в спортзал не ходит. Походка – один в один. Цвет волос, линия роста. — Тут Таня провела рукой по коротко стриженной макушке брата и с дрожащим вздохом прижалась к его груди. Денис сомкнул руки на ее плечах, крепче притиснув. Она продолжила: — И жесты, движения некоторые... особенно, когда ты рукой взмахиваешь вот так, — изобразила взмах, — ну вылитый папа. Мне сразу надо было на все плюнуть и не обращать внимание на этот пьяный бред. А я сначала завелась, а потом думать начала.

— Ну зачем же нарушать традиции. А то, глядишь, начнешь думать, и мир перевернется с ног на голову. Хватит с нас уже потрясений.

Таня хихикнула, утыкаясь носом в теплую черную водолазку.

— Давно ты меня не обнимал. Совсем Юлька тебя у меня забрала. Только с ней обнимаешься.

— Юлька... Таня, мне еще Юльку забрать надо. Давай прекращай это нытье, — ласково сказал.

Сестра решительно выдохнула.

— Поехали.

...Отвез Таню к отцу, в квартиру не стал подниматься. Время позднее, а у него теперь, кроме того, что нужно заехать за Юлей, появилось еще одно неоконченное дело. Сам не знал, как решился на это. Да и не решался. Не раздумывал. Действовал на импульсе, как будто покатился инертно вниз. Так и ехал — катился по дороге медленно, тащился на маленькой скорости. Будто ждал какого-то толчка, повода, который заставит его передумать. Но ничего такого не случилось. Не передумал: на нужном повороте свернул и понёсся за город.

Теперь остановил внедорожник прямо перед хиленькими воротами, перед зубчатым

покосившимся штакетником. Уже потемнело, из всех окон дома лился свет. Калитка нараспашку, как будто приветливо. Приветливо до тошноты.

Подошел к двери, ступил на грязное затоптанное крыльцо. И замер. Замер в нерешительности, в тупом ступоре. И... страхе. Наверное, это он и есть — такое липкое, противное, сковывающее все внутренности чувство. Словно ледяной цепью сковывающее.

Господи, никогда в жизни он не испытывал такого страха! Ну, может, когда Шеин в детстве гонял его между гаражами. Так это когда было! И сейчас ему не семь, а, мать его так, двадцать девять лет! А он не мог протянуть ладонь, чтобы взяться за ручку и толкнуть дверь. Не знал, что там увидит. Боялся этого незнания. Не знал, что услышит. Этого боялся тоже. Внутри разверзлась такая пустота, что собственные мысли падали туда как в пропасть.

Минуту стоял или больше. Никак не мог найти в себе силы прикоснуться к двери, чтобы распахнуть ее и войти в дом. Не хотел тут ничего касаться. Противно. Наконец понял, что дверь открывается внутрь. Несильно пнул ее носком ботинка. Не дверь боялся испортить. Ботинки. Они стоили дороже, чем эта халупа вместе со всеми ее обитателями.

Вошел, рассчитывая, что попадет в какое-то промежуточное помещение, маленький коридорчик перед жилой частью дома, а очутился сразу в эпицентре. Не ожидал. Казалось, стены упали на плечи. Тут же пахло спиртовой гнилью, откуда-то из сизой прокуренной глубины выплыла старуха, его мать. Так она выглядела – как старуха.

Вероятно, она ожидала кого-то другого, потому что заготовленная улыбка сползла с губ, и на одутловатое лицо напустилось напряженное выражение.

— Ты кто? — спросила она. Мутноватые глаза удивительно живо забегали по его дорогой одежде, словно ощупывая карманы.

— Что ты сказала Тане? — почему-то не смог задать вопрос напрямую, хотя пришел именно за этим.

— А-а, сынок, — засмеялась она каркающим смехом, — явился. Про мамку вспомнил.

— Что ты сказала Тане? — повторил вопрос.

Обрадовался, что ничего не почувствовал. Ничего, кроме отвращения. Боялся посмотреть в глаза матери, но, взглянув в них, мать в этой женщине не узнал. На него смотрели чужие глаза из другой реальности. Не его реальности. Это принесло такое невероятное облегчение, что вопрос, который он задал, стал вдруг совершенно неважным.

— А что – испугались? — противно захихикала она. — Пошутила я, чувство юмора у меня такое. Вишь, вмиг принесся выяснять, что к чему. Может, и денег там тогда матери подкинешь. Сам-то, смотрю, недурно где-то пристроился, — метнула взгляд на его правое запястье. Браслет еле виднелся из-под рукава черной кожаной куртки. Но как-то мать умудрилась ухватить блеск золота цепким, хоть и нетрезвым, взглядом.

— Иди работай, — отрезал Денис и вышел из дома.

Вышел и, глубоко вдохнув влажный воздух, почувствовал, как что-то теплое растеклось по венам, и бешено забился пульс в висках.

Все слова. Пустые слова. И это хорошо. Это просто прекрасно...

Обратно летел на безумной скорости. Хотел в душ. Горячий. Хоть в кипятком. Лишь бы смыть с себя отвратительный мерзкий запах, которым, казалось, за минуту пребывания у родительницы весь насквозь пропитался. И взгляд ее смыть, и голос, звучащий в ушах. Все с себя смыть – все случайные чувства и впечатления. Чтобы на душе холод и сердце гранитом. Теперь никак иначе.

А потом за Юлькой. Нет, сначала вещи, в которых был, в химчистку. А потом можно и

ГЛАВА 45

— А мы поженимся? — мягко произнесла Юля. Как будто промурлыкала. Поправила на себе тунику. К слову, белая, прозрачная почти как марля, она совсем не скрывала округлых прелестей загорелого тела. К чему Юля, собственно, не стремилась.

— Поженимся, — ответил он со вздохом удовольствия. Голая спина под ее теплыми руками покрылась мурашками.

— И ты мне купишь кольцо с бриллиантом? — Легонько пробежала пальцами вниз вдоль позвоночника и снова вверх, надавливая, чуть вжимая ладони в кожу.

— Ты уже вся в бриллиантах. С ног до головы.

И то правда. Денис ее буквально осыпал драгоценностями. На ней и сейчас было кольцо с внушительным бриллиантом — подарок на восемнадцатилетие. Она его носила на правом безымянном пальце и никогда не снимала.

— Мне нужно специальное, — прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Если бы Денис только видел на ее лице это хитрое выражение, этот лукавый взгляд, эти полные смеха глаза...

Юля поерзала, удобнее устроившись на крепких шауринских ягодицах. Собранные волосы снова выскользнули из узла и рассыпались по плечам. Мешают. Убрать бы их основательно, да не хотелось прерывать свое столь приятное занятие.

— Будет тебе специальное. И букет красно-белых роз. Сто штук. Как ты любишь. — Голос ровный, дыхание спокойное, глаза закрыты. Юля едва касалась кожи.

— И дом на берегу моря? — Принялась с воодушевлением проминать ему плечи. Может и не совсем правильно, конечно, не профессионально, но Денису нравилось. Это самое главное.

— Хоть на Северном полюсе.

— Не надо мне на Северном полюсе. Я хочу на берегу моря.

— Будет тебе на море.

— И еще один, где-нибудь поближе к родителям.

— Ни за что на свете. Чем дальше от твоих родителей, тем лучше. Желательно в другом городе, а лучше всего в другой стране.

— Блин, а все так хорошо начиналось, — шутливо изобразила разочарование. — Шаурин, у тебя, случаем, не температура? Это же ужас какой-то, ты на все согласился. Почти на все.

— Точно, — чуть шевельнулся, согнул руки в локтях и подложил ладони под подбородок. — Наверное, уже успел подхватить какую-нибудь экзотическую лихорадку.

— А, может, это любовь?

— Может. А еще — чересчур жаркое солнце, ничегонеделанье, тишина, алкоголь и много секса.

— Да, когда я сверху, ты на все согласен. А если серьезно, не думала, что ты сможешь вот так оторваться от всего. Нам с мамой, например, всегда очень трудно было оторвать отца от его дел.

— Я себе поклялся, что буду вести себя как животное: только есть, пить и заниматься с тобой любовью. И все.

— Да, — засмеялась Юля, — ты очень стараешься следовать задуманному. И мне это нравится.

— Мне нужен отдых, я не хочу шляться по экскурсиям, не хочу жить в шумном отеле, не хочу валяться на пляже со всеми.

— Все правильно, у нас всего десять дней. Если мы будем шляться по экскурсиям, то мне нечего будет вспомнить.

Теперь засмеялся Денис. Юлька сползла с него и завалилась рядом на бок.

— Пить хочешь?

— Умираю от жажды.

— Будешь лимонад?

— Нет, там на столе мой остывший зеленый чай. Я допью.

— А, может, шампанского?

— О, нет, — отказалась. — Шампанского точно нет. А то мне свою печень придется здесь оставить.

Денис поднялся с кровати. Не очень быстро и совсем неохотно, но оторвался от белоснежных простыней, к которым, кажется, прилип в истоме, и ушел на кухню.

Юля повернулась на живот и с тоской подумала, как трудно будет покидать это чудесное место. Этот маленький мир, утопающий в пышной экзотической зелени и пронизанный чувством бесконечного единения.

Они жили на вилле — изолированно от внешнего мира и далеко от городской суеты. Сама атмосфера дома, его интерьер, наполненный Балийскими артефактами и этническими мотивами, еще больше подчеркивали оторванность от реальности. Такое необычайно приятное уединение. И такое долгожданное.

Денис все так быстро устроил, что Юля до самого последнего момента не могла поверить в происходящее. Все ждала какого-то подвоха. Какой-нибудь неожиданности, которая нарушит их планы. Но нет. К ее бесконечному счастью, ничего такого не случилось. И вот уже несколько дней они принадлежали только друг другу, и никто не нарушал их покой. Кроме обслуживающего персонала. Да и то в первой половине дня.

— Держи. — Поставил чашку с чаем на тумбочку и лег так же — лицом к выходу во внутренний дворик, прямиком к бассейну. Горящие по периметру фонари заливали открытую спальню приятным желтоватым светом. Раздвинутые стеклянные двери впускали много воздуха; заблудший ветерок то и дело шевелил, присобранный над кроватью, белый балдахин.

— Какой у меня очаровательный официант.

— Всегда к вашим услугам. Расчет натурой.

— А скидки имеются?

— Нет, у меня жесткая ценовая политика, никаких скидок.

— Жаль, — притворно разочарованно вздохнула, — я так хотела схалтурить.

— Никак не получится.

Юля в несколько глотков допила свой чай и, вернув чашку на место, снова придвинулась к любимому. Легла на бок и подложила руку под голову, вплела пальцы в свои спутанные волосы.

— Помнишь, когда мы поехали в деревню к бабушке, и ты с нами? В первый раз. Потом гуляли по бору, я тебя еще укусила.

— Конечно. Почему ты сейчас вспомнила об этом?

— Просто на ум пришло. Это так давно было. Кажется, в другой жизни. Я так тебя боялась тогда.

— Боялась?

— Конечно.

— Глупая, — улыбнулся. Нежно и тепло. Такой улыбкой, которая ее всегда смущала. — Теперь не боишься?

— П-фф... Теперь не дождешься. Чего мне тебя бояться? Я же твоя Конфе-е-етка, — протянула с выражением, — я же не твой конкурент или противник. В твои дела не лезу, никогда ни о чем не спрашиваю.

— Поверь, Конфетка, я очень не против, что ты не суешь нос в мои дела. Меня это вполне устраивает.

— Но ты смотри, если тебе помощь нужна какая-нибудь, — обращайся. Вдруг тебе понадобится какой-нибудь левый фонд создать. Я достаточно знаю о всякого рода финансовых махинациях.

Взгляд Дениса перестал быть ленивым.

— И кто же тебя снабжает такой информацией?

— Дядя Юра, — довольно улыбнулась Юля. — На Лиле природа отдохнула, а Юрик у нас голова. Жалко, что такое наследство канет в лету.

— И ты учишься у Юрика всяким махинациям... обалдеть. Нет, спасибо, дорогая, давай твоя совесть останется кристально чистой. У меня хватает своих умельцев.

— Я не учусь. Это маленькие дети учатся на горшок ходить, а я овладеваю знаниями. — Тут Юля засмеялась: — Да расслабься ты. Я ни с кем не вступала в преступный сговор, просто я кое-что знаю. Дядя Юра, скажем так, углубляет мои знания.

— Я всегда говорил, что ты опасный человек.

— Конечно, опасный. Меня нельзя выпускать в мир в виду моего искаженного сознания. И мировоззрения. Я же дочь криминального авторитета. Некоторые вещи, которые для других из ряда вон выходящие, для меня — обычное дело.

— В этом я даже не сомневаюсь.

— Но в основном, конечно, подобные дела мы в семье не обсуждаем. Так заведено отцом. И мы с матерью этот порядок не нарушаем. Хотя порой мне кажется, что отец перегибает палку. Забывается.

— Что значит – забывается?

Незаметно Юля подошла к вопросу, который ее очень волновал. Подумалось, может, сумеет она как-то спровоцировать Дениса на откровенность. Хоть частично.

— Действует, слишком безапелляционно, радикально. Он переносит свое давление на нас. Вмешивается, почему-то думая, что у него на все есть неоспоримое право. Взять хотя бы наши с тобой отношения. Понимает же, насколько все у нас серьезно, почему он сватает какого-то непонятого жениха? Неужели ему этот человек ближе, чем ты? Я не верю. — Денис молчал, но Юле хотелось, чтобы заговорил, сказал наконец, что думает обо всем этом. — Не молчи. Ты с ним бок о бок много лет, что-то же ты можешь сказать по этому поводу.

— Хочешь знать, что я думаю о твоём отце?

— Угу, — кивнула.

Денис приподнялся на локтях. Задумавшись, прикусил губу, обратил взгляд на бассейн, словно ловя случайные блики на недвижимой глянцевой глади.

— Понимаешь... — начал не то чтобы неохотно, но тщательно подбирая слова, — для тебя он отец, ты смотришь на него изнутри — глазами дочери. А для меня он — система, состоящая из определенных черт, свойств, качеств характера, принципов и жизненного опыта. Эта машина, которая формирует, держит... руководит целой социальной прослойкой и не одной — от низшего звена до высшего; от подчиненных, исполнителей, до авторитетов, политиков. Сергей Владимирович Монахов — это устойчивая внутренняя система, со своими законами и механизмами взаимодействия. Представь этот масштаб. Каких уступок ты от него хочешь? — Теперь Юля задумалась, не спеша отвечать. — А ты его нутро, — добавил Денис. — Ты семья. Он тебя бережет. И я, точно так же, как и он, берегу свое нутро — свою семью.

— А я к чему отношусь — в твоём случае? — тихо спросила, почти шепотом. И дыхание затаила для самой себя незаметно.

Денис пригнулся к ней и сказал на ухо вполголоса, будто боялся, что кто-то еще услышит:

— Ты мое сердце, тебя я берегу особенно.

Юлька замолчала, заливаясь румянцем удовольствия. Всего минута — богатая на чувства и бедная на слова. Мгновенье — от ощущения его губ на чувствительном месте за ухом и собственным вздохом.

— Кстати, о семье, — вспомнила Юля. — Слушай, мы как раз вернемся к Таниному дню рождения. Давай ей какой-нибудь сюрприз устроим.

— Танюхе-то? Устроим... обязательно устроим.

— Например, ужин в ресторане. Соберем большую компанию. Лёньку, Стаса, Вадьку...

— Не забывай про нашу «мелочь». Надо организовать настоящий сюрприз, чтобы порадовать и маму, и ее любимое чадо.

— Тогда у Катюхи в ресторане наберем еды, а потом завалим к Таньке с шариками и мягкими игрушками. Торт я заранее закажу.

— Вот именно. Иди надевай свою длинную юбку. Вон ту оранжевую. Пойдем прогуляемся, поужинаем.

— И белую майку.

— И белую майку. И губы накрась оранжевой помадой. У тебя есть такая.

— Этот цвет называется морковный.

— Какая разница?

— Разница огромная. А ты надень белые штаны.

— В белых штанах только по Рио-де-Жанейро.

— Почему только по Рио?

— Мечта у меня, как у Остапа Бендера. В белых штанах по Рио-де-Жанейро.

— Хорошая у тебя мечта. А главное — сбыточная. А после ужина что?

— А после ужина мы будем тратить лишние калории.

— Будем наматывать круги по бассейну? — невинно поинтересовалась.

— Можно и в бассейне... секса в бассейне у меня еще не было.

— Тогда зачем помада? Ты же не любишь целоваться с помадой.

— А это еще одна моя сбыточная мечта, — усмехнулся, переворачивая Юлю на спину. — Мы не будем целоваться. Ты будешь меня целовать, хочу быть весь в помаде.

— О, да! — засмеялась Юля, догадавшись, на какие эротичные ласки он намекает. — Чтобы эта мечта сбылась, тебе даже белые штаны надевать не надо. Вообще никаких не

надо... — Через тонкую ткань Денис слегка прикусил ее грудь. — Кажется, накрылся наш ужин...

— Рестораны работают всю ночь...

Ее рубашка полетела на пол.

ГЛАВА 46

— Кто там? — настороженно спросила Таня, посмотрев в глазок. Кто за дверью, не разобрала. Почему-то свет на площадке не горел, хотя вчера сама лично вкрутила новую лампочку.

— Это у вас велосипеды за мальчиков дают?

Услышав Юлин голос, Таня тут же открыла дверь, выражая свою бурную радость придушенным писком. Кстати говоря, на площадке было светло. Просто кто-то предупредительно прикрыл глазок, чтобы запутать именинницу. Это точно была не Юля: ее руки заняты огромным тортом.

— Я уже думала: меня так никто и не поздра-а-в-и-т! — Татьяна распахнула дверь и посторожилась, впуская в квартиру большую шумную компанию.

— Обижает сестра, — сказал Денис, — держи. А то я как Винни-Пух чуть к тучкам не улетел, — вручил Тане связку цветных воздушных шаров. — Поздравляю с днем рождения, желаю счастья в личной жизни!.. Это если коротко, все дифирамбы позже.

— А сказал, что праздновать будем в выходной, что все вы жуть как заняты. — Таня обняла брата и прижалась к нему крепко-крепко. Не могла отпустить его некоторое время: нужно было совладать с собой, потому что слезы уже подступили, затуманив взор. Денис стиснул сестру сильнее. Успел заметить влажный блеск в ее глазах. Тане, чтобы расчувствоваться до слез, много не надо...

— Фух, — молодая женщина наконец выдохнула и оторвалась от мужской груди.

— А мы тебя специально запутали, — ухмыльнулся Вадим, сгружая на именинницу цветы, мягкие игрушки и коробки в блестящей обертке.

— Ты бы знала, как я себя сдерживала целый день, чтобы не позвонить тебе и не проболтаться! — Юля сбросила туфли и поспешила на кухню, чтобы освободиться от тяжелого торта.

— Ничего себе сюрприз! — воскликнула Таня и суетливо забегала по квартире в поисках большой вазы. Такой большой, чтобы вместить все подаренные розы, естественно, не нашлось. Поставила в гостиной один букет, для других набрала воду в ванну.

— Сестра, хорош голосить! — крикнул Денис. — Приняла подарки — теперь раздавай поцелуи. Малявочка, а ну-ка иди сюда, — позвал Настю. Она несмело выглядывала из-за двери в детскую, но услышав его, выскочила из комнаты и бросилась в объятия любящего дядюшки.

— Черт, а я сегодня небритый и без тельняшки. Все равно можно, да? — состроив гримасу, Лёня поскреб небритый подбородок. Подпер плечом косяк, в ожидании пока Таня покончит с цветами и даст ему возможность помыть руки.

— Можно и Машку за ляжку, и козу на возу, — тут же выдал ему Денис, поднимая Настю на руки.

— Я чур первый в очереди, — присоединился к разговору Вадим.

— Капитан, ты в очереди на Машку или на козу? — заржал Лёня. — Я, кстати, вот так

по-крупному с ментами водку никогда не пил.

— А ты думаешь менты как-то по-другому водку пьют? — усмехнулся Вадим.

— Да так же и пьют, как мы. Пьют как собаки.

— Блин, — Таня сорвала с крючка полотенце, поспешно вытирая руки, — ну вы бы правда хоть намекнули, что приедете. Я даже не одета, не говоря уже о том, чтобы стол накрыть, — бросила на себя критический взгляд: футболка и шорты — не очень праздничный наряд.

— А мы порядочные гости — ходим со своим, — Стас растянулся в белозубой улыбке.

— Ну все, — Таня счастливо улыбнулась, — теперь я готова раздавать поцелуи. — Вадя, ты первый, я помню...

— Танюха-а-а... — Лёня последний раскинул руки, чтобы потом сжать в них стройную фигурку Татьяны.

— Ты как Брежнев, — засмеялась Таня, расцеловавшись с ним по три раза в обе щёки.

— Скажи спасибо, что я тебе уши не надрал.

— Спасибо, дорогой! Ой, спасибо!.. — шутливо отвесила поклон.

— Так, сестра, подожди, — задержал Танюшу, подхватив за локоть. — У меня еще один презент. И наряд твой как раз кстати, — знающим и одновременно хитрым взглядом окинул Таню с ног до головы. — И даже не думай переодеваться!

— Лёня, не дай бог ты мне подаришь пионерский галстук!

— *Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд!*.. — зачитал часть пионерской речевки, вытаскивая из кармана пиджака алый кусок ткани. — Танюха, это тебе, — повязал ей на шею галстук. — И не снимай. Знать, судьба у тебя такая судьбинушка! Быть тебе пионеркой, раз ты в День Пионерии родилась. Так и будем с тобой водку пить: ты в галстук, а я... а я просто так.

— Стоять... Давайте я вас щелкну. Фото для семейного альбома, — тормознула возле парочки Юля.

— Не надо меня щелкать. Я, можно сказать, только жить начинаю: на пенсию вышел, — проговорил Вуич голосом почтальона Печкина.

— Улыбочку... — Юля сделала желанный снимок и убежала.

Это был единственная постановочная сцена, остальных она фотографировала без предупреждения. В кадр попали все: Настя, которая притихла в материнской спальне и с упоением избавляла подарки от праздничной упаковки; Денис с Вадимом, раскладывающие большой обеденный стол в гостиной; Стас, который решил помочь на кухне, почему-то взявшись за нарезку колбасы и сыра, пока Татьяна возилась с закусками.

Наконец уселись за стол. Казалось, что огромная комната нагрелась от нетерпеливого ожидания. От шуток и анекдотов, порой пошлых, — а как иначе в практически мужской компании.

Настя почти перестала стесняться, хотя вела себя тихо и толком не разговаривала.

— Настюш, пойдем к нам, — позвала Юля.

— Насть... — Денис похлопал себя по бедру.

Но девочка проигнорировала их приглашение. Сделала вид, что ничего не слышит. Невозмутимо пристроила большого плюшевого медведя у Лёни на колене.

Дело привычное. Денис всегда переставал существовать для Насти, если рядом с ним находилась Юля. Никак не могло детское сердечко смириться с такой несправедливостью.

— Че, медведя кормить будем? — Вуич взял девочку на руки. Та довольно кивнула,

тряхнув светлыми локонами.

— Настя, доча, иди сюда, не мешай Лёне!

— Тань, тащи еще одну тарелку, у нас медведь оголодал, — шутливо потребовал Вуич и сказал спокойнее. — Да ладно, пусть посидит.

— Ладно, — смирилась Таня, — все равно ей скоро спать уже.

Медведя, конечно, кормить не стали, убрали, устроив в углу дивана. Зато Настя решила полакомиться с Лёниной тарелки, стащив с нее кусочек соленой рыбы.

— Настя! — Таня тут же бросилась вытирать запачканные руки дочери салфеткой.

— Вот бывают же люди до чужого добра жадные, — нарочито возмутился Вуич и отмахнулся от Таниной помощи. — Слушай, мать, отстань ты уже от нас, дай нам поесть спокойно!

Беспокойная мамаша слегка утихомирилась, но Настю из виду не выпустила.

— Дочь, меня уже сейчас тревожит твоя судьба. Из всех более-менее приличных мужчин ты выбрала именно дядю Лёню.

Комнату взорвал дружный смех. Поддержав всех, малышка тоже громко засмеялась и захлопала в ладоши.

— Вот спасибо, Танюша! Так приятно быть более-менее приличным мужчиной, — утешился Вадим.

— Настенька, прыгай на пол и беги от этого охломона подальше! Беги к дядьке он спасет! — посмеялся Шаповалов.

— Ничего вы не понимаете, — разулыбался Лёня.

— Мы-то прекрасно все понимаем, да, Танюх?.. — Это ж все твоя ко... женолюбивая сущность работает, — не удержалась Юля от иронии.

— Да. Ну люблю я женщин, что поделать. А главное, женщины меня тоже любят. Ты их не слушай, очаровашка, — погладил Настю по голове, — они тебе просто завидуют, бабы эти неугомонные.

— Так, прошу минуту внимания, — Денис постучал вилкой по хрустальному бокалу и поднялся.

— Тихо всем, — скомандовала Таня, — сейчас мне брат будет речь говорить. Я тоже встану, не могу сидеть в такой момент, — поднялась и поправила падающие на плечи волосы. Так и осталась хозяйка вечера в футболке цвета салатной зелени, джинсовых шортах и алом пионерском галстуке.

Денис окинул сестру долгим взглядом: фигура тонкая стройная, даже ключицы чуть выпирают; голубые глаза блестят радостно; губы, розоватые от вишневого сока, растягиваются в улыбке, а не опускаются разочарованно.

— С днем рождения, Танюша. Счастья, удачи, мира в доме, здоровья... С этим все понятно, но сейчас я буду говорить о другом. О том, что мне хочется подарить тебе кевларовый бронезилет. — За столом раздались смешки, но Денис не поддержал улыбок, а сделал паузу, набрав полные легкие воздуха. — Я не шучу. Потому что я недавно понял, что с таким большим и добрым сердцем, как у тебя, жить невероятно трудно и опасно. Хочу, чтобы ты стала чуть-чуть эгоисткой. Ровно настолько, чтобы оставаться собой, но научиться себя беречь. Я тебя люблю, сестра, вот такую настоящую. И давай, что ли, по водочке. Слезами шампанское не запивают. Слезами можно запивать только водку.

Таня только и смогла, что кивнуть. Душили слезы. Вадим подставил ей рюмочку на ножке. Татьяна выпила ее залпом и не поморщилась. Никогда не имела ничего против

водочки в хорошей компании и с хорошей едой.

— Ну все, — глубоко вздохнула и помахала у себя перед лицом ладонью. — А теперь есть, пить, гулять, веселиться...

— А что мы будем делать с самым младшим членом-корреспондентом нашей маленькой редколлегии? — спросил вполголоса Вуич, указывая взглядом на спящую Настю.

— Пойдем, уложим ее в кроватку. Сможешь вместе с ней подняться?

— Естественно, — чуть не оскорбился Лёня, услышав в голосе Тани сомнения. Осторожно встал со стула, чтобы не потревожить малышку.

— Она спит крепко. Можно хоть из пушек палить. Это до года я практически ночей не спала, а сейчас отбой в девять вечера и хоть на ушах стой.

— Вадим, покурим? — предложил Стас.

— С превеликим... — согласился Бардин, выбрался из-за стола и потянулся. — Давай еще этого женолюбителя возьмем, — поддел вернувшегoся Вуича.

— Я за любой кипиш. Еще не знаю, куда, но я согласен.

— Я с вами подышу, — присоединился Шаур.

— Вот никак не пойму, за каким ей тут «Три богатыря»? — проговорил Вадим, задумчиво глядя на большую картину на свободной стене.

— Не «Три богатыря», а «Богатыри», — поправил Денис, тоже замерев напротив масляной копии известного полотна кисти Васнецова. Вздохнул, вспомнив сколько нервов потратил, чтобы достать приличную копию. Хотя с сестры станется, она и фотообои бы наклеила, и не поморщилась. — А хрен ее знает, зачем и почему. Это ж Таня. Захотелось ей.

Согласен был с другом. Картина эта очень выбивалась из общего интерьера квартиры, явно не соответствуя выбранному современному стилю с прямыми линиями мебели и глянцевыми поверхностями. У Тани в квартире много было таких вещей, на первый взгляд, нелепых, но важных для нее.

— Эх, горе-академики! — посмеялся Вуич. — Непонятно им — зачем тут «Богатыри». Что тут непонятного... Пошли курить.

2001 г., август

Шаурин медленно опустил бегунок молнии тонкой кожаной куртки, чувствуя на сестру легкое раздражение. Та встретила его в махровом халате. Не то чтобы Денис против халата, но рассчитывал, что сестра будет готова к его приходу и ему не придется задерживаться.

Таня сухо улыбнулась. Сухо и без души, словно в это ранее утро улыбаться не полагалось. Обняла брата, прижалась губами к его гладко выбритой щеке, от лосьона терпко пахнущей. Они давно не виделись, а повод выпал безрадостный. Ее плечи зябко дрогнули, но она быстро отстранилась. Раздражение Дениса тут же опало — как скатилось. Руки сестры пахли кофе. Сколько ж она его выпила?.. Наверное, после того как позвонила ему в три часа ночи, сообщив, что мать умерла, и не ложилась больше. Наверняка не ложилась. Сидела на кухне до утра, тихонько подсаливая слезами черный кофе.

— Тань, только давай побыстрее, — поторопил Денис.

— А я никуда не собираюсь ехать, — возразила Таня и туже затянула пояс халата, словно подтверждая свои намерения.

— В смысле? — переспросил Денис, не скрывая удивления.

— В прямом, — Таня равнодушно пожала плечами. — Я на похороны не поеду. Мать для меня умерла три месяца назад. А ради приличия плакать я не буду — наплакалась уже. Надоело мне быть хорошей. Могу я хоть раз в жизни совершить неправильный поступок?

— Только давай сейчас обойдемся без этих доморощенных страстей.

— Не груби.

— Да я вежливый, как стюардесса, — с усмешкой возразил. Да и так, будто — то ли усмехнулся, то ли съел что-то горькое. — Таня, надо было мне так сразу и сказать, что не поедешь. Я бы не заезжал за тобой, не тратил время.

— Ты не спрашивал, поеду я или нет. Ты просто сказал, что заедешь...

И правда ведь не спрашивал, потому что считал вопрос решенным. Разговор у них состоялся короткий. Таня рассказала о смерти матери, ответила на вопрос: «Когда это случилось?». И получила в ответ равнодушное: «Заеду в семь». А что еще говорить?.. Как жила мать всю жизнь в пьяном угаре, так и смерть свою встретила.

— Ладно. О чем спор... Не хочешь, как говорится, воля твоя.

Спорить не собирался, возмущаться — тем более. Так даже лучше, потому что планировал лишь заплатить ритуальному агентству за организацию траурного мероприятия, а присутствовать на похоронах не хотел — в своем сердце давно уже мать похоронил. Шаурин понимал, почему Таня решила никуда не ехать. Вот только не мог уяснить для себя, отчего именно такой момент выбрала — не самый удачный, для того чтобы ставить в жизни новую точку отсчета.

— Давай кофе попьем... — попросила сестра. Именно попросила — и взглядом, и голосом.

Денис задержался с ответом. Не хотел же тратить время — не до кофе сейчас. Нужно быстро разделаться со всем этим и заняться своими делами, которых, как обычно, по горло. Но глянул на сестру: на лицо ее, стянутое напряжением, на плечи, будто не в домашний халат укутанные, а скованные железными доспехами. Это для него после смерти матери ничего не изменилось, а вот для сестры — еще как.

Слабые духом люди иногда способны на удивительно сильные решения. Только идут они к этим решениям долго. Тане для своего — немало времени понадобилось. Нет, не для того, конечно, чтобы к матери на похороны не пойти, а для того, чтобы отступить от принятых ориентиров — перестать верить во вселенское добро.

Денис вдруг испугался, что сестра совсем разочаруется, окончательно утратит свою очаровательную наивность и редкую душевную доброту.

— Давай попьем, — быстро сказал он сбросил куртку.

Нет, кое-что изменилось и у него. Чувствовал Шаурин какое-то облегчение и внутреннюю свободу. Дышалось легче, потому что на все вопросы о матери теперь можно отвечать коротко: «Она умерла».

Напряжение этого пасмурного утра и к вечеру не сошло. Монахов вызвал Шаурина к себе. Разговор шел тяжело. Все чаще в вопросах координации совместных действий мужчины вступали в противостояние. Сегодняшний вечер не исключение.

— А я думаю, что нужно их прижать, — уверенно сказал Сергей Владимирович. — И прижать серьезно. «Рынок» надо держать жестко. Иначе все, кому не лень, начнут направо и

налево ракетами торговать.

— Нельзя делать это открыто, — не согласился Шаур, бесстрастно глядя ему в глаза, ничего не выражая. — Не стоит. Время громких акций давно прошло, уже не «девяностые», когда неугодных пачками валили во имя порядка. За каждой «шестеркой» человек стоит. Прижать можно и нужно, но по-другому: через суды, милицию, прокуратуру, администрацию. Перекрыть кислород со всех сторон. Прессинг нужно возложить исключительно на власти, а не на наемников.

— Здравая мысль, слава богу, рычагов влияния хватает, — поддержал Юрий. — Экономическая ситуация в стране меняется. Нужно подстраиваться под новые условия. Сергей, все рвутся в политику, мы тоже должны разделять эти интересы.

— Я перед этими политиками раком никогда не стоял и впредь не собираюсь!

Шаурин тягуче вбирал в себя воздух. Медленно. До тех пор, пока легкие не заломило от переизбытка кислорода.

— Сергей Владимирович, никто не говорит про «раком»... Но если вы будете действовать грубо, то это может не понравится Лазареву. А если это не понравится Лазареву, он сменит «смотрящего».

Глаза Монахова недобро блеснули. Неосторожное замечание Шаура его порядочно разозлило. Но злился он только глазами: плотно сжатые губы и напряженные щеки делали его лицо каменным.

— А ты, я смотрю, много знаешь. С Лазарем совсем на короткой ноге.

Губы Дениса сами дернулись в ироничной улыбке.

— Знаю я столько же, сколько и вы. И вижу его настроение. Беспорядки в регионе ему не нравятся. Он очень заботится о своем имидже и не признает блатных понятий. А что до «короткой ноги», так разве это секрет? Даже странно слышать, после того как мне лично пришлось отрабатывать его поощрение удара по «веселовским».

— Долги надо отдавать, ты же сам понимаешь.

— Понимаю. А то я не представлял, во что мне выльется эта инициатива... — как будто невзначай махнул пальцами, сбивая невидимые пылинки с рукава рубашки, — не то серой, не то синей, скорее, сизой, цвета голубиноного крыла. Случайный жест, но даже в нем чувствовались обузданная сила и собранность.

— С «веселовскими» ты тогда особо не церемонился.

«Веселовские» просто к слову прились. Но Сергей Владимирович мог еще не один случай привести, когда Денис не действовал так лояльно, как предлагал сейчас.

— У меня был личный мотив. Под личный мотив я могу полгорода подчистить. А если его нет, незачем руки марать. Есть масса других методов.

— Завтра пошли людей и сделай, как я сказал, — настаивал на своем Монахов.

Взгляд Шаура стал неподвижным, потяжелел. Монахов сначала не заметил перемены в его настроении, потом переспросил:

— Ты меня понял?

— Я не хочу входить в конфликт с Лазаревым. Он и без того сейчас напряжен. Обстановка и так накаленная. Я могу через Крапивина...

— Ты подчиняешься мне, а не Лазареву! И будешь делать то, что я тебе прикажу!

Шаурина тихо взорвало. Монахов не заметил его тайного раздраженного вздоха.

— Вы ничего не перепутали, Сергей Владимирович? Рабство уже давно отменили. Я с вами не из-за денег. И не из-за «боюсь». А вы меня никак понять не хотите... — казалось,

сожалая, сказал Денис. — К слову, Лазарев совсем не против, если я стану с ним работать еще теснее. У него как раз «кадровый дефицит». Он мне уже пару раз предлагал в Москве осесть...

— Не боишься прыгать выше головы?

— А я прыгать не собираюсь. «Голову» можно обойти, — четко проговорил Шаурин и вдруг поднялся, словно его вытолкнули из кресла. Понимая, что конструктивный разговор окончен, стянул со спинки свой пиджак.

— Сергей!.. — попытался прервать брата Монахов-младший. Все это время он наблюдал за двумя мужчинами, то и дело передвигая по поверхности стола золотую зажигалку.

Но Сергей лишь отмахнулся от него и продолжил:

— Если станешь работать с Лазарем «еще теснее», — намеренно выделил последние слова, повторив за Денисом, — имей в виду — это другой уровень. У тебя не должно быть никаких личных связей.

Но Шаур молча натягивал на плечи серый твидовый пиджак с таким видом, будто надеть его и разгладить на нем складки было много важнее, чем внять словам Монахова. Давно зреющее решение вдруг четко оформилось, обрело плотность. Как будто раньше логики не хватало. Или смелости. А сейчас все сложилось, срослось. И каждое слово Монахова уже не удар в спину, а толчок к действию.

— Если хочешь, я могу сам с Юлей поговорить, — Монахов точно за ногу у двери хватал, кусал напоследок. Но снова не получил от Шаура ожидаемой реакции. Неоткуда было взяться той реакции. Слова бились об него не проникая в сознание. Полон был уже.

Юра сверлил брата яростным взглядом, нервно сцепив пальцы.

— Не пожалеешь? — уже практически стоя на пороге спросил Шаур.

— Я тебя предупредил.

— Сергей, ты идиот! — вскричал Юра, как только шаги Шаура затихли в коридоре.

— Юра, не лезь!..

— Я не лез, пока ты держал себя в рамках! — оборвался, чтобы перевести дыхание. — Ты совершил одну очень важную стратегическую ошибку — допустил Шаура к себе слишком близко.

— Это можно быстро исправить. Один мой звонок — и он до аэропорта не доедет.

— Один его звонок — и ты не выйдешь из этого кабинета! И я тоже... Зачем нужно было настраивать его против себя! И брось ты про то, чтобы убрать его. Лазарь тогда тебя точно сменит. А знаешь, как «смотрящих» меняют? — только через кладбище. Какое-то время я понимал тебя, потом перестал. Чего ты добивался?

Монахов вскочил с кресла. Если бы в кабинете были окна, то он уставился бы в одно из них. А так взгляд некуда деть. Что разозлило еще больше. Вот и застыл неловко у края стола. Сунул руки в карманы брюк, чтобы как-то подтянуться.

— Не всегда для достижения поставленных целей достаточно одной только воли и амбиций. Нужна еще хорошая доля агрессии.

Юра рассмеялся с некоторой обреченностью.

— А ты думаешь в нем агрессии было мало? — рассмеялся еще раз, так же невесело, с мрачной иронией. — Да ты в него ее еще столько влил, что как бы все против тебя теперь не обернулось. Против нас.

— Шаур просто вышел из-под контроля.

— А был он — у тебя под контролем?

Когда у Юли зазвонил телефон, Денис напрягся до отвращения. Он только-только глубоко втянул в себя воздух, так что под лопатками закололо, чтобы выдохнуть его со словами и начать наконец разговор, который все никак не решался начать. Позавчера, вчера... И чем дольше медлил, тем мягче становилась воля.

Ответив на звонок, Юля вышла из гостиной и вернулась со стаканом апельсинового сока. Только приехала, не стала переодеваться в домашнюю одежду, оставшись в узких джинсах и тонкой махровой кофточке, — надеялась вытащить Дениса прогуляться, пока стоят теплые предосенние дни.

— Чего это у тебя такой бардак? — пристроила стакан на край столика, заваленного документами, и уютно вжалась в угол дивана.

Денис бросил авторучку поверх бумаг и, чуть подавшись вперед, сцепил пальцы в замок, уперев локти в колени. Повернул голову.

— Мне нужно уехать.

Бурной реакции не последовало. Разве что грусть легкой тенью легла на красивое лицо любимой. Оно и понятно: он часто уезжал — чему тут удивляться.

— Куда? — спросила и принялась салфеткой промакивать помаду на губах. Этот вопрос тоже был привычный, сказанный обыденным тоном безо всякого выражения.

— В Москву, — встретил ее взгляд внешним спокойствием.

Однако что-то незнакомое промелькнуло в его серых глазах, заставив Юлю преждевременно занервничать.

— Надолго? — Теперь только распознала это чувство, притаившееся в темных зрачках Дениса. То был страх — страх остаться непонятым. Это напрягло, и чуть-чуть разозлило, словно он поймал ее на нехорошей мысли, а ведь она еще не успела ничего такого подумать. Всего лишь спросила, надолго ли он уезжает.

— Не знаю.

— Как не знаешь? — удивилась. Даже слегка усмехнулась, но усмешка ее быстро слетела с губ. Потому что Денис не улыбался. Не улыбнулся, не скривился недовольно, не отшутился мрачно, так и сидел закаменев и глядя на нее каким-то не своим взглядом. Оттого в желудке зародилось неприятное предчувствие, похожее на застарелую гастритную боль. Осторожно Юля начала отсчитывать время: — Неделя? Месяц?.. — Почему-то стало не хватать воздуха. Может быть, потому что он не остановил ее. — Полгода? Год?.. — последнее добавила для «ровного счета», как самый маловероятный вариант.

— На неопределенное время. — Прозвучало как «навсегда».

Почувствовала, как в одно мгновение холод сковал все тело, как заледенели пальцы от подступающего непонимания. Того самого, которого боялся Денис. И храбрилась бы еще, если б не то самое выражение в его глазах и иной тембр голоса. От которого вдруг захотелось заплакать. Плакать, не разобравшись, не зная толком, в чем суть.

— Я всегда знала, что ты что-то не договариваешь.

Он отвернулся и посмотрел в мелькающий экран телевизора.

— Тот, кто говорит все, что думает, обычно ничего особенного не думает. — Тут Шаурин оживился, потер ладонями лицо, словно умылся без воды, откинулся немного назад,

чтобы видеть Юлю. — Я по-другому планировал, но сейчас обстоятельства складываются именно так. Мне нужно уехать.

— А что ты планировал?

Сначала не хотел ничего говорить о конфликте с Монаховым. Потом передумал, потому что не представлял, как сможет через время все объяснить. Это будет еще более убедительно и расплывчато, чем сейчас.

— Я планировал, что со временем мы с Сергеем Владимировичем придем к согласию, но оказалось наоборот.

— Я не понимаю, Денис, — отчаянно прошептала она. — Не понимаю...

Что он мог ей сказать? — что если не уедет, то вступит с Монаховым в открытое противостояние, и тогда головы полетят? — не мог он ей этого сказать. Никак не мог. Хотя самому уже надоели эти бесконечные недосказанности и недоговоренности. Хотелось свободы во всем — в словах и в действиях. В отношениях с Юлей хотелось полной свободы.

— Мы с ним перестали понимать друг друга.

— Денис! «Перестали понимать...» — говорят про мужа и жену, которые со временем надоели друг другу. Да и тут все просто: понимание исчезает, когда люди перестают любить. А ты говоришь про моего отца! Вы что с ним — никак не можете поделить сферы влияния?

То, что Денис носит документы в портфеле от Версаче, еще не говорит о чистоте его морального облика. Юля прекрасно осознавала, каким чудесным образом он за короткое время смог сосредоточить в своих руках такую власть.

— Можно и так сказать, — мрачно согласился он, ничуть не удивившись ее прямоте. — Не только сферы влияния. Тебя тоже. И никогда не могли... — нелегко давалась такая откровенность. Но позже в этом разговоре не будет никакого смысла, а так есть надежда, что она со временем примет это. Рука ее замерла, застыла, запутавшись в волосах. Губы полуоткрыты — вот-вот с них сорвется какое-то слово. — Юля, я буду приезжать. Нечасто, но буду. Но сейчас это самый лучший вариант.

— Для кого лучший? — вскричала она, внезапно сбросив оцепенение. — А меня ты спросил? Ты и за меня решил, что так будет лучше?

Он мечтал бы очутиться сейчас в толпе. Среди народа. Может быть, в шумном парке или на текучей набережной, — там, где голос можно приглушить и разговор оборвать. Где можно иногда промолчать, недосказать, потому что нет интимности и уединения, потому что люди вокруг мешают и есть возможность отделаться незначительными фразами. Тогда ее точные вопросы не будут вонзаться в него, как стрелы, и слова такими колкими не будут. И на задуманное точно хватит сил.

— Юля, у мужчин другая планида. Мы иногда вынуждены принимать жесткие решения. И думать за других. Жертвовать своими чувствами. Не могу я всего тебе сказать. И не потому что не хочу, а потому что ситуация зашла так далеко, что просто не знаю, с какой стороны начать тебе ее обрисовывать. Не могу я допустить, чтобы он и дальше играл на моих... эмоциях. Мне это слишком дорого обходится. Я же не уезжаю навсегда, я вернусь, — убежденно сказал он.

Она пристально всматривалась в лицо любимого мужчины, обегала взглядом щеки, губы. Снова замерев, смотрела на него немигающим задумчиво-отстраненным взглядом, словно в уме решала какую-то сложную задачу. Словно ждала, что вот-вот к ней придет ответ.

— А ты система, Шаурин, — наконец тяжело сказала она, — такая же, как мой отец.

Только он этого не понимает. А я в этой системе механизм, который работает неправильно, да? Я мешаю тебе функционировать нормально, и ты хочешь от меня избавиться. Оказывается, все просто до безобразия. А сам отъезд – это не смертельно. В этом нет проблемы, можно хоть каждую неделю летать друг к другу. Бывает, люди на два города живут, даже на две страны. Сложно, но живут, встречаются. Проблема в том, что тебе это не нужно, тебе сейчас нужно от меня избавиться. И знаешь, — подытожила она, но ее голос предательски дрогнул и ослаб, — я тебя отпускаю. Совсем. Я на твоих чувствах играть не буду. Потому что я, как никто другой, знаю, что это бесполезно. Уезжай. Ты свободен.

Она посидела некоторое время молча, давая ему возможность возразить, а потом вскочила с дивана. Денис успел перехватить ее за руку, среагировал молниеносно, сжав тонкое запястье.

— Юля!..

— Хочешь сказать, что я неправильно все поняла? Извини, работаю с тем, что есть. Ты ставишь меня перед фактом! — начала вырываться, делая вдох через каждое слово. — Вы не дали мне возможности сделать правильные выводы, вы, чертовы эгоисты! Манипуляторы хреновы!

— Прекрати, — вынужден был встать, чтобы удержать ее. Ожидал, конечно, от нее такой реакции – взрыва, криков. Хуже, если бы она приняла все бесстрастно. — Я не хочу уезжать вот так! Только не так!.. Юля, послушай! — скрутил ей руки, словно нацепил смирительную рубашку, показалось, что сейчас она размахнется и со всей силы влепит ему пощечину. Прочитал это в ее глазах и едва уловимых движениях. — Не ори, мне и так тяжело. Я же сказал: я вернусь.

— Это так ты меня бережешь – свое сердце? — она вдруг сменила тон, заговорила тихо и обреченно, беззащитно оплывая в его руках. Он обнял ее сзади и прижал к груди. Отпустил покрасневшие от его хватки запястья, стиснул ее так крепко, что она не могла вздохнуть. — Так ты меня бережешь? Оставляешь одну, неизвестно – на какое время! Господи, да даже когда из тюрьмы ждут – срок знают! Как ты можешь?.. Я же повзрослела с тобой. Я не умею жить без тебя. Не знаю, как это — жить без тебя. Я же люблю тебя, почему этого мало?

Он и сам давно уже забыл, как это — жить без нее. Что такое — не видеть ее, не слышать, не чувствовать. Не знал, как сможет выдержать. Любое сомнение ломает логику. Его твердое намерение уехать стало не таким твердым. Она его рушила, плавила. Каждым словом своим плавила. Каждым всхлипом и дрожащим голосом рвала ему сердце на части.

— Поехали, — резко развернул ее. — Поехали со мной, — убрал волосы от лица, обхватив его ладонями.

Юля сначала просветлела лицом, в глазах яркой короткой вспышкой мелькнула надежда, но потом их снова заволочло пустотой и во взгляде снова появилась сосредоточенная напряженность. Денис попытался ее обнять, но это не было похоже на объятие, Юлька вцепилась в его футболку, сжала ее в кулаках и застыла телом.

Покачала головой, в глазах стояли слезы:

— В другой раз – хоть на край света. Но ты начал с того, что тебе нужно уехать. Про меня ты не сказал ни слова. Меня в твоих планах нет.

— Поехали... — он даже встряхнул ее.

— Ничего не выйдет, — глухо и с трудом выдавила она, — станет еще хуже. Вы разорвете меня на части, — последнее уже прошептала.

— Я вернусь.

— Когда ты вернешься, я тебя не прощу. Слышишь? Не прощу.

— Может быть позже ты поймешь меня.

— Пойму. Наверняка. Но все равно не прощу. Потому что ты уезжаешь не ради нас, только ради себя. Это все амбиции – твои и отца. Всею виной ваши амбиции. А про меня нет и речи. Ни про мои чувства, ни про мои переживания. Ты свободен, я тебя отпускаю. И ты меня отпусти. Отпусти! — вскрикнула Юля и попыталась вырваться. Начала отталкиваться, упираясь ладонями ему в грудь, развернулась, упрямо подавшись вперед. Денис удерживал ее некоторое время, но потом разжал руки. А Юля словно не ожидая, вылетела из его объятий, едва сумев сохранив равновесие.

Что-то внутри оборвалось, точно хрустнуло, и мышцы сковало странное неприятное оцепенение. Будто в замедленной съемке, словно со стороны, видел, как она вылетает из его рук и тут же разворачивается. Волосы хлестают по лицу... Хотела же уйти, а в глазах все равно неверие. И удивление, что все-таки отпустил.

Юля уже выбежала из гостиной, а он все никак не мог заставить себя сдвинуться с места. Потом пошел за ней. Не рванул, не побежал, — пошел шагом, ибо на резкие движения стал сейчас не способен.

— Ах, да, — спохватилась она стоя у двери уже в куртке. Сдернула сумку с плеча и вжикнула молнией. — Ключи... — достала ключи от его квартиры.

— Прекрати! — рыкнул Денис, очнувшись, словно его вывели из-под гипноза. Забрал ключи и, снова забросив их в сумку, ожесточенно рванул бегунок молнии.

Можно уходить, но она стояла. А уходить нужно: запал прошел, огонь угас, тело налилось тошнотворной болью — вот-вот слезы градом. Но никак не решалась ступить за порог его квартиры. Там будет другая жизнь. Там темнота и неизвестность. Там – без него.

Сидя в кресле Наталья молча наблюдала за дочерью, задумчиво подперев кулаком подбородок. Юля так и чувствовала на себе ее взгляд, пронзительный и обволакивающий. Как хорошо, что мама не пытается утешать, хотя у нее обязательно найдутся слова поддержки и понимания. Сейчас Юля не хотела ни того, ни другого. Может быть, позже, даже обязательно, но позже, она поговорит с матерью, выскажется, наверное, попросит совета. Но сейчас хотелось перестрадать наедине с собой. Выть волком в одиночестве, в истерике кататься по полу, чтобы без оглядки. А слова будут потом.

Медленно и задумчиво Юля укладывала вещи в чемодан. Не все, конечно, но кое-что. А кое-что оставляла в комнате — все равно когда-нибудь придется оставаться на ночь у родителей. Да и чтобы увезти все на квартиру, не один чемодан придется заполнить.

Дошла очередь до шкатулки с украшениями. Сначала не хотела брать ее. Практически все, что в ней было, подарил Денис. Однако передумала. Незачем заниматься самообманом, избавляясь от его подарков или вещей, с ним связанных. Тогда полжизни надо вычеркнуть, а это невозможно. И из сердца его выкинуть невозможно. Не пыталась даже, не рассчитывала на это. Просто думала — где взять силы, чтобы все это пережить. Откуда их взять. И кольцо с безымянного пальца не сняла. Не смогла. Без него совсем холодно. Порывшись в шкатулке, Юля достала еще несколько вещей. Сменила серьги, защелкнула на запястье золотой браслет, повесила на шею золотую цепочку с кулоном.

Появился Самарин и завис в проеме, зацепившись плечом за косяк.

— Вить, присядь на диванчик, я почти готова.

Он кивнул и вдруг вытянулся по стойке «смирно». Стало понятно, что это отец пожаловал с ней попрощаться. Самарин исчез, будто растворился в воздухе, и в комнату вошел Монахов.

— Все-таки решила уехать, — констатировал он глухо, увидев упакованные чемоданы.

— Да, ремонт в квартире давно закончен. Что она пустует? Наверное, там уже все грязью заросло и пылью покрылось.

После разговора с Денисом Юля поставила отца в известность, что хочет жить отдельно, — родители давно подарили ей квартиру. На этот раз она не устраивала скандал, не выясняла отношения, не обвиняла отца во всех смертных грехах, — коротко и безразлично сообщила о своем решении, никак его не обосновывая. Не отчитывалась, не объяснялась. Отец, конечно, поинтересовался, в чем причина, — хотя предполагалось, что и сам уверенно знает ответ, — но Юля с чистой совестью проигнорировала его вопрос. Отговаривать дочь от переезда — бесполезное дело: в ее голосе звучала стальная решимость. Но покорило, что разговаривала она с ним, как с чужим человеком.

— Возьми Зою, пусть поможет.

— Не надо. У меня еще целая неделя до занятий, у себя дома я хочу сама навести порядок. — Надеялась, что это отвлечет ее от мыслей. Как-то поможет справиться с собой. Отодвинет немного безнадежность. — И кстати, этого красавца... — кивнула на дверь, — то есть Самарина, я у тебя забираю. А то я за рулем себя еще неуверенно чувствую. Да и привыкла я к нему.

— Конечно, — только и сказал отец.

Показалось, что вид у него слегка потерянный. Юля улыбнулась, но не для того, чтобы как-то приободрить отца.

— Не расстраивайся, папа, — сказала, подбоченившись. — Я же не на край света уезжаю. Я буду тебе звонить, рассказывать, как у меня дела, а на выходных мы будем устраивать тихие ужины в лучших семейных традициях.

Юлина улыбка — какая-то холодная и чужая — сверкнула ярче, чем бриллианты в ушах, и было в ней насмешки больше, чем тепла и искренности.

— Витя, забери чемоданы, — выглянула в коридор, и Самарин подскочил с небольшого диванчика. — Мамуль, — тепло обратилась к матери. Наталья неохотно поднялась с кресла, двинулась к дочери тяжело, как двигается сраженный болезнью человек. Юлька обняла маму крепко, прижалась к ней, вдохнула любимый аромат «Шанель». — Прости, мне нужно побыть одной. А потом я тебе позвоню, и мы поедем с тобой по магазинам, купим мне домой кучу всякой фигни — посуду, постельное белье, салфетки. Мне столько всего нужно! — воскликнула бодро, но получилось это слишком наигранно, потому что в глазах снова стояли слезы. Потому что силы сдерживаться почти истощились, кончились, как кончается завод у механических часов.

— Пойдем дорогая, я провожу тебя. Только обещай отвечать, когда я буду звонить, не пропадай, не замыкайся. Иначе я места себе не найду, — с грустью попросила Наталья.

— Обещаю, — твердо сказала Юля.

Мать и дочь вышли из комнаты. Юлька не удостоила отца даже прощальным взглядом. Монахов застыл посреди пустой комнаты. Ноги внезапно сделались ватными, он упал на стул, дернувшись, как будто кто-то ударил его под колени. В душе у него царил такая же пустота.

Дверь открыли толчком. Воздух в кабинете взметнулся, и мужчины замолчали.

— Утро доброе, — поздоровался Пospelов и, уловив напряженную атмосферу, остановился у порога. Стал осторожно прощупывать общее настроение: — Увидел твою машину... — посмотрел на Дениса.

— Виталя, дай поговорить, — сразу грубовато прервал его Денис.

— Мне бы тебя на пару слов.

— Через пятнадцать минут.

— Понял.

— Пошли покурим, — мотнул головой Шаповалов, и вместе с Пospelовым скрылся за дверью.

После щелчка замка Лёня подтянул рукава молочно-белого пуловера и достал сигареты. Пальнул зажигалкой, коротко затянулся и долго не выпускал дым из легких, словно ждал, что он растворится внутри него полностью.

— Шаур, я что-то откровенно не врубаюсь, — неторопливо начал он. Редко на лице его можно было видеть такую задумчивость и в движениях такую заторможенность.

— Чего ты не врубаешься? — ответил в его же манере Денис. — Я, кажется, ясно сказал: Стас едет со мной, а ты остаешься здесь — с Монаховым.

— Я все понимаю. Я только не понимаю — почему Стас?.. — в его низком голосе сквозила обида, и Вуич не пытался ее как-то скрыть или замаскировать легковесным тоном. — Мы же с тобой... в какой только заднице не побывали. Я ж всю жизнь твою голову прикрываю. Почему теперь-то Шип?

Денис не спешил отвечать. Помедлил, придавая своим словам больше значимости. Лёня легким движением головы выразил особое внимание.

— Потому что там, чтобы прикрыть голову, мне и Шипа хватит. А здесь у меня сердце — семья, сестра, Юля. Тут мне ты нужен. Только тогда я смогу повернуться спиной и уйти.

Вуич чуть не подавился сигаретным дымом, у него от этих слов дыхание перехватило. Нечасто можно такое от Шаурина услышать — равносильно, что признание в любви получить и в безграничном полном доверии.

Нужно что-то ответить сейчас — пообещать, что Денис может на него полностью рассчитывать. Но впервые в жизни слова не шли на ум.

— Понял-принял, — выдохнул он и, словно боясь совсем расчувствоваться, поспешил заполнить возникшую паузу: — Что-то Сладкий сияет как медный самовар. Может, папа Серёжа ему уже работенку новую подкинул в виде моей фотокарточки в конвертике, — мрачно пошутил он.

— Ладно тебе... Я же тихо уезжаю, значит, и у тебя должно быть все тихо. Все, по коням, еще увидимся. — Подхватил пиджак, лежащий на бильярдном столе, и направился к двери, натягивая его на плечи.

ГЛАВА 47

2003 г., август

— Катюша, привет! Я задержусь, ты меня не теряй, у меня сегодня не день, а одна сплошная несостыковка — дебет с кредитом не сходится, — Юля избавила от обертки и сунула в рот леденец от горла. Щелкнула мышкой, отправив документы на печать. Поддакнула пару раз подруге и повесила трубку. Но телефон тут же затрезвонил вновь. — Да что ж это такое сегодня... — проворчала, нахмурившись, но просветлела, услышав в трубке голос отца. — А, пап, привет!

— Как ты себя чувствуешь? Я себе места не нахожу, — беспокоило говорил он.

— Нормально я себя чувствую, не переживай, — поспешила успокоить дочь. — Правда. Горло немножко першит, а так нормально. Я, кстати, почти закончила с твоими документами...

— Это подождет, даже не вздумай сейчас что-то делать.

— Поздно, я уже все сделала. Можешь кого-нибудь прислать? А то мне самой некогда заезжать. Вроде распланировала день, а все в тар-тарары.

— Пришлю, конечно.

— А ты как?

Отец усмехнулся:

— Порядок.

— Ну вот и славненько, вот и хорошо. Шли гонца, целую. Скоро увидимся.

Положив трубку, Юля некоторое время смотрела на телефон, словно ожидая, что он снова растревожит воздух пронзительным звуком. Но этого не случилось.

Принтер едва слышно жужжал, выдавая последние листы. Хотелось побыстрее покончить с делами. Горя внутри нетерпением, девушка сжала голову ладонями, слегка помассировав кожу, взъерошила волосы, встряхнула их — они пышной гривой накрыли плечи и спину. Пальцы ее тут же ловко свернули их в узел. Вместо шпильки пригодился карандаш.

— Ты же можешь вообще не работать, а жить в свое удовольствие и не напрягаться. Зачем тебе сидеть сутками над документами, практически не поднимая головы?

Юля вскинула глаза на сидящего напротив мужчину.

— Во-первых, не сутками. А во-вторых, чтобы не отупеть.

— И уж тем более, если ты неважно себя чувствуешь.

— От семьи не бывает выходных, отпусков и больничных.

— Не понимаю я этого.

— А мне твое понимание в этом вопросе не-нуж-но, — с милой улыбкой, но твердо сказала Юля. Потом отложила бумаги, покрутила авторучку, напустив на лицо задумчивость. — Когда теряешь близких, начинаешь по-другому смотреть на многие вещи. Я тебе этого от души не желаю. А сейчас, Славочка, пожалуйста, помолчи хотя бы пятнадцать минут, дай мне сосредоточиться и доделать работу.

Около года назад похоронили Юрия. Все очень тяжело переживали его смерть. Особенно отец. Наверное, больше всех переживал отец. У него случился инфаркт — еле спасли. Для Юли тогда в очередной раз мир перевернулся. Она никогда до этого времени не видела отца в таком беспомощном состоянии. Привыкла, что он нестигаем, непоколебим во мнении. Всегда сильный, а тут... И у самой сердце останавливалось и вся жизнь — перед глазами, когда представляла, что больше никогда не увидит его, не услышит, не поговорит, не скажет всего того, что очень хотела, но не могла из-за гордости. Много причин — из-за чего не могла.

Поневоле задумаешься, отчего так поздно приходит к людям понимание. Почему осознание и просветление наступает только если рядом мелькнет смерть.

— Не злись, я не хотел тебя как-то обидеть. Меньше всего, — вздохнул Ярослав.

— Я знаю. И я не злюсь. Помнишь, как в КВН? — «А потому что тишина должна быть в библиотеке! Тихо я сказал, или я тихо сказал!?» Мои слова надо воспринимать буквально. Совсем ты в своем Лондоне русский язык забыл. Если я говорю, что мы не можем сегодня увидеться, значит, мы не можем. У меня все по часам распланировано. Вот столько, — отмерила пространство руками, — на работу. Вот столько — на встречу с Катюшей. А вечером я наглотаюсь таблеток, напьюсь сиропов завалюсь в кровать и буду сутки спать.

— У меня тоже были сегодня дела, но я заехал, потому что беспокоюсь за тебя, — резко проговорил он. Как и все целеустремленные люди, Славик был слегка самолюбив, и такое отношение его очень задевало.

— Да будь я хоть трижды мертвая... Так, все, — отмахнулась она, изобразив досаду и сосредоточенно уставившись в монитор. — Ладно, котик, — сказала мягче, — ты тоже не злись, сейчас я закончу, и мы с тобой пойдем пить кофе.

Чуть зашуршало белое кожаное покрытие дивана — Ярослав поднялся с места. Поправил голубой свитер, шевельнул широкими плечами. Замер у окна. В каждом его легком движении чувствовалась тщательно сдерживаемая энергия.

Дыхание перехватило, когда краем глаза Юля заметила его движение. Но это мимолетное смущение сковывало ее только до тех пор, пока она не поднимала взгляд и не охватывала его глазами целиком. Пока его смутный абрис не приобретал четкие очертания...

— Если хочешь, посмотри пока телевизор в гостиной, — предложила Юля.

— Нет, — уверенно проговорил он и обратил неспешный взгляд к стеллажу с книгами и фоторамками.

Через некоторое время с расчетами было покончено; кофе сварен. Едва белые чашки наполнились темным ароматным напитком, в дверь позвонили.

Как и предполагала Юля, это отец прислал «гонца» за документами.

— Привет, — растянулся в широкой улыбке Лёня. — Ты, говорят, болеть вздумала? А если ремня для профилактики?

Юлька рассмеялась.

— Мороженого, наверное, на радостях объелась.

— Интересно мне — на каких таких радостях? — Заметил в прихожей мужскую обувь.

— На обычных, Лёня, житейских, других у меня не бывает. Кофе хочешь? Я только сварила, — предложила Юля.

— Да, с огромным удовольствием. Ношусь с утра, как савраска.

— Заметно, — улыбнулась Юля, бросив на него взгляд: черный пиджак небрежно распахнут, синий галстук на белой рубашке схвачен косоватым узлом.

Войдя на кухню, Лёня пожал руку Ярославу:

— Я смотрю, ты надолго в наших краях.

— Да, еще около месяца пробуду.

Мужчины уже сталкивались несколько раз, и хотя внешне ни тот, ни другой никак не выказывал свое напряжение, Юля знала: особой симпатии они друг к другу не испытывают. Что неудивительно, ибо Ярослав ревновал, а Лёня... Лёне просто положено быть недовольным.

— Вот почему я не Аллен Делон? А то я б на тебе, Очаровашка, женился. Спортсменка комсомолка и просто красавица! И кофе варить умеешь. Что еще для счастья надо?

— Машку за ляжку и козу на возу, — сказала Юля одними губами, и Вуич грохнулся от смеха. Юля подхватив волну, залилась открытым звонким смехом. Только Ярослав сдержанно усмехнулся и указал глазами в сторону прихожей. Юля притихла и с готовностью соскочила с места.

— Мне пора, — Слава качнул темноволосой головой, кивая Вуичу, и потянул Юлю за собой, обхватив рукой за талию. — Проводи.

— Провожу...

— Машку за ляжку, — проворчал Слава шутливо, — где ваша субординация?

— О чем ты говоришь, я с шестнадцати лет его знаю, он меня учил водку пить. Какая субординация?..

Ярослав вынул карандаш из узла волос.

— Ты с этим поаккуратнее, голову береги.

Хотел запустить руки в шелковистые пряди, но Юля отклонившись, скривилась:

— Не надо, у меня голова болит. Не люблю, когда трогают, ты же знаешь.

Слава раздраженно выдохнул, напряг губы и щёки. Но потом расслабился и обнял ее. Прижался губами к щеке, скользнул к уху.

— Вот что ты меня мучаешь?

— Я? — слегка усмехнулась Юля. — Ты сам Герасим — на все согласен. Нет! — воспротивилась поцелую. — Я же болею, заразишься еще!

— Ты не представляешь, насколько у меня стойкий иммунитет.

Все равно приник к губам. Мягко и нежно, умело. Но его поцелуи всегда казались холодными. Как тот, самый первый, на крыльце кинотеатра много лет назад.

— Слушай, Очаровашка, — назидательно сказал Лёня, когда Юля вернулась на кухню, — ты давай заканчивай свои игрушки. А то приедет Большой Брат и снимет скальп с этого иноземца.

— Лёня не лезь не в свое дело, пожалуйста, — в эту минуту ее лицо стало начальственно гордым. — А то как бы тебе самому не досталось.

— Вот только не надо... — погрозил пальцем, — не надо портить нашу сердечную дружбу таким грубым и наглым шантажом.

— Даже не пытаюсь, но мы с тобой договорились о неприкосновенности территорий, ты помнишь?

— Если б я нарушил нашу договоренность, я бы этому... дяде с большими ушами, уши то пооткрутил.

— Ты-то за что? — весело уставилась на него серо-зелеными глазами.

— А просто так.

Юля проводила Лёню и тяжело опустилась на диван.

— Все, Паша, поехали, — сказал Вуич, усаживаясь в машину.

— А что реально Монаха подвинуть собираются? — вдруг спросил Хромов.

— Кто собирается? — невозмутимоотреагировал Лёня. — Ты с чего это такую мысль выродил?

— Да так... Монахов на нервяке — всякое может случиться. Интересно — кого пришлют? А Шаур че говорит?

— Молчит Шаур, и ты свой рот прикрой, пока кто-нибудь другой не постарался.

— Обижает, командир, я нем как золотая рыбка — молчу только да твои желания исполняю.

— На дорогу смотри, а то я тебе мигом чешую подправлю.

Нужно подняться, собраться и ехать к Катерине. Давно ведь хотели увидеться — наконец договорились. Теперь даже из-за своего плохого самочувствия Юля не хотела откладывать встречу. Однако же сейчас, вместо того чтобы встать, подобрала под себя ноги и уселась плотнее.

И снова тугим клубком свернулась в груди глубокая тоска. У самого горла встала — что ни протолкнуть в себя, не выдохнуть. Снова боль, не пережитая, а притаенная, полезла наружу. И вроде спрятала ее далеко-далеко, а она все равно находила выход, перекрывая кислород и лишая возможности двигаться.

Всего один раз за эти два года Юля виделась с Денисом — на похоронах Юрия. И то вряд ли это можно назвать полноценной встречей, так, столкновение в общей массе людей. А народу собралось немало. Юра умер внезапно — от сердечной недостаточности. Печальный парадокс: всю жизнь мучился язвой, а скончался от сердечной недостаточности.

Как сейчас Юля помнила тот кошмарный осенний день. Череду дней. Крапал мелкий противный дождь, некоторые старались укрыться под зонтами, Юля же не находила в себе сил держать этот, по ее мнению, совершенно лишний предмет, — черного платка на голове хватало. И так было ужасно душно. От боли и слез. К боли от потери любимого дяди примешивалась своя личная. Тяжело было видеть Шаурина, особенно такого, — отчужденного, совершенно равнодушного. Он стоял в кольце охраны с московскими партнерами отца и подошел выразить соболезнование вместе со всеми. Заученно и формально. Нет, конечно, как и многие, он хранил на лице искреннюю скорбь, но это все не то. Потом поминки... По разговорам Юля поняла, что вечером они улетают. Она уехала к себе. Не смогла остаться в родительском доме. Наглоталась успокоительного и легла спать в гостиной с включенным телевизором. Звук прибавила почти на всю, словно он мог выгнать из ее души одиночество. А Денис пришел, не улетел. Тихо пробыл с ней всю ночь, — то сидел застывшей тенью рядом с ней, то приносил чай. Они не разговаривали: она была не в состоянии.

Юля никому не говорила, что тогда он приходил, потому что сама до сих пор не могла с уверенностью утверждать, что ей это не приснилось, что это не плод ее, одурманенного успокоительным, мозга. Ведь дверь она открыла практически в невменяемом состоянии.

А сегодня наряду с привычной тоской и разрушающим отчаянием, почувствовалось что-то другое. Что-то необъяснимое — какое-то непонятное предчувствие щемяще запело внутри.

— Катюш, я скоро приеду, меня тут немного задержали, — устало предупредила Маркелову.

Та сразу сообразила — в чем дело.

— Командировочный твой, что ли, нарисовался?

— Ну, проведать пришел, забеспокоился некстати.

— И не надоел он тебе?

— Как он мне может надоест? Он мне очень нравится: в коллективе морально устойчив, в быту уживчив, характер амёбистый. Как он мне может надоест? — насмешливо

сказала Юля, и Катя, поддержав ее, весело рассмеялась.

— Ладно, все разговоры при встрече.

— Конечно, при встрече.

Ярослав ей действительно очень нравился. Потому что ничего к нему не чувствовала: он не мог причинить ей боль. Не мог обидеть, расстроить, не понять, разочаровать. Именно поэтому он ей нравился. Они не виделись много лет, а встретились случайно – на одном из популярных горнолыжных курортов. А потом Слава вернулся в родной город якобы, чтобы провести время с родителями, и нашел ее. Но Юля точно знала, что через сорок шесть дней он улетит в Лондон и исчезнет из ее жизни.

Капельки воды зашевелили кожу под ухом — Шаурин растер шею полотенцем и ответил на «Входящий»:

— Чудны дела твои, Господи, — вместо приветствия выдал низковатое и утверждающее, — Олег Николаевич, я только два часа, как в городе, а ты уже в курсе. Кого наказывать? — Провел по мускулистой груди и отбросил полотенце на кровать.

— Никого не надо наказывать, — усмехнулся Крапивин. — Считай, что это мне гадалка наворожила.

— Какой ты, однако, решительный, вот у меня бы ни за что смелости не хватило узнавать свою судьбу у гадалок.

— А может, разумности? Шучу я, конечно. Не знал я, что ты уже вернулся, набрал, аккуратно, чтобы поинтересоваться.

— Я так понимаю, с лирическим вступлением можно покончить?

Коротко заверещал дверной звонок. Денис, не отнимая трубку от уха, впустил Вуича и взмахом руки отправил его на кухню.

— Истинно так. Очень встретиться хотелось бы.

— Взаимно. Я позвоню. Мне нужно некоторое время, чтобы скоординировать свои действия.

— Ну, разумеется. Буду ждать звонка.

С Вуичем Денис сегодня уже виделся, потому душевных объятий не последовало. Лёня сразу полез в карманы пиджака, вытащил две связки ключей.

— Машина... квартира, — бросил их поочередно.

Денис поймал обе и сжал в кулаке.

— Отлично. — На момент застыл острым взглядом на лице Вуича.

— Все тихо, — сообщил друг, предвосхищая вопрос.

— Даже тишина бывает громкой, — ответил ему Шаурин и качнулся вперед, сдергивая рубашку со спинки стула.

Крапивин ждал Шаурина в одном из городских парков. Это стало неизменной традицией: в теплое время года встречаться где-то на улице. Редко они решали свои вопросы в ресторане за ужином. В основном стояли застыв у пруда или медленно брели по живописным аллеям под бдительным присмотром охраны.

— Я рад тебя видеть, Денис.

— Как дела, Олег Николаевич? Как здоровье? — Денис крепко пожал протянутую Крапивиным руку. Глубоко и приятно вдохнул чуть влажноватый воздух.

— Не могу ответить на твои вопросы однозначно положительно. Ну да ладно... Если честно, думал, что ты уже обосновался где-нибудь за границей.

Шаурин многозначительно хмыкнул.

— Почему нет? — посмотрел в его лицо Крапивин.

— Все очень банально и пафосно. — Денис обратил взгляд к воде, и, сцепив руки за спиной, чуть шире разворачивая плечи, встал ближе к витиеватому кованному парапету. От набежавшего вдруг ветерка пруд покрылся рябью, и плавающие на его поверхности листья беспомощно задрожали. — Я патриот. Это мой город, моя земля. И жить я хочу здесь, и детей растить. Как в том детском стишке, помнишь? И тропинка, и лесок, в поле — каждый колосок... Это Родина моя. А отдыхать можно в любой точке земного шара.

— Резонно. Похвально. Согласен.

— Говори, Олег Николаевич, что у тебя за проблема, — не отрывая взгляда от дрожащих листьев, поощрил Крапивина на разговор. — Ты же меня не о погоде пригласил поговорить. Не о прелестях заграничных курортов и чудесах света.

— Возможно, у нас одна проблема на двоих.

— Не удивлюсь.

В «Эгоист» Шаурин, как и раньше, зашел с административного входа. Центральные двери были еще закрыты. Молодой и резвый охранник тут же преградил путь.

— Вы к кому?

— К Монахову.

Парень хотел сказать, как велено, что Сергей Владимирович не принимает, но оценив авторитетный тон и вид гостя, замешкался. Вызвал по рации старшего. Тот появился быстро, словно вынырнул из-за соседнего угла.

Денис, конечно, мог сам позвонить и предупредить о своем приходе или договориться о встрече в другом месте, но не стал. Потому с завидным терпением и железным спокойствием ждал, пока ребята выполнят свою работу.

По лицу старшего было видно, что Шаурина тот узнал: щека у него дернулась, и в глазах появилась совсем ненужная растерянность, что слегка позабавило.

— Я должен позвонить, Денис Алексеевич, — извиняющимся тоном сообщил он.

— Звони, — спокойно сказал Шаур. Дождался, пока охранник отзвонится и только потом шагнул к лестнице.

Подойдя к двери кабинета, решил, что стучаться будет излишне. Вошел без стука — не быстро, не медленно, — уверенно. Словно позволяя Монахову привыкнуть к своему присутствию перед тем, как заговорит.

— Добрый день, Сергей Владимирович, — предельно вежливо, но твердо поздоровался.

Порадовало, что Монахов в кабинете находился один. На какой-то миг Денис застыл у двери, а шагнул вперед, лишь когда Сергей Владимирович, приветствуя его, поднялся с кресла.

— Здравствуй, Денис. Неожиданно... — но вопреки сказанному, голос его

свидетельствовал об обратном: совсем он не удивлен. Он не просто не удивлен, он совершенно точно имеет представление – зачем Шаурин здесь.

— Разве так уж неожиданно, Сергей Владимирович, — произнес Шаур с тонкой иронией и, распахнув серый пиджак, крепко уселся в ближайшее от стола кресло.

Монахов молча вернулся на место, осел как будто тяжело, но пристального взгляда от лица Шаурина не отрывал. Денис молчал намеренно, точно ждал главных вопросов, которые ему пока не задавались. Тишина расползлась по кабинету — становилась вязкой и напряженной.

Только слабые духом не выдерживают молчания – Монахов это знал. А теперь перед ним сидел равный и сильный противник. Сейчас даже наверняка еще сильнее, потому что Шаурин знал все, а Монахов мог только догадываться, основываясь на слухах и намеках со стороны доброжелателей. Но кто-то должен заговорить первым. Оттого кто заговорит и как заговорит, зависел исход разговора.

— Я рад, что это *ты*, — расставив нужные акценты, наконец сказал он.

— Я приложил для этого все мыслимые и немыслимые усилия.

— Спасибо, что пришел сам.

Сколько Денис должен был опередить, превзойти, подмять, устранить, чтобы прийти к нему в кабинет вот так... И, как всегда, при абсолютной внешней расслабленности поражала сосредоточенность шауринского взгляда. Взгляда тяжелого и неподвижного.

— Но еще больше сил я потратил на то, чтобы все произошло тихо и без волнений. Чтобы вы смогли отойти от дел, сохранив свой авторитет и не получив «черную метку». После смерти Юры наверху вскинулась целая стая стервятников, готовых разодрать вас в клочья.

Монах понимающе качнул головой. Вернее, не качнул, а сделал едва уловимое движение, но оно очень красочно выразило его отношение к словам Дениса. Что и говорить, Монахов до сих пор пытался сдержать эту волну.

— Нам, Сергей Владимирович, непременно нужно прийти к взаимопониманию. Я призываю вас не делать никаких резких движений. Никаких. Потому что я не хочу на это отвечать, совсем не хочу кардинальных мер. Надеюсь, вы оцените мои усилия. — Его лицо особых эмоций не выражало, но говорил он тем тоном, каким обычно отдают приказы.

Монахов помолчал мгновение, но паузу затягивать не стал. Не было в ней никакой надобности. Все уже решено.

— Несомненно. Разговор у нас серьезный, потому я предлагаю перенести его в более удобное место.

— Согласен.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошла Наталья. Вошла шумно и радостно, — словно принесла с собой пение птиц и солнце, — и растерялась. Судя по всему, не ожидала здесь увидеть кого-то помимо мужа. Но еще больше она удивилась, когда в посетителе узнала Шаурина.

— Денис! — воскликнула она. — О, Боже, какая неожиданность!

— Позволю себе спросить: приятная? — поднялся ей навстречу.

— Ну разумеется! — Ее как будто потянуло в его сторону. Едва он распрямился во весь рост, она прильнула к нему. По-матерински.

— Прекрасно выглядишь. Неизменно прекрасно, — улыбнулся. Этой женщине невозможно не улыбаться.

— Ох, льстец, — она царственно похлопала его по предплечью с полной иронии улыбкой.

— Нет, чистейшую правду говорю.

— Ты по делам или?..

— Или.

— А что, — вдруг решительно сказала она, словно внутри укрепились в мысли, — а давай завтра к нам. У нас планируется большой семейный обед. Приходи, так сказать, поговорим за жизнь.

— Есть повод для большого семейного обеда?

— Главное, желание, а повод у нас всегда найдется.

— Тоже верно. Не знаю, удобно ли это.

— Удобно, — ответил за жену Монахов. — Завтра и продолжим наш разговор.

ГЛАВА 48

Когда Юля увидела Стаса, то вздрогнула. Всем существом вздрогнула. Потому что — где Шаповалов, там и Денис.

То, что Шаурин приехал, Юле сообщила мама. Конечно, перед Натальей дочь постаралась скрыть свою реакцию. Порадовалась даже наигранно, выразилась какими-то абстрактными фразами, пообещала приехать на это «партсобрание», как она называла подобные сборища, сразу предупредив, что будет не одна. Но внутри... внутри творилось что-то невообразимое. Словно что-то взорвалось. И кажется снова подскочила температура. Точно подскочила: щеки залились краской, а сердце застучало громко и беспокойно. Всякая концентрация пропала и четкая направленность мыслей. Остаток дня бродила по квартире как неприкаянная, о сне говорить не приходилось. Сна теперь как не бывало.

Собиралась приехать к родителям пораньше, но теперь трусливо тянула время, никак не решаясь шагнуть за порог своей квартиры, которая теперь казалась самым надежным убежищем в мире. Да и Слава предупредил, что может опоздать, дескать, важные дела у него какие-то неожиданно появились. Никогда еще Юля так не радовалась его «делам». Отказаться самой или приехать без Ярослава в голову не пришло, потому что этот обед они с мамой запланировали до приезда Шаурина, и менять сейчас из-за него свои планы Юля не собиралась. Наверное, это было уже делом принципа. Промучившись сомнениями, Юля решила нырять сразу в омут с головой, а не выматывать себе нервы, топчась на берегу и задыхаясь от страха. Лучше приехать и сесть сразу за стол, чем участвовать в приготовлениях, маяться переживаниями и дрожа от нахлынувших чувств пытаться нацепить на себя равнодушную маску.

Так и вышло. Легче вышло, спокойнее. Юля прошла по двору к открытой веранде, в которой, собственно, и накрыли стол, от души радуясь, что Славик не вцепился в ее руку, как утопающий за соломинку. Перед тем, как сесть, Юля немного растерялась. Не хотелось оказаться за столом рядом с Денисом. Бросила беглый взгляд на пустые стулья. Тот, что рядом с мамой, явно отцовский. Папа неизменно сидел рядом с ней. На двух других висели пиджаки. Один черный, второй чуть светлее — цвета мокрого асфальта. Вот от него она села подальше, выбрав место рядом с Вуичем. Потому что Шаурин не мог бросить свой пиджак на стул так небрежно, как это сделал хозяин черного. Шаурин повесил бы его аккуратно, именно так, как висел сейчас темно-серый пиджак.

Юля оглянулась. Шаповалов и Самарин стояли у кирпичного мангала. Стас курил, а Витьке доверили жарить шашлык. Отец с Денисом затерялись между деревьями в саду. Стояли на мощеной дорожке и о чем-то беседовали. Почему-то этот факт Юлю покоробил. Может быть, потому что картина эта была слишком непривычная, уже забытая. Лёнька весело о чем-то болтал с Натальей.

— Леонид, — засмеялась, Наталья, — вот только ты можешь так красиво рассказать совершенно пошлый анекдот.

— Главное, что вы мне это позволяете, драгоценная Наталья Вячеславовна.

— Ох, плут, — Наталья покачала головой. — Слушайте, как нам повезло, что погода такая чудесная.

— Да, мама, с погодой нам и правда повезло, — согласилась Юля.

В самый разгар беседы, когда все дружно смялись над очередной Лёнькиной остротой, к столу присоединились отец и Денис. Все получилось естественно: заливаясь смехом, Юля кивнула обоим, едва скользнув взглядом по лицу Дениса. Обрадовалась, что с пиджаком угадала...

Солнце ярко светило, словно пытаюсь подбодрить уже за лето уставшую потемневшую зелень. В саду полыхали рябины; тополя, обессилившие раньше всех, начали опадать листвой, шурша на ветру проволончатými ветками. Но для Юли чудесно все было потому, что просторная и открытая веранда не сковывала ее стенами, не душила закрытым пространством. Здесь не ощущалось на себе концентрированного внимания и пристальных взглядов. Можно любоваться цветами, пряча взгляд. Сходить в дом за бутылкой вина и долго выбирать марку из большой домашней коллекции. Можно даже выйти из-за стола и прогуляться по саду. Что она и сделала, утащив за собой Славу. Правда длилась их прогулка совсем недолго: ему позвонили, и он сообщил, что будет вынужден уехать пораньше.

Они вернулись за стол, и Юля снова отгородилась ото всех, главным образом, стараясь не смотреть на Шаурина, не слышать его голос, не различать слова. Хотя и без этого знала, могла представить его жесты и мимику: как улыбается, как сжимает губы, мнет салфетку на столе, поправляет на руке часы. Не нужно было смотреть на него, чтобы чувствовать каждое его движение. А себя ощущать, словно оделась не по погоде. Словно ударили морозы, а на ней шорты и майка. И она не просто мерзнет, а еще и чувствует себя полной идиоткой в глазах окружающих.

В какой-то момент перехватило горло, и Юля закашлялась.

— Юля, там в ящике...

— Знаю, мама, пойду заглотну таблетку.

Вышла из-за стола, чтобы найти в аптечке леденцы от горла. Но бездумно рылась в ящике. Не потому что тянула время, а потому что ничего перед собой не видела, потому что дошла до предела, когда сил играть равнодушие уже не осталось. В глазах темнота.

А потом словно небо рухнуло на плечи.

— А поговорить? — Денис вытащил из ящика леденцы в металлической фольге и протянул ей.

— А что — сейчас самое время? — Юля взяла их, стараясь не коснуться его руки. И как только смогла говорить твердо... Но точно не сознательно. Ступор, наверное.

Сунула леденец в рот и повернулась, вцепившись в столешницу. Начало отпускать, так словно после приступа. И внутри стало мягко и больно.

— Правильно, — встал прямо перед ней, — о чем нам нужно поговорить, ты и так

знаешь, — вопрос только в удобном времени. Сейчас самое что ни на есть удобное. Или предлагаешь пригласить тебя на ужин? Ты придешь, я уверен. Ты не привыкла прятаться и убегать, а потому наденешь самое красивое платье, примешь самый обворожительный вид, отгородишься бетонной стеной и будешь холодно улыбаться. А я так не хочу. Хочу сейчас.

Юля раздраженно хмыкнула и скрестила руки на груди.

— Ты как всегда самоуверен. Приехал как ни в чем не бывало. Только у меня теперь другая жизнь. Да ты и сам видишь.

— Ах, да, — ответил с плотоядной улыбкой, — у тебя появилось домашнее животное. Котик Славик...

— И не лезь...

— Я – лезть? — сразу перебил ее. — Да что ты! Мне даже делать ничего не придется, ты его сама сожрешь. С потрохами. Ему недолго осталось. Самую малость. Можешь поразвлекаться пока.

— Конечно, я поразвлекаюсь, — с наслаждением сказала Юля. — Ведь, чтобы спать с человеком не обязательно его любить. Можно заниматься сексом с одним, а любить другого. Да что я тебе рассказываю, ты и сам все прекрасно знаешь. Спросить хочу. Уже, наверное, можно, да? Уже ответишь? — сделала паузу, чтобы сконцентрировать все его внимание. Хотя куда уж больше. Он навис над ней, не позволяя даже взгляда отвести, а она, как загипнотизированная, смотрела только на него. — Стоило ли все это того? Уехать вот так и два года из жизни вон. Я вижу, понимаю, какое ты сейчас занимаешь положение. Так стоило — лично для тебя?

— Стоило, — убежденно проговорил он, повышая голос. — Твоя мама жива здорова; отец – слава богу, тоже. И ты, я смотрю... в благодушном настроении. Только ради этого можно сказать, что все это того стоило. Все два года. И уехать вот так. Или мне нужно тебе в красках рассказать, что бывает, когда такие люди, как я и твой отец, начинают делить власть? При тебе сколько людей Монахова похоронили?

— В благодушном настроении... А ты думал, что я изменюсь, сломаюсь? Стану прожженной стервой и буду кричать: «Все мужики козлы!»? Обозлюсь на весь мир, всех вокруг возненавижу? — с жаром заговорила Юля. А не хотела ведь, но Шаурин все равно втянул ее в разговор.

— Я не думал, я этого боялся.

Постаралась пропустить эти слова мимо ушей, потому что слишком много в них было чувств, и в глазах его серых их стало слишком много.

— Ну так что же сейчас изменилось?

Шагнул еще ближе, совсем притискивая Юлю к столу.

— А сейчас тебе не придется выбирать. Сейчас у твоего отца, во-первых, нет выхода, а во-вторых, он сам не против. Монахова можно характеризовать как угодно, но глупцом он никогда не был. И сейчас он прекрасно осознает свои силы и понимает, что ему лучше объединиться со мной. — Денис, конечно, словами немного смягчил впечатление. Об объединении речь не шла. — Знаешь, я не собирался действовать вот так. Ты тогда назвала меня системой, такой же, как твой отец. Это правда. Это верно так. Сергей Владимирович мне во многом помог, и я ему за это благодарен. Но я для него тоже достаточно сделал. У меня был свой путь, своя направленность. Я не хотел поглощать его. Но я не цепной пес, чтобы натравливать меня на всякого неудобного конкурента. Я дрессуре не поддаюсь, сам хороший кукловод. Нельзя дать мне что-то, а потом вдруг отобрать, потому что передумал, я

своего не отдаю никогда. Считаешь, нужно было вывалить все это на тебя и уехать, оставив переваривать в одиночестве? Или нет, не так. Вывалить все тебе на голову и сказать: «Любимая, а поехали со мной». Ерунда, не правда ли. А по ходу разберемся, кто кого задавит, кто кому пулю в лоб быстрее пустит. Главное, у нас с тобой *любовь*.

Снова задавил кашель. А может быть, это Денис задавил ее своими словами. Ушам поверить не могла. Не сказанному, а тому что он вот так сходу топит ее в этом море информации, вернее, топит, как в болоте.

— Я не обвиняю во всем одного тебя. К отцу у меня тоже достаточно претензий, — жестко сказала она, стоя на своем.

— Каждому слову свое время и свое место. Иногда бывает поздно, иногда рано. Тогда я не мог тебе всего этого сказать, а сейчас ты все переваришь. Сейчас ты сможешь.

— Думаешь, я стала так всеядна?

— Совсем нет, но это должна переварить. Это внучка бабы Клары будет сидеть и хлопать глазами, а ты знаешь такие подробности, от которых у других волосы на голове дыбом встанут. И не говори мне, что это не так.

— А я все понимаю, — вдруг громко сказала она. — Я и тогда говорила, что пойму. Только не прощу. Потому что вы в своей игре меня на кон поставили! Меня!

— Не я! Не я... Если бы я это сделал... тебе сказать? — схватил ее за плечи и, пригнувшись к уху, зашептал. Горячо зашептал, касаясь губами кожи. — Напрямую сказать — что было бы, поставь я тебя на кон? Лучше не спрашивай, родная. Лучше не спрашивай... — снова заговорил громко, — я не говорю тебе: давай начнем все с начала. Не-е-ет, сначала я не хочу, меня все устраивает в наших отношениях. Мы продолжим. Давай будем считать, что у нас была пауза.

— В два года? — горько усмехнулась Юля и вырвалась. Он не держал ее сильно, но снова преградил путь.

— В два года. Помнится мне, ты и сама к таким паузам равнодушна. Сама как-то предлагала мне прервать отношения.

— Как ты можешь сравнивать?

— А я не сравниваю, я тебе говорю по факту. Тебе тогда нужна была такая условность — думать, считать, что мы не встречаемся.

— Да, и насколько мне помнится, — язвительно повторила его слова, — ты не позволил. Ты меня не отпустил!

— Зато ты меня отпустила. И спасибо тебе. Я сейчас не язвлю. Совсем нет. Ты отпустила, а я воспользовался этим. Позволил себе думать и считать, что у нас с тобой пауза в отношениях. Мне так было легче. Спасибо, что не выбрала меня, не бросила все и не поехала со мной. Если бы поехала, меня бы точно перемкнуло, и я бы стал творить страшные вещи. А так мне легче... так мне и этого... котика... вынести гораздо легче, — последнее процедил сквозь зубы, еле выдавливая слова.

— А без меня ты не творил «страшные вещи»?

— Они не коснулись тебя и твоей семьи. Я хочу, чтобы твой папа долго здравствовал, потому что я не плюю в колодезь из которого пил, пью и пить собираюсь.

Он вдруг сгреб ее в охапку, Юля и опомниться не успела. Уже забыла, какие у него сильные руки. И вырваться бесполезно, не хватит сил, пока сам не отпустит.

— Денис, отойди от меня. Не трогай. Я не могу сейчас с тобой разговаривать, — зататорила она в попытке отбиться хотя бы словами.

Но он уже не отвечал. Потому что прикоснулся к ней и потерял дар речи. Запустил пальцы в ее волосы и растерял слова. Такая боль сковала, что вздохнуть не мог. Адская, разрывающая грудь, боль. Вся, что накопил за два года, полезла наружу, потому что Юльку почувствовал. Потому что узнал духи ее. После аэропорта прилег на полчаса на кровать, а на подушке почувствовал запах женских духов. Незнакомых. Подумал, сестры. Потому что она присматривала за квартирой.

— «Не могу» — это лучше, чем «не хочу», — тяжело сказал, низко и медленно. Как будто заново учился говорить. — Ты же была у меня. Знаю, что была. Если все кончено, зачем приходила?

— Шаурин, отойди! Пусти меня, не трогай! Мне и так плохо. Я и так плохо себя чувствую, мне трудно сейчас говорить!

Не собиралась она признаваться, что была у него. Не раз была и не два. Вот как раз перед его приходом и была. Ходила туда, в его квартиру, когда совсем хреново было, когда чувствовала, что на пределе и в душе совсем темнота. Ночевала на его кровати, пила из его кружки. Ревела ночами. Первую ночь спать не могла, все казалось ей, что он сейчас придет. Вот-вот заскрипит дверной замок, и в прихожей раздадутся его шаги. Потом привыкла... Сначала убирала постель, снимала белье, чтобы скрыть следы своего присутствия, а последние несколько раз перестала. Таня и так все поняла. Но в душу не лезла.

Он отпустил, что даже не верилось. Медленно, но отпустил. Наверное, подействовали слова. И дышать ей стало чуть легче.

— А вот это меня очень беспокоит. Что ты плохо себя чувствуешь. Остайся сегодня у родителей.

Юля еле протолкнула стоящий в горле ком и вышла из кухни.

— Да, мам, все хорошо, — говорила Юля устало и, как могло показаться, нехотя. — Я выключу телефон, хочу спать лечь. Завтра с утра позвоню тебе. И не надо переживать, у меня все в шоколаде. Целую.

В шоколаде... в горьком.

Горечь, растекшаяся по языку после встречи с Шауриным, мешала теперь ощущать вкус жизни.

Последние сутки Юля чувствовала себя так же, как в первые дни после его отъезда. Первые долгие дни... Так, словно она стоит на перроне, зажатая между двумя несущимися поездами. Всё мимо. Все мимо нее, а она застыла и не знает, в каком направлении двигаться. Жизнь мимо.

И сейчас не знала, куда двигаться и как. По зову сердца — страшно. По зову тела... а как без сердца? Только вот физическое притяжение гораздо сильнее доводов разума. Ломка началась. Тоска по нему. Душила эта тоска, как петля на горле. Всего сутки прошли с его появления, а уже готова на стенку лезть. Не хватало Дениса. Сильных несуетливых рук не хватало. Бархатистого шепота. Неспешности его, но твердости. Напора — такого, что голова кругом. Но чтобы поднять трубку и позвонить самой... И не помышляла.

Вздрагнула. Словно вторя ее мыслям, раздался дверной звонок. Но Юля не рванула к двери, а подтянула на себя плед и приглушила звук телевизора. Как будто боялась, что с той стороны услышат, что она дома, хотя это невозможно. Даже если у нее в квартире ядерная

война начнется, по ту сторону двери не будет слышно ни звука. Слава богу, шумоизоляция хорошая и входная дверь из листовой стали. Но звонок раздался вновь и, как будто поменяв тональность, стал резким и настойчивым.

Как только Юля посмотрела в глазок, руки сами отперли все замки. Она сначала открыла дверь, а потом поняла, что поспешила, переоценив длину своей рубашки. Мужской рубашки, которая едва прикрывала бедра, спускаясь чуть ниже ягодиц.

Денис хотел что-то сказать, сделал короткий решительный вдох, но, увидев Юльку в таком виде, обомлел на мгновение. Краткое оцепенение сменилось бешеной злостью. Юля кожей ее почувствовала.

— Ты одна? — В такие моменты его голос густел, пробирая до дрожи в коленях. Хотя колени у нее не переставали дрожать со вчерашнего дня. С тех пор, как он прикоснулся к ней. И тело горело не проходящим возбуждением — то ли просто нервное оно, то ли уже сексуальное. Не разобраться.

— Одна, конечно. — Сама не знала, зачем добавила это «конечно». Но слово, черт его раздери, не воробей.

Опешила немного от его прихода, не предполагала, что он посмеет заявиться к ней так скоро и вот так запросто. Без звонка, без предварительной договоренности. А Шаурин прошел в квартиру, на ходу стягивая серый пиджак. Юле показалось, что следом он тут же скинет и рубашку, и брюки... и саму ее прямо на пол уложит.

При этой мысли воля стала дряблой, похожей на желе. Не сможет она ему противостоять. Совсем. Не может и не хочет.

Осознавала с какой-то опустошающей ясностью, что хочет с ним секса. Сейчас. Немедленно. Чтобы любил ее так, как умеет. Так, как она помнила и знала.

Отступила неуверенно, замерла напротив кухни. Сейчас самое время задать тон разговора. Проявить твердость духа. Только не получалось. Даже слова из себя выдавить не получалось. Хотела ощущать его внутри и снаружи — всем телом. Почувствовать его всего — и каждой клеточкой. Пережить еще раз те моменты близости. Только, когда он занимался с ней любовью, он принадлежал ей целиком и полностью. Она поняла это с первого раза. Не после их первой ночи, а тогда, у него дома, когда он впервые раздел ее и ласкал. Ласкал так, что себя потерял. Боялся, что не остановится. И если бы она сама не остановила, то переспали бы они еще тогда. Вот в эту ночь она впервые увидела его обнаженным — «голым» перед ней, открытым в своих желаниях и потребностях. И так между ними было всегда. Он приучил ее разговаривать, говорить, выражать свои желания. У них было все просто. Без комплексов и стеснений. Всегда откровенно, всегда на грани разумного. И на грани безумного тоже. Всегда с любовью. С бешеной страстью. Он не мог ею насытиться, а она не хотела его от себя отпустить...

Денис и сам не сказал, зачем явился. Бросил пиджак на ближайший пуф и подавляюще двинулся с таким выражением, будто намеревался содрать с нее рубашку и ею же отхлестать по заду.

— Юля... — сжал лицо, надавив пальцами на челюсти. Притиснул ее к стене, так что места между ними не осталось. Всем телом притиснул — ни дышать не давал, ни двигаться. Попытался поцеловать, но она упорно отворачивалась. — Юля!.. — снова поцеловал в сухие, упрямо сомкнутые губы. — Юля! — не умолял, требовал, чтобы она ответила ему, не вела себя как жертва, которую насилуют. Не хотел брать ее насильно. Хотел, чтобы ответила. Как хочет и может. Хочет же его. Знал, что хочет. Горит вся. Бьется в руках. Дрожит. От каждого

прикосновения дрожит.

— Юля! — позвал еще раз. Именно позвал – тихо и настойчиво, растягивая гласные.

Тогда она перестала упрячиться. Подняла лицо, вжала затылок в стену. Посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом — желанья и ненависти одновременно. Приоткрыла и облизнула сухие губы. Отступила. Сдалась. Но он не набросился, снова сжал лицо в ладонях.

— Моя девочка... моя...

Приоткрыл ее губы. Она позволила. Лизнул язык. Еще. Захватил его кончик, посасывая. Потом снова лизнул, так и играл ним, заставляя ее приоткрывать рот.

Невозможно сопротивляться. Даже отвечать на его ласку было невозможно. И ласка ли это вообще? Слишком животно, слишком интимно. Почти неприятно. Забыла, как с ним бывает...

Но Денис продолжал, намеренно лаская ее рот вот так. И не рот вовсе, не губы, а только язык. Ласкал, пока она не попыталась вырваться и не застонала — то ли от удовольствия, то ли от отвращения.

Он прижался губами к ее шее. Языком к пылающей коже — к бьющейся жилке. Вцепился в нее зубами. Осторожно, но ощутимо. Сам себе удивлялся, как только до крови не прикусил. А может и прикусил, просто не замечает уже. Потом скользнул рукой в ее трусики. Юля вжалась в стену, хотя куда уж больше. И так с трудом переводила дыхание. Теперь уже бесполезно делать вид, что она равнодушна. Что не хочет, а только подчиняется. У нее там мокро и горячо. И тяжело внизу живота до боли. Так что бедра сводит. А от его нежно ласкающих пальцев просто невыносимо...

Всем телом Юля содрогнулась от его удовлетворенного стога. Денис быстро распустил ремень брюк, крепко подхватил ее за ягодицы. Не стал снимать с нее трусики, а просто сдвинул в сторону, одним резким движением вошел в нее. И замер: боялся, что кончит от одного толчка.

И Юля замерла, вцепилась в его черную рубашку. Ослепленная яркой парализующей вспышкой удовольствия. Удовольствия, граничащего с болью. Может, она и была, боль. Но далеко. Не слышно ее за полнотой ощущений. Ничего не слышно. И время остановилось. Не было ни прошлого, ни будущего. Ничего кроме ощущений друг друга. Кроме прижатых друг к другу тел.

Ее горячее прерывистое дыхание обжигало щеку.

— Сними, — коротко сказал Денис, а Юля поначалу не поняла слов. — Снимай рубашку.

Дорожащими пальцами она еле как справилась с пуговицами. Снимать не стала, просто распахнула полы, открывая грудь. Он сбросил свою. Расстегнул две пуговицы и стянул через голову.

Его обжигающие прикосновения к груди сводили с ума. Влажный язык по пылающей коже, по чувствительно-набухшим соскам. Эти рваные ласки словно горящие искры по телу. Невыносимо и разрушающе.

— Покричи... покричи, моя девочка... покажи, как тебе хорошо со мной, — хрипло проговорил на ухо. Не просил — приказывал. А Юля все сжимала зубы и только натянутым, как струна, телом и затрудненным дыханием выдавала собственное сумасшествие от их близости.

Не отвечала. Он ласкал шею языком.

«Ответь... ответишь».

Тогда подхватил ее поудобнее и двинулся. Вперед, в нее — до самого конца, до боли. Она сжалась вся и застонала от непереносимой горячей волны, что захлестнула тело и разум. Не контролируя себя, вонзилась ногтями в плечи.

— Давай... скажи мне...

Снова начал двигаться, вжимая ее в стену. Целовал до онемения в губах. Вспоминал ее вкус. Дышал ею. Слушал ее стоны, словно в себя впитывал — каждый звук, каждое ее движение.

Она постанывала тихо. Почти не осознавая реальность, чувствуя только свое напряженное, ставшее тяжелым и непослушным, тело. И его глубоко в себе, горячего и твердого. Чувствуя наполненность и потребность. Боль и удовольствие. Желание поскорее рассыпаться на куски и не останавливаться никогда.

Он двигался резко. С каждым новым толчком унося ее за пределы разумного. Туда где сознание ограничивается лишь его существом. Туда, где дышать забывала.

И разлетелась. Рассыпалась. Взорвалась. Хватая ртом воздух, содрогнулась в спазмах. Потеряв силы, безвольно доверилась, повиснув на его плечах. Издалека ощущала, как Денис несет ее в спальню и укладывает на кровать. А потом снова с ней. В ней. Уже не так быстро, не резко. Аккуратно.

Открыла глаза, словно выплыла из тягучего сна, вновь ощутила внизу живота то самое сладостное напряжение. Если и он поймет, то доведет ее до конца. Раньше мог, всегда чувствовал, когда так бывало.

Денис посмотрел ей в глаза. Замедлил движения. Приподнялся на руках. Окинул ее взглядом. Прошелся глазами от груди и вниз. Положил ладонь на живот.

— Еще дрожишь... я чувствую... — переплел их пальцы, и закинул руки ей за голову, навалился на нее всем телом. — Но не слышу тебя... не слышу.

Слабая. Слабовольная. Не смогла промолчать. Ради удовольствия с ним готова снова себя потерять. Вот только сейчас почувствовала его целиком — тяжесть тела, бархатистость кожи, тугие напряженные мышцы. А до этого даже не осознавала, насколько крепко обвивала его ногами, как сильно прижималась к нему.

— Не останавливайся сейчас... я хочу еще...

Он и не останавливался, пока волна удовольствия не накрыла ее снова. Пока она не обессилила окончательно, отстраненно чувствуя его последние резкие толчки. Головокружение и дрожь размывали ощущения.

А потом, когда все закончилось, захотелось свернуться калачиком и забыться. Но руки словно приплавились к его плечам, не могла пошевелиться.

— Ты спрашивал, хорошо ли мне с тобой. Да. Очень хорошо. С тобой мне лучше, чем с ним. С тобой я всегда кончаю.

Денис резко сжал пальцами ее челюсть. Больно надавил.

— Я тебя ударю. Я сейчас тебя ударю, слышишь?

Но не ударил. Конечно, нет. Смотрел только с бешенством и злостью. Да она почему-то и не испугалась. Было все равно, что он сделает.

— Мне в душ надо.

— Пойдем.

Он стащил ее с кровати, унес на руках в ванную комнату и поставил за стеклянные дверцы душевой. Включил воду. Юля вздрогнула и съежилась. Сначала, как обычно, побежала холодная.

— Я тебя затрахую до смерти! До потери памяти! Чтобы ты забыла эти два года! — Он стоял сзади нее, опирался ладонями о кафельную стену и рычал ей в ухо. — И выкинь эту рубашку! И его из своей жизни выкинь! Скажи, ему — пусть уезжает! Сама скажи, иначе я его на кусочки разорву! Ты же знаешь: я могу!

Юля убрала мокрые волосы от лица и перекинула их на одно плечо. В какой-то момент улыбнулась. Но улыбка быстро слетела с ее искусанных губ.

— Дурак, ты, Шаурин. Это твоя рубашка. Я в ней целый день провела после нашего первого секса. Ты, конечно, не помнишь. А потом, перед тем как ты отвез меня домой, сунула ее себе в сумку. Часто ее надеваю... Но ты себе не льсти, это просто привычка. Зачем ты вернулся? Зачем приехал ко мне сегодня?

— Выходи за меня замуж. Не могу без тебя.

Юля горько засмеялась:

— Все это время мог. — Тоже оперлась ладонями о стену и опустила голову. Слегка мутило. Денис обхватил ее за талию и прижал к себе.

— Ты не знаешь, мог я или нет.

Так и зудела мысль, и с языка рвалось: «Так расскажи!». Но Юля промолчала. Лишь покачала головой.

— У нас с тобой всего два варианта развития отношений. Один уже отпал сам собой. Разрыва не будет: я этого не допущу. А значит двигаемся в светлое будущее. Давай сделаем это с минимальными потерями. И с большим шансом на здоровые отношения. Во всех смыслах.

Юлька бы еще простояла под душем, если б Шаурин не выволок ее практически насильно. Едва успела халат натянуть. А лучше стояла бы под водой, там тепло и можно не разговаривать. А так чувствовала, что Денис снова начнет пробивать ее защитную оболочку колкими и хлесткими словами. Столько сил понадобилось, чтобы ее нарастить, но похоже — без толку все.

— Это у тебя только два варианта. А у меня их великое множество.

Все равно душ помог немного прийти в себя. В голосе снова появились резкие нотки, а в движениях сила. Юля схватила расческу и принялась нервно водить по волосам.

— Например? — громко спросил Шаурин из спальни. Когда Юля туда вернулась, он уже невозмутимо лежал на кровати, прикрыв бедра одеялом.

— Я просто буду с тобой спать, — твердо сказала Юля, остановившись у кровати и туго затягивая пояс белого махрового халата. — Просто заниматься сексом. И все. И ничего больше. Раз в неделю, по субботам.

— Мало раз в неделю, давай хоть два. — Включил светильник на тумбочке, чтобы видеть ее лицо. Опять непонятно — насмеялся он или серьезно говорил. — В среду и субботу, четверг-то занят будет. Опять мозговынос начинается. Интересно, я когда-нибудь заработаю себе очки на спокойную жизнь? — Все-таки насмеялся.

— Твоя спокойная жизнь закончилась, когда ты уехал от меня. *Сам!* — хлестнула словами.

— Я и вернулся — *сам!*

Сообразить не успела, он повалил ее на кровать: дернул за халат, ловко уложил на спину и навис сверху, сжимая плечи в кольцо рук.

— И кофе с тобой я в шесть утра пить не буду. Никакого тебе кофе по утрам, — зло проговорила сквозь зубы, стараясь отвернуться, но Денис вынудил ее смотреть себе в лицо, в

глаза. Что-то было в их серой глубине такое, что не позволяло отвести взгляда. Что примораживало к месту.

— Все правильно, — спокойно сказал он. — Любовь должна быть гордой. А у гордых людей она должна быть гордой особенно, — проговаривал слова четко. — Днем делай, что хочешь. Беснуйся, огрызайся, ругайся со мной. Но только не ночью, не в постели. — Пытался поцеловать, но она снова отворачивалась. Боялась ответить, проявить свои чувства. Хотя любовь ее, скомканная, смятая, как лист бумаги, зашевелилась уже, взбудоражилась от его появления. Тело теперь хоть во что угодно укутывай, душа уже разделась.

Уперлась ему в грудь ладонями.

— Уйди, Денис! Не насилуй мне душу!

Он отпустил ее и сел на кровати. Вдавил кулаки в матрас, словно собирался пружинисто оттолкнуться. Почему-то сразу встревожила эта перемена в его настроении: собранность во взгляде и едва уловимое напряжение мышц.

— Днем будешь истерить, — не резко он говорил, не грубо, но таким тоном, каким обычно отдают инструкции. — Прямо завтра с утра и начнешь. И да, можно без кофе. Это тоже серьезный удар по моему самолюбию. Пережила же, что я с Верой спал. И это переживешь. Переживем.

Юльку от злости аж подкинуло на месте.

— Ты совсем ненормальный?! — вскинулась она. — Зачем ты сейчас об этом говоришь? Зачем напоминаешь?

— Если чтобы зажечь тебя, мне нужно будет изменить, значит я буду тебе изменять!

Юля ударила его по щеке раньше, чем смогла себя остановить. Хлестнула и тут же замерла, словно сама удивилась, что сделала это.

— Как... как у тебя... — еле выговорить смогла, горло словно тисками сдавило, — ... только язык поворачивается...

И получилось же. Загорелось что-то у нее в груди. Зажглось так, что лицо краской залилось и ладони вспотели. Откуда-то из подсознания всплыли красочные картинки — внутри все забурлило от ревностной злости, или от злой ревности, и этого неуверенно-скользящего шлепка по щеке оказалось ничтожно мало, чтобы выразить все свои чувства. С полным осознанием и со вкусом залепила ему вторую пощечину.

— Хорош уже! — поймал ее за запястье и крепко сжал.

Она прикрыла глаза, но Денис заметил, сколько боли скрылось под дрожащими веками. И как предательски заблестели глаза, занемели губы, затвердели щеки.

— Зачем... — еле шевеля губами, прошептала она с закрытыми глазами. — Зачем ты сделал это? Позволил мне ударить тебя... Зачем ты сделал так, чтобы я тебя ударила? — До сих пор не могла поверить в то, что совершила, но ладонь огнем горела, подтверждая содеянное яркими ощущениями. Наконец посмотрела Шаурину в лицо покрасневшими от не пролитых слез глазами: — Или ты думаешь, что будешь управлять мной, как своими людьми?.. У меня на таких, как ты, стойкий иммунитет, — кстати пришились Славкины слова.

Дернула рукой, чтобы освободиться от захвата, Денис не стал удерживать — отпустил мягко. Юля отползла от него и выпрямившись села напротив него. Практически в той же позе, что и он, только руки сложила на бедрах, стянув плотнее полы халата. Долго молчала. Напряженно. Увела взгляд в сторону, остановив его в какой-то невидимой точке в пространстве. Пыталась сглотнуть ком и не дать политься слезам. Не высказанные слова

душили больше, чем боль, обида и все другие смутные тревожные чувства. Горло перекрывали и дыхание, движения сковывали. Уродовали ее существо. Чувствовала, что если не скажет, до нервного срыва докатится, до разрыва сердца дойдет. Ни день, ни два копила, ни сутки с его приезда. Два года копила. Два года думала, что скажет ему, когда он вернется. Бесконечные монологи сочиняла. Какого только цвета они не были, какого окраса. С чего только не начинались. С безумного «Люблю, не могу жить без тебя» и отчаянного «Ненавижу, исчезни из моей жизни». А теперь, когда смотрела на него и молчала, на кусочки разрывалась. Денис молчал тоже.

— Ладно, Шаурин, прав ты — каждому слову свое место и время, а я не привыкла прятаться и убегать. Ладно... — сделала дрожащий вдох, взглянула ему в глаза, а потом начала бесцветным голосом. Без тех иссушающих душу эмоций. Но так решительно и звеняще, что слова, казалось, дрожали в воздухе, бились о стены. И не только о стены комнаты, но и о стенки его разума, прямо в мозг впивались. Таким тоном она говорила. Словно заученный монолог выкладывала. — Я тебе устрою ад. Так что со светлым будущим ты немного подожди. Мне теперь нужно подумать. Я за тобой не успеваю. Ты все знаешь, ты все решил. А я даже не знала, что ты приезжаешь. У меня не было времени подготовиться. У меня внутри полный хаос, разброд и раздрай. Хочу-не-хочу-люблю-ненавижу, — замолчала, переводя дыхание.

Денис не хотел ее перебивать, но пауза затянулась, словно от него ждали ответа.

— Никто не знал, — сказал он, и Юлия удивилась, как погустел его голос. — Ради моей безопасности никто не должен был об этом знать.

— Вуич?

— Конкретно я сообщил ему за пять минут до вылета. А так он был ориентирован просто на ближайшие дни.

Кажется, такой ответ ее удовлетворил. Она сделала еле заметное движение головой и снова вдохнула перед тем как заговорить.

— Я тебя простила. Уже давно. Отца и тебя простила, но от этого мне не становится лучше и легче, мне еще больнее. Еще хуже, — говорила с такой интонацией, как будто читала чужое письмо. Читала о каких-то чужих чувствах, не своих. — Смахивает на слабость и малодушие, потому что таким образом я даю тебе зеленый свет на еще какую-нибудь гадость. Вдруг возникнет еще какое-нибудь... *обстоятельство*. Хотя тебе говорю по-другому, что не прощу, но мне нужно за что-то держаться. Больше не за что, — кивнула. Непонятно кому, может, себе. Может, ему, будто убедившись, что смысл ее слов дошел до него и понял он их правильно. — Мне пережить все надо, переболеть твоё возвращение, перемолоть все в себе и отпустить. Но пока я не могу. Пока внутри все колом. Комом. — Сама не заметила, как руки сползли с колен и вцепились в простыню, словно та помогала удержать равновесие и не упасть, словно давала какие-то неведомые силы. — А ты не насилуй мне душу. Я не боюсь говорить тебе такие вещи, мне не страшно все испортить таким отношением. Потому что так, как люблю я, тебя не будет любить никто и никогда в жизни. У них просто не хватит на тебя сил, Шаурин. А я с тобой справлялась будучи еще безмозглой малолеткой. Думаешь, сейчас не смогу? — сползла взглядом на его губы. — Поэтому ты всегда будешь возвращаться ко мне. Всегда. Вернулся сейчас и всегда будешь. Потому что ты только мой, Шаурин. Уже давно. Но я никогда тебе не скажу, спала я со Славой или нет. Никогда. И у тебя ничего не буду спрашивать. А если спрошу, ты мне не отвечай. Или ты думаешь, что один такой умный — взял паузу в отношениях, чтобы не рвать

себе душу? — Вот тут он ждал от нее усмешки, но ее не последовало. Зато тон ее голоса заметно повысился и приобрел яркость. — Это я ее тебе дала. Я! Да, я люблю такие условности, мне нужен такой самообман. Потому что я не хочу убиваться от ревности и думать, что ты мне изменяешь. Мне легче вычеркнуть из жизни эти два года и ничего не спрашивать. Потому что меня это не касается! Потому что меня эти два года у тебя не было! И как я тебя целую ночью... или ласкаю, ты утром мне не припоминай. Это скорее я тебя затрахую до смерти, потому что ты должен мне два года! Ровно семьсот семь дней. Два Новых Года, два дня рождения, два Восьмых Марта. — Вот тут она набрала полные легкие воздуха. — И если ты еще раз посмеешь хоть слово сказать про ту блядь... я не знаю, что я с тобой сделаю.

Юля замолчала и вдохнула так глубоко, что в груди заломило. А может, заломило в груди от другого. Хотела спросить у него: «Что молчишь?», но не смогла. Как будто слова кончились. Или силы, чтобы их произносить.

— Иди сюда. Иди ко мне, — тихо позвал Денис.

Хотела, но не могла. Сдвинуться с места не могла и даже пальцем пошевелить. Денис выключил свет и потянул ее на себя. Прижал к себе крепко.

Почему-то захотелось темноты. Чтобы не видеть ничего, никаких предметов. Казалось, белая постель и ее белый халат ослепляли. Если не ослепляли, то раздражали точно. Сейчас каждый предмет, что попадался на глаза, нарушал их уединение. А в темноте стало уютно. Только тело ее чувствовалось напряженное, дрожащие руки. Юля как будто обнимать его разучилась, неловко хваталась за плечи. Кажется, вот-вот оттолкнет. Но нет, расслабилась постепенно, уткнулась ему в шею и обмякла.

— Какой ты мне ад собираешься устроить, Юленька? Ад — это когда я без тебя, — шептал. Почему-то хотелось шептать. Чтобы даже звук не тревожил воздух в комнате. — Ладно, пусть будет ад, но только с тобой. Люблю тебя.

— Ты же не пьешь со мной кофе по утрам? — мягко усмехнулся, когда Юля зашла на кухню, насупленная, слегка растрепанная.

— Это я в шесть утра не пью. А полседьмого уже можно, — без улыбки сказала она и налила себе кофе. — Ничего ты так меня потрепал сегодня, — чуть оттянув майку, посмотрела на свою грудь, оценивая красноватые следы. Скосила взгляд на плечо.

— Нормально потрепал.

— А вот мне интересно, если бы я замуж за это время вышла, а?... — вдруг спросила она.

— Развел бы. Сделал все, чтобы ты развелась. Или овдовела.

— Серьезное заявление, — вздохнула она и поправила волосы. Не стала садиться на стул, встала у островка напротив окна.

— Ты даже не представляешь, насколько, — Денис поставил кружку в раковину. — Жалко, времени нет, — подошел сзади и прижал Юлю к столу. — А то бы я тебя... — надвинулся, вынуждая чуть прогнуться вперед. Юля и прогнулась, при этом продолжая невозмутимо пить кофе. Поцеловал ее в шею. — Когда я буду звонить — бери трубку.

Через несколько минут, после того как Юля захлопнула дверь за Шауриным, телефон у нее зазвонил. Сразу не ответила, будто ждала, что он раззвонится.

— Ал-л-ло, — невозможно растянула слово.

— Проверка связи, любимая. Обнял, поцеловал.

ГЛАВА 49

Увидев входящий звонок от Ярослава, Юля почувствовала досаду. Таковую, какую может вызвать поехавшая на чулке петля. Ответила, конечно. Но, честно говоря, думать о Славе забыла с приходом Шаурина. Да и сам Слава о себе не напоминал уже целую неделю.

— Я попрощаться, — как-то без обиняков начал он. Не стал обходиться кругленькими речевыми абстракциями, выяснять, как дела и настроение. Смутить не смутило, а даже обрадовало. Не очень хотелось с ним разговаривать. Не о чем, впрочем.

— Так скоро?

— Да.

— Ты же говорил, что пробудешь тут еще месяц.

— Нет, я уезжаю.

Мелькнула у Юли мысль спросить, в чем причина такого скорого отъезда, но она отогнала ее, не позволяя разговору затянуться. И двух минут не хотелось на него тратить. Слава богу, не попросил о встрече.

— Ну, что ж, остается пожелать тебе счастливого пути и всяческих благ, — сухо сказала она. Ярослав тоже мягкостью тона не отличался. Создавалось впечатление, что говорил он не очень охотно, скорее, из вежливости. Да, это определенно в его духе, уехать просто так молча он не мог.

Признаться, после разговора Юля вздохнула свободно. Радовалась, что прощание произошло по телефону. Что не пришлось встречаться с ним лично. Подумалось, возможно, Шаурин приложил к этому руку. Хотя нет. Если бы Денис поспособствовал, то Слава точно бы уехал не прощаясь.

Только успела покрыть ногти вишневым лаком, в дверь позвонили.

— Блин, вот так всегда... — проворчала Юля. Так действительно «всегда». Только ногти наклеишь — то по телефону начинают звонить, то в дверь ломятся.

— Денис! — Юля его, конечно, ждала, но чуть-чуть попозже. Через полчаса. Их как раз должно было хватить, чтобы высушить ногти, накрасить губы и надеть платье. Но Шаурин, как всегда, все делает по-своему. И почему-то это не сильно раздражало. Вообще не раздражало. — Осторожно, у меня еще лак на ногтях не высох. Ты сказал, что приедешь в семь, а сейчас половина.

— Я просил, чтобы ты была готова к семи, но не сказал, что приду в семь. Пять минут на официальную часть, двадцать пять на удовольствие — как раз до семи уложимся. А потом в ресторан.

— О, да, это в корне меняет дело. Ты только о сексе и думаешь.

— Нет, когда я смотрю на тебя, то думаю исключительно лишь о том, что мне нужно перегнать в швейцарский банк сорок миллионов долларов, — с легкой издевкой произнес он, медленно шагая за ней в гостиную.

— Какая у тебя удивительная фантазия! — притворно восхитилась и театрально взмахнула руками.

— Я вообще удивительный человек.

Юля засмеялась, но смех ее тут же угас, словно его спугнуло дребезжание дверного звонка.

— Открой, это к тебе, — как-то уверенно сказал Шаурин.

Юля с сомнением посмотрела на Дениса и направилась обратно в прихожую, молясь про себя, чтобы это не Слава вдруг все-таки решил к ней заявиться с прощальным визитом.

Когда Денис вышел следом, Юля стояла застыв посреди комнаты, прикрывая рот ладошкой.

— Это что? — с удивлением спросила она, отрывая взгляд от корзины с цветами.

— Розы. Красно-белые. Ровно семьсот семь штук. За каждый день моего отсутствия. Отдаю долги.

Девушка наконец как будто пришла в себя и отняла ладонь от улыбающихся губ. Лицо ее покрывал плотный румянец.

— Я, конечно, никогда не была обделена мужским вниманием, подарками и всякого рода сюрпризами, но столько цветов за раз не помню. Что за широкие жесты, Шаурин?

— Ну что ты, дорогая, — он самодовольно усмехнулся и прислонился плечом к косяку, — вот выйдешь за меня замуж, я для тебя целые поля буду цветами засаживать.

— Я так понимаю начинается официальная часть? — И хотя Юля прекрасно понимала, к чему он клонит, все было ожидаемо и совсем не ошеломляюще, сердце странно дрогнуло.

— Так точно, — согласно кивнул.

— Подожди, давай я хоть платью надену, а то что ж я в такой важный для меня день в майке и шортах.

— Нет, не надо. Вот как раз майка и шорты меня устраивают, а то возиться потом с застежками...

— Тогда цветы хотя бы по комнатам растащим. Не стоять же им у входной двери.

— Давай. Скажи куда.

Семь огромных букетов разместили по комнатам. Кажется, за несколько минут волнующий аромат роз пропитал каждый уголок квартиры.

— Дорогая моя, любимая... — начал Шаурин, когда они с Юлей остановились в гостиной. Одну корзину она определила в обеденную зону и теперь замерла у стола, уткнувшись носом в ворох красно-белых бутонов.

— Стоять, — сразу притормозила его Юля. — Так, Денис, подожди.

— Как это подожди? Я готовился, все серьезно. — Глаза его смеялись.

— Я вижу, — боялась, что от волнения начнет хихикать. И откуда оно только взялось, это волнение. — Я прям нутром чувствую всю серьезность твоих намерений. А есть укороченная версия? А то всерьез опасаясь, что к концу твоей пламенной речи буду реветь белугой, а у меня макияж... тушь... мне нельзя. Правда... — прикусила губу, чтобы не улыбаться по-глупому широко.

— Разумеется, есть.

— Давай короткометражку.

— Легко, — полез в карманы и поочередно выложил на стол две бархатных коробочки: — Кольцо специальное, — отчеканил, — кольцо обручальное. — Выудил из нагрудного кармана листок бумаги: — Вот здесь ты напишешь, где мы проведем медовый месяц. Дом на море ты стопроцентно уже выбрала. Официоз, — поддернул пиджак, — пафос, — указал на розы. — Романтика, — поднял, зажатый между пальцев пустой лист бумаги. — Выходи за меня замуж. Я буду делать тебя счастливой.

Юля молчала. Почему-то не смогла сразу вымолвить ни слова. Потом улыбнулась, чувствуя, что снова залилась краской:

— Только ты так можешь. Так и знала, что прогадаю. Теперь мне жутко интересно, что было в полной версии.

— Длинное признание в любви и еще немного о том, какая я сволочь. А, — сделал вид, точно вспоминает, — и в конце я планировал припасть на одно колено.

Юлька расхохоталась, и это помогло ей немного расслабиться. Только теперь она глубоко и спокойно вздохнула.

— Шутник. Я могу подумать?

— А можно не нужно?

— Нельзя. Я отвечу тебе через два года.

— Ты пошутила сейчас? — с недоверием в голосе спросил он и сунул руки в карманы брюк. По лицу видел, что не шутила.

— Нет.

— Юляш, ты пошутила, — сказал утверждая. Или убеждая.

— Нет, я тверда, как дамасская сталь, — словно поставив точку в разговоре, увела взгляд. Подула на ногти и взяла одну коробочку со стола. — Пойдем, что ли, кофейку поьем.

— Воистину, чудны дела твои, Господи... Как мне это пережить?

На кухне Юля включила чайник — он уютно заурчал. Осторожно открыла бордовый футляр.

— Мамочки, какая красота... — прошептала восхищенно. — Его же надевать страшно, такое кольцо только в сейфе держать.

— А сейчас ты переедешь жить ко мне... — то ли спрашивал, то ли распоряжался.

— Нет, — убежденно сказала Юля. — Не перееду. Мы будем просто встречаться. Как раньше. А через два года я тебе скажу, выйду я за тебя замуж или нет. Подождешь меня два года? — взглянула прямо на него. Губы ее улыбались, глаза все так же — нет.

— Жестоко после такого ответа еще и растворимым кофе меня поить. Я согласен только на свежесваренный.

Не поняла, поверил ли он, или просто пропустил мимо ушей ее заявление.

— Денис, — приподнимая бровь, проговорила Юля. Аккуратно надела кольцо на правый безымянный палец и распрямила ладонь, чтобы полюбоваться роскошным подарком на расстоянии вытянутой руки, — если ты будешь так долго тормозить, то вообще «кофе» не получишь. Двадцать минут у тебя осталось. Я прям даже не знаю, как ты в них уложишься. Или я сейчас надену платье и долго из него не вылезу.

— И почему я должна стоять ночью у плиты, как какая-то кухарка? — шутливо проворчала Юля, переворачивая курицу на сковороде.

— Потому что я есть хочу. И потому что в ресторан ты идти не захотела. И потому что... не Конфетой единой жив человек. Я сейчас, — набрал чей-то номер на сотовом и шагнул из кухни, чтобы переговорить без свидетелей, — и салат из свежих огурцов сделай, пожалуйста.

Когда вернулся, выражение лица у него было странно напряженное. Юлке это сразу не понравилось. В желудке тут же затлело неприятное чувство.

— Что-о такое, — протянула она и, застыв на Шаурине взглядом, зажала кончик вилки

зубами.

— У тебя есть два варианта, — он сел за стол и жестко сцепил пальцы, — или я завтра приставлю к тебе охрану, или ты поживешь пока с родителями.

Обычно в таких ситуациях лишних вопросов не задают – все и так понятно. Вот и Юля не задавала, только паузу выдержала, внимательно вглядываясь в лицо Дениса. Оно уже ничего не выражало, кроме решимости.

— А как тебе будет спокойнее?

— Мне будет спокойнее, если ты будешь рядом со мной.

— Я перееду на время к отцу. Там дом под видеонаблюдением и охрана на каждом углу. Тем более мы вместе работаем, я вообще могу от него ни на шаг не отходить.

— Вот это меня тоже беспокоит.

— Я работаю только по чистым предприятиям.

— Все равно. Чем ты занимаешься у отца? — немного расслабившись, Денис откинулся на стул. Юля так и стояла у плиты с вилкой в руке.

— Общий контроль финансовых потоков, налоговая и инвестиционная политика. Я же с первого курса с дядей Юрой таскалась везде, всюду свой нос совала. Юра выстроил очень хорошую систему управления. Мне только подхватить оставалось.

— Я знаю, мне ли не знать, — подтвердил Шаурин. — Я сам у Юры многому научился. Корочек только не хватает.

— Ну и вот... — вспомнила про салат и достала огурцы из холодильника. — Я не думаю, что отец серьезно планировал вводить меня в дела, но когда Юры не стало, у него выхода не было. Не человека, который мог бы занять это место, а выхода. Отец был в очень плохом состоянии. А я сама ввязалась, некогда было думать и бояться.

— И как люди тебя приняли?

— Никак поначалу. Как они могут меня принять? Монахов ослаб, а я зарвавшаяся двадцатитрехлетняя девица. Не говорю, что все так думали. Есть, конечно, преданные люди, но и другие есть, которые тебя при первой возможности закопать готовы. Отец, само собой, пришел в себя. Он на месте не сидел, меня никто на произвол судьбы не бросил. Но... Это сейчас отец, а мне потом работать... — смолкла она.

— Давай уже, Конфетка, колись. Что ты придумала? Должно же было быть какое-то кардинальное решение. Выход из ситуации.

Юля прокашлялась.

— Ничего такого кардинального. Как думаешь, что мне оставалось делать? Мне Вуич хорошо помог, он же у нас зам по безопасности. Устроили с ним проверку, нарыли много нужной и ненужной информации. Я собрала совещание в главном офисе и отодрала всех.

Денис рассмеялся, но тут же приложил палец к губам, стараясь сдержать улыбку.

— Что ты сделала? — переспросил.

— Я оделась во все черное, собрала волосы в хвост, накрасили губы красной помадой и всех отодрала. Уволила несколько человек. Пусть думают про меня что хотят. Что я наглая, беспринципная, безмозглая... Мне все равно, мне нужно, чтобы предприятия эффективно работали. Слушай, а ты Вуича теперь забереешь? — вдруг спросила она.

— А что – он тебе нужен?

— Угу.

— Не знаю, посмотрим. У меня Шаповалов есть. И других безопасников хватает.

— Я все хотела спросить, а чего ты Вадима из Госнаркоконтроля не вытащишь?

— Я сколько раз пытался. Не созрел он еще.

— Не понимаю, такая возможность...

— Такой он человек. Кто-то расследует преступления, а кто-то борется с преступностью. Так вот Вадим – борется с преступностью. Пусть борется. У каждого в жизни своя борьба. Юляш, ну ты же пошутила про два года, — внезапно перескочил он с темы.

— Нет, я же сказала – нет.

ГЛАВА 50

— Стас, набери Вуича. Не могу Монахову дозвониться, он должен был со мной связаться еще после шести вечера, уже семь, — попросил Шаповалова Денис, а сам стал набирать Юлин номер, но ее телефон тоже отвечал лишь длинными гудками.

Сегодня не покидало ощущение случившейся беды. Пока решал рабочие вопросы, оно, казалось, уходило, как выветривалось. Но стоило остаться в одиночестве – жгло внутренности изжогой.

— Лёня, ну что там?.. — вяло спросил Шаповалов, следуя распоряжению, но тут же бросил на Шаурина такой взгляд, от которого у того по спине прошла нервная дрожь. Потом Шип заговорил скороговоркой: — Охрану оставь. С Натальей свяжись, пусть сидит не дергается... Поговорил уже?.. Даже не думай!.. Подожди... — отвлекся от разговора и снова посмотрел на Дениса: — Монахов в больнице в тяжелом состоянии... — сказал он, потом понял, что не с того начал. — Их расстреляли у входа в ресторан, когда они садились в машину. Дочь забрали, — сам не знал, почему сказал, «дочь», а не «Юля». Не смог назвать ее имя. Наверное, не хватило смелости глядя в глаза Шаурина сообщить такую новость. Словно «дочь» прозвучит безлико и немного смягчит сказанное. — Там уже ментов скоро навалит...

— Дай сюда, — Шаур забрал трубку у Шипа и поднялся с места. — Говори, — приказал Вуичу и некоторое время молча выслушивал подробности нападения. — Оставь там Ковалева. Он начальник охраны – знает, что говорить и как говорить. Про Юлю ни слова. Сам давай ко мне, ты мне здесь нужен. Быстро! — вернул телефон Стасу и прошелся по кабинету вдоль большого Т-образного стола. Сделал несколько медленных шагов. Остановился у шкафа с образцами продукции завода. Сложил ладони, сомкнул, приложив кончики пальцев к плотно сжатым губам. Потом встряхнул руки и сунул их в карманы брюк. Странное ощущение – голова и грудь, будто в огне, а ноги проваливаются в ледяную трясицу. Кажется, ничего ниже колен уже не чувствовал.

Стас сидел тихо, словно даже вздохом боясь потревожить, ставший вдруг напряженным, воздух. Словно в комната наполнилась пропаном, и любой шорох мог спровоцировать взрыв. Исподлобья смотрел на Дениса. Видел, как сжались у того кулаки, а сам он весь подтянулся вверх, чуть приподняв подбородок. Как шея напряглась, и плечи. Видел в стеклянных дверцах шкафа его отражение. Показалось, что сейчас Шаур заорет во всю глотку. Просто изойдет душераздирающим криком. Интуитивно возникло желание зажать уши, словно вот-вот...

Но Шаурин развернулся и, наверное, правда только какими-то нечеловеческими усилиями сдержался, чтобы вместо крика выпустить из себя воздух. Просто выдохнуть. Кровь бросилась в лицо, расплываясь по мощной шее, выступая из самого выреза темно-

синей рубашки, застывая на лице плотным румянцем. Таким плотным, что щеки начали отдавать синевой. И взгляд у Дениса стал другой — стеклянный какой-то, неестественно блестящий. И острый, что невозможно было в глаза смотреть. Не сел он сразу в кресло, приостановился у стола. Нажал кнопку селектора.

— Лиза, кофе принеси. Три. Нет, четыре чашки. — После этого он опустился в кресло, сел уверенно и жестко, плотно вдавившись в спинку. Начал убирать со стола бумаги. Сгрел все, что на нем было и, не разбирая, сунул в верхний ящик: документы, авторучки, сувениры, подаренные кем-то из партнеров. Все убрал, словно не стол расчищал, а пространство для мысли.

— Лиза, меня нет, — сказал он, когда секретарша принесла кофе. — Ни для кого. Я уехал в командировку. Поняла?

— Конечно, Денис Алексеевич, — невозмутимо ответила девушка. — От вас ни слуху ни духу. Вы вообще у нас часто в разъездах.

После того, как дверь за ней закрылась, Шаурин снова замолчал, подвинул к себе кофе и принялся мерно размешивать его ложечкой, не проверяя, есть ли в чашке сахар. Шаповалов рот не открывал тоже, понимая, что для его слов еще не пришло время. Только скрежет ложки по дну чашки невозможно раздражал. Будто по нервам скреб. Не то чтобы Шип был слишком чувствительный, но Шаур уже минут пятнадцать гонял ложку по дну, уставившись глазами в одну точку. Тем не менее остановить его Шаповалов не решался.

Постепенно кровь отлила от лица Шаурина, отхлынула порциями. Наконец Денис постучал ложечкой о край чашки и аккуратно положил ее на блюдце. Стало тихо. Тихо и душно. Стас непроизвольно и облегченно выдохнул, но продолжал молчать. Хотелось курить, но не решался доставать сигареты, словно боялся неосторожным движением спугнуть оформляющиеся мысли Шаурина.

Денис отпил половину чашки и набрал номер Бардина. Тот ответил сразу.

— Вадим, ты мне нужен, — коротко сказал. — Да, я у себя. Только теперь звони мне на другой номер.

Шумно и беспокойно в кабинет ворвался Вуич. Не здороваясь и не говоря ни слова, он припал к полной чашке с кофе, выпил ее почти залпом и упал на стул напротив Стаса. Только тогда взглянул на Дениса.

— Я же тебя просил... — не задержался Шаур, прижимая Лёню взглядом к стулу. — Я же просил тебя не отходить от нее ни на шаг, — он не кричал, не рычал, но говорил каким-то замогильным голосом. Таким, от которого позвоночник инеем покрывается.

Даже зная, что сейчас все слова будут выглядеть как оправдание Лёня не смог смолчать.

— Монахов отослал меня с поручением. Я ничего не смог сделать. Думал успею вернуться, пока они закончат переговоры.

Больше Шаурин ничего не сказал, смотрел только так, что подумалось: легче самому застрелиться, ибо если они не вытащат Юльку из этой передраги, Шаур его со свету сживет. И не только его.

— Да и слава Богу, что услал его Монах, — пробурчал Шип. — Еще бы Лёню завалили и вообще красота... Шаур, не тяни кота... что делать будем? — Стас достал сигареты. Почувствовал, что уже можно.

Денис опустошил чашку и отставил ее на самый край. Словно снова расчистил пространство для мысли. Отключил свой сотовый и вытащил сим-карту. Вставил другую.

— У нас шесть часов на то, чтобы вытащить Юлю. Ни двенадцать, ни сутки. Шесть

часов. Ровно столько я смогу быть вне доступа. Плюс-минус час. Пока со мной не связались, она будет в безопасности.

— Рисково. Очень рискованно, — потер Вуич небритый подбородок.

— Если есть заложник, значит, есть и требования. Нет смысла убивать жертву, пока не выдвинуты условия.

— Почему ты думаешь, что они будут искать тебя? Что им нужен именно ты? — спросил Шаповалов поднося сигарету к губам.

— А кто? — Шаур холодно улыбнулся. — Точно не Монахов, потому что он сейчас вряд ли способен выполнить хоть какое-нибудь требование. Он в коме с пулей в позвоночнике. Наталья? А что Наталья... Думаешь это все затеяно из-за денег? Это хорошо спланированная акция. Но спланированная в короткие сроки. Потому что Монахов остался жив. Иначе его бы убрали. Но его не добились, не было времени, они торопились, потому что главная цель — его дочь. И им нужны не деньги. Им нужен я.

— Кого подозреваешь? — Лёня жестко сцепил пальцы, плотно устроив локти на столе.

— Веселов, больше некому. Да и предупреждали меня. Я столько лет ему головы не давал поднять. А теперь, когда вернулся от Лазаря, он знает, что он — труп, — в голосе у Дениса появились резкие отрывистые нотки. Больше ничто не выдавало его крайнего напряжения. — Поднимайте людей. Всех. Старых бригадных, сутенеров, проституток. Всех! Лёня рассылай народ, кинь клич стукачам. Все равно кто-то что-то знает, слышал. Стас, ты по своим — узнай, есть ли чужие в городе. Контингент, сам понимаешь, какой должен быть. Из местных на такое никто не решится. Никто собственноручно себе смертный приговор не подпишет. Надо прошерстить пригород, дачные участки.

— Думаешь, за город отвезли? — засомневался Шаповалов.

— Уверен, — непреклонно ответил Шаурин. — В городе меньше свободы, легко вскрыться. Но в большой удаленности от объекта трудно координировать движения. Думаю, не дальше пятидесяти километров от города. Чтобы в случае чего принять экстренные меры. — На мгновение Денис умолк, потому что дверь в кабинет открылась. Вошел Вадим, Шаур взглядом указал ему на стул рядом с Вуичем.

— А заброшенные промышленные зоны? — спросил Лёня.

— Нет, — покачал головой Шаурин. — Веселов, если допустить, что это его рук дело, рассчитывает не на одни сутки. Ох намерен уничтожить меня медленно. Я бы так и сделал на его месте. Поэтому им нужна тишина, а еще минимальные удобства: вода, магазины поблизости. Дачи и тихие поселки как раз подходят. Все. Землю ройте! Но найдите мне того, кто обладает хоть какой-то информацией!

— Что случилось? — встревоженно спросил Вадим, провожая взглядом Шаповалова и Вуича.

— Монахов при смерти...

— Юлю похитили? — сам предположил Бардин.

— Да, это если вкратце. Мне нужна твоя помощь.

Вадим глубоко вздохнул и медленно выпустил из себя воздух, представив, каково сейчас другу.

— Не вопрос, — спокойно ответил. — Рассказывай.

— По дороге. Поехали. Я хочу, чтобы ты укрыл жену Монахова в таком месте, где ее даже я не смогу найти.

— Как я могу? Я должна быть с ним... Я не могу, Денис... Может, это последний день в его жизни, последний вздох, я обещала, что никогда не оставлю его, никогда. И не оставляла. Я не могу уехать...

Так и думал, прекрасно представлял, что разговор с Натальей будет проходить сложно. Не только ей было тяжело, но и самого, будто ножами полосовали, когда смотрел, как она рыдает навзрыд. Она, Наталья Монахова, которая всегда и везде, и при любых обстоятельствах, держала лицо. Никому не позволяла видеть себя разбитой и раздавленной. Никому и никогда. Даже на похоронах родственников держалась царственно, пускала слезы тихо, не размазывала их по лицу, не терла глаза. Не выла в голос. А сейчас не могла успокоиться. В общем-то, и не старалась. Не стеснялась даже Вадима. Сначала плакала из-за Юли, потом из-за мужа, услышав, что ей нужно покинуть дом и уехать на неопределенное время. Отказывалась уезжать.

— Наташа, возьми себя в руки. Так мне будет еще сложнее. Понимаешь? — Денис присел рядом с ней на диван. Взял ее за руку. Сжал узкую аккуратную ладонь в своих крупных. — Я буду держать тебя в курсе. При любом раскладе и в любом случае. Я тебе сам все сообщу. Буду звонить каждые полчаса. Но тебе нужно уехать. Хорошо? Сейчас я должен быть абсолютно уверен, что с тобой все в порядке.

Наталья подняла на него заплаканные глаза. Придвинулась ближе, прижавшись к его боку. Так нужна была его поддержка, так хотелось проникнуться его уверенностью и спокойствием. Руки у него такие горячие. Так странно... Тон ровный, ни капли возбуждения в голосе, а руки горячие, как огонь. Он чуть крепче стиснул ладони, сильнее сжимая ее руку, словно и жестом пытался убедить. Опустила глаза, уткнулась взглядом в золотой браслет на руке. Вспомнила, как много лет назад Юля купила его для Дениса. Тогда Наталья не представляла, что из этого получится, из их, казалось, невозможных отношений. А позже уже не представляла рядом с дочерью кого-то другого, кроме него. Потому, наверное, единственный раз, взяла на себя смелость бесцеремонно вмешаться: позвонила Ярославу и прямым текстом сказала, почему ему стоит уехать как можно быстрее. Объяснила все, вовсе не за него переживая. Не хотела, чтобы Шаурин портил себе нервы из-за какого-то сомнительного кавалера, который, само собой, в подметки ему не годится. Слава с детства привык спесь ложками есть, он никогда не сможет понять Юлю, не сможет войти в их семью.

Наталья на миг уткнулась Денису в плечо, как будто слезы стирая, а потом решительно вздохнула.

— Так, ладно, — поднялась и расправила юбку дрожащими пальцами. — У меня есть несколько минут, чтобы привести себя в порядок?

— Несколько есть, — кивнул Шаурин и тоже встал.

Мать Юлии уже собиралась выйти из гостиной. Заметно подалась в сторону лестницы, но остановилась.

— Найди мою дочь, Шаурин! — ткнула пальцем в его грудь. — Я тебе много лет назад ее доверила. Помнишь?

— Помню.

— Потому я тебя прошу... нет, я тебе приказываю — найди мою дочь! — звенящим голосом сказала она. — Не ты ее потерял, но найти ее должен *ты!*

— Найду, — чуть приподняв уголки губы в подобии улыбки, ответил Шаурин. — Всегда думал, что Юля характером в отца.

— И?..

Покачал головой.

— В мать.

— У нашего отца нет столько терпения, сколько есть у Юли. А терпение это такая добродетель, которая либо есть, либо нет. Это не воспитаешь.

Наталья оставила мужчин, быстро взбежав по лестнице.

Бардин шумно выдохнул. Он за все время разговора ни слова не сказал, но ощущение было, словно ему, а не Шауру, приходилось уговаривать несчастную женщину уехать на время из дома.

Денис сцепил руки, сжав правое запястье, почувствовал в руке браслет. У самого внутри словно бомба с часовым механизмом работала. Но нужно удержаться от взрыва. Нужно за что-то держаться, чтобы не впасть в состояния полной неуправляемости.

Шаурин так задумался, пока ждал Наталью, что чуть не вздрогнул от телефонного звонка. Выслушал Вуича.

— Ага... Я – Ёжик, я упал в реку... найди мне его Лёня! Из-под земли достань Аэропорт, вокзал...

Уже стемнело, когда Шаур подъехал к воротам автосервиса. Они сразу поползли вверх, Денис только немного сбавил скорость и въехал в бокс. Стремительно выскочил из машины, громко хлопнув дверью. В помещении горел неяркий свет, но его было достаточно, чтобы оценить, что над висящим на тали отморозком уже хорошо поработали.

— Ах, ты красавец... — злорадно ухмыльнулся Денис глядя на бесчувственное и окровавленное тело Карпова. — Сдох уже? — перевел взгляд на Вуича.

— С самолета практически сняли. Точно все спонтанно было, как ты говорил, иначе лучше бы продумали пути отхода и хрен бы мы кого нашли, — прокашлявшись, хрипло отозвался Лёня. — И обижаешь, командир, рано ему еще умирать. Мы пытаем его аккуратно, почти по-человечески. Ждем, когда расколется. Отключился он, паскуда. Сознание потерял от болевого шока. Умереть я ему не даю. Он еще не сказал, куда эти педерасты Юлию Сергеевну нашу дели. И этот падла пока молчит, говорит, терять ему нечего.

— Нечего, говорит? — переспросил Шаурин. — Посмотрим. И не таких ломали. Этс ведь он, сука, тогда наших Веселову сдал. Андрюшу Маркелова, Игоря Порошина, Боголюба... Я знал, что это он, ж*пой чувствовал, только доказать никак не смог.

— Ну теперь-то все встало на свои места. Теперь он у меня за все ответит, — Вуич крепче сжал в руке биты, оперевшись на нее, как на трость.

— Как вы его вообще из вида выпустили?

— Он уже сто лет не при делах. Уже давно на периферии.

Денис сделал знак, чтобы Карпова привели в чувство. Один из парней выплеснул на того ведро ледяной воды. Шаурин подошел ближе, остановился в нескольких шагах от Карпова, практически лицом к лицу. Тот слегка дернулся. Вяло, но шевельнулся. Поднял голову.

— Да ты, я смотрю, совсем бодрый еще. Голову-то труднее всего поднять. Совсем с

тобой видать нежно обращались, — едко сказал Денис и снова отошел, качнув головой.

Лёня отбросил битую, взял в руки железную цепь и направился к своей жертве. Цепь, потянувшись за его рукой, извиваясь как змея и зловеще позвякивая на бетонном полу.

Можно было не мारаться самому, а поручить это грязное дело кому-то другому, но Вуич не смог отказать себе в удовольствии. Потому собственноручно хлестал Карпова по спине, сдирая с него кожу с особым наслаждением и полной отдачей. Тот только едва стонал, орать не мог. Глотку уже надорвал.

— Подожди, — остановил Шаур, опасаясь, что так и подойдет этот урод, ни слова не успев сказать. Искать кого-то еще — времени нет. Могут и не найти. Времени осталось совсем мало. Терпения и выдержки у него — и того меньше. Никогда не думал, что запах человеческой крови может так пьянить. Так дурманить голову. Сейчас лишь ниточка, толщиной в волосок, удерживала его от того, чтобы не вытащить пистолет и не выпустить всю обойму в голову этого ублюдка. Чтобы голыми руками не разодрать ему грудную клетку.

Шаурин глубоко вздохнул. Так глубоко, что голова закружилась. Обошел пленника кругом, остановился за его спиной. Потер лицо, развернул плечи. Несколько раз сжал и разжал кулаки, и застыл как истукан. Не двигался несколько секунд, даже не дышал, кажется. Обхватил правое запястье, взялся за браслет, словно он мог вытащить его из этой накачивающей яростной агонии. Словно он мог хоть немного остудить голову. А надо выбирать, надо остужать, потому что не время, рано еще. Потому что нет еще нужной информации. Вообще никакой нет.

Выдохнув, скинул кожаную куртку, закатал рукава рубашки. И пистолет свой выложил — тут же рядом на стол с инструментами, с какими-то ящиками. Приказал снова окатить Карпова водой, потом встал перед ним.

— Саша, — позвал он по имени. Да так ласково и мягко, что Вуича передернуло. — Шурик, — похлопал мужчину по щеке, не боясь запачкаться кровью. Слегка похлопал и чуть прижал ладонь, — Пришел в себя? Пришел? — участливо заглянул в глаза. — Ну что ты упрямисься, как девственница? Что упрямисься? Мы же с тобой договориться можем. Можем же? Раньше же всегда договаривались, — говорил вполголоса, но каждый звук был отчетливо слышен. Каждый вздох шауринский, каждый стон Карпова. — Ну скажи мне, где она? Давай... Хоть что-то... Фамилию, адрес, номер машины. Я сам найду. А Веселов уже труп, — тихо говорил Шаурин, придвинувшись к нему, заглядывая в залитые кровью глаза. — Мертвый он. Понимаешь? Никто тебе не поможет. За кого ты умирать собрался? Он же сам труп, — тут Шаур вытащил из кармана телефон и набрал номер Пospelова. — Виталья, дорогой, работай, — ласково произнес он, — работай как договаривались.

Все, не только Карпов, слышали короткое поспеловское: «Принял».

Вуич достал сигареты. Пальнул зажигалкой. Засомневался, не рано ли, Шаур такие приказы отдает. Но, наверное, точно знает, что делает. Не похоже, чтобы отрывался на горячую голову.

— Ты же знаешь Сладкого. Он никогда не ошибается, — снисходительно усмехнулся Шаур. Карпов чуть шевельнул опухшими разбитыми в кровь губами.

— Жалко, что он сука гол как сокол, а то бы рядом кого-нибудь из родственников повесили, быстро бы сообразил, что говорить надо, — выдыхая дым, сказал Лёня.

— Видишь, Шурик, Лёня злой. Того и гляди начнет на тебе крестиком вышивать, — снова заговорил Шаурин тем голосом, от которого Лёню просто тошнило. Таким говорят с маленьким провинившимся ребенком. — Вот как ему помешать? Я же не смогу... Давай

договоримся. Ты же знаешь, я за нее все отдам. Все отдам. Сколько хочешь? Миллион?.. Два?.. Два «ляма» тебе предлагаю, долларов. Куда хочешь тебя отправлю, сам на самолет посажу. Лично. Улетишь на острова. Обещаю. Веришь? Я же всегда слово держу. Всегда. Давай Шурик, не за кого умирать, Веселов живой труп. Говори, Саша, говори... - почти шептал Денис, снова похлопав Карпова по окровавленной щеке.

— Колосов... знает. А веселовских «гастролеров» сам ищи... — еле выдавил из себя Карпов.

Шаурин в ту же секунду распрямился, и из глаз его вмиг исчезло притворно участливое выражение. С лица сползла маска.

— Все слышали? Найти мне этого Колосова! Искать Колосова! — рявкнул он. Взял свой пистолет и взвел курок. Приставил ствол ко лбу Карпова и нажал на спусковой крючок.

Тишину взорвал выстрел. Но стук, упавшей на бетонный пол, гильзы показался в разы громче. Ее тонкий звон будто стрелой пронзил воздух.

— Ну, ты бл*ть, змей-искуситель, — мрачно усмехнулся Вуич. — Даже я поверил, что ты ему сейчас денег дашь и на острова отправишь отдохнуть.

— Я его и отправлю на острова. По кускам. Отдельными частями. Пакуйте его в тропики.

— Вадим, мы же ее найдем? — спросил Денис уставившись в окно, в темноту парка. В салоне автомобиля было темно, только рубиновый кончик сигареты в руке у Вадима время от времени начинал светиться ярче — когда Бардин затягивался.

— Найдем, — уверенно ответил друг, потому что когда спрашивают таким голосом и таким тоном, нужно отвечать только то, что человек хочет услышать.

А Шаурину до зубной боли хотелось услышать что-нибудь уверенно-ободряющее. До ломоты в костях. Потому что шесть часов прошло. А у них почти нет информации. Крупицы только, разрозненные детали, слухи, сплетни. Все обтекаемое и абстрактное. Стас распустил своих ищеек и сам до сих пор рыскал по городу, в поисках чего-то конкретного. Лёня топтал свои дорожки.

А Шаурин ждал новостей. Ждал и ждал. С каждым часом рассыпался на куски. Каждый час умирал и рождался заново. Каждый час какими-то поистине невероятными, нечеловеческими усилиями вытягивал себя на поверхность холодного разума. То загорался надеждой от телефонного звонка, то проваливался в адскую пучину отчаяния.

— Никогда не встречайся с малолеткой, — попытался пошутить Денис.

— Да мне-то, наверное, уже не грозит, — чуть усмехнулся в ответ Вадим.

— Как знать... Ты не представляешь, что такое любить девочку. Я себя каким-то педофилом чувствовал. Я притронуться к ней боялся. Она же... — умолк, как будто не смог подобрать слов.

— То-то ты на ее восемнадцатилетие так упился.

Шаур скупой улыбнулся.

— Да ты что, это так и останется самым важным событием в моей жизни. Как будто не ей, а мне в тот день восемнадцать стукнуло.

Красный огонек загорелся ярче — Вадим затянулся.

Шаурин вдохнул дым и тихо сказал:

— Я бред говорю. Крыша едет.

— Да ладно, — усмехнулся друг, оценив его попытку самобичевания, — говори. Вот если будешь молчать, точно умом тронешься. А так — говори. Найдем мы твою Юльку, найдем. Не можем не найти. Сейчас ребята поработают и позвонят. Когда бандиты с ментами работают — это сила, — высказался, не скрывая иронии. — И приبلуду твою на биллинг поставим, как включишь. А пока час у нас еще есть.

— Не можем не найти, — эхом повторил Денис. — Она же у меня в крови. Вот с таких лет, — приподнял ладонь над коленом. — Только бл*ть вечно в какие-то передрыги попадает. Вечно я ее откуда-нибудь вытаскиваю, — проворчал и снова вцепился в браслет.

— А с виду хорошая как будто девка, — чуть улыбаясь, укоризненно покачал головой Вадим. — Денис рассмеялся. Вроде не положено, не нужно. Но не мог не рассмеяться. — И к батарее ее дома. Вот как вытащим, ты ее дома к батарее наручниками. Я тебе подарю. Святое дело.

— Помню, ей семнадцать было, какой-то урод ее чуть не изнасиловал. Ты представляешь... я ее не трогал, пальцем не трогал. А он ее чуть не изнасиловал... полгода мне потом снился, до сих пор жалею, что не убил. Что шею ему не свернул... — тут Шаурин оборвался. Больше не мог говорить вслух.

Не мог произнести, что не сможет жить без нее. Что не знает, как ему жить без нее. Что сейчас его состояние близкое к помешательству, а если Юлю убьют, то душа его остынет. Он ничего не будет чувствовать. Больше ничего и никогда.

— Денис, — осторожно начал Вадим, — ты только смотри... черт знает... что они с ней сделают... ладно?

Шаурин резко повернул голову:

— Главное, чтобы живая! — даже думать о том, что друг говорит, не хотел. В уме не допускал такого варианта. Не мог. — Я бы все отдал за нее, но им это не нужно, — жестко сказал он. — Даже если я жизнь отдам. Они ее все равно убьют. У нас нет других вариантов. Только вытащить ее. И все. Сигарету дай.

Вадим протянул пачку «Парламента».

Душно стало невозможно. Взял сигареты и вышел из машины. Ветерок сразу заохлодил мокрые от пота виски и спину. Давно не курил. С того вечера, как Юльке сказал, что бросает, больше к сигаретам не притрагивался. И сейчас не то чтобы сильно хотелось. Или хотелось? Но требовалось что-то сделать, дабы хоть немного успокоиться. Тем более Бардин курил сигарету за сигаретой.

Шагнул чуть вперед, прикурил и замер, отслеживая ощущения. Отвык от горького дыма. Противно. Затянулся еще раз, крепко и глубоко. Медленно выпустил дым вверх.

Не понимал, чего ожидал, но, кажется, удовлетворения не получил. Хотя пальцы держали сигарету привычно, не забылось ощущение.

Посмотрел в темное плотное небо. Подумалось, что точно с ума сходит. Ведь никогда не молился, ничего у Бога не просил. Да и не просят в подобных делах у Бога помощи. А сегодня надо бы, а не знал, как это.

— Боже, помоги... — шевельнул губами. — Господи, помоги...

ГЛАВА 51

Юля сглотнула слюну, пытаясь подавить очередной рвотный позыв. Тошнило от страха

и уже, наверное, от подступающей паники. И от вида заветренной, засохшей колбасы, которую излазили все мухи в этой комнате, тоже тошнило.

«...Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж, картину, корзину...»

Наверное, в миллионный раз Юля повторяла про себя строчки из известного стихотворения Маршака. Словно сама себя в транс вводила. Старалась ввести. Концентрируясь только на словах, на том, чтобы вспомнить забытые строфы и хоть как-то отрешиться от этой ужасающей тошнотворной реальности.

Страшно было переступить за ту грань, где мозг, словно раскалывается на части, где теряешь себя и не можешь трезво мыслить и адекватно действовать. По-настоящему страшно...

«...картонку и маленькую собачонку...»

Теперь тот случай на вечеринке, происшествие с Корнеевым, казался детской заварушкой. Вот сейчас... Вот, где ужас, настоящий страх. В этой небольшой, тускло освещенной, комнате, пропитанной запахом гнили. Странно, ведь комната пустая, но откуда-то несло гнилью. Может быть, от выдавшего виды прохудившегося матраса, на котором Юля сидела вот уже около шести часов. Сидела, практически не вставая, ибо уже не видела смысла двигаться по комнате. Только силы тратить... Она уже облазила в ней каждый уголок, в поисках какой-нибудь лазейки. Хотя, ну какие тут могут быть лазейки – окно, заколоченное деревянными досками, да дверь, — на ключ запирающаяся.

И снова противный звук, как бритвой, резанул по нервам. Юля сжалась и опустила глаза на подтянутые к груди колени, руками крепче обхватила ноги. Каждый раз одно и то же: этот звук, потом в проеме темная фигура и сама Юля, на несколько бесконечных секунд сжатая в напряженный комок.

Каждые минут двадцать или полчаса к ней приходил один и тот же человек. Обычно она старалась не смотреть на него, как не смотрят в глаза бешеным псам, чтобы не разозлить и не спровоцировать. Но в этот раз сама не знала почему, но взглянула. Разум сразу сделался ватным, а тело каким-то безмускульным: наемник, который регулярно заглядывал к ней в комнату, в этот раз пришел без маски, и Юля увидела его лицо. Обычное, чисто выбритое, холодно-остстраненное, равнодушное. Чуть-чуть загорелое. Мужчина с такой внешностью легко затеряется в толпе, смешается с общей массой людей и ничем не выдаст свою сущность. То, что сейчас он пришел без маски, могло означать только одно – что жить ей осталось совсем недолго.

Дверь скрипнув закрылась. И жизнь побежала перед глазами... Не пронеслась, а побежала. Лихо, звонко. Как бежит горный ручеек. Вспоминалось только хорошее. Много хорошего. Много счастливого.

— Денисочка, забери меня отсюда, — не удержалась и прошептала в ужасе. Потом склонила голову на колени.

«...выдали даме на станции четыре зеленых квитанции...»

Снова накатила волна ледяного отчаяния. Такого она не испытывала даже тогда, когда произошло нападение. В тот момент ничего толком не поняла. Все внезапно случилось. Помнила, как вышли из ресторана. А потом раздались выстрелы, и охрана начала падать. Потом упал отец. У самой перед глазами все поплыло. Но успела заметить людей в форме с нашивками «ОМОН» на спине. Очнулась уже здесь, в этой комнате, на полу, на этом матрасе. Еле смогла подняться, чтобы осмотреть себя. Но сначала, скорее, ощупать. Потому что глаза резало так, что открыть было невозможно; веки, словно свинцом налились; и

голова звенела дикой болью. Первая мысль была – что с отцом? Жив ли он вообще? Даже про себя не могла допустить, что он умер, отмела это предположение сразу, слепо закрыла глаза, боясь, что с ума сойдет. Сейчас, как никогда, требовалось сохранить хоть какую-то ясность мысли. Хоть как-то ее нужно сохранить, любыми способами восстановить. Несмотря на всю беспомощность ситуации. Несмотря на всю ее чудовищность.

Конечно, ясно как белый день, что ни к каким спецслужбам эти люди не относились. Форма служила лишь прикрытием, таким фокусом для отвлечения внимания. Для притупления бдительности.

Сколько народу ее охраняло, с точностью не могла сказать. К ней в комнату заходил только один человек. Судя по акустике и слышимости, дом был полупустой, и даже сквозь закрытую дверь, Юля смогла различить несколько голосов. Но больше четырех на слух воспринять сложно, они сливались и казались похожими.

«...диван, чемодан, саквояж, картина, корзина, картонка и маленькая собачонка...»

Юля прижала затылок к холодной стене и поежилась от холода. Холодно было ужасно. Озноб сковывал тело. Откуда-то снизу на ноги набегал сквозняк. Пришлось снять жакет и укутать им босые ступни, оставшись в белой блузе с короткими рукавами. Забавно, вот драгоценности, часы и одежду с нее не сняли — и серьги оставили, и кольца, — а туфли сняли. Наверное, побоялись, что она попытается кому-нибудь из них шпилькой голову проломить. И правильно, она бы попыталась, будь у нее под руками хоть что-то. Но даже бутерброды, которые ей принесли через четыре часа заточения, лежали на пластиковой одноразовой тарелочке. Юлька к ним не притронулась. И не собиралась, даже если придется неделю сидеть голодом. От одного их вида зверски тошнило. Пить хотелось невозможно, во рту пересохло, и голова никак не переставала болеть – уже от обезвоживания. Но Юля все равно не притрагивалась к бутылке с минеральной водой, потому что когда ее принесли, крышка была уже свернута. Боялась, вдруг в воду что-то подмешали. Конечно, если похитители захотят заставить ее выпить что-то, они это сделают. Они могут и вколоть ей... Хоть наркотики, хоть транквилизаторы, хоть сыворотку правды. Теперь Юля прекрасно понимала, почему Шаурин никогда не пил из бутылок, которые распечатывались не при нем. Будь то какое-нибудь обязательное мероприятие или переговоры с партнерами, никогда он не пил с початых бутылок.

Юля не могла решить – хорошо это или плохо, что ее изолировали. Что не может она видеть лица остальных и слышать, о чем они говорят. Узнать, чего ждут, выжидают, каких ждут указаний. Понятное дело, что у этой группы есть координатор. Сначала очень хотела что-то уловить, пыталась подслушать под дверь. Думала, что впоследствии это как-то поможет ей, но вскоре осознала, что помочь в этой ситуации ей может только один человек, и ему будет глубоко наплевать, как выглядят похитители и о чем они говорят.

И все-таки, как ни пыталась храбриться, неизвестность выматывала не хуже, чем знание. Уже шесть часов прошло, или больше... а ничего не происходило. Никакого движения. Только открытое лицо наемника говорило само за себя.

Снова скрипнул дверной замок. Хотя по ощущениям еще рано для обхода. В проеме выросла знакомая фигура. Но на этот раз ее мучитель не постоял привычно пару секунд, оценивая обстановку, а прошел в комнату. Подошел и остановился перед Юлей. Потом присел на корточки.

«...Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку...»

Мужчина что-то спросил, но Юля не слышала. И не только потому что смогла настолько отрешиться, повторяя про себя набившие оскомину строчки, а потому что от страха заложило уши. Этот животный страх, словно в оболочку ее заковал, что могла только смотреть в ожесточенное мужское лицо, но слов не понимала. Не понимала, что он говорит, что спрашивает.

Но вот он поднял голос, и эта оболочка враз потрескалась, как яичная скорлупа, и обсыпалась. Облетела.

— Ну, чего молчишь? — спросил лже-омоновец, и до Юли наконец дошел смысл сказанного. Правда это никак не объясняло, что его интересовало до этого.

— А я с трупами не разговариваю, — нашла в себе силы ответить. Вдруг стало все безразлично. И уже не страшно. И совсем не жутко. Хотелось только, чтобы убили быстро, не мучили.

— Чего? — последовал глуповатый, полный скрытого удивления вопрос.

— Я с трупами не разговариваю. Потому что ты уже труп. Он все равно вас найдет. Всех до одного выловит и убьет. Молись, чтобы он сделал это быстро. — Юля и сама поражалась, насколько звонко звучал ее голос.

Но поражалась она не долго. В следующую секунду мощный удар в висок лишил ее сознания. Оно покидало ее как-то необычно медленно. Тело уже отключилось, стало недвижимым и беспомощным, а мозг все еще воспринимал окружающие звуки. Юля даже успела порадоваться своему забвению.

— Но все равно, пусть побудет у нас. Это же такой страшный стресс. Мы ей сейчас успокоительное вколем, витаминчики... — умиротворяюще растягивал слова Яков Семенович.

— Сотрясение есть?

— Нет. Ну, по словам Юлии, похоже, что нет. Но беспокоюсь я, а здесь за ней будут наблюдать самые лучшие врачи.

— Переломы? Видимые повреждения? Что-то вкалывали ей там? — забрасывал Шаурин Семёныча вопросами. Жестко говорил, словно клеймил.

— Нет, но...

— Тогда нах*я мне твои коновалы?

Семёныч беспомощно развел руками, будто слов больше не находилось. Вернее, они находились, но как-то вслух их произносить он не решался, ибо Шаурин сейчас был глух и почти слеп. Оно и понятно. Тогда Яков Семёныч посмотрел на Вуича: тот казался более адекватным. Лёня понял его с полувзгляда, шагнул к Шауру, шепнул ему на ухо пару слов. Денис застыл на мгновение, а когда из палаты вышла медсестра, резко шагнул вперед и схватил ту под локоть.

— Со мной поедешь, — приказал он. По-другому это и не назвать – властно произнес, тоном, возражений не допускающим.

Девушка испуганно шарахнулась, покосившись на главврача. Тот прикрыл глаза и едва заметно кивнул соглашаясь.

— Ясноглазая, ну чего стоим? Давай-давай, беги, вещая каурка, переодевай свой белоснежный халатик. И аптечку не забудь, чтоб на всех хватило, — усмехнувшись, подогнал

медсестричку Лёня. — Шаур, не пугай девушку.

Юля сунула ноги в тапки, принесенные медсестрой, и отогнала уже не в первый раз появляющееся желание ущипнуть себя. Ущипнуть посильнее, потому что никак не верилось, что все закончилось. Только зычный и отрывистый голос Дениса за дверью убеждал, что все случившееся, — правда. Что это не сон, и она действительно находится в больничной палате, а не в той затхлой комнате. Не думала, что когда-нибудь будет так радоваться больничным стенам. И даже царящий здесь специфический запах вдыхала теперь с наслаждением. Тем не менее чувствовала себя напряженным комком и больше всего на свете желала свернуться калачиком. Или сесть плотно к стене и снова подтянуть колени к груди, от всего мира отгородившись.

Как услышала, что Денис и медсестру готов с собой увезти, поднялась с койки, хотя до этого никак не находила в себе сил пошевелить и пальцем. С него станется, он и правда может к ней сиделку приставить. Только вот меньше всего хотелось ощущать рядом посторонних людей.

— Не надо никого, — вышла из палаты и тихо сказала. Но уверенно. — Все хорошо. Яков Семёныч, выпишите мне что-нибудь убойное от головы. Головная боль — это единственное, что меня сейчас по-настоящему беспокоит. Остальное переживу. Но голова дико раскалывается.

— Юлия, головная боль может быть не только следствием...

— Яков Семёныч... — прервала доктора, чуть скривившись. — Я все понимаю. Но я хочу домой. Домой, — повторила тверже, немного громче. — Там мне будет спокойнее. Выдайте мне все предписания, обещаюсь строго выполнять.

Яков Семёныч сунул руки в карманы белого халата и надул щеки, задерживая во рту воздух.

— Ладно, — сдаваясь, выдохнул он. — Пойдемте в ординаторскую.

— Я в машине, — сказал Вуич и пошел к выходу.

Когда добрались до дома, стояла глубокая ночь. Хоть в чем-то повезло. На самом деле повезло — так Юля считала, ибо не представляла, как выдержала бы рядом с собой скопление людей, взгляды, шумные разговоры.

Опустилась на кровать. Колени сами подогнулись, и силы кончились, словно только на то и рассчитаны были, чтобы до спальни добраться. Хотя подняться бы надо. Снять с себя ненавистный костюм. Этому костюму теперь только и место, что в мусорном ведре: Юля его никогда в жизни больше не наденет. И полотенце приготовить себе, достать чистые вещи. Но вместо этого руки беспомощно легли на колени.

— Лёня там, кажется, полностью решил помыться, — улыбнулась слабой неуверенной улыбкой, словно поверить не могла, что уже можно.

На самом деле Юля испытывала к Вуичу нечто вроде благодарности — что не попала в ванную первой. Каждое движение почему-то давалось с трудом. Постоянно хотелось замереть и не шевелиться.

— Пусть. Он устал как собака. — Денис опустился перед ней на корточки и крепко сжал ее ладони.

— А ты? — Благодарно стиснула его пальцы.

— А мне еще нельзя, — недолго помолчав, ответил он. — Мне еще все это разруливать.

Когда Лёня освободил ванную комнату, Юля с трудом поднялась с места. Да и не

поднялась бы, не потяни ее Денис за собой. Там она сбросила одежду и подставила тело под успокаивающие струи воды. С пуговицами пришлось повозиться: трясущиеся пальцы совсем не слушались. Но так хотелось быстрее смыть с себя запах того места, который впитался, въелся в одежду и в волосы. А больше хотелось избавиться от разъедающих душу ощущений. Денис опустился на пол у двери и откинул на нее голову и прикрыл тяжелые веки. Не спрашивал нужно ли Юле его присутствие, не смог ее оставить.

— А ты не хочешь со мной?..

Без слов внял ее просьбе, быстро разделся и залез к ней в душ. Это была именно просьба – с ним не играли, не завлекали. В Юлиных словах и тоне не было никакого сексуального подтекста. Да и сам он думал сейчас совсем о другом, несмотря на то что тело мгновенно на нее среагировало, и жаркое возбуждение прогнало волну колких неприятных мурашек, какие бывают, когда только встаешь под горячую воду. Обнял Юлю – крепко, за плечи. Прижал к себе и вдруг понял, чего так не хватает для того чтобы наконец осознать, что с ней все в порядке. Не хватало ее голоса – яркого, густого, немного низковатого. Сейчас в нем силы не было. Не было такой нужной ему, привычной твердости. Слова шелестели в воздухе, как за окном с деревьев падающая листва. И смеха ее не хватало.

Юля дрожала. Почему-то никак не могла успокоиться. Не помогали его руки и горячая вода. А вот губы помогли. Когда стал целовать ее, внутренний холод немного отпустил. Дрожь перестала колотить, и губы немного согрелись, смогла ответить. Но Денис не настаивал на чувственном продолжении. Они просто помылись. И объятия его, поглаживания, они другие были. Словно не затем, чтобы ей удовольствия доставить, а убедиться, что она жива-здорова, ощупать ее.

Юля влезла пижаму, которую ни разу еще не надевала, оставаясь в этой квартире. Теперь радовалась, что это незатейливые хлопковые штанишки и футболка, а не нечто шелковое струящееся или полупрозрачное. Не то настроение. Да и негоже при Вуиче в таком виде щеголять.

— Пойдем, выпьешь таблетки и ляжешь. Или поесть хочешь?

— Нет-нет, есть я точно не хочу. Не могу. Пить очень хочу. — О еде не могла думать, те засохшие бутерброды еще покоя не давали.

— Надо поесть.

— Нет, не могу.

— Чаю?

— Ммм, — скривилась Юля, забираясь в кровать.

Денис присел рядом и поправил одеяло. Укутал ее плотнее. Пригнулся, касаясь губами щеки. Прохладные женские пальцы скользнули по его еще влажным волосам, по шее, чуть сильнее притягивая к себе. Не отпуская и не давая отстраниться. Захотелось вдруг, чтобы Лёня исчез из их квартиры, а Денис не уходил, не оставлял ее сейчас. Одну в спальне. В темноте.

Это была другая квартира. Не та, в которой они провели вместе столько времени и к которой она так привыкла. Там каждая вещь на своем месте, там тепло и уютно. А эта большая новая, как номер-люкс в каком-нибудь заграничном пятизвездочном отеле, — шикарно обставленная и холодная. Без души.

— Что ты с ними сделал? — тихо спросила.

Убрал несколько мокрых прядей от ее лица.

— Убил, — сказал бесцветным тоном.

— Всех?

— Всех.

Почему-то от его спокойных слов Юля не вздрогнула. Но и не порадовалась.

Денис зашел на кухню. Лёня сидел за столом, опустив голову на руки, как будто дремал. Услышав шаги, он распрямился на стуле и откинулся на мягкую спинку. Зачем-то посмотрел на свои ладони, шевельнул пальцами, словно проверяя, не дрожат ли.

— Я не думал, не верил до последнего, что у нас получится. Пока Юльку на забрали, я не верил. Не знаю, что бы я делал в такой ситуации. Просто не знаю...

— То же самое, что и я.

Лёня покачал головой. Будто только сейчас до него дошло, как на самом деле они рисковали. Как рисковал Денис, отключаясь от реальности на шесть часов. А он отключился, точно глаза на все закрыл, рассчитывая только на себя, свое чутье и своих людей.

— Слава богу, что ты своих отослал подальше. Шаур, прости...

— Иди ты на х*й со своими извинениями, — прервал Шаурин. Так и видел в глазах Лёни то выражение – когда с них сползает микронная пленка равнодушия и отстраненности. И все, что у него на душе, легко читается. В зеленых глазах видится. Тогда и слов много не надо.

Лёня растянулся в широкой улыбке, словно ему комплимент сделали, а не матом обложили. — Ты в белой футболке прям как медбрат, - попытался сострить, входя с свое привычное уверенное состояние.

— Хорошо, что не медсестра. И тебя вылечим, и меня вылечим, — Шаурин достал коньяк. В кармане зазвонил сотовый. — Да, Стас... Давай, отзвонись потом, — коротко переговорил Денис и убрал телефон. — Они закончили. Почти. Еще одного выловят и все.

Это Шаур с Вуичем покинули место, как только нашли Юлю. Денис сразу повез ее в больницу. В себя девушка пришла только в машине, но сил порадоваться своему спасению у нее не было. Сначала Денис подумал, что ее чем-то накачали, но она опровергла его предположение. Семёныч примчался по первому звонку и сам лично осмотрел Юлю.

Самым сложным оказалось не вызволить Юльку, а найти место, где ее скрывали. Невероятно сложно было собрать все ниточки в один клубок, найти всех людей, а среди них того, кто указал бы четкое направление. Был момент, когда Денис решил, что не смогут, не сумеют, что потерял он Юлю... Был такой момент, был... Краткий миг, когда он пустил в свое сознание эту безумную мысль, пережил в душе ее смерть. Самый страшный миг за эти долгие, бесконечно тянущиеся и в то же время стремительно бегущие часы, – миг тотального одиночества. Холодного, ледящего все тело, одиночества.

Когда выяснили, в каком направлении двигаться, стало легче. Слава Богу, люди у него толковые – лишних движений не делают. Действовали аккуратно, пытались наделать как можно меньше шума.

Нашли этот злополучный дом, ставший для его девочки тюрьмой. Эти скоты сами облегчили им задачу. Во всем нужно уметь находить свои преимущества, главное, смотреть с нужной стороны и думать в верном направлении. Уединение, к которому так стремились наемники Веселова, чтобы обеспечить себе безопасность, а также то, что на улице стояла ночь, сыграли теперь в пользу Шаурина. Все только на руку. Можно действовать без оглядки, не боясь привлечь внимание. Лёня и Стас сняли внешних наблюдателей. Никому не доверили этот первый, очень важный шаг. Шаурин в другой ситуации и сам бы не марался,

не светился, не компрометировал бы себя такой «мокрухой», но сегодня просто не смог доверить проведение операции кому-то другому. Хотел быть спокойным, что просчитал все варианты и при любом раскладе сделал все возможное и от него зависящее, чтобы разрешить создавшуюся ситуацию.

Когда сняли внешних наблюдателей, — слава Богу, его ребята не разучились держать снайперские винтовки, тихо и гладко оформили «минус три», — удалось подобраться к дому спокойно и лучше осмотреться на территории. По окнам поняли, что Юлю держат изолировано. Ведь даже при зашторенных окнах можно заметить передвижения внутри и даже определить, может, с небольшой погрешностью, сколько внутри находится человек. Не такая у них была ночка, чтобы спать спокойно. Это совсем развязало руки: можно стрелять на поражение не боясь, что Юля попадет под огонь. Что ее заденет случайная пуля, и она пострадает. Пострадать она просто не успеет. Не успела. Он и его люди быстро и технично оформили «минус пять». Дом сожгли. Вместе со всеми его, теперь уже недвижимыми, обитателями. Теперь только осталось подчистить кое-какие хвосты. Шип как раз этим и занимался. Вадима отправили с новостями к Наталье.

Вуич кивнул, реагируя на слова Дениса. И, спохватившись, остановил его, когда тот достал бокалы:

— Брось ты, Шаур, свои буржуйские замашки. Давай водку и огурцы. И сала бы еще. Я вообще не помню, когда ел сегодня в последний раз.

— Вот она — правда жизни. Кому-то жрать нечего, а кому-то — некогда. Водки так водки. Разносолов не обещаю, не готовился. А вот водкой накормлю до отвала.

— Вы что — пить собираетесь? — На кухню вошла Юля.

Не смогла она остаться в спальне. В голову лезли сумасшедшие мысли, под одеялом казалось холодно, а в темноте одной — страшно. Страшно, как в детстве.

— А похоже, что у нас тут слет юных Василис по обмену премудростями? — усмехнулся Денис и положил ей руки на плечи. Юлька как раз усаживалась на стул. — Разумеется, пить.

— А что — Юль Сергевна, желаете с нами остограмниться?

— Размечтался, — уязвил его Денис, — для детей у меня есть кефир и булочки с изюмом.

— Что правда есть? — спросила Юля, оборачиваясь.

— Чистейшая.

— А пельменей у тебя случайно нет? — поинтересовался Лёня.

— Пельмени у меня есть всегда.

— У него даже шпроты есть, — усмехнулась Юля, заглядывая в холодильник, чтобы проверить, есть ли там на самом деле кефир, — латвийские.

— Исключительно латвийские. Я и шпроты люблю, не только икру красную.

— Угу, вам еще газетку на стол постелить и вообще красота будет.

— Вот не надо оскорблять наше маленькое интеллигентное общество, — шутливо возмутился Лёня. У нас все очень благородно. Давай сюда эти шпроты, я сейчас такие бутербродики изображу, закачаешься.

— В этом я даже не сомневаюсь, — двусмысленно усмехнулась Юля, — изобразить ты всегда можешь.

Кефир и правда нашелся в холодильнике — самый вкусный, самой высокой жирности. И булочки сладкие с изюмом.

— Танюха пельмени лепила. По почерку вижу, — чуть позже одобрительно улыбнулся Лёня, и с удовольствием потянул носом, когда Шаурин поставил перед ним тарелку с аппетитными, обжигающе-горячими пельменями.

Юля улыбнулась, хитро блеснув глазами, и тронула свой стакан, собираясь отпить, но Денис не дал ей этого сделать, довольно резко отодвинув от нее кефир.

— Холодный, — бросил, объясняясь, и прокомментировал Лёнькино замечание: — Разумеется. Если я начну покупать магазинные пельмени, сестра меня проклянет. — Юлька продолжала сверлить его взглядом, недовольно уставившись. — Холодный. Не с твоим горлом пить из холодильника, — мягче сказал, спокойнее, уселся рядом и свернул крышку с бутылки. Разлил водку по стопкам. Взялся за свою.

— Подожди, — Вуич поднял указательный палец и, вторя голосу Кинчева из радио, пропел строчки из песни «Веретено»: — *...когда-нибудь замедлит бег и уже неспеши-а увидеть как.. берет разбег.. душа-а...* давай, — опустошил рюмку.

— Леонид, ты сегодня в голосе? — тщательно иронизируя, оценила Юля попытку Вуича солировать. Хотя стоит отметить, голос у Вуича красивый. Очень сочный и хорошо поставленный. И петь он может, что за душу берет. Имела уже представление.

— По-моему, он не только в голосе. Еще пара стопок, и рифмовать начнет.

— Наливай, — кивнул друг на бутылку, — Между первой и второй можно выпить целых шесть. Сегодня я тебе зарифмую все, что только можно. Было время, сочинял я стишки для прекрасных дам. Где-то валяется дома блокнотик. — Зови меня, любимая, приду... Зови меня, родная, я услышу, Как солнце огненное...

— Слышь, богемный подонок, это не наша станция. Нам еще рано тормозить, — оборвал Денис пламенную поэтическую речь друга.

— Чего-то там, в общем... — махнул рукой Лёня, заговорив своим обычным тоном.

— Ничего себе. А вы не торопитесь, друзья мои? Если будете ехать на такой скорости, то очень быстро приедете.

— Мы сейчас в таком состоянии, Юленька, что нам хоть литров по «...надцать», так и помрем трезвыми, — фыркнул Вуич и снова запел, поднимая рюмку: — *Сне-е-ег летит, кружит время метель, на-а-ам с землей белая канитель...* давай, Шаур. Юль Сергевна, твое здоровьице.

Юля, конечно, была слегка шокирована скоростью, с которой мужчины заправлялись спиртным. Хотя пили красиво: глотали не морщась и почти не закусывали. Наверное, после четвертой остановились. Словно оба чувствовали эту грань. Без каких-либо замечаний немного оплыли на стульях, чуть свободнее откинулись на спинки, расправили плечи и расслабили руки. Наконец стали есть. И напряжение как будто слегка отступило. У самой тоже. Придвинулась ближе к Денису, точно чувствуя, что уже можно. Развернула стул, села полубоком, перекинув одну ногу через крепкое шауринское бедро. Устало опустила голову ему на плечо. Устала очень, но отходить от Шаурина не хотела. Иначе в голову сразу ринутся страшные мысли. А он, как броня, от всего ее закрывал. С ним ничего не страшно. Так и сидела некоторое время, не стесняясь Вуича и не боясь доставить Денису неловкость. Не одобрял он тисканий на людях. Однако не препятствовал. Сам положил ладонь ей на колено. А Вуич рядом с их парой столько лет, что его уже ничем не удивишь.

— Дай телефон, позвоню маме, — после решительного выдоха сказала Юля, и Денис вытащил свой сотовый.

Все это время Юля не переставала думать о родителях. Ни на минуту. Тягостные мысли

наливали виски тяжестью. Теперь знала, что отец жив, но в тяжелом состоянии. Предпочитала радоваться, что он жив, а не плакать, что он «тяжелый». Иначе можно сойти с ума. Вот только не могла никак до этого момента поговорить с мамой. Решила, что сообщения Бардина, что с ней все в порядке, будет пока достаточно. Знала, как матери плохо. И знала, что услышав мамин голос разревется. А не хотела. Нужно поддержать мать, убедить и тоном своим и словами, что все отлично, что беспокоиться больше не о чем, а не добавлять ей переживаний истерикой. Мама и так из-за отца места себе не находит.

— Разве можно *так* любить? — вдруг спросил Вуич, когда Юля вышла из кухни. Денис поднял на друга серые глаза. Уставился, словно непонимающе. Тогда Лёня продолжил: — Я вот этот твой взгляд уже много лет наблюдаю. С того самого вечера, как мы с Очаровашкой в карты резались на Поселковой. Она еще была в такой красной кофте до колен. В такой чудной красной кофте... — протянул он последние слова и тяжело выдохнул, будто выпустил остатки напряжения.

Денис с задумчивым видом изучал лицо друга, заглядывал в глаза, искал корень вопроса. Он не улыбался, но губы его расслабленно чуть растянулись.

— А как еще любить? Вполсилы, что ли? Как еще любить, Лёня?

Вуич сказал как-то нерешительно, с сомнением:

— Нужна же мера.

— В чем? — сразу резанул Денис. — В чувствах?

— И в чувствах в том числе, — подтвердил Лёня, но глаза его зеленые говорили, что сам он в этом не так уж уверен.

— Там, где есть мера, Лёня, чувств уже нет.

— Почему?

— Потому что гладиолус.

Лёня не стал долго задерживаться, за что Юля испытывала к нему безграничную благодарность. Пока Денис провожал его, взялась помыть посуду. Несмотря на разбитое состояние, не смогла оставить в раковине грязные тарелки. Как представила, что утром зайдет на кухню и наткнется на них взглядом... И так на душе невесело, не хватало еще вокруг плесень разводиться.

С одной стороны, Юля очень радовалась уходу Вуича. Из сил выбилась. Не было их не то что полноценно в разговоре участвовать, но и просто сидеть за столом. Усталое ноющее тело просилось в постель. Хотелось укутаться в одеяло и заснуть крепким спокойным сном, но только не в одиночестве. Однако, как ни странно, вместе с Лёнью исчезла непринужденность, и воздух снова наполнился напряжением, как наливается и чернеет в грозу небо.

Когда покончила с уборкой и устало поплелась в спальню, почему-то уверенно думала, что Денис уже в давно в постели. Но он сидел на краешке кровати, слегка опустив плечи и сцепив руки в крепкий замок. Стало не по себе. Приглушенные нервные чувства всколыхнулись с новой силой.

Сам же говорил: в постели не ругаться. Может, потому и не разделся.

— Блин, зубы забыла почистить, — вовремя вспомнила Юля и поспешила скрыться в ванной.

— Юля, — позвал ее, останавливая.

Точно что-то задумал. Снизу из желудка поднялась знакомая тошнотворная волна, но

Юля лишь на секунду замерла на пороге и попыталась улыбнуться:

— Ложись, я быстро.

В ванной тянула время. Сама не могла понять, почему, но тянула: дольше обычного чистила зубы, полчаса водила щеткой по волосам. Какое-то холодящее внутренности чувство мешало действовать быстрее. Но и выйдя из ванной, застала Шаурина в том же положении. Кажется, он даже не шевельнулся, не двинулся.

А шевельнуться у него сил не было. Не находилось их даже на то, чтобы поднять руки и стянуть с себя футболку. Все мышцы как будто свинцом налились.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил и пошевелился, чуть выпрямив спину.

— Лучше, чем два часа назад. Видишь, как резво бегаю по квартире? — на первый взгляд непринужденно откликнулась Юля на вопрос, сразу качнувшись в сторону Дениса.

— Да, порхаешь как птичка.

В ответ на его слова снова попыталась улыбнуться. Хорошо, что подбородок ее уперся в его жесткую макушку, и Денис не видел ее лицо. Улыбки не получилось.

Теперь поняла, почему медлила и не выходила из ванной. Разговора боялась. Слов. Своих собственных мыслей. Задушенных страхов, которые тугим комком свернулись в груди, мешая дышать. Знала, что начнется у нее истерика.

Страшно начинать разговор о произошедшем, вытаскивать из себя всю жуть, рассказывая, как читала стишок, блокируя паническую волну; как тошнило ее от тех засохших бутербродов. Как про себя, а иногда и вслух, молила Дениса вытащить ее из этого гадюшника, страшно...

И не напрасно боялась: едва руки тяжело упали ему на плечи, внутри все скрутило от боли. Кажется, и дыхание оборвалось, еле-еле втягивала воздух сквозь приоткрытые губы. Наверное, Денис услышал, как неистово билось ее сердце: положил ладонь ей на грудь.

Не передать словами, каково это – потерять ее в душе, а потом держать в руках живую и теплую. Не мог насмотреться, сам себе не верил, что она дома, рядом. Надышаться теперь не мог. Обхватил, прижал ее к себе неистово, словно боялся, что исчезнет снова. Прижал так, что она начала задыхаться. Не от объятий его крепких, не от сильных рук, конечно. От слез, которые жгли глаза. Всю душу уже выжгли, точно кислотой.

— Давай спать. Давай ляжем, — дрожащим голосом проговорила Юля. И не проговорила, не произнесла, а с силой вытолкнула.

Не мог оторваться от нее, руки как будто приклеились, тело оцепенело. Все закончилось, но мысль, все это время его убивающая, еще кружилась в голове – что не только Юльку мог потерять, но и ребенка своего не рожденного. Они же не предохранялись – Юля, может, беременна уже...

— Если ты и дальше продолжишь выносить мне мозги, — глухо сказал Денис, немного отстраняясь от ее тела, чтобы видеть лицо, — то у тебя и свадьбы не будет. Я тебе просто принесу новый паспорт на Шаурину с печатью о регистрации брака и все. И никакого тебе праздника.

— А при чем тут...

— А при том, что если бы ты была рядом со мной, ничего бы не случилось. Ничего этого бы не было. — Денис говорил не громко, но казалось, что в воздухе стоит звон, похожий на стук бильярдных шаров. Или нервы у Юли трещали от напряжения, как высоковольтные провода.

— Я не могу не отходить от тебя ни на шаг.

— Можешь.

— Ты так... — заикнулась вдруг от непрошенной дурной мысли. Перевела дыхание и продолжила: — Ты так говоришь, будто в том, что произошло, одна я и виновата.

— Все виновные уже на том свете.

Ком в груди разросся до необъятных размеров — начала давить икота. Юля попыталась освободиться от крепкого шауринского захвата.

— А может, мне правда нужно было на колени встать? Упасть тогда рядом с розами? Тебе это нужно, Юля? Ну скажи... Ты этого ждешь? Посыпать голову пеплом, встать на колени, и тогда твое задетое самолюбие будет удовлетворено? Ну что ж ты... скажи... разве это большая проблема? — тут он отпустил ее и даже немного оттолкнул, заставив попятиться.

— Не сходи с ума, — ошарашено проговорила она, когда увидела, что он резким движением поддержал джинсы на коленях, но еще не поднялся с кровати.

— А что, давай попробуем...

— Не смей! Не смей, говорю тебе... Ты точно спятил! — вцепилась в футболку и нависла над Денисом, словно могла бы остановить. — Не смей этого делать! — с силой хлопнула его по плечу. А когда поняла, что он остался сидеть на месте, отпустила.

Распрямылась, но свои руки с плеч его не убрала. Хотя понимала, что все бесполезно. Если он захочет что-то сделать, то она ему не помешает. Шаурин слишком тяжелый — не хватит у нее сил ни с места его сдвинуть, ни на месте удержать. Особенно когда он в таком невменяемом состоянии, как сейчас. А он точно не в себе — по глазам видно, по скомканному дыханию.

Быстро смахнув ладонью выступившие слезы, всхлипнула почти беззвучно и сказала шепотом, скороговоркой почти, словно боялась запнуться и не досказать, а может, разреветься:

— Никогда не смей становиться передо мной на колени. Мне это не нужно. А тебе не за что. Даже из романтических побуждений. Оставь эту сентиментальную дурь. Я никогда не буду с мужчиной, которого можно поставить на колени. А ты не из тех, кто пиджак распахнутым носит, не застегивает, чтобы шире казаться. Ты так часто раньше напоминал мне, кто мой отец. А сам забыл, что ли? Неужели непонятно? Тебя даже сам Монахов не смог... Кто-то любит просто так, кто-то вопреки. А я за это. Понятно тебе? — снова вытерла мокрую щеку и вздохнула.

— Мне понятно, — сказал Денис как-то бесцветно. Юля не смогла распознать оттенок голоса, только хрипотцу в нем уловила и резкость.

Шаурин сделал протяжный и глубокий вдох, словно и не дышал до этого. Слово только что место для полного вдоха у него в груди освободилось. Точно немного пришел в себя. И Юльке легче стало, и сама она вот так же глубоко вздохнула.

— Ну, чего замолчала? Давай реви, — произнес он, как будто спокойно. Но чувствовалось, что к последнему слову голос набрал силу. И сила эта вот-вот прорвется криком.

— Зачем? — несмело и тихо сказала она, сдерживая икоту. В груди так заломило, что приложила к ней невольно руку: хотелось как-то эту боль унять. Что замолчала... А что говорить? Высказалась сполна. Да и горло у нее стянуло от сухости, словно это она водку хлестала, а не Шаурин.

— Потому что все нормальные бабы плачут. У каждого человека есть, о чем поплакать.

Или у тебя совсем не о чем? Реви давай! — Денис пружинисто поднялся, Юлька сразу отскочила от него, бросилась к постели и откинула одеяло. Резко откинула, как содрала.

— Реви! — рывкнул он на всю комнату. А может, и на всю квартиру.

И заревела же. Как по команде. Бросилась в слезы и в кровать заодно. Накрылась с головой, сначала пытаюсь сдерживаться, плакать тихо. Но не смогла — разревелась. Оплакивала те два года, которые без него умирала, и недавние часы ада, что довелось пережить, и шауринскую последнюю выходку. Которая все внутри перевернула.

А Денис не подходил, не утешал ее, не трогал. Остался на месте, будто ждал пока она разойдется в плаче. Так разойдется, что не сможет успокоиться. А когда дождался, двинулся к ней. Ступал неслышно, словно боялся спугнуть ее слезы. Выключил тусклый ночник, осторожно приподнял ее и прижал к себе. Вместе с одеялом.

— Теперь... — заикаясь начала она, — теперь я и без тебя справлюсь...

— Конечно, справишься.

— И вообще, я уже не в том... — не смогла договорить.

— Не в том возрасте, чтобы плакать? Или положения?.. — Чувствовал, что самому стало дышать невыразимо легче, будто что-то тугое выпустил из себя с криком. — Не переживай, я тем мужикам, которых ты на совещаниях отдираешь, не скажу, что ты умеешь плакать. Так что давай – реви. Можешь сморкаться в мою футболку.

Ничего ей больше не оставалось. Обняла его – окольцевала руками. Обвила ногами, прижалась крепко и зарыдала. Денис укутал ее плотнее в одеяло. Сам не знал, почему так сделал – укутал с головой. Может, плечи ее, содрогающиеся, подсказали, может, руки ледяные — не то согреть ее пытался, не то постарался заглушить надрывный плач, потому что с трудом выносил ее слезы.

Долго она плакала. Плакала так, что сердце чуть не надорвала. А потом заснула. Так и заснула в его руках. Затихла. Перестали вздрагивать плечи и дрожать руки. По дыханию понял, что спит, аккуратно откинулся вместе с ней на спину, чуть на бок повернулся, одеяло с себя сбросил. Юля не пошевелилась, только крепче сжала кулаки, сминая зажатую в них его белую футболку.

Вздохнул свободно раз, второй. А воздуха все не хватало. Задыхался. Все никак сердце не могло кровь разогнать. Раздеться бы... Одежду с себя скинуть, иначе через некоторое время вспотеет, станет мокрый и Юлька от него. Но не двинулся: с таким трудом Юля успокоилась, теперь боялся ее тревожить. Носом уткнулся в ароматный висок, пальцами в ее волосах запутался и сам прикрыл тяжелые веки. Ее тело дышало уже покоем и умиротворенностью, его — еще смертельной усталостью. А она спала, как ребенок, — тихо и беззащитно.

Открыл глаза, когда Юля зашевелилась. От жары проснулась. Недолго они спали, окно еще не белело рассветом, а значит, отключились оба, наверное, минут на двадцать. Но кажется сил прибавилось. Вдвое прибавилось. У Шаурина так точно.

— Я есть хочу, — хмуро сказала она. Эта хмурость в голосе просвечивалась. Хриплый он стал, надорванный, но зато не шелестел уже еле слышно. — Мяса хочу. Что мне этот стакан кефира с булочкой. Пельменей хочу. Много.

— Ну, в четыре часа ночи я тебе ничего другого, увы, не могу предложить. А хотел бы.

— Не надо, меня все устраивает.

— Тогда пошли на кухню.

— Тогда пошли, — согласилась Юля, но, как и Денис, не спешила вскакивать, с места

не двинулась. Лежала, к любимому крепко прижавшись, и слушала, как размеренно бьется в груди его сердце.

А Шаурин не мог, не шевелился, словно сам себе не доверял, словно боялся, что тело его подведет. И не зря. Когда поднялся с кровати, голова закружилась. Но неуверенность в движениях быстро прошла, стоило только в лицо плеснуть ледяной водой. Сделал это на кухне. Юля закрылась в ванной – тоже пошла умыться.

— А ничего, если я снова просто посижу? А ты сваришь мне чудесных пельмешек и покормишь меня? — Появившись через несколько минут, уселась на стул.

— Ничего. Посиди. Я могу даже, как в том мультике, за тебя и пальцы загнуть. У меня все записано. Потом отработаешь.

— Курицу тебе пожарить? — улыбнулась Юля и стерла капельку воды с подбородка.

— Можно курицу, можно не курицу.

— И еще я хочу кофе. Или чаю. Чего-нибудь крепкого.

— Чаю.

— Чаю, — согласно кивнула и, перекинув волосы на одно плечо, заплела их в слабую косу.

— И перца мне, — напомнила Денису, когда получила свои пельмени.

— Перца ей, — усмехнулся Шаурин. — Что-то я не помню, чтобы ты раньше по мясу так убивалась. — Налил себе кофе, перед Юлей поставил чашку с чаем.

— Я просто есть хочу.

— Правильно. Ешь-ешь. Мясо ешь, значит, сын родится. Вон Танюха конфеты лопала, девку родила. А мне пацан нужен.

— Чего? — Юлька на миг дар речи потеряла и жевать перестала. — А с чего это ты решил, что я беременна?

— А с того, что от незащищенного секса дети рождаются. Или ты уже точно знаешь, что не беременна?

— Нет но... — задумалась в замешательстве, — не знаю.

— М-мм, — понимающе протянул он, — ешь-ешь, не отвлекайся, — указал глазами на тарелку и отпил из кружки горький кофе.

Юлька некоторое время жевала молча, раздумывала. Потом довольно вздохнула и иронично вздернула бровь:

— Насколько я помню, ты всегда говорил, что дети должны рождаться в браке.

— Так я и не рассчитывал на двухлетний мораторий.

— М-мм, — теперь Юля протянула с улыбкой.

— Что-то хочешь мне сказать?

— Нет-нет, — невинно ему улыбнулась, — все прекрасно. Все отлично. Я наелась, теперь чайку попою, — отодвинула от себя тарелку и размешала сахар в чашке. — Мне так хочется, чтобы Лёня повзрослел.

— В каком смысле? — Денис даже не удивился ее словам. Женщины способны совершать поразительные скачки в мыслях.

— В смысле, чтобы остепенился. Например, женился наконец.

Денис засмеялся. Громко и открыто.

— Ты сейчас как будто сказала: «Мне так хочется, чтобы Лёня в космос слетал». Что в сущности одно и то же. Лёня по жизни шлюха.

Юля еле сдержалась, чтобы не расхохотаться и постаралась вложить в голос

укоризненные нотки:

— Ну зачем ты так про него, он же твой друг. И мой. Он очень хороший и добрый человек. Добрый и надежный.

— А как про него еще сказать, если у него – между первой и второй можно трахнуть целых шесть. Лёня бесценный человек, я в нем не сомневаюсь, его человеческих качеств нисколько не умаляю. Его блядский образ жизни меня не особенно волнует. Точнее, он меня не волнует вообще. Главное, чтобы Лёня яблоки только в своем огороде рвал.

— Да, — задумчиво сказала Юля, споласкивая чашку, — Вуич у нас знатный садовод.

— Юляш, а может все-таки «да»? — с надеждой спросил Шаурин, когда они улеглись в кровать. Денис только успел джинсы скинуть, Юлька быстро прижала его к постели, навалившись сверху.

— Что «да»? — спросила улыбаясь, поняла, о чем он говорил.

Его теплая рука тут же скользнула вдоль мягкой резинки, легонько потянула вниз персиковые штанишки и задержалась на ее плоском животе.

— Еще рано говорить. Ну чего ты всполошился? Узнаем в свое время, — без видимого волнения прореагировала, хотя в душе что-то всколыхнулось. Какое-то незнакомое чувство. Щемящее и немного тревожное.

— Мне надо сразу знать. Вот отдохнешь немного, придешь в себя, а потом сходишь к своему врачу, сдашь все анализы.

— Так, прекрати, Шаурин, — Юля приподнялась на руках и остановилась взглядом на его лице. Как будто его непомерную инициативность и решительность пыталась утихомирить. — Вцепился в меня прям мертвой хваткой. Вот будет задержка, сделаю тест, потом схожу к доктору. Все по порядку.

— Конечно, — с готовностью подтвердил, — вцепился и не отпущу. Теперь только вот так, — сунул руку глубже за резинку и сжал ее голую ягодицу.

— Как все серьезно... — усмехнулась Юлька.

— Серьезней не бывает, — он и правда так говорил – уже без игривых ноток. Свободной рукой стиснул ее плечи. — Я чуть с ума не сошел...

— Я так и поняла по твоей сегодняшней выходке.

— ...не знал, кому молиться. Наверное, меня Бог любит, раз ты сейчас здесь, со мной.

Юля невольно издала нервный смешок, улыбка растаяла на губах. Привстав, она устроилась плотнее на Шаурине, откинувшись на его согнутые в коленях ноги, как на спинку стула.

— Говоришь, что тебя Бог любит... а я вот о Боге сегодня не вспоминала. Не молилась. Не пришло в голову. Потому что знала, что сегодня Бог мне точно не поможет. И от этих тварей не спасет! Только тебя звала и тебя молила, знала, что никто кроме тебя меня не найдет. Не сможет найти. Никто не сможет.

— Не говори так! — резко оборвал ее.

— А ты мне про Бога...

— Не говори!.. — зажал ей рот ладонью.

Юля убрала его руку от своего лица, но не продолжила, да и эти слова, наверное, лишние. Но сами собой прорвались, ничего не смогла с собой поделать. Потому что в те жуткие часы так себя и чувствовала. Так и думала, и была уверена, что только Шаурин ее сможет вытащить из этой заварухи. Только он и сумеет. Больше никто.

— Ты все еще боишься такой ответственности. Столько лет уже, а ты все боишься. Быть самым-самым...

Денис молчал. Думал ли или от ответа уйти пытался... Но молчал тяжело. Так же тяжело и сказал наконец:

— Юля, есть вещи, которые не стоит произносить вслух. Их просто нельзя говорить...

— Привыкай, и по-другому не будет, это тебе на всю оставшуюся жизнь, — веско сказала она, не дослушав.

Куда-то легкость делась из их разговора. Растворилась в воздухе, как тонкий дымок. Да и разговор сам оборвался, словно в тупик зашел, словно они с Денисом уперлись в стену.

— Я тебе еще не все сказала, — Юля попыталась перешагнуть через этот невидимый барьер. — Вернее, это ты мне не все сказал. Говори, как ты жил без меня эти два года. — Скомкала футболку у него на груди и трянула сжатыми кулаками, как будто угрожающе. — Я серьезно. Говори давай! Быстро говори, как ты жил без меня два года!

Шаурин сдавленно рассмеялся.

— Как жил... — задумчиво повторил он и вздохнул. — Пусто. И не страшно.

— Как это? — Юля растерялась. Не такой ответ ждала. И не знала, как это понимать. С усилием вслушивалась в его приглушенный голос, боялась хоть слово пропустить.

— Вот так. Когда ничего не страшно, это намного хуже, чем если скучаешь... чем когда крышу рвет от боли и тоски. Потому что, Юленька, не страшно — только мертвым.

Дыхание странно застряло в горле, скомкалось. Юля сглотнула и спросила шепотом:

— А у тебя срывало крышу?

— М-мм, — кивнул.

Почему-то в этот момент поняла, что не хочет знать подробности, хотя до этого намеревалась все у него выпытать. Все до мелочей. А сейчас побоялась. Видимо, прав Шаурин: есть слова, которые вслух произносить не стоит.

— А хотел вернуться? — задала другой вопрос, но так же очень ее интересующий.

— М-мм... — снова кивнул.

— Когда?

— После смерти Юры. После того, как на похоронах побывал. И у тебя.

Юлька и сама не заметила, как задержала дыхание, ожидая ответа. А услышав, вздохнула с облегчением. Но говорила все еще тихо, полупшепотом. Словно боялась силой голоса разорвать тонкую ниточку, на которую он нанизывал свои признания. Трудно они шли. Кажется, пока слушала его, вслушивалась в каждое слово, мышцы свело от напряжения. Но шевельнуться не смела.

— Как удержался?

Помедлил с ответом.

— Разгромил свою квартиру.

— Как разгромил?..

— Молча. Разобрал мебель на щепки и сложил горкой. Все разнес и успокоился.

Юлька довольно улыбнулась.

— Я легко это представляю. И посуду разбил?

— Всю.

— Вот это ты скуча-а-ал... — с восторгом протянула она и почему-то поверила ему.

Верила, что он все так и сделал, как сказал — разнес всю мебель в своей московской квартире и перебил посуду. Верила безоговорочно. Потому что точно знала, что Шаурин не

только может похвастаться умением сохранять хладнокровный и непробиваемый вид практически в любой ситуации, но с таким же успехом он в ярости может разнести все вокруг.

Вот этих его негромких слов оказалось достаточно. Думала, что всю душу ему измотает вопросами, но уже ничего не хотела спрашивать. Остыла. И устала. Внутри пусто было, но пустотой приятною — такой, которую хотелось поскорее чем-то заполнить.

Сквозь тонкую ткань вдруг почувствовался жар мужских ладоней. И как раньше не замечала. Как не чувствовала его возбуждения. Только сейчас, словно из тумана выплыла...

Руки его горячие лежали на ее бедрах. Спокойно лежали, несуетливо. Не напряженно. Испытывая такое жгучее желание, не торопилась. Необычно и непривычно вот так — чувствовать голод и не спешить его утолять. Даже целоваться не спешить, не требовать ласки, не торопиться ощутить голой кожей его руки и губы.

Чувствовала, как желание горячо растекается по всему телу, загораясь в каждой клеточке. Очень ощутимо и остро. Так только раз с ней и было — чтобы вот так запросто без ласк и поцелуев возбуждаться, — когда появился к ней в ту ночь непрошеным гостем. Тогда ничего не нужно было, только смотреть на него. А сегодня даже смотреть не нужно. В неплотной темноте рядом быть и в застывшем вдруг воздухе слышать его глубокое дыхание.

Сплела с ним пальцы, своими сжала широкие крепкие ладони. Порой вот так держать Дениса за руку намного важнее, чем обнимать. Бывает, обнять открыто нет возможности, а взять за руку и почувствовать тепло всегда есть. Среди множества людей и в любой компании. Скучала по его рукам, все два года скучала.

Потянул ее на себя, заставил лечь на грудь, придержал за поясницу, скользнув под футболку. Не спешил тоже. Наслаждался их спокойной близостью и своим жгучим возбуждением. И поцеловал сначала, касаясь только губ. Просто поцеловал, словно пробуя их мягкость. А лишь потом на вкус. Потом, раскрывая, и нежно исследуя языком.

Пошевелился — сам выше устроился на подушке и Юльку чуть вверх подтянул, чтобы крепче его обхватила. И не гладил ведь, не водил руками по телу, всего лишь обнял в одно касание, а жарко стало невыносимо. От губ его горячих, от влажного языка, от его вкуса. Жарко, невозможно жарко. И спина взмокла, и шея под волосами.

Носа коснулся тонкий аромат — ее собственный запах, смешанный с духами. Денис скользнул языком по коже, по шее, губами прихватил, как попробовал. Почувствовал тихую женскую дрожь, на тихий стон ответил улыбкой.

— Нет, в губы, — легонько оттолкнула его от себя.

Усмехнулся сдавленно. Прижал крепче ее плечи. Задержал ладонь на щеке, подушечкой большого пальца слегка надавил на губы, чуть приоткрыв, коснулся ровного края зубов.

— Я смотрю, у тебя прям второе дыхание открылось.

— Не второе, восьмое.

— И голова не болит?

— Голова болит у тех, кто с неправильными мужиками спит. А я сплю с правильным, — хрипловато на выдохе сказала Юля.

— Как лестно слышать.

— Еще бы... — мягко усмехнулась. — У меня все мои двадцать четыре года перед глазами пролетели, как в фильме. Думаешь, я теперь буду тормозить?

— Что-то мне кажется, что нет.

Головная боль, про которую Денис спрашивал, конечно, не отпустила до конца. Но

притихла. Уже не раскальвала черепную коробку, а где-то в глубине отдавалась тяжестью. И слишком мала была, ничтожна, чтобы заглушить ее безумное желание.

Юля привстала и распрямилась. Денис хотел удержать ее, но она настойчиво оттолкнулась, словно хотела сказать что-то важное.

— Хочу сказать... — начала неуверенно. Странно неуверенно.

— Что?.. — подтолкнул вопросом и, пока она готовилась сделать какое-то важное признание, стянул с себя футболку.

— Почему-то больше всего вспоминались наши первые годы, — сказала, когда Шаурин снова откинулся на подушку. — Как все начиналось. Хочу сказать тебе спасибо. За эти полтора года платонической любви. Все у нас было с тобой правильно. Тогда я с ума сходила, бесилась, ревновала. Ты и сам знаешь... А теперь я думаю, что все у нас с тобой было правильно. Несмотря ни на что. Все, как надо. Красиво и правильно. Сейчас мне нравится, что все было именно так. — Юля замолчала, крепче сжала его бедрами. Или колени у нее дрогнули от напряжения...

— А дальше? — спросил Денис.

— А что дальше?

— А «люблю»?

Юлька расслабленно рассмеялась. Хорошо, что к сказанному Денис не стал ничего добавлять от себя. Не разрушил уточнениями ее теорию, может быть, неосознанно, но позволил ей наслаждаться мыслью, что она побыла богиней.

— Ладно, люблю.

— Сильно?

— Нормально. Нормально люблю, — отозвалась нарочито ворчливо.

— Хочу «сильно», — ухватил ее за ягодицы и подтолкнул на себя.

— И я хочу сильно, — подразнила словами. И действиями подразнила: воспротивившись как будто, уперлась ему в плечи.

Но его руки тут же рассеяли ее игривость, стащив с нее футболку. Прохладный воздух коснулся обнаженной кожи, но он не был настолько прохладным, чтобы ее остудить. И колючие мурашки побежали по телу не от холода.

А от поцелуя. От такого и голова кружилась, и тело сразу плавилось. Не глубокий он, этот поцелуй, поверхностный, но самый возбуждающий. Тот самый животный, когда, едва губы сжимая, ласкал ее язык. Нежно ласкал, нежно посасывал.

Целовал долго. Бесконечно. Пока не взмокли от одних поцелуев. Пока стонать не начала. Тогда он снова жадными губами к шее, к пульсирующей жилке. Попробовать. Всю попробовать. Ласкать ее шелково, спуститься до самой груди — языком пройтись по нежной, упругой, взять в рот сладкий твердый сосок...

— Юля... — то ли спросить о чем-то хотел, то ли просто позвал.

Она не уточняла. Вздохнула рвано и отстранилась, торопливо сбросила с себя остатки одежды — да и Денис не медлил, — прижалась обнаженным телом, совсем с ума сводя.

Слегка прикусил ее грудь. Потом лизнул. Еле вздохнул, еле перевел дыхание. От возбуждения все мышцы судорогой. Невозможно сдерживаться и стараться в медленных ласках.

Невозможно, когда чувствуешь, как твоя женщина *хочет*. Как *просит*. Просит каждой клеточкой своего тела, каждым вздохом, тихой дрожью, сладостными стонами. Нереально, когда она скользит губами по телу, дразнит, легонько покусывая кожу на животе.

Собственнически и знаяще ласкает рукой ноющую от желания плоть, а потом — языком и губами, улыбаясь каждому тяжелому вздоху и протяжному стону.

— Юля... — сжал ее плечи, останавливая. Придержал рукой за подбородок, прерывая свои сладкие мучения. Провел пальцем по ее влажным губам. Она слегка прикусила подушечку большого. — Иди, сюда. Не так... Хочу в тебя, — подтянул ее на себя.

В нее хотел. Ее искусные ласки всегда доставляли ему безумное удовольствие, но сегодня хотел в нее. Сейчас возбуждение самое острое, именно в этот момент — самое сумасшедшее, по нервам бьющее, все нутро обжигающее. Потому хотел в ней быть и ее чувствовать, держать в руках и впитывать каждый малейший отклик тела.

И сама ведь огнем горела, целовала жадно в шею, сладко — в губы. Сладко и ласкающе в полураскрытые. Дразнила, конечно. Напомнить хотела, от чего отказался. Потом глубже, умело выворачивая его наизнанку — до оглушающего пульса.

Чуть приподняв ее, осторожно усадил на себя. Медленно опустил, медленно вошел в нее, придержал за талию, не позволяя двигаться сразу. Вздохнуть бы сначала, пережить темноту в глазах от нахлынувшего удовольствия. Так туго в ней и горячо.

И не смогла бы двигаться: ослабла, как растеклась. словно все напряжение потеряла. Немного погодя только уверенно оперлась на его плечи и с трудом вздохнула.

Чувствовал, как мелко дрожит ее тело, и грудь под рукой еле-еле вздымается, словно стянуло ту обручем. Шевельнул бедрами, чтобы села плотнее.

Что-то сказал Денис, но Юля не расслышала, не поняла. От затопивших с головой ощущений, будто уши заложило. От полноты их, от этого острого, почти непереносимого наслаждения. И сейчас еще не была готова двигаться, не собралась с силами. Ушли они. Дышала часто, облизывала вдруг пересохшие губы.

— Юля моя... — помог ей, чуть приподнял на себе.

— Что это сегодня без прозвищ... — выдала натянутую шутку.

— Все, молчи. Молчи, — стиснул ее и сам начал двигаться.

Она безвольно поддавалась. Безвольно и с удовольствием, влажно дыша в его крепкую шею.

Денис иногда останавливался, прижимал ее к себе что есть силы. То ли какое-то свое мужское право утверждал, то ли дыхание переводил. Или все вместе. Как-то медленно все у них сегодня, тягуче. Как будто с трудом каждое движение, но и с чувственностью особой.

Денис мягко перевалился на бок, удерживая Юлю за спину. Не сдержавшись, она удовлетворенно застонала, потому что так ей намного удобнее: ощущений сладостных получала больше, к телу прижималась теснее, крепче руками обвивала.

И тут же исчезла из их движений эта тягучесть. Появилась в них порывистость и в ласках — небрежность. От страсти, от усердия, с которыми любили друг друга. От стремления к единому и друг для друга.

Потом уложил Юльку на спину и остановился. Перестал двигаться, иначе вот-вот мог выплеснуться в нее, содрогнуться в оргазме. Замер, но губ ее не отпускал. Целовал некоторое время, затем дал вздохнуть. Только вот трудно вздохнуть было — выгнулась под его губами, ласкающими тело. От поцелуев влажных, от скользящего вниз языка.

С наслаждением ее ласкал, руками накрывал упругие полушария, пробовал на вкус тугие вершины, мягко покусывал бархатный живот, подрагивающий от горящего в ее теле возбуждения, от голода и желания удовольствия. Юля вздохнула, развела бедра шире. Совсем она уже на грани, ей много и не нужно сейчас: только чтобы прикоснулся к чувствительному

месту.

Тогда сделал это нежно пальцами, а она застонала и напряглась. И сам издал довольный стон, положил ладони ей на бедра, поцеловал живот. Юля замерла, как затаилась. Улыбнулся ее готовности, склонился между ног и нежно лизнул пульсирующий бугорок. Она вскрикнула. Сразу вскрикнула и скомкала в руках простынь. Еще лизнул и сжал губами. Почувствовал на кончике языка ее удовольствие. Теперь она даже застонать не смогла, выгнулась в острой судороге, хватая ртом воздух. Потом только застонала, после того как дрожь чуть отпустила. Все было в этом протяжном звуке – и улыбка, и удовлетворение, и благодарность. Когда прижал ее к себе, еще вздрагивала.

— Денис... — выдохнула мгновением позже, скользнув грудью по смятым простыням — Шаурин перевернул ее на живот.

— Молчи.

— Ты меня сегодня хочешь вдоль и поперек?..

— Я тебя всегда хочу вдоль и поперек. Молчи.

Навалился на ее подрагивающее тело, невольно заставив выдохнуть под тяжестью собственного. Обессилен после оглушающей вспышки удовольствия, Юля, принимая его, только расслабленно прикрыла глаза и закинула руки за голову, подобрав волосы наверх. Ее коса, не скотая, давно уже расплелась, спутанные волосы рассыпались по плечам. Дрогнули они, плечи: губы любимого на них почувствовались. Потом на шее, чуть ниже роста волос. И мурашки колкой россыпью по телу, когда прихватил зубами кожу. Всегда так реагировала. Такие они яркие были, и явные, что Денис их заметил тоже — провел по спине ладонью, словно смахнуть пытался. Кажется, после этого тело ее снова проснулось, вздрогнуло, набралось прежнего возбуждения. Заговорило неуловимым напряжением мышц, скомканной дрожью, измененным ритмом дыхания.

— Я сейчас чувствую, что два года мне ждать точно не придется. Ты, по-моему, уже согласна... — проговорил ей на ухо.

— Если оставишь меня на животе, то не мечтай. Это твоя любимая поза... — еле выдохнула.

Тогда он перекатил ее на спину и помедлил, переводя дыхание.

За окном белел рассвет. Как-то внезапно он пришел, вдруг рассеял темноту, и вот уже можно смотреть в серые глаза и различать их выражение; видеть четкий очерк чувственных губ, которые так страстно целовали.

— Это совсем нечестные методы, — прошептала Юля, скользнув пальцами по его шее, к плечам, обрисовывая рельеф напряженных мышц, обнимая его спину.

Принимая в себя глубокие резкие удары, сжала Дениса крепко бедрами, прикрыла глаза, ожидая пока волна удовольствия не затопит с головой. Но оргазм пришел не волной, а яркой вспышкой. Горячим взрывом. Почему-то внезапно он случился, этот радужный взрыв, как сегодняшний рассвет. Сразу все силы украл, обездвигил, оглушил. Слепил. Сквозь эту сладкую пелену с наслаждением впитывала мужские стоны и последние судорожные движения.

В комнате стоял пряный запах секса. Наверное, так пахнет жизнь.

Пошевелиться не мог, придавил ее всем телом, распластал на постели. Тяжело ей, точно тяжело. Но не мог двинуться. Голова кружилась и во всем теле блаженное онемение. Но молчит же Юля. Молчит...

— Любишь меня, да?

Улыбнулся и немного сдвинулся на бок.

— Люблю, да.

— Сильно?

— Нормально.

ГЛАВА 52

В палате было тихо. Хотя, как иначе. Судя по размеренному дыханию, Монахов спал. Денис не первый раз навещал его в больнице и в такие моменты всегда немного терялся: не знал, что делать — то ли сидя у кровати подождать, пока тот проснется, то ли тихо уйти, предварительно переговорив с врачом.

Неловко как-то у постели спящего больного сидеть. Словно мешаешь ему: вздохами и ожиданием нарушаешь его покой, подгоняешь проснуться. И у окна стоять неудобно: некуда взгляд деть, ничего нет за окном интересного, да и солнце так ярко светит, что ослепляет. Душно в палате, проветрить бы.

Показалось, что воздух в помещении взметнулся, и по спине пробежала зябкость. Так бывает, когда кто-то пристально смотрит в спину. Шаурин обернулся и встретился с жестким взглядом серо-зеленых глаз. Удивительно живые они для человека слабого здоровьем, перенесшего пять дней назад сложнейшую операцию на позвоночнике и прикованного к больничной койке. Можно было бы сказать, что Сергей Владимирович «буравил его взглядом». Но здесь больше подходило другое — «горячо». Монахов смотрел горячо. Так смотрит человек, который ждал встречи, рад, соскучился.

— Как вы, Сергей Владимирович? — негромко и ровно спросил Шаурин.

— Живой, — одним словом обозначил мужчина свое самочувствие.

— Это я и сам вижу.

— Ну, а остальное мелочи.

— Действительно, — хмыкнул Денис, поддерживая попытку Монахова иронизировать.

— Как солнце ярко светит. Как будто весна на дворе.

— Да лучше на улице, — усмехнулся Денис, отметив про себя задумчивость Монахова, легкой тенью, мелькнувшей на лице, — на улице бабье лето. Вот и греет «по-женски».

Сергей Владимирович почему-то улыбнулся. Может быть, вспомнил про жену. Это хорошо.

— Как Юля?

— Хорошо, — сначала неопределенно ответил Денис. Юля уже навещала отца в больнице, а сегодня Денис заехал один. — Хорошо, — повторил немного иронично. — Я ее из дома одну не выпускаю, запер в квартире. Пусть в себя придет окончательно. — Денис так и не присел, остался стоять у окна, прислонившись к подоконнику. Может, солнце, которое грело «по-женски», держало; может, просто к концу дня не хотелось лишних движений делать.

— Вот это правильно, — неожиданно одобрил Сергей Владимирович, просветлев лицом. — Скандалит?

Шаурин почувствовал в его голосе понимание и невольно улыбнулся:

— Пытается, — кивнул.

— Ничего, успокоится.

— Вылечим.

Теперь Монахов кивнул с улыбкой, вернее, сделал едва уловимое движение, которое по-другому нельзя было расценить. Кивнул уверенно, словно не сомневался в обещании Шаурина.

— Всегда хотел спросить у тебя, — вдруг сказал он, прогнав с лица спокойствие. Кажется, скулы мужчины чуть побелели, напрягшись. Денис не задал встречного вопроса, но шевельнулся, позой своей выражая полное сосредоточение. Тогда Монахов продолжил: — Как бы ты поступил на моем месте тогда... семь лет назад?

Не уточнил он, что имел в виду, но Денис и так понял, о чем спрашивалось. Отвечать не спешил, хотя в ответе не сомневался и не раздумывал. Но выдерживал паузу — то ли чтобы значимости своим словам придать, то ли сконцентрировать на себе все внимание Монахова.

— Убил бы, — спокойно сказал он. — Будь я на вашем месте, убил бы, не раздумывая, — второй паузы не смог выдержать. — Разочарованы моими словами? — Почему-то стало важным услышать честный и прямой ответ.

— Нет, — как-то тяжело сказал мужчина. Хотя, наверное, еще каждое слово давалось ему с огромным трудом, но этого он, конечно, ничем не выказывал. — Значит, я в тебе не ошибся.

— Почему?

— Потому что сейчас я на больничной койке, а *ты* на своих ногах.

— Это ненадолго, — уверенно сказал Шаурин и тут же поправился: — То, что вы на больничной койке. Я от души хочу, чтобы вы поправились и еще долгие годы радовали нас своим присутствием.

Монахов улыбнулся, отчего-то веруя в его слова.

— Я и сам, признаться, на это надеюсь. Хотелось бы еще внуков увидеть.

— Это обязательно. Вы много чего можете дать моим детям, я хочу, чтобы от вас и моего отца они взяли только самое лучшее.

— Ты мог мне сказать это раньше, — не то спросил, не то сожаление выразил. И тут же разговор их негромкий утратил небрежность — легковесные фразы зазвенели в воздухе.

— Чтобы сказать это раньше, нужно иметь определенную смелость, самоуверенности голый — мало.

Сергей Владимирович помолчал, будто хотел, чтобы слова растворились в воздухе.

— Ну, про свадьбу я не спрашиваю. — И правда не спрашивал, считал это решенным вопросом. — Всегда знал, что ты на ней даже мертвый женишься.

Денис засмеялся такой откровенности.

— И все же, хотелось бы быть в состоянии, так скажем, прямо противоположном.

— Ну что, майор, давай повторим, — Лёня снова взялся за бутылку коньяка, — за то, что ты, Вадим Валерьевич, уже не майор.

— Бывших ментов не бывает. Да и рапорт мне еще не подписали.

— А что — могут не подписать? — спросил Шаповалов, свободно откидываясь на спинку стула.

— Подпишут, — уверенно ответил Вадим. — На должность начальника отдела всегда полно желающих. А я некоторым всю жизнь как кость в горле.

— Так пуганые же, — усмехнулся Лёня, наполняя рюмку Дениса.

— Причем насмерть пуганые. Хорошо, Лёня, — остановил тот его. — Я же за рулем.

— А какого черта, спрашивается, ты в ресторан сам прикатил? Чтобы сидеть, как девица на выданье? Что — некого за баранку посадить?

— Да кто ж знал, что все так серьезно будет... — В кармане пиджака зазвонил сотовый, и Денис прервался, чтобы ответить на звонок.

— Вадим, ты мне скажи, — отвлекся Лёня на Бардина, пока Шаур разговаривал по телефону, — а чего это ты надумал в отставку подать? Сколько мы тебя ни уговаривали, чего только ни предлагали, ты не поддавался. А тут — на тебе рапорт на стол.

Вадим вздохнул, собираясь с мыслями. И проблем-то с ними не было, с мыслями, да разве ж поймет его Вуич. Может, и поймет, но в подробности вдаваться не хотелось.

— А после наших недавних приключений, Романыч, не работается мне. Перестал я всюду искать мораль.

Две недели продержался — действительно не работалось Бардину после похищения Юли. После того как поучаствовал в такой масштабной криминальной разборке. И сам далеко не ангел, всякое случалось за столько лет работы. Чего только не было. Но всегда он действовал во имя закона и на его стороне. В любом случае. А тут... Хотя сам согласился, никого не винил, ни на кого не обижался, о сделанном не жалел. Не хотел Денис его втягивать, о прямом участии и помощи не просил, задача Бардина была только Наталью спрятать. Но не смог Вадим оставить друга в такой момент, прекрасно понимал, что нет у Дениса иного выхода, кроме как разобраться с похитителями их же методами.

— Ну все, теперь ты на «темной» стороне, на нашей, — Лёня хлопнул Вадима по плечу.

— Гм, — гмыкнул тот, соглашаясь и с мрачным спокойствием отмечая про себя, что играть на «темной» стороне оказалось не так уж и сложно. — Чё, Шаур, девки, что ль, гуляют? — спросил, потому что краем уха слышал разговор друга.

— Ага, по четыре штуки в ряд, — Шаурин снова стал набирать номер Юли, потому что внезапно связь оборвалась, и они не договорили.

— По какому поводу?

— Да я и сам... не пойму, кого обнять. — Облегченно вздохнул, когда дозвонился наконец и услышал в трубке Юлин голос. — Я так и не понял, где вы... Ясно, через час буду, — убрал телефон в карман.

— Нехило видать гуляют, — усмехнулся Лёня.

— Сушите весла. А то ты не знаешь, как они пьют. Похлеще, чем мы с тобой.

— Знаю я. Редко, но метко.

Чуть больше чем через час Денис звонил в квартиру Кати Маркеловой. Юля впустила его, захлопнула дверь и на радостях повисла на его крепкой шее.

— Так и хочется спросить — «в чем сила?...», то есть, что за повод? — спросил Шаурин, мягко отцепляя ее от себя.

— Шаур-р-р, — прорычала она последний звук, заглядывая в серые глаза, — любовь моя, я решила тебе отдаться. Окончательно-таки и бесповоротно. Как это сказать, девичество я свое сегодня провожаю. Видишь, какой повод, а ты не знал. А все потому, что ты никогда не будешь меня контролировать. Ни-ког-да, — постучала по его груди указательным пальцем.

— М-мм, эка вас вштырило, мадам. Что пили?

— Все по-взрослому. Как в американских боевиках: виски с содовой, но в нашем случае — всего лишь виски с колой. Ну, и еще что-то там. А ты нам что-нибудь привез?

— Я вам что-нибудь привез. Но теперь думаю, что зря.

— И ничего не зря. — Юлька забрала из его рук пакет и вытащила бутылку шампанского.

— А чего это вы себя, девочки, сами развлекаете? — не удержался от иронии Шаурин, когда прошел вслед за Юлей в гостиную. — Сказали бы, я б вам к шампанскому не икры, а стриптизеров привез.

Большой круглый стол был заставлен закусками. Грохотала музыка. Таня и Катя пытались танцевать кан-кан. Порадовало, что не на столе.

— Ха-ха! Братик, ну ты и насмешил! А ревновать не будешь?

— Я-то? К этим набриолиненным проституткам? Обижаешь, сестра.

— Денис... — без лишних слов Юля вручила ему бутылку шампанского. Катерина тут же отправилась на кухню за высокими фужерами.

— Что-то боязно мне для вас, дамы, еще и шампанское открывать, — с большим сомнением сказал Шаур, но золотистую фольгу с горлышка все же содрал. — Глядишь, понесет вас всех в дальние дали. Где ловить будем? Может, остановитесь?

— Открывай, Денис Алексеич, не бойсь, — с готовностью кивнула Катя, звякнув хрусталем. — В люстру не целься: она безумно дорогая, эксклюзивная. А вот ковры можно и запачкать. Химчистки работают круглосуточно.

— Ох, Катерина, — нарочито тяжело вздохнул. — А я так верил в твою сознательность. Как оказалось, напрасно. — Крепко зажав пробку в одной руке, второй резко крутанул бутылку. Раздался тихий хлопок, и из открытого горлышка повился белый дымок. В воздухе сладко запахло. — А чего это ты, моя дорогая, свое девичество провожаешь у Катерины?

— А потому что мы не только Юлькино девичество сегодня провожаем, мы еще и мой новый паспорт обмываем, — ответила за Юлю Таня. — Я сегодня паспорт получила. Теперь я снова Шаурина! — воскликнула и запищала от радости. — Вот мы и решили собраться на нейтральной территории.

— И кстати, — сказала Юля после глотка шампанского, — если бы хотели сегодня увидеть на вечеринке стриптизеров, мы бы и без тебя справились.

— А вот это ты зря-я-я, по-моему, сказала, — усмехнулась Катя, глядя в лицо Дениса. Хотя лицо его особо ничего не выражало. Да этого и не нужно. Достаточно знать этого человека, чтобы в красках представить последствия вечеринки в компании со стриптизерами.

— Ах, и правда, — Юля театрально ахнула и приложила ладонь к губам. — Надо что-то делать. Сейчас, милый, все будет.

— Сколько вы выпили? — Денис вздернул бровь и посмотрел на сестру.

— Чуть-чуть, всего ничего, — она невозмутимо пожала плечами.

— Да уж, всего ничего... — сел на свободный стул. — А то я не знаю, после какой рюмки у нас такие замашки начинаются.

— У всех свои замашки, про твои я вообще молчу, — вступилась Таня за Юлю.

— Тарелочка белая, каемочка голубая, тортик шоколадный. Шаур-р-р, мой любимый, все для тебя, — Юля поставила перед Денисом торт. В ответ Шаурин глубоко вздохнул, Таня и Катя выразительно хихикнули. Смеяться в голос сил уже не было. Насмеялись за вечер.

— Дай попить чего-нибудь, — взялся за маленькую ложечку.

— Чего изволите, Ваше Величество, — чаю али кофе?

— Лимонаду.

— Вот не надо мне сейчас грубить, не надо. Я тут, понимаешь...

— Понимаю. Чаю, Юля, чаю. Без сахара. Иди, — развернул ее в направлении кухни.

— Любовь, ёлки-палки, — тоскливо вздохнула Катерина, потягивая шампанское.

— Это не любовь, Катя, это все алкоголь. Чувствую я, долго мне еще сегодня этот фестиваль наблюдать.

— Чего ты жалуешься? Ты сейчас должен светиться от счастья, я же за тебя замуж собралась.

— А ты это решила до того, как выпила, или после?

— Конечно, «до»! — искренне оскорбилась. — Ферштейн?

— А как же.

— Угу, — довольно кивнула и, расплываясь в улыбке, снова покинула гостиную.

...Денис шагнул в квартиру первый и щелкнул выключателем. В просторной прихожей вспыхнул яркий свет, на мгновение ослепив.

Юлька зажмурилась:

— Девушки, уймите вашу мать!

— Чего?

— «Любовь и голуби», — открыла глаза и, вздохнув, сбросила туфли. — Люблю этот фильм. Сто раз смотрела. А ты любишь?

— Еще как. Инфаркт микарда. Вот такой рубец. Вскрытие показало.

— Ой, давай завтра еще раз посмотрим.

— Ага. Давай. Прямо с утра и начнем. — Помог Юле снять плащ. Она с удовольствием освободилась от верхней одежды, повесила ему на плечо свой шелковый шарфик. — Ты здесь полностью собираешься раздеться? — спросил он, когда она сунула ему жакет и расстегнула верхнюю пуговицу на блузке.

— А ты против? — приглушенно рассмеялась.

— Абсолютно.

— Абсолютно против или абсолютно нет?

— Я не против.

— Это правильный ответ, — одобрила Юля и, оставив Шаурина разбираться с ее вещами, скрылась в спальне. Там она завалилась на кровать и закинула руки за голову.

— Денис! — громко крикнула.

— Что? — ответил из ванной.

Сползла с кровати и пошла к нему. Сделать это оказалось трудновато: тело отяжелело, голова немного кружилась. С удовольствием вдохнула запах зубной пасты, это немного отвлекло от неприятных ощущений.

— А почему ты на мне раньше не женился? — обняв Дениса сзади, уткнулась в его голую спину. Он не ответил сразу, пришлось подождать, пока почистит зубы.

— Когда раньше? — сунул щетку в стаканчик.

— Ну раньше...

Вытер лицо полотенцем и усталое выдохнул.

— Потому что это ты должна выйти замуж за Шаурина, а не я жениться на Монаховой.

— Не вижу никакой разницы.

— Разница огромная.

— Ладно. Раз ты говоришь разница огромная, значит, огромная. Можно я подумаю об

этом завтра?

— Нужно.

— Ложись в кровать, я сейчас приду, — скомандовала, а он в ответ только усмехнулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

— Блин, все уже повыключал, — проворчала Юля, немного погодя передвигаясь в темноте по спальне.

— Ложись уже.

— Ай, — тихонько вскрикнула, — я обо что-то ударилась.

— Обо что ты там могла удариться?

— Не знаю я, но ударилась.

— Ложись.

— Я замэрз, как на морском дне, — стуча зубами, процитировала Попандопуло. — Холодной водой мылась...

— С ума сошла.

— ...чтобы протрезветь. — Забралась под одеяло и крепко прижавшись к любимому, закинула ногу ему на бедро. Денис натянул одеяло выше ей на плечи.

— Зачем тебе трезветь? Спи.

— Я спать? Я спать еще не собираюсь. Если только на тебе.

— Ты не вытиралась, что ли? Мокрая вся.

— Конечно нет. Я сегодня жутко неуверенная в движениях. Зачем столько суеты, в постели высохну.

— Да действительно. К чему все это... — усмехнулся.

Ее дыхание стало размеренным. Некоторое время Юля молчала.

— Шаур-р-р, мой любимый... — прошептала.

— Что? — вздохнул.

— А когда мы в ЗАГС пойдем заявление подавать?

— Когда хочешь. Хочешь завтра.

— Нет, послезавтра. Завтра у меня, наверное, голова будет сильно болеть.

Юля пошевелилась, устраиваясь поудобнее. Снова замолчала, но ненадолго.

— Денис...

— Что?

— Только давай подадим заявление как нормальные люди. Не надо, чтобы у нас его принимал мэр города. Не надо никого покупать. Никому ни за что платить не надо. Давай придем в ЗАГС, сами заполним заявление, постоим в очереди как все нормальные люди. Подождем, сколько надо. Месяц... или сколько там...

— Хорошо.

— И свадьбу не надо. То есть большого праздника. — Тут она ощутимо напряглась. — Боюсь я этого... чтобы чего не случилось... А то знаю я вас с папой, соберете всю свою братву. А мне этого не надо. Просто регистрируемся, потом поужинаем в ресторане с близкими. И на острова. Там себе свадьбу устроим – торжество для двоих. Я так хочу.

— Хорошо.

— Ты не против? — она как будто удивилась.

— Мне все равно. Хочешь на острова, поедem на острова.

— Да. Люблю Бали. Можно на Бали. А можно куда-нибудь в другое место. Я потом придумаю – куда. Только на месяц. Целый месяц. Будем вести себя как животные: есть, пить

и заниматься сексом. А нет, пить нельзя... вдруг деточка получится...

— Спи, деточка...

Ветер гонял по аллеям желтые листья. Солнце неловко подсвечивало из-за туч. Всю ночь шел дождь — асфальт блестел, будто его отполировали. Шаурин посмотрел на часы и достал телефон. Договорились встретиться у сквера, чтобы пойти в ЗАГС подать заявление. Юля должна была приехать первой, потому что сам он немного задержался.

— Юль, ну ты где? — спросил нетерпеливо.

— Иду, — задыхаясь от быстрого шага, ответила она. — Я в магазин забежала, пока тебя ждала. Улицу перехожу.

Денис обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда могла появиться Юля.

— Иди через подземный переход, — строго сказал, когда она подошла к краю дороги вместо того, чтобы пройти дальше к подземному переходу.

— До него далеко идти.

— Я кому сказал.

— Я быстро перебегу.

— Юля!

— Прекрати, я же не маленькая. Умею дорогу переходить.

— А ведешь себя как маленькая!

— Тихо, я уже иду, — закончила она перепалку и сунула телефон в карман плаща. Крепче устроила ремешок сумочки на плече и замерла, ожидая, пока поток машин поредет.

С затаенным беспокойством Денис наблюдал, как Юля переходит дорогу в неполюженном месте. Кажется, за это недолгое время сердце в груди несколько раз перевернулось. И вздохнул спокойно, только когда она подошла.

— Не ори, — сразу сказала Юля. — Я все сама знаю.

— А раз знаешь, зачем лишний раз злишь меня?

— Ладно, не ворчи. Пойдем прогуляемся, как договорились. — Юля изогнулась, оттягивая плащ, проверяя, не забрызгала ли тот сзади. Пока бежала к Денису, перепрыгнула пару лужиц.

— Погода как-то не очень для прогулок, — проворчал он, но раздражение уже схлынуло. Вышло вместе с воздухом, который выдохнул.

— Наоборот. — Взяла его за руку. — Вдыхай глубоко, Шаурин, пока свободен, а то скоро обзаведешься женой, потом ребенком, трудновато дышать станет.

Денис глубокомысленно хмыкнул и улыбнулся.

— Я ценю твой юмор. Это было остро.

Юлька довольно и звонко засмеялась — то ли собственной шутке, то ли шауринской деланой невозмутимости. У самого-то глаза вон как блестят. Блестят жаждой и нетерпением. Пристукнув каблуками, стряхнула воду с лаковых сапожек и потянула Дениса вперед по аллее. Они пошли медленно. Побрели, лениво перебирая ногами. Влажный воздух дышался легко, прохладный ветерок бодрил, иногда порывами сбрасывая с деревьев холодные капли. Тогда Юля поднимала глаза в небо, словно проверяя, стоит ли ожидать дождя.

— А ты помнишь наше первое свидание?

— Помню.

— Да? — Быстрыми мелкими шагами Юля вырвалась вперед и преградила ему путь. Денис вынужденно остановился, и она обвила его руками. Он ответно чуть сжал ее плечи.

— Да, — подтвердил. — Для меня это было вообще первое свидание.

— Хоть в чем-то я у тебя первая.

— Ты вообще у меня первая, — мягко растягивал слова, доверительно пригнувшись к ее лицу. — Первая, единственная, неповторимая, любимая, самая красивая.

— Ммм, боже, как приятно, — проговорила, как пропела. — Ну закидал меня комплиментами, закидал. Ты точно будешь идеальным мужем. А давай поцелуемся?

— Что это за внезапные желания?

— Я недоцеловалась на улице, — пошутила она.

В черном, доходящем до середины бедра, черном плаще, Денис выглядел слишком представительно. Это, конечно, только впечатление, но захотелось сделать его ближе и роднее, рассеять этот невольный официоз.

Посмотрел на ее губы, красивые и чуть напряженные от сдерживаемой улыбки. Поцеловал, а она как будто не ожидала. Отстранился на краткий миг, чтобы обняться удобнее, и снова приник. И сам, как Юля, недоцеловался на улице. Для него вообще все, что ее касалось было с приставкой «недо».

Они долго стояли аллейке, целовались под чужими взглядами — одобрительными, осуждающими, но не равнодушными. Кроме них, гуляющих парочек больше не было — погода не та, да и время не прогулочное, — только случайные прохожие бежали по делам, спешили пересечь этот маленький городской сквер напротив ЗАГСа.

— Я волнуюсь, — чуть позже сказала Юля, когда они подошли к крыльцу здания.

— А чего ты волнуешься?

— Сама не знаю. Мы же так ждали этого, так хотели... Хотели, да? — даже приостановилась.

— Да. Хотели и ждали. Пойдем.

Внутри здания стояла тишина. Такая, что стук каблуков по полу показался слишком громким и неуместным. Но больше всего Юля поразила отсутствию людей. Не было никакой очереди — ни людей, ни шума.

— Что ты на меня смотришь, как на врага народа? Я не виноват, что тут нет очереди, я тут вообще не при чем.

— Точно?

— Ты переоцениваешь мои возможности.

— Нет, любимый, я слишком хорошо тебя знаю, — деловито сказала она и огляделась. На одном из стендов с образцами бланков нашла заявление о заключении брака. Села за стол, из сумочки достала свои документы и авторучку.

— На, — Денис положил на стол свой паспорт, — заполняй. И за себя, и за меня. Подожди, дай-ка мне... — внимательным и цепким взглядом окинул бумагу, поставил свою подпись в конце и еще что-то черкнул. — Все, можешь теперь заполнять. — Снова положил перед ней бланк заявления.

Юля тут же подняла на Дениса глаза, когда увидела, что в графе «присвоить фамилию: жене...», он собственноручно вписал «Шаурина».

— А может...

— Не может, — оборвал ее и указал глазами на лист бумаги. — Пиши.

Она усмехнулась и, чуть качнув головой, открыла свой паспорт. Денис не стал ей мешать, прошелся по залу, постоял у стендов с образцами документов, изучил таблички на дверях специалистов.

Когда Юля почти закончила, из ближайшего кабинета вышла молодая парочка. И девушка, и парень выглядели счастливыми, наверное, тоже приходили подавать заявление. Денис бросил на Юлю красноречивый взгляд.

— Все, — сказала она и поднялась со стула. Сбросила светлый плащ, перекинула его через руку. Денис от своего не стал избавляться. Только, освободив пуговицы из петель, распахнул полы.

— Мне кажется, что я уже вышла замуж, — чуть позже засмеялась Юля, толкая дверь на улицу.

Денис не успел ей ответить: едва вышли на широкое крыльцо, их оглушили приветственные крики.

— Вы какого здесь? — немного опешил Шаурин.

— А-а! — Юлькин восторженный вскрик плавно перетек в не менее восторженный визг. Вуич усердно тряс бутылку с шампанским.

— Вуич, твою мать... — Денис прикрыл глаза, стоя под дождем из пенных брызг.

— Романыч, хорош! А то пить нечего будет, — притормозил Лёньку Вадим.

— Да ладно! Шаур один раз женится, надо чтобы все было красиво!

— Ага, теперь-то красивей не бывает, — Денис осмотрел себя и смахнул с плотной ткани сладкие капли.

— Шаур, когда свадьба? — весело спросил Стас.

— Ну скажи, — подтолкнула Юля Дениса, расплываясь в радостной улыбке.

— Восьмого ноября.

— Шутишь? — переспросил Лёня с недоверием.

— Вообще не шучу. Восьмого ноября, — улыбнулся он.

— Твою дивизию... — протянул Вуич, — это ж каждый раз напиваться придется до полусмерти — и за твой день рождения, и за день вашей свадьбы.

Юлька звонко рассмеялась.

— Мы не виноваты, так получилось.

Шаповалов разлил шампанское по пластиковым стаканчикам.

— Все пьянки восьмого, — предупредил Шаур, но стаканчик взял.

— Шаур, ты что издеваешься? С Монахом какая пьянка? Будем тихо-мирно потягивать компот — ни шампанским не облиться, ни водки напиться, — шутя возмутился Вуич.

Юлька откинула за спину волосы и тоже взяла стаканчик. Несмотря на то, что шампанское было ледяное, руки ее горели огнем. На душе было тепло — от ощущения полнейшего счастья.

— Ну все, теперь Юльку срочно домой, а сами к Катюхе в ресторан, она обещала нам банкет. А то девичник, понимаешь, был, а с мальчишником нас прокатали, — сказал Вадим.

— Разумеется, — согласился Денис. — Так и сделаем: Юльку домой, а сами в ресторан.

— Как это? — растерялась Юля. — Вы что? А я? Почему это меня домой?

Все дружно рассмеялись.

— Да шутка это, дорогая моя, шутка, — успокоил ее Денис. — Ты что — веришь этим бандерлогам?

— Почти поверила.

— Вадя ты чувствуешь?

— Что?

— Никто не чувствует? — Лёнька сделал хитрое лицо и подмигнул Юле. — Что горько... А я чувствую... Горько, вашу мать!

— Лёня, отвали, — сказал Денис.

Юля хихикнула и сделала последний глоток, допивая игристое вино.

— Горько! — заорали теперь все трое друзей.

Шаурин отдал свое стаканчик Бардину и притиснул к себе Юльку.

— Иди сюда. Успокоим жаждущую публику, а то нас арестуют за нарушение общественного порядка.

Поцелуй был долгим. Поцелуй почти мужа и жены. Крепкий, пьянящий, со вкусом шампанского.

— А насчет ресторана я, между прочим, не шутил, — сказал Вадим, когда молодые оторвались друг от друга.

— Чего мы тогда тут мерзнем, как студенты? — среагировал Шаурин.

Юля потянулась к нему и поцеловала в щеку.

— Потому что это романтика. Потому что ресторан, регистрацию, как бы это все ни было красиво, ты забудешь. А вот то, как мы целовались в сквере, как нас облили шампанским, как мы пили его у ЗАГСа из пластиковых стаканчиков, ты не забудешь никогда.

— Нет, моя любимая, только ты так можешь — на второй день медового месяца наверхнуться с лестницы и вывихнуть ногу, а потом две недели валяться практически в недвижимом состоянии. Просто прелесть, а не медовый месяц. Ради этого, конечно, стоило лететь на Маврикий. Наверхнуться с лестницы дома — для тебя банально.

— Хорошо еще, что я ногу не сломала. — Юля поболтала ногами в воде, плеснула на бедра и, отклонившись назад, оперлась на руки, подставляя лицо яркому солнцу. — И, кстати, милый, наша жизнь целиком состоит из банальностей. Просто у каждого они свои. Свое счастье, свое несчастье, свои банальности, — задумчиво изрекла она глядя в небо, поражающее своей синевой. Какое-то акварельное оно, будто нарисованное яркой краской. И облака на нем белые, воздушные, как сахарная вата. Смотришь в это небо и, кажется, чувствуешь на языке сладковатый привкус. А может, такой он — вкус счастья?

— Хорошо, что ты себе шею не сломала! — Денис подплыл к ней и повис на краю бассейна.

— Шею бы сломала Монахова, а Шаурина шею сломать не может. Это факт. А вывих — это всего лишь отголоски моей прошлой жизни, вживаюсь в новую роль.

— Мне твои «вживания»... — оборвал он фразу, оставив в тоне угрожающую многозначительность.

— Это почему? — потянувшись к мужу, смахнула с его плеч капли воды. Размазала по теплой загорелой коже. — По-моему, сбылась твоя мечта. Ты же всегда хотел, чтобы я от тебя ни на шаг не отходила. Так я теперь без тебя и шагу ступить не могу.

— Мне не до шуток.

Юля шумно и немного раздраженно выдохнула.

— Ну знаешь, я не могу лежать и ныть. Сетовать и жаловаться на свою судьбу. Ты еще обвини меня, что я все подстроила.

— А черт тебя знает...

Юля бросила на Дениса гневный взгляд, собираясь возмутиться, но увидела в его глазах смех.

— Ты же знаешь, у меня на этой ноге связки слабые. Я постоянно ее подворачиваю. Сама хочу, чтобы все зажило быстрее.

— Я точно поседею раньше времени.

— Принесешь мне водички? С лимоном.

— Ужас, дикий ужас... Две недели рабства.

— Не переживай, любимый, у меня же нога болит, а не голова. Будет тебе медаль на отвагу. Да и нога у меня уже болит не так сильно. Пойду сама схожу, а то умру от жажды, дожидаясь, пока ты все свои претензии выскажешь.

— Сиди, — подтянулся на руках и вылез из бассейна. — И я еще не высказался, вернусь — договору.

Не потрудившись вытереться полотенцем, Денис так и двинулся в открытую гостиную, оставляя за собой лужицы воды. Юля проводила его взглядом и прищурилась: стены дома и крыша такие белые, что солнечные лучи, отражаясь от них, слепили глаза.

С тоской она посмотрела на океан, так хотелось пробежаться по теплomu песку, окунуться в воду, взбить веер брызг. Но пока сотня метров — непреодолимое для нее препятствие. Что ни говори, отдых мог быть намного приятнее, если бы травма так сильно не ограничивала ее в движениях. Но даже эта досадная неприятность не могла прогнать привкус карамельной сладости на языке. Ведь все получилось так, как они хотели: райский остров в нескольких шагах от океана, уютная, утопающая в зелени, вилла. И вокруг ни души.

— Про претензии, — строго продолжил Денис, вручая ей стакан с водой. — Конечно я в претензиях. Ты мне обещала праздник: танцы на берегу, купание под водопадом, секс в джунглях и бассейн шампанского. И где все это?

Юлька громко рассмеялась, чуть не подавившись водой.

— Да хватит уже прикалываться. В претензиях он, что без праздника остался... Ты на свадьбе попросил регистраторшу, чтобы она подсократила речь. Я твоя жена, у тебя теперь не жизнь, а сплошной праздник.

— И она подсократила, кстати. Такая понимающая женщина оказалась, — довольно кивнул Денис. — Так то регистрация!..

— Подожди пару дней, устрою я тебе праздник, а сейчас у меня больничный.

— Слава Богу, наконец-то я услышал то, что хотел.

— Истина где-то рядом. Слу-у-у-шай, — вдруг с воодушевлением сказала она, протягивая гласные. Обычно в таком тоне Юля начинала разговор по душам. — А когда ты меня полюбил?

— Чего?

— Когда ты понял, что любишь меня?

— Не скажу.

— Скажи.

— Не скажу.

— Ну пожалуйста.

— Если я скажу, ты отстанешь?

— Конечно.

— Когда сердце застучало, тогда и понял.

— А когда застучало?

— Когда полюбил, — снова ускользнул от ответа, потом покачал головой с усмешкой.

— И знаешь, танцы на берегу моря, купание под водопадом, секс в джунглях и бассейн шампанского я точно забыл бы через пару тройку лет, а вот то, что ты чуть не свернула шею на второй день медового месяца, я не забуду никогда.

ЭПИЛОГ

Этим субботним утром Денис пил кофе особенно долго, торопиться некуда. Сквозь открытые окна несмело сочился рассвет. Что-то тихо бубнил телевизор, работал для фона, чуть раздражая слух. В гостиную быстро вошла Юля. Вошла и остановилась, замерла, скрестив руки на груди. Счастливая и растерянная. Как можно суметь выразить эти два, кажется, несовместимых, несоединимых состояния? Но Юля смогла. Она выглядела счастливой и растерянной одновременно.

— Ты скоро станешь папой, — осторожно проговорила. — Я сделала тест. Я беременна.

Сама не знала, чего ждала, но точно не того, что ее муж так и останется сидеть на диване, вальяжно развалившись, и даже бровью не поведет, услышав новость о ее беременности.

— Один? — только и спросил.

— Что — один? — недовольно переспросила в ответ.

— Тест.

— Да.

— Иди еще один сделай.

От его слов почему-то почувствовала горькое разочарование. Такое горькое, что захотелось плакать.

— Тест положительный. Меня тошнит по утрам и у меня задержка... — чуть не добавила: «Что тебе еще надо?», но сдержалась.

Денис вздохнул и сказал как можно спокойнее.

— Юля, про тошноту и задержку я слышу не в первый раз. Сделай еще один.

Медленно выдохнул, когда ее раздраженный топоток ринулся по лестнице.

Прав был Денис про тошноту и задержку. Сколько раз она уже так обманывалась. Вот и разозлилась не на него больше, а на себя. Потому что боялась делать второй тест. Понимала, что поступает глупо, может быть, сама сейчас снова дает себе ложную надежду, чтобы чуть позже испытать острое болезненное разочарование, но очень боялась, что второй тест окажется отрицательным. И все же открыла шкафчик в ванной...

Теперь кофе не пился. И не потому что остыл, а оттого стал еще больше горчить. Совсем не поэтому.

Кажется, Юля провела в ванной не десять минут, а целую вечность. И вернулась расстроенная. Так Денису показалось, потому что глаза у нее предательски блестели, а кончик носа покраснел. Наверное, уже успела всплакнуть.

— Ты только не расстраивайся, — собирался отпить, но так и не сделав глотка, поставил кружку на столик. Ухватил жену за руку и притянул к себе. — Ладно? — попросил

мягко.

Юля, послушавшись сильных, но ласковых рук, уселась к мужу на колени и с громким вздохом обняла его за плечи.

— Я и не расстраиваюсь, — сказала, шмыгнула носом и улыбнулась.

— Вот и хорошо.

— Чего мне расстраиваться, у меня будет малыш. У нас будет малыш. Три положительных теста. Три. Теперь можешь порадоваться. Теперь уже точно.

Денис порадовался как-то странно. Руки его обмякли, перестали обнимать ее крепко, а сам он подался чуть назад, оперевшись на спинку дивана, будто ослаб. Смотрел на нее некоторое время, словно оглушенный словами. Потер ладонями лицо и оцепенело застыл на несколько бесконечных секунд. А потом его мышцы едва уловимо напряглись, плечи дрогнули, словно только сейчас Юлины слова проникли в сознание, заставив содрогнуться. Так и не отняв ладони от лица, он проорал в руки. Юлька и сама вздрогнула от этого сдавленного, приглушенного сомкнутыми ладонями, долгого рыка, как ожила. Засмеялась резко и приникла к нему. Тогда прижал ее крепко — тесно за плечи, щека к щеке.

Юля вздохнула радостно. И вздохи тоже могут быть радостными, не только слова и улыбки.

— Блин, мне так хочется маме позвонить, рассказать...

— Не надо никому звонить, — жестко сказал он, как клещами проволоку перекусил.

— Почему? Что такого? — чуть оттолкнулась, с удивлением заглядывая в лицо.

— Ничего такого. Но не надо пока.

— Что за предрассудки?

— Это не предрассудки.

— А что, по-твоему? Все равно же узнают рано или поздно.

— Пусть потом и узнают, а сейчас молчи, не надо ничего никому рассказывать.

— Что за упертость такая?

— Юля, — со скрытой, тщательно сдерживаемой, нежностью сказал он, — потому что это таинство. Потому что сейчас он только мой. А как только мы сообщим всем эту радостную новость, семья сойдет с ума. Начнутся разговоры, суэта, беспокойство, бесконечные телефонные звонки... Потом вы с матерью начнете носиться по магазинам, выбирать одежду и всякую всячину для ребенка... А сейчас никто ничего не знает, и он только мой. Он маленький еще, не хочу я, чтобы кто-то что-то знал, лез с разговорами! — Денис нервно шевельнулся. Так, словно отмахивался от надоедливого насекомого.

Юля засмеялась. То, как он нервно передернул плечами, ее развеселило.

— Я поняла тебя. Ладно, раз хочешь насладиться этим моментом, тогда ладно — пока ничего никому не скажем. Пусть будет только твой, — пообещала она, хотя с трудом представляла, как у нее это получится. Это ведь с горем хочется наедине быть, а радость наружу просится, к людям. Радостью делиться хочется, хочется всем рассказать о своем счастье.

— Дошло наконец-то.

Они раскидали подушки и удобно улеглись на диван. Юля накинула на себя плед, потому что выбежала из ванной в короткой шелковой сорочке, даже в чувствах халат на себя забыла накинуть.

— Так, — хитро спросила она, — ты уже чувствуешь, что я беременна?

— Чувствую. По твоим психам я это уже очень хорошо чувствую.

— Раз мне пока не с кем обсуждать мое интересное положение, значит, все волнующие меня вопросы я буду обсуждать с тобой.

— Давай, — лениво ответил он, смиренно приготовившись.

— Ты мальчика ждешь?

— Мальчика.

— А если девочка родится?

— Родится мальчик.

— Денис! Так нельзя говорить! Я буду думать, что ты не хочешь девочку, переживать, что если родится девочка, ты не будешь ее любить.

— Господи, где мне взять столько терпения — на целых сколько-то там месяцев... — простонал он. — Что за бред? Дай ты мне потешить мое мужское эго. Если родится девочка, я сойду с ума от счастья, обещаю.

— Ладно, договорились. Теперь моя душа спокойна. Как мы его, или ее, назовем?

— Не рановато ли имя выбирать? Может, хоть подождем, пока пол узнаем?

— Нет, сейчас в самый раз. Давай уже, говори. Раз ты так усердно ждешь мальчика, значит, и имя придумал.

— Конечно, придумал.

— И?..

— Ванька.

— Иван? — с сомнением переспросила она. — Не-е-е... Давай какое-нибудь звучное, интересное.

— Нет. Ваня. Хорошее и звучное. Не надо выпендриваться с именем. Чтобы выделиться из толпы ему и фамилии хватит, не переживай. Так что не порти жизнь ребенку. И не спорь, я все равно его Ваней запишу.

— Совсем бесполезно?

— Совсем.

— Ничего не гарантирую, но привыкнуть попробую.

— Привыкай, у тебя девять месяцев впереди. Или меньше.

— А девочка?

— Маша.

— Нет! Ни за что! Маша такое красивое имя, но вы своим приколом про «Машку за ляжку» его испортили. Не могу я теперь так дочь назвать. Как сказанете еще — сразу травма психическая у девочки. Я согласна мальчика Ваней, но только не девочку Машей.

— Хорошо, — согласился Денис как-то подозрительно быстро.

Юля почувствовала, как веки отяжелели. Заметила уже, что сон на нее стал наваливаться внезапно. Валил с ног, а не медленно овладевал телом, как раньше.

— Денис, — сонно и тихо проговорила она.

— Что?

— Когда родится ребенок, ты мне не дари бриллиантов. Сейчас говорю, потому что потом забуду.

Почему-то он засмеялся, хотя сама Юля не видела в своих словах ничего смешного.

— Не надо меня покупать, я же тебя люблю не за это. И всегда любила не за это. Так что придумай что-нибудь другое, — усмехнулась она. — Меня бриллианты не особо приводят в восторг, мне имеющихся хватит.

— Я, как и все мужчины, люблю конкретику. Мне трудно изобрести велосипед.

— Это тебе задача на предстоящие сколько-то там месяцев, — довольно сказала Юля.

— Ты меня любишь?

— Люблю.

— Сильно?

Он молчал, пришлось ущипнула его, чтобы напомнить о своем вопросе.

— Больше жизни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ПЛАН:

— 1996 июнь: 23/15

• Денис попадает к СВ

— 1996 декабрь: 24/16

• покупка квартиры

— 1997 январь:

• встреча с Вадимом • разговор об убийств • разговор Юли с мамой • свидание со Славиком • ревность Дениса – сцена на кухне • поездка к бабушке • поездка на Поселковую • сцена ночью – принятие Денисом Юли

— 1997 кон. марта:

• беременность Тани • встреча с Боголюбовым, рассказ о дележке территории • встреча с Крапивиным

— 1997 нач. апреля:

• расстрел Порошина • встреча Юли и Кати • ссора с Дениса Юлей • поездка с СВ в Москву

— 1997 кон. апреля:

• разработка плана и уничтожение «веселовских»

— 1997 нач. июня:

• разговор с мамой • прощание с Денисом • отъезд Юли на каникулы

— 1997 июнь:

• смерть Анны Анатольевны • ночевка Юли у Дениса на квартире

— 1997 сер. сентября:

• у Тани родилась Настя

— 1997 декабрь: 25/17

• Таня узнает об измене мужа, уходит жить к отцу • Денис отказывается встречать НГ с СВ

— 1998 январь:

Денис встречается с Верой, чтобы показать ей документы на ликеро-водочный завод • гулянка Юли и Лили на даче • встреча Юли с Верой у Дениса в квартире

— 1998 кон. апреля:

• скандал с Монахом из-за Юли (пролог) • Денис в больнице

— 1998 сер. июня:

• первый секс Юли и Дениса • разговор Дениса с СВ о захвате завода • свидание

Анна Анатольевна – мать СВ и Ю

Лида – домработница АА

Зоя – домработница СВ

Валентина Петровна

Лев Михайлович – присматривает за домом на Поселковой

Виталий Поспелов (Сладкий) — киллер

Андрей Маркелов

Игорь Порошин

Саша Карпов

Паша Хромов

Глеб

Витя Самарин – водитель Юли

Олег Николаевич Крапивин – сын главы администрации города

Яков Семенович – врач на боях\семейный врач СВ

Аркадий Борисович Веселов – конкурент, авторитет

Степан Корнеев — студент-патологоанатом, пытался изнасиловать Юлю на вечеринке